Н. Л. РУБИНШТЕЙН

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1957

VISIT…

LANZAROTE

Caliente.com

Старым друзьям

Марье Сергеевне и Анатолию Васильевичу

на добрую память А. В. [illegible]

12/XII 1957 г.

Н. Л. РУБИНШТЕЙН

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

(ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1957

ОТ АВТОРА

Проблема развития капиталистического уклада в России привлекает пристальное внимание советских учёных. Настоящая работа явилась результатом изучения архивных фондов Москвы и Ленинграда по социально-экономической истории России XVIII в. Она опирается в то же время на данные новых исследований, которые в своей значительной части, к сожалению, еще не опубликованы.

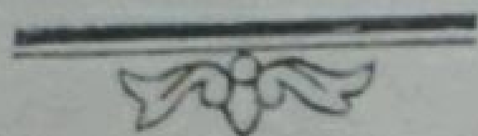
Автор выбрал темой настоящей работы вопросы сельского хозяйства не только потому, что эта тема значительно менее изучена, и даже выявленные материалы еще не обобщены. Разложение крепостнической системы сельского хозяйства и связанное с ним разложение крестьянства, как показал В. И. Ленин, лежит в основе процесса формирования капиталистических отношений. В соответствии с этим ленинским положением экономика сельского хозяйства непосредственно связана со всем экономическим строем общества, и ее изучение включает социальные проблемы развития сельского хозяйства. Организация и развитие крестьянского и помещичьего хозяйства в их взаимной связи и обусловленности и вместе с этим в их взаимной борьбе, вытекавшей из самого строя феодального классового общества, приобретают тем самым центральное и определяющее значение.

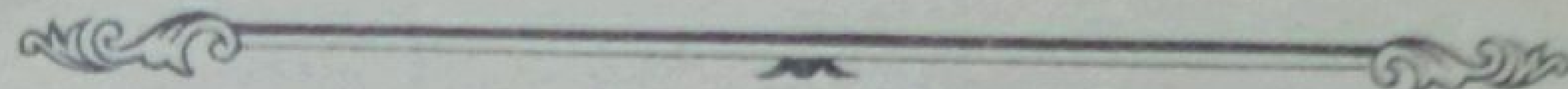
Такое социально-экономическое исследование включает классовый анализ процесса разложения феодального строя сельского хозяйства и должно быть пронизано проблемами классовой борьбы. Но, решая эти проблемы на всем протяжении своего исследования, автор не ставил своей целью самостоятельное рассмотрение социальной структуры крестьянства как особой проблемы, так как это выходит по существу за рамки настоящего исследования и определяется развитием всех сторон экономической жизни. Точно так же автор не дал особой главы о классовой борьбе, считая, что классовая борьба, взятая как специальный вопрос, представляет особую тему, требую-

щую в свою очередь самостоятельного монографического исследования. При этом необходимо учесть, что для данного периода рассмотрение этой темы только в связи с сельским хозяйством неизбежно придало бы всей постановке вопроса односторонний характер.

Надо учесть и тесную связь проблемы настоящего исследования с изучением других сторон социально-экономического развития России второй половины XVIII в., обобщающее рассмотрение которых еще стоит на очереди. Это большая работа, предстоящая нашим историкам.

Автор даёт себе отчёт в том, что по ряду исследованных в работе вопросов предложенные им выводы ещё не могут считаться окончательными. Это лишь первый опыт обобщения приведённых материалов, и задача работы будет достигнута, если она станет отправной точкой для новых специальных исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы генезиса капитализма в России и в связи с этим изучение капиталистического уклада, его формирования и развития во второй половине XVIII в. явились в последнее время предметом многочисленных исследований. Однако конкретное изучение капитализма до сих пор сосредоточено главным образом на вопросах промышленного развития, в котором формирование новых отношений раньше и полнее нашло своё отражение. Изучение промышленного развития выдвинуло исследование другого важнейшего вопроса — о судьбах крестьянства как источнике формирования рабочей силы. Но этот вопрос рассматривается больше в плане чисто социальных отношений, в тесной связи с историей промышленности и в отрыве от развития сельского хозяйства.

Такая трактовка вопроса представляется искусственной. В формировании капиталистических отношений промышленному развитию, бесспорно, принадлежит ведущая роль: именно в промышленности складываются раньше всего новые, передовые отношения. И всё же определяющее значение в известной мере принадлежит изменениям в сельском хозяйстве, так как *только разрушение старых общественных форм в сельском хозяйстве может в корне подорвать основы феодальной системы и придать всеобъемлющий характер ломке старых, крепостнических отношений, без которой невозможно торжество нового, капиталистического строя*. Феодальная собственность — основа феодального строя общества — дольше всего консервирует феодальные отношения именно в сельском хозяйстве, непосредственно тормозя развитие производительных сил общества. Отсюда определяющая, завершающая роль изменений сельского хозяйства в процессе окончательного разложения феодальных отношений и перехода к капитализму. Именно с изменениями в сельском хозяйстве связано полное разложение старой феодальной формы собственности. Только коренное

изменение экономики сельского хозяйства создаёт необходимую экономическую базу для перестройки промышленности на капиталистической основе. Развитие сырьевой и продовольственной базы, формирование рынка для сельского хозяйства являются необходимым условием капиталистического способа производства. Соответствующее развитие производительных сил сельского хозяйства требует прежде всего экономического высвобождения крестьянского хозяйства, как основы всеобъемлющего распространения товарных отношений и в сельском хозяйстве, и в промышленности, формирования рынка рабочей силы на одном полюсе и капиталистического накопления — на другом. Это определяет основное содержание социального переворота, который составляет переход от феодальной формации к капиталистической.

Эти вопросы особенно существенны для экономики России, с её ярко выраженным аграрным характером. Именно с изучения аграрных отношений и прежде всего крестьянского хозяйства начал В. И. Ленин в своём классическом труде «Развитие капитализма в России» анализ развития капиталистических отношений.

Между тем изучение аграрных отношений и конкретно истории сельского хозяйства России в XVIII в. заметно отстаёт в нашей исторической литературе.

Автор наиболее значительных трудов по истории крестьянства второй половины XVIII в. в досоветской исторической литературе В. И. Семевский рассматривал в основном социально-правовую, даже государственно-правовую историю крестьянства. Собственно экономические вопросы, тем более специальная история сельского хозяйства, остались вне поля его зрения. Это положение полностью обусловлено народнической, мелкобуржуазной сущностью его методологии и мировоззрения. Непонимание исторического значения буржуазного развития и идеализация крестьянской общины обусловили неспособность Семевского раскрыть содержание и понять историческое значение совершавшихся изменений. Это положение относится и ко всем народническим исследованиям крестьянской общины — работам А. Ефименко, П. Соколовского и др.

Вопросы аграрной эволюции стали предметом специального исследования другого историка и экономиста народнического лагеря — Н. Огановского («Закономерность аграрной эволюции», ч. II. «Очерки по истории земельных отношений в России», Саратов 1911). Автором сделана была попытка систематизировать наличный материал по истории сельского хозяйства и его экономического развития; данные им сводные материалы для этого периода отличались сравнительной полнотой. Но та же народническая сущность мировоззрения с идеализацией общины, буржуазная методология с резкой враждебностью марксизму привели и его к непониманию существа историче-

ского развития, к прямому искажению действительного содержания. В противоположность ленинскому анализу развития капитализма в России и вопреки чётким ленинским выводам автор продолжал говорить о нивелировке крестьянского хозяйства, о неизменности и спасительности средневековой крестьянской общины.

В результате народническая историография в лице В. И. Семевского, Н. Огановского и других авторов игнорирует и, более того, прямо отрицает обусловленные экономическим развитием решающие изменения в социальном строе крестьянства — социально-экономический процесс расслоения крестьянства, являющийся основной предпосылкой победы буржуазных отношений в стране. В духе основных народнических концепций они пытались обосновать тенденцию к уравнительности крестьянского хозяйства, прежде всего уравнительность крестьянских наделов. В этих построениях они опирались на порочный метод средних цифр, сокрушительная критика которого дана была В. И. Лениным в разборе книги В. Е. Постникова в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и особенно в исследовании «Развитие капитализма в России» [1].

Решающая роль в этой якобы растущей нивелировке крестьянского хозяйства отводилась общине, в которой историки и экономисты народнического лагеря отказывались видеть рост внутренних противоречий, связанных со складыванием новых, буржуазных отношений.

Из поля зрения экономистов народнического толка выпала обострявшаяся борьба буржуазных и феодальных форм сельского хозяйства, и кризис старых феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве они рассматривали как кризис самого сельского хозяйства, обусловленный изменениями не социально-экономического строя, а естественных природных условий.

Ещё дальше пошли в этом направлении буржуазные историки-экономисты, которые устами одного из наиболее ярых своих идеологов — бывшего легального марксиста, позднее контрреволюционера, эмигранта П. Б. Струве доказывали прогрессивность помещичье-дворянского хозяйства, якобы подлинного носителя капитализма и прогресса, в противовес отсталому натурально-хозяйственному, по их утверждению, укладу крестьянского хозяйства предреформенной России. С иных позиций, но к аналогичным утверждениям пришли в начале XX в. Н. А. Рожков, а также М. Н. Покровский, изобразивший дворянское крепостническое хозяйство «воротами в капитализм».

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 3—58 и особенно стр. 13—54; стр. 203—206 и др.; т. 3, гл. II.

Единственную попытку подойти к конкретно-историческому пониманию изменений, совершавшихся в аграрном развитии России XVIII в., в специальной экономической литературе в начале XX в. сделал П. И. Лященко в работе «Очерки аграрной эволюции России» (т. 1, 1908), но и он лишь коснулся ряда вопросов, а самую проблему рассматривал с точки зрения только помещичьего предпринимательства и политики торгового капитала.

Между тем историко-экономическая литература уже могла опереться на чёткие положения марксистской методологии, на конкретные выводы гениального труда К. Маркса, раскрывшего истинные причины крушения феодальной системы и утверждения капитализма в сельском хозяйстве[1]. Положения Маркса о феодальной земельной ренте и её исторических формах были творчески развиты В. И. Лениным применительно к истории России в его работе «Развитие капитализма в России», давшей глубокий анализ структуры сельского хозяйства и аграрных отношений России эпохи капитализма. В этом анализе раскрыт исторический путь формирования аграрных отношений и определены методологические основы их дальнейшего конкретно-исторического изучения.

Буржуазная и мелкобуржуазная историография постаралась замолчать и исказить научные выводы ленинского исследования. Разработка этих вопросов на основе марксистско-ленинского учения принадлежит уже советской историографии. Однако предметом её преимущественного изучения являлась первая половина XIX в., как непосредственный предреформенный период. Этому периоду посвящено ещё в 1926—1928 гг. специальное исследование А. Н. Насонова «Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России»[2] — о степных вотчинах Юсуповых; позднее — исследование В. П. Кашина «Крестьяне-землевладельцы», в дальнейшем — работы П. Г. Рындзюнского[3], К. В. Сивкова[4] и др. К 1928 г. относится и первая работа К. В. Сивкова по вотчине XVIII в. — «Подмосковная вотчина середины XVIII в.»[5] К середине 30-х годов относятся работы Г. Н. Бибикова и Е. И. Дракохруст, посвящённые XVIII в., в первую очередь крестьянскому хозяйству,

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955, гл. XLVII.

[2] См. «Известия АН СССР», VII серия, Отд. гуманит. наук, 1928, стр. 343—374.

[3] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г.; *П. Г. Рындзюнский*, Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в.

[4] См. *К. В. Сивков*, Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М. 1951.

[5] См. сб. «Московский край в его прошлом», вып. 1, М. 1928, стр. 75—104.

написанные на основе изучения вотчинных архивов[1]. За последнее десятилетие, когда эти вопросы приобрели особенную актуальность и остроту в нашей исторической литературе, был написан ряд исследований (главным образом кандидатских диссертаций) по истории аграрных отношений и прежде всего крестьянства второй половины XVIII в., содержащих ценный материал и освещающих ряд отдельных вопросов, но остающихся, к сожалению, в значительной части неопубликованными[2].

Бо́льшая часть этих диссертаций, основанных на изучении отдельных вотчинных архивов, хотя и даёт более или менее общую экономическую характеристику района, однако и самая постановка вопроса, обращённая прежде всего на изучение общей структуры крестьянства без развёрнутого анализа всего хозяйственного строя, и характер изучаемого документального комплекса обусловливали в большинстве случаев ограниченность в трактовке общих вопросов истории сельского хозяйства и аграрной эволюции. Определённое значение имело при этом и состояние нашей социально-экономической литературы, которая до сих пор не определила основного направления в изучении истории сельского хозяйства и аграрных отношений XVIII в. и его конкретной проблематики, не попыталась наметить пути её разрешения, опираясь на марксистско-ленинское учение о капиталистическом укладе.

Советские историки за последнее время много сделали для освещения ряда важных вопросов развития капиталистического уклада в России во второй половине XVIII в. Выяснению времени формирования капиталистического уклада много содействовала дискуссия о генезисе капиталистической мануфактуры в России, проходившая на страницах журнала «Вопросы истории» в 1947—1948 гг., дискуссия о периодизации истории СССР 1949—1951 гг., разработка вопроса о роли товарного производ-

[1] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г.; *Г. Н. Бибиков*, Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. (стр. 76—112); *Е. И. Дракохруст*, Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. (стр. 113—140).

[2] См. работы К. Н. Щепетова — «Крепостное право в вотчинах Шереметевых», М. 1947; А. М. Разгона — об Ивановской вотчине Шереметевых (Владимирская губ.); Т. Т. Рябкова — по Смоленской губ. (в частности по хозяйству Барышниковых); Т. П. Ржаниковой — по Среднему Поволжью; М. Казариновой — о тульских вотчинах Голицыных; В. И. Александровой — о Серебрянопрудской вотчине Шереметевых (Тульская губ.); И. А. Булыгина — о Саранской вотчине Полянских (Пензенская губ.); Э. С. Коган — о Архангельской и Борисоглебской вотчинах Куракиных (Пензенская и Саратовская губ.); И. М. Катаева — «Усольская вотчина на Самарской луке в XVIII — XX вв.» (докторская диссертация), ч. 1 — «Период разложения феодализма». Напечатаны только работа К. Н. Щепетова и в популярном изложении диссертация И. М. Катаева — «На берегах Волги», Челябинск 1948. По остальным работам напечатаны только автореферaты, частично отдельные статьи. Некоторый материал по концу XVIII в. содержит также недавно опубликованная диссертация Е. И. Индовой — «Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых», М. 1955.

ства при феодализме, рассмотрение этих вопросов в ряде теоретических статей и в отдельных специальных монографиях [1].

В процессе развития капиталистического уклада изменения в экономике сопровождаются соответствующими социальными сдвигами, и эти *экономические и социальные изменения должны рассматриваться в органической и неразрывной связи.* В то же время, поскольку эти изменения совершаются в рамках ещё господствующей феодальной формации и сохраняют поэтому подчинённый характер, они имеют ограниченную сферу действия и получают неравномерное развитие в отдельных областях социально-экономической жизни.

Новые, капиталистические отношения получили отчётливое развитие в сфере промышленного производства, для которого уже во второй половине XVIII в. ведущее значение приобретает развитие капиталистической мануфактуры с вольнонаёмным трудом крестьян-оброчников. Хотя крупные промышленные предприятия на крепостном труде в силу господства феодально-крепостнической формации ещё преобладали в отдельных отраслях промышленности — металлургической, суконной, однако речь шла, по определению В. И. Ленина, о двух противоположных течениях, которые оба «выражают развитие капитализма»: «...с одной стороны, упадок помещичьих заведений вотчинно-посессионного характера, с другой стороны, развитие чисто капиталистических фабрик из купеческих заведений» [2]. К концу XVIII в. в мануфактурной промышленности (без горнорудных предприятий) вольнонаёмный труд крестьян-оброчников уже получает преобладающее значение, а к середине XIX в., в условиях начавшегося промышленного переворота, решительно торжествует почти во всех отраслях промышленности.

Развитие рыночных отношений характеризуется быстрой консолидацией внутреннего рынка, последовательно освобождающегося от ряда феодальных ограничений (начиная с отмены внутренних таможен по указу 1753 г.) и опирающегося на развитие путей сообщения и кредита — необходимых технических условий развитого обмена. Возникновение рынка рабочей силы — важнейшее новое явление в этой области. Непосредственным проявлением развития рыночных отношений является территориальное, или географическое, разделение труда, определившее экономическую специализацию отдельных районов —

---

[1] Дискуссия о мануфактуре — см. «Вопросы истории» № 12, 1947 г., № 1—6, 1948 г.; дискуссия о периодизации — см. «Вопросы истории» за 1949—1951 гг. и особенно статьи *Н. Дружинина*, «О периодизации истории капиталистических отношений в России», № 11, 1949 г., № 1, 1951 г.; *А. М. Панкратова*, О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму, «Вопросы истории» № 9, 1953 г. и др.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 411.

основу эволюции и быстрого распространения товарного производства.

Именно в этих условиях товарное производство получает решающее значение в сельском хозяйстве, где феодальная система консервируется дольше всего. Общий процесс установления капиталистического уклада в рамках сельского хозяйства знаменует собой именно распространение товарного производства, при котором определяющее значение для развития сельского хозяйства получает производство сельскохозяйственных продуктов на рынок, ведущее к разрушению натуральных основ феодального строя. Но в то же время узость и специфика формирующегося рынка рабочей силы в условиях сохраняющегося господства феодальной системы тормозят распространение на область сельского хозяйства новых, капиталистических производственных отношений. Наём рабочей силы хотя и появляется здесь на протяжении второй половины XVIII в., но сохраняет ещё в основном спорадический, временный характер. В помещичьем хозяйстве продолжает безраздельно господствовать крепостной труд. В мелком крестьянском производстве господствует в основном семейная кооперация, а использование сторонней рабочей силы облекается большей частью в форму разного рода кабальных сделок.

Отсюда вытекают основные задачи в исследовании сельского хозяйства в период развития капиталистического уклада.

Развитие капиталистического уклада должно было в первую очередь затронуть самую основу феодального строя — феодальную собственность на землю — и феодальную ренту. Эти вопросы получили своё раскрытие в трудах К. Маркса и В. И. Ленина, с конкретной разработкой применительно к России в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», но до сих пор не подверглись систематическому изучению на материале второй половины XVIII в. Процесс разложения феодальной собственности на землю и переход к денежной ренте в связи с распространением капиталистических отношений и развитием внутреннего рынка являются соответственно первыми вопросами, подлежащими рассмотрению.

С развитием капиталистического уклада связаны далее вопросы изменения организационной структуры феодального хозяйства, прежде всего отношений между господским [1] и крестьянским хозяйством в общей системе сельского хозяйства. В литературе вопросы господского и крестьянского хозяйства рассматриваются большей частью изолированно друг от друга. Социальная проблема расслоения крестьянства, стоящая в

---

[1] Применительно к пореформенному периоду В. И. Ленин употребляет термин «помещичье хозяйство». Для дореформенного периода помещичье хозяйство включает и крестьянские хозяйства, и поэтому для собственного хозяйства помещика в работе употребляется термин того периода — «господское хозяйство».

центре современных исследований, ставится как-то оторванно от конкретных вопросов общего экономического развития и притом главным образом в связи с ростом промышленных занятий крестьян. Между тем задача состоит в том, чтобы раскрыть корни этих изменений в развитии экономического строя в целом и прежде всего в экономике сельского хозяйства, являющегося основой как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Изучение товаризации того и другого, вовлечения каждого из них в систему растущих рыночных отношений должно определить их непосредственные экономические отношения и связи и изменения структуры сельского хозяйства в целом. В общей системе выявившейся таким образом проблематики особо выделяется вопрос о крестьянском наделе. Рассматривавшийся со времени В. И. Семевского главным образом в разрезе правового положения отдельных групп крестьянства, он должен быть поставлен в органическую связь с изменениями экономического строя и с процессом расслоения крестьянства.

К. Маркс и В. И. Ленин показали, что разложение крестьянства явилось решающей социальной основой победы капитализма, причём процесс разложения крестьянства получил своё начало ещё в недрах феодализма [1]. Разоблачая антинаучные концепции народников и легальных марксистов, Ленин вскрыл глубокую ошибочность присущего им смешения этого процесса, связанного с развитием капиталистических отношений, с простой имущественной дифференциацией, свойственной различным эпохам социально-экономического развития. Если период победы капиталистического строя связан с прямым расслоением крестьянства как класса и выделением новых классов — буржуазии и пролетариата, — то во второй половине XVIII в. — в период капиталистического уклада — идёт образование, пока внутри крестьянства, значительных и довольно устойчивых слоёв — зажиточного, среднего и скудного крестьянства, степень обособленности которых последовательно растёт. Из первой группы выделяются владельцы крестьянских мануфактур, число которых заметно увеличивается уже в последней четверти XVIII в. Крупную роль крестьянских капиталов во внутренней (и отчасти во внешней) торговле России экономическая литература и другие источники того времени отмечают уже в 60-е годы XVIII в. [2] За счёт роста скудного, разорившегося крестьянства идёт распространение наёмного труда оброчных крестьян как основы развития капиталистической мануфактуры. Интенсивное развитие процесса расслоения крестьянства на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX в. являлось необходимой предпосылкой его последующего

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 808—809; *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, гл. II, п. XIII и др.

[2] См. записку Гр. Теплова в Комиссию о коммерции 1760-х годов. Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 646, л. 230—237.

разложения при капиталистическом строе. Изменения в экономике сельского хозяйства являются основой этого процесса. Расслоение крестьянства составляет основное содержание структурных изменений, определённых развитием сельского хозяйства этого периода.

В итоге на место функционального рассмотрения отдельных хозяйственных ячеек, изолированного изучения отдельных звеньев хозяйственной системы ставится задача обобщённого, синтетического рассмотрения сельского хозяйства в целом, его общей эволюции в условиях складывающихся капиталистических отношений. Только при таком рассмотрении может быть раскрыт исторический процесс проникновения капитализма в сельское хозяйство и в аграрные отношения. Классический образец такого исследования был дан В. И. Лениным.

В таком синтетическом рассмотрении непосредственно раскрываются и основные противоречия этого развития как *конфликт между растущими капиталистическими отношениями и сохраняющим господство феодальным строем*, выступающий прежде всего *в противоречии развития помещичьего хозяйства, всё ещё опирающегося на монопольное право феодальной собственности на землю, и развивающего свой товарный характер крестьянского хозяйства*. Это обострение противоречий экономического и социального характера находит своё прямое выражение в развёртывании крестьянского движения, получающего уже в этот период систематическое и повсеместное распространение и приобретающего особенную остроту и напряжённость, будучи обращено теперь против самых основ крепостного права. Углубляющаяся классовая борьба крестьянских масс находит своё отражение и в социальной литературе этого периода в лице предшественника дворянских революционеров, выдающегося революционного мыслителя XVIII в. А. Н. Радищева и всего круга писателей «радищевцев», а также примыкающих к этому кругу русских просветителей XVIII в. во главе с Н. И. Новиковым.

Конечно, предпринятая в настоящей работе попытка обобщить и подвергнуть систематическому анализу обширный конкретный материал по всему комплексу поднятых вопросов, при отсутствии первоначального обобщения материала даже по частным вопросам, представляла значительные трудности. Автор использовал наличные рукописные диссертации, которые дали ему большой материал. Но в плане специальной проблематики сельского хозяйства это являлось в значительной мере всё ещё первичным материалом, только извлечённым из архива, отобранным и систематизированным, что облегчало его использование.

Большой интерес представляет появление специальной литературы по истории сельского хозяйства, главным образом отраслевого характера, как, например, недавно опубликованная работа М. Е. Лобашева «Очерки по истории русского

животноводства». Но этой монографии не хватает прежде всего общеисторической трактовки специальной темы, рассмотрения её в широкой связи с общим экономическим развитием. Она опирается, как правило, на сравнительно узкий круг исторических источников, при этом вопросов XVIII в. она касается более или менее мимоходом. Ещё уже по своей тематике интересное специальное исследование В. О. Витта «Из истории русского коннозаводства» (М. 1952), посвящённое в основном истории Хреновского завода Орлова.

Между тем наши архивы содержат обширный круг источников для изучения этой специальной тематики, до сих пор ещё мало использованных или вообще неиспользованных, по крайней мере в данном специальном назначении. Мы отмечаем ниже главнейшие группы источников, более или менее широко использованных в настоящей работе, насколько это было возможно для одного человека.

Источником, дающим, может быть, наиболее систематическое и в этом смысле полное описание сельского хозяйства России, являются *Топографические описания*. Их достоинства как источника определяются тем, что они составлены примерно единовременно — в основном в 80-е годы XVIII в., на основе единой анкеты, определившей единообразие их структуры и содержания, что в значительной мере облегчает их обработку и сведе́ние в общероссийское описание, и, наконец, исходят от хорошо осведомлённых авторов — в основном от местных губернских и уездных землемеров, располагавших хорошим знанием дела и определённой специальной документацией [1]. Вопросы сельского хозяйства получили в Топографических описаниях довольно обстоятельное и систематическое отражение. Описания включают характеристику состава угодий, почвенных условий, основных культур и их урожайности, состояния сельскохозяйственного рынка, значения отдельных хозяйственных отраслей в экономике крестьянского хозяйства, характеристику землевладения и пр. К Топографическим описаниям примыкают и многочисленные другие экономические описания губерний, возникшие не без влияния первых, в порядке частной или общественной инициативы и специально по заданиям «Вольного экономического общества», естественно, уделявшего особое внимание вопросам сельского хозяйства.

К Топографическим описаниям тесно примыкают *Экономические примечания к Генеральному межеванию*, которые составлены в основном в тот же период 1780—1790 гг. теми же землемерами, что позволяет рассматривать их в известной мере как источник описаний. Они также отражают вопросы земле-

[1] Характеристика этого источника и указатель выявленных описаний даны в нашей статье «Топографическое описание наместничеств и губерний XVIII в. — памятник географического и экономического изучения России», «Вопросы географии», сб. 31, М. 1953, стр. 39—89.

владения и землепользования, характеризуют распределение земли по угодьям, состояние сельского хозяйства и занятий населения, а также социально-экономическое положение крестьянства, его внутреннюю структуру. От первой группы источников они отличаются тем, что дают не обобщённую сводную характеристику, а воспроизводят конкретный первичный материал, открывающий возможность многостороннего и критического изучения, но тем самым предъявляющий значительные требования к исследователю, особенно учитывая размеры этой документации и её построение в порядке поуездных описаний сельских «дач». Материал этот до сих пор редко привлекается к изучению и большей частью при далеко не полном охвате всего богатства его конкретного содержания.

Существенное дополнение этих источников составляют материалы ряда *экономических анкет*, дающие столь же конкретное освещение начального этапа изучаемого нами периода — 50-х — 60-х годов XVIII в. Первой в ряду этих анкет является Академическая, исходившая от Ломоносова, и примыкающая к ней анкета шляхетного кадетского корпуса 1760 г. За ней следуют специальная сельскохозяйственная анкета Вольного экономического общества 1765 г. и Сенатская анкета о причине дороговизны хлеба 1767 г. Материал первой анкеты очень широк по территориальному, географическому охвату, но не столь детально освещает внутренний строй сельского хозяйства, больше внимания уделяя вопросам рынка на продукты сельского хозяйства. Наиболее обстоятельны и богаты по своему содержанию ответы на анкеты Вольного экономического общества, в составлении которых принимали участие и такие крупные специалисты в области общей экономики и агрономии, как А. Болотов и П. Рычков. Но в отношении территориального охвата её материалы весьма неполны. Значительная часть ответов на анкету до сих пор не опубликована. В отличие от последней Сенатская анкета ограничена только вопросами хлебопашества и притом характеристикой его общего экономического состояния по провинциям и уездам; специально выделен в ответах материал по экономическим крестьянам, очевидно, в связи с недавним проведением секуляризации церковного землевладения. Материалы отличаются большой полнотой территориального охвата и конкретностью индивидуальных характеристик отдельных районов. На значение этой группы источников указал в своё время Б. Д. Греков в статье «Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в.» [1].

К 60-м годам XVIII в. относится и другой интересный и богатый содержанием комплексный источник — *наказы в Уложенную комиссию 1767 г.* К сожалению, в составлении наказов

[1] См. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35, Л. 1929, стр. 39—104.

не участвовали обширные группы помещичьих крестьян. Но наказы различных групп казённых крестьян, а также дворянские наказы содержат ряд ценных материалов как непосредственно по экономике сельского хозяйства, так особенно в отношении раскрытия социальных интересов и требований отдельных классов и групп населения. Показателем того, что может извлечь из наказов исследователь и в том числе историк сельского хозяйства, является работа В. Боголюбова о хозяйстве крестьян русского Севера [1]. Необходимо отметить, что значительная часть крестьянских наказов остаётся до сих пор неопубликованной.

К анкетам 60-х годов XVIII в. примыкают также материалы *географических путешествий,* открывающиеся академическими экспедициями конца 60-х годов XVIII в., инициатива которых принадлежала Ломоносову. Их специальной задачей было изучение экономики России. Они руководствовались специальной инструкцией, или анкетой, в составлении которой активное участие наряду с Академией наук приняло и Вольное экономическое общество. Результатами этих путешествий явилась публикация описаний-дневников, написанных П. Палласом, И. Лепёхиным, И. Фальком, И. Георги, А. Гильденштедтом. Эти описания наиболее полно освещают экономику и, в частности, сельское хозяйство Среднего Поволжья, Заволжского степного района и юго-восточной степи. К ним примыкают опыт общего описания экономики России, составленного на основе этих материалов Георги, и путешествие Фрибе, особенно для южных районов России. Из позднейших путешествий следует выделить путешествие В. Зуева по Центральному чернозёмному и южному районам России, Н. П. Рычкова по Вятской и Казанской губерниям, для конца века — П. И. Челищева по русскому Северу, более бедное материалами по сельскому хозяйству путешествие Максима Невзорова по губерниям Среднего Поволжья и Приуралья. Эти материалы в ряде случаев дополняют общие экономические характеристики отдельными ценными и яркими конкретными характеристиками и поэтому особенно ценны в сочетании с другими указанными выше источниками.

Систематическими официальными источниками, охватывающими весь изучаемый период, являются *донесения губернаторов.* Наиболее полный и систематический характер они получают после проведения губернской реформы 1775 г.[2] До этого времени самый территориальный размер губернии исключал

[1] См. *В. А. Боголюбов*, Экономический быт крестьян Северного края по крестьянским наказам во Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года, Казань 1913.

[2] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Госархив, р. XVI, ф. внутреннего управления; ф. 1244 — дворцового ведомства, оп. 390.

? ! Не понимает, что до Екатерины губерний фактически не было, только провинции (т.в, 08.09.12).

возможность сколько-нибудь полного охвата её экономики в губернаторских отчётах, а провинциальным воеводам обычно не хватало для этого необходимых познаний и соответствующих специальных сотрудников. Деятельность губернатора затрагивала разные стороны сельского хозяйства губернии, но, может быть, особый интерес представляли для него вопросы сельскохозяйственных ресурсов губернии и соответственно состояние рынка сельскохозяйственных продуктов в связи с вопросом правительственных закупок сельскохозяйственных продуктов для содержания армии и других государственных потребностей, а также для организации снабжения губернии в случае значительного недостатка хлеба, во избежание пагубных последствий голода. С этим связано, в частности, появление такого ценного источника, как ведомости посева и урожая хлебов по губерниям, довольно обильно представленные с конца 70-х и особенно с 80-х годов XVIII в., но до сих пор остававшиеся неизвестными историкам сельского хозяйства и не использованные ими. Очевидно, из этого же источника черпаются и сообщения тех же донесений об общем состоянии урожайности по губерниям и о недородах. Менее полны их сведения о поголовье скота, о болезнях и падеже скота.

Наряду с этим необходимо отметить наличие существенных пробелов в документации губернаторских донесений по этим вопросам, особенно по некоторым губерниям. Конечно, далеко не вся информация, поступавшая в канцелярию губернатора, получала отражение в его донесениях в центральные правительственные органы. В частности, лишь в единичных случаях мы обнаруживали в них специальные материалы директоров экономии, а позднее казённых палат, содержащие очень ценные материалы о состоянии отдельных групп казённых крестьян, прежде всего по такой крупной группе, как экономические крестьяне. Составлявшиеся ими ведомости экономического описания отдельных групп селений экономических и дворцовых крестьян мы находим иногда и в других фондах. Об их нередко хорошей осведомлённости в экономике района свидетельствуют такие факты, как прекрасное экономическое описание Костромской губ., составленное костромским директором домоводства Васьковым. Очевидно, значительные материалы этого типа должны были отложиться в местных фондах губернских канцелярий и других органов местного управления, а материалы более раннего периода могут оказаться и в фондах воеводских канцелярий. Обследование этих материалов, несомненно, стоит на очереди.

Часть материалов могла поступить в центральные правительственные органы, минуя путь обычной губернской переписки и губернаторских донесений. Сюда относятся прежде всего *материалы Сенатского архива,* к которым принадлежит также указанное выше дело о дороговизне хлеба в 1767 г. Важным

центром правительственной политики с 60-х годов XVIII в. становится также канцелярия генерал-прокурора, особенно в период пребывания А. А. Вяземского на этом посту. К этому последнему фонду принадлежит, в частности, использованное нами дело по запросам генерал-прокурора, относящееся к социальному строю сельского хозяйства и к состоянию хлебного рынка 60-х годов XVIII в. Вопрос рынка продуктов сельского хозяйства широко отражён и в материалах Комиссии о коммерции и Коммерц-коллегии, прежде всего в материалах по экономическому изучению отдельных городов и их торга, в изучении и описании русских ярмарок XVIII в., в отчётных ведомостях о внешней торговле России и её сельскохозяйственном экспорте. Сюда примыкают и документы таких специальных временных учреждений, как Комиссия о хлебе 80-х годов XVIII в., содержащие самый разнообразный материал о состоянии хлебопашества и хлебном рынке в эти годы. Часть этих материалов собрана, в частности, в фонде Воронцовых (Отдел древних рукописей и актов Института истории АН СССР в Ленинграде), поскольку А. Р. Воронцов в течение длительного периода возглавлял Коммерц-коллегию.

Другим официальным источником, требующим систематического и тщательного изучения, является правительственное законодательство, прежде всего *Полное собрание законов*. Оно даёт не только ценный материал по истории экономической и социальной политики правительства, но в мотивирующей части указов содержит и обширный конкретно-исторический материал, которому исследователи уделяли до сих пор недостаточно внимания.

Особенно важным источником для изучения экономики второй половины XVIII в. является обширная *экономическая литература*, появляющаяся именно в этот период и отражающая всю остроту экономических проблем, порождённую глубокими изменениями, назревшими и совершавшимися в экономической жизни России. В центре этих работ, прежде всего в силу их специальной сельскохозяйственной направленности, стоят «Труды Вольного Экономического общества» — первое специальное периодическое издание по вопросам экономики в России. Им предшествуют «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764 гг.); к ним примыкают «Академические известия» — орган Академии наук, — начинающие выходить с 1779 г., в которых вопросы экономического развития России занимают ведущее место, «Месяцесловы» и другие повременные издания. В области собственно агрономической мысли сюда принадлежат и специальные сельскохозяйственные журналы А. Т. Болотова. Вторая половина XVIII в. — время оформления русской агрономической школы в лице таких выдающихся её представителей, как А. Т. Болотов, И. М. Комов, М. Ливанов, профессор естественной истории и земледелия М. И. Афонин,

В. Лёвшин и др., с их ценными специальными работами. Сюда примыкают и упоминавшиеся географические путешествия, различные экономические описания районов и опыты общероссийских экономико-географических описаний (Плещеев, Чулков, Шторх), а также работы выдающихся исследователей общей экономики России XVIII в. — П. Рычкова, М. Чулкова, В. Крестинина и многих других. В этой связи следует отметить и специальные экономико-географические словари — Ф. Полунина в XVIII в. и Щекатова в начале XIX в.[1]

Особую группу источников представляют *вотчинные архивы*, к изучению которых за последнее время вплотную подошла советская историческая наука. Авторы исследований правильно оценили значение вотчинной документации для конкретного анализа крестьянского хозяйства и положения крестьянства, позволяющей перейти от сводных характеристик более или менее крупных групп крестьянских хозяйств к непосредственному обследованию и изучению отдельных индивидуальных крестьянских хозяйств на основе ленинского метода. Особую ценность представляют в этой связи подворные описи, сохранившиеся в ряде вотчинных архивов, требующие тщательного анализа, детальной и систематической обработки, что, к сожалению, далеко не всегда имеет место. Меньше внимания уделялось при этом самому помещичьему хозяйству и особенно взаимосвязям помещичьего и крестьянского хозяйства. Соответствующие монографические работы представляют большой интерес, но ими охвачен лишь ограниченный круг объектов. Кроме того, определённым недостатком этих работ является зачастую их слабая увязка с общей историко-экономической проблематикой, не получившей ещё необходимого конкретного раскрытия. В то же время представлялось бы целесообразным в этой связи начать переходить от узко вотчинной тематики к порайонному изучению вопросов на основе вотчинных фондов, их комплексного изучения.

Мы ограничились краткой общей характеристикой основных архивных фондов, или комплексов, источников, не останавливаясь на их отдельных частных группах, не давая их развёрнутой типовой характеристики.

Подводя итог этому обзору, необходимо отметить некоторые важнейшие общие моменты.

Прежде всего огромное значение имеет *полнота и систематичность их хронологического охвата*. Источники дают достаточно систематическую картину развития сельского хозяйства, его различных сторон на протяжении всей второй половины

[1] «Географический лексикон Российского государства» Ф. А. Полунина, изд. 2, с дополнениями и поправками Г. Ф. Миллера, М. 1773; «Словарь географический Российского государства» *А. Щекатова* (вместе с *Л. Максимовичем*), М. 1807—1809.

XVIII в. и тем самым позволяют проследить и выяснить изменения, последовательно совершавшиеся в его развитии.

Вторым существенным моментом является *сочетание комплексности систематического освещения общероссийского развития с конкретностью его местного, порайонного освещения*. Это позволяет избежать безликости характеристики общероссийского хозяйства по некоторым средним данным, даёт возможность конкретно раскрыть его содержание в сложном переплетении местных особенностей, на базе того территориального разделения труда, которое составляет одну из важнейших особенностей эпохи и раскрытие которого становится возможным и полноценным именно благодаря составу и характеру источников, которыми мы располагаем. В этом, правда, и существенная трудность стоящей перед исследователем задачи: необходимость сочетать изучение общерусских процессов с тщательным порайонным изучением, поскольку в этой последней части ещё почти ничего не сделано в нашей литературе.

Применение принципа порайонного изучения потребовало определения основных экономических районов России XVIII в. При наличии сравнительно большого числа работ по экономическому районированию в русской экономико-географической литературе, эта задача не получила до сих пор удовлетворительного разрешения, поскольку такое районирование строилось на физико-географической основе, а не исходило из организационной структуры народно-хозяйственного строя. В основе экономического районирования, согласно учению марксизма-ленинизма, лежит территориальное разделение труда, присущее капиталистическому строю[1]. Это положение реализовано В. И. Лениным в определении основных экономических районов России эпохи развитого капитализма в его труде «Развитие капитализма в России». Однако данное В. И. Лениным определение экономических районов не могло быть механически перенесено на Россию XVIII в., именно потому, что оно являлось продуктом определённого уровня капиталистического развития. Вторая половина XVIII в. — период капиталистического уклада, начальный период формирования капиталистических отношений в России — представляет соответственно исходный этап формирования этого экономического районирования, но именно поэтому имеет свои существенные отличия.

Тщательный анализ материала (промышленности, сельского хозяйства, внутреннего рынка) привёл автора к следующему определению основных экономических районов России для XVIII в.

Наиболее отчётливая экономическая характеристика обозначилась в отношении районов старого хозяйственного освоения,

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, гл. XII, стр. 358—367; *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 45 и др.

выработавших более законченную хозяйственную специализацию, сохраняющуюся и в дальнейшем. Таковы районы:

1. *Центральный промышленный* — в составе Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской и Калужской губ.
2. *Северо-западный торгово-промысловый* — Тверская, Смоленская, Новгородская, Псковская, Петербургская губ.
3. *Северный промысловый* — Архангельская, Олонецкая, Вологодская губ.
4. *Центральный чернозёмный район товарного земледелия* — Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская губ.

Такая специализация недостаточно определялась для более периферийных новых районов, находившихся ещё в стадии хозяйственного освоения. Их экономика находится в значительной мере в состоянии внутренней перестройки под воздействием общего экономического развития России.

5. *Среднее Поволжье* — Нижегородская, Казанская, Симбирская, частично Саратовская губ. Здесь ещё сохраняли большое значение торгово-промысловые и частично промышленные занятия. Но с заселением края и с освоением Волжской водной магистрали росло товарно-земледельческое значение Симбирской и Саратовской, а также южных и юго-восточных районов Нижегородской и Казанской губ.
6. *Приуральский район* — Вятская, Пермская, Оренбургская губ. Наряду с крупным промышленным центром в Пермской и частично в Оренбургской и Вятской губ. большое значение имело здесь степное скотоводство, и в то же время складывался значительный земледельческий район, непосредственно примыкавший к обширному массиву центрального района товарного земледелия, окончательно оформившемуся на протяжении XVIII в.
7. Более отчётливо *сельскохозяйственный* характер определился в *юго-западном районе* — Харьковская губ. и Левобережная Украина, объединённая в конце века в Малороссийскую губ. Но, как это показано в дальнейшем, район ещё не включился в систему всероссийского внутреннего рынка, и это обусловило его коренные отличия от Центрального района товарного земледелия.

Не могли быть включены в общую систему такие периферийные районы, которые практически вошли в состав России лишь в XVIII в., как Прибалтика, Белорусские губ., степная Украина (Причерноморье), а также Предкавказье и Астраханская губ., сохранявшие ещё значительные экономические особенности[1].

? только в Оренбург. губ.! (Т.В., 08.09.12)

[1] Принятое в работе районирование — результат специального экономического изучения, которое, однако, по своей обширности и специальному тематическому содержанию не могло быть включено в настоящую монографию.

Соответственно настоящее исследование ограничено указанными семью районами, составлявшими основную территорию старого хозяйственного освоения, объединённую общей закономерностью социально-экономического развития. Вместе с тем эти районы наиболее полно представлены в историко-экономической документации. Не включена в рассмотрение и территория Сибири с её особыми условиями экономического развития.

Необходимо специально отметить *наличие большого статистического материала*, что составляет третью важную черту в характеристике наших источников и позволяет в ряде случаев дать общей экономической характеристике конкретное количественное выражение. В этой связи нельзя не отметить общее скептическое отношение к экономической статистике XVIII в., установившееся в нашей литературе под влиянием главным образом критики промышленной статистики XVIII в. ещё в статьях И. Полосина и М. Злотникова [1]. При несомненной обоснованности ряда сделанных ими критических замечаний нам представляется, что в значительной мере этот скептицизм был обусловлен узостью того конкретного материала, которым располагала в то время историческая наука по XVIII в. для взаимного контроля и проверки отдельных данных, для установления взаимосвязи между отдельными сторонами исторического процесса и восполнения одних данных за счёт других.

В частности, большой интересный цифровой материал обнаруживается при последовательном сопоставлении указанного многообразного круга источников для определения развития сельского хозяйства, и самая множественность источников даёт возможность сопоставления данных одних источников с другими. Это позволило нам сделать первую попытку дать ряд систематических статистических таблиц по сельскому хозяйству, хотя в ряде случаев необходимость охватить большой круг вопросов и одновременно все районы России неизбежно обуславливала выборочное использование первичного материала. Так, нами составлены сводные таблицы посевов и урожаев за последнюю четверть XVIII в., движения посевов по культурам, обеспеченности и дефицитности хлебов по районам, урожайности по районам и по культурам за полвека, движения хлебных цен за вторую половину XVIII в., среднего размера крестьянских наделов по губерниям и уездам, обеспеченности крестьян пашней и сенными покосами по губерниям и уездам и степени использования пашни, обеспечения скотом крестьянского двора и др.

Большое значение при выполнении этих работ имело, конечно, указанное наличие обширного первичного материала,

[1] См. *Ив. Полосин*, Промышленная статистика и политика 18 в. «Архив истории труда в России» № 11—12, 1924 г. (№ 1—2); *М. Злотников*, От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории» № 11—12, 1946 г.

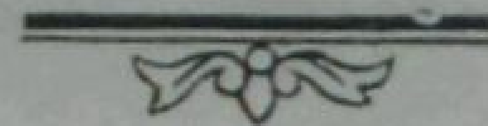
как, например, Экономические примечания. Но в данном случае надо отметить, что этот положительный факт создавал и неизбежные трудности в условиях сводной обобщающей работы. Так, например, материал Экономических примечаний требует сложной и разносторонней статистической обработки с учётом различных аспектов и взаимосвязей фиксируемых экономических вопросов. Игнорирование этих моментов как раз и привело В. И. Семевского, который впервые попытался статистически обработать этот источник, к принципиально порочным средним расчётам его сводной таблицы в приложениях к первому тому его монографии «Крестьяне в царствование Екатерины II» [1].

Нам пришлось отказаться в данной работе от исчерпывающей обработки этих материалов, ограничившись их отдельными конкретными тематическими и районными разработками.

Сложность работы увеличивалась обширностью источниковедческой базы и значительной распылённостью документального материала.

Автор смотрит на свою работу лишь как на первый этап в обобщении большого документального материала, в комплексном рассмотрении развития сельского хозяйства России XVIII в., в разрешении комплекса связанной с этим проблематики. Дальнейшие монографические разработки этой темы, в которую уже практически включился значительный круг советских историков, несомненно, значительно дополнят собранный им материал, выявят ряд неизбежных на первом этапе пробелов, позволят проверить сделанные выводы, внесут в них те или иные исправления.

[1] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, Спб. 1903, стр. 583—586.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

1. Постановка вопроса

Первой чертой феодальной собственности на землю, по Марксу и Энгельсу, является её сословность и монопольное владение господствующего класса феодалов. Из сословного и монопольного характера феодальной земельной собственности необходимо вытекает и другая её сторона — прикованный к ней труд крестьян, т. е. эксплуатация труда крепостных крестьян. Учение Маркса о феодальной собственности и феодальном способе производства получило конкретное раскрытие в ленинской характеристике крепостнического землевладения и феодального крепостного хозяйства России, в характеристике основных черт барщинного хозяйства. Согласно учению марксизма-ленинизма собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства-крепостного является основой производственных отношений феодального строя.

Из сословного и монопольного характера земельной собственности непосредственно вытекала невозможность свободной мобилизации земельной собственности. Ограниченная феодальной монополией, она осуществлялась лишь в пределах самого класса феодалов или в порядке поглощения феодалами общинной крестьянской земли. Только развитие капиталистических отношений ведёт к распространению свободной мобилизации земельной собственности путём простой товарной сделки, к превращению земли в товар. Анализируя развитие товарной стоимости в I томе «Капитала», Маркс указывал: «Люди нередко превращали самого человека в лице раба в первоначальный денежный материал, но никогда не превращали в этот материал землю. Такая идея могла возникнуть только в уже развитом буржуазном обществе. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка её фактического осуществления, в национальном масштабе, была сделана впервые

сто лет спустя, во время буржуазной французской революции»[1].

Таким образом, с полным развитием товарного производства и его превращением в «систему», т. е. с переходом к капитализму, связано превращение земли в товар и тем самым разложение феодальной собственности на землю. Маркс показал, что превращение земли в товар относится к самым последним этапам развития товарного производства при феодализме: оно появляется в Западной Европе только в конце XVII в. (Англия) и получает широкое распространение в XVIII в. в связи с французской буржуазной революцией. Оно ведёт либо к появлению капиталиста-предпринимателя в качестве земельного собственника с вступлением капитала в земледелие, с вмешательством капиталистического арендатора, либо к развитию крестьянской парцеллярной собственности и издольного хозяйства.

Процесс разрушения феодальной собственности и замены её собственностью капиталистической в России тщательно исследован Лениным для XIX в. Изучение вопроса о становлении капиталистического уклада в России соответственно выдвигает в качестве первой задачи выяснение начальных этапов этого процесса, относящихся к XVIII в.

В развитии феодальной собственности в России во второй половине XVIII в. начинают обозначаться всё более глубокие противоречия. Изменения в экономике и активизация новых социальных сил направлены против дворянской земельной монополии. Втягивание сельского хозяйства в расширяющиеся рыночные отношения ведёт, с одной стороны, к росту хозяйственной активности крестьянского хозяйства, непосредственно выступающего на рынке сельскохозяйственных продуктов, с другой — к распространению купеческих интересов на сферу сельского хозяйства. То и другое не может не затронуть самой земельной собственности как основы хозяйства; это находит своё отражение, как отметил Маркс, в растущей мобилизации земельной собственности, превращающейся в предмет рыночных сделок, товарного обращения. С этим связано складывание новой купеческой и крестьянской земельной собственности. Купечество и крестьянство вступают в товарно-рыночные земельные отношения либо в порядке прямой купли-продажи земель, либо в порядке кредитных операций, заклада земель, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В условиях сохраняющегося господства феодального строя эти процессы носят ещё явочный характер, они не получают ещё прямого юридического оформления и поэтому протекают в прикрытых, в какой-то мере искажённых правовых формах, опутанных феодальными отношениями. Для крестьянства рядом с непосредственной сделкой покупки земли стоит земельная аренда,

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 96.

в том числе в форме коллективной мирской аренды, характерной для скудного и среднего крестьянства с его ограниченными материальными ресурсами.

Вместе с тем изменения в землевладении, связанные с началом разложения феодальной собственности, протекают ещё в условиях острого антагонизма и борьбы. Распространение новых форм купеческого и крестьянского землевладения наталкивалось на этой стадии на активное сопротивление господствующего класса — дворянства, стремившегося сохранить свою монополию, подчинить себе эти новые явления и уложить их в тесные рамки феодального права. Другим проявлением внутренних противоречий в развитии земельной собственности явились попытки самого дворянства в свою очередь перейти в наступление, расширить в известной мере сферу своего монопольного господства. Одновременно с заметным расшатыванием феодальной собственности и активизацией купечества и крестьянства в старом хозяйственном районе, с более развитыми социально-экономическими отношениями, дворянство пытается распространить своё владение на новые земли, в особенности во вновь осваиваемых районах на юге и на востоке.

Однако было бы упрощением усматривать в этом показатель жизненности и дальнейшего роста феодального строя, изолируя эту группу фактов от всей системы социально-экономического развития. Феодальная собственность не отмирает сразу; её отмиранию неизбежно предшествует более или менее длительный *период борьбы между старой, феодальной и вызревающей новой, капиталистической собственностью на землю.*

Эта борьба, подтачивающая основы феодальной собственности, является первой характерной чертой нового этапа в развитии сельского хозяйства.

Наличные статистические данные позволяют определить размеры помещичьего землевладения, его удельный вес во второй половине XVIII в. только по размерам душевладения. Согласно материалам III ревизии (1764 г.), помещичьи крестьяне составляли около 54% всего сельского податного населения России, причём для основного, старого центра России, входившего в Московскую губ. в границах до губернской реформы 1775 г., удельный вес помещичьих крестьян возрос уже до 70—75%. Помещичье землевладение достигло 75% также в западной Смоленской губ., 60% в старой Белгородской губ. на юге, в Нижегородской на востоке, в Новгородской на западе, т. е. во всех районах старого заселения. В конце XVIII в., ко времени IV и V ревизий, удельный вес помещичьих крестьян в этих районах составил уже 70—80%, а в прибалтийских губ., с их развитым товарным сельским хозяйством, — 80—90%. Несколько иное положение наблюдалось в южных и восточных губ. Центрального чернозёмного района: в Курской, по IV ревизии, — 44%, в Воронежской — 35%. Но, как будет показано

ниже, рост площади помещичьего землевладения в этих районах значительно опережал рост крестьянского населения в помещичьих владениях, совершаясь прежде всего за счёт присоединения пустошей (свободных земель), захвата однодворческих земель и земель бывших украинских казаков. Таким образом, на основной территории сельскохозяйственного освоения помещичье землевладение (по данным душевладения) составляло 60—80% всего хозяйственного фонда.

На районы старого хозяйственного освоения падает также наибольшее число помещиков-землевладельцев, в том числе наибольшее число крупных душевладельцев. Соответствующие сведения были сообщены генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому по его специальному запросу провинциальными прокурорами в 1777 г. Из этих ответов уцелел только один сборник, случайно поступивший в Рукописный отдел библиотеки Академии наук СССР; в нём отсутствует вся старая Московская губ.

Данные этого сборника воспроизведены в рукописных материалах В. И. Семевского[1] и могут быть сведены в следующую таблицу:

Провинция	Число дворян-землевладельцев		
	Всего	В том числе владеющих	
		от 500 до 1000 д. м. п.[2]	1000 и более д. м. п.
Южные:			
Орловская	2 201	62	10
Севская	1 293	42	22
Елецкая	1 568	14	5
Тамбовская	2 799	27	4
Белгородская	2 206	33	26
Мценская	430	9	—
Воронежская	426	2	—
Северо-Западные:			
Псковская	1 249	46	14
Вологодская	1 600	24	1
Великоустюжская	858	16	3
Петербургская	211	16	7
Галицкая	351	14	—
Восточные:			
Нижегородская	678	32	24
Алатырская	492	30	10
Арзамасская	402	38	17
Казанская	673	14	5
Свияжская	159	9	3
Пензенская	288	34	19
Симбирская	305	13	8

[1] Архив АН СССР (Москва), ф. 489 — В. И. Семевский, д. 98, л. 205 и сл.

[2] д. м. п. — душ мужского пола.

Обращает на себя внимание концентрация особенно крупного землевладения в районах развитого сельского хозяйства: в Орловской, Севской, Тамбовской и Белгородской пров. — на юге, в Нижегородской, Арзамасской, Алаторской и Пензенской — на востоке, в Псковской — на западе; быстрый рост помещичьего землевладения в более периферийных провинциях на юге и на востоке падает на последующие годы. Число более мелких землевладельцев, до 100 д. м. п., достигает 70—80%, снижаясь в отдельных случаях, особенно в новых районах, до 50—60%.

Отсутствие соответствующих данных для всего старого центра — старой Московской губ. (в составе будущих Московской, Владимирской, Калужской, Ярославской, Костромской, частично Рязанской, Тульской, Тверской губ.) восполняется отчасти материалами «Описания городов Московской губернии 1776 г.»[1] По данным описания, в губернии значилось около 1 300 000 д. м. п. помещичьих крестьян, что составляло в среднем 100 д. м. п. на 1 владение[2].

Необходимо, однако, ещё раз подчеркнуть, что эти официальные статистические показатели отражают лишь формально-юридические данные земельного владения, за которыми скрыты совершающиеся в земельном владении существенные сдвиги.

2. Развитие купеческого землевладения

Первым фактом вторжения купеческого капитала в сферу феодальной собственности на землю можно считать известный указ 18 января 1721 г. о покупке к заводам деревень[3]. В указе прямо подчёркивался принципиальный характер совершавшихся отступлений от принципов действовавшего законодательства: «Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной никаких других заводов не имели». Однако необходимо иметь в виду специфический, ограниченный характер купеческого права на землю, установленного указом 1721 г.: закон ограничивал использование крепостного труда купечеством работой на мануфактуре и определил неотчуждаемость де-

[1] Гос. б-ка им. В. И. Ленина, Рукоп. отд. Муз. 132. На этот экземпляр ссылается в своих черновых заметках В. И. Семевский. Архив АН СССР, ф. 489, д. 291, л. 149—194.

[2] Число владельцев должно быть меньше числа владений, поскольку учёт владельцев в «Описании» даётся по провинциям, а многие владельцы, особенно средние и крупные, имели владения в двух и более провинциях. Описание Московской губ. выделяет владельцев из числа крупной столичной знати (княжеские и графские фамилии), но не даёт распределения владельцев по числу принадлежащих им крестьян.

[3] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. VI, № 3711.

ревень от «заводов» и «фабрик». Тем самым исключалась свободная мобилизация земли, её действительное превращение в товар. Вместе с тем самый факт признания купеческого землевладения породил решительное сопротивление дворянского класса, особенно активизировавшееся в период 40—50-х годов XVIII в. Первым законодательным ограничением этого права купеческого землевладения явился указ 7 января 1736 г., регламентировавший численность крепостной рабочей силы на предприятиях и запрещавший купцам приобретение деревень с землёй[1]. В этом же направлении шли, по-видимому, и позднейшие указы: 1746 г. о запрещении купцам владеть землёй в уезде и указ 1752 г., развивавший указ 1736 г. о нормах владения крепостными при фабриках и заводах и включавший запрещение «произведённым в чины из купцов фабрикантам» покупать деревни[2].

Но законодательство того времени отражает и обратную тенденцию — подтверждение купеческих прав на покупку к фабрикам деревень, нашедшую отражение в указах 27 июня 1744 г. и 5 ноября 1753 г.; последний появился в результате возникшего по этому вопросу конфликта между Мануфактур- и Юстицколлегиями. Настойчивое возвращение законодательства к этому вопросу свидетельствует об остроте связанных с ним противоречий. Особенно острая борьба развернулась вокруг этого вопроса в Уложенной комиссии 1754—1766 гг. Победа в Комиссии дворянской реакционной группировки в сентябре 1760 г. и переход руководства её работой к графу Р. И. Воронцову сопровождались оформлением максимальных дворянских требований по этому вопросу. Они получили наиболее полное выражение в третьей части нового Уложения «О состоянии подданных вообще», в гл. 22 — «О дворянах и их преимуществах» и в специальной гл. 18 — «О холопах и крестьянах и каким людям собственных себе людей и крестьян крепить не позволено». Гл. 18 полностью запрещала купечеству покупку земель и крестьян и предписывала купцам, владельцам мануфактур, «недвижимые имения и дворовых людей и крестьян», как «не принадлежащие им ко владению», «распродать таким людям, кому по указам иметь позволено (т. е. дворянам. — *Н. Р.*), от публикования сего положения в год».

В том же плане была развёрнута и программа секуляризации церковных имений с передачей их дворянству. Соответственно гл. 22 проекта Уложения — «О дворянах и их преимуществах» требовала даже передачи дворянству монополии на те отрасли промышленности, которые были наиболее тесно связаны с землевладением и сельским хозяйством (металлургические, минеральные, винокуренные заводы). Борьба вокруг

[1] ПСЗ, т. IX, № 6858.

[2] ПСЗ, т. XII, № 9367; т. XIII, № 9954.

этого проекта развернулась в 1761—1762 гг. и завершилась сенатским указом от 29 марта 1762 г. Дворянство одержало победу, но неполную: дальнейшая покупка земли и крестьян к фабрикам была запрещена купечеству, но прежние приобретения были сохранены за их владельцами [1].

Как бы то ни было, эта форма первого проявления купеческого землевладения не получила развития. Её распространение было приостановлено как раз в середине XVIII столетия и возобновилось лишь в 1798 г. указом № 18442 от 16 марта, отменившим упомянутый указ 1762 г.

Первым действительным проявлением новой формы купеческой земельной собственности является прежде всего *институт «деревенских владельцев»*, получивший широкое распространение на русском Севере в середине XVIII в. и ставший предметом широкого обсуждения в екатерининской Уложенной комиссии 1767 г. Название «деревенских владельцев» обозначает купцов и частично посадских людей, ставших собственниками крестьянской земли путём прямой покупки или в силу непогашения крестьянином займа по закладной, причём сам крестьянин, бывший землевладелец, превращался в «половника», оставался на купеческой земле и работал на нового владельца [2].

Вопрос этот возник уже на восьмом заседании Уложенной комиссии в связи с оглашением наказа черносошных крестьян Каргопольского у. [3] и стал предметом специального обсуждения на сорок третьем заседании, в октябре 1767 г., в связи с выступлением депутата от великоустюжских черносошных крестьян Василия Ключарёва. Выступивший с возражениями Ключарёву депутат от г. Великого Устюга определил численность половников, т. е. крестьян, сидящих на купеческих землях, около 5000 д. м. п., по-видимому, только для Устюжской пров. [1]. По подсчётам В. Боголюбова, в Олонецком у. значилось 4430 д. м. п. за деревенскими владельцами [2]. О широте распространения купеческого землевладения свидетельствуют главным образом наказы в Уложенную комиссию, собранные в томах 115 и 123 сборников «Русского исторического общества». Оно охватывает северные губ. — Архангельскую, Вологодскую, частично Вятскую и Олонецкую [3]. Район распространения половничества определялся спецификой черносошного землевладения и фактическим признанием этого купеческого землевладения со стороны государства.

Опубликованные наказы особенно обстоятельно рисуют этот процесс для Великого Устюга. В опубликованных наказах в числе деревенских владельцев значатся 65 купцов Великого Устюга, не считая отдельных общих упоминаний, без обозначения фамилий, причём их владения не ограничиваются одним Устюжским у., но распространяются и на соседние районы, главным образом на Яренский у. Наряду с этим указываются купцы из Вологды, Тотьмы, Сольвычегодска, Яренска, Лальского посада; в отношении Архангельска имеются лишь общие, суммарные указания.

К сожалению, наказы, как правило, не содержат конкретных данных о размерах этого купеческого землевладения. Косвенным показателем значительности земельных владений некоторых «деревенских владельцев» может служить наличие у одного купца владений одновременно в целом ряде волостей. Так, владения Андрея Панова значатся в семи наказах [4], Ивана Чалбышина — в шести [5], Ивана Протодьяконова — в четырёх [6], повторение в двух-трёх наказах — обычное явление. В ряде случаев в числе деревенских владельцев называются несколько представителей одной купеческой фамилии — Худяковы, Пановы, Чалбышины, Поповы и др. В нескольких случаях, впрочем, мы имеем и более конкретное указание на размер владения. Крестьянские наказы сообщают, что вологодские купцы и соляные промышленники Рыбниковы владели в Княжпогосской трети, Яренского у., сенными покосами на 12 000 копён и 15 дес. пашни и в Турецкой трети, того же уезда, — на 22 500 копён, кроме того, они имели пашенной земли на

[1] Историю этой борьбы см. *Н. Л. Рубинштейн,* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и её проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще», «Исторические записки», АН СССР, кн. 38, 1951 г., стр. 208—251, особенно стр. 227—228 и 237—243.

[2] Отдельные наказы относят зарождение этих отношений на русском Севере ещё к концу XVII в., как об этом свидетельствуют, например, крестьянские наказы по Тотемскому у. за № 346 и 348, Сб. Русского исторического общества (РИО), т. 123, Спб. 1907, стр. 307—308 и 309—310, п. 3. Однако наказ № 346 говорит о земле, «которая в 195-м году писцом Никифором Озеровым *отдана* была во владение *из оброка на срочные годы* тотемскому купцу Михаилу Чулошникову». Таким образом, здесь речь шла об оброчной аренде у феодального собственника — государства, а не о товарной сделке между купцом и крестьянами, на которые указывает основная масса наказов и которые характерны именно для середины и второй половины XVIII в. В своём письменном «возражении» на мнение депутата от черносошных крестьян Ключарёва устюжский купец Андрей Плотников заявлял, что земли купеческие «родовые, закладные, расчищенные их трудами, покупные из казны и покупные у разных владельцев». Сб. РИО, т. 8, Спб. 1871, стр. 394.

[3] См. Сб. РИО, т. 4, Спб. 1869, стр. 69—78.

[1] См. Сб. РИО, т. 8, стр. 395.

[2] См. *В. А. Боголюбов*, Экономический быт крестьян Северного края по крестьянским наказам во Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года, стр. 82.

[3] Интересный материал по Вятской губ. опубликован в «Трудах Вятской учёной архивной комиссии» за 1907 г., вып. III и IV.

[4] См. Сб. РИО, т. 123, наказы 188, 211, 212, 213, 258, 319, 323; в наказе № 188 называются владения в 3 погостах.

[5] См. там же, наказы № 189, 190, 204, 231, 232, 258.

[6] См. там же, наказы № 199, 211, 214; в последнем случае указано «полдеревни».

34 четверти. По обычным расчётам того времени считалось 10 копён в 1 дес., так что владения Рыбникова достигали значительных размеров — около 3500 дес. сенных покосов с небольшими пахотными участками в 49 дес.[1]. Об устюжских купцах Андрее Панове и Иване Протодьяконове крестьяне писали, что за ними «в нашей Лябельской волости разных их деревень пашенной земли состоит против нас, черносошных крестьян, большая половина, а сенных печишных покосов и оброчных мест против нас втрое, и тем они довольствуются и богатеют пребезмерно»[2]. Наказ крестьян — половников Ильинского погоста, Усольского у., говорит в множественной форме о «деревнях» купца Ивана Дубровина и его летних сенокосах[3]. В составе купеческих владений наказы различают деревни с половниками, где земля обрабатывается последними исполу, «печишные» земли и «хозяйские собственные покосы»[4].

Наказы черносошных крестьян раскрывают и пути формирования этого купеческого землевладения. «У них, Рыбниковых, — сообщают наказы, — находятся крестьяне в превеликом долгу и платить не в состоянии»[5]. «У разных крестьян проданы для необходимой нужды сенокосные земли великоустюжскому купцу»[6], — говорится в другом наказе. «Многовладельцы земель продажею земли пользуют»[7].

На половничестве в Устюжской пров. подробно остановился в своих «дневных записках» известный исследователь России, участник академических экспедиций XVIII в., организованных по инициативе М. В. Ломоносова, Иван Иванович Лепёхин[8]. Он отметил также распространение купеческого землевладения на землях коми-зырян в районе Усть-Сысольска, где главными владельцами выступали в бытность там Лепёхина записанные в великоустюжское купечество богачи Сухановы: «Проворство их в торговле обогатило их и сделало зырянскими князьками. Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина, и всё его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают всё их житьё-бытьё богачество. Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сысоле и спросишь, кому они принадлежат? отвечают Сухановым: есть ли пасутся стада, стада надлежат Сухановым; да и бывший на

---

[1] См. Сб. РИО, т. 123, наказы № 320 и 321.

[2] Там же, наказ № 211, стр. 114. «Печишными» называются наследственные земли черносошных крестьян.

[3] См. там же, наказ № 277.

[4] Там же, наказ № 249 и др.

[5] Там же, наказы № 300 и 310.

[6] Там же, наказ № 318.

[7] Там же, наказ № 342.

[8] См. «Продолжение дневных записок Ив. Лепёхина в 1771 г...», т. III, Спб. 1811, стр. 14 и сл.

Печоре зырянский промысел в добывании точильного камня надлежит Сухановым»[1].

В данном случае основным доходом купеческого землевладения указан хлеб. Об обработке пашни исполу и поставках хлеба купцам — деревенским владельцам говорит и ряд наказов, подобно приводившимся данным о владениях купцов Рыбниковых. Хлеб, получаемый купцами, мог частично идти и в торговый оборот. Однако главный интерес купеческого землевладения представляли сенные покосы.

Преобладание сенных покосов в составе земельных владений купечества и в их хозяйственной характеристике обусловлено не только природными условиями района, но, по-видимому, отражает хозяйственную направленность самого купеческого землевладения в более северных владениях. Как было отмечено, во владении Рыбниковых состояло около 3500 дес. сенных покосов. «Летние сенокосы» показаны у купца Ивана Дубровина, помимо сенных покосов и пашен, обрабатываемых исполу. О «сенных печишных покосах и оброчных местах» за купцами Ан. Поповым и Ив. Протодьяконовым говорит наказ крестьян Лябельской волости Устюжского у. Крестьяне Комарицкого стана Великоустюжского у. также выделяют особо сенокосные работы: «На их, купцов, работаем зделья в летнее время на сенокосе июля 3—20-го числа, недели по 3 и более, с каждой лошади, покоса по 2 гребца с конём, их копна возим». Здесь же мы находим и прямое указание на связь сенных покосов и поставок сена с извозным промыслом: «Зимним временем с припасами выходит на каждую лошадь подвод по восьми»[2]. Это уже свидетельство о прямой связи купеческого землевладения с нуждами купеческого промысла — обеспечение подводной повинности, содержания лошадей, извозной службы.

Впрочем, наказы говорят и о непосредственном переключении деревенских владельцев из купечества на занятие сельским хозяйством, даже с переселением в деревни вёрст за 50 от городов. Депутат от черносошных крестьян Великоустюжской пров. В. Ключарёв заявлял в комиссии: «Но купцы, воспользовавшись этою льготою (по покупке земли и половничеству. — *Н. Р.*), накупили себе в уездах помянутой провинции большое количество земли и расчистили её под хлебопашество, так что многие, а особливо из г. Яренска, выехав из него, живут по деревням вёрст за 50 и более от города и, упражняясь в земледелии, покинули торговлю. Эти же купцы на купленные земли приняли к себе в разных городах в половники государственных черносошных крестьян...»[3]. Об этом же говорит в

---

[1] См. «Продолжение дневных записок Ив. Лепёхина в 1771 г...», т. III, стр. 272. Елисея Суханова называет в Яренском у. наказ № 234. Сб. РИО, т. 123.

[2] Сб. РИО, т. 123, наказы № 277, 211, 186.

[3] Там же, т. 8, стр. 132.

своём письменном возражении на мнение депутата Ключарёва депутат от г. Устюга Андрей Плотников. Видимо, сам деревенский владелец, он подчёркивал заслуги купечества: «купечество расчистили пашни и сенные покосы» и «навоз доставливать старались».

Хозяйственная эксплуатация земли купечеством включала и непосредственные сделки на землю — продажу и сдачу в аренду, в которых превращение земли в товар выступает с большей полнотой. Один из наказов обвиняет купца Ивана Курочкина в спекуляции арендованными землями. Особо отмечается спекуляция купцами арендованными оброчными статьями — рыбными ловлями и бортными ухожаями: «Раздачу имеют нам с повышением цены, против положенного оброку в казну, в пятеро»[1].

Отсутствие дворянского феодального землевладения на Севере, господство здесь черносошного крестьянства являлись дополнительным благоприятным условием для распространения купеческого землевладения в этом районе и сделали даже возможным в какой-то мере его юридическое оформление. Впрочем, аналогичное распространение купеческого землевладения наблюдается и в Вятской губ., где до секуляризации 1764 г. существовало обширное церковно-монастырское землевладение. Эксплуатация местным купечеством своих «тяглых деревень» отмечается здесь ещё с середины XVIII в., даже с 40-х годов XVIII в. Обильные сведения на этот счёт содержатся в наказах вятских крестьян 1767 г., указывающих, что купцы «обогащают... себя от владения деревень и других угодий» и что «завели те купцы для приезда своего, яко помещики, сады и огороды и пруды». С. Токарев, специально изучавший Вятский край, подчёркивает связь местного купеческого землевладения с купеческим хлебным торгом, игравшим важную роль в экономике района[2].

Фактическое распространение купеческого землевладения не ограничивалось одними этими районами и может быть установлено для всех районов России во второй половине XVIII в. К числу материалов полуофициального характера относятся и здесь прежде всего свидетельства наказов, показывающие главным образом стремление купечества к освоению выгонных земель в ближайшей городской округе в связи с крупными операциями по закупке и прогону скота из скотоводческих районов к Москве и Петербургу. Не случайно купеческая аренда и за-

[1] Сб. РИО, т. 115, Спб. 1903, наказ № 74. См. также наказы № 73 и др.

[2] Крестьянские наказы Вятского края не вошли в сборники «Русского исторического общества» и находятся в «Трудах Вятской учёной архивной комиссии» за 1907 г., вып. III и IV. См. *С. Токарев*, Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке, Вятка 1928, стр. 55—60. Ср. также *Ал. Кизеветтер*, Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник, «Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому», ч. I, М. 1909, стр. 76—102.

хват земель купцами особенно отмечены по городам Центрального земледельческого района.

Купечество г. Епифани, указывая на наличие «собственного домового и скупного к продаже скота», отгоняемого в Петербург и Москву, заявляло требование на право «иметь особую землю, а не обще всем с купечеством», для чего добивалось отмежевания к городу 200 дес. соседней земли[1]. О непосредственном захвате земель купечеством г. Алексина писали жители тамошних Стрелецкой и Пушкарской сл. Они указывали, что алексинские купцы Д. С. Брычев и А. Н. Маслов, отмежевав себе мучные мельницы и заведя пильные под Алексином, «при них пашенною землёю, сенными покосами и лесными угодьями владеют»; наряду с этим они указывают на прямое отмежевание им нескольких десятин из пашенной земли под усадьбы и выгон для скота[2].

О земледельческих занятиях купечества Епифани и Крапивны сообщают «Топографические известия», изданные Бакмейстером по материалам Академической анкеты 1760 г. Ответ на ту же анкету по г. Лихвину сообщает, что тамошнее купечество «имеет промысел от наёмной пашенной земли»[3]. А. Т. Болотов в своих «Записках» также упоминает в Тамбовской губ. (видимо, в Лебедянском у.) под 1792 г. большое и богатое село, перешедшее в купеческие руки[4]. В особом топографическом описании Путивльского у. Курской губ. имеется указание на принадлежность одного из хуторов путивльскому купцу Курдюмову; хутора в этом районе обычно связаны с «конскими или скотскими пастбищами»[5].

Отдельные указания такого же порядка имеются и по другим районам. Претензии на пахотные, луговые и лесные дачи заявляло ядринское купечество[6]. Наказ г. Кунгура указывает на завладение купцами и посадскими людьми старыми башкирскими землями с переходом к занятию сельским хозяйством[7]. Экономическое описание Дмитровского у. 1773 г. сообщает о дмитровском купце Алексее Толченове, что он брал в оброк луга и пустоши, преимущественно у ямщиков Московско-переяславской ямской слободы, причём обрабатывал их наёмными людьми[8].

[1] См. сб. РИО, т. 107, Спб. 1900, наказ № 41, п. 3; «обще со всем купечеством» — имеется в виду земля, отводившаяся в совместное пользование всему городскому населению.

[2] См. сб. РИО, т. 115, стр. 55—56.

[3] *Бакмейстер*, Топографические известия, вып. 3, 1772, стр. 210, 232 и 236.

[4] См. «Записки А. Т. Болотова», т. IV, стр. 967.

[5] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 18800, кн. IV, ч. XII, л. 112 (хутор № 25).

[6] См. сб. РИО, т. 134, Спб. 1911, наказ № 7.

[7] См. там же, т. 107, наказ № 91.

[8] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18859, л. 10, 28, 29, 47.

На аналогичные захваты купечеством земель в однодворческих дачах указывают однодворческие наказы в Уложенную комиссию. В. И. Семевский привёл соответствующее свидетельство из неопубликованного наказа однодворцев Тамбовской губ. Обходя запрещение приобретать на своё имя земли, они сначала брали её в аренду на несколько лет, «а как уже остепенятся, то, всячески однодворцев уговоря, купят дачу и под видом напишут купчую на родственника своего, имеющегося в положенном однодворческом окладе, и тако по той купчей, согласясь с тем своим родственником, имея особые дворы, пашут землю и насевают хлебом, и разводят на ней всякий скот, притом косят сено, имеют же и пчелиный завод»[1].

Обследование местных материалов позволяет выявить ещё более характерные факты непосредственного приобретения купцами дворянских земель в порядке частных сделок — взятия в заклад по займам и купли. В этом отношении чрезвычайно интересный материал содержит кандидатская диссертация Т. Т. Рябкова по Смоленской губ.[2] Т. Т. Рябков показал историю создания во второй половине XVIII в. крупного земельного владения дорогобужского купца Н. С. Барышникова. Формирование его земельных владений в Смоленской губ. началось ещё в 60-е годы XVIII в. По займу в 13 000 руб. Барышников взял в заклад у Смоленского шляхтича Лыкошина его вотчину с. Николо-Погорелое, которое в 1767 г. оказалось за ним. По Экономическим примечаниям, в селе значилось 4128 дес., в том числе 2264 дес. пашни, 230 дес. покосов и 1187 дес. лесу со 115 дворами и 1806 д. о. п., большой конский завод и винокуренный завод. В эти же годы (1764—1769) он приобретает дорогобужские вотчины у ряда представителей столичной знати — Е. Трубецкого, Е. Щербатова, П. Салтыкова, в которых значится в общей сложности свыше 8000 дес. земли. При этом, поскольку формально Барышников не обладал правом земельного владения, все эти приобретения были оформлены на имя одного из представителей знати — И. Г. Орлова. В официальном «экстракте» Дорогобужской воеводской канцелярии от 1775 г. эта сделка получила законченную интерпретацию и официальное признание: вотчина значилась купленной И. Г. Орловым у Салтыкова, «но по продаже от него на имя его сиятельства состоит во владении за вяземским купцом Иваном Сидоровым сыном Барышниковым, который оным селом з деревнями и управляет»[3]. Наконец, тогда же, в 1766 г.,

[1] *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, Спб. 1901, стр. 738.

[2] См. *Т. Т. Рябков*, Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Госархива Смоленской губ.), М. 1952. Канд. дисс. (рукопись) хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, стр. 50—60, 130 и др.

[3] ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2438, л. 18 об.

Барышников приобрёл значительные земли с 1165 д. м. п. в другом районе — на юго-востоке, в смежных уу. Пензенской и Саратовской губ. Закупки земель в Смоленской губ. продолжались в 70-е и 80-е годы, и в период Генерального межевания за Барышниковым состояло уже около 100 000 дес. земли и свыше 9000 д. м. п., из которых 41 тыс. дес. и около 5800 д. м. п. — в Смоленской губ. В середине 70-х годов Барышников был зачислен на военную службу и в 1786 г. добился дворянства. После этого он получил возможность оформить земли непосредственно на своё имя. Интересно отметить, что его земельные операции были непосредственно связаны с купеческой деятельностью, в которой главное место занимала скупка хлеба на вывоз, в связи с чем основой его хозяйства оставалось хлебопашество, соединённое с предпринимательством разного рода.

К 70-м годам XVIII в. относится формирование земельных владений другого смоленского купца — Олонкина, с тем же предпринимательским характером развитой им сельскохозяйственной деятельности. О поставках Олонкиным хлеба к Петербургскому порту ещё до приобретения им земельных владений свидетельствуют материалы 60-х годов XVIII в.[1] На приобретённых в Смоленской губ. землях он развил собственное зерновое хозяйство. Имеется жалоба крестьян с. Сицова Смоленской вотчины обер-провиантмейстера Олонкина, приобретённой им, по заявлению крестьян, в 1781 г. у Фёдора Глебовича Салтыкова. В жалобе указывается, что в барщинные повинности крестьян входила обработка 600 дес. господской пашни[2]. В работе Рябкова упоминается также ходатайство группы смоленских дворян о разрешении отдавать земли в аренду купцам для заведения ими заводов[3].

Развитие купеческого землевладения имело место и в других губерниях. Во второй половине XVIII в. отмечаются земельные приобретения купцов в Саратовской губ., связанные с сельскохозяйственным предпринимательством другого типа, основанным прежде всего на скотоводстве. Занявшись крупным торгом скота и содержа большие табуны лошадей и рогатого скота, купцы обзаводятся в первую очередь хуторами и пожнями по берегам местных речек для выпаса скота. В 1752 г. на хуторе купца Ивана Кривопалова значились две пожни за Волгой со всякими строениями, около 200 голов крупного скота и 3

[1] ЦГАДА, ф. генерал-прокурора, д. 6444, л. 714 об., 1767 г.

[2] ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2985, ч. 1, л. 17-а.

[3] В. И. Семевский ссылается на наличие особого законодательства по Смоленской губ., разрешавшего купцам и мещанам владение жалованными землями с крестьянами (см. «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. 1, стр. 3), но по указу 1748 г. разрешалась покупка только отдельных крестьян, а не целыми деревнями и без земли (ПСЗ, т. XII, № 9332). Именно поэтому Барышникову пришлось оформлять свои купли на имя Орлова.

пшеницы и яблоневый сад. Такой же
овчарника, посев ржи и купца Мазалина. Крупные
хутор состоял в 1758 г. за вдовой непосредственно для торговли
пожни использовались также за многими саратовскими куп-
сеном: сено в стогах показано землевладения указывается
цами. В числе источников этого их за купцами в собствен-
покупка земель или закрепление не говоря о самовольных захватах
ность за долги по ссудам, земель[1].
обширных городских и волостных

При рассмотрении вопроса о купеческом землевладении мы сознательно оставляли в стороне вопрос о посессионных землях, связанных с мануфактурами, ввиду указанной выше особой экономической и юридической природы последних. Нельзя, однако, не отметить, что к середине XVIII в. это землевладение купцов — владельцев мануфактур практически стремилось уже выйти за указанные рамки и перейти к эксплуатации крестьян в области сельского хозяйства, что послужило толчком к особенно энергичному выступлению дворянства. В частности, Экономические примечания по Тамбовскому у. в отношении пустоши и д. Большой Богословки, состоявших за владельцами суконных мануфактур С. А. Салмановым, П. В. Олесовым, Я. В. Тулиновым, говорят о работе крестьян на господской пашне: «крестьяне состоят на господском изделье, землю пашут по 20 дес. в поле». Тот же С. А. Салманов значился ещё совладельцем большого с. Сукманского, в Борисоглебском у., с многими владельцами и однодворцами; в селе — 1024 д. м. п., 9819 дес. пашни и 8970 дес. сенных покосов, 4 хутора «для пригону скота»; «крестьяне — на пашне, однодворцы — на положенном оброке»[2].

Характер приведённых сведений говорит об определённом распространении купеческого землевладения, хотя и скрытого под разными юридическими формами, как это предполагал ещё Семевский[3]. Это последнее положение, а также недостаточная изученность вопроса обусловили сравнительную ограниченность соответствующего конкретного материала, которым мы располагаем пока в этом отношении.

3. Покупка и аренда земли крестьянами

Значительно более широкое распространение получает покупка и аренда земли крестьянами, в том числе и помещичьими крепостными крестьянами. Особенность их сделок заключалась только в том, что они оформлялись на имя своих

[1] См. *Е. Н. Кушева*, Саратов в третьей четверти XVIII в., «Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества краеведения», вып. 35, ч. 2, Саратов 1928, стр. 25—27.

[2] ЦГАДА, ф. 29, д. 84, Тамбовский у., № 67 и 68; д. 8, Борисоглебский у., № 62.

[3] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, стр. 6.

помещиков. Это, однако, нисколько не меняло существа сделок. Покупка и аренда помещичьих земель крестьянами совершалась или на стороне, у соседних помещиков, или у своих же помещиков.

Сущность феодальной системы хозяйства находит своё выражение в строе феодальной вотчины, разделённой на господскую и крестьянскую землю; последняя предоставлялась крестьянину в качестве «натуральной заработной платы», как средство обеспечения помещика рабочими руками и рабочим инвентарём. В условиях развития товарных отношений и роста спроса на землю развивались товарные формы эксплуатации помещичьей земли в качестве оброчной статьи, в порядке сдачи в аренду, с ограничением размеров крестьянского надела. Крестьянская покупка и аренда земли на стороне практически расширяли за счёт крестьянских ресурсов базу помещичьей крепостнической эксплуатации и потому поощрялись помещичьей администрацией и в то же время брались ею под строгий учёт.

Надельное землепользование определяло границы крестьянского хозяйства при феодализме. Сдвиги в хозяйстве и в экономическом строе общества вели к фактическому изменению поземельных отношений. *Возникающая крестьянская аренда и купля земли ломают и искажают тесные рамки надельного землепользования. Социально-экономическая основа этих земельных сделок лежит в растущем расслоении крестьянства*, ведущем к выделению зажиточной верхушки, «заживных», или «капитáлистых», крестьян, по терминологии того времени, с одной стороны, и скудных крестьян — с другой.

До некоторой степени легализованный, оформленный характер приобретает совершаемая крестьянами покупка земель у помещиков, пустошных и с крестьянами, в смежных или в близлежащих дачах; эти сделки оформляются через вотчинную канцелярию. О распространённости этого явления говорят довольно обильные свидетельства источников. Особенно показательно появление на этот счёт специальных пунктов в помещичьих инструкциях приказчикам. Так, инструкция графа Шереметева 1764 г. содержит специальный п. 22 «О покупке крестьяном работников»: «Ежели кому крестьяном моим потребно будет у кого помещиков людей ис крестьян в работу, таковых велеть с ведома и свидетельства прикащиков и выборных покупать на моё имя со взятьем от крепостных дел купчих и те купчие присылать при отписках в Москву в домовую канцелярию, оставя в вотчине копии...»[1].

[1] Инструкция приказчику Муромской вотчины, с. Карачарово. «Университетские известия» № 7, Киев 1904 г., стр. 84—85, публикация М. В. Довнар-Запольского; опубликована К. Н. Щепетовым в его книге «Крепостное право в вотчинах Шереметевых», как инструкция приказчику Юхотской волости.

Аналогичный п. 17 имеется в уложении для Поречья графа В. Г. Орлова, опубликованном М. В. Довнар-Запольским и относящемся, судя по письмам Орлова, к 1796 г.[1]

Ряд указаний содержат и приказы В. И. Суворова, отца знаменитого полководца, приказчику его Ветлужской вотчины за 1776 г. С одной стороны, в приказах № 23 и 24 содержатся указания крестьянам: «Пахотную землю то́ж и сенные покосы не продавать и никому не закладывать», «чтобы отнюдь никто землёю и пожнями не торговали»; очевидно, речь идёт о широко бытовавшем явлении. С другой стороны, приказ № 25 предписывал «прикупленную и вновь расчистную (землю) владеть тому, кто её прикупил и вновь причистил»[2].

Все приведённые случаи имеют в виду прежде всего индивидуальные прикупы, совершаемые зажиточной крестьянской верхушкой. В этом отношении характерен и тот факт, что инструкции говорят в первую очередь о покупке крестьянами крепостных, что предполагает потребность зажиточных крестьянских хозяйств в дополнительных рабочих руках, связанную с предпринимательской деятельностью. Соответственно наряду с покупкой земли указывается и применение наёмного труда, предусмотренное другими специальными пунктами тех же инструкций последней четверти XVIII в. Как правило, покупка крестьян происходит вместе с землёй. Как показано В. И. Лениным, торгово-промышленное предпринимательство зажиточной крестьянской верхушки обычно сочетается с сельскохозяйственным предпринимательством[3].

В литературе известны факты довольно значительного землевладения «капитáлистых» крепостных крестьян. По подсчётам К. Н. Щепетова, «капитáлистыми» крестьянами 12 вотчин Шереметева за время с 1770 по 1830 г. было приобретено 32 710 дес. земли, причём основная масса — свыше 80% — приходилась на Ивановскую вотчину Владимирской губ. и на Юхотскую вотчину и с. Вощажниково Ярославской губ. К сожалению, К. Н. Щепетов не даёт движения покупки по периодам[4]. Более обстоятельные данные для XVIII в. содержит специальная работа А. М. Разгона по Ивановской вотчине Владимирской губ. К 1787 г. крестьянские покупки составили здесь 6099 дес., или 51%, всей покупной крестьянской земли по вотчине. Львиная доля этих земель приходилась при этом на долю «крестьян-фабрикантов» Грачевых, которые имели

---

[1] См. «Университетские известия» № 11, Киев 1910 г.; см. также *В. П. Орлов-Давыдов*, Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, Спб. 1878, т. II, стр. 169.

[2] «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. 6, Владимир 1904, стр. 19, 21, 22.

[3] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 328—331.

[4] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 104 и 355.

1165 дес. и 244 д. м. п. в единоличном владении и, кроме того, являлись совладельцами в 3247 дес. с другими крестьянами — крупными «фабрикантами» — Гарелиным, Ямановским, Дурдеевским и др. Единоличные покупки имелись также у М. М. Ямановского — 123 дес., И. М. Гарелина — 74 дес. (при 378 дес. в совместном владении), Е. И. Пономарёва — 70 дес. Во владении Е. И. Грачёва состоял ряд небольших деревень: с-цо Афонасово (55 д. м. п.) и Спасское (65 д. м. п.), д. Хламостни (22 д. м. п.) и с-цо Малинки (42 д. м. п.), Васильево (23 д. м. п.), Спасское Бутырки (23 д. м. п.)[1]. Две покупные деревни с 168 и 99 дес. имелись также у братьев Каменевых, зажиточных крестьян Ивановского приселья, в котором сельское хозяйство играло значительно бóльшую роль.

Хорошо известен и другой крупный землевладелец из крестьян Шереметевых — Никифор Сеземов, который в 1777 г. купил у помещика А. Демидова в Ветлужской волости Унженского у. Галицкой пров. (позднее Ветлужский у. Костромской губ.) с. Богородское с деревнями, в которых насчитывалось 429 д. м. п., за 29 500 руб.[2] Надо отметить, что речь шла о хлебном районе Костромской губ. Экономические примечания по Кадыевскому у., той же Костромской губ., сообщают о сдаче помещиками своей земли посторонним крестьянам из оброка — «земли обрабатывают других деревень крестьяне»[3].

О таких же явлениях по Тульской губ. сообщает А. Т. Болотов в своём ответе на анкету «Вольного экономического общества» 1765 г. по Каширскому у., указывая, что «заживные» крестьяне «нанимают луга для сенокоса или пашни для хлеба»[4]. В своих «Записках» он также сообщает о крестьянской аренде оброчных земель, выделяя, в частности, крестьян графа Румянцева[5]. Крестьянская аренда земли отмечена Экономическими примечаниями и в таких южных земледельческих районах, как Курская губ.[6] Наличие подобного явления в черноземном земледельческом районе отмечает и К. Щепетов по материалам Шереметевских вотчин, ссылаясь на ведомость о покупных «Прудской вотчины крестьянами у разных помещиков разного звания людей и где оные находятся», составленную

---

[1] См. *А. М. Разгон*, Крестьяне Ивановской вотчины Шереметевых во II половине XVIII в. (к истории расслоения крестьянства). Канд. дисс. (рукопись), стр. 185, 214—215 и сл., стр. 243—244. В дальнейшем по Ивановской вотчине мы пользуемся в основном материалами этой работы.

[2] По данным Экономических примечаний Варнавинского у., Костромской губ., ЦГАДА, Межевой архив, ф. 11, д. 7 — в указанном владении числилось уже 533 д. м. п. и состояло 25 976 дес., в том числе 4524 дес. пашни, 393 дес. сенных покосов и 18 875 дес. лесу. Владение значилось за графом Шереметевым.

[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 11, д. 20, л. 641—644.

[4] «Труды Вольного экономического общества (ВЭО)», ч. II, Спб. 1766, стр. 129—219.

[5] См. «Записки А. Т. Болотова», кн. IV, Спб. 1873, стр. 219.

[6] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 11, д. 37, дача 85.

самими крестьянами в 1797 г.[1] Вотчина Серебряные Пруды находилась в Веневском у. Тульской губ. и состояла на барщине.

Более обстоятельные данные по Серебрянопрудской вотчине Шереметевых содержит специальная работа В. И. Александровой. Наём крестьянами земли отмечен в 90-е годы XVIII в. как обычное явление, причём инструкция Шереметева 1796 г. определила цену аренды в 5 руб. с 1 дес. Наёмная цена за землю у соседних помещиков показана в 7 руб. за 1 дес. Покупка земли и здесь сосредоточена в основном в руках зажиточной крестьянской верхушки. Две трети прикупленной крестьянами земли приходились на долю богатого крестьянина Садофеева, который приобрёл с 1774 по 1795 г. единолично 227 дес. за 4956 руб. и ещё 30 дес. совместно с крестьянином Павлихиным; у девяти других крестьян состояло ещё 82,5 дес. покупной земли. Покупка земли была связана с предпринимательством, в том числе и в области сельского хозяйства: у того же Садофеева было 5 амбаров на базарной площади; упоминается о продаже крестьянином Михаилом Коряковым соседнему помещику ржи на винокуренный завод на 68 руб. За этими же крестьянами значатся наёмные работники из крестьян соседних помещиков по срочным покормёжным письмам и кабальный наём своих односельчан[2].

Широкое распространение крестьянской земельной аренды показывает также Е. И. Индова по материалам вотчин Воронцовых, расположенных в различных районах России. Эксплуатация земли в качестве оброчных статей была обычным явлением в хозяйстве Воронцовых. По Андреевскому вотчинному правлению Владимирской губ. на 1801 г. значились 1416 пустошей, которые были сданы в аренду крестьянам. На 1807 г. арендаторами разных объектов значатся 26 крепостных крестьян Воронцовых, 6 крестьян соседних помещиков и 3 экономических крестьянина. О размерах земельной аренды говорит сумма уплачиваемых арендных денег: староста д. Пестово, Шуйского у., платил за арендованные «пустошные земли» 28 руб. в год; один крестьянин с. Повалиха Ковровского у. платил за три отхожих луга 53 р. 50 к. Широкая эксплуатация оброчных угодий, аренда пастбищ, а также прикуп богатыми крестьянами земли для посева хлебов на продажу имели место и в южных вотчинах чернозёмного района, в Тамбовской и Воронежской губ. В 1801 г. поступление от оброчных статей по Воронежской вотчине составляло 5750 руб., а по Тамбовской — 2080 руб.[3]

[1] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 90.

[2] См. *В. И. Александрова*, Крестьяне крупной помещичьей вотчины центральной России в XVIII—XIX вв., Л. 1953.

[3] См. *Е. И. Индова*, Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых, стр. 70, 102, 140.

По той же Тамбовской губ. о покупке земли «прожиточными крестьянами у крестьян же» имеются указания уже в ответе на Сенатскую анкету 1766 г. по Троицкому у.[1]

В районе Среднего Поволжья аренда крестьянами «дикопорозжей» земли и сенных покосов показана в с. Ивановском, в барщинной вотчине Полянских[2]. Аренду и покупку земли в соединении с эксплуатацией наёмного труда односельчан и сторонних малоимущих крестьян указывает Л. Ф. Захарова по Нижегородской губ.[3] Здесь же отмечена сдача пустошей в аренду зажиточным крестьянам по Безводненской вотчине Юсуповых[4].

К покупке и аренде земли обращались и зажиточные крестьяне из числа государственных и экономических. Ответ на Сенатскую анкету по Костромской губ. сообщает об аренде земли экономическими крестьянами: «за недостатком оной, у других владельцев нанимая по договору в кортому, распахивают»[5]. Наказы черносошных крестьян северных губерний указывают «мочных» или «многих владельцев», т. е. зажиточных крестьян наряду с деревенскими владельцами из купечества в качестве владельцев «покупных земель»[6]. У черносошного крестьянина Фомы Карандышева в д. Коряковой, Никольского у., Вологодской губ., имелось 230 дес. земли[7].

Широкое распространение имеет и другой вид земельных сделок крестьян — коллективная крестьянская покупка или аренда земли, проводимая сельской общиной, целым миром. Эти сделки исходят в основном от низших прослоек крестьян, испытывающих острый недостаток в земле, приобретающих небольшие участки в соседних землях, главным образом пустоши, поступающие в раздел между участниками или использующиеся под выгон скота.

Сведениями о таких операциях изобилуют вотчинные архивы. Покупка и аренда земли носили массовый характер в сельскохозяйственном приселье с. Иванова. Покупки «пашенной земли с лесом и с сенными покосы и со всеми угодьями»,

[1] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. III, л. 283 об.

[2] См. *И. А. Булыгин*, Крепостное хозяйство Пензенской губ. в последней трети XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), М. 1954, стр. 81.

[3] См. *Л. Ф. Захарова*, Помещичьи крестьяне Нижегородской губернии и их классовая борьба во второй половине XVIII в. (автореферат), Горький 1955, стр. 13.

[4] См. *Т. П. Ржаникова*, Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (рукопись кандидатской диссертации), Л. 1953, стр. 120.

[5] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. II, л. 128 об. — 129.

[6] См. сб. РИО, т. 123, наказы № 339, 342, 345, 348 и др.; *В. А. Боголюбов*, Экономический быт крестьян Северного края по крестьянским наказам во Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года, стр. 79—80.

[7] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, стр. 620, прим. 3.

а также отхожих пустошей отмечены здесь по 6 деревням, общей сложностью 523 дес., в том числе 214 дес. пашни.

Многочисленные сведения о таких покупках или коллективной аренде земли крестьянами приведены Рябковым по Смоленской губ., особенно по Сычёвскому у. Так, крестьяне д. Федяева с 60-х годов XVIII в. в течение 40 лет держали пустоши помещицы Глазовой и однодворцев «за разные цены» под покосы. Несколько дворовых крестьян д. Белосев хлеба и покосы. Несколько дворовых крестьян д. Белоусовки помещицы Лихачёвой арендовали у двух соседних помещиков пустошь в 60 дес. Две пустоши в 170 и 80 дес. арендовали крестьяне П. П. Салтыкова под посев озимого и ярового хлеба; крестьяне д. Осиповки арендовали пустошь у помещика Сысоева за 8 руб. «с гостиницы» и т. д.[1] Данные о мирских покупках и арендах содержат материалы Ивановского вотчинного архива. Крестьяне Серебрянопрудской вотчины, испытывавшие крайнюю нужду в лесе, купили в 1796 г. 500 дес. лесной поросли в Каширской засеке[2]. О мирских покупках и аренде земли говорят приказы князя М. М. Щербатова по его ярославским вотчинам. Так, в приказах 1766 г. упоминается спор с крестьянами соседнего помещика о пустоши, купленной у помещика Тимофея Болотникова, «которая мне продана и во владении состояла у моих крестьян»; указание: «мне продана», должно быть отнесено за счёт порядка оформления земельных покупок крестьян[3]. Другой приказ Щербатова содержит указание на аренду крестьянами его собственной пустоши в его Романовской вотчине[4].

Иногда налицо комбинированные формы таких сделок: покупка или особенно аренда совершается коллективно, миром, но распределение земли между крестьянами производится пропорционально внесённым ими деньгам. А. Титов, автор описания Ростовского у., сообщает о покупке крестьянами торгового с. Ильинского, состоявшего во владении князя Хованского в начале второй половины XVIII в., у соседнего помещика Горбищева в складчину пустоши Горбищево площадью около 2500 дес. При этом местные богатые крестьяне братья Панкратьевы и Д. И. Малков внесли по 300 руб.; их пай, естественно, во много раз превышал пай рядовых крестьян. Панкратьевым, по сведениям Титова, досталось 17 полос и в них 50—60 загонов; хотя непосредственный размер загона и полосы не указан, но само это определение достаточно показательно[5].

Экономическое описание Дмитровского у. 1773 г. отмечает аренду земли — «в оброк», «во владение из найму» — отхо-

[1] См. *Т. Т. Рябков*, рукопись указанной диссертации, стр. 156—157.
[2] См. *В. И. Александрова*, рукопись указанной диссертации, стр. 23.
[3] ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, д. 426, л. 30.
[4] Там же, д. 550, 1783 г., л. 8.
[5] См. *А. А. Титов*, Ростовский уезд Ярославской губернии, М. 1885.

жих земель и оброчных пустошей Государственной коллегии экономии и отдельных помещиков по 34 помещичьим и 6 экономическим сёлам, преимущественно «миром». Только по 20 селениям общая аренда земли составила около 700 дес. Отмечаются здесь и сравнительно крупные аренды отдельных крестьян: так, крестьянин д. Игнатовки Михаил Прокофьев арендовал 61 дес., в том числе около 50 дес. дровяного лесу. Об арендованной небольшой отхожей пустоши Абухово при с. Рогачёве сообщалось, что она обрабатывается «с наёмными людьми» (годовая плата 75 коп.)[1].

Наряду с такого рода сделками между крестьянами и помещиками документы свидетельствуют *о многочисленных земельных сделках между самими крестьянами*. Скудные крестьяне, не располагая необходимыми средствами, инвентарём и посевным материалом для засева своей надельной земли, полностью переходят на промысловые занятия или на службу по найму и, забрасывая сельское хозяйство, сдают свои наделы по договору за плату. Таким образом, в товар превращаются сами надельные земли. Фактическим результатом этих операций является концентрация значительной массы надельных земель в руках зажиточной верхушки в прямое нарушение вотчинных порядков.

Помещичьи инструкции и приказы приказчикам пытались ограничить такого рода сделки. «Крестьянам пашни своей в наём без позволения вотчинного начальства отнюдь не отдавать, а ему дозволять в таком только случае, ежели хотящий отдать имеет дельную какую-либо необходимость...», — значилось в пункте 14 вотчинной инструкции графа В. Г. Орлова 1790 г. в его Симбилейскую вотчину[2]. Граф Н. П. Шереметев, желая сохранить хлебопашество всех крестьян на их надельных землях, инструкцией 1794 г. специально запрещал такого рода сделки между крестьянами, грозя виновным в нарушении указов отобранием в пользу господина всего урожая и сверх того денежным штрафом по 10 руб. с обоих участников сделки[3]. О том же говорилось в приведённых выше приказах В. И. Суворова. Такая забота помещика о наделе скудного крестьянина объяснялась страхом лишиться тяглеца. Однако практика сводила на нет старания вотчинной администрации. Появление всех этих инструкций и приказов именно в 90-е годы XVIII в. говорит об особом распространении этих сделок в указанный период.

О соответствующих сделках между крестьянами, ведущих к сосредоточению значительной части надельной земли в руках зажиточной верхушки деревни, говорят многочисленные

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 14859.
[2] См. «Нижегородский краеведческий сборник», т. II, 1929, стр. 191.
[3] ЦГАДА, ф. Шереметевых, Ивановское вотчинное правление, д. 1, 1794 г., л. 1—7, специально л. 5 об., п. 17.

официальные источники, экономическая литература и вотчинная документация, начиная с 60-х годов, но особенно в последней четверти XVIII в.

В «Трудах Вольного экономического общества» Т. Клингштет писал об эксплуатации «богатеями» скудного крестьянства [1]. Федот Удолов в своих «Экономических правилах» также сетовал: «Зажиточные как собственных, так и соседственных деревень крестьяне всегда имеют случай недостатками бедных корыстоваться». И далее он поясняет: «Богатый, ссужая бедного своим скотом, получал чрез то работных людей больше, чем на своём поле употреблять мог, и для того у бедного своего соседа нанимал пустую его землю за безделицу» [2].

Эта форма мобилизации земельной собственности, как показывают уже приводившиеся выше факты, непосредственно связана с процессом расслоения крестьянства, с выделением зажиточной верхушки и разорением скудных. Указания этого рода содержались уже в приведённых ответах на Сенатскую анкету 1766 г. Так, Троицкий воевода (Тамбовская пров.) в своём ответе на Сенатскую анкету 1766 г. сообщал в п. 14: «Многие жители пришли в оскудение и от того земли свои прожиточным мужикам отдают, а сами идут в работы на водяные суда и в другие промыслы, а прочие к тем прожиточным мужикам нанимаются работать» [3].

О том же сообщается в ответе по Юрьев-Польскому у. на анкету «Вольного экономического общества» 1765 г.: «...иногда случаетца одному крестьянину другому отдать на сколько времени свою землю», и при этом добавляется: «...за оную не дешёвую цену получают» [4]. Противопоставление «мочных» и скудных характеризует и приведённые наказы черносошных крестьян. То же положение характерно и для крестьян помещичьих. Об аренде «первостатейных» земель односельчан сообщает Г. Н. Бибиков по тульской вотчине князя М. М. Голицына для конца XVIII в. [5] Многочисленные материалы содержатся на этот счёт в «Книгах записи торговых сделок» Ивановской вотчины Шереметевых. За 80—90-е годы здесь имеются многочисленные «поступные», заёмные, письма под заклад земли и другие документы, фактически передающие наделы разоряющихся скудных крестьян, включая и усадебные участки с домом и огородом, сельским богачам. За 1783—1788 гг. значится более 70 таких сделок: вдова Спиридонова «поступила» свою землю В. И. Гандурину; крестьянин Дарьинский «поступил» за 40 руб. свою пахотную землю и половину огорода; крестьянская вдова Шабрина с сыном заняла

[1] См. «Труды ВЭО», ч. XVI, Спб. 1770, стр. 240—241.
[2] Там же, ч. XVII, Спб. 1771, стр. 115, 119—120.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1241, оп. 303, д. 1651, т. III, л. 283 об.
[4] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 391, л. 296, п. 28.
[5] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 82.

у самого богатого ивановского фабриканта — Ефима Грачёва 81 рубль, обязавшись в случае неуплаты «поступить» ему «хоромное своё владение с усадебною и огородною землёю, что ни есть, всё без остатку в вечное владение без выкупу и бесповоротно»; вдова Ухова продала тому же Грачёву «покупную на имя помещика в Шуйском уезде полупустошь Харенки, усадебную, огородную и огуменную и пахотную землю со всеми угодьями за 90 рублёв» [1]. Аналогичные данные по Васильевской вотчине содержит дело «Собрание разных купчих» за 1762—1782 гг., причём в числе получателей земли значатся богатые крестьяне села, широко развивающие ростовщические, ссудные операции. Одна из сделок прямо указывает на отдачу в наём своей надельной земли — яровой пашни — за 60 коп. и сверх того обязательство «запахать ему, Кошину, у меня, Ноздрина, яровых хлебов две полосы безденежно». Крестьянин Попов «поступил» Г. Кокушкину, одному из ивановских «фабрикантов», свой дом «для своей нужды и на расплату долгов» [2].

Сдача надельной земли в аренду становилась массовым явлением в промышленных сёлах, где основная масса населения занималась промыслами, работала на мануфактурах, а хлебопашество забрасывала. В с. Иванове в 1795 г., по подворным описям, из 1057 крестьян тяглового возраста только 57 человек занимались хлебопашеством; при этом многие сдавали свою землю крестьянам приселья, и это, очевидно, стало уже постоянным фактом.

Эти же явления широко распространены по промышленным сёлам Нижегородской губ. В с. Павлове было 3059 д. м. п. и значилось 3745 дес. пашни; крестьяне занимались промыслами, а земля, как значится в приказе домовой канцелярии от 1802 г., «за необрабатыванием её своими отдаётся в наём посторонним крестьянам по дешёвой цене» [3]. В отношении с. Безводного, центра проволочно-гвоздарного производства, Экономические примечания Нижегородской губ. прямо отмечают отсутствие хлебопашества у крестьян; между тем по селу числилось 774 дес. пашни, которая, очевидно, сдавалась в аренду посторонним [4].

Усиление спроса на землю нашло отражение в рыночных, товарных ценах на землю, в росте арендных цен. Первый заметный рост цен по Центральному земледельческому району отметили уже ответы на Сенатскую анкету 1766 г. Так, цены

[1] *А. М. Разгон*, К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в. «Вопросы Истории» № 9, 1955 г., стр. 63—75. См. также рукопись диссертации, стр. 216—217, 223, 224, 665—666.
[2] ЦГАДА, ф. Шереметевых, Васильевская вотчина, д. 10, л. 206 об. и др.
[3] Сб. «Крестьянская промышленность», т. 1, стр. 247.
[4] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 15, д. 48, дача 80.

по Белгородской пров. указаны в 15—30 коп. за 1 дес. под яровой хлеб и в 50—70 коп. и до 1 руб. под рожь[1]. Упоминавшееся Экономическое описание Курской губ. 1783 г. определяло уже цену крестьянской аренды земли под яровой хлеб до 2 руб. и в 2—3 руб. под рожь[2]. По Богородскому у. Тульской губ. А. Т. Болотов на 1770 г. определял рост арендных платежей за 1 дес. пахотной земли с 50 коп. до 2 руб.[3]; в центральной густонаселённой Тульской губ. спрос и цены росли быстрее, чем в южной, сравнительно окраинной Белгородской и позднее в Курской губ. Для 90-х годов XVIII в. приведённые сведения по Серебрянопрудской вотчине Шереметевых, в Тульской губ., указывают уже 5 и 7 руб., а сведения о куплях крестьянина Садофеева за 1774—1795 гг. дают среднюю покупную цену в 22 руб. за 1 дес. По письмам приказчика Новосильской вотчины Голицыных соответствующие цены определяются в 20—30 коп. к середине века, от 40 коп. до 1 руб. — к началу 80-х годов и в 7 р. 50 к. — 8 руб. — на 1800—1801 гг.[4]

Для нечернозёмного района о росте арендных цен говорил приведённый ответ на анкету «Вольного экономического общества» 1765 г. по Юрьев-Польскому у.: «...за оную (землю — *Н. Р.*) не дешёвую цену получают».

Как видно из приведённых выше фактов, разного рода крестьянские земельные сделки получили широкое распространение как в промышленных и промысловых районах, так и в земледельческих, особенно в центральных земледельческих, губерниях, с прочным владельческим освоением земель.

По-видимому, это распространение было настолько широким, что в рукописи одного помещика, проникнутой ярко выраженными крепостническими тенденциями, с решительной защитой барщины, выдвигается своеобразный проект известной легализации этих крестьянских сделок, но с внесением определённых ограничений. Автор предлагает разрешить крестьянам обмен земли с помещиками при чересполосице и покупку у помещиков «удобной им части земли», с одновременным запрещением «продавать, добровольно уступать в вечное владение дворянам, отдавать в наём свои земли и принимать на жительство в свои дачи разночинцев»[5].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. III, л. 219.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 12, д. 37, дача 85.
[3] См. Записки А. Т. Болотова, т. III, стр. 1027.
[4] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 103—104.
[5] Примечания надворного советника Ал. Сафонова на хозяйственное состояние в России земледелия и скотоводства и на те в них замешательства, которые послужили источником всеобщей дороговизны, с кратким начертанием легчайших способов, служащих начинанием к отвращению настоящих по сим частям неудобствам. Июня 5 дня 1798 г. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отд., Эрмитажное собрание (русская часть), д. 107, ч. 49 (§ 30).

Таким образом, если, с одной стороны, происходит подтачивание феодальной дворянско-помещичьей собственности, то, с другой стороны, налицо также углубляющееся нарушение крестьянского надельного землевладения, на которое опирается феодальное землевладение и феодальный экономический строй.

4. Наступление феодалов на крестьянскую собственность

Отмечая явления расшатывания феодальной земельной собственности, в то же время отнюдь нельзя забывать, что все эти процессы происходили в условиях сохранявшегося господства феодального строя общества и феодальной политической надстройки, создававшей благоприятные условия для борьбы феодально-помещичьего класса за сохранение своих монопольных прав на землю и даже для его перехода в свою очередь в наступление. Столкновение противоречивых явлений и тенденций характерно для периода складывания капиталистического уклада. Уступая в какой-то мере под давлением новых тенденций в одних частях, дворянство само переходило в наступление в других местах, стремясь распространить свою феодальную собственность на новые земли (государственные), особенно на земли экономических крестьян и на сохранявшиеся специальные промежуточные группы мелких владельцев — однодворцев, старых служб служилых людей (пахотных солдат, пушкарей и др.), войсковых обывателей из казаков, так называемых черкас, в пограничных с украинскими землями губерниях и т. д. Эта борьба особенно характерна именно для новых экономических районов — южной и восточной части формирующейся Центральной земледельческой области с их растущим во второй половине XVIII в. экономическим значением.

Выше была отмечена борьба дворянства с купеческим землевладением в виде разрешений петровским законодательством покупки деревень к мануфактурам, завершившаяся указом 1762 г. Тогда же в елизаветинской Уложенной комиссии ярыми защитниками дворянских привилегий во главе с Р. И. Воронцовым была заявлена претензия на церковные земли. Упомянутая выше гл. 18 второй редакции проекта уложения «О состоянии подданных вообще» содержала развёрнутый дворянский проект секуляризации церковных имуществ с их обязательной продажей в полугодовой срок дворянам — «таким людям, кто деревни имеет»[1].

Секуляризация церковных имуществ была проведена в 1764 г. на иных основаниях: церковные земли были превращены в государственные и поступили в ведение специально

---

[1] «Исторические записки», АН СССР, кн. 38, 1951 г., стр. 242.

созданной Коллегии экономии. Но дворянство не оставило своих притязаний и после этого, неоднократно выступая с проектами передачи ему этих земель. В связи с Сенатской анкетой 1766 г. о причинах дороговизны хлеба с проектом такого рода выступил московский губернатор Юшков, кстати бывший членом Уложенной комиссии 1754—1766 гг. по выработке нового уложения. Утверждая, что сельское хозяйство в экономических селениях приходит в упадок, и доказывая благотворность помещичьего хозяйственного руководства, Юшков предлагал «оные ведомства коллегии экономии деревни продать желающим с аукциона, имеющим право пользоваться деревнями» (т. е. дворянам. — *Н. Р.*) [1].

Почти одновременно с Юшковым, в январе 1766 г., выступил с ещё более широким проектом состоявший тогда членом дворцовой канцелярии Екатерины II Иван Елагин, предлагавший все казённые земли, а не одни экономические, отдать «на определённое время и с известным в казну платежом, в содержание дворянам» [2].

Эти идеи прозвучали и в Уложенной комиссии 1767 г. Так, наказ от дворян Керенского у. содержал конкретный проект продажи экономических вотчин дворянам, до 1000 душ в одни руки [3].

В этом же смысле несколько позднее выступил дворянский публицист, ярославский помещик князь М. М. Щербатов. Уже в своей работе «Статистика в рассуждении России» (1776—1777 гг.) он подверг критике проведённую секуляризацию, доказывая подобно Юшкову, что последняя привела к разорению «великих конских и скотских заводов» и к упадку хлебопашества на секуляризированных землях, и обвиняя государство в присвоении себе этих земель и в нарушении прав дворянства, их старинных владельцев: «...деревни ж к тем возвратились, которых предки разорили для сыскания рая души своей» (т. е. передачей земли в монастыри в качестве вкладов). Щербатов предлагал отдавать экономические земли с крестьянами под опеку дворян или сдавать им в аренду. В то же время он предлагал бесплатную раздачу нуждающемуся в земле крестьянству пустой земли в южных степных областях — в Белгородской и Воронежской губ. Позднее в своей работе «Рассуждение о нынешнем в 1778 г. почти повсеместном голоде в России», снова выставляя пользу помещичьего надзора над крестьянским хозяйством и руководства им, князь Щербатов выдвигал как наиболее рациональную с точки зрения дворянских интересов меру *«продать все государственные и экономические деревни дворянам,* щитая кругом по 80 рублей за

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. 6, л. 54, 1767 г.

[2] «Журнал землевладельцев» № 21, 1859 г., стр. 5—32, особ. стр. 31; № 22, 1859 г., стр. 135—184, особ. стр. 154 и сл.

[3] См. Сб. РИО, т. 68, наказ № 122, п. 31.

душу, мельницы и другие оброчные статьи, щитая по нынешнему доходу проценту по 5 рублёв со ста... Продажу бы сию сделать, не брав деньги, но брав в залог самые сии деревни, бессрочно, с платежом процентов» [1].

Этот вопрос не случайно ставился так остро с конца 50-х годов XVIII в.: *он стоял в тесной связи с растущим рыночным спросом на сельскохозяйственные продукты и прежде всего на хлеб, что порождало стремление дворянства к расширению своего хозяйства и соответственно своего землевладения,* особенно в Центральном земледельческом районе, на степных землях. Ответы на Сенатскую анкету 1766 г. именно по этим районам пестрят сведениями о растущей борьбе помещиков, в частности помещиков с однодворцами, за землю и о захватах помещиками пустошных земель. В ответе по Белгородскому у. сообщается: «...где были хотя и степные места, то уже почти все распаханы», и земли нанимаются у владельцев под рожь по 50 и 70 коп. за 1 дес., под яровой хлеб — за 25—30 коп. в год, «чего никогда так дорого здесь не бывало». По Рыльскому у. отмечаются «соседственных владельцев беспокойные тяжбы и за земли споры и драки»; «всякий владение своё распространить старается, а особливо в селениях однодворческих». Ответ по Елецкой пров. указывал на множество помещиков, которым «по древнему обыкновению и тогдашнему малолюдству и порожних земель множеству... жаловались весьма великие и обширные земли не по мере числа написанных четвертей, но примерно по одним окружным признакам и приурочиванию»; указывается на обширные земли «особою округою обведённые», «а иногда и по неправильным крепостям, но только усилием захватя в своё знатную обширность земли», и на происходящие отсюда «хождения по земельным тяжбам». О борьбе за землю сообщается и из Ряжского у.: «Бывшие с кровопролитием великие драки, а паче однодворцы от дворян обидимы» [2].

О захвате дворянами однодворческих земель настойчиво повторяют и наказы в Уложенную комиссию от однодворцев и сравнительно близких к ним по своему правовому положению старых служб служилых людей. В сборниках «Русского исторического общества» опубликовано лишь небольшое число их наказов, в основном по уездам Тульской и отчасти Рязанской губ. Это районы старого освоения, с давним и однодворческим, и дворянским землевладением, успевшим разобрать основную массу культурной площади.

Однодворцы Одоевского у. указывали, что за разными тягостями многие однодворцы «жалованные предкам нашим

[1] См. *М. М. Щербатов,* Соч., т. 1, Политические сочинения, Спб. 1896, стр. 492, 598—603, 667.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. III, л. 219, 233, 255, 257, 269 и др.

земли распродали помещикам не малое число, а оные купя, уведав однодворческое изнеможение, не токмо проданного им, но и оставшею дачею за продажей, жалованною предкам нашим землёю многим людям завладели сильно». Так, однодворцы Одоевского у. раскрывали и самый путь осуществления захватов через постепенное проникновение дворян в отведённые однодворцам земли. Точно ту же картину воспроизвели и однодворцы д. Новые Сурова, Крапивенского у. Однодворцы с. Левенского, того же уезда, показали, что из пожалованных им 3048 четвертей с осьминою в трёх полях и 1130 копён сена примерно половинную часть захватили соседние помещики, среди которых главная доля пришлась на генерала И. Е. Зыбина и генерала А. И. Тараканова с сыном. О таких же захватах сообщали прежних служб пашенные городовые солдаты Тульской пров., где львиная доля пришлась на генерала Н. М. Леонтьева. Рядом с ним особенно выделяется целая семья местных дворян Крюковых: из состава последних значится поручик Б. М. Крюков, его два сына И. Б. Крюков и С. Б. Крюков и их жёны, из которых каждый захватывал земли на свою личную долю [1]. В. И. Семевский приводит аналогичные данные по Ефремовскому у., входившему тогда в Елецкую пров., по Тамбовской, Воронежской и Белгородской губ., на основе архивных данных, к сожалению, без достаточной конкретизации [2].

Данные наказов получают значительную конкретизацию при обращении к Экономическим примечаниям по губерниям, хорошо иллюстрирующим и путь, которым идут помещичьи захваты.

Тульская губ., о которой речь была выше, — типичная губерния старого однодворческого поселения. По данным Экономических примечаний, в губернии числились 5423 двора однодворцев и в них 18 515 д. м. п., что составляло 5,7% ко всему сельскому населению губернии. Но ещё более показательно то, что лишь 370 дворов и 1856 д. м. п. однодворцев остались в самостоятельных деревнях, тогда как 16 790 д. м. п. проживали уже вместе с совладельцами-помещиками из дворян, за которыми числилось в этих однодворческих сёлах 1250 д. м. п. За однодворцами без посторонних осталось только 28 селений по всей губернии, тогда как в 239 селениях совладельцами были помещики; то же положение относится к владению пустошами [3]. Таким образом, первый этап — внедрение дворянско-помещичьего землевладения в однодворческие дачи — здесь уже фактически завершался, охватив 90% всего однодворческого населения губернии. Одновременно шёл захват однодворческих угодий, и однодворческие хозяйства по мере их дробления с пере-

[1] См. сб. РИО, т. 115, стр. 14, 35, 19—20, 49—51.
[2] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, стр. 738—739 и 766—767.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 31.

ходом к следующим поколениям обрекались на последовательное разорение и полное поглощение помещиками.

Дворянство Тульской губ. выступило в Уложенной комиссии с прямым проектом вывода однодворцев и пашенных солдат в украинские губ. и раздачи их земель дворянам за небольшую плату. Об этом писали в своих наказах дворяне Веневского, Одоевского, Крапивенского у. и др. Эти захваты ещё стимулировались более высокими нормами однодворческого землевладения, ввиду чего крапивенское дворянство предлагало уравнять однодворцев и других казённых крестьян с помещичьими [1]. Депутат от однодворцев Севской пров. П. Грыдин со своей стороны жаловался на заседании Уложенной комиссии, что однодворцы из-за притеснений со стороны помещиков и захвата их земель «принуждены сходить даже на украинскую линию и в другие места дальние» [2].

Действительно, в середине века шло сосредоточение значительного однодворческого населения в новых районах — на южной степной окраине, на территории старых Воронежской и Белгородской губ., позднее в пределах Курской и Орловской губ., новых Воронежской и Тамбовской губ. Упомянутый Грыдин определял их численность в середине 60-х годов XVIII в. до 700 тыс. человек. По данным IV ревизии (1784 г.), их значилось: 132 360 д. м. п. — в Тамбовской губ., 120 868 — в Воронежской, 197 076 — в Курской и 82 162 — в Орловской губ. Во всех этих губерниях однодворцы фактически численно превосходили частновладельческих крестьян: в Курской губ. они составляли 44%, тогда как помещичьи крестьяне вместе с подданными малороссиянами — только 43,7% всего населения губернии; в Воронежской губ. обе группы помещичьих крестьян составляли 36,5%, а однодворцы — 30,7%, но к последним непосредственно примыкали войсковые обыватели — черкасы, составлявшие 19% населения. Только в Тамбовской губ. помещичьи крестьяне составляли 43,7% при 31% однодворцев, но это понижение среднего процента однодворцев по губернии происходило в основном за счёт Елатомского, Шацкого, Спасского и Моршанского у., где однодворцы совсем или почти отсутствовали [3].

Однако и в этих южных губ. уже отчётливо обозначилось наступление дворянства на землевладение однодворцев и оказавшихся в пределах этих же губерний «войсковых обывателей-черкас», превращаемых в «подданных-черкас», или «владельческих малороссиян», как официально именовалось

[1] См. Сб. РИО, т. 4, № 16, п. 6; т. 8, № 38, п. 6; № 48, п. 1 и 17.
[2] Сб. РИО, т. 36, Спб. 1882, стр. 164.
[3] См. по Курской и Тамбовской губ. табели к Экономическим примечаниям по уездам, ЦГАДА, Межевой архив, д. 12 и 29, по Воронежской губ. Губернаторские донесения 1779—1780 гг., ЦГАДА, р. XVI, д. 654 и др.

попадавшее в крепостную зависимость бывшее украинское казачество.

По данным Генерального межевания, и в этих районах с густым однодворческим населением оставалось уже небольшое число чисто однодворческих сёл. Так, в Козловском у., Тамбовской губ., при подавляющем числе однодворческого населения — около 33 000 д. м. п. — только 3464 однодворца жили отдельными сёлами, а в селения остальных 30 000 уже внедрились помещичьи крестьяне, хотя и в небольшом числе. Соответственно для Лебедянского у., той же губернии, мы имеем 1956 д. м. п. в отдельных селениях и 19 198 д. м. п. в общих дачах с помещичьими, для Усманского — 3385 и 11 351, и только в Тамбовском и Борисоглебском у. эта пропорция остаётся ещё более благоприятной: 6565 и 14 648 — в первом, 9353 и 5701 — во втором [1].

Такое же положение сложилось и в Воронежской губ. К моменту организации губернии по положению 1775 г. в Воронежском у. имелось 13 небольших чисто однодворческих селений с 1921 д. м. п. и 28 селений со смешанным населением, в них — 9124 однодворца. Соответствующее соотношение числа слобод для Задонского у. — 25 и 34, для Землянского — 23 и 40, для Нижнедевицкого — 13 и 31, для Ливенского — 4 и 22 (153 и 4169 д. м. п. однодворцев). Показательно при этом и то, что в большей части смешанных сёл число помещичьих крестьян было невелико и часто ограничивается единицами. Это особенно ярко отражено по Нижнедевицкому у., где в 8 сёлах число помещичьих крестьян колебалось от 1 до 16, в то время как число однодворцев составляло несколько сот в каждом. В Воронежском у., в с. Девицах, состояло 956 однодворцев и 7 помещичьих крестьян, в с. Пчельниках соответственно — 360 и 6; такие же примеры можно привести и по другим уездам. При этом в указанном списке селений не могли быть оговорены те, где помещики могли уже приобрести земли, но ещё не поселили крестьян [2].

Та же судьба постигла на юге и украинское население из бывших казаков: среди сёл войсковых обывателей решительно растёт число крупных владельческих селений с подданными-черкасами и смешанные селения, таковы Бирючский, Калитвенский, Купянский, Беловодский, Богучарский у. Воронежской губ. И здесь можно привести для примера такие селения Богучарского у., как сл. Калач с 1949 войсковыми обывателями и 14 помещичьими крестьянами, как сл. Бычек с 913 войсковыми обывателями и 32 помещичьими [3]. Такое же преобладание смешанных селений отмечается и по Курской губ. Так, из

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, Тамбовская губ., дд. 33, 44, 96, 81. 8.
[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 654, лл. 1—38.
[3] Там же. «Войсковые обыватели» — название черкас, состоявших на государственных землях.

11 селений, принадлежавших графу Головкину в Богатинском у., в 6 селениях жили однодворцы; из 13 селений графа Брюса в Дмитреевском у. 9 были в совместном владении с однодворцами; в этом же уезде однодворцы показаны в 6 из 8 дач князя Трубецкого, в 11 из 16 селений владения графа П. Б. Шереметева и т. д. [1]

По Тамбовской губ. можно привести для примера материалы по Лебедянскому у. Все владения П. И. Бибикова состояли в однодворческих селениях; то же относится к большинству владений князя В. И. Долгорукова. Аналогичное положение сложилось в вотчинах князя П. И. Репнина в Липецком у., в вотчинах князей Гагариных в Тамбовском у. и т. д. [2] Характерно, что это относится к большинству крупных однодворческих селений; важно и то, что это свойственно именно возникающему в этом южном степном районе землевладению крупного столичного дворянства. Конечно, наряду с этим в однодворческих сёлах появилось и большое число мелких и средних душевладельцев из местного дворянства, часть которых выходила, может быть, и из среды самих однодворцев, как об этом свидетельствуют и обе инструкции по Генеральному межеванию [3].

Однодворческие наказы и выступления в Уложенной комиссии указывали прежде всего на скупку дворянами отдельных однодворческих дворов и участков внутри однодворческих дач с их заселением крепостными крестьянами, как средство для влиятельного вельможи наложить руку на однодворческие земли, оказавшиеся теперь в одной даче, в общей обводной меже с его владением. Характерно при этом, что Экономические примечания ярко отражали раскол общей дачи в своём указании: «крестьяне — на пашне, однодворцы — на положенном (или на казённом) оброке».

Экономические примечания позволяют выявить и другой характерный путь распространения дворянского землевладения в этих южных губерниях — приобретение пустошей. Так, в Тамбовском у. из 19 дач И. И. Воронцова 8 составляли пустоши из отхожих земель, сенные покосы (до 1000 дес.) и лес (в отдельных дачах свыше 1000 дес.), а 6 — небольшие, видимо, совсем недавно поселённые на старых пустошах деревушки от 5 до 11 дворов с 8—10 д. м. п. на 1 двор и с земельным фондом в несколько десятков десятин на 1 д. м. п. Граф Р. И. Воронцов в том же уезде владел только одной пустошью, в которой состояло 441 дес. пашни и 544 дес. сенных покосов [4]. В Козловском у. во владельческих дачах числилась 121 пустошь

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 12, Курская губ., д. 11 и 16.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, Тамбовская губ., д. 44, 55, 81.
[3] См. ПСЗ, т. XIV, № 10237 — 3/V, гл. XXVI, п. 9, стр. 140; т. XVII, № 12659 — 25/V. 1766 г., гл. XIX.
[4] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, Тамбовская губ., д. 84.

при 80 селениях, тогда как в однодворческих и смешанных казённых селениях числилось 161 селение и всего 13 пустошей [1]. В Уманском у. за помещиками состояло 72 селения и 74 пустоши — около 80% всех пустошей в уезде; владения князя А. Ф. Вяземского состояли из 1 пустоши в 1000 дес. сенных покосов, за князьями Гагариными числилось 6 дач общей площадью в 9979 дес., состоявших только из пустошей; одним сельцом в 195 душ при 2000 дес. и вновь приобретённой пустошью около 3000 дес. владел князь П. И. Репнин; у одного из графов Салтыковых значилось 4862 дес. земли «с поселённой деревней» в 70 д. м. п. [2]

Такое положение наблюдается у большинства крупных вотчинников по всей Тамбовской губ. Оно характерно и для южного Богатинского у. Курской губ. Из 18 дач крупного землевладельца графа Г. И. Головкина половину составляли пустоши, и только эти последние были в его единоличном владении; селения находились в совместном владении с другими помещиками и большей частью с однодворцами. В Новооскольском у. князь Д. М. Голицын владел крупной сл. Михайловской и с. Богородицким, в них 5459 д. м. п. и 27 991 дес. земли, главным образом сенных покосов (23 520 дес.). В порядке дальнейшего распространения своих земельных владений он приобрёл долю в однодворческой сл. Голубиной вместе с другими совладельцами, а также пустошь с 1631 дес. леса [3]. В том же Дмитреевском у. князь Д. Ю. Трубецкой был совладельцем в 9 небольших селениях, в 3 из них совместно с другими представителями столичной знати — графом Я. А. Брюсом и графом П. Б. Шереметевым, причём в числе этих селений значилось 6 однодворческих сёл. Такое же положение характеризует обширные, состоящие из многих дач владения графа Брюса в том же уезде [4]. На пустоши помещики довольно быстро переселяли небольшое число своих крепостных крестьян из других районов. В Рыльском у. за княгиней Борятинской значилась пустошь, но на ней уже было показано 5 дворов с 21 д. м. п. [5] О недавнем освоении приобретённых пустошей говорят и нередко встречающиеся в Экономических примечаниях указания на деревни и сёла: «что была пустошь». В других случаях на вновь приобретённых обширных пустошах (в частности, из проданных по Генеральному межеванию) значится по нескольку дворов (нередко 2—5), либо вовсе без указания числа душ, которое, очевидно, ещё не определялось,

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, Тамбовская губ., д. 33.
[2] Там же, д. 96.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 12, Курская губ., д. 11, Богатинский у.; д. 59, Новооскольский у., дачи 35, 37, 60 и др.
[4] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 12, Курская губ., д. 16, дачи 45, 71, 72, 84, 85, 100, 104, 105, 108 и др.
[5] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 27, Курская губ., д. 85, дача 214.

либо с указанием 10—12 д. м. п. на 1 двор, что также свидетельствует об их недавнем и временном устройстве.

В этом отношении можно привести для примера материалы по Елецкому у. Орловской губ. Согласно Экономическим примечаниям, в уезде числилось 25 821 д. м. п., из них в чисто помещичьих сёлах проживало 8513 д. м. п., в чисто однодворческих сёлах — 892 д. м. п., в сёлах со смешанным владением — 16 194 д. м. п. и в прочих — 282 д. м. п. [1] Таким образом, из довольно большого числа однодворческого населения только 8 селений с 892 д. м. п. сохранили свою обособленность; все остальные уже оказались в совместном поселении с помещиками и их крестьянами. В Экономических примечаниях значится 97 таких селений со смешанным населением из общего числа 220 селений по уезду и из 105 однодворческих. При этом проникновение помещичьего землевладения в старые однодворческие сёла — явно дело недавнего времени. Так, в 29 селениях этого рода помещики значатся только в графе второй, содержащей названия селений и имена владельцев. В самом Экономическом примечании, где даются сведения о положении крестьян и характере их повинностей, указаны в отличие от других аналогичных селений только однодворцы на положенном окладе. Очевидно, либо помещики успели только приобрести пустую землю в соответствующих однодворческих дачах, либо положение вновь поселённых, и притом совсем недавно, крестьян ещё не определилось. В пользу предположения, что мы застаём здесь помещичью колонизацию ещё на самом начальном её этапе, говорит ряд моментов. В 40 селениях из общего числа 112 чисто владельческих селений (35%) Экономические примечания прямо на это указывают словами: «деревня, что была пустошь», «пустошь, что ныне сельцо», «проданная земля межевой канцелярией, на которой поселён хутор» или «поселена деревня» и т. д.; при этом в ряде случаев дело ограничивается 1 двором с 4, 6, 7, а в одном случае даже с 20 д. м. п. Напротив, в 12 случаях показаны только дворы, а обозначение числа душ заменено общей стереотипной формулой: «состоит в наличности»; при этом число дворов на дачу лишь в двух случаях достигло 20 и 25; очевидно, здесь заселение ещё не оформлено. Поэтому мы склонны предполагать, что подавляющая часть населения сёл со смешанным составом в это время приходится ещё именно на однодворцев, что в известной мере подтверждается сопоставлением с

[1] Цифры Экономических примечаний значительно ниже соответствующих данных Топографического описания, указывающего общую цифру в 37 953 д. м. п., в том числе однодворцев — 16 910. Мы затрудняемся определить источник расхождения, поскольку не можем дать точную дату Генерального межевания Елецкого у., так как межевание по губерниям в целом продолжалось с 1778 по 1796 г.

данными Топографического описания. Последние указывают, по материалам IV ревизии, 16 910 д. м. п. однодворцев, что почти совпадает с общей численностью населения в однодворческих и смешанных сёлах по Экономическим примечаниям (17 086 д. м. п.) [1].

Несомненно, приведённые данные свидетельствуют о сравнительно позднем появлении в этих районах землевладения крупных вотчинников. Дальнейшую его историю довольно верно определил П. Грыдин в своём «мнении», поданном в Уложенную комиссию, в котором он рисует яркую и в целом верную картину происходивших здесь земельных захватов. «Многие московских и других чинов люди... устремились в сугубую покупку предписанных Воронежской и Белгородской губерний однодворцев земель... и, покупя те однодворческие земли, переводя из других мест, населили в самых угожих местах немалые вотчины и оными чрез различные приметки не только однодворцев потеснили, но даже до того довели, что они, оставя настоящие свои жилища и земли... принуждены сходить даже на украинскую линию и в другие места дальние». При этом Грыдин жаловался, что помещики и их крестьяне насильственно захватывали у однородцев посеянный ими хлеб, сено, производили порубки леса и даже пытались превращать самих однодворцев в крепостных крестьян [2]. К указанной Грыдиным покупке однодворческих земель надо только прибавить покупку пустошей.

Говоря о складывании дворянского помещичьего землевладения на юге, нельзя не напомнить яркий рассказ А. Т. Болотова об образовании тамбовской вотчины бывшего воронежского губернатора Пашкова. Начав с покупки нескольких четвертей земли у сидевшего в воронежской тюрьме однодворца Луки Чёрного из д. Лукина, Пашков выпросил себе затем к этому владению 1000 четвертей близлежащей земли и, наконец, отписал на себя в отказных книгах по Генеральному межеванию несколько тысяч десятин соседней степи [3].

---

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 19, Орловская губ., д. 29; «Топографическое описание» — ГИМ, Отд. письменных источников, ф. 395, д. 127, л. 44 об. — 50.

[2] См. Сб. РИО, т. 36, стр. 164. Богатый материал о земельных захватах помещиков в однодворческих «дачах» и о развернувшейся в связи с этим острой борьбе однодворцев Воронежской губ. и смежных северных районов Слободской Украины содержит недавно опубликованная в «Известиях Воронежского педагогического института» статья В. И. Недосекина «Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губ. в середине XVIII в.», основанная на большом числе архивных источников, а также опубликованная в том же издании статья В. М. Проторчиной «К истории Воронежских однодворцев в XVIII в.» «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. XIX, Исторический факультет, Воронеж 1955, стр. 133—154 и 103—122.

[3] См. Записки А. Т. Болотова, т. III, стр. 210—211.

На южной степной окраине Центрального чернозёмного района главным источником заселения владельческих земель наряду с последовательным захватом соседних однодворческих дач, лежавших в общей меже, являлись «малороссияне», или «черкасы», соседних украинских губерний. В составе крупных феодальных вотчин этого района появляются обширные слободы «подданных-черкас». Такова сл. Михайловка князя Голицына в Новооскольском у. Курской губ. с 5459 д. м. п. подданных-черкас; в Воронежской губ. в Павловском у. за князем А. П. Щербатовым в сл. Михайловке и Петровке с деревнями и хуторами числилось 3791 д. м. п. малороссиян и крепостных крестьян (так выделялись в этих районах великорусские крестьяне), в Валуйском у., в сл. Александровской и Белокуракине, за князем Куракиным значилось 1956 и 2221 д. м. п. крестьян и подданных-черкас, в Бирючском у. за П. Б. Шереметевым с многими совладельцами в одной общей даче было отмежёвано 5 слобод с хуторами, 64 509 дес. пашни и 43 095 дес. сенных покосов на 10 191 д. м. п. и т. д. [1] Во всех этих дачах в период Генерального межевания черкасы, как правило, значатся на оброке, в том числе и в тех владениях, где крепостные крестьяне (из великорусского населения) состояли на пашне и на изделье. Очевидно, владельцы не хотели на первых порах вызывать более решительное сопротивление черкас, выходцев из бывших земель Войска Запорожского. Наряду с этим являются и новые поселения черкас, привлекаемых разными льготами на пустоши, вновь приобретённые дворянами.

Яркая картина появления в этих районах крупного дворянского землевладения и закабаления поселённых на этих землях черкас даётся в донесениях воронежского губернатора за 1764—1766 гг. о развернувшейся на этой почве борьбе между новыми владельцами, однодворцами и черкасами в Павловском у., старой Воронежской губ. Дело началось с жалобы однодворцев с. Пузевки и д. Чернавки, последовавшей в начале 60-х годов и рассмотренной специально организованной комиссией, о решении которой сообщалось в губернаторском донесении 1764 г. Однодворцы жаловались на незаконное поселение на их землях черкасской сл. Воронцовки, принадлежавшей графу Р. И. Воронцову. Комиссия, затребовав документы от однодворцев, установила, что однодворческое с. Пузевка и д. Чернавка были поселены на своей даче, т. е. на предоставленной однодворцам земле «возле Шиловского лесу», в 1725 г., после переселения из Чернавского у. «за малоимением» там земли и лесу, но при этом никакого формального отвода, т. е. отмежевания, им земли произведено не было, и грамот на владение они не получили. Поэтому однодворцам

---

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 12, д. 59, дача 60; ф. № 6, Воронежская губ., д. 131, дача 1; д. 46, дачи 97 и 104; д. 9, дача 23.

было отказано в иске. Одновременно управитель графа Воронцова представил 25 подлинных крепостей, совершённых в разные годы, на покупку 897 четвертей земли и показал в черкасской слободе 675 дворов и 2741 д. м. п., плативших 40 3/4 коп. подушной подати в казну и 1 руб. с каждого двора господского оброка. Крайне умеренный размер оброка был обусловлен, очевидно, нежеланием до поры до времени возбуждать недовольство поселённых черкас. Донесение содержало ещё одно интересное сообщение: комиссия поручила одновременно проверить, «а самым ли тем купленым числом земли слобода владеет», причём «по мере... оказалось во владении земли 14 000 четвертей (-7000 десятин), кроме лесных угодий», вместо значившихся по купчим 897 четвертей [1].

Продолжение событий относится уже к 1765—1766 гг. и содержится в делах 649 и 650. По-видимому, благоприятное разрешение первого спора и закрепление владельческих прав помещиков развязали им руки в отношении поселённых черкас, и помещики приступили к более активному осуществлению своих владельческих прав над последними. Донесение от 30 августа 1766 г. сообщало «о решении случившихся в Воронежск. губ. разных уездов в слободах владельческих о малороссиянах, поселившихся по объявлении владельцев на крепостных селениях, которые малороссияне с разных годов поныне без всякого от них спору за своими владельцами состояли, но ныне, учинясь ослушными, как положенного на них от владельцев чиншевого доходу не дают и от работ отказались, объявляя, что они принадлежат вашему императорскому величеству» и ссылаются на право свободно переходить от одного владельца к другому. Кроме известной уже нам сл. Воронцовки в донесении называется вторая слобода графа Р. И. Воронцова — Александровка, а также слободы графа А. Бутурлина — Петровская, князя Н. Трубецкого — Фасоновка, генерал-поручика Сафонова — Михайловка. По выяснении состояния этих слобод за Воронцовым было показано 977 четвертей земли (около 488 дес.) с 1756 г. и сообщалось его челобитье об отводе 10 000 дес. «из диких поль» с указанием на наличие уже 4056 д. м. п. черкас. Относительно сл. Михайловки сообщалось, что генерал-поручик Сафонов приобрёл здесь в 1751 г. от разных помещиков (очевидно, однодворцев) 55 четвертей, после чего ему было отведено 4025 дес. «из диких поль», за которые «взято в казну вместо найма по 10 коп. с четверти — 402 р. 50 к.». В поселённой на этой земле слободе оказалось 2955 душ черкас. Слобода графа Бутурлина сложилась из 109 четвертей земли, купленной у помещиков и однодворцев, 46 дес. наёмной

---

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 648, л. 8—9.

земли и 200 дес. «дикопорозжей», отведённой от Козловской канцелярии в 1760 г. На этой земле было поселено 3609 черкас, которые заведомо должны были пользоваться соседними пустошными или однодворческими землями. Кроме того, владелец ходатайствовал об отводе ему 2000 дес. из диких полей. Характерно, что в новых документах наряду с «чиншевым доходом» — денежным оброком уже фигурирует барщинная повинность («от работ отказались»). О характере барщины говорит сообщение, что они «как в собрании с полей хлеба, так и в заготовке сена для имеющегося в тех слободах владельческого скота... чинят препятствия и наёмных из протчих селений (к которым, очевидно, вынуждены были прибегнуть владельцы. — *Н. Р.*) для збору хлеба и к заготовлению сена не допущают». Характерно, далее, указание на «принадлежность вашему императ. величеству», «отказ от подданства» помещикам: черкасы делились на две группы — войсковых обывателей и подданных-черкас; речь шла фактически о превращении бывших свободных в подданных-черкас. Движение черкас, как видно из донесений, было подавлено вооружённой силой [1]. Дальнейшие сведения о крестьянском движении в указанных слободах графа Воронцова под 1768 г. сообщаются в недавно опубликованной статье А. С. Череваня по материалам Киевского исторического архива [2].

Согласно Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию, законченному в 1781 г., названные слободы с черкасами значились за указанными владельцами, при этом в сл. Воронцовке (очевидно, вместе с сл. Александровкой) числилось уже 6677 д. м. п. малороссиян и около 44 000 дес. пашни и сенных покосов; в сл. Фасоновке вместо 1663 д. м. п. числилось уже 2300 и вместо 1541 четверти (770 дес.) — около 12 500 дес. пашни, сенного покосу и леса [3].

Налицо, таким образом, все звенья процесса: 1) покупка небольших пустошей в пределах больших однодворческих дач, 2) поселение на льготе, по вызову на эту землю черкас, 3) хозяйственное использование последними соседних однодворческих земель и пустошей, 4) ходатайство об отводе этих земель вотчиннику в качестве «дикопорозжих» и присоединении к его первоначальному владению с поселённой слободкой с незначительной оплатой по инструкции о межевании. Итог этого процесса подведён в данных Генерального межевания на начало 80-х годов XVIII в.

---

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 650, л. 2—6; д. 648, л. 8—9; д. 649, особ. л. 7.
[2] См. *А. С. Черевань*, Совместная борьба украинского и русского крестьянства против феодального гнёта в 60—70-х годах XVIII в. «Вопросы истории» № 12, 1953 г., стр. 36—37.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 6, д. 131, дачи 3 и 7.

5. Генеральное межевание

Генеральное межевание явилось важным источником распространения дворянско-помещичьего землевладения во второй половине XVIII в. и сыграло в этом отношении особенно большую роль в южных степных районах. Этот вопрос был слабо отражён в законодательных документах первого этапа — в 50-е годы XVIII в. Инструкция о Генеральном межевании 1754 г. лишь глухо коснулась этого вопроса, скорее, ограничивая помещичьи права землями, фактически значившимися в купчих и жалованных крепостях. Некоторое дополнение внёс в этот вопрос сенатский указ № 10406 от 17 мая 1755 г., дозволявший помещику при полюбовном разводе межи в общих дачах просить о закреплении наличных излишков земли и «о взимании за перехожие (т. е. излишние. — *Н. Р.*) земли по 3 коп. за $1^1/_2$ дес.» (т. е. за $^1/_2$ дес. или 1 четверть в каждом поле) [1]. Речь шла, таким образом, в сущности о даровой уступке казённых земель помещикам, причём, как показала практика, в южных степных областях с обширными государственными пустошными землями — отхожими лесами и сенокосами — фактическое отмежевание земли против дачи, т. е. указанной в документе площади, до Генерального межевания не производилось.

Это нашло отражение в законодательстве Екатерины II, стремившейся обеспечить себе симпатии и поддержку дворянства. Уже в Манифесте о Генеральном межевании от 19 сентября 1765 г. содержался специальный пункт 3 «О полюбовном разделе примерных дач до межевания для оформления их за собою» и устанавливались погубернские расценки на земли «в дачах небывалые» и на «казённые засеки» [2]. Но особенно большое место отведено этому вопросу в новой инструкции землемерам от 15 февраля 1766 г. Пункт 76 инструкции санкционировал земельные права деревенских владельцев, о которых речь была выше. Вопросу отписки и продажи казённых земель частным владельцам были посвящены пункты 86—89. Особенно важным был пункт 86: «В которых уездах как пашенные земли, так и сенокосные луга и леса отданы кому из оброка... и ныне те владельцы за собой иметь их пожелают за теми межевать со взятием в казну» соответствующей платы. Пункт 88 предусматривал тройную плату за самовольно, без платежа оброка, захваченные земли. Этому же вопросу в инструкции межевания губернским канцеляриям и провинциальным конторам от 25 мая того же года были посвящены главы XXIV, XXV, XXVI и XXXII [3].

---

[1] ПСЗ, т. XIV, № 10406, стр. 360—361.
[2] ПСЗ, т. XVII, № 12474.
[3] ПСЗ, т. XVII, № 12570 (особ. стр. 574—580) и 12659 (особ. стр. 774—793).

Записки А. Т. Болотова ярко свидетельствуют о том, как восприняло дворянство Манифест и инструкции о межевании и насколько крупное место занимали в этом случае именно указанные статьи. Уже под 1765 г. Болотов писал с благодарностью о заботах Екатерины II по устроению государства, особо выделяя в первую очередь, что «...восхотела она и в сем пункте и казне приобресть выгоду и всем подданным оказать милость и преподать средство к правильному приобретению себе помянутых и нужных для них земель и лесов государственных...» Сам Болотов уже в связи с этим планировал покупку земли в Тамбовской губ. к своей степной деревеньке в Шацком у., где за ним состояло едва 10 четвертей, или 5 дес., земли, и для этого предпринял специальную поездку туда. Он описал при этом картину этой необозримой «нашей степи», «порослую ковылом и с начала света никем ещё не паханную и не обработанную». Он и его дядя решили сделать заявку о самовольном завладении ими 175 дес. (ввиду установленной тройной оплаты за такие земли) и о желании купить сверх того 800 дес. [1]

В 1766 г. Болотов возвращается к этому вопросу в связи с опубликованием Манифеста о межевании и межевых инструкций. «...в конце минувшего года, — пишет он, — издан был тот *славный манифест о межевании,* который произвёл во всём государстве толь великое потрясение умов и всех владельцев деревенских заставил так много мыслить, хлопотать и заботиться о всех своих земляных дачах и владениях». Он отмечает с удовлетворением, что инструкцией «не позабыты были никак и наши степные впусте лежащие земли, но их все велено было канцелярии Московской распродать как завладевшим оными, так и другим охочим людям». Некоторым разочарованием явились установленные цены: вместо ожидаемых 10 коп. за 1 дес. — 1 руб., а со строевым лесом по 3 руб., с увеличением в 3 раза за самовольно захваченные казённые земли. Вместе с тем сам Болотов отмечает фактическую умеренность этой цены. Болотов пишет о распространении приобретательской земельной горячки среди помещиков, которые делали заявки о завладении ими многими тысячами десятин земли. О том же свидетельствует и описание массового захвата помещиками земель в том же Шацком у. за период с 1765 по 1768 г., т. е. после издания Манифеста о межевании земель. Одним из крупных местных помещиков — С. М. Рахманиновым, по свидетельству Болотова, было захвачено и отмежёвано свыше 10 000 дес., при этом им был даже поставлен хутор на уже купленной Болотовым земле. Из указанной обширной пустоши крупные дачи были проданы Межевой канцелярией князьям Голицыным, Нащокиным, богатому помещику Пашкову; да и

---

[1] См. Записки А. Т. Болотова, т. II, стр. 560—567, 568.

сам Болотов уже при оформлении продажи в Межевой канцелярии сразу увеличил свою долю ещё на 1000 дес. [1]

Экономические примечания по губерниям дают и по этому вопросу богатый конкретный материал. В южных степных районах, как это показал и Болотов, шла массовая распродажа обширных государственных земель, главным образом пахотных земель и степных покосов. Так, в Козловском у. Тамбовской губ. (до реформы 1775 г. входил в старую Воронежскую губ.) Экономические примечания зафиксировали распродажу из Межевой канцелярии обширного степного пространства, представлявшего большой сплошной массив, обозначенный как Чурюновская степь и образовавший 34 дачи (между № 134—176). Общая площадь проданной земли определяется в 43 288 дес., преобладали дачи в несколько сот десятин, но наряду с этим отмечается 10 дач свыше 1000 дес., из них 2 наиболее крупные достигали 7420 и 7421 дес. В данном случае почти все земли разошлись между местными средними помещиками, и почти на всех дачах к моменту составления Экономических примечаний уже значились населённые сёла и деревни, как правило, с небольшим числом дворов и густым населением в последних (6, 7 и до 10 д. м. п.; средняя населённость двора в чисто владельческих селениях Козловского у. — ок. 5 д. м. п.) [2].

Этой возможностью широко воспользовалась и крупная столичная знать. Так, в Усманском у. Тамбовской губ. владение князя А. Р. Вяземского по Экономическим примечаниям состояло из одной пустоши, проданной Межевой канцелярией, в которой значилось 1000 дес. сенокосов. За тремя князьями Гагариными числилась тоже только купленная по межеванию земля в 6 дачах, образовавших 3 владения площадью в 3792, 1786 и 4398 дес., на которых они успели поселить лишь 8 дворов с 24 д. м. п., 4 двора с 15 д. м. п. и 12 дворов с 35 д. м. п., которые все значились «на пашне». Князь Г. Ф. Барятинский, уже владевший здесь с. Богородским с 289 д. м. п. в общей даче с однодворцами с 682 дес. пашни, 1498 дес. сенокосов и 22 дес. леса (всего 2264 дес.), приобрёл по межеванию в единоличное владение ещё одну дачу в 2251 дес., из них 1647 дес. сенных покосов. Один из графов Салтыковых сделался таким же образом владельцем обширной дачи в 4862 дес., из них 4176 дес. пашенной земли, на которой к моменту описания уже была поселена деревня из 22 дворов с 70 д. м. п. [3]

---

[1] См. Записки А. Т. Болотова, т. II, стр. 627, 628, 681—688, 715—718, 927—946; прод. в ч. III, стр. 201—334 за 1773 г.; т. III, письмо 190-е. Покупание земли.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, Тамбовская губ., д. 33.

[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, д. 96, дачи 163, 188, 195, 199, 194, 197, 198, 152, 160, 157.

В более центральном и более освоенном Елецком у. Орловской губ. Экономические примечания в составе частновладельческих земель показывают свыше 30 000 дес., проданных Межевой канцелярией, с преобладанием среди покупателей местного среднего дворянства. О помещичьих захватах пустошных земель Орловской губ. по-своему рассказал современник В. Зуев в описании своего путешествия на юг: «Прилежное здесь засевание сих пространных мест обязано здешним помещикам, кои особо пекутся, чтоб пустые места не лежали впраздне; у них крестьяне, будучи обложены вместо всякого окладу боярщиною, обрабатывают в положенные на них дни сии пустыри...» [1].

Широко было использовано межевание и в новых земледельческих районах на востоке — в Нижегородской, Пензенской и других губерниях, помещичье освоение которых именно во второй половине XVIII в. развивается ускоренными темпами. Здесь значительные приобретения сделала крупная столичная знать, которая, впрочем, действовала не столько покупкой, сколько использовала неопределённость границ в землях, отведённых на ещё недавно пустошных обширных землях. Так, по ведомости, составленной К. Н. Щепетовым, владения Шереметевых в итоге Генерального межевания пополнились за счёт «спорами отведённой» земли 36 380 дес., из которых 29 717 дес. приходится на леса в Нижегородской губ., присоединённые к старым вотчинам Шереметевых в Горбатовском у. [2] Князю Б. И. Куракину в Сердобском у. Пензенской пров. (позднее Саратовской губ.) принадлежало с. Борисоглебское, под которым первоначально значилось 1350 четвертей земли. Уже по межеванию 1734 г. за ним, согласно показанным урочищам, оказалось 6708 дес., из них неудобной 2750 дес., а по материалам последнего, екатерининского, межевания, в 80-х годах XVIII в. это его владение выросло до 16 313 дес. [3]

В Центральном промышленном районе и в северных уездах Центрального земледельческого района, с их давним владельческим освоением, возможности такого рода были значительно меньше, речь шла больше о захвате некоторой «примерной» земли в порядке обычного межевого спора. Таков захват 150 дес. лесу владельцем д. Волнино Тарусского у. Калужской губ. [4]

Экономические примечания верхневолжских губерний — Ярославской, Костромской — показывают большую роль приобретения пустошей в расширении здесь помещичьего земле-

---

[1] «Путешественные записки Василья Зуева от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году», Спб. 1787, стр. 105.

[2] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 294—295.

[3] См. *Э. С. Коган*, Крестьяне Пензенской и Саратовской вотчин Куракиных (рукопись кандидатской диссертации), стр. 116, 121—122.

[4] См. Записки А. Т. Болотова, т. II, стр. 635—638.

владения, но, к сожалению, ничего не говорят об источниках их приобретения. Так, князю Васильчикову в Кадыйском у. принадлежала одна крупная населённая дача в 4809 дес. и 16 пустошей (из них 12 смежных). Пустоши в виде мелких пожней и сенных покосов или, напротив, значительных, а порой совсем крупных лесных массивов преобладают здесь вообще во владении крупных вотчинников. Экономические примечания не содержат сведений о происхождении владения крупными лесными угодьями княгини Белосельской в Кологривском у., где она владела или состояла совладелицей в 12 селениях с 671 д. м. п. и 3235 дес. земли и в то же время участвовала во владении 22 пустошами, в которых состояло 163 285 дес., из них 159 716 дес. лесу [1]. Огромные лесные дачи вообще характерны для северных приволжских губерний. Наряду с этим, особенно для местного дворянства, характерно обилие мелких дач, как населённых, так и пустошных. Так, за помещиком Костромского у. Зюзиным значилось в этом уезде 66 разных дач, из них только 12 селений, большей частью в совладении, в них всего 444 д. м. п. и 3472 дес., в том числе пашни 1492, сенных покосов 197 и лесу 1783, и в то же время 54 пустоши с 3967 дес. Здесь же за Г. Г. Орловым состояли 52 пустоши — 1437 дес., за князем Вяземским — 31 пустошь, 1724 дес. (около 35% всей его земли в уезде) и т. д. [2]

Итак, налицо и другая сторона процесса — определённое распространение дворянского землевладения, особенно на южных и восточных степных пространствах. Характер экономической эксплуатации этих земельных владений — предмет особого рассмотрения, но, говоря об их распространении, нельзя обходить вопроса об экономической природе этого ярко выступившего именно в рассматриваемый период земельного стяжательства, своего рода земельной горячки.

Не раз приводившееся нами *сенатское дело 1767 г.* недвусмысленно *связывает это наступление дворянства на южные чернозёмные земли с развитием внутреннего хлебного рынка, с ростом товарности сельского хозяйства, резко обозначившимся в середине XVIII в.* [3]

Это стяжательство особенно ярко сказалось в стремительном росте в новых сельскохозяйственных районах обширных владений крупной, титулованной знати.

Высокий удельный вес таких владений характеризует Пензенскую губ. в целом и особенно её южные районы. В том же Городищенском у., где были указаны обширные вотчины Куракиных, имелись вотчины Голицыных, Головкиных, Шереметевых, Шувалова, Трубецкого, Долгорукого и др. За Долгоруко-

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 11, д. 27.
[2] Там же, д. 34.
[3] См. об этом выше, стр. 51.

вым числилось свыше 60 567 дес. леса, за Головкиными около 15 000. В Мокшанском у. тысячи десятин пашни и сенных покосов, по данным Генерального Межевания, числились за теми же Долгоруковыми, за Нарышкиным, Воронцовыми, Столыпиными, Трубецкими, в Саранском и Пензенском — за Головкиными, в Чембарском — за Шереметевым и т. д. [1] В Чембарском, Верхнеломовском, Нижнеломовском, Саранском у. на отдельные крупнейшие вотчины приходилось 50% и более всего крепостного крестьянства уезда. В территориальных показателях их удельный вес оказался бы ещё выше, учитывая усиленный захват пустошей, в частности отхожих лесов. Так, в Краснослободском у. за княгиней Девлеткильдеевой (частично с совладельцами) состояло 25 пустошей и отхожих лесов общей площадью 33 683 дес. (в том числе лишь 2844 дес. пахотных земель), а по 11 селениям — только 8409 дес.

Огромные земли были захвачены крупной знатью и в степных районах Воронежской губ., экономическое значение которых также определяется в этот период. Так, в Валуйском у. за появившимися в 40-е годы XVIII в. поселёнными князем А. Б. Куракиным черкасскими слободами Белокуракино, Александровка и Тянюшевка, по Экономическим примечаниям, числилось свыше 60 000 дес. земли, в основном пашни и сенных покосов, а по документам Куракинского архива — даже свыше 100 000 дес. По этому владению в связи с межеванием был возбуждён спор однодворцами и войсковыми обывателями с. Ровенки [2]. В Бирючском у. 5 слобод с хуторами, свыше 10191 д. м. п. (по данным 80-х годов XVIII в.) и около 110 тыс. дес. земли, в том числе 64,5 тыс. дес. пашни, состояли за П. Б. Шереметевым. В 1765 г. значилось еще только 7000 д. м. п., так что за 20 лет численность населения возросла в полтора раза и эта вотчина, перешедшая к Шереметеву за его женой княгиней Черкасской в 1743 г., обнаруживает тенденцию быстрого роста [3].

Архив Куракиных содержит данные об овладении крупными землями в южных уездах Орловской губ. в эти же годы, сначала путём получения в аренду из казны по 10 коп. за 1 дес., затем путём оформления покупок по инструкции 1765 г. о Генеральном межевании [4].

Из крупных покупок П. Б. Шереметева выделяется приобретение в 1743 г. Баландинского городка в Аткарском у., будущей Саратовской губ., т. е. на юго-восточной степной окраине, где по Генеральному межеванию вместе с селом Альшанкой

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 20, д. 10, Городищенский у., дачи 66, 67, 68; 38; д. 26, Мокшанский у., дачи 19, 32, 53; 11; 6, 12; 22; д. 34, дачи 66, 68, 69, 70, 71, 73, 75; д. 49, дачи 47, 49, 50; д. 61, дачи 3 и 5.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 6, Воронежская губ., д. 46, дачи 97 и 104.
[3] Там же, д. 9, дача 23.
[4] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1192, л. 10—14; д. 190-а, л. 144—147.

числилось 2514 д. м. п. (из них 1470 «малороссиян») и состояло 39 218 дес. земли[1]. Завладение новыми крупными землями А. Б. Куракиным в пензенско-саратовских землях по Генеральному межеванию, о чём речь была выше, также нельзя не поставить в связь с организацией им большого по сути дела товарного хозяйства с крупным винокурением, продажей хлеба и леса. По наблюдениям Е. И. Индовой, крупнейшие землевладельцы графы Воронцовы именно «начиная со второй половины XVIII в. ...всеми способами (получение пожалованных земель, округление владений путём покупки, судебных тяжб — особенно в годы Генерального межевания) стремительно расширяли свои латифундии»[2].

Связь развития дворянского землевладения этого периода с товарными, рыночными отношениями находит своё отчётливое отражение в структуре самого землевладения, в его составе по угодьям. Если для Центрального земледельческого района решающее значение имело приобретение пашенной земли, то, скажем, в районе Верхнего Поволжья такое же преобладающее значение принадлежит лесу. Во владениях крупных землевладельцев приволжских уездов Ярославской или Костромской губ., особенно из среды столичной знати, резко выступает владение лесными участками, отчасти крупными лесными массивами, в том числе строевым лесом. Последнее, несомненно, связано с большим спросом на лес для строительства барок, вызванным ростом волжского судоходства.

Так, в Углицком у. Ярославской губ. П. Б. Шереметеву принадлежала 51 дача. Среди них группа сёл — Новое, Большое и др., с общей площадью 62 486 дес., в том числе мощный лесной массив в 28 379 дес.; в составе остальных дач — главным образом пустоши с лесом в 100—200 дес. и более. В с. Заозерье с деревнями за князем Одоевским состояла 1431 дес. строевого и дровяного лесу. Многочисленные лесные пустоши состояли здесь за князем Голицыным и другими владельцами[3]. В Ярославском у. обширные лесные дачи значились, например, за князьями Салтыковыми — 7833 и 1529 дес. Многочисленные пустоши с лесными угодьями числились за князем Щербатовым, Архаровым, Ушаковым и др.[4] В Мологском у. за князьями Голицыными состояло 73 163 дес. земли, из них 57 545 дес. строевого и дровяного лесу[5]. Обширные лесные владения состояли за князьями Голицыными и в Рыбинском у.; также за кн. Долгоруковым (с. Арефино с 11193 дес. лесу), за князем М. А. Волконским (с-цо Ордино и др. —

[1] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 19, 346—347.
[2] «Исторические записки», АН СССР, кн. 38, 1951 г., стр. 176.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 35, д. 51, Углицкий у., дачи 313, 847 и др.
[4] *Там же*, д. 56, Ярославский у., дачи 752, 346, 1056 и др.
[5] *Там же*, д. 23, Мологский у., л. 21, 19—20 и др.

3001 дес. лесу)[1]. Аналогичные примеры можно было бы привести и по Костромской губ.

Представляло бы большой интерес изучить по вотчинным фондам процесс образования этих земельных владений и порядок их эксплуатации. Вотчинный фонд Щербатовых по Ярославской губ. сообщает конкретные данные об эксплуатации лесных угодий в порядке сдачи участков на сруб и в порядке хозяйственной заготовки строевого леса в количествах, по данным на самый конец XVIII в., которые говорят о его товарном назначении[2].

К концу века рост крупного землевладения продвигается дальше на восток — в заволжские степи, на юго-восток — в область Нижнего Поволжья и в степной район Северного Кавказа, на юг — на территорию степной Украины.

Богатый и яркий материал в этом отношении связан со складыванием крупного землевладения в восточных районах — в Среднем и частично в Нижнем Поволжье. О помещичьем захвате заволжских, башкирских, земель ярко рассказал С. Т. Аксаков в своей «Семейной хронике». Ещё в середине XVIII в. его дед купил здесь несколько тысяч десятин «так дорого, как никто тогда не плачивал, по полтине за десятину»[3]. Здесь же и в продолжении «Хроники» — в повести «Детские годы Багрова внука» Аксаков рассказывает о позднейших покупках земли отцом и другими помещиками в 90-е годы XVIII в. и в начале XIX в.

Интересны материалы об образовании в Симбирской губ., на территории нынешней Куйбышевской и Ульяновской областей, по обеим сторонам Волги, обширной вотчины Орловых с центром в с. Усолье на Волге. Усольская волость была передана братьям Орловым в 1768 г. в обмен на их вотчины Ярославской, Тверской и Костромской губ. К концу XVIII в. эта вотчина достигла огромных размеров — около 200 000 дес. С 1773 г. в управление всеми вотчинами по уполномочию братьев вступил Владимир Григорьевич Орлов, на долю которого досталась в дальнейшем бо́льшая часть этой вотчины. Судя по его переписке с его другом и в известной мере уполномоченным — местным помещиком Афанасием Степановичем Мещериновым, Усольская вотчина на протяжении последней четверти XVIII в. значительно расширилась за счёт многочисленных прикупов. Мещеринов и был главным инициатором этих земельных покупок. Опубликованное В. Орловым-Давыдовым письмо Мещеринова Орлову от 1799 г. даёт яркую характеристику усиленной скупки земель в крае и его быстрого освоения. «Хотя Ваше Сиятельство и много денег употребили

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 35, д. 48, Рыбинский у., дачи 851, 235, 237 и др.; д. 40, Романовский у.
[2] ЦГАДА, ф. 1289 (Щербатовых), оп. 1, д. 613, 550, л. 2, 55 и др.
[3] *С. Т. Аксаков*, Избранные сочинения, М. — Л. 1949, стр. 6.

на покупку, но не в потерю; цена на землю каждогодно возвышается; в кругу моём двадцать лет назад покупали писцовую четверть по три руб., ныне ту же четверть покупают по сорока руб. ... Внутренняя теснота России принудила жителей селиться и в отдалённых степях; Башкирская вся почти населена, по рекам Кубани, Тереку и Куме отводят землю и селятся большими слободами. Речка Моча и Свинушка под руками; на землю их скоро цена возрастёт до двадцати руб. за десятину»[1]. Речь шла об очередной покупке земли в этом последнем районе, куда Мещеринов и собирался выехать в ближайшее время для осмотра земли на месте. Во всём его письме малообоснованным представляется только объяснение закупки и заселения земель в районе одной теснотой во внутренних губерниях. Не говоря о достаточной возможности использования земель Центрального района, которые в промышленном районе забрасывались в силу других, экономических мотивов, ещё далеко не были освоены многие земли между Окой и Средней Волгой: восточные и особенно юго-восточные плодородные уезды Нижегородской губ., юг Казанской, Симбирской, земли в Пензенской и Саратовской губ. Определяющее значение имело другое: указанное самим Мещериновым большое плодородие восточных земель, к которому надо добавить наличие Волжской водной магистрали, благодаря чему уже в конце XVIII в. в восточных районах, в Самарском и Оренбургском крае, начинается распространение товарных хлебных культур, в первую очередь пшеницы. Добавим, что речь идёт в письме о закупке пустошных, незаселённых земель, в целях их последующего заселения, с которым, видимо, и не собираются торопиться. Таким образом, здесь речь идёт уже прямо о земле как товаре, о быстром росте её цены (с 3 руб. до 40 руб. за 1 дес. на протяжении 20 лет) и о самой покупке земли как выгодном вложении денег с учётом перспективы роста сельскохозяйственной эксплуатации края. Значение земли как товара выступает здесь уже в совершенно неприкрытой форме.

В сущности о том же говорят данные Е. Н. Кушевой по Саратовской губ. Вотчинные владения Ал. Ник. Шахматова, ранее занимавшегося больше торговыми предприятиями, содержанием лавок и мельниц, начинают складываться в 60-е годы с отмежевания и купли главным образом пожней, сенных покосов, скотоводческих хуторов. Период 1770—1780 гг. Е. Н. Кушева прямо определяет как период борьбы за землю. Только за время с 1780 по 1796 г. ею зарегистрировано 13 покупок земли Шахматовым с одновременной покупкой крестьян «на свод» для заселения этих земель. В сельском хозяйстве

[1] *В. П. Орлов-Давыдов*, Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, т. II, стр. 146.

этого периода в районе главную роль продолжает играть скотоводство. К этому же периоду относятся и крупные закупки земель в губернии сторонними землевладельцами, как граф Девиер, А. В. Чертков и др., с широким использованием для этих целей как частного вексельного, так и банковского кредита под залог приобретаемых деревень[1].

Особо стоят в этом отношении крупные пожалования земель из казны в последней четверти XVIII в. как по Саратовской и Астраханской губ., так и во вновь приобретённом южном районе — степной Украине, главным образом представителям титулованной знати и генералитету. Притязания на такие раздачи, настойчиво заявлявшиеся представителями этой знати, сами по себе отражают в какой-то мере ту же общую тенденцию. Но тем более характерно, что, осуществляемые не в порядке развития практической хозяйственной деятельности, а своего рода дворянско-феодального рвачества, эти земельные раздачи в значительной своей части так и остались нереализованными со стороны получавших пожалование. По Саратовской губ. соответствующие данные приведены Хованским[2].

Обстоятельная ведомость по разделу земель 121 лицу (всего 640 000 дес.) приведена в специальном деле архивного фонда Воронцовых по описанию Саратовской губ. Из указанного количества 117 000 дес. пришлись на долю различных представителей семьи Потёмкина, 39 000 — на долю графов Шереметевых, 38 415 — графа Чернышёва и т. д. В этом же деле имеется последующая ведомость на отрезку казённых земель в раздачу в количестве 843 254 дес. с указанием помещичьих дач в размере 87 864 дес[3].

Согласно описанию Екатеринославского наместничества 1793 г., земли степной Украины, вошедшие позднее в состав Херсонской и других южных причерноморских губерний, представляли ещё пустоши с самым незначительным количеством населения, где основные раздачи производились генералитету и офицерским чинам. Но, поскольку экономическое освоение края практически началось лишь в XIX в., дела херсонского губернатора за первое десятилетие XIX в. говорят о фактическом поступлении значительной части местных земель во вторичную раздачу в это время[4].

[1] См. *Е. Н. Кушева*, Хозяйство саратовских дворян Шахматовых. «Известия АН СССР», VII серия, отд. гуманит. наук, № 7, стр. 575—604; № 8, стр. 673—693 (особенно № 8).

[2] См. *Н. Ф. Хованский*, Помещики и крестьяне Саратовской губ.

[3] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 493, л. 8—11 и 18—102.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18727. Описание к Екатеринославскому атласу 1793 г., Одесский областной исторический архив, ф. Херсонск. ген.-губ., 1803 г., св. 1; за 1805 г. д. 3, 17 и др. Фонд использовался мною в начале 1920-х годов, и мне неизвестно его современное состояние. Этот фонд был использован в работе Скальковского.

6. Итоги

Таким образом, именно развитие товарных, рыночных отношений в значительной мере начинает определять на данном этапе не только формирование купеческого и крестьянского земельного владения, но и распространение самого помещичье-дворянского землевладения, отражая тем самым растущий процесс преобразования всей системы земельной собственности, хотя и в рамках феодального строя. Прослеженные нами изменения в феодальной собственности на землю свидетельствуют о многообразии форм её расшатывания, говорящих о начавшемся процессе разложения феодальной собственности на землю, земельной монополии дворянства.

1. Налицо растущее купеческое землевладение, стоящее в тесной связи с процессом товаризации сельского хозяйства и непосредственно связанное с вовлечением сельского хозяйства в сферу купеческого предпринимательства.

2. Растёт участие крестьянства в поземельных сделках в форме покупки и в форме аренды земли как важнейшее звено в процессе превращения земли в товар. Связанная с этим мобилизация земли касается как помещичьего феодального землевладения, так и крестьянской надельной земли, составляющей основу феодальной системы хозяйства. Тем самым *расшатывание феодальной собственности идёт одновременно по двум направлениям: как часть общего процесса разрушения феодальной монополии на землю и как подрыв надельного землепользования,* лежащего в основе неполной собственности феодала на рабочую силу, являющейся составной частью феодальной собственности.

3. Наконец, в основе продолжающихся попыток дворянства отстоять свои позиции и расширить своё земельное владение оказываются фактически новые тенденции растущих товарных отношений, стоящие в прямом противоречии с натурально-хозяйственной основой феодализма и неизбежно ведущие к внутреннему преобразованию экономической природы самого дворянского землевладения [1].

---

[1] Специального рассмотрения заслуживает отражение указанных изменений в правительственной политике, в законодательстве конца XVIII — начала XIX в. Первое его проявление — указ Павла I от 16 марта 1798 г. «О дозволении недворянам покупать крестьян» (т. е. населённые земли) «к вящему умножению всякого рода заводов и фабрик». ПСЗ, т. XXIV, № 18442.

Указ Александра I от 12 декабря 1801 г. позволил купцам, мещанам и крестьянам покупать ненаселённые земли, ПСЗ, т. XXVI, № 200. Указ 20 февраля 1803 г. легализировал новую форму недворянского землевладения — личную крестьянскую собственность на землю, собственно на буржуазном праве, включая право продажи и заклада земли, а также право вступать во всякие обязательства, ПСЗ, т. XXVII, № 20620.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ОБРОК И БАРЩИНА

1. Маркс об исторической эволюции феодальной ренты

Непосредственным выражением феодальной собственности на землю и крепостной зависимости крестьян является феодальная рента. Её последовательная эволюция исследована Марксом в III томе «Капитала».

Феодальная рента является основной формой присвоения феодалом продуктов крестьянского труда. При этом присвоение не ограничивается земледельческим продуктом, но включает и продукт промыслового труда крестьянина, поскольку для феодального хозяйства характерно «соединение деревенской домашней промышленности с земледелием», «домашний ремесленный и мануфактурный труд как подсобное производство при земледелии» [1].

В самой феодальной ренте Маркс различает три формы — отработочную, продуктовую и денежную. Было бы, однако, неверным представлять себе историческое развитие сельскохозяйственного производства, его поступательное движение как непосредственную простую смену одной — низшей — формы ренты другой — высшей, как последовательный прямолинейный процесс. Как показывает анализ конкретных общественных отношений, отдельные формы ренты выступают в действительности в самых различных сочетаниях на всём протяжении феодализма. «...Различные формы ренты, — пишет Маркс,— могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться» [2]. При этом Маркс настойчиво подчёркивает экономическую обусловленность той или иной формы ренты всем развитием хозяйства, всем экономическим строем общества на данном этапе.

Определённые различия общественно-политического порядка Маркс устанавливает и в отношении отработочной и

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 808 и 799.

[2] Там же, стр. 809.

продуктовой ренты. Отработочная рента характеризуется как «наиболее простая и первоначальная форма ренты», которая «покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда»; подчеркивается «примитивное и неразвитое состояние» общественных отношений, «застойное состояние как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений»[1]. Рента продуктами рассматривается в сравнении с отработочной рентой как прогрессивное в известной мере явление: «...производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому... Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных производителей», причём даже «непосредственный производитель приобретает средства для того чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд»[2]. Поэтому обломки продуктовой ренты могут длительно сохраняться при более развитых отношениях. Но в то же время Маркс подчёркивает полное тождество социально-экономической природы отработочной и продуктовой ренты. Смена этих двух форм, как указывает Маркс, с экономической точки зрения «ничего не изменяет в существе земельной ренты»[3]. Он подчёркивает связь обеих с натуральным характером хозяйства, с соединением деревенской домашней промышленности и земледелия, что делает продуктовую ренту, подобно отработочной, «базисом застойных состояний общества»[4]. Не случайно поэтому указанные две формы ренты неизменно встречаются в разных исторических комбинациях.

Если необходимым условием первых двух форм ренты является господство натурального хозяйства, то *переход к денежной ренте непосредственно связан*, как настойчиво подчёркивает Маркс, *с товарно-капиталистическим развитием всей системы хозяйства, с постепенным разрушением натурально-хозяйственных основ феодального способа производства*, и потому с указанной «экономической точки зрения» денежная рента решительно противостоит двум предшествующим формам. Денежная рента предполагает «уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения», она требует «известного развития общественной производительной силы труда»[5]. В этой связи основой денежной ренты является распространение товарного производства с дальнейшим пере-

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 802—807.
[2] Там же, стр. 808—809.
[3] Там же, стр. 807.
[4] Там же, стр. 809.
[5] Там же, стр. 810.

ходом к капиталистическому развитию на само сельское хозяйство, необходимое превращение части продукта непосредственного производителя — крестьянина в товар, производства продукта в качестве товара. Выражением этого изменения, его прямым результатом является процесс расслоения крестьянства — начальная стадия его разложения. Возможность денежного накопления создаёт на одном полюсе состоятельное крестьянство, которое само превращается в будущих капиталистов. С другой стороны, превращение натуральной ренты в денежную непосредственно связано с появлением «класса неимущих поденщиков», т. е. наёмной рабочей силы, скудного крестьянства, работающего по найму у «лучше поставленных» крестьян. Рабочая сила постепенно начинает принимать, вначале частично, форму товара. Вместе с этим «характер всего способа производства более или менее изменяется», как подчёркивает Маркс.

Наконец, чрезвычайно показательно, что дальнейшее развитие денежной ренты ставится Марксом в непосредственную связь с изменением форм земельной собственности, с падением феодальной собственности на землю и превращением земли либо в свободную крестьянскую собственность, либо в капиталистическую собственность с капиталистическим арендатором. «Денежная рента, как превращённая форма ренты продуктами, и в противоположность ей, — соответственно заключает Маркс, — есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени...»[1].

В конкретном изучении этого процесса перехода от натуральной формы ренты к её денежной форме необходимо особо подчеркнуть два выясненных и сформулированных Марксом положения.

Прежде всего, говоря о развитии новой формы ренты, Маркс подчёркивает, что речь идёт о «превращённой» ренте, причём о её превращении «в национальном масштабе», противопоставляя такое превращение её «спорадическому» появлению и специально подчёркивая необходимую обусловленность такого превращения общим развитием экономического строя. Это значит, что говорить о денежной ренте и выделять её как определяющее явление в общей характеристике экономического строя общества можно лишь тогда, когда имеется налицо вся сумма социально-экономических явлений, её обусловливающих, о которых говорил Маркс. Таким образом, речь идёт о периоде, когда денежная рента становится господствующей и в этом смысле всеобщей формой ренты, т. е. когда совершается действительное «превращение» натуральной формы ренты в денежную. Эту зависимость Маркс непосредственно

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 810.

подчёркивает на примере Рима, дважды приведённом в главе о генезисе капиталистической земельной ренты, показывая плантаторский характер его крупного сельского хозяйства и обманчивость его капиталистических форм, а в связи с этим и неизбежность возврата к натуральной ренте[1]. Именно поэтому спорадическое появление денежной ренты, возможное на значительно более ранних стадиях, не может служить основанием для решения общего вопроса общественно-экономического развития.

Другой стороной этого же положения является указание Маркса на явления «фальсифицированных» форм ренты. Не случайно при этом вопрос о фальсифицированной форме ренты специально выделен Марксом в связи с переходом от натуральной к денежной ренте. Маркс подчёркивает трудность этого перехода и указывает на примере предреволюционной Франции XVIII в. «фальсификацию и слияние денежной ренты с остатками её прежних форм»[2]. Маркс подчёркивает возможность длительного сохранения старых форм натуральной ренты, её обломков, и здесь снова говорит об их сочетании, фальсифицировании и слиянии. Это указание Маркса говорит об известном расхождении между внешней формой ренты и её действительным экономическим содержанием. Именно поэтому указанное явление и должно было с особенной определённостью сказаться в период денежной ренты как «формы разложения» феодальной ренты. Речь идёт о неизбежном изменении экономической функции натуральной ренты в условиях роста новых общественно-экономических отношений.

Сущность этого противоречия может быть лучше всего показана на конкретном примере русской действительности, взятом из практики XVIII в. Архивное дело о восстании крестьян в вотчине графа Матвея Апраксина в Псковской губ. в конце 70-х годов XVIII в. даёт непосредственные показания о крестьянских повинностях. По доношению крестьян в середине 70-х годов помещик перевёл их с денежного оброка на натуральный оброк и барщину, обязав их сдавать лён, доставлять его в Петербург. Кроме того, лён должен был сдаваться в трёпанном виде и соответствующего качества («на петербургский брак»); в противном случае крестьяне должны были высылать от себя работных людей на Петербургский двор графа для соответствующей обработки сданного льна. Формально, исходя из этих данных, установленная графом Апраксиным рента представляет из себя сочетание натурального оброка и барщины, т. е. двух натуральных форм ренты. Но добавляемые крестьянами конкретные сведения показывают, во-первых, что

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 810 и 800.
[2] *Там же*, стр. 811.

самое введение новой формы ренты обусловлено отнюдь не натуральным характером хозяйства, а обращением вотчинника к льняному торгу — сбытом им собираемого с крестьян льна иностранным купцам в Петербургском порту, с чем и связано указание на «петербургский брак». Таким образом, в вотчинном хозяйстве этот лён выступал непосредственно в качестве товара, денежной ценности. С другой стороны, и крестьяне получали этот лён, по их свидетельству, не в своём хозяйстве, а в значительной части путём покупки на рынке у торгующих людей. Не случайно сами крестьяне в своём «доношении» переводят весь расчёт сданного ими льна на деньги. Что касается барщинных повинностей — выделения людей для обработки льна на господском дворе, то уже самый господский указ предусматривал возможность её замены денежным платежом, в соответствии со стоимостью найма специалиста на петербургском рынке[1]. Таким образом, под обычной натуральной формой ренты, отработочной и продуктовой — оброком и барщиной, «с экономической точки зрения» фактически скрываются новые, денежные отношения, обусловленные общим хозяйственным строем данного периода. Другими словами, сохраняясь при господстве новой, денежной формы ренты и сочетаясь с нею, натуральные формы ренты могут фактически сливаться с нею и соответственно «фальсифицироваться».

В связи с этим должно привлечь специальное внимание широкое общее явление расширения и усиления отработочной, т. е. наиболее примитивной, формы натуральной ренты именно на позднем этапе феодализма в России, в самый период начинающегося разложения феодального строя и феодальной ренты. Было бы ошибкой и упрощением понимать это явление как простой возврат к первоначальной форме. Такое понимание отрывало бы форму ренты от конкретных экономических условий, превращало бы её в окостенелую правовую категорию. Поскольку распространение отработочной ренты в условиях капиталистического уклада обусловлено не восстановлением натурального строя замкнутых хозяйств, характерного для периода развитого феодализма, а само подчинено росту товарных отношений, отработочная рента выполняет на новом этапе в известной мере принципиально отличную экономическую функцию. Это не может не сказаться на её собственной природе: имеет место *не простое восстановление старой формы, а, так сказать, её второе издание*. Такое второе

[1] ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 788, ч. 1, л. 181—183 и сл. Материал частично приведён в нашей статье: *Н. Л. Рубинштейн*, К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х годов XVIII в. «Исторические Записки», АН СССР, кн. 40, 1952 г., особ. стр. 144—148.

издание отработочной ренты также представляется в какой-то мере явлением фальсифицированной формы ренты. Характерным проявлением этого представляется «месячина» в России в конце XVIII и в первой половине XIX в. С одной стороны, месячина — предельная форма отработочной ренты, поскольку она доводит до предела феодальную эксплуатацию, переводя крестьянина целиком на господскую работу. Но в то же время, ликвидируя тем самым крестьянское хозяйство, она практически приходит к отрицанию самой основы феодального хозяйства и феодальной ренты, полностью отрывая крестьянина от земли, превращая его по-своему в простого работного человека, сближая его в этом смысле с будущим пролетарием, «рабочим с наделом», по определению В. И. Ленина [1].

Поскольку в ренте непосредственно раскрывается характер феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве, экономическая сущность отношений феодала к крестьянину, феодального господского хозяйства к крестьянскому хозяйству, изучение сельского хозяйства в период становления

---

[1] В связи с поставленными вопросами необходимо коротко остановиться на трактовке феодальной ренты в статье М. В. Калганова, опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 9 за 1954 г. в ходе дискуссии об основном экономическом законе феодализма. Нам представляется правильным первое положение автора, что самая проблема феодальной ренты поставлена Марксом в связи с выяснением генезиса капитализма, с вопросом становления и особенностей капиталистической ренты. Отсюда вытекало особое значение генезиса денежной ренты, которую Маркс, как правильно отмечает М. Калганов, решительно противопоставил, как переходную и внутренне противоречивую форму ренты, двум другим её формам. Однако тем более неубедительно утверждение М. Калганова, отрицающего признание какой-либо исторической последовательности в смене различных форм феодальной ренты. Конечно, распространённое в литературе чисто механическое противопоставление отработочной и продуктовой ренты с превращением их в абсолютный принцип периодизации является упрощением. Большей частью налицо известное сочетание обеих форм с определёнными колебаниями их соотношения в ходе исторического развития. Но нельзя игнорировать ясное указание Маркса на первичность и примитивность формы отработочной ренты (Капитал, т. III, стр. 804 и 806). Надо также напомнить, что Маркс говорит о продуктовой ренте как о «превращённой форме отработочной ренты» (Капитал, т. III, стр. 807) и никогда не говорит об обратном отношении.

Неубедительными и искусственными представляются рассуждения автора об истории смены форм феодальной ренты в России. Утверждение о первичности продуктовой ренты связано, видимо, с недостаточным выяснением роли «дани» в процессе становления самой феодальной ренты. С другой стороны, наличные источники — Начальная летопись, «Русская Правда», житийная литература — определённо говорят о развитии отработочной ренты. Едва ли надо доказывать, что вопреки утверждениям М. Калганова отработочная рента имеет господствующее значение в XIV—XV вв. (см. духовные грамоты, грамоту митр. Киприяна и пр.; формой отработки является и изделие) и что именно для XVI—XVII вв. характерен рост значения продуктовой ренты в соединении с барщиной. Барщина второй половины XVIII в. является не естественным завершением её предшествующего распространения, а новым, вторичным явлением, порождённым особыми экономическими условиями и имеющим своё содержание.

и развития капиталистического уклада требует выяснения, с одной стороны, степени превращения натуральной ренты в денежную, степени распространения денежной ренты, а с другой стороны, судьбы старых, натуральных форм ренты, характера их отношений к новым экономическим условиям.

2. Распространение денежного оброка

Вопрос об оброке и барщине как-то сразу приобрёл исключительную остроту в России во второй половине XVIII в., точнее с 60-х годов, как в постановке его правительственными органами, так и в общественных кругах, в экономической литературе. При этом необходимо прежде всего отметить три основных момента: *под оброком, как правило, понимается денежный оброк; денежный оброк всюду отмечается как явление новое,* появившееся недавно и в то же время получающее быстрое и широкое распространение, причём эта широта распространения ставится в прямую связь с ростом рыночных отношений на почве развития товарного производства; *распространение денежного оброка встречает резкое осуждение со стороны идеологов крепостнического дворянства,* настойчиво доказывавших преимущества — якобы бо́льшую производительность и вместе с тем бо́льшую выгодность для помещика барщинной системы. Однако и сами сторонники барщины уже были вынуждены на практике применять денежный оброк, хотя и с максимальным ограничением.

Проблема денежного оброка получила развёрнутую, настойчивую и весьма заострённую постановку уже в ответах с мест на Сенатскую анкету 1767 г. — «О недороде», вызванную внезапным ростом хлебных цен в стране и прежде всего в столицах. Хотя самый сенатский запрос прямо связывал дороговизну с неурожаем и запрашивал о причинах последнего, ссылки на недород в самих ответах звучали в целом маловразумительно. Составители ответов чаще выдвигали другое объяснение дороговизны, указывая прежде всего на расширение рыночного спроса на хлеб со стороны губерний Центрального промышленного и западного районов, с которым и связывался непосредственно рост хлебных цен в губерниях, поставлявших хлеб на рынок. При этом рост хлебного спроса в указанных губерниях связывался прежде всего с отходом местного крестьянства от сельскохозяйственных занятий. Объяснение этого последнего явления местные власти и относили за счёт распространяющегося перехода помещиков к денежному оброку, приводящего, по их мнению, не только к ликвидации господского хозяйства, но и к потере помещиком в связи с этим заинтересованности в развитии крестьянского сельского хозяйства и к прекращению надзора за ним.

Сосредоточение помещичьих интересов на росте денежных доходов крестьянина и привело якобы к санкционированию помещиками крестьянского отхода. Причинная связь явлений ставилась, таким образом, с ног на голову: переход к денежной ренте представлялся не результатом, а основной причиной совершавшихся в экономическом строе сдвигов. Современники заметили прежде всего именно эти в известной мере внешние проявления происходивших изменений. Но важна та настойчивость и последовательность, с которой они устанавливали эти изменения.

С исключительной полнотой и резкостью сформулировал этот вывод московский губернатор Юшков, обобщая поступивший от провинциальных воевод материал. Упомянув в качестве первой причины — «от происшедшего от 1762 года *в разных местах* (курсив наш. — *Н. Р.*) не малого неурожая, а особливо в 1765 году», Юшков, однако, тут же выдвинул на первый план растущий отход крестьян от сельского хозяйства и переселение в город, увеличивающие спрос на сельскохозяйственные продукты и сокращающие земледельческое хозяйство, особенно по наиболее промышленным уездам: Московскому, Ярославскому, Романовскому, Пошехонскому, Костромскому, Ростовскому, отчасти Суздальскому, Кинешемскому и Каширскому. В связи с этим третьим пунктом в ряду причин недорода Юшков и поставил отход самих помещиков Московской губ. (в границах до 1775 г.) от сельского хозяйства и перевод ими крестьян на оброк: «Присланными ведомостями показано, что многие земли помещиковых и ведомства Коллегии экономии крестьян не запаханы; что ни от чего иного произошло, как только от того, что некоторые помещики деревни свои положили на оброки, почитая себе оные доходами вернее, нежели как бы им должно собрать от хлебопашества и от разной деревенской экономии; чего ради и земли, которые раньше на тех помещиков пахивались, роздали крестьянам». В то же время переезд самих помещиков со всей дворней в «резиденции» и губернские города, где «всё, что б для дому ни было потребно, заимствуют покупкою у общества», ведёт к вздорожанию продуктов, «потому что не только в резиденциях, но и в городах ежели больше людей и для них расходу, то и цены прибавляются». К этому Юшков добавляет и секуляризацию церковных имуществ, сопровождавшуюся ликвидацией монастырского господского хозяйства и переводом экономических крестьян на денежный оброк. В дальнейшем тексте, ещё раз возвращаясь к этому вопросу, Юшков счёл нужным подчеркнуть, что «многие помещики за резон... почитали, что они крестьян своих принуждены положить на оброк и земли роздать для того, что они свои имеют малоземельные и крестьянам тою пашнею, кою для себя

имели, пропитать не чем, а прикупить за малоимением потому и у других своих соседей не могут» [1].

Сообщение местных воевод полностью согласуется с общим выводом Юшкова. По словам пошехонского воеводы, «многие дворяне хлебопашество оставили и положили крестьян в оброк». «Помещичьи крестьяне более состоят у помещиков в денежном оброке, нежели на земляном изделье», — подтверждает и любимский воевода. «По уезду пашенная земля как во оном состоит по большей части оброчных деревень», — значится в сообщении из Кинешемской пров. Донесение из Ярославской пров. определяет отход из провинции в 27 000 и более человек. По сообщению коломенского воеводы, помещики «за малоимением земли» одну треть своих крестьян перевели на оброк, а часть переселили «в другие степные свои вотчины». В Переяславль-Рязанской пров. число помещичьих крестьян, переведённых на оброк, составило 38 054 из общего числа 60 801 и к ним присоединились экономические крестьяне в числе 16 487 по провинции. Малоярославский воевода второй причиной хлебной дороговизны считал перевод помещичьих крестьян на оброк и ликвидацию барской пашни, а вместе с тем и господского скотоводства, значение которого специально связывалось с обеспечением органического удобрения для пашни.

Даже в более южной, по сути земледельческой Елецкой пров. воевода отмечал распространение промыслов и рукоделий при участии самих помещиков, «чрез обучение из дворовых и крестьян хлебопашцев разным рукодельям, художествам и всяким нужным к обществу мастерствам, заведя разного рода домовые фабрики, почитая главным предметом к получению знатного от их работ и оброков себе прибытку».

Наконец, о том же явлении из западного района сообщал новгородский губернатор, указывая, что главной причиной нарушения сельского хозяйства был перевод на оброк экономических, дворцовых и большей части помещичьих крестьян за последние годы: ... «самопроизвольное умножение оброков помещиков деньгами... понуждение оных (крестьян. — *Н. Р.*) в промыслы и чёрные работы» [2].

Очевидно, в прямую связь с этим же процессом должен быть поставлен и сделанный генерал-прокурором А. А. Вяземским примерно в это же время — 6 февраля 1766 г. — специальный запрос всем провинциальным прокурорам о распространении оброка и барщины в помещичьих вотчинах их провинции. Судя по тексту распоряжения, данному вопросу

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. II, л. 95 об. — 100; там же, т. 6, л. 49, 50, 52.

[2] ЦГАДА, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. II, л. 178, 134, 180, 176, 115, 118—120, 112 об. — 113, 254—255, 191—192.

и тщательности собирания сведений придавалось большое значение:

«Весьма нужно ведать, сколько в... провинциях с её приписными городами помещичьих крестьян, состоящих на пашне и на оброке, порознь имеется, чего для извольте о сем как наискорейше наведаться, однако не формою канцелярскою, но через изустное осведомление либо с плательщиками подушных денег за каждое селение, когда оные при первом платеже являться будут, замечая не о каждом селении порознь, но о всех каждого помещика деревнях, сколько числом душ у одного на пашне и на оброке в той провинции состоит, либо ж когда можно будет наведаться партикулярно и делая под рукою справки после с ревизскими книгами и сочиня ведомость по приложенной форме прислать как наискорее ко мне»[1].

К сожалению, дело не содержит материалов, которые могли бы объяснить мотивы, происхождение данного запроса. Соответствующих материалов по исполнению запроса — ведомости оброчных и барщинных крестьян — нам также не удалось обнаружить. Задание было необычным, к тому же не по ведомственному назначению, и ещё менее обычным был способ собирания сведений лично у местных представителей от крестьян отдельных селений. В непосредственных ответах по получении запроса большинство прокуроров отговорилось тем, что к моменту поступления запроса очередные платежи подушных денег уже были произведены и потому не представлялось возможным выполнить полученное задание.

Запрос генерал-прокурора стоит, очевидно, в определённой связи с Сенатской анкетой. Как бы то ни было, самый факт такого запроса подтверждает, что в данное время распространение денежного оброка приобрело особую остроту и говорит о значении, которое придавали ему в это время в правительственных кругах.

Этот же вопрос перевода помещичьих крестьян на оброк получил широкое отражение в «Трудах Вольного экономического общества» с момента его организации (1765).

В «Трудах Вольного экономического общества» этот вопрос был поставлен в том же 1767 г., к которому относится Сенатская анкета и запрос генерал-прокурора Вяземского, одним из «теоретиков» общества — Т. Клингштетом в статье «О необходимой надобности в средствах снабдить здешних помещиков способными и надёжными приказчиками или управителями, с некоторыми касающимися к сему представлениями». Исходная постановка вопроса непосредственно связывает статью Клингштета с рассмотренными выше материалами Сенатской

[1] ЦГАДА, ф. 249 (генерал-прокурора), д. 6444, 1766 г., л. 546 (отношение к Новгородскому прокурору) и сл.

анкеты: «Непрерывно возрастающая год от году цена хлеба и всяких припасов подаёт повод к вопросу: в чём состоит истинная сему злу причина?» И, подобно ряду ответов на анкету, Клингштет объявляет главной причиной «ежедневно распространяющееся дурное обыкновение между многими помещиками содержать своих крестьян на оброке», ведущее к сокращению числа земледельцев. Таким образом, и здесь переход к денежному оброку рассматривается как явление новое и получившее значительное распространение. При этом сам автор связывал установление этого нового порядка с тем, что помещик путём оброка обеспечивал себе без каких-либо хозяйственных забот поступление нужных денежных средств, а крестьянин «больше и легче себе достаёт пропитание на свободе, нежели трудною полевою работою». Впрочем, вступая тут же в противоречие с собственными положениями, Клингштет объявляет со своих дворянско-крепостнических позиций это распространение денежного оброка пагубным для сельского хозяйства и для помещичьего дохода и пытается в конечном счёте свести весь вопрос к трудности для дворянина управлять хозяйством при постоянных отлучках из вотчины. Соответственно он предлагает для устранения такого бедственного положения обеспечить помещиков хорошими управителями. В связи с этим в дальнейшем Вольным экономическим обществом ставится задача разработки «наказа приказчику»[1]. В том же году не менее решительно обрушился на систему денежного оброка и распространение отходничества видный дворянский экономист и агроном середины XVIII в. Пётр Рычков. Однако его общие рассуждения об общественном вреде этих явлений столь же плохо согласуются с данной им же характеристикой непосредственных результатов этой новой хозяйственной практики, как и у Клингштета. Эта конкретная характеристика и представляет интерес для нас: «Помещик, получа от своего крестьянина хороший оброк и уволив его кормиться каким-нибудь промыслом в городе, может столько же иметь от него своей пользы, как и от его пашни. Крестьянин, заплатя помещику оброк и положенную на него подать, торгуя или промышляя каким-нибудь ремеслом в городе, не меньше имеет своей прибыли, как на пашне». Вред для общества Рычков видит в общем сокращении хлебопашества и потому требует мер по пресечению оброка[2].

Аналогичную точку зрения развил барон Вольф в опубликованном в 1768 г. ответе на экономическую анкету по Ингерманландии. Он констатировал и здесь распространение денежного оброка, также сведя вопрос к «недостатку надлежащего

[1] «Труды Вольного экономического общества (ВЭО)», ч. V, стр. 60—69, в частности стр. 60—61.

[2] См. там же, ч. VII, Спб., 1767; *П. Рычков*, О способах к умножению земледелия в Оренбургской губ., стр. 20.

распоряжения к хлебопашеству». «В больших поместьях, в которых господин отдаёт крестьянину всю свою землю, лес, луга и пашни, крестьянин платит за то определённое число денег, когда хлеб родится, и получает от того великую себе прибыль; да и живёт спокойно», — пишет Вольф. Но при этом он считает, что оброчная система ввиду отсутствия настоящей заинтересованности крестьянина и надлежащего надзора со стороны самого землевладельца должна привести к скорой выпашке земли и уничтожению лесов, к разорению сельского хозяйства [1].

Ярым врагом оброчной системы выступил и деятельный сотрудник Вольного экономического общества Федот Удолов. В статье «О сельском домостроительстве», относящейся уже к 1773 г., он пытается противопоставить идеальное барщинное хозяйство убыточной оброчной вотчине. «Земледельцы, допущенные в необузданную вольность, — пишет он, — живут по своим намерениям, как хотят, вступают в непринадлежащие до их звания дела и не почитают себе за должность хлебопашество исправлять». Отборные, «коренные» работники, по его словам, «плату берут немалую, во всё лето живут в работе, слишком лакомо себя содержат; потому в домы мало денег приносят и не более как 5 рублей каждый» [2]. Отметим тут же, что указанная сумма промыслового дохода не соответствует данным Топографических описаний, которые, например, по Тверской губ. оценивали соответствующий заработок в среднем в 15—25 руб. Тот же Удолов в своём «Наказе приказчику» и особенно в «Собрании экономических правил» развернул полный план новой организации вотчины на барщинной системе хозяйства [3].

Интересно отметить, что вопреки этим принципиальным программным заявлениям отдельные наказы приказчикам вынуждены были признать, хотя и со всякими ограничениями, необходимость применения денежного оброка, связанного с отходом, в дополнение к барщине.

Это положение с полной ясностью определилось в «Наказе», составленном А. Т. Болотовым. Положив в основу барщинную организацию хозяйства, Болотов делает, однако, одно отступление за другим. Сперва, требуя при наличии опытных «мастеровых людей», «чтобы они господскую работу работали прилежно», Болотов спешит тут же добавить: «...а в случае неимения работы, отпускать их в наём с довольною для господина прибылью» (гл. VI, § 73, п. 3). Расширяя далее возможности оброка, он рекомендует в случае недостатка пахотных земель, чтобы «во всяком дворе был человек затяглый или излишний, который, между тем как прочие работают,

[1] См. «Труды ВЭО», ч. X, стр. 59—79, ответ 21.
[2] Там же, ч. XXIII, стр. 115—137, в частности стр. 118 и 121.
[3] См. «Труды ВЭО», ч. XI, стр. 35—58.

ходил бы в работы посторонние по найму и приносил бы домой для награждения недостатков и на все домашние надобности деньги». «Сие отпускание в работу не только затяглых, но и тягловых, — продолжает он ещё более распространять сферу оброка, — нужно в осеннее и зимнее время для вырабатывания подушных денег» (гл. VII, § 75, п. 4 и 5). Так последовательно выявляется непосредственная связь распространения денежного оброка с ростом денежных отношений.

Такая активность экономической литературы по сельскому хозяйству в отстаивании барщины и в критике системы денежного оброка является прямым показателем широкого распространения последнего.

Приведённым наблюдениям относительно постановки этого вопроса в официальных документах и в литературе отвечают и конкретные данные по отдельным вотчинным хозяйствам, извлечённые из вотчинных архивов, хотя этот вопрос не стал ещё предметом систематического исследования. Коллективная работа по изучению отдельных хозяйственных районов и крупных вотчинных комплексов дополнит и уточнит в дальнейшем имеющиеся данные, обеспечив соответственно более полный количественный учёт совершающихся во второй половине XVIII в. изменений.

Имеющиеся конкретные исследования также показывают происходящую эволюцию и в свою очередь приурочивают указанные изменения к середине и второй половине XVIII в.

Исследования по отдельным вотчинам для XVII в. дают совершенно отчётливое представление о господстве натуральных форм ренты — барщины, соединённой с натуральным оброком, притом безотносительно к характеру и размерам вотчины [1]. Всеохватывающий характер такой системы для дворянской вотчины среднего размера был исчерпывающе показан А. А. Новосельским на примере вотчинного хозяйства стольника Безобразова; состав этих повинностей мало чем отличается от перечня в известной уставной грамоте митропо-

[1] В этом отношении нам представляются мало убедительными довольно распространённые в последнее время ссылки на появление элементов денежной ренты ещё в XV в., как на начальный этап перехода к денежной ренте. Не говоря о непомерно длительном сроке такого перехода (свыше 300 лет), авторы этой гипотезы ограничиваются ссылкой на единичные факты, относящиеся при этом в основном к Новгородской земле, имевшей в XV в. свои местные особенности, и не дают никаких данных о развитии этого процесса в дальнейшем и, в частности, в XVII в. Между тем, как уже указывалось выше, Маркс говорит именно о превращении ренты продуктами в денежную ренту, как о процессе, совершающемся «в национальном масштабе» и предполагающем уже «более значительное равитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства...» (Капитал, т. III, стр. 810). Распространение денежных платежей имело место с середины XVI в. в отношении государственных податей, но последние нельзя отождествлять с рентой, поступающей землевладельцу.

лита Киприана XIV в. Надо оговорить, что размещение этого хозяйства на территории Центрального чернозёмного района не имело особого значения для XVII в., когда эти районы ещё далеко не стали основными производителями хлеба. Тем более характерны для вотчинного хозяйства Безобразова многочисленные издельные повинности, удовлетворявшие весь спрос вотчинника на продукты ремесленного труда (плотники и каменщики, ловля и засол рыбы и пр.). Аналогичную картину натурального, замкнутого вотчинного хозяйства даёт публикация Арсеньева «Ближний боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной 1650—1684 гг.» [1]. И здесь всё хозяйство вотчины, вся система крестьянских повинностей определена прежде всего внутренними потребностями господского двора и отражает сохраняющийся натуральный строй вотчинного хозяйства. То же положение наблюдалось и в крупнейших вотчинах боярина Морозова и царя Алексея Михайловича. Если в крупном вотчинном хозяйстве боярина Морозова уже появилась известная продажа продуктов, в основном на внешний рынок и главным образом по линии промысловых вотчинных предприятий — вино, поташ, смольчуг, — то в конечном счёте и здесь, особенно в сельском хозяйстве, решающее значение всё ещё сохраняли натурально-хозяйственные задачи — удовлетворение потребностей обширного и многочисленного по своему составу господского двора [2].

Это положение, видимо, продолжало сохраняться и в первой половине XVIII в. Решительное господство барщины в первой четверти XVIII в. полностью подтверждается недавно опубликованными материалами отписных книг поместий и вотчин за 1701—1725 гг. (дела по конфискации имений), содержащих обильные сведения по всему Центральному району России [3]. Об этом же говорят все известные вотчинные инструкции этого времени. К самому началу века относится наказ приказчику в то время ещё государева с. Вощажникова — «память» из приказа Большого дворца 1703 г., указывающая барщинную работу на десятинной пашне, и наказ А. А. Виниуса 1709 г. в его подмосковную вотчину, определявший значительную барщину, дополняемую натуральными повинностями. Наказ Д. А. Шепелева 1718 г. в его вотчину — с-цо Глинки, Михайловского у. (позднее Рязанская губ.), определял состав повинностей: «пашня боярская», косьба

[1] «Чтения Московского общества истории и древностей российских 1903 г.», кн. 1.

[2] См. «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. 1, М. — Л. 1940; *Ив. Забелин*, Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве, «Вестник Европы» № 1 и 2, 1871 г.; *А. И. Заозерский*, Царская вотчина XVII в., изд. 2, М. 1937.

[3] См. «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.», М. 1951.

сена, содержание «боярского скота», изделие «из боярского льну» и всякие иные натуральные «доходы». В наказе князя А. М. Черкасского 1719 г. те же барщинные повинности дополняются прямой эксплуатацией доходных «оброчных статей» — всяких вотчинных «откупных заводов». Барщина — «содержание казённых (т. е. господских) пашен», «казённых лошадей и всякого конского заводу», рогатого скота и тому подобного — в соединении с натуральным «казённым оброком» — хлебом, столовыми припасами и пр. — предусмотрена и наказом Н. Г. Строганова 1724 или 1725 г. в его Рождественскую вотчину Соликамского у. [1] Совпадает с этим и содержание инструкции Артемия Волынского дворецкому Ивану Немчинову (1735), П. М. Бестужева-Рюмина в его Новгородскую вотчину (1738), инструкции управляющим дворцовых вотчин 1724 и 1731 гг., инструкции князя М. Щербатова 1725, 1728 и 1732 гг. в его ярославские вотчины [2].

К. Н. Щепетов, изучавший архив одного из крупнейших феодалов-землевладельцев XVIII в. — Шереметева, констатировал, что в начале века в его вотчинах решительно преобладали натуральные повинности: на 1708 г. из 19 вотчин Шереметева 14 находились на барщине и натуральном оброке. Правда, в числе оброчных значились две наиболее крупные по числу крепостных — Юхотская и Молодотудская вотчины, но во второй вовсе отсутствовала пахотная земля, а в первой приходилось меньше 1 дес. на ревизскую душу, что делало невозможным сельскохозяйственную эксплуатацию этих вотчин. В дальнейшем отмечается даже увеличение натуральных повинностей, в частности введение барщины и увеличение натурального оброка по Юхотской вотчине, такое же увеличение — по с. Вощажникову. При этом барщина и натуральный оброк распространялись и на промысловые занятия крестьян (пряжа, ткачество и пр.).

В 1765 г. Шереметевым принадлежало уже 57 вотчин, из них 17 состояло на барщине. Характерно, однако, коренное изменение соотношения барщины и оброка и их распределения по районам. Половина барщинных вотчин приходилась на Московскую губ., о которой в дальнейшем речь будет особо. На денежный оброк были полностью переведены такие промысловые вотчины, как Юхотская и ростовское с. Вощажни-

[1] См. *А. И. Андреев*, Наказ вотчинника крестьянам 1709 г., «Исторический архив», кн. VIII, М. 1953, стр. 269—277; *И. Ф. Петровская*, Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в., там же, стр. 221—268.

[2] См. *Н. В. Устюгов*, Инструкции вотчинному приказчику первой четверти XVIII в., «Исторический архив», кн. IV, М. 1949, стр. 150—183; *С. И. Волков*, Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г., «Исторический архив», кн. VI, М. 1951, стр. 156—198; «Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье», «Русский архив» № 1, 1904 г., стр. 28—38; ЦГАДА, ф. 1289, д. 183, л. 15—16, 24—29, 57.

ково (в 1763 г.). Характерно, что на оброке оказалась и большая часть южных степных вотчин. Оброк быстро вытеснял барщину в течение второй половины XVIII в., и к концу века на барщине остались только две вотчины в северной части чернозёмного района — Серебрянопрудская в Тульской губ. и Сергиевская в Сапожниковском у. Рязанской губ. [1]

Барщинные повинности, господствовавшие в первой половине XVIII в. в ярославских и костромских вотчинах Щербатовых, согласно помещичьим инструкциям 1725, 1728 и 1732 гг., были отменены указом М. М. Щербатова от 16 июля 1758 г. о передаче крестьянам всей господской пашни и о переводе их на денежный оброк с сохранением лишь небольшого числа господских работ, разного мелкого изделия [2]. В связи с этим 26 июля 1758 г. была подписана М.М. Щербатовым и «Инструкция для приказчика в ярославских вотчинах». Новая инструкция предусматривала уже денежный оброк в качестве основного сбора и предписывала широко поощрять отходничество: «Понеже крестьянин, живши дома, большой себе прибыли получить не может и для того не токмо отпускать, но и принуждать их ходить в работы, и всегда, когда крестьяне потребуют паспортов, прикащику им немедленно давать» (п. 40) [3]. Характерно, что эти мероприятия исходили как раз от одного из самых яростных и горячих поборников феодально-крепостнической системы, известного дворянского публициста XVIII в.

О переводе натурального оброка на денежный писал в 1766 г. В. И. Суворов в инструкции «О порядке управления вотчиною» приказчику своей Ветлужской вотчины [4].

О том же говорят материалы монастырских вотчин. Последние выделялись крупным барщинным хозяйством с большими вотчинными запашками и значительным поголовьем господского скота и с особенно тяжёлой эксплуатацией крестьянства, вызывавшей массовые крестьянские восстания. Известно, что эти восстания были одной из главных причин, ускоривших решение вопроса о секуляризации церковных имений. Вопрос о монастырских хозяйствах на барщинной основе и их ликвидации в результате секуляризации занимал значительное место в ответах на Сенатскую анкету 1767 г. и особенно в донесении московского губернатора Ив. Юшкова, видевшего в их ликвидации один из важных моментов упадка сельского хозяйства в губернии. Все эти документы относят господство здесь натуральных форм ренты с широким применением

[1] См. *К. Н. Шепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 27—31 и 49—50.

[2] ЦГАДА, ф. 1289, д. 312, л. 4—6. Окладная книга — «Инструкция на оброк и барщину».

[3] ЦГАДА, ф. 1289, д. 358, 1761.

[4] См. «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. 6, стр. 3—4.

барщинного труда в сельском хозяйстве к ближайшему прошлому.

Опыт конкретного изучения монастырского хозяйства первой половины XVIII в. сделан был в диссертации И. В. Засыпкиной — «Крестьяне Брянского Свенского монастыря (20—50-е годы XVIII в.)». Вотчины монастыря располагались на территории Орловской и Тульской губ. Кроме хлебопашества, крупную роль играли известковые разработки, тяжёлым бременем ложились на крестьян подводная повинность и строительные работы. Изучение архивов показало господство в этих монастырских вотчинах барщины на протяжении всей первой половины XVIII в.: из основных вотчин монастыря две были переведены на денежный оброк в 1756 г., а последние две — Комарницкая и Белевская — в 1762 г. [1] При этом существенную роль в переходе к денежной ренте сыграл рост сопротивления со стороны крестьян вотчины, обострение классовой борьбы.

О решительном преобладании барщины в церковно-монастырских вотчинах Вятского края в первой половине XVIII в. говорят материалы, собранные С. Токаревым [2]. И здесь тяжесть барщинной эксплуатации привела к крупному крестьянскому движению, начавшемуся в 1749 г. и продолжавшемуся до начала 60-х годов XVIII в. Оно завершилось ликвидацией не только барщины, но и самого церковно-монастырского землевладения в 1764 г.

О барщине говорит и челобитная рогачёвских крестьян Дмитровского у. Московской губ. от 1758 г. Рогачёвские крестьяне также были переведены на рублёвый оклад, т. е. на денежный оброк, в 1762 г. [3]

О том же господстве натуральных форм ренты и, в частности, сельскохозяйственной барщины — так называемой десятинной пашни — ещё во второй четверти XVIII в. говорят и материалы подмосковных дворцовых вотчин. И здесь своего рода «переломным временем» перехода к денежной ренте оказывается середина XVIII в. с полным исчезновением барщины на протяжении 60-х годов, когда устанавливается единообразный размер оброка в 2 руб. с ревизской души [4].

Все приведённые материалы говорят вместе с тем о переходе к новой форме ренты и указывают на середину XVIII в.,

[1] См. *И. В. Засыпкина*, Крестьяне Брянского Свенского монастыря (20—50-е годы XVIII в.) (рукопись кандидатской диссертации), 1953, раздел II, в частности стр. 112.

[2] См. *С. Токарев*, Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке, стр. 40—46.

[3] См. *И. Т. Покровский*, Торговое село Рогачево (приход и волость) Дмитровского уезда, Московской губернии, ч. 1, М. 1886, стр. 23—29, в частности п. 8.

[4] См. *С. Волков*, Крестьяне подмосковных волостей и дворцовое хозяйство во второй четверти XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), 1953, стр. 106.

как на время утверждения денежного оброка. Хозяйственное развитие второй половины XVIII в., в основном уже третьей четверти, характеризуется дальнейшим быстрым распространением денежного оброка. На денежном оброке состояла в 60—70-х годах обширная Усольская вотчина графов Орловых [1]. К 60-м годам относится распространение денежного оброка в Саранской вотчине Полянских (Пензенская губ.), где она отмечается как явление новое и потому ещё не вполне устойчивое [2]. На быстрое внедрение денежного оброка указывают исследования вотчинных фондов Шереметевых, Воронцовых, Куракиных, владения которых были расположены в разных губерниях России. О распространении денежного оброка в вотчинном хозяйстве в 1760—1780 гг. говорят и такие источники массового характера, как Экономические примечания 80-х годов XVIII в. или крестьянские челобитные времени крестьянского движения 1796—1798 гг. [3]

С этим связана и устанавливающаяся в это же время практика перерасчёта натурального оброка на деньги с допущением свободной замены со стороны крестьян первого вторым. Из перечисленных инструкций первой половины XVIII в. такое перечисление допускали только инструкции Шепелева и Бестужева-Рюмина; из них последняя относится к 1738 г. В начале 40-х годов XVIII в. о нём говорит В. Н. Татищев в «Кратких экономических до деревни следующих записках», выражая, однако, решительное предпочтение барщине [4]. Во второй половине века уже упомянутая инструкция князя М. М. Щербатова 1758 г. специально предусматривала: «Деньгами же за всякие оклады как с крестьян, так и с дворовых по настоящей цене в Ярославле» [5]. В переписке с приказчиком 1762 г. тот же Щербатов предусматривал свободную замену крестьянами вологодской вотчины по их желанию оброчного холста денежным оброком: «Когда привезут из вологодской деревни холстами, а деньги деньгами по 3 копейки за аршин дать нижеписанным псарям по 30 аршин» [6].

Такого же рода денежные эквиваленты взамен натурального оброка — столовых припасов (масла, разной рыбы, рябчиков и тетеревов), домашнего полотна и разного меха устанавли-

---

[1] См. *И. М. Катаев,* На берегах Волги, стр. 15.

[2] См. *И. Булыгин,* Крепостное хозяйство Пензенской губ. в последней трети XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 171—175.

[3] ЦГАДА, р. VII, д. 2918, ч. I и II; д. 2985, ч. I и II и др.

[4] См. «Временник Московского императорского общества истории и древностей российских» № 12, 1852 г., стр. 29—30. В 1773 г. эту записку опубликовал под своим именем член Вольного экономического общества *С. Друковцев* — «Экономические наставления дворянам, крестьянам, поварам и поварихам. Краткие экономические до деревни следующие записки», стр. 51—52.

[5] ЦГАДА, ф. 1289, д. 358, л. 23 об. (прибавление п. 13).

[6] ЦГАДА, ф. 1289, д. 373, л. 24.

вает В. И. Суворов в письме приказчику от 19 ноября 1791 г. [1]

В трёх тульских вотчинах Голицыных — Новосильской, Крапивенской и Епифанской — натуральный оброк также был переведён в денежный, составив по первой 514 р. 40 к., по второй — 290 р. 32 к. и по последней — 231 р. Перевод столовых припасов на деньги — обычное явление для этого времени.

В связи с распространением денежной ренты стоит и появление фальсифицированных форм натуральной ренты, характерное, как указывал Маркс, для последнего этапа феодальной ренты. Ярким примером такой фальсифицированной формы ренты представляется указанный перевод М. Апраксиным в 1775 г. крестьян его псковских вотчин с денежного оброка на натуральную и отработочную ренту. Речь шла о взимании с крестьян оброка льном с предоставлением работных людей для обработки сданного льна в Петербурге «на Санкт-Петербургский брак». Сущность этой операции раскрыта в показаниях самих крестьян: требование графом пеньки объяснялось его коммерческими операциями по поставке льна иностранным купцам в Петербургском порту на экспорт. При этом, по показаниям крестьян, они сами вынуждены были покупать лён из третьих рук, на местном рынке, за отсутствием соответствующего количества в их личном хозяйстве; на рынке приходилось им покупать рогожи для упаковки льна. Что касается рабочей силы, то в отношении последней прямо предусматривалась возможность её замены соответствующей денежной платой, исчисляемой по ценам найма работного человека в Петербурге. Не случайно сами крестьяне в представленном ими объяснении перевели всё своё обложение на денежный расчёт, составивший, кстати сказать, немалую сумму (до 31 р. 46 к. с души), далеко выходящую за пределы исчисленных В. И. Семевским средних «норм» денежного оброка [2]. Едва ли можно усматривать в этом обложении что-либо иное, чем скрытую форму денежной ренты, непосредственное проявление роста чисто товарных, денежных отношений. Невольно возникает вопрос, не эти ли специфические формы обложения определили исключительно высокий процент барщины, установленный В. И. Семевским по материалам Экономических примечаний к Генеральному межеванию для Псковской и Смоленской губ. — 79% и 70%, что уступает только Тульской и Курской губ. и ставит их в один ряд с Рязанской и Тамбовской.

---

[1] См. «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. 6, стр. 85—86.

[2] ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVI, д. 788, ч. 1, л. 181—183 и др.

3. Соотношение отдельных форм феодальной ренты

В связи с изменением форм ренты приобретает особый интерес и значение общий вопрос о соотношении и распределении отдельных видов феодальной ренты на новом этапе феодального строя, в условиях развития капиталистического уклада. В сущности приходится признать, что этот вопрос едва ли сколько-нибудь продвинулся в нашей литературе со времени его постановки В. И. Семевским ещё в XIX в., а между тем, как будет показано ниже, трактовка Семевского является ошибочной.

Обращаясь к этой проблеме, надо прежде всего оговорить, что самое распределение имений и крестьян по применяемым системам ренты сохраняет всегда известную, совершенно неизбежную условность. Дело в том, что никогда в поздний феодальный период ни одна система ренты не применяется в чистом виде. Переводя вотчину на оброк, помещик, однако, ряд более мелких, точно не регламентируемых работ сохраняет в порядке барщины. Достаточно указать упомянутую инструкцию М. М. Щербатова 1758 г., где и после ликвидации господской пашни крестьяне должны были давать плотников и каменщиков для разных текущих ремонтно-строительных работ по вотчине. Из среды крестьян вербовались ткачи и другие специалисты, хотя и с установлением им денежной оплаты; помимо того, как правило, сохранялись обязанности крестьянских жён и «девок» прясть пряжу и сдавать определённое количество холста [1].

Таким же образом крестьяне оброчной Архангельской вотчины А. Б. Куракина выполняли всё же в порядке барщины разные строительные работы, а также производили вывозку продаваемого Куракиным из вотчины леса. Дополнение денежного оброка отдельными натуральными поставками, а иногда небольшой барщиной имеет место и по шереметевским вотчинам; здесь же и один случай обратного порядка — по с. Вешнякову барщина дополнялась небольшим денежным оброком, около 50 коп. на 1 д. м. п. [2] Распространённое явление — дополнение и барщины и денежного оброка натуральным оброком, однако, ограниченным только столовыми припасами, причём допускался перевод их на деньги. Следует добавить, что, как показывают многочисленные вотчинные материалы, даже при установлении в вотчине барщины выделившаяся уже во второй половине XVIII в. в результате быстро углублявшегося крестьянского расслоения зажиточная верхушка крестьян оставалась на денежном оброке [3].

[1] ЦГАДА, ф. 1289, д. 358 и др.

[2] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 288—289.

[3] По-видимому, такой тип смешанной системы имеет в виду для Поволжья Т. П. Ржаникова в автореферате своей кандидатской диссертации

При всём том указание на смешанные формы ренты в экономических описаниях встречаются крайне редко, и чаще всего имеется в виду не действительное соединение барщины и оброка, а разделение крестьян внутри селения на особые группы — оброчных и барщинных, особенно в связи с наличием нескольких владельцев, когда крестьяне одного из них состоят на оброке, а крестьяне другого — «на пашне» (т. е. на барщине). В этом отношении наблюдение В. И. Семевского, что смешанная форма ренты получает распространение в основном в первой половине XIX в., в общем справедливо; смешанные повинности представляли своеобразную форму противодействия помещика быстро нараставшему полному кризису феодальной системы.

С учётом сделанной оговорки первый вывод, к которому приводит изучение форм ренты во второй половине XVIII в., состоит в фактическом *исчезновении натуральной ренты в качестве самостоятельной системы эксплуатации.* Все известные нам помещичьи наказы и инструкции ориентируются на один из двух видов ренты — барщину или денежный оброк. Так, барщинная система устанавливается в наказах по с. Любашевке Ефремовского у. Тульской губ. Гр. Шипова и князя Ф. Н. Голицына, в «Учреждении» графа П. А. Румянцева для с. Чеберчина и других сёл ~~Симбирской~~ губ., по дворцовому с. Бобрики Тульской губ. (инструкция титулярному советнику Андрею Шестакову) [1]. На барщине покоятся и все проекты «наказов приказчикам», опубликованные в «Трудах Вольного экономического общества», из которых только наказ А. Т. Болотова допускал отход с денежным оброком в качестве небольшого придатка. С другой стороны, денежный оброк устанавливался инструкцией Ив. Ив. Шувалова, в приказах В. И. Суворова. Отсутствие соответствующих указаний в инструкции П. Б. Шереметева 1764 г., по-видимому, объясняется тем, что она предназначалась как для оброчных, так и для барщинных его вотчин; в ней содержится только пункт о присылке денежных доходов (п. 80) [2].

«Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачёва», Л. 1953, стр. 8.

[1] См. «Университетские известия» № 7, Киев 1909 г.; № 11, Киев 1910 г.; № 12, Киев 1903 г.; № 7, Киев 1904 г. (материалы, изданные М. В. Довнар-Запольским); «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г., стр. 297—310.

[2] ЦГАДА, ф. 1289, д. 358; «Университетские известия» № 11, Киев 1910 г. (изложение содержания уложения также в книге В. П. Орлова-Давыдова — «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. II); «Университетские известия» № 7, Киев 1909 г.; «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. 6; *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, приложение, стр. 269—284; автор ошибочно назвал её инструкцией Юхотской волости, поскольку та же инструкция опубликована ещё М. В. Довнар-Запольским в «Киевских университетских известиях» по Карачаровской (барщинной) вотчине

Во всех инструкциях оброчным вотчинам расчёт показан прямо в денежном окладе, не оставляя никакого сомнения в том, что под оброком понимается денежный оброк. Так понимается этот вопрос и в ответах на Сенатскую анкету, и в экономической литературе («Труды Вольного экономического общества», С. Друковцев). Такое же чёткое деление на барщину и денежный оброк отмечается по двум тульским вотчинам Голицыных, изученным Г. Н. Бибиковым и Е. И. Дракохруст [1], также в Архангельской и Борисоглебской вотчинах Б. И. Куракина [2]. Единственное отступление от этого положения встретилось нам только в заметках мелкого помещика Ярославской губ. Н. С. Карновича от 1797 — 1798 гг., опубликованных Е. П. Карновичем, по которому оброк состоял из 6854 руб. деньгами и натурального оброка, равного 4575 руб. Однако надо отметить, что отношения Карновича с крестьянами носили вообще сложный характер. Так, крестьяне пользовались навозом для удобрения с господского двора, сам Карнович жил в своей вотчине и занимался сельским хозяйством, обнаруживая вообще определённую тенденцию к переводу вотчины на барщину [3].

Натуральная повинность в оброчной вотчине сводилась, как правило, к поставке столового припаса (главным образом, мяса, птицы и яиц, масла, рыбы), в северных районах — продуктов охотничьего промысла, меха, наконец, продуктов мелких домашних промыслов, в первую очередь женского рукоделия — пряжи, холста. При этом лён-сырец часто закупался самим помещиком на рынке и раздавался в работу, особенно при наличии вотчинного ткацкого производства, как это имело место, например, у М. М. Щербатова. В этом отношении сдача пряжи оказывалась ближе к изделию, чем к натуральному оброку.

Особое место в ряду других повинностей занимала подводная повинность, связанная прежде всего с необходимостью доставки припасов из продукции вотчинного хозяйства в столичные дворянские усадьбы, особенно из чернозёмных сельскохозяйственных районов. Последняя возрастает с усилением товарного производства в вотчинах, когда на крестьян ложится обязанность доставки помещичьих продуктов на рынок для продажи. В купеческом хозяйстве Севера подводная повинность крестьян-половников приобретала самостоятельное значение, превращаясь сама в особый тип барщины. Вместе с тем зависимость расширения подводной повинности от роста

и обнаружена А. М. Разгонэм в архиве Ивановской вотчины; это, очевидно, тот же текст, адресованный в разные вотчины.

[1] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г.

[2] См. *Э. С. Коган*, Крестьянское и помещичье хозяйство в Пензенской и Саратовской вотчинах Куракиных во вторую половину XVIII века (автореферат), М. 1955, стр. 3—5 и др.

[3] См. «Русская старина», июль 1876 г., стр. 566—570.

рыночных связей вотчинного хозяйства сообщает ей черты «фальсифицированной» денежной ренты, о которой речь была выше, поскольку подводная повинность обслуживает товарные отношения. Характерно, что в отдельных случаях подводная повинность непосредственно соединялась с денежной оплатой и при совмещении подводной повинности с наймом подвод на стороне (при известных условиях одна подводная повинность уже не обеспечивала возросших потребностей вотчинного хозяйства) устанавливалась то дифференцированная, то единая норма оплаты. Примером первого может служить Темниковский государственный винокуренный завод, где сторонним платили 12 коп. за воз, а прикреплённым — 3 коп.; одинаковая оплата имела место в Калужской фабричной вотчине Афанасия Гончарова. В приказе в Карачаровскую вотчину, состоявшую ещё на оброке, 7 января 1763 г. в связи с вывозом поташа для отправки в Вологду Шереметев указывал приказчику нанимать «охотников» со стороны, а в случае их отсутствия «наряжать из собственной деревни крестьян, и деньги за провоз им дать хотя и лишнее что, чтоб тем крестьянам налоги не учинить» [1].

Итак, процесс превращения натуральной ренты в денежную привёл к разделению всех вотчинных хозяйств на две основные группы — барщинные и состоящие на денежном оброке. Соответственно употребляемое в Экономических примечаниях противопоставление указаний — «на оброке» и «на пашне» или «на изделье» — надлежит понимать как противопоставление денежного оброка и барщины. Такое положение представляется вполне закономерным. *В условиях развития товарных, рыночных отношений и связанного с этим перехода сельского хозяйства на товарное производство, барщина по сравнению с рентой продуктами выступает как форма более интенсивной и многообразной эксплуатации крестьянской массы и как основа порождаемого этими же условиями своеобразного вотчинного предпринимательства,* при отсутствии у помещиков соответствующих денежных капиталов, заменяемых «капиталом орудий», как любили говорить в начале XIX в.

То обстоятельство, что распространение денежного оброка сочетается с одновременным торжеством барщины над продуктовой рентой, даже с известной тенденцией к её дальнейшему расширению, особенно в конце XVIII и в первой половине XIX в., не может при этом не привлечь к себе внимания исследователя. Определённым упрощением представляется установившееся в литературе механическое отождествление барщины XVIII в. — первой половины XIX в. с барщиной начальной стадии феодальной формации, являющейся «наиболее

[1] *К. А. Котков*, Крестьянское движение на территории Мордовии во 2 половине XVIII века, Саранск 1949, стр. 59; «Университетские известия» № 4, Киев 1906, Материалы, изданные М. А. Довнар-Запольским, стр. 162.

простой и первоначальной формой ренты»[1]. В действительности эта старая форма феодальной ренты получила новую экономическую функцию: *на данной стадии экономического развития она должна была обслуживать не потребительские нужды замкнутого феодального хозяйства, а новые рыночные отношения товарного хозяйства, и это новое экономическое содержание определило глубокие внутренние противоречия барщинного хозяйства.*

Сущность вопроса состоит именно в том, что и распространение денежного оброка, и утверждение барщины с последовательным размежеванием между ними, так же как и исчезновение продуктовой ренты, определялись в конечном счёте одним и тем же экономическим процессом — ростом товарного производства, зарождением капиталистических отношений в условиях феодальной формации. Их сближает товарный характер сельскохозяйственного производства. Однако задача обслуживания товарного производства, рыночных отношений в рамках феодального строя осуществляется при этом по-разному, *и денежный оброк, и барщина выступают соответственно как взаимно антагонистические формы организации хозяйства.*

В основе денежного оброка лежит товарное развитие самого крестьянского хозяйства, его непосредственное вовлечение в систему рыночных отношений. Крестьянское хозяйство получало возможность непосредственной реализации на рынке своей продукции, сельскохозяйственной и промысловой, превращая ее в деньги. На этой базе денежный оброк обеспечивал наиболее простое и непосредственное удовлетворение потребности помещика в деньгах за счёт крестьянского хозяйства.

Барщинное хозяйство представляет в этом отношении коренное, принципиальное отличие: основой товарного производства становится само господское хозяйство помещика. Сущность барщинного хозяйства состоит при этом в максимальной реализации средствами дарового крепостного труда материальных, сырьевых ресурсов вотчины. В этом смысле барщинное хозяйство в представлении его поборников — дворянских экономистов XVIII в. выступает как наиболее интенсивная форма эксплуатации крестьянского труда, и с ним связывается более полное и организованное использование товарных ресурсов вотчины. При этом в качестве основного показателя выступает рост валовой продукции вотчинного хозяйства, однако без учёта затраты рабочей силы — принудительной и даровой — и соответственно без учёта издержек производства вотчинного хозяйства[2]. В этой связи именно условия рыночной

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 804.

[2] Наглядным примером является Усольская вотчина Орловых. Об этом подробно в гл. 3.

реализации приобретают большое значение для последующего распространения барщинного хозяйства. Характерна в этом отношении смена форм ренты в районах нового хозяйственного освоения по мере их вовлечения в рыночные отношения, включения в систему растущего всероссийского рынка на протяжении второй половины XVIII в. Именно здесь надо искать объяснения заметного расширения барщины на протяжении последнего столетия существования феодального строя в таких периферийных районах, как Воронежская губ. на юге, Пензенская на юго-востоке, Симбирская на востоке. Сравнение данных Экономических примечаний 80-х годов XVIII в. с серединой XIX в. даёт увеличение удельного веса барщины по Пензенской губ. с 48 до 75%, по Орловской — с 44 до 72%, по Воронежской — с 36 до 55%. Более низкие показатели для последней могут объясняться развитием зернового хозяйства в соседних южных районах, которые в XVIII в. являлись главными районами сбыта зерна для Воронежской и Курской губ. Рост по Нижегородской губ. с 18 до 31,6% связан в основном с её юго-восточными у.[1] Конкретная история пензенской и саратовской вотчин А. Б. Куракина показывает их перевод на барщину в середине 80-х годов XVIII в. К этому же времени относится переход на барщину Усольской вотчины Орловых в Симбирской губ.[2]

О широком переводе крестьян на барщину в 90-е годы говорят многочисленные документы крестьянского движения 1796—1797 гг., сообщающие соответствующие данные по самым различным губерниям России. Яркие факты о перестройке помещичьего хозяйства приводятся по вотчинам Андреева, Апраксиных, Голицыных в Орловской губ., имениям помещиков Раева в Тульской губ., А. Зыкова — в Калужской, П. Демидова — во Владимирской, в вотчине купца Олонкина в Смоленской губ., наследников Н. Бекетова в Царицынском уезде Саратовской губ. и у многих других. Заведение фольварков и распространение барщины было массовым явлением в белорусских губерниях. Расширение господской запашки соединялось при этом с многообразными формами крестьянского «изделия» и с ростом фабричной барщины[3].

В первой половине XIX в. отмечается установление барщины в некоторых бывших оброчных имениях Дмитровского у., Московской губ.[4] *Эта связь с рыночными отношениями имеет боль-*

---

[1] См. *В. И. Семевский,* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, Спб. 1881, стр. 48, 492.

[2] См. *Э. С. Коган,* Крестьянское и помещичье хозяйство в Пензенской и Саратовской вотчинах Куракиных во вторую половину XVIII века, стр. 3—5, *И. М. Катаев,* На берегах Волги, стр. 15—16.

[3] ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2918, ч. I, л. 1—4, д. 2985, ч. I, л. 81, 123, 143 и др., д. 2985, ч. II, л. 6—7, 16—18, 29—31, 93, 378 и др.

[4] *А. И. Михайловская,* Развитие капиталистических отношений в Дмитровском у. Московской губ. перед реформой 1861 г. (автореферат), М. 1953, стр. 8.

шое принципиальное значение для понимания всего вопроса размещения барщины в конце XVIII и в первой половине XIX в.

Но товарность не является органическим свойством барщинного хозяйства и характеризует только его функциональную сторону. В то же время старое существо отработочной ренты, её застойный реакционный характер, определяло внутренние отношения помещичьего и крестьянского хозяйства (органическую структурную форму барщинного хозяйства) и вело к резкому противопоставлению денежного оброка и барщины. Товарное развитие господского хозяйства совершается за счёт крестьянского, предполагает сосредоточение в руках первого наиболее ценных естественных богатств вотчины, прежде всего лучших пашенных и сенокосных земель и лесных массивов и максимальное использование крестьянского труда помещиком. Так, товарный характер внешних отношений господского хозяйства соединяется с наиболее грубыми формами эксплуатации прикреплённого к земле крестьянина. Если *система денежного оброка обеспечивает относительную экономическую свободу крестьянина и развитие его производительных сил,* то барщина ведёт к предельному закабалению рабочей силы крестьянина, нашедшему одно из ярких проявлений в возникшей с последней четверти XVIII в. и получившей особенное распространение в первой половине XIX в. форме месячины. Последняя означала полное поглощение крестьянского надела господским хозяйством и фактический перевод крестьянина на положение сельскохозяйственного работника. Так, *рост товарности господского хозяйства* предполагал не только борьбу с крестьянским хозяйством за рынок сбыта и вытеснение крестьянина с этого рынка, одновременно он изнутри *подрывал производственную основу* этого *крестьянского хозяйства,* лишал его средств производства и присваивал себе его производительные силы — труд крестьянина. Эта черта барщинного хозяйства связывала развитие господского хозяйства с неизбежным свёртыванием и разрушением крестьянского, на котором, однако, как на своей производственной основе, зиждилось само помещичье хозяйство при феодализме. Поэтому в противоположность денежному оброку барщинное хозяйство вело к разрушению производительных сил общества. Именно в этом внутреннем противоречии помещичьего хозяйства не сумели разобраться легальные марксисты П. Струве и М. Туган-Барановский, объявившие помещичье хозяйство носителем экономического прогресса в XVIII в.

В силу указанных противоречий барщинного хозяйства вопрос о барщине и денежном оброке приобретал в рассматриваемый период такое большое значение в классовой борьбе крестьян против помещиков, против крепостного строя.

Конкретный анализ соотношения этих двух систем на практике и прежде всего в свете их территориального распределения должен помочь уяснению их непосредственной экономической обусловленности и тем самым пониманию экономической функции каждой из указанных систем. Для второй половины XVIII в. наиболее полные данные о распространении и территориальном размещении барщины и денежного оброка содержат Экономические примечания к Генеральному межеванию, составленные к концу XVIII в. по большей части губерний основной территории Русского государства.

В. И. Семевский в упомянутой уже работе попытался дать распределение барщины и оброка по губерниям на основе Экономических примечаний к Генеральному межеванию и сделать некоторые общие выводы. Последние сводили всё объяснение вопроса к двум основным моментам: качеству почвы и преобладанию крупного или мелкого помещичьего землевладения [1].

Первое утверждение исходило из расчёта среднего процента барщинных крестьян для 7 губерний Центрального чернозёмного района в количестве 74% и соответственно для центрально-промышленных и северо-западных губерний в 45%. При этом, однако, за общими средними цифрами совершенно игнорировались фактические колебания в пределах чернозёмного района от 92% в Тульской и Курской губ. до 36% в такой чернозёмной степной губернии, как Воронежская, или 48% для Пензенской. Игнорировался и высокий удельный вес барщины в таких малоплодородных, нечернозёмных губерниях, как Псковская, Смоленская или Московская. В основе этого утверждения лежало правильное наблюдение об особенно благоприятных условиях распространения барщины в сельском хозяйстве и прежде всего в зерновом хозяйстве — в хлебопашестве с его преимущественным развитием в Центральном земледельческом районе. Но совершенно *неверным было сведение этого вопроса к одним природным, почвенным условиям. Последние могли сыграть определяющую роль лишь в меру превращения этих областей в район товарного земледелия,* а не простого развития зернового хозяйства. Развитие товарного земледелия в условиях господства феодального способа производства выдвигало барщину, как наиболее интенсивную форму эксплуатации земледельческого труда крестьянина. Именно поэтому барщина (и помещичье землевладение вообще) получили на этом этапе слабое распространение в Воронежской или Пензенской губ. при благоприятных почвенных условиях. И в силу тех же развитых рыночных отношений товарное земледелие и связанная с ним барщина получили распространение в Псковской и Смоленской губ. Точно так же *только роль московского рынка может объяснить исключительно высокий удельный вес барщины в Московской губ.* по сравнению с окружающими её гу-

[1] См. *В. И. Семевский,* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, стр. 492.

берниями Центрального промышленного района и даже по сравнению с рядом губерний чернозёмной области.

В этом же плане едва ли применимо и простое механическое сведéние вопроса к противопоставлению сельского хозяйства и промышленной или промысловой деятельности. В определённых экономических условиях и промысловая деятельность (напр., эксплуатация лесов, не говоря уже об огородничестве) могла явиться базой барщинной системы наряду с зерновым хозяйством.

Ещё менее может удовлетворить второе выдвинутое Семевским условие — преобладание крупного или мелкого землевладения. Провозглашение крупного землевладения основой оброчной системы сельского хозяйства неизбежно вело к ложному выводу о прогрессивности крупной феодальной аристократии. Сюда же примыкает и своеобразная концепция Г. А. Гуковского, объявлявшего именно эту крупноземлевладельческую феодальную аристократию середины XVIII в. главной носительницей программы либеральных реформ [1], — концепция, подхваченная рядом советских авторов 30-х годов.

Как указано, советская историческая литература до настоящего времени не подвергла критическому пересмотру эти положения Семевского и в значительной мере продолжает на них ориентироваться. Критика этих положений требует прежде всего пересмотра его исходных материалов — статистической обработки данных Генерального межевания. Семевский на их основе составил следующую сводную таблицу распределения барщины и оброка в последней четверти XVIII в. по 19 губ. Европейской России [2] (см. табл. на след. стр.).

Основным пороком расчётов Семевского является фетишизация средних величин, свойственная буржуазной экономической статистике, в частности народническим авторам, которая была разоблачена В. И. Лениным, давшим блестящий образец марксистского статистического исследования в своём классическом труде «Развитие капитализма в России». За средними цифрами Семевского по искусственно созданным им на основе внешнего признака (почвы) двум районам исчезает, как уже было отмечено, амплитуда колебаний от 21 до 85% в одной группе, от 36 до 92% в другой. Другой порок его подсчётов состоит в том, что они основаны на установлении таких же нивелированных средних цифр и по отдельным губерниям без учёта сравнительно значительных колебаний по отдельным уездам. Это сказывается и в том, что соотношение оброка и барщины по губерниям выводится в основном из расчёта средней пропорции на материале 5—10% всего числа крестьян,

[1] См. *Г. Гуковский*, Очерки по истории русской литературы XVIII в., М. 1936.

[2] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствовании императрицы Екатерины II, т. 1, стр. 492—493.

Название губ.	% крепостных крестьян	Известное число		Процент	
		оброчных	барщинных	оброчных	барщинных
Нечернозёмный район					
Олонецкая	6	2 946	1 515	66	34
Петербургская	73	22 071	21 314	51	49
Псковская	72	38 392	146 765	21	79
Новгородская	55	60 424	63 556	49	51
Смоленская	80	70 796	167 762	30	70
Тверская	64	97 451	115 799	46	54
Ярославская	76	148 530	42 388	78	22
Костромская	72	194 751	34 957	85	15
Вологодская	34	64 564	13 610	83	17
Владимирская	67	104 918	109 030	50	50
Московская	66	78 864	142 401	36	64
Калужская	83	149 956	107 375	58	42
Нижегородская	69	194 470	42 754	82	18
Итого		1 228 133	1 009 226	55	45
Чернозёмный район					
Орловская	68	67 967	130 846	34	66
Тульская	80	18 343	211 293	8	92
Рязанская	75	40 784	170 753	19	81
Пензенская	51	54 635	51 348	52	48
Тамбовская	45	26 682	94 602	22	78
Курская	47	6 849	76 304	8	92
Воронежская	37	59 463	33 876	64	36
Итого		274 723	769 022	26	74
Всего		1 502 856	1 778 248	44	56

лишь в редких случаях превышая этот процент. Таким образом, губернские цифры оказываются неточными и исключают учёт поуездных особенностей. Наконец, важнейшим пороком таблицы является фактический отрыв расчёта числа оброчных и барщинных крестьян от конкретной экономической характеристики соответствующих помещичьих владений, содержащихся в использованных Семевским Экономических примечаниях, как-то: состав землевладения по угодьям, размерам земельных владений и душевладения, соответствующая обеспеченность землёй на тягло, или на 1 д. м. п., и т. д.

При решении вопроса о месте оброка и барщины в экономике помещичьего хозяйства XVIII в. необходим комплексный анализ с максимальной территориальной конкретизацией (поуездное рассмотрение материала в пределах каждой отдельной

губернии), с учётом конкретных особенностей по категориям и группам хозяйств. Существенным дополнением и проверкой могут служить материалы отдельных вотчинных фондов. Такая задача должна быть обязательно поставлена в дальнейшем при изучении местных материалов. Настоящая работа общего характера должна была ограничиться более или менее суммарным рассмотрением данных по отдельным губерниям, хотя в большинстве случаев привлекались также конкретные данные по отдельным уездам внутри губернии.

4. Барщина и оброк в Московской губернии

Рассмотрение материала о распределении оброка и барщины мы начинаем с центральной Московской губ. ввиду её особого специфического характера. Высокий процент барщины вырывает Московскую губ. из всего комплекса окружающих губерний. Удельный вес помещичьих крестьян и их распределение на оброчных и барщинных по уездам представляются в следующем виде [1]:

Наименование уезда	Помещичьи крестьяне		Оброчные	Барщинные	% оброчных	% барщинных
	всего	% к общему числу				
Московский	7 522	43	2 226	5 296	30	70
Богородский	15 501	53	5 600	9 901	36	64
Дмитровский	10 925	44	1 185	9 740	12	88
Клинский	14 696	54	3 925	10 771	30	70
Никитский	13 207	50	3 417	9 790	26	74
Воскресенский	17 237	68	1 482	15 755	9	91
Подольский	21 170	84	1 800	19 370	8	92
Звенигородский	15 620	61	3 978	11 642	22	78
Коломенский	20 424	83	8 368	12 056	40	60
Верейский	13 242	72	6 335	6 907	48	52
Рузский	16 374	76	5 335	11 039	33	67
Серпуховский	17 727	78	7 898	9 829	44	56
Бронницкий	18 296	72	12 075	6 221	66	34
Волоколамский	15 628	70	7 407	8 221	47	53
Можайский	15 086	77	6 815	8 275	45	55
Всего по губ.	232 655	66	77 146	154 813	33	67

При сравнительной близости полученного нами общего итогового соотношения барщины и оброка по губернии в целом к данным Семевского (33% и 67%) бросается в глаза крайняя неравномерность этого соотношения по отдельным уездам. Как

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 13, д. 36, 7, 20, 25, 39, 19, 41, 24, 30, 12, 43, 46, 10, 15, 34. Итоги получены путём сплошного подсчёта по всем дачам, но без учёта пустошей, в отношении которых Экономические примечания не дают указаний о порядке их эксплуатации.

правило, все уезды, непосредственно прилегающие к Московскому уезду, т. е. к Московскому центру, или располагающие хорошей связью с Москвой, как Звенигородский, расположенный по реке Москве, Клинский — на большой дороге из Петербурга в Москву, или Дмитровский — близко подходивший к Москве и в то же время связанный с бассейном р. Клязьмы, характеризуются резко повышенным удельным весом барщины — от 70 и до 90%. Исключение составляет Богородский у., имеющий среднегубернскую пропорцию оброка и барщины. Наоборот, более отдалённые, периферийные уезды дают значительно более низкую пропорцию, ниже 60%, а в промысловом Бронницком у. — даже 34% барщины. В этом отношении не составили исключения и расположенные на Окской водной магистрали Коломенский и Серпуховский у. Отсюда с полной отчётливостью выступает определяющая роль близости Москвы, означавшей прежде всего наличие тесной связи с московским рынком. Связь именно с рынком, а не просто с домовым потреблением самих землевладельцев, проживавших в Москве или в своих подмосковных усадьбах, подтверждается экономической характеристикой соответствующих уездов и составом помещичьего землевладения.

При этом обнаруживается несостоятельность ссылки на роль крупного землевладения титулованной знати в распространении денежного оброка. В пределах губернии отмечается значительное число помещиков из крупной титулованной знати, многие из которых владели несколькими вотчинами в разных уездах. Из общего числа выделяются 15 наиболее крупных вотчин, насчитывавших 1000 д. м. п. и более. Из них семь состояли на оброке. К оброчным вотчинам относятся следующие [1]:

Владельцы	Селения	Уезды	Число д. м. п.	Количество дес.
А. Гр. Разумовский	села Большово, Поречье, Карачарово с деревнями	Можайский	2 483	20 292
А. И. Шувалов	с. Посад и др. с деревнями	Верейский	5 126	17 762
А. С. и И. Г. Лопухины	с. Богородское с деревнями	Бронницкий	4 001	41 034
Всеволожские	дер. Бутово и др.	Богородский	1 933	32 053
графы Орловы	Хатунская волость	Серпуховский	5 163	16 252
князь Лобанов-Ростовский	с. Раменье с деревнями	Волоколамский	1 200	11 239
С. А. Меньшикова и графиня Кастельново	погост Дмитрия Селунского, с-цо Сенцы и деревни	Клинский	1 303	27 564

[1] См. ЦГАДА, Межевой архив, ф. 13 (Моск. губ.), д. 34, дача 307; д. 12, дача 14; д. 10, дача 18; д. 7, дача 28; д. 46, дача 281; д. 15, дача 365; д. 26, дача 668.

Однако оброчный и промысловый характер указанных вотчин определился отнюдь не размерами вотчинного хозяйства, как утверждали некоторые исследователи. Дело в том, что все эти владения только сложились в середине XVIII в. Когда в 1760-е годы большая Хатунская волость (точнее, часть её) была пожалована братьям Орловым, она уже являлась крупным промысловым районом. К середине XVIII в. должно быть отнесено также возникновение вотчин фаворита Елизаветы Петровны Алексея Разумовского, видного политического деятеля 50-х годов XVIII в. Александра Ивановича Шувалова, возвращённых из ссылки дочерей Меншикова. Таким образом, возникновение крупных оброчных вотчин в Московской губ. относится уже к периоду общего распространения денежного оброка и не могло, таким образом, само явиться причиной этого распространения.

К перечисленным оброчным вотчинам, как указано, примыкал по своим размерам ряд крупных барщинных имений [1]:

Владельцы	Сёла	Уезды	Число д. м. п.	Число дес.
Князь А. Н. Волконский	с. Горетово и Глазово с деревнями	Можайский	1 475	9 196
его же	с. Новое-Рожественно	Бронницкий	1 634	19 393
граф С. П. Ягужинский	с. Павловское с деревнями	Звенигородский	1 494	8 845
князь Черкасский и князь Шаховской	с. Кленово и Воскресенское	Подольский	1 755	6 819
граф Строганов	с. Покровское с деревнями	Подольский	892	4 351
генеральша Е. А. Леонтьева	с. Никольское	Богородский	1 003	11 228
графиня Ефимовская	с. Введенское с сельцом	Рузский	1 174	5 529
она же		»	771	3 794

(обе последние на смешанных повинностях)

Как уже отмечено выше, в пределах Московской губ. находилось восемь барщинных вотчин Шереметевых (размером

[1] ЦГАДА, Межевой архив, д. 34, дача 225; д. 10, дача 42; д. 24, дача 148; д. 41, дачи 163 и 188; д. 7, дача 51; д. 43, дачи 152 и 157. Из перечисленных дач вотчины Ягужинского и Ефимовской значатся на пашне и оброке. Кроме указанных, в Волоколамском у. состоит крупная вотчина В. Ф. Шереметева с 1707 д. м. п. (сёла Никольское и Архангельское), но экономическое описание по этой вотчине отсутствует и характер повинностей не показан.

по 400—600 д. м. п.) и лишь более мелкие их владения находились здесь на оброке; ряд барщинных вотчин того же размера состоял за Головкиными, Долгоруковыми, Воронцовыми, Трубецкими и др.

Из числа указанных вотчин, отнесённых к разряду барщинных, две состояли на смешанной повинности — «на пашне и на оброке». Вообще смешанные повинности зарегистрированы в четырёх уездах — Можайском, Звенигородском, Верейском и Рузском, — но в двух первых на смешанных повинностях значилось лишь 4—5%, а в двух других — 10—12% крестьян. При этом лишь в рузских вотчинах графини Ефимовской отмечается несколько более низкая обеспеченность землёй — 2 дес. пашни на 1 д. м. п., что могло привести к переводу части крестьян на оброк: при дальнейшем расширении господской запашки крестьянский надел должен был бы настолько сократиться, что не мог бы обеспечить даже в минимальном размере содержание крестьянского двора. Вотчина Ягужинского — с. Павлово с деревнями — состояла на смешанной повинности ещё в 30—40-е годы XVIII в., когда принадлежала Лопухиным, причём денежный оброк был невысокий и преобладающая роль принадлежала натуральным повинностям [1], но её хозяйственное лицо, как будет показано ниже, существенно изменилось.

Отметим далее, что все крупные феодалы, имевшие земельные владения в Московской губ. (Шереметевы, Разумовские, Голицыны, Волконские, Долгоруковы, Салтыковы и др.), как правило, имели в пределах губернии и барщинные, и оброчные вотчины, так что та или иная система эксплуатации должна объясняться, очевидно, экономическими условиями данного вотчинного хозяйства, а не личной склонностью данного владельца, не говоря о том, что уже приведённые данные по Московской губ. решительно опровергают положение, выдвинутое ещё В. И. Семевским, будто владения крупных вотчинников находились на оброке. В отдельных случаях барщинные и оброчные вотчины одного владельца оказываются даже в пределах того же уезда, например, вотчины князя А. Н. Волконского или помещика П. Т. Савёлова в Можайском у. [2]

Переходя к поуездной экономической характеристике, надо отметить прежде всего, что распределение земли и, в частности, пашни между барщинными и оброчными селениями в целом соответствует распределению душ крестьян, причём по уездам с более высокой барщиной удельный вес землевладения

[1] См. *К. В. Сивков*, Подмосковная вотчина середины XVIII в., сб. «Московский край в его прошлом», вып. 1, стр. 75—96.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 34, дачи 225 и 270, дачи 30, 48, 53, 71, 76, 107, 172 и др.

первых относительно выше чем удельный вес их душевладения. Это значит, что в барщинных вотчинах количество земли, приходящееся на 1 д. м. п., несколько выше, чем в оброчных, и обеспечивает как господское хозяйство, так и крестьянское хозяйство на надельной земле. Некоторое отклонение соответствующих показателей по Богородскому и Клинскому у. должно быть отнесено только за счёт одной крупной вотчины в каждом из них. Однако в то же время средняя душевая норма пашни в уездах с высоким удельным весом барщины оказывается ниже — от 2,7 до 3 дес. — против уездов с более высоким удельным весом оброка — от 3,5 до 4 и даже 4,3 дес. (Бронницкий, Волоколамский, Верейский, Серпуховский, Коломенский). В Богородском у. эта средняя норма падает до 2 дес., а в Московском — даже до 1,8, впрочем несколько компенсируясь в этом уезде лучшей обеспеченностью сенными покосами. Это значит, что распространение оброка не связано обязательно с худшей обеспеченностью пахотными землями. Соответствующие колебания размера душевой нормы или обеспеченности пашней при одинаковой форме феодальной ренты требуют, очевидно, учёта третьего момента — экономической основы феодального хозяйства, проверки утверждения, механически связывающего барщину с господством хлебопашества в помещичьем хозяйстве.

Общая средняя душевая норма земли по уездам представляется в следующем виде (без учёта пустошей) [1] (табл. на след. стр.).

Для выяснения действительных предпосылок развития барщины или оброка в уезде необходимо проверить связь их соотношения по отдельным уездам губернии: а) с хозяйственной характеристикой уезда, б) с характеристикой землевладения и вотчинного хозяйства, в) с обеспеченностью пахотной землёй на 1 д. м. п. (отражающей в какой-то мере удельный вес хлебопашества в крестьянском хозяйстве).

Выраженное преобладание пашенного хозяйства отмечается Топографическим описанием [2], а также Экономическими примечаниями в барщинных хозяйствах Бронницкого и Никитского, Подольского, Серпуховского и Коломенского, Верейского и Волоколамского, Рузского и Можайского у. Кроме одного Никитского у., это всё уезды с наиболее высоким удельным весом помещичьего землевладения. Большинство указанных уездов характеризуется относительно высокой обес-

[1] Таблица составлена на основе непосредственного подсчёта по «дачам» материала Экономических примечаний из фонда Межевого архива Московской губ., ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14.

[2] См. «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии», М. 1787.

Количество помещичьей земли
(в дес.)

Название уезда	Всего		На 1 д. м. п.	
	земли	пашни	земли	пашни
1. В барщинных вотчинах (включая смешанные)				
Богородский	98 325	20 105	9,9	2
Бронницкий	59 258	21 425	9,3	3,4
Верейский	70 175	23 566	10,2	3,4
Волоколамский	58 203	35 194	7	4,3
Воскресенский	121 345	37 635	7,7	2,4
Дмитровский	71 702	28 270	7,4	3
Звенигородский	72 557	34 947	5,5	2,5
Клинский	92 025	28 846	8,6	2,6
Коломенский	66 529	46 590	5,5	3,8
Можайский	62 509	23 302	7,5	2,8
Московский	33 759	9 764	6,4	1,8
Никитский	50 781	33 617	5,2	3,5
Подольский	109 761	57 257	5,6	3
Рузский	75 228	30 329	6,8	2,7
Серпуховский	79 188	35 547	8	3,6
2. В оброчных вотчинах				
Богородский	72 734	11 725	13	2,1
Бронницкий	84 883	36 724	7	3
Верейский	26 490	19 107	4,2	3
Волоколамский	46 580	22 841	8,3	4
Воскресенский	22 871	5 453	15,4	3,8
Дмитровский	8 212	3 314	7	2,9
Звенигородский	24 026	8 509	7,3	2,6
Клинский	51 739	8 738	13	2,2
Коломенский	33 885	21 228	4	2,5
Можайский	48 293	16 837	7	2,5
Московский	11 558	3 761	5	1,7
Никитский	19 516	11 304	5,6	3,3
Подольский	8 431	5 804	4,7	3,2
Рузский	34 760	14 868	6,5	2,6
Серпуховский	30 382	18 903	3,8	2,4

печенностью пашней[1] — свыше 3 дес. на 1 д. м. п.; только Можайский и Рузский дают несколько более низкую цифру. В Можайском у. это снижение компенсируется очень высокой обеспеченностью сенными покосами, особенно в барщинных хозяйствах, — до 1—2 дес. на 1 д. м. п. Характерно, что оброчные вотчины этих уездов, за исключением Коломенского и Серпуховского (где, правда, оброчные составляют 40—44% всех помещичьих крестьян), мало уступают барщинным по обеспеченности пахотной землёй. Надо только отметить, что в большинстве уездов этой группы среди оброчных преобладают небольшие вотчины с единичными очень крупными владениями, как вотчина Лопухина в Бронницком у., Шувалова — в Верейском, Орлова — в Серпуховском. Среди барщинных вотчин здесь преобладают средние и мелкие, особенно это характеризует Верейский, Никитский у. Повышенная обеспеченность пашней в крупных барщинных вотчинах отмечается в Волоколамском, Коломенском, Звенигородском и Серпуховском у.[2] Таким образом, ни наличие крупного землевладения, ни обеспеченность сельскохозяйственных занятий наличием пашни не определяют сами по себе размещение барщины и оброка. Чрезвычайно характерна большая уплотнённость дворов, притом в барщинных вотчинах значительно более высокая, чем в соответствующих вотчинах в уездах с преобладанием промысловых занятий и промышленного труда. При средней уплотнённости двора в 3—4 д. м. п. здесь по значительному числу дач отмечается 5 д. м. п. и более. Очень большая уплотнённость имеет место в Коломенском у. (5—6 д. м. п. и более), в Подольском, Рузском, Серпуховском у. Возможно поэтому, что часть крестьян используется на работах вне вотчины или отходит на сторону, но в таком случае ещё повышается расчёт количества земли на наличную рабочую силу.

В ряде уездов отмечается по отдельным вотчинам высокая обеспеченность лесом, иногда довольно крупными лесными массивами, но при этом в большинстве случаев можно полагать по наличным размерам пашни и обеспеченности рабочей силой, что сельское хозяйство всё же сохраняло здесь ведущее значение. Так, в Коломенском у., который вообще не богат лесами, некоторые барщинные вотчины имели крупные лесные массивы, но только в одной вотчине М. И. Скавронской отмечается резкий недостаток пахотных земель (285 дес. на 215 д. м. п.), но при 179 дес. сенного покоса и 972 дес. леса[1]. Едва ли имеют самостоятельное значение более крупные лесные массивы и в вотчинах Можайского у. Если у князя Волконского в его Горетовской вотчине имелся лесной массив в 1961 дес., то всё же основное хозяйство вотчины, надо думать, обеспечено наличием на 1475 д. м. п. 3967 дес. пашни при 2207 дес. сенных покосов[2], что составляло около 3 дес. пашни и 1,5 дес. сенных покосов на 1 д. м. п., в общей сложности свыше 10 дес. на тягло, или на одного действительного работника. Хозяйства Можайского у. вообще, как правило, хорошо обеспечены сенными покосами. То же положение наблюдалось и в Серпуховском у., где лишь в единичных дачах можно предполагать самостоятельное хозяйственное значение лесных угодий[3].

Сельское хозяйство явно преобладало и в Звенигородском у., где Экономические примечания отмечают, в частности, конские заводы и помещичьи мельницы. Любопытно при этом, что помещичьи предприятия показаны и в оброчных вотчинах, например в с. Никольском Н. М. Голицыной[4].

Но наряду с барщинными вотчинами на базе сельского хозяйства надо отметить широкое распространение барщины и в районах преобладания промышленных и промысловых занятий. К числу уездов с резко выраженной промысловой характеристикой принадлежал и близкий к Москве Богородский у. Такой характер уезда сказался, в частности, в сравнительно низком общем удельном весе помещичьего землевладения (53%). Но при этом удельный вес барщины, несмотря на указанный характер экономики уезда, довольно высок (64%).

В крупных оброчных вотчинах уезда состояли известные своими промыслами и, в частности, отходом на московские фабрики сёла: с. Гребенево с д. Новая, Фрязино, Чижево, Слобода, Трубино и др. в вотчине Е. Д. Голицыной, с. Ивлево М. В. и Ф. П. Балков, с. Сафарово Е. И. Головиной[5]. Оброчные сёла значатся и в крупной вотчине Всеволожских — д. Бутово и др. — с ограниченным запасом сельскохозяйственных угодий и большим массивом строевого леса: на 1933 д. м. п. 3122 дес.

---

[1] Поскольку данные о фактическом размере наделов отсутствуют, мы пользуемся условно термином «обеспеченность», понимая под этим расчётную душевую норму земли, приходящуюся на 1 д. м. п., как в составе надела, так и подлежащую обработке в господской пашне или поступающую в арендное пользование в порядке «оброчной статьи». Вопрос реальной обеспеченности, т. е. крестьянского надела, рассматривается специально в главе IV.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 15, дачи 12, 103, 242, 266, 358, 368; д. 30, дачи 257, 283 и др.

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 30, дача 503. Даже при отсутствии барщинной запашки и полной передаче земли крестьянам получающаяся средняя душевая норма в 1,3 дес. в трёх полях представляет голодную норму, не могущую обеспечить потребности крестьянского хозяйства.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 34, дача 225.

[3] Там же, д. 46, дачи 65, 74, 121, 267, 365.

[4] Там же, д. 24, дача 96 — суконная фабрика, конский завод и 2 мельницы.

[5] См. ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 7, дачи 210, 325, 361; об отходе из этих сёл см. в делах ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегия, 1766 г., д. 1047, 1061, 1077, 1111, 1774 г., д. 1043, 1193, 1204 и др.; см. также *Н. Л. Рубинштейн*, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 98—99.

пашни, 1006 дес. сенных покосов и 21 705 дес. строевого и дровяного леса [1]. Но и в барщинных вотчинах этого уезда промышленная и торгово-промысловая деятельность играла главную роль. Прежде всего бросается в глаза ряд фабричных сёл: 1) Купавинское фабричное с. Данилы Земского — 507 д. м. п., 167 дес. пашни и 908 дес. лесу, «крестьяне на пашне и на фабрике», т. е. на сельскохозяйственной и фабричной барщине; 2) с. Петровское с полотняной фабрикой М. В. и Ф. М. Балков, в то же время располагавшее значительными землями — 1159 дес. пашни и 150 дес. сенных покосов, 2875 дес. лесу при 409 д. м. п. («крестьяне на пашне и на фабрике», — значилось в Экономических примечаниях), на фабрике 50 станов; 3) с. Фряново с шёлковой фабрикой Лазаревых на 150 станов, 396 д. м. п., 291 дес. пашни, 138 дес. лесу; 4) 138 д. м. п. состояло за селитренным и пороховым заводом иноземца Мейера [2]. Помимо этого, по всем барщинным вотчинам уезда отмечается низкая душевая норма пашни — 2 дес. на 1 д. м. п. в среднем, из которой часть уходила под господскую пашню, что само по себе обусловливало голодную норму надела. Однако в большой части дач эта норма оказывается ещё значительно более низкой: для 30% дач средняя душевая норма пашни составляла 1—1,5 дес. в трёх полях, иногда спускаясь и ниже 1 дес. Зато по ряду дач отмечаются большие лесные массивы [3]. В ряде случаев лесные массивы совершенно очевидно составляют основу барщинного хозяйства при очень низкой душевой норме пахотных земель [4]. Таким образом, основой барщинного хозяйства в Богородском у. являлась эксплуатация промысловых навыков населения и использование в первую очередь значительных лесных богатств края, составлявших свыше 63% всего земельного фонда уезда и свыше 70% земельного фонда барщинных вотчин (без пустошей). Любопытно, что в оброчных вотчинах душевой надел пахотной земли несколько выше, а обеспеченность лесом ниже. В этих условиях привлекает особое внимание значительная уплотнённость дворов в барщинных вотчинах: добавочная рабочая сила использовалась помещиком на эксплуатации промысловых угодий вотчины.

К промысловым уездам губернии принадлежал и Дмитровский. В уезде было сосредоточено в своё время крупное церковно-монастырское землевладение, ликвидированное только секуляризацией 1764 г. Поэтому удельный вес помещичьего землевладения в уезде сравнительно низок с преобладанием мелких вотчин. Однако уезд принадлежал к числу тех, где

---

[1] См. ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 7, дача 26.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 7, дачи 241, 209, 310, 141.
[3] Там же, дачи 59, 61, 63, 64, 81, 94, 109, 125, 128, 147 и др.
[4] Там же, дачи 74, 109, 125, 270, 291, 431 и др.

удельный вес барщины в помещичьих вотчинах был особенно высок. В единичных более крупных вотчинах норма пашни на 1 д. м. п. снижалась до 2 дес., но это стояло в прямой связи с сокращением значения хлебопашества в этих вотчинах. В числе таких вотчин находилось и известное своими промыслами с. Пересветово с деревнями княгини Е. И. Разумовской (позднее Голицыных) [1].

Ряд крупных лесных дач значится и по отдельным барщинным вотчинам Клинского у., в ряде случаев при резко пониженном размере пахотных земель [2]. Эксплуатация лесных угодий в таких вотчинах занимала видное место в барщинной организации господского хозяйства; она приобретала особое значение в связи с большим спросом на строевой лес и на дрова, предъявлявшимся в первую очередь самой Москвой.

Особое положение сложилось в Московском у., с его высоким удельным весом барщины. Здесь заслуживает внимания значительное развитие собственно господского хозяйства в барщинных вотчинах при низкой общей душевой норме пашенной земли. В то же время лесные угодья играли здесь, видимо, крупную роль в помещичьем хозяйстве, реализовавшем свои лесные ресурсы на московском рынке. В частности, дела Каменного приказа 1775—1782 гг. говорят о скупке леса у помещиков Московского и смежных уездов владельцами московских кирпичных заводов [3]. При этом в уезде большое число барщинных вотчин крупной титулованной знати — Разумовских, Шереметевых, Голицыных, Нарышкиных, Долгоруковых и др., в которых Семевский и другие историки склонны были видеть носителей оброчной системы. Характерной особенностью района являются 11 вотчин, по которым числятся только дворовые люди (14% всех барщинных вотчин). В Экономических примечаниях по Московской губ. имеется также несколько первых указаний на месячину, дополняющих общие наблюдения относительно широкого распространения господского хозяйства [4]. Таким образом, в этих вотчинах крестьянская пашня и крестьянское хозяйство полностью отсутствовали и барщинное хозяйство принимало свои крайние формы.

Подводя итог сделанным наблюдениям, надо особенно подчеркнуть, что *в основе барщинного хозяйства Московской*

---

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 20, дачи 23, 37.
[2] См. там же, д. 26, дачи 513, 573, 630, 788, 875.
[3] См. ЦГАДА, Каменный приказ, ф. 292, кн. 43, д. 6, лл. 115—119, кн. 69, д. 17/18, л. 217—219, кн. 47, д. 8, л. 53—55, д. 12, л. 103—105, кн. 49, д. 5, л. 63—66, д. 8, л. 85—88 и др.; аналогичные данные имеются в этих делах по Дмитровскому и Можайскому уу. Материалы сообщены мне Н. В. Вороновым.
[4] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, Можайский у., д. 34, дачи 7, 200, 213, 251 — мелкие дачи до 5 дворов, в большинстве случаев с 1 двором; очевидно, речь идёт также о дворовых людях.

губ. лежала как земледельческая, так и промышленная и промысловая деятельность, что *в отношении сельскохозяйственных условий оброчные вотчины в большинстве уездов мало отличались от барщинных* и что *самые размеры барщинных хозяйств и наличие в ряде из них вотчинных предприятий говорят о товарном характере их производства.*

Именно товарный характер производства должен явиться объяснением развития разного рода помещичьего предпринимательства на барщинной основе в Московской губ. при её неблагоприятных почвенных условиях. Только наличие московского рынка позволяло ещё сельскому хозяйству конкурировать здесь с быстро распространявшимися промышленными и промысловыми занятиями. С этим связано и наличие в ряде барщинных вотчин губернии крупных винокуренных заводов, обеспеченных сдачей вина по казённым поставкам: в вотчинах Долгоруковой и Новосильцевой Богородского у.; в с. Андреевском Волоколамского у. у М. А. Шаховского; у А. Г. Гурьева в Верейском у.; у П. Ф. Нащокина в Серпуховском у. и др.[1] Этот же рыночный спрос оправдывал в помещичьей экономике барщинную систему эксплуатации лесных угодий. Все приведённые данные полностью подтверждают наше предположение о связи значительного распространения барщины в Московской губ. с наличием московского рынка и его повышенным спросом.

5. Центральный промышленный и Западный районы

С удалением от Москвы и продвижением к северу и западу удельный вес барщины последовательно падает. Это падение обнаруживается уже в смежных с Московской, Калужской, Тверской и Владимирской губ., где, по данным Семевского, удельный вес оброка составил около 50%, а для Калужской губ. — даже 58%. В нашей литературе уже отмечалась не раз связь распространения оброка во Владимирской губ. с быстрым развитием текстильного промышленного района губернии в составе Вязниковского, Шуйского, Суздальского, частично Ковровского и Судогодского уу., с преобладанием крестьянских промыслов и капиталистической купеческо-крестьянской мануфактуры. Не случайно на эти уезды приходится и наиболее низкий удельный вес барщины от 14% (Шуйский у.) до 25—28% (по Вязниковскому и Судогодскому уу.). Характерно, однако, что и в наиболее земледельческих уездах губернии, как Покровский, Гороховецкий, Киржачский, барщинные крестьяне составляли примерно только 50% к общему числу помещичьих крестьян, а с учётом довольно значительного в ряде указанных

[1] См. Ведомость винокуренных заводов Московской губ., ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59302.

уездов числа казённых крестьян роль барщины в целом ещё более снижалась.

Из всей массы уездов резко выделяются большим удельным весом барщины — примерно 80% помещичьих крестьян — Муромский и Меленковский у. Но оба уезда не принадлежали к числу сельскохозяйственных. По размеру посева они стояли на последнем месте, по урожайности они никак не выделяются из общей характеристики губернии[1]. Названные уезды принадлежали к промышленному району с железоделательной и стекольно-хрустальной промышленностью, с заводами Баташевых, Мальцевых, Кныликовых. Здесь же, в Карачаровской вотчине, в с. Панфилове, находился железоделательный завод Шереметевых, не получивший, однако, развития во второй половине XVIII в. Местные заводы принадлежали крупным землевладельцам и обслуживались крепостным трудом. По большинству селений названных вотчинников отмечается низкая обеспеченность крестьян пашней. В качестве примера можно привести сообщаемые Щепетовым данные по Муромским вотчинам Шереметева: в с. Карачарове с с. Панфиловом на 1400 д. м. п. значилось 5191 дес., но из них лишь 642 дес. пашни; в с. Большом Окулове на 814 д. м. п. — всего 942 дес. пашни, но 2081 дес. сенных покосов и 33 649 дес. лесу; только по с. Давыдову отмечается более удовлетворительная обеспеченность пашней: на 120 д. м. п. — 433 дес. По данным, сообщаемым К. Н. Щепетовым, Карачаровская вотчина была переведена с оброка на барщину после 1765 г. Существенную роль в хозяйстве этих вотчин могло играть и наличие большого лесного массива. Приказы Шереметева по Карачаровской вотчине специально отмечают здесь производство поташа с вывозом его к Вологде. Несомненно решающую роль должна была сыграть близость к Оке, как одной из важнейших водных магистралей страны, что также указывает на значение рыночных связей в переходе на барщину и усилении помещичьей эксплуатации в этом районе[2].

Резкое снижение барщины показано В. И. Семевским с продвижением в более северные приволжские Костромскую и Ярославскую губ. — 15% и 22%. Хотя сама тенденция к такому снижению и является общей для обеих губерний, но и здесь некоторое расчленение материала позволяет конкретизировать и уточнить выводы и для этого района.

Костромская губ. с включёнными в неё районами Галича и Солигалича является областью старого заселения и экономи-

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 640, ч. I, л. 75—76; ф. 1244, оп. 390, д. 52209.

[2] Характеристику Муромо-Меленковского района см., в частности, у А. М. Разгон, — «Промышленные и торговые слободы и сёла Владимирской губ. во второй пол. XVIII в.», «Исторические записки», АН СССР, кн. 32, 1950 г., стр. 133—135, 151 и в его диссертации, гл. 2. О вотчинах Шереметева; см. также *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 49, 288—289, 316, 317.

ческого освоения, что нашло, в частности, своё отражение в широком распространении здесь помещичьего землевладения, охватывающего почти по всей территории 80—90% крестьянства. Только в Юрьевецком и Макарьевском у. помещичье землевладение было оттеснено на второй план дворцовыми вотчинами, а в Костромском у. — монастырским землевладением; то и другое заняло довольно крупное место в Кадыйском и отчасти в Буйском у. Указанные уезды охватывают в основном ближайший заволжский район. В Юрьевецком районе, полностью занятом дворцовыми вотчинами, помещичье землевладение вообще отсутствовало. В остальных уездах удельный вес барщины колеблется от 5 до 50%.

В составе губернии резко выделяется по своей хозяйственной характеристике северо-восточный район с развитым хлебопашеством. Согласно многочисленным описаниям XVIII в. и, в частности, материалам Сенатской анкеты, Ветлужский, Варнавинский, частично Кологривский у. считались хлебными районами и сбывали хлеб к волжским пристаням и, в частности, в промысловые приволжские районы губернии. Далее, в названных районах мы встречаем ряд крупных вотчин, хорошо обеспеченных пашней и в то же время с большими лесными массивами. Так, в Варнавинском у. за П. Б. Шереметевым значилось с. Богородское с 533 д. м. п., 4524 дес. пашни и 18 875 дес. строевого и дровяного леса (фактическое владение его крепостного — «капитáлистого» крестьянина Сеземова), с. Никольское с 1244 д. м. п. при 4066 дес. пашни, 4715 дес. сен. покосов и 80 671 дес. строевого и дровяного леса, в третьем селе на 992 д. м. п. — 4416 дес. пашни и 39 552 дес. лесу (совладелица графиня Головкина). Князю М. М. Щербатову здесь же принадлежало с. Архангельское с 971 д. м. п., 5082 дес. пашни, 801 дес. сенных покосов и 9553 дес. леса; князю А. А. Долгорукову — с. Никольское (Бани) с 2205 д. м. п., 10 660 дес. пашни и 114 990 дес. лесу; ряд крупных владений принадлежал князьям Одоевским, Барятинским и др. Такое же положение наблюдается и в Ветлужском у., где крупные вотчины принадлежали князю Репнину, графу Салтыкову, Демидовым[1]. Хорошая обеспеченность пашенными землями, лесом и рабочей силой, производство хлеба на рынок создавали, казалось бы, предпосылки для распространения именно в этих уездах барщинного хозяйства. Однако в названных двух уездах вообще не оказалось ни одного крестьянина на барщине. Такое положение можно объяснить только одним: основную трудность организации помещичьего зернового хозяйства в этом районе должен был составить самый вывоз хлеба, доставка его к волжским пристаням. Система денежного

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 11, д. 7, дачи 1, 2, 9, 60, 31, 26 и др.; д. 11, дачи 21, 23, 168 и др.

оброка перекладывала эту обязанность на самих крестьян. С другой стороны, помещик располагал здесь огромными богатствами в виде лесных массивов, в том числе строевого леса, шедшего также на строительство барок, на которые предъявлялся значительный и всё возрастающий спрос со стороны волжского судоходства. При этом главными потребителями и покупателями леса выступали прежде всего промысловые артели, занятые строительством барок на месте, а затем местные купцы, организовывавшие крупный сплав леса по рекам. И в том, и в другом случае наличие рабочей силы у покупателя, связь покупки с производственным использованием и условия дальнейшей реализации исключали для помещика необходимость собственной рабочей силы, которая, скажем, в Московской губ. в значительной мере обслуживала дальнейшую обработку леса и его доставку на московский рынок. Поэтому здесь помещик, видимо, предпочитал продавать лес на корню, целыми лесными участками, как об этом свидетельствуют, например, материалы щербатовских вотчин[1]. В результате и в этом отношении отпадала надобность в даровой рабочей силе, в крестьянском изделье.

Наиболее значительное распространение барщины в помещичьем хозяйстве Костромской губ. отмечено по Кадыйскому у. (50%), по Костромскому (22%, включая сёла на смешанной повинности), по Кинешемскому (16%), т. е. в приволжских уездах с давним распространением промыслов и отходничества, засвидетельствованным всеми источниками второй половины XVIII в. В Костромском у. на пашне и изделье было свыше 3000 д. м. п., в Кинешемском — 3322 и т. д. Во всех этих уездах на пашне и изделье состояли как вотчины крупной столичной знати — Воронцовых, Бестужевых, Римских-Корсаковых и др., — так и вотчины мелкого и среднего дворянства. Так, в Кадыйском и др. у. имеются барщинные сёла Р. И. Воронцова наряду с его же оброчными сёлами. Вообще же в этом районе на барщине состояли в основном более мелкие сёла (до 100 д. м. п.)[2]. Таким образом, и здесь установление барщины не было связано ни с преобладанием сельскохозяйственных занятий, ни с характером помещичьего землевладения.

Второй район более значительной барщины создался в северо-западном углу губернии в районе Солигалича, Галича, Буя, связанном с сельскохозяйственными районами Вологодской губ. и возможно обслуживавшем свой местный рынок. В этих уездах барщина составляла 20—25% и представлена в основ-

[1] ЦГАДА, ф. 1289, д. 550 (1783—1786 гг.), л. 2 об., 55; д. 409 (1764—1766 гг.), л. 2 и др.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 11, д. 20, дачи 30, 136, 450, 758, 818; д. 22, дачи 229, 697 и др.

ном небольшими, но довольно многочисленными селениями старого местного дворянства [1].

Примерно та же картина отмечается и по Ярославской губ., где, например, сравнительно высокий процент барщины оказался в Мологском у. (26), население которого самым тесным образом связано с волжским судоходством, и где значатся крупные лесные массивы [2]. Впрочем, хорошая обеспеченность пашней и лесом имеется и в ряде оброчных владений. По Рыбинскому у. в барщинных вотчинах отмечены многочисленные вотчинные предприятия — пильные и мучные мельницы и крупорушки.

Удельный вес помещичьего землевладения и барщины снова значительно возрастает на западе, с приближением к балтийским портам и Петербургу — в Смоленской и Псковской губ.

Т. Т. Рябков показал распространение барщины в Смоленской губ. во второй половине XVIII в. и её связь с ранним развитием в крае торгового земледелия [3]. Помещичье барщинное хозяйство росло здесь на базе зернового хозяйства, используя благоприятные условия вывоза хлеба по рекам к Петербургу и на экспорт к Рижскому порту по Западной Двине. О вывозе хлеба по Двине сообщают губернаторские донесения уже в 70-е годы XVIII в. По данным А. Щекатова, относящимся к самому началу XIX в. (1804), в Рижский порт уже к 1 июня (за 5 месяцев) поступило около 500 судов, главным образом с хлебом, количество которого должно было составлять соответственно 500—700 тыс. четвертей; весь вывоз хлеба по Западной Двине направлялся с пристаней Смоленской губ., в первую

[1] Исследование Л. Б. Генкина позволяет проследить дальнейшую эволюцию этих явлений в губернии за первую половину XIX в. Расширение рыночных связей (очевидно, на базе развития волжского судоходства) сопровождалось резким сокращением чистого оброка в губернии, заметным распространением смешанной формы обложения крестьян: по Кинешемскому у. — 32%, по Варнавинскому — 25,5%, в Ветлужском — 49,1%; в последнем уезде появилась и чистая барщина, составившая 16,3%. Особенно симптоматичен рост барщины в земледельческих уездах, ещё раз подтверждающий связь барщины с условиями рыночных отношений, см. *Л. Б. Генкин*, Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года, Ярославский Государственный Педагогический институт, «Ученые записки», вып. XII (XXII), 1947 г., стр. 31—32 и др.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 35, д. 29, дачи 164, 369, 416, 469, 990; в ряде случаев при низкой обеспеченности пашней — до 2 дес. на 1 д. м. п. Интересно отметить, что эта же характеристика уезда сохраняется и для середины XIX в., когда в уезде значится самый низкий процент оброка (27,4) при решительном преобладании смешанных повинностей; на втором месте стоял южный малопромышленный Пошехонский у. с наиболее высоким удельным весом чистой барщины; *Л. Б. Генкин*, назв. соч., стр. 31.

[3] Развитие капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве в конце XVIII — в первой трети XIX в. По материалам Госархива Смоленской области, М. 1952 (рукопись).

очередь с Белой и с Поречья [1]. Топографическое описание также указывает для 1782 г. около 600 судов, около 400 тыс. четвертей зерна и муки и свыше 600 тыс. пудов пеньки (в основном к Петербургу), свыше 200 тыс. четвертей льняного и конопляного семени и свыше 220 тыс. штук рогож [2]. На базе хлебного экспорта выросло и земледельческое предпринимательство местного купечества, крупное купеческое землевладение с барщинным хозяйством, характеризующее вотчины купцов И. Барышникова, Олонкина и др. Крупное барщинное зерновое хозяйство Барышникова непосредственно обслуживало его хлебные торговые операции. В этой связи характерно одновременное увеличение оброка в восточных уездах губернии — Сычёвском, Вяземском, Юхновском и Дорогобужском, не имевших связи с отгрузочными пристанями на Западной Двине. Рост барщины в центральных и западных уездах губернии связан, очевидно, с их торговыми водными связями. Наряду с зерновым хозяйством крупную роль в помещичьем барщинном хозяйстве играла эксплуатация промышленно-промысловой деятельности крестьян. В Смоленской губ. крупное место занимало винокурение: в 1795 г. в губернии числилось 1396 винокуренных заводов и винокурен с общей выработкой в 326 523 ведра, из которых 243 417 были сданы по казённым поставкам; помещики расходовали на винокурение 74 299 четвертей своего хлеба. Из общего числа 52 предприятия вырабатывали свыше 1000 вёдер, 13 — свыше 5000 каждое. Наиболее крупные предприятия были сосредоточены в восточных уездах, а также в Ельнинском и в Бельском [3]. Отмечаются по губернии вотчинные суконные и другие мануфактуры и их дальнейшее распространение в начале XIX в. В Топографическом описании значатся разные вотчинные мануфактуры, стекольные и металлические заводы, а также большое число мучных мельниц (1308), связанных с хлебным торгом [4]. Надо полагать, что значительную роль в барщинном хозяйстве должна была играть эксплуатация лесных богатств как в связи с потребностью винокурения, так и в связи с большим судостроением и, наконец, для сплава леса: уже упоминавшиеся выше источники указывают поступление в Ригу по Зап. Двине значительного количества плотов леса.

В Псковской губ. высокий удельный вес барщины отмечен уже Семевским. И здесь бросается в глаза его связь с товарностью хозяйства [5]. Весьма краткое Топографическое описание

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 961, л. 71. *А. Щекатов*, Словарь географический Российского государства, ч. V, стб. 44.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19939, л. 12.

[3] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59174.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19939, л. 10—11.

[5] Интересно отметить значительный общий размер помещичьего землевладения в губернии — около 200 000 д. м. п. помещичьих крестьян, или

специально подчёркивает торговые связи губернии с Петербургом и с балтийскими портами (Нарвой, Ригой), судоходство по р. Великой и Нареву, по р. Ловати к Новгороду и Петербургу, по р. Западной Двине. В псковском вывозе указываются прежде всего продукты сельского хозяйства — пенька и лён, овёс и солома; кроме того, крупнейшим предметом сбыта являлся лес строевой (в частности, к корабельному строению) и дрова. В отличие от Смоленской губ. вотчинная промышленность, в том числе и винокурение, здесь мало были развиты и даже мельниц показано всего около 250, в том числе большое число ветряных [1].

Возможно, что на характере помещичьего хозяйства сказалось и давнее помещичье освоение этих губерний, их пограничное (в XVII—XVIII вв.) расположение и старые торговые связи.

6. Центральный чернозёмный район и Среднее Поволжье

Основные выдвинутые выше положения, отводящие решающее значение в распространении барщины или оброка рыночным связям, находят дальнейшее подтверждение и при обращении к Центральному земледельческому району. Среди последних выделяются в первую очередь в качестве губерний с особенно высокой барщиной Тульская и Рязанская. Удельный вес барщины в Курской и Тамбовской губ. значительно понижается в отношении всего крестьянства губернии в силу сравнительно низкого удельного веса помещичьих крестьян. Тульская, Рязанская и Орловская губ. принадлежат к губерниям с наибольшим распространением помещичьего землевладения, имеют соответственно 80, 75, 68% владельческих крестьян по отношению ко всему уездному населению (без городов). Это должно быть отнесено за счёт давнего освоения края при благоприятных условиях сельского хозяйства в районе. Сюда же можно присоединить непосредственно примыкающие к этому району два северо-восточных у. Тамбовской губ. — Шацкий и Елатомский — с 80 и 96% владельческих крестьян. Для распространения барщинного хозяйства при развитом сельском хозяйстве существенную роль играли водные пути сообщения по р. Оке и её притокам (р. Цна и др.), для Орловской губ. — отчасти связь с Днепровским бассейном. Реки связывали этот район с потребляющим сельскохозяйственные продукты Центральным районом, а по Волге — с Петербургом и другими портами. На усиленную скупку хлеба в районе

70% всего крестьянства. Это говорит, в частности, об особой заинтересованности помещиков в расширении здесь своего землевладения.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18963 и 18960.

приезжими скупщиками и на вывоз хлеба систематически указывали уже ответы на Сенатскую анкету 1767 г.

В Тульской губ. удельный вес помещичьих крестьян колеблется от 86 до 98% (Каширский и Чернский у.). Резкое понижение этой цифры в Богородицком у. (56%) объясняется тем, что здесь находились крупные дворцовые владения, главным образом личные земли Екатерины II (которыми управлял А. Т. Болотов), а в Ефремовском у. — распространением однодворческих земель; последнее сказалось и в Новосильском у., где удельный вес снизился до 77% [1]. Удельный вес барщинных крестьян составлял по губернии 86—100% от числа помещичьих (100% по юго-восточному Ефремовскому и Чернскому у.). Увеличение числа оброчных крестьян отмечается в двух уездах — Алексинском (42%) и Белёвском (26%); оба уезда относятся к восточным, т. е. к хуже связанным с основным центром; они прилегают к Калужской и к Орловской губ.

В Алексинском у. за крупными владельцами значились и барщинные и оброчные сёла. Среди более крупных оброчных вотчин выделялась только одна вотчина Л. А. и А. А. Нарышкиных, охватывавшая целую Соломинскую волость с 44 небольшими населёнными пунктами [2]. Нельзя при этом не отметить в Алексинском у. сравнительно высокую среднюю душевую норму пашни — 3,8 дес. на 1 д. м. п., с ограниченным лесным фондом (около 1,2 дес. на 1 д. м. п.) и отсутствием промышленных предприятий. То же относится и к Белёвскому у., где барщинные вотчины состояли за рядом крупных землевладельцев (Щербатовы, Юсупов, Шувалова, Ухтомские, Оболенские, В. Ф. Шереметев) и только за князем Трубецким числились две крупные оброчные вотчины. В то же время в северном Каширском у. с его сравнительно малоплодородными почвами барщина достигала 98%. Каширский у. имел тесные экономические связи с Московским центром. Экономические примечания уезда отмечают значительный прогон скота для Москвы и Петербурга. Кроме того, отмечается отход из уезда в Москву на работу; на московских текстильных мануфактурах числились многочисленные отходники из Каширского у., в частности из вотчины П. Ф. Балка, который сам имел небольшую полотняную мануфактуру в одной из своих подмосковных вотчин [3]. В целом по губернии, за исключением отдельных более круп-

---

[1] Собственно говоря, екатерининские земли следует причислить к владельческим и притом к барщинным.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 31, д. 11, дача 330. Отмечу, что за А. А. Нарышкиным числилась также крупная оброчная вотчина в другом районе зернового хозяйства и хлебной торговли — в Моршанском у., Тамбовской губ. (см. ниже).

[3] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, ф. 1, оп. 12, д. 1109 за 1774 г. (ф-ка Тамеса), оп. 10, д. 1420 за 1766 г. (его же); оп. 12, д. 1165 и 1250 за 1776 г. (ф-ка Ир. Перемышлевой) — дела по записи паспортов и прокормёжных писем работных людей из крестьян-отходников.

ных вотчин, оброк в небольших селениях в значительной части случаев связан прежде всего с малоземельем (1—2 дес. пашни на 1 д. м. п.) [1].

Более пёструю картину представляла Орловская губ., что обусловлено отчасти её составом: губерния вытянулась узкой полосой с запада на восток и связана с разнородными экономическими районами. Интересно сравнить Мценский и Брянский уезды. Мценский у. расположен в центре губернии и непосредственно прилегает к хлебным и торгующим хлебом уездам Тульской губ., при этом сам Мценск лежит на р. Оке, и губернаторские донесения отмечают вывоз хлеба в центральные промышленно-торговые районы с Мценской пристани [2]. Владельческие крестьяне в Мценском у. составляли 90%, а барщинных в их числе было 86%. Оброчные сёла принадлежат исключительно к мелким. Здесь, очевидно, решающую роль в распространении барщины играла принадлежность к району товарного зернового хозяйства. В Брянском у. также помещичье землевладение преобладает (свыше 80%) и удельный вес барщины составляет 75—77%. Брянский у. расположен на крайнем западе по р. Десне и таким образом связан с Днепровской системой. В Брянском у. преобладают владения местных помещиков; из крупной знати среди барщинных владельцев выделялась только княгиня Мещерская, среди оброчных — князья Голицыны А. И. и С. А., владения которых были связаны с их Сетинским заводом, и А. И. Шувалова, владевшая 9130 дес. «девственного» леса [3]. Среди оброчных владельцев значился ряд заводовладельцев, для которых лесные угодья представляли главную ценность (Е. И. Демидов с Похвистневым, А. А. Гончаров, Мосоловы и др. [4]). Лесные угодья наряду с пашней играли крупную роль и в барщинных вотчинах, достигая нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч десятин у отдельных владельцев (князья Мещерские, Тютчевы, Бахтины, Безобразов и др.) [5]. Можно полагать, что в барщинных владениях Брянского у. лес играл существенную роль в сбыте местных крупных помещиков благодаря удобству сплава леса по Десне на Украину. Что касается хлеба, то он также шёл в значительной мере на винокурение на месте и на Украину. Характерные для западных уездов Орловской губ. посевы конопли составляли большей частью принадлежность крестьянских хозяйств.

В центральном Орловском у. владельческие крестьяне составляли около 70%, в том числе барщинные — около 60%.

[1] См. Экономические примечания по Тульскому у. и др.
[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 952, ч. 1, л. 39 об.; см. также «Топографическое описание Калужской губ.», Спб. 1785.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 19, д. 14, дачи 299, 302, 129.
[4] Там же, дачи 148, 170, 172, 173, 123.
[5] Там же, дачи 202; 76, 121, 129 и др.; 119 и 775; 81 и др.

Среди барщинных значился ряд средних вотчин по нескольку сот д. м. п. и крупная вотчина Долгоруковых (1380 д. м. п.) с конским и винокуренным заводами и мельницей. Впрочем, здесь состояли и крупные оброчные вотчины князя И. Г. Чернышёва, также с конским заводом, двумя мельницами и оранжереей [1]. В целом среди оброчных преобладали небольшие вотчины.

На юго-западе, в Севском у., удельный вес помещичьего землевладения резко падал — до 32—34%; в уезде — крупная Дворцовая конюшенная волость (13 130 д. м. п.) и ряд однодворческих селений. Среди барщинных выделяется крупная вотчина Н. П. Голицыной — с. Радогощи с деревнями (2706 д. м. п. — 18 961 дес. земли, в том числе 16 501 дес. пашни), с 3 большими винокуренными заводами и 5 большими мельницами (2 по 8 поставов). Здесь разыгралось одно из самых крупных крестьянских восстаний 1796—1798 гг. Среди оброчных также одна большая вотчина в 5024 д. м. п. князя Д. Ю. Трубецкого и С. Д. Кантемира; но песчаные почвы исключали здесь сельскохозяйственную барщину, характерную для района, а образование торгового села на большой торговой дороге в Луганск создавало экономическую основу оброчной эксплуатации торгового промысла [2].

В восточном Елецком у., прилегавшем к степным районам Воронежской губ., преобладали смешанные селения владельческих крестьян с однодворцами. В чисто владельческих сёлах состояло лишь 10 848 д. м. п., т. е. 40% всего крестьянства; всего по уезду владельческие крестьяне составляли несколько более 50%. В их составе барщинные составляли в уезде примерно 90%. Решительно преобладали мелкие владельцы; основой хозяйства было хлебопашество при хорошей обеспеченности пашней и сенными покосами и недостатке леса.

Степень помещичьего освоения района резко снижается уже в отношении Тамбовской губ., где удельный вес помещичьих крестьян, как правило, ниже 30%, а по 4 южным уездам оказался ниже 20%. Из общего состава губернии, как уже отмечалось, резко выделялись Елатомский и Шацкий у. (96% и 80%), промежуточное положение занимали Моршанский и Кадомский у.; на северо-востоке огромную роль играли татары и местные народности, состоявшие на ясаке, в центральных и южных уездах — однодворцы, черкасы, или малороссияне, и экономические крестьяне. Но в рамках этого ограниченного помещичьего землевладения барщина решительно господствовала, обеспечивая как сельское хозяйство, так и промышленное предпринимательство (суконную промышленность, винокурение

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 19, д. 65, дачи 238 и 256.
[2] Там же, ф. 19, д. 69, дачи 37 и 42.

и пр.). По большей части уездов Тамбовской губ. барщина составляла 95—100%, т. е. не менее, чем в Тульской и Курской губ. Значительное отклонение представляли Шацкий и Моршанский уезды. В Шацком у. крупное оброчное землевладение приходилось на 7 дач; из 14 000 оброчных около 6000 состояли в вотчинах Разумовских и свыше 5000 за Л. А. Нарышкиным, частично в общих дачах. Владения Разумовских (личные и с совладельцами) во всяком случае недавнего происхождения; это относится, конечно, и к другому крупному владельцу Шацкого у. — Гр. А. Потёмкину[1]. Таким образом, преобладание оброка в этих крупных вотчинах должно быть отнесено за счёт их позднего возникновения; крупное господское хозяйство предпринимательского типа ещё не успело здесь сложиться. В Липецком у. при общей ограниченности числа помещичьих крестьян, большая часть оброчных крестьян находилась в одних дачах с черкасами и однодворцами, и это затрудняет определение удельного веса оброчных; то же относится и к Лебедянскому у.

Однако наряду с этим в губернии многие крупные вотчины, в том числе титулованной знати, уже состояли на барщине. Таковы многочисленные сёла И. И. Воронцова, К. П. Гагарина, П. Б. Шереметева, Архаровых; к последним перешло, в частности, крупнейшее торговое и промысловое с. Рассказово (3298 д. м. п.). На барщине состоят здесь и сёла крупных суконных «фабрикантов» — Гарденина, Тулинова, Олесова, Салманова[2]. В Борисоглебском у. состояли владения тех же Воронцовых и Гагарина, Гарденина и Салманова[3]. Крупные вотчины значились за многочисленными представителями крупной феодальной знати — Шуваловыми, Щербатовыми, Гагариным, Волконским, Шереметевым, Голицыными, Салтыковыми и пр. и в других уездах. В районе, сравнительно отдалённом от рынков сбыта с развитым зерновым хозяйством и с достаточными запасами леса в северных уездах, для помещичьих хозяйств характерно развитие крупного винокурения в качестве типичного помещичьего предпринимательства. Крупные винокуренные заводы отмечены в упоминавшихся оброчных вотчинах Разумовского в Шацком у., Гагарина в Шацком, Спасском и Елатомском у. (50, 60 и 88 тыс. вёдер) и множество более мелких — на несколько тысяч вёдер — в большинстве уездов[4]. Вместе с тем, как уже было указано, *для этих районов характерно последовательное расширение барщины по мере их вовлечения в систему всероссийского рынка.*

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, д. 102, дачи 7, 27, 32, 82, 118, 180 и 190; д. 63, дачи 96 и 100.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, д. 84, дачи 62, 84, 121, 133, 147, 68 и др.
[3] Там же, д. 8, дачи 61, 18, 42, 62.
[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59, 179.

В южных Курской и Воронежской губ. крупные помещичьи хозяйства ещё только создавались, их внутренняя организация и структура полностью не сложились.

На юге в Курской губ. помещичьи крестьяне составляли около 44%, но в их числе около 35% приходилось на так называемых владельческих или подданных малороссиян, которые, особенно в южных уездах губернии, сравнительно недавно попав под власть помещиков, состояли ещё на оброке. В целом по губернии бросается в глаза сосредоточение крупных барщинных вотчин именно в руках титулованной знати, устремившейся в эти южные земли в связи с ростом их экономического значения, вывозом сельскохозяйственной продукции губернии и шедшей через губернию транзитной торговлей — главным образом скотом. Об этих массовых захватах земель, в частности однодворческих и «черкасских», речь была в предыдущей главе. Топографическое описание Курской губ. отмечает также большое число крупных торговых сёл в губернии (13 торг. сл.)[1]. Кроме одной сл. Слоновки Новооскольского у. (казённых малороссиян), все они также принадлежали крупной феодальной знати — П. Б. Шереметеву, Трубецкому, Барятинскому, Голицыну, Головкину, Салтыкову, Щербатову. Крестьяне и в торговых сёлах в значительной части состояли на барщине, но большую их часть населяли подданные-черкасы, которые оставались на оброке. В целом барщина и здесь решительно преобладала, но подсчёты Семевского не могут быть приняты, так как они исходят из показаний, охватывающих менее половины крестьян губернии; очевидно, исключены все сёла, в которых оброчные и барщинные крестьяне даны нераздельно и в результате игнорируется значительная часть оброчных черкас и помещичьих крестьян, состоявших в общих дачах с «казёнными малороссиянами» и с однодворцами.

Может быть, ещё с большей резкостью позднее формирование помещичьего землевладения сказывается в Воронежской губ., особенно с продвижением на юг. И по Воронежской губ. мы отмечали в предыдущей главе последовательное проникновение и внедрение помещичьего землевладения в старые однодворческие, черкасские и сравнительно менее многочисленные экономические селения. Таковы упоминавшиеся слободы Воронцова, Трубецкого, а также Щербатова в Павловском у. В Валуйском у. крупные слободы принадлежали Куракину (Александровка и Белокуракино), Голицыну (Уразовка), графу Девиеру; в большинстве из них состояли подданные-черкасы на оброке, но в слободах Голицына и в сёлах Девиера крестьяне и черкасы значились уже «на пашне»[2]. В Бирючском у. образовалось крупное владение графа Шереметева с многими совла-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 6, д. 46, дачи 38, 39, 40, 41, 43.

дельцами, охватившее 15 слобод с 10 191 д. м. п. подданных-черкас, оставшихся на оброке [1]. Широкое сохранение оброка — результат именно позднего складывания этих вотчин и указанного состава их населения. Тем не менее характерно значительное развитие здесь помещичьего предпринимательства. В условиях степного района оно сказывалось прежде всего в распространении скотоводства, помещичьих конских заводов. В Бобровском у. Воронежской губ. на вновь полученных землях площадью около 100 тыс. дес. с 4000 крестьянских дворов был основан знаменитый Хреновский конский завод А. Г. Орлова, сыгравший крупную роль в истории русского коннозаводства, и здесь же несколько позже овчарный завод. При этом специально отмечалась высокая товарность овцеводства орловского завода; нельзя забывать, что Воронежская и Тамбовская губ. были в то время центром русской суконной промышленности [2]. Конные заводы имелись также у Куракина, Голицына. В связи с развитием овцеводства в уездах отмечаются сукновальни, кожевенные и мыльные заводы. В вотчинах имелось большое число крупных мельниц и винокуренных заводов; последних, по ведомости 1790 г., числилось 94 крупных и 137 мелких [3]. На первых этапах такое предпринимательство совмещалось со значительным сохранением оброка; дальнейшее расширение предпринимательства сопровождалось ростом барщины.

Так же как в южных губерниях, это положение сказывалось и в восточных. Примером может служить Пензенская губ., непосредственно прилегающая к Тамбовской с востока и к Нижегородской с юго-востока, причём, как мы уже отмечали, смежные районы обеих губерний принадлежали к числу наименее освоенных. Не случайно поэтому северо-восточный угол губернии даже в третьей четверти XVIII в. оказался лишь слабо захваченным помещичьим землевладением, хотя его государственное освоение относится к более раннему времени. Последнее сосредоточилось главным образом по системе р. Суры и её притоков, обеспечивавших наилучшую связь с Волгой (восточные уезды, а также Пензенский и частично Мокшанский); на юго-востоке Чембарский у. тяготел к бассейну Дона через р. Ворону. Более раннее появление здесь русского помещичьего землевладения привело к решительному преобладанию здесь барщины (в Наровчатском у. даже свыше 90%), но самые размеры помещичьего владения в этих уездах не превышали 5000 д. м. п. Как показывают старые публикации Голомбьевского и др., помещичье землевладение в юго-восточной части края складывается только к середине XVIII в., однако уже ко времени составления Экономических примечаний оно охваты-

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 6, д. 10, дача 23.

[2] См. *В. О. Витт*, Из истории русского коннозаводства, М. 1952, стр. 37—38.

[3] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59290, л. 3—26.

вало в Мокшанском у. 98,3% крестьян, в Пензенском — 92,2%, на третьем месте стоял крайний юго-восточный уезд, притом ещё наиболее покрытый лесами — Городищенский, с 16 198 д. м. п., или 76,4% помещичьих крестьян. Этот процент характерен и для остальной восточной части уезда. При этом особенно характерна преобладающая роль крупного землевладения. С поздней колонизацией этого района связано и слабое выделение барщины и оброка: по значительной части дач примечания указывают либо смешанную форму, либо наличие барщинных и оброчных крестьян без уточнения числа (особенно при многих совладельцах), наконец, в большом числе случаев указания на характер повинностей вовсе отсутствуют. Семевский и здесь, видимо, просто опустил соответствующие данные, и его таблица охватывает лишь около половины помещичьих крестьян губернии, что совершенно лишает её необходимой достоверности; в частности, неверно определён и общий удельный вес помещичьих крестьян, составлявших в действительности 63% крестьян губернии. Так, по Чембарскому у. остаётся невыясненным положение 70% крестьян (13 570 д. м. п.), по Пензенскому — около 50% (8871 д. м. п.), по Мокшанскому — 36%, по Городищенскому — 27% и т. д. Однако надо отметить, что во всём указанном районе чистый оброк составлял уже менее 50%, а в лесном, хуже обеспеченном Городищенском районе снижался даже до 34%. Очевидно, и здесь в хозяйстве крупной вотчины немалую роль играло развитие товарного хозяйства и помещичье предпринимательство, для которого во всём этом районе, и особенно в исключительно лесном Городищенском у. немалую роль играло лесное хозяйство. Лес строевой и дровяной использовался, помимо непосредственной продажи, для строительства барок и изготовления рогож, для распространённой здесь помещичьей вотчинной мануфактуры, в составе которой особенно отмечаются крупные винокуренные и стекольные производства, а также мелкие помещичьи суконные и полотняные предприятия. Связанная с этим барщинная повинность была широко распространена среди государственных крестьян Пензенской, а также Казанской губ., специально среди ясашной мордвы и татар, приписанных к Адмиралтейству, к винокуренным заводам и т. д. В Городищенском у. в конце века состояло 19 винокуренных заводов из 46 заводов губернии, из них 7 заводов, изготовлявших свыше 25 000 вёдер каждый, в том числе завод К. П. Шувалова на 75 867 вёдер и развернувший своё производство в конце XVIII в. завод А. Б. Куракина, давший свыше 100 000 вёдер. Здесь же отмечено 6 стекольных и 1 хрустальный завод [1]. Характерно при

[1] Топографическое описание Пензенского нам-ва, ЦГАДА, ф. ВУА — 18911 или 18912; ГИМ — Кур., 1259; ЛОИИ, ф. Воронцовых — 525; Экономические примечания по Пензенской губ., ЦГАДА, Межевой архив, ф. 20, по Городищенскому у., д. 10; ведомость винокуренных заводов Пензен-

этом преобладание в губернии крупных вотчин, на которые по отдельным уездам приходилось от 22—25 до 50—55% крестьян. В этих условиях оброчная повинность для многих вотчин этого района оказывалась не конечной, а, наоборот, начальной стадией помещичьего освоения этого района. Такова Городищенская вотчина Куракина, территориально оформившаяся только к середине XVIII в.: она состояла на денежном оброке до 60-х годов, когда в целях повышения господского дохода был поставлен вопрос о переводе её на барщину; самый перевод состоялся в середине 80-х годов XVIII в. История этой куракинской вотчины характерна для многих крупных вотчин восточной части Центрального чернозёмного района [1]. Появление промышленных вотчинных предприятий является при этом первым сигналом введения барщины в крупных вотчинах района, иногда с оговоркой: «на пашне и на заводской работе» или ещё «на пашне и на оброке» [2].

Для Саратовской губ. исследования Н. Ф. Хованского и Л. Н. Юровского отмечают распространение крупного помещичьего землевладения, крестьянского населения и сельскохозяйственного освоения особенно для последней четверти XVIII в. и начала XIX в. и в связи с этим устанавливают распространение барщины в первой половине XIX в. [3]

Быстрое продвижение крестьянской массы и помещичьего землевладения на восток во второй половине XVIII в. характерно для всего района Среднего Поволжья. По расчётам Т. П. Ржаниковой, только с 40-х по 60-е годы число помещичьих крестьян здесь примерно удвоилось [4].

В этой связи безусловно необходимо дифференцированное поуездное изучение Нижегородской губ., юго-восточные у. которой в почвенном и климатическом отношении также принадлежат к земледельческому району. Согласно Экономическим примечаниям, расположенные именно в этом районе Лукояновский и Сергачский у. дают и наиболее значительную

ской губ., ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59177; также *К. А. Котков*, Крестьянское движение на территории Мордовии во 2 половине XVIII века, стр. 7—10 и др.

[1] В характеристике Пензенской губ., в частности по подсчётам барщины и оброка, мы использовали рукопись диссертации Э. С. Коган.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, Экономические примечания, ф. 20: Городищенский у. — д. 10, дачи 7, 38, 72, 73 и др.; Мокшанский у. — д. 26, дачи 6, 12, 23 — гр. Воронцова (ковровая фабрика, конский завод, мельницы), дача 19 — кн. Долгорукова (полотняная фабрика, конский завод, мельницы, торговые сёла), 44 — с. Никольское (полотняная и суконная ф-ки), 59, 71; Чембарский у. — д. 60, дача 5 и др.

[3] См. *Л. Н. Юровский*, Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия, Саратов 1923, стр. 98—108; *Н. Ф. Хованский*, Помещичьи крестьяне Саратовской губ.

[4] См. *Т. П. Ржаникова*, Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачёва, автореферат, стр. 5.

барщину — 34,4% и 32%, при значительном общем удельном весе помещичьего владения — 78% и 73% и высокой средней душевой норме пахотных земель — свыше 4 дес. В то же время в одном из самых богатых чернозёмом, но самом отдалённом юго-восточном Починковском у. барщина ещё совсем отсутствовала, отставая в этом отношении от таких торгово-промысловых у., как Арзамасский или Ардатовский [1].

Своеобразные условия должны были возникнуть в Симбирской губ., с её более быстрым втягиванием в рыночные отношения благодаря волжскому водному пути. Здесь, судя по отдельным данным (например, наблюдения Н. И. Тургенева относительно положения крестьян губернии в начале XIX в.), барщина и помещичье предпринимательство значительно развились уже к концу XVIII в. Барщина в соединении с денежным оброком действовала с 80-х годов XVIII в. и в крупнейшей вотчине района — в Усольской вотчине В. Г. Орлова. Согласно письмам самого Орлова к приказчику, барщина определялась в 1 дес. пашни с тягла с добавлением разных побочных работ [2]. По данным вотчинного архива, крестьяне делились на барщинных (4318 д. м. п.) и оброчных (5605 д. м. п.), причём общее поступление оброка — 28 325 руб. в год, — по расчётам приказчика, составляло в 1800 г. меньше 23% всего валового дохода, главную часть которого составила продажа господского хлеба. Однако в этом расчёте не учитывались хозяйственные расходы, и в 1805 г. вотчинные бурмистры пришли к выводу о большей рентабельности оброчной системы. В этом районе, видимо, первая четверть XIX в. характеризуется значительным распространением денежного оброка [3].

7. Итоги

Проведённый анализ конкретного материала позволяет подвести основные итоги.

Формирование в условиях господства феодализма капиталистического уклада, рост капиталистических отношений, товаризация сельского хозяйства определили общую эволюцию феодальной ренты во второй половине XVIII в.

Прежде всего фактически утратила экономическое значение и *сошла на нет рента продуктами — натуральный оброк. Распространение товарных отношений на сельское хозяйство выдвинуло денежный оброк,* как последнюю форму феодальной ренты, и, с другой стороны, *на другом полюсе — отработочную*

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 15.

[2] См. *В. П. Орлов-Давыдов*, Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, т. II, стр. 149.

[3] Архивные материалы сообщены мне В. М. Тарасовой. ГАУО, ф. 147, оп. 1, д. 7, л. 1—3 и 8—9; оп. 2, д. 6, л. 3—5, 69; оп. 7, д. 26.

ренту, барщину, вызванную товаризацией господского хозяйства феодала.

Сочетание и размещение этих двух взаимно антагонистических форм ренты определялось сложным комплексом причин, среди которых решающее значение принадлежало рыночным отношениям, условиям реализации. При этом *экономической базой барщины являлось не только хлебопашество или, говоря шире, земледелие, но и промысловые отрасли сельского хозяйства,* в первую очередь эксплуатация лесных ресурсов вотчины *и промысловое предпринимательство.*

В результате создался ряд районов сосредоточения барщины, которые отнюдь не замыкались в пределах одной чернозёмно-земледельческой области. За пределами последней сложились два важных центра барщины: один — вокруг Москвы, другой — в районе, тяготевшем к Петербургу и к балтийским портам, в Псковской и Смоленской губ., а также в западных губерниях, включённых в состав России в XVIII в.

В то же время в самом Центральном земледельческом районе на протяжении второй половины и особенно третьей четверти XVIII в. *система денежного оброка сохраняла своё значение в районах, которые ещё не были втянуты в систему всероссийского рынка* и не обеспечивали в данный период непосредственного рыночного сбыта продукции господского хозяйства. Для этих областей характерно и более позднее, запоздалое распространение барщины.

Структурные различия системы денежного оброка и барщины определили историческую судьбу этих двух форм ренты и внутренние противоречия их практической реализации. *Денежный оброк, создавая лучшие условия для развития крестьянского товарного хозяйства, в то же время ускорял процесс социально-экономического расслоения крестьянства,* выделение зажиточной верхушки на одном полюсе, численный рост и разорение скудных хозяйств — на другом. Создавая предпосылки капиталистического развития, это расслоение в то же время вело к сокращению числа тяглецов в вотчине. С точки зрения помещичьего хозяйства это означало сокращение помещичьих доходов, убыль которых не могла быть покрыта за счёт роста платёжеспособности «капита́листой» верхушки.

Барщинное хозяйство, максимально используя рабочую силу вотчины и мобилизуя её многообразные ресурсы, создавало на известном этапе видимость повышения доходности помещичьего хозяйства: в действительности рос валовой доход, но, как указано выше, он поглощался непропорциональным увеличением хозяйственных издержек (управленческие расходы по вотчине, перевозки, рыночные закупки инвентаря, скота и пр.). Связанное с расточительным и малопроизводительным расходованием рабочей силы крепостных, предельно разоряя крестьянское хозяйство, оно вело к разрушению производительных сил и в то же время подрывало производственную базу самой дворянской вотчины, тем самым заводя феодальное хозяйство в конечном счёте в безвыходный тупик, ускоряя его внутренний кризис, неизбежную ликвидацию самой крепостнической системы.

Помещичьим поискам практического решения задачи товарного развития хозяйства противостояла порождённая этими противоречиями классовая борьба крестьянства. Борьба за денежный оброк против барщины с её крайними формами крепостнического гнёта составила в XVIII в. одно из конкретных проявлений классовой борьбы крестьянства против феодально-крепостнического строя.

Социально-экономическое развитие и классовая борьба определили общее направление и развитие форм феодальной ренты в период капиталистического уклада.

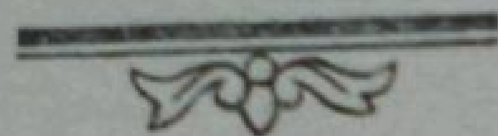
Формирование капиталистического уклада и рост товарных отношений привели к быстрому распространению денежного оброка в 60-е — 70-е годы XVIII в. в помещичьем хозяйстве, увидевшем в этом наиболее простой и лёгкий путь перестройки на первом этапе. В то же время острая борьба крестьян против роста эксплуатации и барщинных повинностей в церковно-монастырских хозяйствах вынудила последних также перейти к денежной ренте и завершилась секуляризацией церковных имуществ в 1764 г.

В 70-е годы XVIII в. характеризующее этот период распространение феодального хозяйства вширь и вовлечение в систему феодальной эксплуатации новых районов на востоке и юго-востоке нашли своё отражение в мощном размахе крестьянской войны (1773—1775).

Однако быстрый процесс крестьянского расслоения последовательно сужал экономическую базу денежного оброка, а *расширение внутреннего рынка,* связанный с развитием товарности сельского хозяйства *рост цен на сельскохозяйственные продукты толкали помещика на расширение господского хозяйства, на борьбу с крестьянским хозяйством за рынок.* Отсюда, с одной стороны, резко выраженное, особенно с конца XVIII в., беспокойство помещика по поводу убыли тяглецов и попытки поддержать их платёжеспособность, удержать их в тягле, о которых настойчиво говорят материалы вотчинных архивов. С другой стороны, на этой почве обозначается именно в это время тенденция нового распространения господского хозяйства на основе барщины с увеличением собственной товарной продукции и непосредственным выходом на рынок. Конкретным проявлением этой тенденции явилось установленное исследованием отдельных вотчинных материалов распространение, или расширение, барщины в Пензенской и Саратовской вотчинах В. И. Куракина, в симбирской Усольской вотчине Орловых, в Новосильской вотчине Тульской губ. Голицыных, в Саран-

ской вотчине Полянских, где именно *в 90-е годы XVIII в. господское хозяйство приобретает решающее значение и получает заметное развитие с расширением выхода на рынок.* О переходе с оброка на барщину в 80 — 90-годах XVIII в. как о массовом явлении говорят крестьянские челобитные 1796—1797 гг. *Результатом этого нового наступления феодала-помещика на крестьянство явилось новое массовое крестьянское движение,* охватившее в эти годы большую часть Европейской России, для подавления которого потребовалось значительное напряжение военных сил дворянского государства.

Дальнейшее обострение указанных противоречий феодального строя в первой половине XIX в. привело к распространению ещё одной — компромиссной — формы организации господского феодального хозяйства, к системе смешанных повинностей, особенно характерной для второй четверти XIX в.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

При господстве феодальной системы хозяйства, покоящейся на феодальной собственности на землю, организация господского хозяйства получает во многом определяющее значение для всего развития сельского хозяйства. Поскольку в руках феодала-землевладельца оказалось основное средство производства — земля, а также неполная собственность на рабочую силу, т. е. на основную массу непосредственных производителей — крестьян, экономическое развитие самого крестьянского хозяйства может быть правильно понято лишь во взаимосвязи с организацией и экономикой господского хозяйства. Значение этого вопроса усугублялось большим удельным весом помещичьего хозяйства в сельском хозяйстве России XVIII в. и размерами помещичьего землевладения. Это относится прежде всего к дворянско-помещичьему землевладению районов старого хозяйственного освоения. Тождественный характер имели и дворцовое землевладение, хозяйства разных государственных ведомств (конюшенного и др.), наконец, церковно-монастырские земли, секуляризация которых последовала на территории собственно России в 1764 г.

Рост товарного производства в сельском хозяйстве, стимулировавший распространение дворянско-помещичьего землевладения во второй половине XVIII в. на новые земли и районы и определивший размещение барщины и оброка, должен был непосредственно сказаться в организации и производственной структуре помещичьего хозяйства. При сохранении феодально-крепостнического строя это находит своё выражение в соотношении господского и крестьянского хозяйства. К сожалению, даже наша советская литература недостаточно учитывает эту связь крестьянского хозяйства с общим комплексом помещичьего хозяйства и нередко рассматривает первое в отрыве от второго.

Включение господского хозяйства в систему товарного производства, его связь с развивающимися капиталистическими отношениями находят своё выражение в подчинении всего помещичьего хозяйства принципу увеличения доходности как основной движущей силы помещичьего хозяйства, с которым связано и развитие помещичьего предпринимательства. Речь идёт о производстве продуктов на рынок как ближайшей и непосредственной задаче, предполагающей постоянную и систематическую связь вотчинного хозяйства с рынком. Эта целеустремлённость нашла своё отражение в помещичьих инструкциях и наказах приказчикам и в переписке помещиков с приказчиками [1]. Об этом же говорит экономическая литература того времени. Эти же вопросы стояли в центре внимания основного научного центра помещичьего сельского хозяйства — Вольного экономического общества с издаваемыми им «Трудами».

1. Помещичьи инструкции

Специальное внимание исследователей привлекают за последнее время помещичьи инструкции приказчикам. Недавно опубликован ряд инструкций, относящихся к первой четверти XVIII в. [2] Кроме того, С. И. Волковым найдена инструкция управителю дворцового с. Коломенского с приписными деревнями, 1724 г. [3] Ко второй четверти XVIII в. относятся шесть опубликованных инструкций: А. П. Волынского — дворецкому Ивану Немчинову [4]; А. П. Шереметевой — Григорию Вроблевскому, приказчику Юхотской вотчины, 1727 г. [5]; барона И. Г. Строганова — приказчикам с. Рождественского Ф. Клинову и Д. Черникову, 1725 г. [6]; управителям дворцовых волостей, 1731 г. [7]; П. М. Бестужева-Рюмина — приказчику Пошехонской вотчины, 1738 г. [8]; приказчику с. Старицы Белгородского Николаевского монастыря, 1744 г. [9]

[1] Обзор опубликованных инструкций дан в статьях: *К. В. Сивкова*, «Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России» (сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», АН 1952) и *П. К. Алефиренко*, «Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о сельском хозяйстве» (сб. «Материалы по истории земледелия в СССР» № 1, АН 1952, и в сокращённом виде — в указанном сборнике, посвящённом академику Б. Д. Грекову).

[2] См. «Исторический архив», кн. VIII, стр. 221—277.

[3] Рукопись; указана в упомянутой статье П. К. Алефиренко в сб. «Материалы по истории земледелия в СССР» № 1, стр. 527.

[4] См. «Москвитянин» № 1 и 3 1854 г.

[5] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 265—269.

[6] См. «Исторический архив», т. IV, стр. 150—183.

[7] См. «Исторический архив», т. VI, стр. 156—198.

[8] См. «Русский архив» № 1, 1904 г., стр. 28—38.

[9] См. «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 4, Харьков 1892, стр. 155—158.

Кроме того, нам известны несколько ещё не опубликованных инструкций: инструкции князя А. М. Черкасского «В Домовую канцелярию об управлении хозяйством и ведении делопроизводства», 1725 г. [1], и три инструкции приказчикам ярославских вотчин князей Ю. Ф. и М. Ю. Щербатовых, 1724, 1725 и 1731 гг. [2] П. К. Алефиренко относит к числу инструкций и известное сочинение В. Н. Татищева «Краткие экономические до деревни следующие записки» (начало 40-х годов), но последнее правильнее рассматривать как памятник экономической сельскохозяйственной литературы [3].

«Наказы приказчикам» первой четверти XVIII в. касаются в основном административно-фискальных и судебно-полицейских вопросов и сводятся почти исключительно к перечислению доходных статей и крестьянских повинностей, к определению обязанностей приказчика по сбору доходов и надзору за крестьянскими работами. Это относится и к более обстоятельным наказам Шепелева и князя Черкасского, уделяющим сравнительно мало внимания собственно хозяйственным вопросам.

Мало отличаются в этом отношении и инструкции второй четверти XVIII в., только круг административно-полицейских функций приказчика детализируется, а в более поздних отмечается возрастающий интерес к расширению размера повинностей и числа сборов с крестьян, связанный с требованием общего увеличения вотчинных доходов.

Из указанных инструкций выделяются определённой обстоятельностью инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г., инструкция барона Строганова конца 1720-х годов и Бестужева-Рюмина 1738 г. Однако первая касается при этом почти исключительно непосредственных вопросов управления, фискальных, полицейских и судебных функций управителей, организации хозяйственного учёта, контроля и отчётности. Вопросам собственно сельского хозяйства посвящены лишь главы: 15-я — «о хлебостройстве» (из 12 пунктов), 17-я — о содержании дворцовых садов, 18-я и 19-я — о содержании конюшен и скота. Но и эти главы имеют в виду прежде всего вопросы организации и учёта крестьянских работ и хозяйственных запасов: так, указание сроков посева и производства основных сельскохозяйственных работ определённо связано с организацией использования рабочей силы, а указание на размер высева — с задачей учёта расходования посевного зерна.

То же относится в значительной мере и к инструкции барона Строганова. Основную часть её составляет первый раздел, названный «Общей инструкцией», состоящий из 39 пунктов и занимающий 16 страниц из 26; эта часть инструкции

[1] ЦГИАЛ, ф. Шереметевых, д. 6, л. 1—97.

[2] ЦГАДА, ф. Щербатовых, № 1289, д. 183, л. 15—16, 24—29, 57.

[3] Опубликовано во Временнике «Московского общества истории и древностей российских», кн. 12, М. 1852, стр. 12—32.

посвящена исключительно вопросам управления, суда и полиции, раскладки повинностей и сбора оброка, распределения земли и тягла между крестьянами, отчётности и т. п. Несколько полнее содержание ч. II — «О содержании казённой (т. е. господской. — *Н. Р.*) пашни»: здесь находят отражение и некоторые вопросы агрономии, как-то: требование более глубокой запашки для определённых культур, вопросы двоения и троения пахоты, более дифференцированная и детальная разработка указаний относительно унавожения земли. Однако дифференцированная норма высева, возможно, связана с учётом расхода посевного материала, как это показывают другие помещичьи инструкции.

В инструкции Волынского Ивану Немчинову собственно агрономические вопросы занимают всего полторы страницы из 42 и в основном касаются унавожения пашни (п. VIII).

Типичным помещичьим наказом для второй четверти XVIII в. (1727 г.) представляется инструкция графини Шереметевой приказчику Григорию Вроблевскому. Инструкция полностью сведена к определению функций и обязанностей приказчика по управлению вотчиной; из 20 пунктов 10 касаются сбора с крестьян оброков и разных платежей, а вопрос о посевах и других сельскохозяйственных работах исчерпывается одним кратким указанием (п. 13): «А который сев определен в Юхотской волости аржаного и ярового хлеба и тебе бы в том смотреть, чтоб пахали и сеяли порядочно и в годные дни и севу по рассмотрению прибавлять и в угодные дни, чтоб жали и молотили, и посевные и ужинные и умолотные опытные присылать к Москве в сентябре месяце».

Управленческим вопросам посвящена и инструкция князя Черкасского и особенно обстоятельная инструкция Бестужева-Рюмина. В последней хозяйственные заботы сводятся к определению размеров назначаемых крестьянам работ — площади господской пашни и сенокосов, поголовья господского скота и т. п.; собственно агрономические и экономические указания сведены к общим положениям: хлеб сеять и молотить «в удобное время», высылать людей сено косить «в нужное время». Сюда же примыкают по своему содержанию и упомянутые три инструкции Щербатова. И их основное содержание составляют вопросы управления и полицейского надзора за крестьянами, сбора, хранения и учёта, расходования помещичьих доходов. По вопросу о сельскохозяйственных работах, в частности о пахоте, инструкция ограничивается самыми общими и элементарными указаниями, из которых главное — контроль за сохранностью господского имущества. Вопросам земледельческого хозяйства в инструкции 1724 г. посвящены п. 10 и 11. Характерен п. 10: «Пашню пахать с великим радением, чтоб челизен не было. И смотреть приказчику над мужиками и старостами и целовальниками, а в небытность приказчика смотреть

старостам и целовальникам. А хлеб с поля збирать в пору и смотреть тово, чтоб мужики хлеба не крали. Также и приказчик нашего хлеба не крал. И старосты и целовальники не крали бы. А как с полей хлеб рожь и яровой в гуменник свозят и класть в скирды и в стоги и укрывать хвоем, чтобы птицы хлеб не травили и не ели, а с полей хлеб в ненастье мокрова не возить, а возить сухой в ведро». Этот пункт получил специальное дополнение в инструкции 1725 г.: «А приказать сторожам накрепко, чтоб хлеб выдавали на семена з бережью, а как станут мужики хлеб сеять, и сеяли б при старосте и при целовальнике, а ходить за мужиками старосте и целовальнику, чтоб мужики хлеб не крали. И тебе Макару смотреть тово накрепко, а ежели староста и целовальники смотреть не станут, и их сечь кнутом и ко мне о том писать». К собственно агрономическим указаниям в инструкциях Щербатова относятся требования мочить семена ячменя в навозной воде при посеве (инструкция 1724 г., п. 11, и инструкция 1725 г.); сюда же примыкают некоторые указания последней инструкции о «бережении» «стоялых жеребцов и кобыл» [1].

Таким образом, вряд ли можно согласиться с мнением П. К. Алефиренко, усмотревшей уже в помещичьих инструкциях второй четверти XVIII в. прямую направленность на агротехническое улучшение и развитие сельского хозяйства [2]. Представляется более убедительной точка зрения К. В. Сивкова, подчёркивающего преобладающий административно-полицейский характер этих инструкций [3].

На значительно более высоком уровне по своему экономическому и специально агрономическому содержанию стоит упомянутая выше записка В. Н. Татищева. Автором записки впервые выдвинуты предложения о серьёзных нововведениях в русскую сельскохозяйственную практику. Во-первых, переход от трёхпольной системы к четырёхполью с использованием четвёртого поля в качестве специального выгона для скота, что должно было увеличить поголовье скота и обеспечить большее внесение органических удобрений для повышения урожайности культур. Во-вторых, Татищев поднял вопрос о переходе от сохи к плугу для более глубокой вспашки, хотя при этом им не учитывалась специфика условий сельского хозяйства в отдельных районах России. С точки зрения продуктивности земледелия рассматривал Татищев и вопрос о нормах высева. Но не следует забывать, что в лице Татищева мы имеем дело с крупнейшим русским учёным-экономистом второй четверти XVIII в., автором целого ряда экономических работ;

---

[1] ЦГАДА, ф. Щербатовых, № 1289, д. 183, л. 21 и 22.
[2] См. сб. «Материалы по истории земледелия СССР», № 1, стр. 527.
[3] См. сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 242.

кроме того, его записка о сельском хозяйстве относится уже к 40-м годам XVIII в. и, таким образом, в известной мере отвечает практике следующего периода.

Третья четверть XVIII в. значительно богаче помещичьими инструкциями, а сами инструкции получают особенно развёрнутый, детальный характер. Целый ряд инструкций второй половины XVIII в. был опубликован ещё в досоветский период, в частности им было отведено значительное место в специальной публикации М. В. Довнар-Запольского в «Киевских университетских известиях» за 1903—1911 гг.

За третью четверть нам известны инструкции по семи помещичьим, одной монастырской и двум дворцовым вотчинам:

1. «Учреждение» графа П. А. Румянцева для его нижегородской вотчины с. Чеберчина, 1751 г. (с добавлениями за 1777 г.)[1].

2. Инструкция князя М. М. Щербатова по ярославской вотчине, 1758 г.[2]

3. Наказы приказчику Брянского Свенского монастыря, 1758 и 1760 гг.[3]

4. Инструкция титулярному советнику Ан. Шестакову по дворцовой вотчине с. Бобрики с деревнями, 1763 г.[4]

5. Инструкция дворцовой вотчины Кузьминой сл. Копорского у. Петербургской губ., 1766 г.[5]

6. Инструкция графа Шереметева, 1764 г.[6]

7. Инструкция В. И. Суворова по его ветлужской вотчине[7].

8. Инструкция князя М. М. Голицына приказчику с. Троицкого, 1767 г.[8]

9. Инструкции и проекты инструкций по вотчине Куракина, 1760—1770 гг.[9]

---

[1] См. «Университетские известия» № 12, Киев 1903 г.; № 6 и 7, Киев 1904 г.

[2] ЦГАДА, ф. Щербатовых, № 1289, 1761 г., д. 358.

[3] См. *И. В. Засыпкина*, Крестьяне Брянского Свенского монастыря (20—50 гг. XVIII в.), (рукопись кандидатской диссертации), Приложение.

[4] См. «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г., стр. 297—310.

[5] См. «Журнал землевладельцев» № 24, 1859 г., стр. 385—394.

[6] Впервые опубликована как инструкция приказчику муромской вотчины с. Карачарова, «Университетские известия» № 7, Киев 1904 г.; № 8, Киев 1905 г.; позднее воспроизведена в упомянутой работе К. Н. Щепетова как инструкция в ярославскую вотчину Юхотской волости без ссылки на прежнюю публикацию.

[7] См. «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. 6, 1904, стр. 3—4.

[8] См. «Собрание старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. III, М. 1897, стр. 335—349.

[9] Обнаружены Э. С. Коган в фонде Куракина в Государственном историческом музее и приведены в её кандидатской диссертации, частично указаны в её статье «Волнения крестьян Пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачёва», «Исторические записки», АН СССР, кн. 37, стр. 104—124.

10. Наказ приказчику крапивенской вотчины С. К. Нарышкина, 1775 г.[1]

Надо сразу отметить, что инструкции 50-х и 60-х годов в отношении агрономических интересов в основном мало отличаются от инструкций управителям предшествующего периода.

Чрезвычайно обстоятельное «Учреждение» П. А. Румянцева занимается вопросами управления, изыскания доходов и экономии в расходах, но совершенно не касается агрономии. Специальные разделы «Учреждения домового» посвящены управлению, казначейству, составу должностных лиц и их «довольствию», строительству и пр. Зато в вопросах земледельческого хозяйства инструкция ограничивается самыми общими директивами: «Наш хлеб конечно в самое полезное время исправить и ничего не запустить» (п. 8); «В молотьбе поступать с крайним прилежанием, не упуская времени полезного» (п. 9) и т. д.; детально предусмотрено лишь всё то, что связано с хозяйственным учётом (например, число снопов в копне — п. 8) или с бережением господских запасов и поступлений. Агрономические вопросы полностью отсутствуют также в инструкции князя Щербатова (что может быть отнесено и за счёт предусмотренного инструкцией перевода крестьян на оброк) и в обеих инструкциях Брянского Свенского монастыря. Административно-полицейский характер имеют и чрезвычайно обстоятельные инструкции П. Б. Шереметева, 1764 г., а также М. М. Голицына, 1767 г.; последняя несколько подробнее останавливается на вопросах унавожения почвы (стр. 346). Из общего числа инструкций 1750—1760-х годов выделяется только инструкция Ан. Шестакову по управлению дворцовой волостью, составленная князем Сергеем Гагариным, о чьём деятельном интересе к вопросам сельского хозяйства и сельскохозяйственного предпринимательства сообщал позднее А. Т. Болотов в своих записках[2]. Таковы подробные указания инструкции об унавожении полей (п. 10), о заведении конопляников (п. 11), о подыскании лучших семян (например, лён сеять суздальский — п. 10).

Но при сходстве с инструкциями предшествующего этапа в указанном отношении, *инструкции 50—60-х годов* в то же время резко *отличаются от них крайней заострённостью в постановке вопроса о повышении доходности вотчинного хозяйства путём изыскания разных новых источников дохода; при этом в основе всего лежит предельное усиление крепостнической эксплуатации крестьянского труда*[3].

---

[1] ЦГАДА, ф. Нарышкиных, № 1272, д. 67.

[2] См. «Записки А. Т. Болотова», кн. 3, ч. XVII, письмо 173 и др.

[3] Во второй четверти XVIII в. только инструкция Арт. Волынского (п. II и XXV) и «Экономические записки» В. Н. Татищева (гл. XIII и XIX) уделили внимание крестьянскому ремеслу как специальному источнику крепостнической эксплуатации.

В то время как инструкции второй четверти XVIII в. в конечном счёте сводятся к требованию наилучшего, исправного и тщательного выполнения заведённых, традиционных работ, инструкции 50—60-х годов последовательно развивают целую систему новых мероприятий по повышению доходности. Уже первая из указанных инструкций — «Учреждение» графа Румянцева раскрывает и основу этого интереса — производство на продажу, рост рыночных связей помещичьей вотчины. *Рыночная, товарная направленность составляет новую черту вотчинного хозяйства, определившую содержание инструкций этого периода.* Эти рыночные связи относятся прежде всего к основной отрасли помещичьего хозяйства — земледелию. В п. 13 разд. А инструкции Румянцева специально говорится об отпуске хлеба на продажу и в связи с этим проявляется особый интерес к рыночным ценам на рожь и другие припасы (разд. Д, ч. 1, п. 15). С этим же, видимо, связано и особое внимание к переработке зерна в муку и крупу, в солод, к заведению винокурения. Большое место отведено в инструкции Румянцева посеву технических культур — конопли и льна, также с их переработкой в пряжу и масло, с тканьём полотен и посконн, производством сетей, неводов, верёвок «разных рук» (разд. А, п. 23—25, разд. Д, ч. 11). На предпринимательскую организацию ткачества указывает, в частности, установленная ткачам специальная денежная оплата с дополнительным премиальным вознаграждением от выработки (ч. III, п. 7). О размерах скотоводства в нижегородской вотчине и его товарном характере вполне отчётливо говорит указанная в инструкции заданная численность овец — 2800 голов (разд. Д, ч. 7). Позднее имеются сведения об обширных конских и «скотских заводах» графа Румянцева в украинских губерниях[1]. Специальный разд. С «Учреждения» посвящён организации ремесленных, промысловых занятий в вотчине.

Оброчным характером вотчины определяется содержание инструкции князя М. М. Щербатова. Особенно большое место отведено в инструкции промышленно-промысловому предпринимательству. В вотчине существовал конский завод, документы которого свидетельствуют о продаже жеребцов и кобыл; его содержанию посвящено 29 пунктов особой части 4-й инструкции. Часть 5 говорит о мельницах, заводах и торгах. В вотчине Щербатова мельницы — не только оброчная статья, но и специальное доходное предприятие, обеспечивающее «збор денек и лопаток», т. е. денежной и натуральной оплаты за помол.

---

[1] ЦГВИА, ВУА, д. 18351. «Топографическое описание Малороссийской губ.», д. 18331. «Топографическое описание Новгород-Северского наместничества», 1787 г.; *Аф. Шафонский*, Черниговское наместничество, Топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малыя России... ч. 1, гл. 1, и по отдельным уездам, особенно Прилуцкому, Галицкому, Зеньковскому.

О коммерческой постановке дела говорит указание о том, чтобы плату с четверти «збирать противу других мельниц, а хотя несколько и дешевле, дабы уже приманить к себе помольщиков» (ч. 5, п. 6). Имевшаяся в вотчине пильная мельница производила распиловку наряду с собственным и покупного леса с продажей досок и тёса в Ярославле (п. 15 и 16), а также распиловку чужого леса за плату (п. 11). Инструкция подробно говорит о ткачестве, значительное расширение которого в 50-х годах привело к организации полотняной фабрики, так что недостаток собственного льна, поступавшего, в частности, из вологодской вотчины в порядке натурального оброка, вынудил внести в «прибавление к инструкции генеральной» специальный пункт о покупке льна (п. 3). Предпринимательский характер ткачества засвидетельствован многочисленными указаниями вотчинного архива на систематическую продажу и запродажу домовой конторой и лично Щербатовым полотняной продукции купцам[1]. Развитие рыночных отношений заставило включить в инструкцию специальный пункт о строительстве барок в самой вотчине из собственного леса для обслуживания вотчинных торговых операций (ч. 5, п. 37—«о делании барок» и п. 38—42). В инструкции Щербатова впервые в качестве особой доходной статьи, характерной для оброчной вотчины второй половины века, выдвигается отходничество: *«О отпуске крестьян в работы.* Понеже крестьянин, живши дома, большой себе прибыли получить не может и для того не токмо отпускать, но и принуждать их ходить в работы и всегда когда крестьяне потребуют пашпортов прикащику им немедленно давать» (ч. 6, п. 40, также п. 49). В этих условиях особенно ярко выступает интерес помещика к развитию крестьянских промыслов и ремёсел. Таков п. 50 (ч. 5) — «О отдавании в мастерство молодых ребят», «дабы они выучась могли как себе хлеб достать, так и исправнее во всяких платежах быть». С этим же связывается и желание обучить собственных крестьян строительству барок, вместо поручения этого дела чужим наёмным специалистам (п. 37, ч. 5).

Инструкция графа Шереметева 1764 г. в этом отношении значительно беднее, что объясняется, очевидно, её распространением на все его вотчинные владения, как барщинные, так и оброчные, независимо от места их нахождения. Это исключало такую детализацию и конкретность, какую мы отметили в инструкции князя Щербатова. Из специальных доходных статей в инструкции выделены только мельницы, являвшиеся обязательной принадлежностью всех вотчин. Зато среди особых доходных статей специально оговорено получение выводных денег за выдачу крестьянских девушек замуж вне вотчины и выкуп богатыми крестьянами рекрутской повинности. То и другое представляло крупную доходную статью, когда дело

---

[1] ЦГАДА, ф. Щербатовых, № 1289, д. 426, 1761 г., л. 1—2 и др.

касалось капиталистых крестьян, составлявших сравнительно большую прослойку в ряде вотчин Шереметева (например, в селах Иваново, Васильевское, Павлово, Ворсма): плата за рекрута достигала 500 руб., а выводные деньги — нескольких тысяч рублей [1].

Промышленные работы — «заводская барщина» крестьян вотчины князя Голицына с. Троицкого с деревнями проходили за пределами данной вотчины, на уральских металлургических и соляных заводах владельца, что в его инструкции отражено специальным пунктом 16 «О наряде крестьян на заводские и прочие работы». Поэтому основное внимание в инструкции уделено тщательной регламентации всех земледельческих работ, содержанию скота и эксплуатации мельниц.

Проекты инструкций управителям куракинских вотчин были непосредственно связаны с необходимостью резкого повышения доходности вотчин ввиду критического финансового положения их владельцев. Поэтому особенно характерен их резко выраженный предпринимательский характер. Крупные пензенско-саратовские вотчины были расположены в сельскохозяйственном, но вновь осваиваемом районе и находились в значительной части на оброке. По новым проектам они должны были перейти на барщинную систему эксплуатации с заведением крупного зернового хозяйства и винокуренного производства, рассчитанного на рыночный сбыт, в основном в порядке государственных поставок. Намечались также организация полотняного производства и широкое использование лесных ресурсов пензенской вотчины. Только активное сопротивление крестьянства задержало реализацию этих проектов, осуществлённых лишь в начале 1780-х годов [2].

Товарно-рыночный интерес ярко сказался и в инструкции управителю дворцовой волости с. Бобрики с деревнями в Тульской губ. Вотчинное хозяйство здесь носило чисто сельскохозяйственный характер. Инструкция требовала заведения казённого (т. е. господского) конопляника «по всем деревням по 10 десятин», предусматривая последующую переработку в пеньку (с обучением для этого специальных крепостных мастеров) и её поставку на крестьянских подводах к Гжатской пристани на продажу (п. 11). Сверх этого инструкция требовала также от каждого крестьянина заведения собственных конопляников с обязательной сдачей с каждого тягла продукции с одного осьминника с очисткой «на рижский брак» и также с доставкой на Гжатскую пристань (п. 12). На продажу предназначался и хлеб (п. 41). Предпринимательский характер имело скотоводство; инструкция предусматривала 1 конский завод, 2 овчарных завода на 500 шлёнских и 1000 черкасских

[1] См. *А. М. Разгон*, Указанная диссертация, стр. 602—603.
[2] См. *Э. С. Коган*, Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачёва, стр. 105—106.

овец с доведением числа последних до 5000 и 2 скотных двора на 100 коров. Инструкция также предусматривала отход крестьян как особую доходную статью, предлагая приказчику выдавать крестьянам паспорта «для своих промыслов в отъезд в разные города» на 1, 2 и 3 года.

Но, как уже было отмечено, всё указанное повышение доходности вотчинного хозяйства целиком опиралось на расширение и усиление крепостнической эксплуатации крестьян без интенсификации самого хозяйства.

Именно поэтому все без исключения инструкции уделяли особое место раскладке тягол и повинностей по крестьянским дворам. Повышение доходности, помимо увеличения размера обязательных работ, достигалось за счёт распространения тягла на новые категории. Так, если обычно рабочий возраст мужчины считался от 18 (или 17) до 60 лет, то «Учреждение» графа Румянцева требует производить развёрстку тягла «щитая от 15 до 60 лет работника» (ч. 6, п. 15). На практике в барщинных вотчинах предусматривалось использование на работах малолетних детей, что отразилось в конкретном исчислении тягла по дворам. Впрочем, такое же положение имело место и в оброчной вотчине М. М. Щербатова. Система безжалостной крепостнической эксплуатации распространялась и на малолетних детей. Инструкция 1758 г. предусматривала обложение детей с 10 лет с соответствующей дифференциацией денежного оброка по возрастам: от 10 до 13 лет по 10 коп., от 13 до 15—40 коп., бестяглых сверх 15 лет — полтягла (ч. 1, п. 3). При оброчном обложении немалое значение имела хозяйственная, имущественная обеспеченность двора. В связи с этим инструкции придавали особое значение тщательному учёту наличного тягла, т. е. крепостного населения и его имущественного положения. Инструкции требовали сводных данных по ревизским сказкам, составления подворных переписей с включением всего личного состава двора и его хозяйственных достатков — земельного надела, обеспеченности скотом, наличных промысловых и иных занятий и т. п. Такие указания содержит, например, инструкция графа Шереметева 1764 г. (п. 4). Подворные переписи проводились по вотчинам периодически; содержание хозяйственных показателей при этом видоизменялось — очевидно, в соответствии с инструкциями домовой канцелярии. По пензенско-саратовским вотчинам Куракина за 60—80-е годы XVIII в. сохранились 3 подворные переписи, по Ивановской вотчине Шереметевых сохранились лишь более поздние переписи, 1780—1790 гг.

Интересы тягла, т. е. доходность вотчинного хозяйства, обусловили и специальную «заботу» помещичьих инструкций об имущественном положении крепостных, о состоянии их хозяйства как основы платёжеспособности и способности несения барщины. В «Учреждении» Румянцева этому вопросу посвя-

щена специальная ч. 6 — «О содержании в вотчинах людей и крестьян». Наблюдение за крестьянским хозяйством и его исправностью включено в обязанности всей вотчинной администрации. Исходя из фискальных интересов, в инструкциях графа Шереметева и князя Голицына даны указания о поддержании разорившихся крестьян для восстановления их платёжеспособности. Шереметев устанавливал льготы для погорелых крестьян (п. 65) и обязывал крестьянский мир оказывать хозяйственную помощь «скудным» крестьянам (п. 64).

Князь Голицын пытался задержать растущее расслоение крестьянства, ограничить захватнические устремления усиливающейся капиталистой верхушки, предписывая отнимать у последней празднолежащие земли для наделения ими скудных крестьян, «дабы со временем таковые неимущие могли быть подлинные и совсем довольные крестьяне, а не гуляки», т. е. обеспечивая платёжеспособность своих крепостных. При этом характерно, что сам Голицын из тех же соображений осторожно подходит к такому изъятию земли у зажиточных и прежде всего легализует их операции по аренде и покупке земель (п. 15), учитывая зажиточную верхушку как особый источник крупных денежных поступлений по вотчине. Желание сохранить платёжеспособность крестьян вызвало запрещение крестьянских разделов. Временные облегчения «бедных и маломочных» крестьян предусматривало и «Уложение для Поречья» В. Г. Орлова с тем, чтобы «сии снятые души» (т. е. тягло) «накладывать на прожиточных» (гл. V, ст. 8). Попытку вмешаться в распределение надельной земли в пользу крестьян-земледельцев, но в конечном счете в интересах помещика, представляла инструкция Шереметева 1794 г. Однако эта попытка потерпела неудачу в результате сопротивления первостатейных крестьян.

Итак, товарная эволюция собственно помещичьего хозяйства в третьей четверти XVIII в. усилила в его внутренней организации чисто крепостнические методы эксплуатации. В этом особенно резко выступает углубление внутренних противоречий крепостной системы хозяйства.

Новые тенденции обозначились в инструкции С. К. Нарышкина, относящейся уже к 1775 г. Предельно расширяя реализацию внутренних ресурсов феодального землевладения и развивая господское предпринимательство («приумножение пашни» за счёт распашки новой земли — п. 8, отдача в наём излишков пашни, отдача мельниц на откуп, каплунный завод на содержании крестьян — п. 12, прядильная фабрика, обучение крестьян мастерству, «чтоб были свои мастера», — п. 21), инструкция Нарышкина вместе с тем предусматривала мероприятия по повышению доходности сельского хозяйства путём агрономической рационализации и повышения товарности хозяйства, отвечавших развитию новых, капиталистических отношений. Так, в инструкции обращено внимание на сев более

урожайных и товарных культур: «Сеять хлеб в яровом тем более гречи, просы, маку, гороху, пшеницы и часть овса, а в аржаном больше озимой пшеницы, т. е. *такого хлеба, от которого урожай бывает больше и продавать можно с прибылью*» [1]. Соответственно инструкция предусматривала сокращение основных для того времени (в центральной полосе) хлебных культур — ржи и овса и введение озимой пшеницы, яровых культур — проса с его обычным урожаем сам-двенадцать и больше, против среднего урожая овса сам-пят, или мака с урожаем сам-сорок и выше, причём греча и просо, перерабатываемые в крупу, давали особенно ходовую и доходную товарную продукцию. Большое внимание уделялось качеству семенного материала (п. 4, 5, 23) и особенно удобрению полей, причём даваемые на этот счёт обстоятельные агротехнические указания стоят в соответствии с агрономической литературой того времени, прежде всего со статьями А. Т. Болотова в «Трудах Вольного экономического общества» (п. 9 и 24).

Эти черты характерны для всей группы помещичьих инструкций, относящихся к 90-м годам XVIII в. Сюда принадлежат опубликованные Довнар-Запольским инструкции князя Ф. Н. Голицына по его тульской вотчине с. Любашевке, 1796 г. [2], инструкция Григория Шипова, совладельца в той же Любашевке, 1794—1796 гг. [3], инструкция И. И. Шувалова для с. Мыт с деревнями Владимирской губ., 1795—1797 гг. [4], вотчинные инструкции В. Г. Орлова, 1790 г. [5], от того же времени инструкции П. Б. Шереметева [6], наставления управляющему вологодской вотчины А. Межакова [7], «устав» Куракина по его ростовской вотчине, 1794 г. [8].

Все указанные инструкции по-прежнему посвящены увеличению доходности хозяйства, но при этом обращены в первую очередь к упорядочению хозяйства, к распространению товарных культур, к агрономическим мероприятиям, так как одними старыми методами эксплуатации разрешить задачу не удалось.

Инструкция Шипова подробно останавливается на порядке вспашки земли и боронования, обязывая троить для озими и двоить для ярового хлеба с обязательной первой вспашкой под

[1] Подчёркнуто нами. — *Н. Р.*

[2] См. «Университетские известия» № 11, Киев 1910 г., стр. 245—252.

[3] См. «Университетские известия» № 7, 1909 г., стр. 235—240 и № 11, 1910 г., стр. 241—244.

[4] См. «Университетские известия» № 7, 1909 г., стр. 222—233.

[5] См. «Университетские известия» № 11, 1910 г., стр. 253—275, «Уложение для Поречья» (Ростовский у. Ярославской губ.); известна также его же инструкция для С[illegible]илейской вотчины Нижегородской губ., в основном совпадающая с первой по содержанию. См. «Нижегородский краеведческий сборник», т. II, 1929, стр. 187—192.

[6] См. *А. М. Разгон*, указанная диссертация, стр. 293—299.

[7] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, Вологда 1922, стр. 68—73.

[8] См. *А. А. Титов*, Кураковщина, Ярославль 1886, стр. 11—25.

яровой хлеб осенью, заботится об унавожении, запрещает косить хлеб косами во избежание большой потери зерна. В «Наставлении управляющему» вновь заведённой вотчины Межакова также устанавливается троение земли под озимь с обязательной первой вспашкой осенью, «под снег» (п. 20), своевременная заготовка семян и новый порядок чередования культур с обязательной сменой яровых культур в пределах ярового поля — «чтоб на одних местах несколько лет сряду одинакового хлеба не сеять, а менять оное так, где была пшеница, на то сеять ячмень, а где был ячмень, то сеять овсом, а где был овес — тут пшеницу» (п. 21). Инструкция чётко указывает на необходимость расширения скотоводства для обеспечения пашни навозом и для этого требует особого внимания к «расчищиванию лугов», «ибо если много будет корму, то много и скота, а много будет скота, много и навозу, много же навозу, много будет и хлеба, а скот и хлеб составляют весь доход» (п. 18)[1]. Инструкция устанавливает также нормы выхода молока и приплода телят на одну корову для контроля за коровником и скотницей (п. 39).

Итак, для указанных инструкций, так же как для инструкций 1750—1770-х годов, характерна отчётливая связь хозяйства вотчины с рынком. Это положение прямо сформулировано в «Наставлении» помещика Межакова. Об употреблении в продажу хлеба говорит инструкция князя Голицына. О сельском базаре и строительстве торговых лавок говорится в специальном «Уложении для Поречья» В. Г. Орлова (гл. XX, ст. 19 и 20). Все инструкции отмечают крестьянский торг как один из важных источников обложения. Но при этом *решение вопроса об увеличении товарности хозяйства связывалось с требованием его интенсификации путём применения более совершенных экономических и агрономических правил.*

2. Экономическая литература об организации господского хозяйства

Указанные нами изменения не менее ярко отражены в эволюции современной экономической литературы. Самая организация Вольного экономического общества в 1765 г. была непосредственно связана с задачами *повышения доходности помещичьего хозяйства в новых экономических условиях.* Об

[1] На значение пропорционального развития скотоводства и хлебопашества указывал ещё Болотов в «Трудах Вольного экономического общества», см. тт. XV, XVII, XVIII; особенно «Экономический магазин», XVII, стр. 36—44, 1784 г. См. также *А. Т. Болотов*, Избранные сочинения, М. 1952, стр. 38—62, 66—106, 107—109. О том же статья неизвестного автора («I») «О правильном уравнении хлебопашества с скотоводством», «Труды ВЭО», ч. VI, 1767, стр. 113—122.

этом прямо говорило «предуведомление» к ч. I «Трудов» Общества (1765), составленное членом Общества Т. Клингштедтом: автор указывал, что XVIII в. «по справедливости можно назвать экономическим веком», и связывал с этим заботу об улучшении земледелия и домостроительства — «размножать свои продукты и тем выгодной коммерции твердое положить основание»[1].

Но при этом для Клингштедта весь вопрос сводился практически к отсутствию надёжных и сведущих управителей при невозможности для помещика лично заниматься хозяйством своих вотчин, к тому же разбросанных зачастую по разным губерниям[2]. О ненадёжности приказчиков как главной причине неудовлетворительного состояния помещичьего хозяйства говорила и напечатанная в той же книге «Трудов» статья Р. И. Воронцова «О способах к исправлению домостроительства»[3].

Экономическая литература, исходя из задачи увеличения доходности, а значит, экономической эффективности помещичьего хозяйства, на первых порах искала её решения в лучшей организации управления, имевшей основной целью усиление крепостнической эксплуатации крестьянского труда. Именно в этом смысл одной из первых статей, напечатанных Обществом, — статьи Ал. Олишева «Описание годовой крестьянской работы в Вологодском у. с примечаниями»[4]. Этому соответствовала и намеченная Обществом конкурсная задача по выработке образцового «наказа» или «наставления» управителю или приказчику[5].

«Наставление» Удолова в основном посвящено организации тягла и мероприятиям по поддержанию платёжеспособности крестьян. «Наказ» лифляндского помещика барона Вольфа в первой своей части посвящён организации крестьянских работ в вотчине; в гл. VI и VII говорится о «должности

[1] «Труды ВЭО», ч. I, 1765, стр. 1.

[2] См. «Труды ВЭО», ч. V, 1767 г., стр. 60—69; *Т. Клингштедт*, О необходимой надобности в средствах снабдить здешних помещиков способными и надежными приказчиками или управителями.

[3] См. там же, стр. 1—13.

[4] См. «Труды ВЭО», ч. II, 1766, стр. 105—128.

[5] Ответы на поставленную задачу были напечатаны в «Трудах ВЭО» в 1769—1770 гг.:

1769 г. — ч. XI, «Наставление прикащикам», Федота Удолова, ч. XII, «Наказ управителю», барона Вольфа, ч. XVI, «Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина», П. Рычкова, и «Наказ управителю или прикащику, каким образом ему править деревнями в небытность его господина вообще», А. Болотова.

1770—1772 гг. — ч. XV, XVII и XX, «Собрание экономических правил», Федота Удолова (по сути дела, тоже наставление). Сюда же примыкает проект члена Дворцовой канцелярии И. Елагина от 1766 г. об организации хозяйства дворцовых крестьян с передачей их «на временное и определенное владение вольным содержателям» — дворянам, «Журнал землевладельцев» № 21, 1859 г., стр. 5—32, и № 22, 1859 г., стр. 135—184.

управителя» изыскивать разные средства, «к умножению господских доходов служащие», — о заведении плодовых садов, пчеловодства, хмельников, винокурения, рыбных ловель, мельниц, прядильного завода и других предприятий и о соответствующем расширении торговых операций. Товарный характер помещичьего хозяйства выступает при этом особенно отчётливо в указанных главах: так, в гл. VI, п. 4, указывается «ловить рыбу, солить и *продавать оную,* от чего господину бывает *немалая прибыль»*, а в § 12 говорится о мельницах как особой доходной статье; гл. VII посвящена «должности управителя при *продаже* деревенских продуктов и в чем оные состоять могут». В качестве первой товарной статьи указан хлеб, и подчёркнута особая выгода от его переработки в вино. Указывая на рыночное значение пеньки и льна, автор рекомендует при хороших ценах скупать то и другое у крестьян для продажи на торжках и ярмарках в городе, устраняя тем самым собственную хозяйственную деятельность помещика по размножению этих культур. Последняя глава посвящена управлению и отчётности [1].

Организация управления, система тягла с максимальным использованием всех резервов крепостного труда, вплоть до использования труда детей от 10 лет (п. 22), точный учёт всех возможных форм эксплуатации крестьянского труда и её расширение на базе помещичьего предпринимательства, включая использование промыслового труда крестьян: прядения, тканья холстов и сукон, даже с покупкой необходимого сырья (п. 21), — составляет содержание обстоятельного (68 стр.) наказа видного экономиста и агронома середины XVIII в. П. Рычкова.

Характерно, что даже выдающийся русский агроном XVIII в. А. Т. Болотов, выступавший в это время с первыми статьями по агрономическим вопросам [2], в своём проекте «Наказа» 1770 г. оставался в основном в рамках той же общей проблематики. Правда, в обстоятельном проекте «Наказа» Болотова (стр. 69—232) вопросы агрономии нашли некоторое отражение (гл. IV), определённое значение придавалось выбору наиболее доходных, товарных культур. Но в центре его внимания стояли «должности приказчика» по «приумножению прибытков», возможно более полному учёту и максимальному использованию всех ресурсов крепостного труда путём организации тягла и надзора за крепостной работой.

Таким образом, как в определении основной задачи, так и в её практическом разрешении экономическая литература 60—70-х годов XVIII в. полностью отражает хозяйственную

[1] Подчёркнуто нами. — *Н. Р.*
[2] См. «Труды ВЭО», ч. IX, 1768 г., Примечания о хлебопашестве вообще; ч. XV, 1770 г., Об удобрении земель.

практику помещиков этого периода, фактически следует за нею.

Как в помещичьих инструкциях, так и в экономической литературе к концу XVIII в. обозначается решительный перелом, притом значительно более глубокий и принципиальный, чем это имело место в рассмотренных выше помещичьих наказах.

Вольное экономическое общество оставалось по-прежнему органом помещиков-дворян, однако его «Труды» обращаются к задачам непосредственной интенсификации хозяйства средствами агрономической рационализации. Уже в 70-е годы Болотов выступил с первыми статьями «о разделении полей», т. е. о замене трёхполья более производительным многопольем; к концу 70-х годов, в связи с вопросами севооборота и плодосмена, им ставится проблема травосеяния. Для 80-х годов характерен преобладающий интерес «Трудов» к вопросам техники сельского хозяйства и к развитию промышленных занятий. Но особенно наглядно сказался совершающийся перелом в 90-е годы, когда главным содержанием «Трудов» становится обмен сельскохозяйственным опытом, распространение агрономических знаний и развитие агротехники. Наряду со специальными статьями, знакомящими с местным агрономическим опытом, как статьи Фика и Лоренца «О экономических опытах в Сарепте» (ч. 41, 47—51), центральное место в «Трудах» Общества начинают занимать «Известия Вольного экономического общества». В них содержится в хронологической последовательности краткая информация о текущей переписке с членами Общества, сообщающими о проводимых ими хозяйственных и агрономических опытах, главным образом по разведению отдельных культур в разных районах России по заданиям Общества на основе получаемой им информации.

Среди корреспондентов и главных сотрудников Общества в этот период выступают прежде всего хозяева-практики, выделившиеся образцовой постановкой хозяйства и агрономическими занятиями. Так, Н. А. Бекетов, помещик и астраханский губернатор, сообщал об опытах посева кунжута и горчицы и выработки горчичного масла на продажу для передачи этого опыта через Общество другим. Он же сделал первые, оказавшиеся неудачными опыты посадки сахарного тростника. Другой астраханский помещик, грек Агафи, о котором сообщал Обществу ещё Паллас, делал попытки посева хлопка. Агафи, Цыплетеву и некоторым другим астраханским помещикам принадлежат опыты разведения высококачественных виноградных лоз, причём именно Цыплетевым начато изготовление из специальных сортов винограда вина типа шампанского, получившего в дальнейшем прочное распространение на Дону и на Кубани. Сообщение Радинга об удачных посевах кунжута привело к распространению этих опытов и на другие районы. Большой интерес привлекало изыскание новых волокнистых

растений для прядения и разведение красителей. Во всех этих опытах обращает на себя внимание сосредоточение особого интереса на товарных технических культурах.

В это же время большое значение приобретают технические вопросы сельского хозяйства. Гергардт сообщает описание «сеяльной махины», «опыт особливого плуга» и модель молотильной машины [1]; некий Гарш из Петрозаводска шлёт сочинения о водяной и гидравлической машине [2]; Н. А. Бекетов — модель водяной мельницы [3]; он же и П. Звягин из Архангельска пишут о солении рыбы [4]; Паллас, Ловиц, Левшин — об использовании разного рода топлива — вопрос, приобретавший особое значение в условиях быстрой убыли лесов [5], и т. д.

Этому соответствовало определение задач Общества в речи А. Нартова, опубликованной в ч. 47 «Трудов» за 1793 г., где он призывал «к соблюдению и большему разведению земных произведений, как для пропитания необходимых, так и *для торговли прибыточнейших* [6]; или к приведению в лучшее состояние домашних ремёсел и рукоделий, к сбережению и размножению лесов, скотоводства, рыбных, звериных промыслов и пр.». Значение деятельности «Вольного экономического общества» он видел в исследовании разнородных земель, в распространении новых сельскохозяйственных орудий, улучшении семян хлебных культур, овощей и кормовых трав, в разработке проектов и моделей разных хозяйственных построек и пр. «Словом, — обобщал Нартов, — (Общество) обогащало избыточно всем тем, что в начертании своем обещало и составляло, так сказать, из всего оного земледельческую и домостроительную науку» [7].

Такое чёткое определение широкой программы агрономической рационализации основано на использовании складывающихся капиталистических отношений, что фактически означало признание банкротства первоначального пути разрешения задачи одними мерами усиления крепостнической эксплуатации.

Нарастание классовой борьбы крестьянства, которая вылилась как раз в середине 1770-х годов в мощную крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачёва, охватившую все восточные области России и нашедшую яркий отклик также в её центральных районах, было другим выражением обострения социально-экономических противоречий феодально-крепостнической системы, в свою очередь ускорявших её неизбежный кризис. Не случайно на этот же период падает появление знаменитой книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», явившейся самым суровым разоблачением исторической обречённости и экономической бесплодности крепостного хозяйства.

---

1 См. «Труды ВЭО», ч. 49, стр. 75—84, 127—129.
2 См. «Труды ВЭО», ч. 50, август 1793 г.
3 См. «Труды ВЭО», ч. 51, стр. 263.
4 См. там же.
5 См. «Труды ВЭО», ч. 51 и 52.
6 Подчёркнуто нами. — *Н. Р.*
7 «Труды ВЭО», ч. 47, 1793, стр. 4—6.

Именно в 90-е годы помещичье крепостное хозяйство вступает в последний этап — этап глубокого кризиса, быстро нарастающего на протяжении первой половины XIX в. и завершающегося отменой крепостного права в итоге революционной ситуации 1859—1861 гг.

3. Организация обложения крестьян

В практике помещичьих хозяйств второй половины XVIII в. при сохранявшемся господстве феодально-крепостнического строя первоочередной проблемой оставалась организация крепостного труда, т. е. крестьянских повинностей: обложение крестьян, раскладка тягла. Как мы показали в предшествующей главе, вопросы барщины и оброка стояли в центре экономических дискуссий, причём как барщина, так и оброк в его денежной форме рассматривались одинаково с точки зрения увеличения доходности в связи с необходимостью перехода к товарному производству в сельском хозяйстве. Этим определялась разработка новых форм организации как барщины, так и оброка с последовательным увеличением их размера.

Раскладка тягол требовала прежде всего определения единицы обложения и соответствующей нормы обложения. Основным документом, определявшим исчисление и раскладку повинностей, были периодически повторявшиеся подворные переписи, являющиеся ценнейшим источником при изучении экономики крестьянского хозяйства. До нас дошли подворные описи по ряду вотчин, которые до сих пор сравнительно мало подвергались изучению. Подворный характер переписей, естественно, определялся тем, что именно двор являлся основной единицей крестьянского хозяйства и по дворам, как правило, производились исчисление и затем раскладка тягла. Это подворное исчисление тягла производилось прежде всего с учётом наличия рабочей силы. Обычно проводимый исследователями расчёт повинностей на 1 душу мужского пола не мог лежать в основе раскладки тягол, поскольку в число ревизских душ включались также малолетние и престарелые, т. е. нетрудоспособные. Полным тяглецом мог быть только взрослый трудоспособный работник; таковыми считались обычно мужчины от 18 до 60 лет, в отдельных случаях включались лица 17 и даже 16 лет, как это имело место, в частности, в приведённой выше инструкции М. М. Щербатова (1758 г.); там же предельный возраст увеличивался до 65 лет. В Малосоятской вотчине П. Румянцева, изученной В. И. Кошелевым, трудоспособными считались

мужчины от 15 до 60 лет, а дети от 11 до 14 и взрослые свыше 60 лет — «полурабочими», так что 324 д. м. п. были положены в 200 тягол [1]. Однако большей частью, особенно при барщинной работе, полноценное тягло включало, как правило, 1 мужчину и 1 женщину (мужа и жену) трудового возраста, составлявших, по принятой в то время терминологии, один венец, который в таком случае приравнивался тяглу. Так, А. Радищев в своей «Записке о Петербургской губ.» писал о разделении подушного сбора «...на число тягол или венцов, т. е. на число женатых людей, ибо один женатый имеет право владеть землею» [2]. «Топографическое описание» Тверской губ. переводит также денежный оброк на венцы, определяя размер оброка в 3 руб. с 1 д. м. п. и от 5 до 10 руб. с 1 венца [3]. Инструкция управителю дворцовой вотчины с. Бобрики с деревнями Андрею Шестакову тоже указывала: «чтоб на каждом муже с женой было по тяглу, и на вдовых и на холостых от пятнадцати лет, которые в силе пахать и косить, по полутяглу» [4]. Интересно отметить, что расчёта по венцам (даже с объединением нескольких венцов в одно укрупнённое тягло) придерживалась обычно и экономическая литература того времени, отстаивавшая барщинную систему хозяйства и выдвигавшая проекты её более эффективной организации (Ив. Елагин, Ф. Удолов, П. Грасман) [5].

Как уже частично отмечалось выше при характеристике помещичьих инструкций, во второй половине XVIII в. наблюдалось последовательное расширение объектов обложения. Обложение тяглом распространялось, в частности, на малолетних с соответствующим расчётом долей тягла. Мы видели выше, что П. Рычков предлагал привлекать к барщинным работам детей с 10-летнего возраста, Ф. Удолов — даже с 8 лет; М. М. Щербатов устанавливал дифференцированную шкалу денежного оброка с 10 лет [6]. Подворная опись включала, как правило, специальную графу исчисления тягла с обозначением персонального тягла или доли тягла против поимённо обозна-

[1] См. *В. И. Кошелев,* Оброчная дворянская вотчина на рубеже XIX в., «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. VI, вып. 3, Воронеж 1940, стр. 55, 60.

[2] «Исторический архив», т. V, стр. 231.

[3] См. «Генеральное соображение по Тверской губ., извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания, 1783—1784 гг.», Тверь 1873.

[4] «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г., стр. 301—302.

[5] См. «Журнал землевладельцев» № 21, 1859 г., стр. 5—32; № 22, 1859 г., стр. 135—184; особенно № 22, 1859 г., гл. 1 — *Ф. Удолов,* Наставление прикащикам, «Труды ВЭО», ч. XI, 1769 г., — *Ф. Удолов,* Собрание экономических правил, гл. VII, 1 правило; т. XV, 1770 г., стр. 167 сл. — *П. Грасман,* Назначение земли под крестьянское тягло, т. 29, 1775, стр. 1—232, см. п. 1.

[6] См. «Труды ВЭО», ч. XVI, 1770, стр. 54, § 22; ч. XVII, 1771, стр. 146; ЦГАДА, ф. 1289, д. 358, 1761 г., ч. 1 (Инструкция, ч. 1, п. 3).

ченных членов двора, а также общее число тягол на двор. Примером такого расчёта можно указать «Подворную перепись душ и положения в тягло» по Борисоглебской вотчине князя Щербатова, 1794 г. [1]

Указанные ведомости щербатовской вотчины учитывали только работоспособных, но обнаруживают при этом свою особую условность исчисления тягла. В основном и здесь нормальное тягло состояло из 1 мужчины и 1 женщины рабочего возраста; так, большой двор, в котором значились трое взрослых мужчин, 58, 32 и 24 лет, и взрослые женщины 31 года каждая (глава двора и его два сына с жёнами), был обложен в $2^1/_2$ тягла [2]. Но имеются крупные семьи с повышенным тяглом: при 4 мужчинах, 49, 25, 22 и 17 лет, и 3 женщинах, 44, 21 и 18 лет (младший сын холост), обложение составило 4 полных тягла. Наряду с этим один двор с мужчиной 56 лет и его женой 54 лет, бездетными, обложен в $1^1/_2$ тягла, в другом случае двор с 1 мужчиной 49 лет значится бестяглым.

Примером аналогичного сложного исчисления тягла на двор по душам для оброчной вотчины является подворная ведомость с поимённым перечнем членов семьи, возраста и тягла по Суздальской вотчине Куракина с. Петровскому. Здесь также полное тягло накладывалось на венец, т. е. на мужчину и женщину трудового возраста, а дети мужского пола, между 12 и 16 годами, облагались $^1/_4$ тягла; так, во дворе № 2 за 2 детей мужского пола, 14 и 12 лет, или во дворе № 4 за 2 детей мужского пола, 16 и 12 лет, назначено $^1/_2$ тягла; при этом размер одного полного тягла составлял в 1792 г. 15 руб. [3]

Однако исчисление обложения, особенно в условиях стремления к предельному увеличению объёма повинностей, не ограничивалось и не могло ограничиваться учётом одной только рабочей силы. При барщинном хозяйстве, поскольку крестьянская работа в господском хозяйстве производилась крестьянским инвентарём и его тягловой рабочей силой, определяющее значение имело в первую очередь наличие у крестьянина рабочего скота, а затем и общее имущественное состояние двора. Ещё шире ставился этот вопрос при исчислении денежного оброка, увеличение которого учитывало все самые разнообразные источники крестьянского дохода. Этим обусловлено значительное расширение содержания подворных переписей, приобретающих особое значение при изучении крестьянского хозяйства. Подворные описи с. Иванова включают данные о скоте, выделяя особо лошадей, как тягловую рабочую силу, молочный скот — коров, а также овец и свиней. Особо выделены све-

[1] ЦГАДА, ф. Щербатовых, № 1289, д. 617, 1794 г., л. 12—24.

[2] Там же, л. 24.

[3] Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников, ф. Куракиных, д. 1318, 1792 г.; л. 36, 54 и др.

дения о промысловых занятиях крестьян, наличии собственных предприятий (с краткими данными о них), работе по найму у местных предпринимателей или об отходе. Ещё более многообразны показатели подворных переписей куракинских вотчин с. Архангельского Пензенской губ. и с. Борисоглебского Саратовской губ.; они включают в разных сочетаниях такие же дифференцированные данные о скоте, о промыслах, добавляют к этому сведения о запасах хлеба (с подразделением по культурам).

Несколько особый характер имеют данные переписи о землепользовании крестьян. Условность определения земельного надела крестьянина отчётливо определена в упомянутом выше «Генеральном соображении по Тверской губ.»: «Тягло означает известное число душ, а не земли, которая дается на удел крестьянину по хозяйственному помещика, взирая на обширность дач, распоряжению».

Поскольку основное значение в крестьянском хозяйстве имела надельная земля, а последняя отводилась в соответствии с размером крестьянского тягла, размер земельного надела не мог определять исчисление тягла. Исчисление надела по тяглу характерно и для вотчин Куракина. Но в этих вотчинах существенное значение имела расчистка крестьянами диких, или, по местной терминологии, чищобных, земель, данные о которых оказываются особо выделенными в переписи. Такое вненадельное крестьянское землепользование непосредственно зависело от мощности крестьянского двора и в то же время определяло его действительное имущественное состояние. Так, в системе обложения всё большее значение приобретало именно имущественное состояние двора. Поэтому тягло, как основа исчисления оброчных платежей, становилось чисто условной единицей, а распределение самих тягол производилось по имущественному положению крестьян. Так, в Ивановской вотчине наиболее зажиточным крестьянам — владельцам мануфактур (Еф. Грачёв, В. Гандурин, И. Ямановский) начислялось до 30 тягол на один двор (500 руб., 450 руб., 300 руб.), помимо налога с капитала и сбора со станов, тогда как маломощные крестьяне облагались в размере определённой доли полного тягла. Дифференциация в размере обложения особенно резко обозначилась в 80-х и 90-х годах в связи с быстро углубляющимся расслоением крестьянства [1].

Для Городищенской вотчины Куракина размер оброка также не может быть поставлен в прямую связь с каким-нибудь одним хозяйственным признаком — размером надельной или обрабатываемой земли, количеством скота, наличием промысла и т. п., а исходит из довольно верного учёта общего

[1] *См. А. М. Разгон*, К истории разложения крестьянства в промышленном районе во второй половине XVIII в., «Вопросы истории» № 9, 1955 г.

экономического достатка двора, обусловливающего значительные колебания в подворном обложении.

Создававшееся новое положение стояло тем самым в прямой связи с развитием товарного производства и формированием капиталистических отношений: с одной стороны, последнее обусловливает экономическую потребность помещичьего хозяйства в увеличении своей доходности, разрешаемую в условиях сохранения крепостнических отношений прежде всего и проще всего путём усиления крепостнической эксплуатации крестьян за счёт учёта всех источников их доходов; с другой стороны, политика помещика сама вела к усилению общего процесса расслоения крестьянства, как основы дифференциации обложения.

Такой дифференцированный принцип раскладки нашёл своё прямое выражение в помещичьих инструкциях. Так, В. Суворов в своей инструкции приказчику говорит о раскладке денежного оброка крестьянами «между собою по возможности», т. е. по их платёжеспособности [1]. О распределении тягол, а в соответствии с этим и земли «по способности» отдельного двора, т. е. по его материальным ресурсам, говорит и инструкция И. И. Шувалова 1795—1797 гг. [2]

В соответствии с этим в подворных переписях появляется специальная графа, дающая общую оценку платёжеспособности двора по его имущественному положению. Перепись с. Архангельского (вотчины Куракиных) прямо говорит о платёжеспособности, указывая либо посильность положенного тягла, либо скудость двора, либо о возможности «платить больше». Форма подворной переписи ярославской вотчины М. М. Щербатова предусматривает разделение переписи на три имущественные группы — «какой избыточный, посредственный, убогий (порознь)». Чаще в вотчинной документации для указания групп крестьян применялись термины — первостатейный, среднестатейный и третьестатейный, заимствованные из терминологии и практики государственной раскладки тягла XVI—XVII вв. Особо выделялись скудные или бестяглые крестьяне, разорение которых вовсе исключало возможность их обложения. Из системы раскладки государственных податей XVII в. заимствован и самый порядок раскладки денежного оброка. Условный характер исчисления тягла привёл к большой дробности тягловых категорий: в земледельческом приселье с. Иванова крестьянство делилось на 16 групп: в самом с. Иванове с преобладанием промысловых доходов деление на группы было несколько менее дробное. В с. Архангельском существовало примерно такое же дробное деление на группы с исчислением в дробных размерах земельного надела по группе. Такой

[1] См. «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. 6, стр. 3.
[2] См. «Университетские известия» № 7, Киев 1909 г., стр. 228.

расчёт определял только пропорцию раскладки денежного оброка или других платежей, общая сумма которых устанавливалась на каждый год или для данного отдельного случая домовой канцелярией помещика.

Это положение отчётливо изложено в инструкции И. И. Шувалова. Общее исчисление определено в разд. IV инструкции в ст. «О тяглах»: «По всей вотчине моей полагаю быть оклада 130 рублей, а тягол должно состоять 2600, и каждое тягло обложить окладом по пяти копеек и раздать крестьянам, и с неимущих по возможности, а могущим не в сравнение против их более, так чтобы все те тяглы, сколько их по каждому селению состоять будет, порознь были б розданы. Тяглы ж за выбылых душ, как-то умерших и в рекруты отданных, должны нести кто остается в семействе; когда ж не в силах будет, то отдать другим крестьянам». И здесь налицо использование приёмов развёрстки и раскладки государственных повинностей XVII в. Исходя из этого, инструкция определяла размер и раскладку оброка текущего года: «Оброк по вотчине моей должен собирать определённый к тому староста в три время года с положенного оклада 130 рублей, с каждой по окладу копейки, в месяц по 10 коп., которого в целый год и приходится 15 600 рублей»[1].

Расслоение крестьянства и необходимость учёта имущественного положения крестьян усугубляли условность тяглого обложения, особенно при денежном оброке. Платёжеспособность крестьян оказывалась различной и при равном числе тяглецов. В связи с этим в практике раскладки тягла появляется новая группировка крестьян — в более крупные единицы с разным числом тяглых дворов в каждой, так же как до того мог оказаться разный размер тягла с 1 двора при одинаковом числе ревизских душ во дворе. Такой условной единицей в Ивановской вотчине Шереметевых явилась выть, причём число дворов в разных вытях колебалось в зависимости от имущественного положения включённых в данную выть крестьян (отметим, что и этот термин заимствован из практики посошного обложения XVI—XVII вв.).

Несколько иной характер имеют появлявшиеся в некоторых экономических сочинениях XVIII в. проекты укрупнения тяглой единицы для барщинного хозяйства. Так, Ив. Елагин в своём проекте хозяйственной организации дворцовых крестьян в главе «О исчислении и разделении крестьян на хозяйства» предлагал организацию укрупнённых «хозяйств» из 4 венцов — 4 работников мужского пола от 17 до 65 лет и 4 «женщин от 15 до 50 лет в поре сущими работницами», считая мужа и жену за одну «долю»[2]. Ф. Удолов как в «Наставлении прикащикам», так и в «Собрании экономических правил» предлагал организа-

---

[1] «Университетские известия» № 7, Киев 1909 г., стр. 228, 229.
[2] «Журнал землевладельцев» № 22, 1859 г., стр. 137—138.

цию крестьян в укрупнённые тягла из 6 «венцов», или «пар», из мужчин и женщин рабочего возраста[1]. О том же говорит и П. Грасман в статье о назначении земель под крестьянское тягло[2].

Направленность этих проектов по существу иная. Если при денежном оброке речь шла об использовании помещиком растущего расслоения крестьян, то в данном случае имелось в виду скорее устранить последствия расслоения, уравнять тягла между собою.

Упоминания другой укрупнённой единицы тягла — осьмака, состоящего из 2 венцов, встречается в Топографическом описании Тверской губ. Тягло по осьмакам отмечено по оброчной вотчине Юсуповых в Нижегородской губ.[3] Но осьмаки являются здесь, видимо, скорее некоторым пережитком прошлого.

Практического распространения эти проекты не получили, и практика барщинного хозяйства продолжала ориентироваться на подворную раскладку тягла. Но существенно, что смысл проектов состоял именно в борьбе со всё отчетливее выступавшими следствиями расслоения, что они имели ближайшей целью сохранить тягло, обеспечить платёжеспособность основной тяглой единицы.

Инструкция управителю с. Бобрики Шестакову (1763 г.) в п. 6 предписывала, «чтоб число тягол против нынешнего никогда не убывало». С этим же связано повторявшееся всеми инструкциями запрещение крестьянам делиться на особые дворы; инструкция Шереметева 1764 г. прямо поясняет — «понежь от того приходят в убожество» (п. 34). О том же говорит «Уложение для Поречья» В. Г. Орлова в гл. X, ст. 1. Отсюда же повторяющееся всеми инструкциями полное запрещение «отдавать девок в посторонние вотчины» (например, вотчинная инструкция В. Г. Орлова по Симбилейской вотчине, п. 15) или строгое ограничение «вывода»: «естьли у невестина отца, кроме дочки, наследников нет, а хотя и есть за ненадёжностью или ещё малолетству, таковых ни под каким видом не отпускать, а выдавать за крепостных моих крестьян», причём особенно рекомендовалось отдавать таких за «однолколков» с переводом в дом к тестю, «чтоб более могли быть они совершенными крестьянами»[4], т. е. помещичьими тяглецами. Вопрос о замужестве крестьянских девушек и женитьбе крестьянских сыновей заботил помещика, так как браки между

---

[1] См. «Труды ВЭО», ч. XI, «Наставления прикащикам», п. 1; ч. XV, «Собрание экономических правил. Правило 1», п. 1, стр. 168.
[2] См. «Труды ВЭО», ч. XXIX, 1775, стр. 1—232.
[3] См. *Т. П. Ржаникова*, указанная диссертация, гл. 1, ч. II. Нижегородская вотчина Юсупова.
[4] Инструкция князя Голицына 1767 г., п. 6, «Собрание старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. III, М. 1897, стр. 338.

крепостными способствовали увеличению числа полных тяглецов, и инструкция предусматривала принудительные браки, штрафы для не вступивших в брак до 18 лет; на это указывают, в частности, обе инструкции В. Г. Орлова.

Эта же забота о сохранении тяглецов, особенно усилившаяся в конце XVIII в., составляла истинное содержание выступлений помещиков в «защиту» маломощных крестьян от обид и утеснений со стороны первостатейных, указаний приказчику о предоставлении маломощным известных временных льгот для поправления их материального положения.

4. Размеры оброка и барщины

Особый интерес представляет и вопрос о размерах оброка и барщины, а также их последовательном росте на протяжении второй половины XVIII в.

Первую попытку исчислить движение оброка и барщины в 60—90-е годы XVIII в. сделал В. И. Семевский [1]. Он констатирует непрерывный рост душевого оброка на протяжении этого периода: для 60—70-х годов он считает обычным оброк в 2—3 руб. с души; для 80-х годов он ссылается на указание Болтина о размере оброка от 3 до 5 руб. с души с увеличением для некоторых подмосковных районов и в местах, расположенных у судоходных рек, до 10 руб.; для 90-х годов он приводит указание Шторха о среднем размере оброка в 5 руб. при наличии случаев доведения оброка отдельными помещиками до 20 руб. с тягла (т. е. примерно 10 руб. с души). Сам Семевский на основе вотчинных архивов определял средний размер оброка соответственно в 2—3 руб., 4 руб. и 5 руб., а с включением дополнительных натуральных повинностей — 3 руб., 4 р. 50 к., 6 руб. и 7 р. 50 к., оговаривая уже для 80-х годов определённое повышение размера оброка для крупных промышленных сёл, как Павлово [2]. При этом, однако, в обзоре литературных свидетельств Семевский совершенно не упомянул Друковцева, который, как мы видели, уже для 70-х годов считал прямым платежом с тягла 10 руб., т. е. 5 руб. с души [3].

По подсчётам К. Н. Щепетова, для шереметевских вотчин средний размер оброка в торговых и промышленных вотчинах

---

[1] Отметим, что разрозненные данные для 40—50-х годов говорят о денежном оброке большей частью, как о дополнительной форме обложения при натуральной ренте, исчисляя его примерно около 50 коп. на 1 д. м. п. Такие данные приводит К. Н. Щепетов по вотчинам Шереметева, причём характерен слабый рост общей суммы денежного оброка по его вотчинам с 1708 по 1754 г. (9969 руб. и 12026 руб.). См. *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 68 и др. Аналогичные данные приводит К. В. Сивков по лопухинской подмосковной вотчине для 40-х годов XVIII в.

[2] См. *В. И. Семевский,* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, стр. 49, 54.

[3] См. *С. Друковцев,* Экономические наставления, 1773, стр. 51—52.

Центрального района определён от 2 до 3 руб. для 60-х и от 8 до 9 руб. для 90-х годов с общим увеличением по отдельным вотчинам в 2—4,5 раза [1]. По расчётам А. М. Разгона, средний оброк по промышленному с. Иванову (без сельскохозяйственной округи) составлял к концу века уже 10 руб. с души и столько же по с. Васильевскому; такой же размер денежного оброка установлен по той же Владимирской губ. для суздальской вотчины Куракиных; Е. И. Дракохруст по калужской (перемышльской) вотчине Голицыных установила увеличение основного оброка с 4 р. 25 к. в 70-х — начале 80-х годов до 6 р. 25 к. в середине 80-х годов, а с учётом разных дополнительных помещичьих поборов — по крайней мере до 7 р. 50 к. [2] Для Среднего Поволжья Т. П. Ржаникова даёт расчёт среднего размера оброка в 1 руб. — 1р. 50 к. для 50-х годов и 2—4 руб. для 60-х — начала 70-х годов [3]. По Нижегородской губ. Снежневский на основании данных по 33 имениям выводил для 90-х годов XVIII в. средний размер оброка близкий к цифре Семевского (4 р. 75 к.), но при этом отмечал значительные колебания по отдельным имениям — от 2 до 10 руб. (последнее указание характерно для крупных вотчин, например князей Трубецких). Интересно отметить, что дальнейший рост оброка отмечается им уже только с 20-х годов XIX в. [4] Для восточных губерний чернозёмного района, значительно позже освоенных (вторая половина XVIII в.), Л. Н. Юровский указывает по Саратовской губ. 70 коп. — 1 руб. для 60—70-х годов с увеличением до 6—8 руб. в конце века, при дальнейшем стремительном возрастании размеров оброка в первой половине XIX в. Для Баландинского имения Шереметевых увеличение душевого оброка несколько расходится с этими данными, составляя около 1 р. 60 к. в 1765 г. и до 5 руб. в конце века [5].

По симбирской Усольской вотчине Орловых В. Орлов-Давыдов в упоминавшейся работе называет для 80-х годов оброк в 4 руб. с души; к 1800 г., по материалам Ульяновского областного архива, размер оброка достиг 7 руб. Общую

---

[1] См. *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 70—71.

[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 119, 125.

[3] *Т. П. Ржаникова.* Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачёва (автореферат), стр. 8.

[4] См. *В. И. Снежневский,* Материалы для истории крепостного хозяйства Нижегородского уезда, «Действия Нижегородской учёной архивной комиссии», т. VI, 1905, стр. 13.

[5] См. *Л. Н. Юровский,* Саратовские вотчины (особенно стр. 98—109); *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 71 и прилож. Собственные расчёты К. Н. Щепетова, однако, полностью непригодны, так как совершенно не учитывают изменения в численности населения. Наша цифра для Баландинского имения также требует уточнения, так как не учитывает населения с. Альшаны — при включении его средняя цифра оброка снижается до 3 р. — 3 р. 50 к.

картину возрастания размера оброка даёт изучение Городищенской вотчины Куракиных — с. Архангельского, отмечающее резкое увеличение размера денежного оброка с 1760-х годов; но это увеличение могло быть прослежено лишь до конца 1770-х годов в связи с переводом вотчины на барщину. На западе, в Смоленской губ., для конца XVIII в. отмечаются колебания оброка от 2 до 6 руб. и даже до 8 руб. серебром. Надо отметить, что все указанные суммы оброка исчислялись, как правило, в серебряных рублях. По Ивановской вотчине помещичьи распоряжения даже предусматривали специальное взыскание «променных денег» в случае платежа ассигнациями. По заявлению крестьян одного из белорусских помещиков, при денежном оброке в 3 руб., «если нет серебра, то за медное добавляют еще 1 р. 50 к.»[1]

Приведённые исчисления денежного оброка основаны на материалах вотчинных архивов, т. е. на помещичьей документации, и в этой связи требуют определённого критического подхода. Прежде всего, они включают только прямую сумму денежного оброка в его раскладке на тягло и не учитывают множества других видов повинностей и платежей, ложившихся на крестьянство. В этой связи интересно сопоставление помещичьих данных с показаниями крестьян, относящимися к концу XVIII в.

По расчётам крестьян порховской вотчины Апраксина в их показаниях по делу о восстании конца 1770-х годов, при переводе всего их обложения на денежный расчёт размер последнего определялся в 31 р. 46 к. на 1 д. м. п.[2]

По крестьянским челобитным периода крестьянского движения 1796—1798 гг. средний размер душевого оброка составлял от 10 до 30 руб. Так, крестьяне с. Балабанова Рыбинского у. Ярославской губ. указывали размер своего денежного оброка в 37 руб. с души и отмечали, сверх того, единовременный сбор за два года, составивший ещё 12 руб. на 1 д. м. п. Крестьяне вологодской вотчины Межакова уже в 1793 г. платили 15 руб. с души помимо выполнения разных работ; в дальнейшем они были переведены на барщину. Челобитная крестьян Костромской губ. определяла денежный оброк в 7 р. 50 к., но сверх того значился платёж помещику взамен рекрутской повинности, размер которого в 2,5 раза превосходил указанную сумму оброка, не считая выполнения разного «изделия». Крестьяне П. Дурова Варнавинского у. Костромской губ. платили денежный оброк в 12 руб., но тут же отмечали уплату крупной денежной суммы сверх оброка, «не в зачет». В Углицком у. крестьяне Угримовых платили 20 руб. оброка. Помещик И. И. Воронцов в Лукояновском у. Нижегородской губ. взимал со своих крестьян по 30 руб., а в 1794 г.

[1] ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2985, ч. 1, л. 123.
[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 788, ч. 1, л. 181—183; ср. гл. II, стр. 47, 95.

предложил им платить по 50 руб. или перейти на барщину[1].

Взимание помещиком платы за освобождение от сдачи рекрут представляло специальную крупную статью денежных поборов с крестьян. Отдача в рекруты лишала семью рабочей силы и грозила ей полным разорением. Помещик, эксплуатируя это положение, взимал с крестьян крупные суммы — от 200 руб. и более, — превосходящие суммы, установленные казной для купечества. О значении этих платежей в помещичьем хозяйстве говорят попытки некоторых помещиков в конце XVIII в. использовать в качестве доходной статьи продажу крестьян другим помещикам для отдачи в рекруты. Крестьяне д. Тилипино Нижегородской губ. обвинили своего помещика Евлашева, что он за 3 года (1794—1796) продал разным помещикам в рекруты 130 крестьян. Следствие, проведённое нижегородским губернатором, установило, что одному Шереметеву за 1796 г. было продано 20 крестьян[2].

Другой неучтённой крупной статьёй в составе крестьянских платежей были мирские сборы. То, что В. И. Семевский не принимал их в расчёт, стояло в прямой связи с характерной для него народнической идеализацией крестьянской общины, якобы представлявшей интересы крестьянства, притом всей массы крестьянства вотчины. Между тем вотчинные материалы показывают, что мирские сборы, производившиеся выборными от крестьян, находились полностью в руках вотчинной администрации и в большей своей части расходовались по указанию помещика и на его нужды (управленческие, судебные и тому подобные расходы). Для Ивановской вотчины Шереметевых общая сумма мирских и прочих сборов составляла для 70-х годов примерно 30% к оброку, а в конце XVIII в. выросла до 60% к оброку, обнаруживая, таким образом, тенденцию к ещё большему росту, чем основной оброк.

Помимо указанной ошибки, повторяемой за Семевским и большинством последующих исследователей, ошибочным является также сведéние вопроса к среднему оброку, использование метода средних цифр, типичного для буржуазных статистиков и, в частности, для народников. Как показано выше на примере Ивановской вотчины Шереметевых, амплитуда колебаний размера денежного оброка между первостатейными и «маломочными» растёт значительно быстрее, чем растёт средний размер оброка; последнее особенно характерно для второй половины XVIII в.

Перед лицом роста крестьянской эксплуатации и обострения внутренних противоречий буржуазные историки пытались

[1] ЦГАДА, р. VII, д. 2918, ч. II, л. 87, 378; д. 2985, ч. I, л. 186, 318; ч. II, л. 7, 14, 109, 177 и др.
[2] ЦГАДА, р. VII, д. 2985, ч. II, л. 19, 37—41, 65—66.

найти приведённым явлениям своего рода экономическое оправдание, указывая на существовавшее якобы прямое соответствие между увеличением размера денежного оброка и ростом денежных цен в сельском хозяйстве, снимая тем самым вопрос об обострении классовых противоречий и нарастании кризиса феодальной системы. Так, В. И. Семевский пытался рост денежного оброка поставить в связь с ростом арендных цен на землю, имея в виду, что помещик предоставлял её крестьянам за денежный оброк [1]. На связь с хлебными ценами, якобы уравновешивавшими рост денежного оброка, ссылался Л. Н. Юровский [2]. Но при этом игнорировались огромные колебания как в размерах оброка по категориям и по районам, так и порайонные колебания хлебных цен. Отметим, что эти рассуждения прямо противоречат, например, данным, приводимым В. И. Снежневским для конца XVIII — середины XIX в., устанавливающим рост среднего размера денежного оброка более чем в 2 раза, тогда как цена на основной хлеб — рожь — оставалась стабильной или даже дала некоторое снижение (с 3 р. 50 к. до 3 р. за 1 чтв.) [3].

Рост денежного оброка к концу XVIII в. определён общей тенденцией повышения доходности помещичьего хозяйства, обусловленной включением последнего в систему рыночных товарных отношений.

Несколько сложнее обстоит дело с исчислением барщинных повинностей, отличающихся в силу самой своей природы меньшей подвижностью; их увеличение ведёт скорее к известному скачку — переходу к месячине, своего рода превращению крепостного крестьянина в дворового, работающего на пашне.

В исчислении барщины существуют два принципа — по рабочим дням и по урочной норме пашни в десятинах. Расчёт в днях проще и чётче, поскольку охватывает все виды барщинных повинностей.

Первый опыт учёта размера барщины по провинциям Европейской России дала анкета Вольного экономического общества на 1766 г. Показатели, содержащиеся в ответах, носят дифференцированный характер. Ответы по Центральному промышленному району определяют барщину от 2 до 3 дней в неделю; от 2 до 3 дней барщины указывают ответы по Шуйскому у. и Юрьев-Польской пров. («дается крестьянам свободы от помещиков в неделю по 4 и по 3 дни или как случится по нужной работе, т. е. во время жнитвы и сенокосов»); по Калужской и Владимирской пров., а также по Кашинскому у. указано 3 дня барщины в неделю и то в основ-

[1] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, ч. 1, стр. 55, 57.

[2] См. *Л. Н. Юровский*, Саратовские вотчины, стр. 98—109.

[3] См. «Действия Нижегородской учёной архивной комиссии», т. VI, 1905, стр. 19—24.

ном в летнее время. Повинности резко повышаются в чернозёмном районе с расширением господской пашни. Так, ответ по Рязанской пров. указывает: «крестьянам помещичьим свободные дни даютца на себя работать неравно, но по рассмотрению помещика и так, что некоторые в неделю кроме праздников один день, а протчие дни на господина, а у других 2 дни на помещика, а третий день крестьянину». 4 дня в неделю работы на господина указывает и ответ по Переяславль-Залесскому у., одному из более сельскохозяйственных районов Владимирской губ. Ответ по Орловскому у., хотя и упоминает наличие трёхдневной барщины, однако лишь как наилучший случай: «а у других по 4 и по 5 дней на господина работают, — добавляет ответ, — ...а иные помещики в случае благополучного времени (т. е. в период уборочных работ. — *Н. Р.*) заставляют беспрерывно на себя работать, а как весь их хлеб собран и сено скошено и сметано будет в стоги, то уже тогда крестьянам дают свободность на себя работать». Арзамасский ответ, также отмечая трёхдневную барщину, но с выполнением господских работ в первую очередь, добавляет: «другие ж токмо и по 2 дня в неделю крестьянам делают льгот, и как то все в воле помещиков состоит, то неравно с крестьянами и поступают». Такое же положение и даже с увеличением барщины до месячины показывает ответ по Оренбургской губ. Лишь на южной окраине, где помещичье хозяйство ещё не получило полного развития в силу позднего его формирования и ещё недостаточного вовлечения района в товарные отношения, имеет место определённое сокращение числа барщинных дней: в Воронежской губ. до 3 дней, а в Харьковской (Слободско-Украинской) — до 2 дней и даже меньше [1]. Для Казанской губ. в третьей четверти XVIII в. Т. П. Ржаникова устанавливает трёх, четырёх- и даже пятидневную барщину [2].

Из наказов приказчикам, составленных в связи с задачей, опубликованной Вольным экономическим обществом, только Болотов называет прямо трёхдневную барщину, т. е. разделение рабочего времени пополам, причём связывает это и с равной площадью пашни и сенных покосов на господина и на крестьянина. Впрочем, такое распределение рабочих дней не соответствовало действительности, поскольку Болотов не учитывал при этом многочисленных других господских работ, ложившихся на крестьян (плотничьи работы, подводная повинность, столовые припасы и т. д.) [3] Ф. Удолов говорил о

[1] ЦГИАЛ, ф. 91 (Вольного экономического общества), оп. 1, д. 381 или Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отд. рукописей, F. X (по анкете п. 17).

[2] См. *Т. П. Ржаникова*, Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (автореферат), стр. 7—8.

[3] См. «Труды ВЭО», ч. XVI, стр. 181—185.

размере барщины — 2 дес. пашни в каждом поле и 6 дес. сенокосу на 1 тягло из 6 «венцов» (муж с женой), приравнивая это к 2 дням барщины в неделю; практически получалась 1 дес. пашни и 1 дес. сенокосу на венец, что соответствует 2 д. м. п. Это положение он устанавливал и в «Экономических правилах», определяя при этом идеальный размер собственного надела крестьян в 27 дес. пашни и 24 дес. сенокоса на тягло из 6 венцов. Учитывая непосильный объём налагаемой работы, Удолов рекомендовал привлекать для более лёгких работ детей от 8 лет, Рычков — от 10 лет [1].

В действительности барщинная работа, несмотря на довольно распространённое в буржуазной литературе утверждение о фактическом применении так называемого «указа о трехдневной барщине»[2], *значительно превосходила трёхдневную норму.*

О существовании 3-дневной нормы в конце XVIII в. К. Н. Щепетов говорит для Серебрянопрудской вотчины Шереметева, но тут же указывает на наличие установленного твёрдого урока, подлежащего выполнению, причём решающее значение отводилось последнему. О преобладании 3-дневной барщины в голицынской новосильской вотчине в 80-е годы говорил Г. Н. Бибиков, но последняя дополнялась, по его же данным, тяжёлыми строительно-ремонтными работами и подводной повинностью, а для конца XVIII в. им отмечается заметный рост крепостнической эксплуатации, господских работ [3]. Наставление приказчику вологодской вотчины помещика Межакова также говорит о 3-дневной барщине, но при этом добавляет — «окроме только самого нужного времени, как то: уборка хлеба и сенокос» [4]. Т. Рябков, говоря о 3-дневной барщине у Барышниковых по Смоленской губ., показывает в среднем 1,6—1,8 дес. пашни в поле на 1 тягло и, сверх того, сенной покос, а также отмечает использование детей от 10 до 14 лет и женщин свыше 50 лет. В то же время в ряде случаев им приводятся прямые указания источников на постоянные «поборы и пригоны», на «ежедневные сгоны» и разорение крестьян «поголовной работой» [5].

[1] См. «Труды ВЭО», ч. XI («Наставление приказчикам»); ч. XV («Экономические правила»), стр. 168 и 200; ч. XVII («Экономические правила, продолжение»), стр. 146; ч. XVI («Наказ для управителя», П. Рычкова), § 22.

[2] Указ в действительности никакой узаконенной нормы не устанавливал.

[3] См. *Г. Н. Бибиков*, Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в., «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 80—81 и 99—101.

[4] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, стр. 69, § 8.

[5] См. *Т. Рябков*, Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой трети XIX в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 60—71.

1508-Б

Выше, при анализе Экономических примечаний, т. е. для 80-х годов XVIII в., уже было отмечено, в частности по Московской губ., появление месячины [1], т. е. перевода крестьян отдельных селений целиком на барщину с ликвидацией всякого крестьянского надела: отработочная рента доводилась, таким образом, до своего предела, но вместе с тем приводила к ликвидации самой основы феодальной системы эксплуатации — крестьянского надела, собственного крестьянского хозяйства. Введению месячины равносильно заселение целой деревни с принадлежавшими ей угодьями одними дворовыми людьми; дворовые люди — это безземельные крестьяне, полностью занятые работой в господском хозяйстве.

Труднее дать исчисление барщины по количеству выполняемой господской работы. Обычно исчисление барщины сводится, как правило, к исчислению площади барской пашни. В указанной Серебрянопрудской вотчине Шереметевых Щепетов указывает от 1 до 2 дес. пашни и примерно $^1/_3$ дес. сенных покосов на 1 д. м. п. В перемышльской вотчине Голицыных в 1780-е годы получалось $^1/_2$—$^3/_4$ дес. в озимом и яровом поле на 1 д. м. п., т. е. 1 дес. в 3 полях, но к 1800 г. размер барской запашки должен был расшириться, поскольку только ржи высевалось ежегодно около 650 четв., т. е. не менее 350 дес., против 150 дес. в 80-х годах, что составляло уже свыше 2 дес. на 1 д. м. п. Полдесятины на 1 д. м. п. в 3 полях намечал в своих «Экономических правилах» Удолов, но добавлял к этому $^1/_2$ дес. сенокоса, т. е. в целом ту же 1 дес. Указание Рябкова о размере господской пашни в вотчине Барышникова в 1,6—1,8 дес. на тягло даёт в переводе около 1 дес. на ревизскую душу с добавлением сюда сенного покоса. Князь М. М. Голицын в инструкции по Троицкой вотчине указывает 1 дес. в каждом поле на 1 д. м. п. [2] Одну десятину в поле как норму барщины указывает Топографическое описание по Тверской губ. 1783 г. В. И. Семевский принимает размер барской запашки в $1^1/_2$ дес. в 3 полях, т. е. в десятину озимого и ярового посева, считая при этом за крестьянами $1^1/_2$—2 дес. пахотной земли в Центрально-промышленном районе, $3^1/_2$—$4^1/_2$ дес. в Северо-западном районе (Псковская, Смоленская и Новгородская губ.) и $2^1/_2$—$3^1/_2$ дес. в Центральном земледельческом районе.

Однако фактический размер барщины оставался нераскрытым при всех этих расчётах, поскольку господская пашня, как

[1] Месячина, упоминавшаяся П. Рычковым для Оренбургской губ. в ответе на анкету 1765 г. Вольного экономического общества, — явление особого порядка, связанное с острым недостатком рабочей силы в крае в результате его позднего заселения.

[2] См. «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. III, 1897, стр. 344—345.

уже отмечалось, далеко не исчерпывала всего объёма барщины. В самом сельском хозяйстве отмечается с конца века рост технических культур, как господские конопляники, требовавшие особенно большого унавожения и соответствующего увеличения барщинных работ. Крупное значение приобретало вотчинное предпринимательство — конские и скотские заводы, пильные мельницы, винокуренные заводы и разные помещичьи мануфактуры. Мы оставляем в стороне всю группу уральских заводов, с которыми связана специальная категория крепостных работных людей. Наконец, расширение господского предпринимательства и барской пашни для увеличения товарного хлеба вело к значительному расширению разных добавочных повинностей и в первую очередь подводной повинности по доставке хлебных обозов в Москву или в ближайшие крупные торговые центры. Барщина значительно увеличивалась в связи с развитием капиталистического уклада, возрастая в среднем не менее чем в 2 раза за последнюю треть XVIII в.

Существенным при таком количественном расчёте барщины является вопрос о соотношении барской и крестьянской запашки. В. И. Семевский в своей таблице определяет долю пахотной земли, находящейся в непосредственном пользовании помещичьих крестьян, примерно от $1/2$ до $2/3$, а в нечернозёмной полосе — до $3/4$ всей пахотной земли вотчины [1]. Но при этом Семевский считает размер барской запашки на 1 д.м.п. только в $1\frac{1}{2}$ дес., т. е. ниже устанавливаемого конкретным изучением вотчинного хозяйства конца XVIII в. размера барской пашни, составлявшего примерно 2 дес. на 1 д.м.п. Общие расчёты Семевского вызывают сомнение и в другом отношении: согласно таблице по Московской губ. (см. стр. 107), средний размер пахотной земли на 1 д.м.п., включая господскую, по большинству уездов не превышал 3 дес., снижаясь даже до 2—2,5 дес. Далее, Семевский не учитывает, что реальная запашка, устанавливаемая по данным о посевах, ниже числящегося по официальным данным условного числа пахотной земли (процент реальной запашки колеблется по районам). Наконец, Семевский и здесь не учитывает значительного колебания этой пропорции для разных категорий крестьян той же вотчины. Последнее связано ещё и с тем обстоятельством, что официальная норма отведённой под крестьянскую пашню надельной земли зачастую не обеспечивалась рабочей силой крестьянского двора, в результате чего и получалось несоответствие между нормой надела и фактической запашкой. Г. Н. Бибиков исчислял фактическую долю барской пашни крестьян тульской вотчины князя Голицына с. Голунь для

[1] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, дополнение V, табл. на стр. 492—493.

80-х годов от $1/4$ до $1/2$ всей пахотной земли, обрабатываемой одним крестьянином, и указывал, что в дальнейшем, с конца века, эта пропорция ещё ухудшается для «маломочных» и особенно для среднестатейных крестьян [1]. Тот же автор отмечает фактическую аренду надельной земли «маломочных» крестьян «прожиточными» крестьянами, что, однако, не освобождало первых от барщинной повинности.

Упоминавшиеся крестьянские челобитные конца XVIII в. говорят не только о распространении барщины и изделья в 90-е годы, сплошь и рядом сменявших денежный оброк, но и о значительном возрастании самого объёма барщинной повинности. В голицынской вотчине с. Радогощ с деревнями в Севском у. Орловской губ. на 5258 д. м. п. (по V ревизии) приходилось около 5000 дес. господской пашни; кроме того, указывался сбор и обработка пеньки с доставкой к Гжатской пристани; 330 человек в течение года работали на винокуренном заводе; некоторое число было занято и на других вотчинных предприятиях. Такое же положение существовало и в соседней вотчине Апраксина [2].

Крестьяне помещика Раева Епифанского у. Тульской губ., по их заявлению, «в землепашестве и сенокосе и всякой господской работе работают зделье ежедневную его господскую работу... а нам своим крестьянам и воскресения ниже праздников не положено». Рост барщины при этом был непосредственно связан с расширением господского хозяйства за счёт крестьянской надельной земли: «имеем самое малое число пашни и покосов, а протчая вся хорошая земля пашется на господина, также и сенокосы и луга, а лесные угодья и вовсе ничего не имеем» [3]. Нижегородский губернатор сообщал о крестьянах с. Маресева — вотчины И. И. Воронцова, что работают они на господской пашне «ежедневно попеременно», т. е. 3 дня в неделю каждый, но размер барщины определён при этом в $1\frac{1}{4}$ дес. в поле, что составляло $3\frac{3}{4}$ дес. в трёх полях и значительно превышало средний размер барщины, устанавливаемый исследователями [4]. По заявлению крестьян, серпейский помещик Зыков «положенные на наши крестьянские души хлебопахотные с лесными и сенными угодьями отобрав от нас в собственное свое владение, и в том хлебопашестве как мужской женской равно малолетние дети и ночию находимся своего господина Зыкова в работе» [5]. Крестьяне с. Турабьина Владимирской губ. вотчины Петра Демидова также говорят, что помещик отобрал у них 275 дес. под сад и что они находятся у него «каждогодно», «бессменно» в разной работе,

[1] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 81.
[2] ЦГАДА, р. VII, д. 2918, л. 142—143 и др.
[3] ЦГАДА, р. VII, д. 2985, ч. I, л. 81.
[4] ЦГАДА, р. VII, д. 2985, ч. I, л. 186.
[5] ЦГАДА, р. VII, д. 2985, ч. II, л. 6—7.

земледельческой и промысловой, «без всякой платы на собственное содержание»[1].

Таким образом, рост господского хозяйства шёл за счёт крестьянского хозяйства путём захвата крестьянской надельной земли и присвоения крестьянской рабочей силы.

Во всех приведённых примерах мы сознательно оставили в стороне многочисленные данные о распространении барщины в связи с развитием помещичьего промышленного предпринимательства, представляющем самостоятельную проблему.

На значительное распространение барщины указал ещё в записке о податях 1786—1788 гг. такой глубокий экономист и социальный мыслитель, как А. Н. Радищев : «...с умножением роскоши, с познанием правил и выгод земледелия... помещики не столько окладывают оброком, а заставляют пахать на свой щёт...»[2].

Указанные черты развития барщины и оброка в конце XVIII в. возвращают к вопросу о соотношении их доходности для помещичьего хозяйства; рост размера барщины и оброка требует сравнительной оценки. По расчётам Семевского (значительно преуменьшенным), оброк возрос за этот период от 2 до 5 раз, тогда как увеличение господской запашки определяется примерно в 2 раза. Но существенную поправку к этим расчётам необходимо внести в связи с ростом хлебных цен: если соответственно росту барской запашки помещичья хлебная продукция на одно тягло должна была увеличиться только в 2 раза, то рыночная цена каждой четверти хлеба возросла, согласно данным о хлебных ценах, примерно в 4—5 раз[3]. Это значит, что общий размер барщины в денежном выражении возрос в 8—9 раз. Расчёт, составленный в 1797—1798 гг. ярославским помещиком Н. С. Карновичем в доказательство преимуществ барщинного хозяйства, получает известное подтверждение[4].

Однако эти общие расчёты игнорируют другую сторону вопроса, связанную с обострением социальных противоречий феодальной системы, — *рост крестьянского сопротивления, падение производительности крепостного труда*. Эти процессы были ярко показаны Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». Классовая борьба крестьян проходит через всю вторую половину XVIII в., достигая особого напряжения в начале 1760-х годов, в крестьянской войне 1773—1774 гг., в новом широком крестьянском движении 1796—1798 гг.[5] Падение производительности крепостного труда отмечали уже дворянские экономисты Рычков, Удолов и др. «Когда кре-

[1] ЦГАДА, р. VII, д. 2985, ч. II, л. 16—18.

[2] «Исторический архив», кн. V, стр. 249.

[3] См. ниже, гл. VI.

[4] См. «Русская Старина» № 7, июль 1876 г., стр. 566—570.

[5] См. нашу статью «Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века». «Вопросы истории» № 11, 1956 г.

стьяне не на себя, но на помещика сеют, то весьма нужно наблюдать за ними... ибо они помещичью работу обыкновенно не с такою прилежностью, как свою, отправляют»[1], — писал П. Рычков. Несомненно, с этим связан рост вотчинной администрации, в функции которой специально входило неустанное наблюдение за исполнением положенных работ крестьянами. Но отсюда возникала новая трудность: превосходство валового дохода барщинного хозяйства оказывалось кажущимся в связи с огромными управительскими расходами в барщинной вотчине, а также с обширными накладными расходами, производственными и торговыми. В этом отношении расчётам Карновича противостоят детальные и конкретные сравнительные расчёты, составленные в 1805 г. специальной комиссией по Усольской вотчине В. Г. Орлова[2]. По подсчётам комиссии, барщина дала 216 239 руб. дохода, но при этом расходы, главным образом управленческие, составили 106 280 руб.; при переходе на оброк (10 руб. на 1 д.м.п.) доходы должны были составить 110 930 руб., а расходы по управлению снижались до 2800 руб. Такова другая сторона внутренних противоречий развития помещичьего хозяйства XVIII в.

5. Значение хлебопашества в господском хозяйстве

Основное место в господском хозяйстве принадлежало хлебопашеству. Инструкция Ф. Н. Голицына 1796 г. по его тульской вотчине с. Любашевке в отношении посева хлебов добавляет «в чём весь доход господский состоит»[3].

В соответствии с этим требование интенсификации хозяйства и увеличения доходности выражалось прежде всего в расширении господской пашни. «Приумножение» барщинной земли специально выделено в «Наказе» А. Болотова. О вспахивании залежи говорит «Наказ» П. Рычкова (п. 12). Распахиванию земли, расчистке и выжиганию леса отводит особое место и Ф. Удолов в своём «Наставлении прикащику» (п. 1). Конкретные данные по отдельным вотчинам показывают значительное увеличение барской запашки на протяжении второй половины и особенно в конце XVIII в. По Серебрянопрудской вотчине Шереметева (Веневский у. Тульской губ.) барская пашня возросла с 1500—2000 чтв. в конце 60-х — начале 70-х годов до 3600—4800 чтв. в конце 90-х годов[4]. В новосильской

[1] «Сто лет назад. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губернии», «Записки имп. Казанского общества» № 1, 1859 г., стр. 8 (перепечатано из «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих», май — июнь 1758 г.).

[2] См. *И. М. Катаев*, Усольская вотчина на Самарской луке в XVIII — XIX вв. (рукопись докторской диссертации), ч. 1. — «Период разложения феодализма», стр. 50—56.

[3] «Университетские известия» № 11, Киев 1910 г., стр. 245, п. 1.

[4] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 51.

Голунь господское хозяйство с вотчине князя Голицына с. в начале 1780-х годов к Голицыну было переходом вотчины к зерновому, ограниченному в своих разполностью сведено прежде всего для домовых нужд, но мерах и рассчитанному в. до 20-х годов XIX в. барская пашня с 80-х годов XVIII и зерновое хозяйство приняло резко выраженный удвоилась товарный характер[1]. Развитие крупного хлебопашества характерно и для новых крупных помещичьих хозяйств, возникавших в области нового землевладельческого освоения на юге Центрально-земледельческого района. Обширная господская пашня создалась в начале 80-х годов в пензенско-саратовских вотчинах Куракина; братья Архаровы, сделавшиеся владельцами большей части торгового с. Рассказова в Тамбовском у. с 30 000 дес. земли, в том числе около 15 000 дес. пашни, тут же завели господскую пашню по 1000 дес. в поле, всего 3000 дес.[2]

В большинстве помещичьих хозяйств основное значение имела в озимом поле рожь, а в яровом поле — овёс. Ф. Удолов в «Собрании экономических правил» первое и основное место отводил озимой ржи[3]. Посеву ржи отводится основное место и в «Наказе» барона Вольфа (п. 18 и 19). Рожь являлась основной озимой хлебной культурой в северных и центральных нечернозёмных губерниях. «Рожь обыкновенная» показана единственной озимой культурой в вологодской вотчине А. Межакова; из яровых хлебов — овёс и ячмень и на последнем месте — пшеница[4].

В хозяйстве ярославского помещика Карновича в озимом поле, составлявшем 200 дес., сеялась только рожь, яровое поле было отведено почти полностью под овёс и ячмень, а посев яровой пшеницы составлял всего до 30 дес. В крупном земледельческом хозяйстве Барышникова на Смоленщине, работавшем целиком на рынок, рожь показана единственной озимой культурой и в продаже показаны в качестве основной продукции ржаная мука и овёс[5].

Рожь и овёс оставались господствующими культурами и в Центральном земледельческом районе. В Серебрянопрудской вотчине Шереметевых (Венёвский у. Тульской губ.) всё озимое поле (1200 дес.) состояло под рожью, а в яровом поле

[1] См. *Г. Н. Бибиков,* Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 81 и др.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, д. 82, дача 62.

[3] См. «Труды ВЭО», ч. XV, 1770 г., ч. I, гл. 1, стр. 90 и сл.

[4] См. *Л. И. Андреевский,* Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, стр. 68—73.

[5] См. *Т. Рябков,* Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой трети XIX в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 48, 57, 60.

$^3/_5$ занимал овёс и $^2/_5$ — гречиха и ячмень[1]. Хлеб, кроме «домового» потребления, поступал на московский или местный рынок. То же отмечается и в тульских вотчинах Голицына. По данным Г. Н. Бибикова, в новосильской вотчине (с. Голунь) в озимом поле высевалось 150 дес. под рожь и только 30 дес. под пшеницу, яровое почти полностью шло под овёс и гречиху в равном размере[2].

Это же положение отмечается и в Курской, самой южной губернии этого района. В Центральном Государственном военно-историческом архиве сохранилось интересное «Топографическое Курской губернии описание,... сочиненное тщанием губернии сея правителем г-ном Зубовым в 1784 г.» Особенностью этого описания, близкого к Экономическим примечаниям по губернии, является точное указание распределения земли каждого владения по культурам и попытка исчисления сельскохозяйственной продукции по губернии, её потребления и товарных остатков. Согласно этим данным, общая посевная площадь губернии почти поровну разделялась между рожью, овсом и гречихой, оставляя лишь небольшую долю стоящей на четвёртом месте пшенице и почти в равном с ней количестве ячменю. В товарных остатках помещичьего хлеба рожь и овёс указаны в количестве по 20 000 чтв., гречихи — 5000 чтв. и до 30 000 чтв. проса в виде крупы[3], тогда как пшеницы и ячменя всего по 5000 чтв.

В Прибалтике, где помещичье хозяйство имело сугубо товарный характер с расчётом на экспорт, рожь, овёс и ячмень также показаны в качестве основных культур в «Топографических описаниях» Рижского и Ревельского наместничества[4].

В ряду зерновых культур отмечается более высокая товарность и доходность пшеницы, но источники говорят о её слабом распространении, особенно в середине XVIII в. Ответы на анкету Вольного экономического общества в 1765 г. систематически подчёркивали, что пшеницы «сеется мало», «немного», «в небольшом количестве». Такие ответы давались не только по всему будущему Центрально-промышленному району, но и по большинству чернозёмных губерний в центре и на востоке. Они повторялись и в южном районе — в Харьковской (Харьковская и Ахтырская пров.), Курской, Киевской губ. При этом постоянно указывалась высокая требователь-

[1] См. *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 51.

[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 80. Ту же пропорцию — 37—43% всей пашни под рожь и 7—9% под пшеницу — указывает для всех тульских вотчин Голицыных М. А. Казаринова в своей работе «Крепостное хозяйство в Тульской губ. в конце XVIII в. (по материалам барщинных вотчин Голицына)» (рукопись кандидатской диссертации), М. 1952, стр. 54.

[3] См. ЦГВИА, ВУА, д. 18 800, ч. V, д. 203.

[4] ЦГВИА, ВУА, д. 18827 и 19125.

ность этой культуры, и её разведение связывалось с наличием «новины» или «давней залежи». В связи с этим более значительные посевы пшеницы отмечались только в Воронежской, частично в Орловской губ., позднее на востоке — в Симбирской и Оренбургской губ. Прямые указания на посевы пшеницы в помещичьем хозяйстве имеются только в ответе Болотова по Каширской пров. и на юге по Сумской пров.

Удельный вес пшеницы увеличивается только в последней четверти XVIII в. «Наказ управителю» Болотова в 1770 г. поднимал вопрос о расширении посевов пшеницы, как более доходной культуры. О расширении посевов пшеницы в чернозёмных губерниях юга и востока говорят топографические описания 80-х и 90-х годов. Но соответствующие конкретные данные по отдельным вотчинным хозяйствам всё ещё носят единичный характер. Так, М. П. Нарышкин в «наказе приказчику» крапивенской вотчины 1775 г. предлагал сеять в озимом поле больше озимой пшеницы, т. е. такого хлеба, который «продавать можно с прибылью». По данным одной из отгрузок хлеба из нарышкинской Тенковской вотчины Свияжского у. к Рыбинску и Ярославлю в 1777 г., в общей партии в 2500 чтв. хлеба значилось 1500 чтв. пшеницы, однако по другим отгрузкам удельный вес пшеницы много ниже[1]. Довольно значительное место занимала пшеница и в продаже Усольской вотчины В. Г. Орлова в соответствии с общим ростом посевов пшеницы в районах будущих Самарской и Оренбургской губ., отмеченным в описаниях этих районов конца XVIII в. Из 43 500 чтв. проданного из вотчины в 1804 г. хлеба пшеница составила 9540½ чтв., несколько превысив продажу овса, однако почти в 3 раза уступая ржи; в ценностном выражении реализация пшеницы дала свыше 30% общей продажной суммы хлеба[2].

Кроме пшеницы в качестве товарного хлеба получали распространение крупяные культуры. Так, распространение проса и гречихи отмечалось к концу XVIII в. по саранской вотчине Полянских, усиленно развивающей в это время свои рыночные связи[3]. В приведённых выше данных по Курской губ. в общей реализации помещичьего зерна просо стояло впереди всех других культур, значительную роль играла также гречиха.

Известные элементы рационализации помещичьего зернового хозяйства сказались в опытах применения улучшенных семян, с характерным для помещиков обращением к привоз-

---

[1] ЦГАДА, ф. 1272 (Нарышкиных), д. 67, л. 32 об. — 33, 103 и др.

[2] См. *И. М. Катаев*, Усольская вотчина на Самарской луке в XVIII—XIX в. (рукопись докторской диссертации), ч. I, стр. 56.

[3] См. *И. А. Булыгин*, Крепостное хозяйство Пензенской губ. в последней трети XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 100.

ным культурам. Так, по ряду хозяйств, например в хозяйстве Куракиных, отмечаются опыты посева семян английского и арабского овса, турецкого проса, английского гороха. Указания на применение английских семян овса и ячменя имеются и по вологодской вотчине А. Межакова около 1800 г. Имеются также отдельные указания на введение улучшенных сельскохозяйственных орудий. Такие факты отмечены, например, по Серебрянопрудской вотчине Шереметевых. По пензенско-саратовской вотчине Куракина под 1787 г. отмечена покупка 50 плугов. Однако такие факты носили в целом единичный, случайный характер.

Товарный характер помещичьего зернового хозяйства нашёл своё выражение, в частности, в настойчивом интересе помещика к рыночным ценам на хлеб. Так, инструкция П. Румянцева вменяла в специальную обязанность приказчика собирать и сообщать в домовую канцелярию местные цены на хлеб и на разные припасы (ч. Д, разд. 1, п. 15). По указанию Шереметева из Ивановской вотчины высылались ведомости о хлебных ценах ближайших хлебных рынков — с. Писцова и Лежнева. По-видимому, такую же информацию получал и князь М. М. Голицын. В 1792 г. он отдал распоряжение увеличить продажу хлеба крапивенской вотчины (Тульская губ.) на близком мценском рынке, где шла погрузка хлеба на окские суда, ссылаясь на то, что «цена на хлеб стоит хорошая». В Москве реализовались и небольшие партии, по-видимому остававшиеся на господском дворе от собственного потребления. В 1780—1790-е годы в продаже из новосильской и крапивенской вотчин на первом месте стояла рожь — до 2000 чтв. по каждой, на втором и третьем местах — овёс и греча, примерно по 1000 чтв. той и другой культуры; наряду с этим отмечается в 1798 г. по с. Голунь крупная партия озимой пшеницы в 800 чтв., а также довольно регулярные продажи на московском рынке небольших партий такой специальной культуры, как мак (по 20—40 чтв.). Общая годовая продажа зерновых по всем тульским вотчинам Голицына могла достигать 25 000—30 000 руб.[1]

По упоминавшейся выше приходо-расходной ведомости Усольской вотчины В. Г. Орлова на 1804 г. общая продажа зерновых за год определялась примерно в 43 500 чтв. на общую сумму 123 262 руб.

Ориентация помещичьего зернового хозяйства на рынок нашла своё отражение и в программных требованиях дворянских идеологов типа М. М. Щербатова, требовавшего закрепить за дворянами монополию хлебного торга, в частности хлебного экспорта, поскольку хлеб являлся основной продук-

---

[1] См. *М. А. Казаринова*, указанная кандидатская диссертация, стр. 215—224.

цией помещичьего хозяйства[1]. Практической попыткой помещиков отстранить купцов от хлебного торга на внутреннем рынке являются выступления отдельных помещиков в роли скупщиков крестьянского хлеба. М. А. Казаринова отмечает такие попытки по тульским вотчинам Голицыных[2]. Вотчинные материалы сообщают аналогичные сведения по свияжской Тенковской вотчине Нарышкиных[3].

Однако *и к концу века удельный вес помещичьего хлеба на рынке оставался невысоким.* Официальное «Топографическое описание Курской губ.» 1783 г. в расчётной ведомости продажного хлеба по губернии определило удельный вес помещичьего хлеба всего в 8% к общей сумме товарных излишков хлеба по губернии, так что 92% приходилось на крестьянский хлеб. При этом дело было не только в наличии значительного землевладения различных категорий государственных крестьян. Около 30% товарных излишков, или в 4 раза больше, чем помещики, давали помещичьи крестьяне. Примерно такое же положение устанавливал Г. Н. Бибиков по новосильской вотчине Голицыных, где в XVIII в. главную роль в хлебной торговле играла зажиточная крестьянская верхушка. В Серебрянопрудской вотчине Шереметевых в той же Тульской губ. в XVIII в. хлебная продукция господского хозяйства шла почти полностью на удовлетворение собственных потребностей Шереметева — на содержание его московского дома и подмосковных усадеб.

Ограниченность зерновой продукции господского хозяйства ярко сказалась в организации помещичьего винокурения. Его широкое распространение отнюдь нельзя объяснять только трудностями перевозки хлеба в зерне, на что указывал барон Вольф в своем «Наказе управителю», говоря, что «одна лошадь свезет в город на столько вина, на сколько шесть лошадей хлеба»[4]. Решающую роль играла обеспеченность монопольного сбыта помещиком вина по государственным поставкам, в порядке казённого питейного откупа или по контрактам местным откупщикам питейной продажи из купечества. Как это ни кажется неожиданным, помещичье винокурение в значительной части не обеспечивалось собственным хлебом, и последний закупался помещиком на рынке. Развивая своё вотчинное предпринимательство, помещик, таким образом, пользовался крестьянским рыночным хлебом, нередко покупая его у собственных крестьян, вынужденных продавать хлеб помещику по более низким ценам. Такое положение имело

[1] См. *М. М. Щербатов*, Соч., т. 1, Политические сочинения. Статьи. «Размышление о дворянстве», стр. 266—268; «На читанный голос октября 2-го дня от господина депутата Рыбной слободы Алексея Попова покорнейшее предложение», стр. 105—109 и др.

[2] См. *М. А. Казаринова*, указанная диссертация, стр. 215.

[3] См. *Т. П. Ржаникова*, указанная диссертация, стр. 314 и сл.

[4] «Труды ВЭО», ч. XII, 1769, стр. 27.

место, например, в пензенской Архангельской вотчине Куракина до создания им большой господской запашки на отобранной у крестьян земле в конце 80-х годов. Покупка хлеба отмечается и у других помещиков Пензенской губ., которые также организуют в последней трети XVIII в. крупное винокурение.

В этом отношении чрезвычайно показательны данные составленных в 90-е годы ведомостей о винокурении по губерниям. Покупка хлеба решительно преобладала в Рязанской губ. с её значительным винокурением, несмотря на то что Рязанская губ. относилась к чернозёмным, хлебным и характеризовалась распространением барщины. При общем расходе хлеба на винокурение в 87 156 чтв. (при среднем расчёте 1 чтв. хлеба на 4—5 ведёр вина) покупка хлеба показана в размере 56 835 чтв., или около 65% всего расхода хлеба. Лишь немногие заводы обеспечивались собственным помещичьим хлебом, главным образом в Данковском, Пронском и Скопинском у., где преобладали небольшие заводы. Самые крупные заводы губернии полностью работали на покупном хлебе (например, заводы В. В. Долгорукого, Р. А. Остермана, А. Бахметьева); другие помещики, даже при наличии собственного хлеба, вынуждены были покупать значительную часть потребного хлеба на рынке[1].

В южной, Воронежской губ. покупка хлеба значилась по большей части заводов. При общем производстве около 400 000 вёдер вина потребление хлеба должно было составлять не менее 80 000 чтв., из которых 45 000 чтв. (более половины) покупалось на рынке[2]. Топографические описания Курской и Воронежской губ. показывают, что потребность широко развитого в Харьковской и Малороссийской губ. винокурения покрывалась в значительной мере за счёт привозного из соседних губерний хлеба; это подтверждается также описанием А. Шафонского, «Топографическим описанием Новгород-Северского наместничества» и другими. Описание наместничеств, составленное в 1781 г. Милорадовичем, отмечает также значительную продажу хлеба местными крестьянами на винокуренные заводы[3]. В Вятской губ., где находился ряд очень крупных заводов с выработкой в несколько десятков тысяч вёдер вина, большая часть хлеба приобреталась помещиками на рынке[4].

Покупка хлеба преобладала и в центральных губерниях — Московской и Калужской. Из крупных заводов Московской губ. полностью на покупном хлебе работал завод графа

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59307, 1796 г.

[2] ЦГАДА, д. 59795, 1800 г.

[3] См. «Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779—1781)», Київ 1931.

[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59171, 1796 г.

А. Салтыкова в Клинском у., заводы Новосильцева и Игнатьева в Богородском у. (другой завод Игнатьева обеспечивался собственным хлебом), Мясоедова в Звенигородском у. и др.[1] На покупном хлебе работали немногочисленные винокуренные заводы Владимирской, Костромской и Ярославской губ.; в последних более крупные заводы находились в приволжских уездах, ориентируясь на привозной хлеб[2].

Таким образом, самое развитие помещичьего винокурения создавало дополнительный рынок для крестьянского хлеба и сокращало удельный вес помещичьего хлеба на рынке.

6. Значение технических культур, садоводства и огородничества

Чрезвычайно малое место в помещичьем земледелии занимали технические культуры, хотя требования посева и обработки льна и конопли значатся в большинстве помещичьих инструкций. Возделывание технических культур усиленно пропагандировалось экономической литературой с указанием на высокую доходность этих культур, поскольку развитие прядильно-ткацких производств предъявляло всё больший спрос на лён и пеньку.

В «Трудах Вольного экономического общества» Т. Клингштет уже в 1766 г. выступил со специальной статьёй «О пользе, происходящей от умножения льна в России»[3]. Ф. Удолов в своей статье «Собрание экономических правил» писал о выгоде разведения конопли: «Конопли между прочими родами хлеба суть многоприбыльные и для всего общества надобные»; при этом он определял доход от пеньки с 1 дес. конопляника в 20 руб.[4] В конце века В. Левшин исчислял доход от посева конопли, только не на пеньку, а на производство масла из семени, в сумме свыше 100 руб. с десятины; впрочем, он исходил при этом из нереального для того времени предельно высокого размера урожая[5].

Однако практически *лён и особенно конопля — главные технические культуры во второй половине XVIII в. — оставались в основном принадлежностью крестьянского хозяйства.* По-видимому, причину этого надо искать в большой трудоёмкости и требовательности этих культур. Так, Т. Клингштет в упомянутой статье, противопоставляя лён зерновым культурам, специально оговаривал: «Напротив того, лен либо новой земли, или особливого способного положения земли требует и не во всякое время равно хорошо удается, наипаче при первых опытах»[1]. О том же писал В. Левшин в упомянутой статье 1802 г., говоря о земле для посева конопли: «Всем известно, что оная избирается лучшая, мягкая и тучная, не свеже, но по крайней мере за год пред тем унавоженная... потом два раза глубоко вспаханная и забороненная»[2].

Конопляники обрабатывались наравне с огородными землями. С. П. Гагарин, предписывая заведение конопляников в дворцовой вотчине с. Бобрики (инструкция А. Шестакову), требовал для них двойной нормы унавожения — 800 возов на 1 дес. против 400 возов под озимую рожь[3]. Конечно, это нормы оптимальные, но вместе с тем необходимо учитывать, что помещичьи хозяйства испытывали острый недостаток в удобрениях и потому применяли унавожение только под озимые, более ценные культуры, оставляя яровое поле без навоза. Болотов прямо указывал на недостаток удобрения, как на основную причину слабого заведения конопляников в помещичьем хозяйстве, наблюдавшегося даже в таком районе наибольшего распространения посевов конопли, как Карачевский у. Орловской губ., где помещичьи конопляники составляли не более 10—15 дес. на вотчину; «малость навоза — малость конопляников»[4], — писал Болотов.

В связи с этим имеются указания о ликвидации помещиками своих конопляников.

Так, А. Болотов, начиная свою хозяйственную деятельность тотчас после освобождения из армии в своём маленьком хозяйстве в дер. Дворянинове, сразу ликвидировал свой конопляник, отведя его площадь под фруктовый сад, очевидно могущий быстрее и лучше обеспечить поступление доходов[5]. Г. Н. Бибиков сообщает о ликвидации конопляников в новосильской вотчине с. Голунь в 1790 г., вскоре после её приобретения князем Голицыным[6].

Т. Рябков, характеризуя сельское хозяйство Смоленской губ., прямо указывает на коноплю, как на крестьянскую культуру, и говорит о скупке пеньки помещиками у крестьян для перепродажи[7]. Только по Псковской губ. А. Нартов указывает на посевы льна помещиками для продажи[8]. Однако и

---

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59478, 1797 г.
[2] ЦГАДА, д. 59176 и 59307.
[3] См. «Труды ВЭО», ч. III, 1766 г., стр. 165—194.
[4] «Труды ВЭО», ч. XV, § 44, стр. 140.
[5] См. *В. Левшин*, Теоретическое предложение к посеву конопли в намерении получения множайшего урожая семян... «Труды ВЭО», ч. LIV, 1802, стр. 187—198.

---

[1] «Труды ВЭО», ч. III, 1766, стр. 171.
[2] «Труды ВЭО», ч. LIV, 1802, стр. 192.
[3] См. «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г., стр. 303.
[4] Журнал «Экономический магазин», ч. XVI, 1784 г., стр. 36—44; *А. Болотов*, Избранные сочинения, стр. 107—109.
[5] См. «Записки А. Т. Болотова», т. II, стр. 342.
[6] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 80.
[7] См. *Т. Т. Рябков*, указанная диссертация, стр. 48 и сл.
[8] См. «Труды ВЭО», ч. XII, 1790, стр. 67—75.

здесь надо напомнить пример порховского помещика графа Матвея Апраксина, который пеньку для своих торговых операций получал в порядке оброка со своих крестьян [1]. Проекты «наказов управителю», напротив, систематически говорят о скупке помещиками льна и пеньки у своих и сторонних крестьян как на собственный обиход (для крепостных прядильщиц), так и на перепродажу; о покупке льна и пеньки у крестьян при хороших ценах говорит барон Вольф [2]. То же относится к разведению табака, сосредоточенному в это время в основном в украинских губерниях, на Дону и в Поволжье, главным образом в хозяйствах украинских переселенцев — черкас. Табак составлял крупную статью вывоза из так называемой Малороссийской губ. Согласно указаниям описаний, разведение табака сосредоточивалось в основном в крестьянских хозяйствах, и крестьяне выступали его главными продавцами. Лишь в единичных случаях крестьянское табаководство ставилось в связи с господским хозяйством. Так, о крестьянах сл. Вороновки говорится: «На землях владельческих сеют табак и за то получают себе четвертую часть в награждение за труды» [3].

Были сделаны попытки распространения табачных плантаций в помещичьих хозяйствах. Ещё в начале 1770-х годов соответствующий проект был выдвинут Григорием Тепловым, одним из руководителей Комиссии о коммерции [4]. А. Болотов сделал попытку завести небольшую табачную плантацию в Богородском дворцовом хозяйстве [5]. Но эти начинания не получили заметного распространения.

Только в конце XVIII в. посевы технических культур начинают привлекать внимание помещиков, которые в переходе к более интенсивным формам хозяйства искали средства к повышению его доходности. Однако на первых порах эти начинания получали реализацию лишь в отдельных образцовых хозяйствах, особенно в новых районах донских и приволжских степей. Таковы отмеченные выше хозяйства Бекетова, Циплетева, Агафи и др., опыты Болотова, Левшина. Здесь же можно назвать и опыт купца Тавлеева по заведению первой в России плантации травы вайды для производства краски, но предприятие не увенчалось успехом [6].

---

[1] См. *Н. Л. Рубинштейн,* К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х гг. XVIII века. «Исторические записки», АН СССР, кн. 40, 1952, стр. 144—145 и др.

[2] См. «Труды ВЭО», ч. X, гл. VII, § 3, 1768.

[3] «Опис Новгород-сіверського намістництва (1779—1781)», стр. 511.

[4] Проект Григория Теплова о разведении чужеземных сортов табаку и составленная им подробная инструкция были утверждены специальным указом, ПСЗ, т. XVI, № 11777, стр. 176—194.

[5] См. «Записки А. Т. Болотова», т. 3, ст. 841.

[6] ПСЗ, т. XIX, № 13969, стр. 745—751.

В помещичьем земледельческом хозяйстве известное место занимало разведение фруктовых, «плодовитых», как говорили в XVIII в., садов. На торговое значение разведения плодовых деревьев обратил внимание А. Болотов уже в самом начале своей хозяйственной деятельности; отмеченная ликвидация коноплянника в его дер. Дворянинове была непосредственно связана с отводом этой земли под яблоневый сад [1]. При этом Болотов ссылался именно на доходность этого предприятия, на возможность быстрой и лёгкой реализации получаемых продуктов и в своих записках неоднократно приводил данные об успешной реализации на рынке продукции своего плодового сада. Плодовые сады привлекают его внимание позднее и в управляемой им Киясовской волости и в богородицком дворцовом хозяйстве [2].

Экономические примечания систематически отмечают разведение плодовых садов в Московской губ.: «Регулярные плодовитые сады» значатся почти при каждом «господском доме». Большое число плодовых садов указано в чернозёмной Тульской губ., в ряде уездов Орловской и Тамбовской, Курской и Воронежской губ. Плодовые сады имелись и в барщинных и в оброчных вотчинах. Их содержание не требовало большого числа людей, и штат обеспечивался за счёт дворовых или откомандированных садовников из барщинной вотчины. Так, для работ в Останкинском парке регулярно высылалось потребное количество работных людей из соседних барщинных сёл Шереметевых [3].

О крупном значении плодоводства говорят Топографические описания южных губерний. В Малороссийской губ. плодовые сады отмечены в уездах будущей Полтавской губ. — Роменском и Лубенском, причём торговый характер садоводства подчёркивается указанием, что сады отдаются на откуп приезжим купцам, т. е. производится запродажа урожая на деревьях [4]. Значительное распространение плодовых садов и овощных огородов или бахчей имело место в большинстве уездов Харьковской губ., иногда даже с дальнейшей специализацией: вишни и сливы — в Ахтырском у., груши — в Валкском и т. д. Здесь плодовые сады отмечены и в городах [5]. Есть отдельные указания на плодовые сады в Курской и юго-восточных уездах Орловской губ., но в Курской губ. эти указания относятся не к помещичьим хозяйствам, а к новым городам, как Новый Оскол.

---

[1] См. «Записки А. Т. Болотова», т. II, стр. 342.

[2] См. «Записки А. Т. Болотова», т. III, стр. 662.

[3] См. *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 59—60.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, л. 73—76, 79—82 и др.

[5] Топографическое описание Харьковского наместничества, М. 1788, стр. 145—151 и др., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19133, л. 10, 11, 14, 15, 17 и др.

Топографические описания сплошь и рядом указывают на
разведение фруктовых садов с торговыми целями в городах
купцами и мещанами.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении *данные не гово-
рят о торговом характере садоводства в помещичьем хозяй-
стве XVIII в.* как о распространенном явлении. Обстоятельная
анкета Вольного экономического общества от 1765 г., в основ-
ном занимавшаяся вопросами сельского хозяйства, не вклю-
чила соответствующего вопроса. В топографических и отдель-
ных экономических описаниях губерний и наместничеств почти
отсутствуют соответствующие указания для губерний Цен-
трально-промышленного и Центрально-земледельческого райо-
нов, не говоря уже о Северном и Северо-западном. Подобные
указания отсутствуют даже в таких обстоятельных описаниях,
как Левшина по Тульской и Болховитинова по Воронеж-
ской губ., где фрукты не показаны в большом перечне товар-
ной продукции губернии. Только описание Владимирской губ.
отмечает большое число вишнёвых садов.

Трактовка вопроса в Топографических описаниях должна объясняться тем, что помещичье садоводство имело в целом потребительский, а не предпринимательский характер. Помещичьи инструкции совершенно не останавливались на вопросе о содержании плодовых садов. О разведении плодовых культур с торговой целью не говорят и специальные исследования по отдельным вотчинным хозяйствам. М. А. Казаринова отметила плодовые сады в тульских вотчинах Голицыных, но в их рыночных продажах фрукты не значатся. В нижегородской вотчине Юсуповых значился сад, но он отдавался за денежный оброк крестьянам, как и мельница, за 100 руб. в год, а крестьянский мир сдавал его в откуп с торгу[1].

Этот вопрос требует, по-видимому, дополнительного изучения.

К самому концу XVIII в. относятся первые опыты разведения в Московской и Тульской губ. сахарной свёклы для промышленной переработки, принёсшие блестящие результаты в первой половине XIX в. Удельный вес всех этих начинаний в общем развитии сельского хозяйства XVIII в. оставался крайне незначительным.

По-видимому, в силу той же трудоёмкости обработки, а
также более сложных условий рыночной реализации не по-
лучило распространения в помещичьем хозяйстве и торговое
огородничество, остававшееся в основном занятием промысло-
вых сёл Центрального района, а также Нижнего Поволжья
(бахчеводство). Огородничество в помещичьих хозяйствах

[1] См. *Т. П. Ржаникова*, Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья на-
кануне восстания Е. Пугачева (рукопись кандидатской диссертации),
стр. 801 и сл.

Тульской губ., на которое указывает М. Казаринова, было рассчитано, по-видимому, только «на домовый обиход» и не связано с рынком.

Особая форма использования помещиком пахотных земель — сдача их в аренду в качестве оброчных статей; последнее имело место как в барщинных, так и в оброчных вотчинах.

Сдача помещичьей земли в аренду — обычное явление, особенно в оброчных вотчинах, и во многих хозяйствах составляло относительно крупную статью дохода. В приходо-расходной ведомости Усольской вотчины за 1804 г. наряду с крупной выручкой от продажи господского хлеба значилась сдача в аренду около 3500 дес. пашни и сенокоса за общую плату 3386 р. 91 к. в год. 1416 пустошей, числившихся во владимирской вотчине графа Воронцова и составлявших 2300 дес. земли, сдавались в «кортому» (аренду) крестьянам[1].

7. Луга и пастбища. Скотоводство

Во второй половине XVIII в. отмечается значительный рыночный спрос на сено, особенно на городском рынке. Последний, несомненно, связан со значительным ростом извоза в связи с общим ростом товарооборота в стране, а также с перегоном значительных партий скота, в первую очередь на столичные рынки Москвы и Петербурга для личного и промышленного потребления[2]. «Топографическое описание Курской губ.» исчисляло продажу сена по губернии в размере 2 млн. копён на сумму 300 000 руб. в год; но продажа относится, видимо, в основном на счёт крестьянских хозяйств[3].

Отдельные помещичьи инструкции уделяют внимание содержанию лугов и их расширению. Особенно ясно говорит об этом инструкция М. М. Голицына 1767 г.: «Собственные мои луга ежегодно расчищать и в поросль лесную не запускать, а сенокосы начинать прежде крестьянской работы...» (п. 11). О казённых лугах и сенокосах значится в инструкции дворцовому управителю с. Бобрики 1762 г. (п. 19), об обеспечении косцов говорится в «Наказе» Нарышкина по крапивенской вотчине (п. 13)[4]. Надо, однако, отметить, что в изученных вотчинных фондах нет записи о применении в помещичьем хозяйстве специального травосеяния, пропаганда которого

[1] См. *Е. И. Индова*, Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых, стр. 70.

[2] См. донесения петербургских и московских губернаторов, ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59091, 1795 г., л. 3—4 и др.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, ч. V, разд. XV, л. 203.

[4] «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. III, М. 1897, стр. 339; «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г.; ЦГАДА, ф. 1272, д. 67.

начинает появляться в специальной экономической литературе. Единственное упоминание о травосеянии можно отметить по вотчине Межакова в Вологодской губ.; но надо учесть, что именно в этом районе известно раннее введение травосеяния местными крестьянами; культура палошника (тимофеевка) в Вологодской губ. отмечена в экономической литературе [1]. Нет у нас также прямых указаний на продажу сена помещиками. Напротив, документы помещичьих хозяйств и экономическая литература систематически говорят, особенно по центральным районам, о недостатке лугов и пастбищ для содержания необходимого поголовья скота, даже в размерах, отвечающих потребностям зернового хозяйства. Вопрос обеспечения лугами и сенокосами в помещичьем хозяйстве неразрывно связан со скотоводством как одной из основных отраслей сельского хозяйства.

Скотоводство в помещичьем хозяйстве имело двоякое значение: самостоятельное — продуктивное и подсобное — для хлебопашества. В экономической литературе ставился вопрос о зависимости земледельческого, зернового хозяйства от развития скотоводства в связи с решающей ролью органического удобрения — навоза, а в южных степных районах — о применении выбивания пашни путём выгона скота после уборки урожая [2]. Вопрос о необходимой соразмерности земледелия и скотоводства был поставлен с большой настойчивостью в первых статьях Болотова, начиная со статьи 1768 г. «Примечания о хлебопашестве вообще», критиковавшей нерасчётливую погоню помещиков за механическим расширением пашни, без обеспечения удобрением [3].

Недостаток скота он объяснял отсутствием особых пастбищ и тем, что помещичьи скотные дворы — «худшее и последнейшее строение в доме». Вслед за Болотовым эти вопросы поднимали Ф. Удолов, Ливанов и другие русские агрономы XVIII в.

Состоянию скотоводства в России отводился ряд вопросов в анкете «Вольного экономического общества» 1765 г. (п. 42—50). При этом почти все ответы по центральным губерниям говорят о полном отсутствии конских заводов и скотных дворов или пользуются более осторожной формулой — «хороших и больших заводов нет». Так, анкета по Юрьев-Польской пров. отмечает лишь у некоторых помещиков небольшие конские заводы (п. 48) [4]. По Галицкой пров. (будущей Костромской губ.) показаны конские заводы «малые»

[1] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века.

[2] Например, в «Топографическом описании Тамбовской губ.».

[3] См. «Труды ВЭО», ч. IX, стр. 28—60; ч. XV, стр. 1—65; ч. XVII, стр. 175—189; «Экономический магазин», ч. XVII, стр. 36—44.

[4] ЦГИАЛ, ф. 91 (ВЭО), д. 381, л. 298.

и «неважные» [1]. Ответ по Владимирской пров. говорит об отсутствии хороших и больших заводов, нет больших заводов по Переяславль-Залесской [2], «очень мало» заводов по Шуйской пров. [3] Только по Рязанской пров. значилось несколько конских заводов; на помещичьи конские заводы указывал и проезжавший по Рязанской пров. в 1760-х годах Фальк [4]. На отсутствие конских заводов и «надлежащих» скотных дворов и овчарен указал Болотов в ответе по Каширской пров. (будущей Тульской губ.) [5]. Исключение представляла только Кашинская пров. (будущей Тверской губ.), по которой ответ указывает много конских заводов [6]. Несколько лучшие показатели даются по южным земледельческим губерниям: конские заводы имелись в Елецкой пров., причём на некоторых отмечались лошади лучших пород; много конских заводов указано по Воронежской пров. и по Слободской Украине, но здесь с особой оговоркой — «породистых нет». Конские заводы, в частности у «знатных помещиков», значились и в ответах по восточным провинциям — Арзамасской и Алатырской. Но в других восточных провинциях — Ставропольской, Бугульминской — заводы не показаны [7].

С данными анкет 1765 г. довольно близко сходятся данные «Топографических описаний» 1780-х годов, хотя они содержат несколько более высокие показатели. Подобно ответам на анкету, описания также отмечают почти одни конские заводы и лишь единичные «заводы» крупного рогатого скота и овчарни. В «Топографических описаниях» совершенно отсутствуют помещичьи конские и скотные заводы по Центральному промышленному району, кроме одной Московской губ., где конские заводы отмечены в Звенигородском уезде (8 заводов и по одному в Дмитровском и Клинском [8]). Как и по ответам на анкету Вольного экономического общества, на Северо-западе резко выделялась Тверская губ., по которой указано 42 конских завода, из них в Кашинском у. 14, в Ржевском 13 и в Краснохолмском 6. По-видимому, здесь сказывалось наличие достаточных пастбищ при малоблагоприятных почвенных условиях для хлебопашества и преобладании промысловых занятий у крестьян [9]. К Тверской губ. отчасти

[1] «Труды ВЭО», ч. X, стр. 90, п. 48.

[2] См. «Труды ВЭО», л. 271, 233.

[3] Библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отд. рукописей, F. X, п. 48.

[4] ЦГИАЛ, ф. 91, д. 324, л. 286.

[5] См. «Труды ВЭО», ч. II, стр. 192, 193.

[6] ЦГИАЛ, ф. 91, д. 329, л. 19, 161, 145, 162, 130, 121.

[7] Там же, л. 201, 145, 182, 152.

[8] См. «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами».

[9] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.», извлечённое из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—84 гг., Тверь 1873.

примыкает смежная Смоленская губ., в которой значилось 9 конских заводов [1]. В остальных северо-западных губерниях не показано ни одного конского завода. Не значились они и в прибалтийских — Рижской и Ревельской губ. с их по тому времени высокоразвитым и притом товарным сельским хозяйством; по-видимому, в этих губерниях помещичье скотоводство было полностью подчинено интересам их земледельческого хозяйства. Отсутствуют указания на конские и «скотские» заводы в Поволжье, Приуралье и северных губерниях; единственные упоминания имеются лишь по Лаишевскому и Ставропольскому у. [2], по последнему с особой оговоркой — «породный», с указанием на европейские породы и на ценность от 200 до 700 руб. за штуку [3].

Паллас в описании своего путешествия отметил в этом районе лишь крупное государственное конское хозяйство в Починках, в юго-восточной части будущей Нижегородской губ. [4]

Что касается Приуральского района, то развитое здесь скотоводство было полностью связано с деятельностью казачества, украинцев-переселенцев (черкас) и многочисленного нерусского населения — татар, башкир и др.; помещичье же предпринимательство было целиком обращено на промышленную, заводскую деятельность.

В центральном земледельческом районе отсутствуют соответствующие указания для более северных губерний — Тульской, Рязанской, Орловской (единичные упоминания имеются по Орловскому и Севскому у.), Пензенской, а по Тамбовской значилось только 7 конских заводов [5]. Их число возрастает в южных степных частях Курской и Воронежской губ. По Курской губ. описание Ларионова указывает 29 конских заводов [6]. Помещичьи конские заводы, «заводы» крупного рогатого скота и овчарни отмечает также более раннее описание Воронежской губ. конца 70-х годов по Острогожскому, а также Беловодскому у., но они значительно больше говорят о крестьянском скотоводстве [7].

Полностью отсутствуют указания на помещичье заводское скотоводство в Харьковской губ., где скотоводство показано в качестве основного занятия украинского крестьянства, прежде всего из бывшего казачества.

Единственным районом помещичьего крупного предпринимательского скотоводства, согласно Топографическим описа-

[1] ЦГВИА, ВУА, ф. 19939, л. 11.
[2] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 488, л. 205.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19025.
[4] См. *П. С. Паллас*, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, Спб. 1809, стр. 95.
[5] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 538, л. 2—16.
[6] См. *Ларионов*, Описание Курского наместничества, М. 1786.
[7] См. «Материалы по истории Воронежской и соседних губерний», вып. XV, стр. 1640 и сл., особенно стр. 1946 и 2008 (п. 4 и 5).

ниям, выступала Левобережная Украина, так называемая Малороссийская губ. в составе позднейших Полтавской, Черниговской и Новгород-Северской губ., в основном уезды, вошедшие в две первые. По Топографическому описанию Малороссийской губ. на конец XVIII в. здесь значилось в общей сложности 199 конских заводов, 207 «заводов» крупного рогатого скота и 209 овчарен [1]. Особенно были богаты такими заводами уезды Полтавской и южной части Черниговской губ. — Полтавский, Лубенский, Роменский, Кременчугский, Хорольский, Прилукский, Пирятинский, Золотоношский, Гадячский, Переяславский. Среди владельцев — ряд представителей крупной знати, имевших по нескольку заводов, часто в разных уездах. Так, у А. Г. Разумовского значилось 3 конских завода, 2 «завода» крупного рогатого скота и 2 овчарни в 5 различных уездах, причём на «заводе» крупного рогатого скота в Полтавском у. числилось 1300 голов, а на овчарне — свыше 5000; за графом Завадовским состояло 5 заводов в 3 уездах; ряд заводов принадлежал графу Безбородко, графине Потёмкиной, Гудовичу и представителям украинского дворянства — Милорадовичу, Свечке и др. На конских заводах отмечалось разведение породистых лошадей стоимостью в несколько сот рублей каждая. Возможно, что такое развитие скотоводства в местных помещичьих хозяйствах было связано с низкой товарностью местного хлебопашества, ещё не вышедшего на всероссийский рынок и даже на местном рынке оттесняемого привозным хлебом из соседних (Курской, Воронежской) губерний, покрывавших нужды местного винокурения. В местном помещичьем хозяйстве конские и «скотские заводы» соединялись с широким промышленным предпринимательством; у большинства таких помещиков, прежде всего у названных выше крупных землевладельцев, состояли и многочисленные промышленные предприятия, в первую очередь мельницы и крупные винокуренные заводы с производством на некоторых по нескольку десятков тысяч вёдер вина, поставлявшегося в казну (отходы с винокуренных заводов шли на содержание скота), а также суконные, кожевенные, железные, селитренные и др.

По сравнению с «Топографическими описаниями» и анкетами, положенными в основу данного порайонного обзора, «Экономические примечания» представляют второй важный источник по описанию страны на последнюю четверть XVIII в. Опираясь на сплошное описание отдельных хозяйств, Экономические примечания учитывали и сравнительно малозначительные, мелкие предприятия, не имевшие особого значения в экономике района. Поэтому они дают в целом большее число предприятий. В данном случае это относится главным образом к конским заводам. Экономические примечания по Московской

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, л. 2.

губ. называют конские заводы по ряду крупных вотчин различных уездов, как барщинных, так и оброчных, причём в большинстве случаев — наряду с другими сельскохозяйственными предприятиями: мельницами, «плодовитыми садами», винокуренными заводами, а также промышленными предприятиями. Относительно большое число конских заводов значилось по Центральному земледельческому району [1]. В Пензенской губ. конские заводы значились почти за каждым крупным землевладельцем, как Воронцовы, Долгорукие, Шувалов; то же по Орловскому у. Орловской губ. [2]

К концу века начало распространяться крупное помещичье скотоводство на базе обширных пастбищ Воронежской губ. Среди них особое место занимал возникший в 1780-е годы Хреновский конский завод А. Г. Орлова в Бобровском у., насчитывавший 3000 лошадей, овчарню в 50 000 овец со значительной товарной продукцией. Но предприятие Орлова — единственное в России XVIII в.; ему посвящена специальная монография в советской исторической литературе [3].

Более значительные данные о распространении помещичьих конских заводов и животноводческих ферм содержатся в непосредственной документации отдельных помещичьих вотчин. О скотоводстве и конских заводах говорят инструкции Румянцева, Голицына по с. Любашевке Тульской губ., М. Щербатова по его ярославской вотчине, А. Межакова по вологодской вотчине, инструкция по дворцовой вотчине с. Бобрики. Конские заводы и скотные дворы отмечены по большинству обследованных вотчинных хозяйств. Два конских завода, один скотный двор и одна овчарня состояли в саранской вотчине Полянских; коневодство, скотоводство и разведение черкасских овец отмечено в вотчине Воронцовых в том же Саранском у. Конский завод и значительное количество рогатого скота указывает И. Катаев в Усольской вотчине В. Г. Орлова. Вотчинный архив М. М. Щербатова содержит материал о конском заводе его ярославской вотчины. Скотоводство и коневодство играли немалую роль в развитии помещичьего хозяйства Саратовской губ. [4]

Среди данных об отдельных помещичьих конских заводах (мы не говорим о Хреновском заводе с его особым характе-

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 31, д. 118, 48, 56, 89 — сводные табели; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, ч. V. Общие показатели по губернии; по отдельным уездам значится: в Корочанском — 6, Фатежском и Суджинском по 5, Новооскольском — 4, Богатинском и Тимском — по 3 и т. д.; данные отдельных текстов описаний не совпадают.

[2] Два конских завода по 150 лошадей в с. Архангельском (Симбукино) с дер. Мокшанского у., ЦГАДА, Межевой архив, ф. 20, л. 26, дачи 6 и 12.

[3] См. *В. О. Витт*, Из истории русского коннозаводства.

[4] См. *Е. Н. Кушева*, Хозяйство Саратовских дворян Шахматовых, «Известия АН СССР», VII серия, отделение гуманитарных наук, № 7, стр. 575—604, и № 8, стр. 673—693 (особенно последняя часть).

ром) резко выделялся лишь завод А. Межакова в Вологодской губ. У него уже к концу века числилось свыше 100 лошадей и до 300 коров, причём поголовье скота продолжало увеличиваться в течение первой четверти XIX в. Продажная цена лошадей определялась в 300—400 руб. Но такие черты вотчинного хозяйства с его выраженным предпринимательским характером оформились лишь к началу XIX в., и оно представляло заметное исключение не только для Вологодской губ. [1] Коннозаводство Шереметева к концу XVIII в. было полностью сосредоточено в его Серебрянопрудской вотчине и по вотчинной документации находилось в состоянии совершенного упадка [2].

На конском заводе Щербатова поголовье оставалось в пределах 2—3 десятков, продажи были единичны; завод обслуживал нужды самого владельца [3]. Топографическое описание Тверской губ. против большинства конских заводов отмечает «отсутствие продажи, разведение лошадей для собственной езды», «на свой обиход» и лишь в двух случаях прямо говорит о продаже лошадей в Москве по цене от 100 до 200 руб.; причём на одном заводе значится 140 лошадей, а на другом — только 17 [4]. Приходо-расходная ведомость по Усольской вотчине не содержит никаких указаний на продажу скота, — напротив, значится покупка 260 рабочих быков на 5342 руб., т. е. скотный двор ещё только создавался [5]. Распоряжение о покупке рогатого скота у своих крестьян для расширения господского стада значится в инструкции Ф. И. Голицына приказчику с. Любашевки [6]. Согласно инструкции управителю дворцового с. Бобрики, конский завод насчитывал только 4 жеребца и 20 кобыл, 500 шлёнских и 1000 черкасских овец, причём предписывалось увеличить их число до 5000 [7].

Небольшие размеры и самый характер помещичьего скотоводства находят своё наглядное отражение и в том, что, кроме Малороссийской губ., вся многообразная документация говорит не о «заводах» рогатого скота и овец, а о скотных, или скотских, дворах и овчарнях, не придавая им тем самым специального промышленного значения. Это стоит в прямой связи и с качеством помещичьего скота, отсутствием племенного, породистого скота и лошадей, о чём говорили и

[1] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, стр. 28, 40.

[2] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметева стр. 55—56.

[3] ЦГАДА, ф. 1289, д. 674 и др.

[4] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.»

[5] См. *И. М. Катаев*, указанная диссертация, стр. 52—53 и 70—71.

[6] См. «Университетские известия» № 11, Киев 1910 г., стр. 245—252, п. 9; также п. 10, 11, 28.

[7] См. «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г., стр. 308—309.

приведённые выше ответы на анкету Вольного экономического общества. Об этом же свидетельствуют и все приведённые указания вотчинной документации о пополнении помещичьего стада в основном за счёт непосредственной закупки скота у местного, главным образом у собственного, крестьянства. С этим же связано преобладание указаний на так называемых черкасских коров и овец, т. е. украинских, закупленных у крестьянства и казачества степной Украины[1]. Этому соответствуют и отдельные указания в ответах на анкету Вольного экономического общества и в Топографических описаниях на обычные цены скота — в основном в пределах 10—20 руб. для крупного рогатого скота и лошадей[2] и в несколько десятков рублей за лошадь с помещичьих конских заводов, тогда как стоимость породистых лошадей (главным образом иностранных пород) по лучшим конским заводам определялась в несколько сот рублей за штуку.

Незначительность помещичьего скотоводства и, в частности, коневодства Болотов в статье «Замечания о неравенстве в нашем Отечестве, а больше ещё в Карачевских местах скотоводства с земледелием» прямо связывал с недостатком пастбищ — лугов и сенокосов и отсутствием заботы о кормах: «инде пашенную землю отдают внаймы, а луга нанимают и нередко зимою дорогою ценою покупают сено»; помещики не имеют «особенных пастбищ», а пасут скот прямо «на пару̀». Эти замечания относятся Болотовым к основному сельскохозяйственному району — к Центральной чернозёмной области; с не меньшим основанием оно может быть отнесено к Центральному промышленному району. В этом отношении показательно, что даже немногие опыты заводского коневодства в Центральном районе, видимо, не могли рассчитывать на успех. Так, по данным исследователя русского коневодства В. О. Витта, начало коннозаводства А. Г. Орлова в его Отрадненской вотчине Московской губ. потерпело неудачу и получило развитие лишь к концу XVIII в. после перенесения его на богатые и обширные пастбища на вновь пожалованных ему землях Бобровского у. Воронежской губ. Только с этого Хреновского завода А. Г. Орлова начинается подлинная история русского коннозаводства[3].

В целом для основной территории России в XVIII в. рыночное, товарное значение помещичьего скотоводства оставалось незначительным, его удельный вес в общем рыночном обороте продуктов скотоводства был ничтожен.

---

[1] См., например, Румянцевскую инструкцию, инструкцию управителю дворцового с. Бобрики, материалы Воронцовских заводов и др.

[2] Примерно 20 руб. составляла средняя стоимость одного быка в указанной покупке по Усольской вотчине В. Г. Орлова.

[3] См. *В. О. Витт*, Из истории русского коннозаводства.

Нам не встречалось также данных о развитии рыболовства в помещичьих хозяйствах. Пруды с рыбой, заведённые во многих, особенно в крупных, вотчинах[1], обслуживали, по-видимому, лишь собственные потребности помещика. Рыба значилась, как правило, в составе столовых припасов, поставляемых крестьянами. В самом помещичьем хозяйстве рыбные ловли фигурировали главным образом в качестве одной из оброчных статей. Так, в обширной Усольской вотчине В. Г. Орлова, включавшей особенно доходные рыбные ловли на Волге, последние отражены лишь в виде 9 оброчных статей в приходо-расходной ведомости в общей сумме 5114 руб. В качестве особой оброчной статьи, наряду с мельницами, фигурировала рыбная ловля и в хозяйстве Шереметевских вотчин[2]. В инструкции И. И. Шувалова в его владимирскую вотчину с. Мыт с деревнями рыбные ловли также значились в числе оброчных статей с указанием «оброчить по возможности» (разд. II, п. 2)[3].

8. Лесное хозяйство

Особенно крупным источником помещичьих доходов была эксплуатация лесных угодий. В середине XVIII в. в руках помещиков сосредоточивались огромные массивы строевого и дровяного леса. Во второй половине века обнаружился значительный спрос на лес в центральных и северных районах, который непрерывно рос в связи с усиливавшимся городским строительством, строительством судов и потребностью в дровяном топливе, в частности для быстро умножавшихся фабрик и заводов.

Только для Петербурга поступало ежегодно несколько тысяч плотов дров по р. Неве, а в зимнее время поступление дров на петербургские базары уже к началу января составляло около 3000 возов и значительно возрастало за январь, февраль и март[4]. Крупным потребителем леса была Москва с её многочисленным населением и с большим числом промышленных предприятий. Что касается строительства судов, то, по самым примерным расчётам, к концу века строилось не менее 5000 судов ежегодно[5]. Большой расход леса на Севере был

---

[1] Ср., в частности, указание на заведение прудов Болотовым в Княсовской и Богородицкой вотчинах, «Записки А. Т. Болотова», кн. 3, письма 179, 188, 199 и др.

[2] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых. Приложение, табл. 2, стр. 288—291.

[3] См. «Университетские известия» № 7, Киев 1909 г., стр. 225.

[4] ЦГАДА, р. XVI, д. 280, л. 40—41; там же, ф. 1244, оп. 390; д. 59091, 1795 г., л. 3—4.

[5] См. *Н. Л. Рубинштейн*, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 93 и др.;

связан с развитием морского судоходства и с экспортом кора-
бельного леса. Огромное потребление леса вело к быстрому уничтожению лесных ресурсов Центрального района; не слу-
чайно в порядок дня ставился вопрос о рационализации лес-
ного хозяйства. Вопрос о рациональном лесоводстве с систе-
матическим восстановлением лесного хозяйства в связи с уменьшением леса и растущей дороговизной начинает систе-
матически ставиться в агрономической литературе [1].

Правительство в свою очередь пыталось ограничить хищни-
ческую эксплуатацию лесов; с этим были связаны указы о за-
прещении «топорных» судов, т. е. судов из дерева, тёсанного топором, а не из распиленного леса, что вело к значительной потере дерева; специальное вознаграждение хозяевам за каждое судно, возвращавшееся из Петербургского порта на Волгу (обычно большая часть их после второго и даже пер-
вого рейса продавалась там на топливо). Проектировалась постройка новых систем каналов между Волгой и Невой, так как Вышневолоцкая система не могла справиться с двойным потоком судов [2]. Указы запрещали возведение новых судострои-
тельных заводов и требовали ликвидировать большую часть старых в радиусе 200 *км* от Москвы [3].

Значение лесных угодий в помещичьих вотчинах ярко вы-
ступает из данных об удельном весе лесов в помещичьем зем-
левладении Московской губ. при хозяйственной связи с круп-
ным потребительским рынком Москвы [4]. В оброчных вотчинах лес составлял основную доходную статью, причём в значитель-
ном числе вотчин бросается в глаза крайняя диспропорция ме-
жду лесом и другими угодьями. Но такая же диспропорция наблюдалась и в ряде барщинных вотчин, подчёркивая и в этих вотчинах самодовлеющее значение лесного хозяйства. Так, в Богородском у. за помещиками состояло около 60% всех лесных угодий: в 52 оброчных вотчинах значилось 48 000 дес.

об этих вопросах подробнее см. в специальном разделе о торговле и транспорте.

[1] См. *Леман*, Мнение о лесах, «Труды ВЭО», ч. III, 1766, стр. 93—115; *А. Т. Болотов*, О рублении, поправлении и заведении лесов, там же, ч. IV, стр. 69—149, 1766; ч. V, стр. 78—132, 1767; *П. Рычков*, О сбережении и размножении лесов, там же, стр. 84—112; *А. Т. Болотов*, Экономический магазин, ч. III, 1780 г.; № 65 — Сохранение лесов от порубок и № 67 — О лесах и о способе сохранения их от порубок, и др.

[2] ПСЗ, т. XII, № 9497, 29. IV. 1748 г., № 9544, 24. X. 1748 г., т. XV, № 10926, 18. II. 1759 г.; т. XVII, № 12314, 19. I. 1765 г., № 12460, 25. VIII. 1765 г., и др.; т. XIX, № 13963, 20. III. 1763 г. В связи с этим указы о строительстве новых каналов между Волгой и Балтийским морем: т. XV, № 11495; т. XVI, № 12081; т. XVII, № 12452. См. об этом в письмах нов-
городского губернатора Сиверса Екатерине II, ЦГАДА, р. XVI, д. 788, ч. I, л. 112—114, 150—151 и др.

[3] ПСЗ, т. XIV, № 10285, 30. VIII. 1753 г. Вопрос не был закончен ещё в начале 1770-х годов; см. ф. 249 (Правит. Сенат), д. 3946, л. 241—856.

[4] См. выше гл. II.

леса — 66% состоявшего за ними земельного фонда; в 161 барщинной даче — 70 339 дес., или свыше 70%. Из круп-
ных оброчных вотчин у Я. Брюса было 416 дес. пашни и 6 948 дес. леса на 227 д. м. п.; в вотчине Е. Д. Голицыной — с. Гребенево, Топорково и др. — 3 507 дес. леса, или 70% всей земельной дачи; то же у Всеволожских, Бестужева-Рюмина и др. [1] Барщинные вотчины, принадлежавшие крупной знати, состояли почти сплошь из лесов, чем подчёркивается значение леса как основной, хозяйственной статьи: у Григория Волкова из 9905 дес. угодий — 8918 дес. леса, при 512 д. м. п.; у Ра-
зумовского из 1854 дес. земельного фонда — 1763 дес. строе-
вого леса; во владении И. А. Салтыкова из 2012 дес. — 1874 дес. строевого леса и т. д. [2]

Богородский у. принадлежал к числу наиболее богатых лесом в губернии. Но аналогичное положение наблюдалось и в значительно менее лесистом Верейском у., где в крупных вотчинах лесные угодья в 6—8 раз превышали площадь па-
хотных земель [3].

По описанию Московской губ. 1781 г., пригон леса в Мо-
скву из уездов по рекам Москве, Рузе, Озерне и Истре оцени-
вался в несколько сот тысяч рублей [4].

Другой характерный район сосредоточения лесных угодий в помещичьих руках — Верхнее Поволжье, губернии Ярослав-
ская и Костромская. В Мологском у. Ярославской губ. в ру-
ках крупных владельцев были сосредоточены огромные мас-
сивы леса как в оброчных, так и в барщинных вотчинах, насчитывавших тысячи и даже десятки тысяч десятин. Только в одной вотчине Ф. Н. Голицына (с. Прозорово и др.) значи-
лось 57 545 дес. леса строевого и дровяного; в трёх оброчных вотчинах Нелединского-Мелецкого было свыше 6000 дес. леса; тысячи десятин леса состояли во владении разных мелких помещиков. То же положение наблюдалось в барщинных вот-
чинах Мусина-Пушкина, П. А. Шипова и др. [5]

Для смежного Рыбинского у. было особенно характерно большое количество пустошей и «въезжего островного лесу», отведённых крупным владельцам, за которыми значились ты-
сячи десятин леса. Так, за Голенищевым-Кутузовым состояло в уезде 46 дач, из них только 9 деревень и селец, в которых в совокупности было 94 двора; в то же время в них числилось 1659 дес. леса, в 3 дачах «въезжего» леса с совладельцами — 4007 дес. Аналогичную картину дают владения Н. Г. Голов-

---

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 13, д. 7, дачи 114, 210, 289.

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 13, д. 7, дачи 74, 128, 125 и др.

[3] Там же, д. 12, дачи 90, 106, 220, 222, 226 и др.

[4] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 531, л. 23.

[5] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 35 (Ярославская губ.), д. 23, дачи 129, 861, 1013, 1052; 283, 403; 6, 10, 12, 118, 150, 152, 156; 416, 1237.

кина, Г. Г. Орлова и др.[1] Большое число владельцев пустошей с лесом отмечалось и в приволжском Угличском у., среди них П. Б. Шереметев, Голицыны и многочисленные представители местного провинциального дворянства[2]. В Романовском у. отмечаются Вяземские, Ал. Гр. Орлов, Юсупова, Трубецкие и др.; характерны владения братьев Ушаковых из 44 дач, в числе которых 30 пустошей и в них около 9000 дес. леса[3].

Точно такие же данные можно привести для приволжских уездов Костромской губ. Так, в Кинешемском у. за Н. Ф. Вяземским при 11 д. м. п. на оброке состояло 115 дес. пашни и 1389 дес. леса, за А. П. Зубовой при 35 д. м. п. и 260 дес. пашни — 2831 дес. леса[4].

Из приведённых данных видно, какое исключительное значение придавало дворянство приобретению в этих районах именно лесных угодий, а господство здесь оброчной системы и сравнительная ограниченность душевладения подтверждают, что его основным интересом являлась товарная эксплуатация леса. Несомненна связь этого интереса для данного района с волжским судоходством и вызванным им судостроением.

К приволжскому району в этом отношении примыкал и Приднепровский район, особенно в конце XVIII в., когда Россия овладела обоими берегами Днепра и землями по его нижнему течению. Лес составлял большую ценность в крупных земельных дачах, пожалованных русской знати в Белоруссии; известно, в частности, что Потёмкин использовал полученные им обширные лесные угодья для поставок леса на строительство Черноморского флота; постройка стругов и сплав леса производились и на левых притоках Днепра — по Десне, Сейму.

В третьей группе губерний — Тульской, Калужской, Орловской, с одной стороны; Тамбовской, Пензенской, Казанской — с другой, эксплуатация помещичьих лесов связана в значительной мере с промышленной деятельностью, с потребностью местных фабрик и заводов, прежде всего в предпринимательстве самого помещичьего хозяйства.

В более лесистых северных уездах Тульской губ. — Алексинском, Венёвском, Тульском, Новосильском — сравнительно ограниченные лесные ресурсы почти целиком находились в руках частных владельцев — помещиков и владельцев предприятий. Так, в Алексинском у. из общего количества лесов около 39 000 дес. (около 23% всей земельной площади) 35 000 дес., т. е. свыше 90%, принадлежали частным владельцам, в том числе весь строевой лес в количестве около

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 35 (Ярославская губ.), д. 48.
[2] Там же, д. 156.
[3] Там же, д. 40.
[4] ЦГАДА, ф. 11, д. 22, дачи 536, 545, 437 и др.

10 000 дес.; в Тульском у. из общей площади около 88 000 дес. частным владельцам принадлежало свыше 50 000, в том числе 15 265 дес. строевого и около 30 000 дес. составляли казённые леса, обеспечивавшие прежде всего Тульский оружейный завод. Те же пропорции отмечались и в менее обеспеченных лесом Белёвском, Венёвском, Новосильском у. (свыше 80% за частными владельцами). Среди местных землевладельцев значились и крупные заводчики — Демидовы, Лугинины, Мосоловы и др.[1]

В двух уездах Орловской губ. — промышленном Брянском и соседнем Трубчевском — были сосредоточены крупные лесные массивы, охватывавшие 70% всей площади. В Брянском у. за частными владельцами состояло около половины всего лесного массива, составлявшего 433 000 дес.; причём половина частновладельческих лесов приходилась на оброчные вотчины, в которых лес составлял около 75% всей площади. Крупные лесные массивы принадлежали известным заводчикам Демидовым с Похвисневыми, Мосоловым, Гончарову, Голицыным, имевшим здесь же небольшой железоделательный завод. Всего в уезде по Топографическому описанию значилось 4 крупных металлургических завода, 2 помещичьи «фабрики» и 21 винокуренный завод.

В то же время чисто товарный характер имели, видимо, крупнейшие лесные владения, исчислявшиеся десятками тысяч десятин, принадлежавшие князю Мещерскому, А. И. Шуваловой, местным помещикам Т. Ф. Тютчеву, Безобразову, Бахтину, Небольсину и др. Эти владельцы продавали лес на месте или сплавляли, в первую очередь в украинские губернии; в одной из вотчин Мещерского вместе с указанием на строевой лес площадью свыше 10 000 дес., при 31 крестьянском дворе, было оговорено и наличие пильной мельницы; по Топографическому описанию уезда здесь было 18 пильных мельниц у разных помещиков[2].

В восточных губерниях — Пензенской, Казанской и др. — огромные лесные владения крупного дворянства являлись прежде всего основой его промышленного предпринимательства, базой быстрого развёртывания крупного помещичьего винокурения с заводами, вырабатывавшими до100 тыс. ведёр вина в год; винокурение было особенно развито в хлебной Пензенской губ.;

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 31, «Экономические примечания по Тульской губ.»; д. 11, Алексинский у., д. 106, Тульский у.; по всем уездам имеются сводные таблицы.

[2] См. «Топографическое описание Орловского наместничества», ГИМ, Отдел письменных источников. А. — 1097, л. 100 об. и сл., л. 150 об. и сл.; ЦГАДА, Межевой архив, ф. 19, Орловской губ., д. 14, дачи Демидова и Похвиснева 113, 170, 171, 172, 173, 175; Гончарова — 113, Мосоловых — 172, 173, Шуваловой — 129, Мещерского — 130, 202, 371; Тютчева Т. Ф. — 76, 101, 105, 121, 181, 199 и др.; Небольсина — 125, 83, 161; Бахтина — 119, 135 и др.

отмечается также значительное развитие стекольной и железоделательной промышленности [1]. Расход леса на винокуренные заводы предусматривала и инструкция П. Румянцева по его нижегородской вотчине (разд. IV А, п. 26) [2]. Здесь же сохраняло заметное значение поташное производство.

В приуральском заводском районе лес был непосредственно отведён владельцам к их заводам.

Оставляя в стороне непосредственную эксплуатацию лесов внутри вотчины, можно отметить два пути рыночной реализации лесных богатств, присущих и барщинным и оброчным вотчинам: непосредственную продажу леса участками на сруб и переработку его на собственных пильных мельницах для продажи на рынок в виде досок, тёса и т. п. Пример того и другого представляла ярославская оброчная вотчина князя М. М. Щербатова. Переписка М. М. Щербатова с приказчиками систематически отмечает сделки на продажу леса участками на сруб. Так, в переписке 1783 г. отмечена сравнительно крупная сделка на продажу 34 дес. строевого леса, реализованная покупщиком в течение трёх лет, с 1780 по 1782 г., и давшая Щербатову 3100 руб., по 91 руб. с делянки [3]. В 1786 г. в поисках более выгодной цены помещик назначил в продажу «боровово соснового лесу, которого повелеваю продать 5 десятин раздробительно по десятине, полудесятине и по четверти, ибо я почитаю сию продажу выгоднее» [4]. Наряду с этим работала пильная мельница, на которую крестьяне обязаны были по раскладке срубить и доставить из господского леса определённое количество брёвен, распиливаемых на проходы, доски и горбыли [5].

Князь Щербатов посвятил эксплуатации пильной мельницы пункты 9—25 V части инструкции 1758 г., в которых детально предусматривалась не только распиловка леса на продажу, но и порядок покупки и заготовки покупного леса для последующей перепродажи на рынок в виде досок и тёса. Инструкция предусматривала оплату крестьянам за доставленный лес в размере половины барыша против рыночной цены на покупной лес; а продажу досок и тёса предлагалось производить по подрядам и контрактам или мелкими партиями в Ярославле со двора князя И. А. Щербатова; при этом точно предусматривался порядок и размер оплаты крестьянам за работу по перевозке лесоматериалов [1].

---

[1] Ср. «Топографическое описание Пензенского наместничества», Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 525; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18911 и 18912.

[2] См. «Университетские известия», № 12, Киев 1903 г., стр. 11.

[3] ЦГАДА, ф. 1289, д. 550, л. 2 об. и 55.

[4] Там же, д. 613, 1794 г., Ведомость оклада и приёма лесной повинности с крестьян Ярославской вотчины; д. 624 за 1794 г., Ведомость на пиление досок и брёвен.

[5] ЦГАДА, ф. 1289, д. 613, 1794 г., Ведомость оклада о приёме лесной повинности с крестьян Ярославской вотчины; д. 624, 1794 г., Ведомость на пиление досок и брёвен.

Таким образом, здесь отчётливо выступала попытка перевести эксплуатацию лесного хозяйства на предпринимательские начала. Топографические описания показывают особенно большое число помещичьих пильных мельниц в районе Верхней и Средней Волги (в частности, в Казанской и Пензенской губ.), в Северо-Западном крае, особенно в Петербургской губ., в Прибалтике с её лесным экспортом и в некоторых других губерниях. По средневолжской вотчине Воронцовых — с. Спасскому Саранского у. с дачами в Пензенской и Симбирской губ. — указана рубка мачтового леса для экспорта. Лесопильная мельница и строительство разных судов отмечены также в Свияжской вотчине Нарышкиных и связаны с волжским судоходством [2]. В Пензенской губ. в Архангельской вотчине Куракина в третьей четверти XVIII в. наряду с использованием лесов для собственных промышленных предприятий имеются указания на продажу крупных партий леса по контрактам соседним помещикам с использованием труда собственных крестьян на рубке и вывозке леса (например, на винокуренный завод княгини Голицыной) [3].

9. Промышленное предпринимательство

Крупной доходной статьёй в помещичьем вотчинном хозяйстве второй половины XVIII в. становилось промышленное и промысловое предпринимательство. В разрезе настоящей темы специальный интерес представляет промышленное предпринимательство как форма реализации сельскохозяйственного сырья, стоящая в тесной и непосредственной связи с помещичьим сельским хозяйством.

На первом месте стояли мучные мельницы и тесно с ними связанные «толчеи» и крупорушки; как мы видели, крупа наряду с зерном и мукой составляла основную товарную продукцию помещичьего зернового хозяйства.

Мы не располагаем исчерпывающими данными о числе помещичьих мельниц; относительно полные данные Топографических описаний в своих суммарных подсчётах включают мельницы крестьянские, особенно малороссиян, войсковых обывателей и однодворцев, а также экономических крестьян и казённые мельницы. Наряду с этим мельницы являлись

---

[1] ЦГАДА, д. 358, 1761 г., л. 12—14.

[2] См. *Т. П. Ржаникова*, Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева, стр. 306—316.

[3] См. *Э. С. Коган*, Волнение крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева, стр. 181—183 и др.

необходимой принадлежностью каждой крупной вотчины. Наибольшая концентрация помещичьих мельниц отмечалась, с одной стороны, в районах развитого хлебопашества — в центральном земледельческом районе и в Малороссийской и Харьковской губ.; с другой — в районах крупного хлебного торга, как Московская губ. или губернии Верхнего Поволжья. В ряде крупных вотчин Московской губ., особенно с ярко выраженным предпринимательским хозяйством, экономические примечания отмечают по нескольку мельниц, обычно крупных: так, в вотчине А. Г. Разумовского в Можайском у. — с. Болшево, Карачарово, Поречье с деревнями — значилось 5 мельниц, в вотчине князя Черкасского в Подольском у. — 3 мельницы, в вотчине Голицына и Ягужинского Звенигородского у.— по 2 мельницы в каждой и т. д. [1]

Интересно отметить концентрацию помещичьих мельниц в хлебных и в приволжских уездах Костромской губ., где за помещиками состояло 80—90% всех мельниц, за исключением Костромского у. с большим числом мельниц у экономических крестьян. Такое же положение отмечалось и в Ярославском у. Особенно крупную концентрацию мельниц в руках отдельных помещиков можно указать по Угличскому у.: здесь за П. Б. Шереметевым в его Юхотской вотчине (с. Большое, Новое Покровское, Никольское, сл. Пятницкая и др.) значилось 25 мельниц с толчеями, за Голицыными в с. Поречье с деревнями — 7 мельниц и 2 толчеи [2].

В Центральном земледельческом районе данные о мельницах в сводных табелях по губерниям показывают почти полное сосредоточение мельниц в помещичьих руках. Особенно сильную концентрацию мельниц в крупных вотчинах дают южные, чернозёмные губернии с их значительным развитием хлебопашества, возможно — и с учётом нужд местного помещичьего винокурения. В крупной голицынской вотчине Севского у. с. Радогощ с деревнями значилось 5 мельниц и 3 винокуренных завода [3]. В Курской губ. в богатинской вотчине графа Г. И. Головкина сл. Тамаровке состояло 7 мельниц, в Старо-Оскольском у. в сл. Орлик Д. Ю. Трубецкого — 5 мельниц, там же в двух вотчинах Салтыкова — 6 мельниц и т. д. [4]

Не менее яркую картину дают «Экономические примечания Воронежской губ.». В Бирючской вотчине Шереметева (сл. Алексеевская и др.) показано 16 мельниц, в вотчине А. П. Щербатова Павловского у. — 5 водяных и 3 ветряные мельницы,

[1] См. ЦГАДА, Межевой архив, «Экономические примечания», ф. 13, д. 34, дача 307; д. 41, дача 163; д. 24, дачи 96 и 148.
[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 35, д. 51, дачи 313 и 160.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 19, д. 69, дача 37.
[4] ЦГАДА, ф. ВУА, д. 18800, ч. III, разд. VII, дача 89; разд. IX, дачи 90, 95, 105.

в сл. Воронцовке А. Р. Воронцова в том же уезде — 7 мельниц и 5 толчей, в Валуйском у. у князя Куракина — 4 мельницы и т. д. [1]

Эксплуатация мельниц носила двоякий характер в вотчинном хозяйстве — непосредственная эксплуатация помещиком и сдача в аренду из оброка, — притом независимо от формы его организации — барщинной или оброчной, хотя в оброчных вотчинах, видимо, преобладала отдача мельниц «из оброка». Однако инструкция ярославской вотчины Щербатова от 1758 г., т. е. при переводе вотчины на оброк, говорит о непосредственной эксплуатации мельницы как помещичьего предприятия, определяя меры по возможному расширению её деятельности. Доход помещика состоял при этом из денежной платы за помол и так называемой «лопаточной» муки, или «лопаток» (ч. V, специальный п. 6 «О зборе денек и лопаток»). Содержание мельницы и её ремонт ложились на крестьян. Крестьяне обязывались весь помол муки производить только на помещичьей мельнице. Другая форма — отдача мельницы за оброк или на откуп. В той же Щербатовской вотчине, согласно приходо-расходной ведомости 1771 г., две мельницы состояли в крестьянской аренде и сумма оброка с каждой составляла 200 руб. [2]

По инструкции И. И. Шувалова с мельницы предусматривался денежный сбор за помол (разд. II, п. 4). С. К. Нарышкин в инструкции 1775 г. предписывал отдать мельницу на откуп на 10 лет с повышением годовой платы также до 200 руб. (п. 11). Оброчный денежный доход с мельниц, как и с рыбных ловель, выделен специальной статьёй по всем вотчинам Шереметева в документе за 1765 г. Эксплуатация «при изделье» упоминается в записках Карновича [3].

Сдача мельницы в оброк отмечена и в оброчной Безводненской вотчине Юсуповых (Нижегородской губ.), тогда как Куракин сам эксплуатировал свои мельницы в пензенской и саратовской вотчинах. Обе формы эксплуатации, повидимому с преобладанием непосредственной эксплуатации самим помещиком, отмечаются по Усольской вотчине В. Г. Орлова: в приходо-расходной ведомости, на которую мы уже не раз ссылались, значатся отдельно арендная плата за мельницы в сумме 505 руб. и доход с господских мельниц в 2450 р. 30 к., не говоря о значительной работе мельниц непосредственно на господское хозяйство, поскольку только в продаже значилось 25 000 чтв. ржаной муки.

[1] ЦГАДА, Межевой архив, «Экономические примечания», ф. 6, д. 9, дача 10; д. 131, дачи 1 и 7; д. 46 и др.
[2] ЦГАДА, ф. 1289, д. 468, 1771 г., л. 14.
[3] См. «Русская старина» № 7, июль 1876 г., стр. 570, и *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 288—293.

Второй крупной отраслью промышленного предпринимательства в помещичьем хозяйстве на базе хлебопашества было винокурение. Фонд дворцового отдела ЦГАДА содержит специальный учёт всего винокурения по губерниям, проведённый в 1790-е годы. В ведомостях чётко различаются винокурни и собственно винокуренные заводы, обеспеченные специальным оборудованием и работавшие в основном на продажу. Особенное распространение мелких винокуренных заведений характерно для южных хлебных районов, где правом винокурения пользовались также малороссийские войсковые обыватели и однодворцы. Развитие помещичьего винокурения было связано с возделыванием зерновых культур и наличием леса. Данные показывают, что топливо на винокуренных заводах в основном использовалось местное — отсюда сосредоточение крупных помещичьих заводов в районах, обеспеченных лесом, — тогда как хлеб в основном закупался на рынке — у собственных крестьян и у соседних помещиков. В связи с этим обозначились основные районы крупного помещичьего винокурения: Центральный промышленный район с прилегающими северными уездами Центрального земледельческого района — Тульской и Рязанской, к которым на востоке примыкают Тамбовская и Пензенская, на западе — Смоленская губ. Кроме того, некоторое количество крупных винокуренных заводов выделилось в Харьковской и Малороссийской губ. с их плохо обеспеченным сбытом хлеба.

Помещичье винокурение было связано с тяжёлой эксплуатацией крепостного труда на самом предприятии и на разных вспомогательных работах, против него направлялась массовая крестьянская борьба.

В Центральном промышленном районе наибольшее число крупных винокуренных заводов с продажей в несколько тысяч вёдер и выше было сосредоточено в Московской губ., где их числилось 16, из них 8 — с производством от 10 000 до 20 000 вёдер вина и 1 завод, С. С. Гагарина в Рузском уезде, поставлявший в казну свыше 60 000 вёдер; большинство этих заводов находилось в барщинных вотчинах [1]. Особенно большое число крупных винокуренных заводов было сосредоточено в Тульской, Калужской и Рязанской губ. В Рязанской губ. отмечался ряд помещичьих винокуренных заводов с производством от 25 000 до 30 000 вёдер, а завод В. В. Долгорукова давал 68 949 вёдер вина в год, потребляя 14 000 чтв. покупного хлеба [2]. На востоке, как указано, наибольшее значение получило винокурение в Тамбовской и особенно в Пензенской губ., где его распространение падало именно на конец XVIII в. В Пензенской губ. сказывался рост хлебопашества, особенно в южных уездах, при трудных условиях вывоза и реализации

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59302.
[2] Там же, д. 59176, 59307.

хлеба и при хорошей обеспеченности помещичьих вотчин лесом. В губернии 10 заводов производили свыше 20 000 вёдер вина, особенно выделялся по числу крупных винокуренных заводов Городищенский у. [1] В других волжских губерниях крупные заводы были единичными, а в Нижегородской, с её широким вывозом хлеба (к балтийским портам, в Архангельскую губ. и на Нижнее Поволжье) крупные заводы совершенно отсутствовали [2].

Растущий предпринимательский характер помещичьего винокурения особенно ярко сказался в широком обращении владельцев к рынку сырья, к покупке хлеба, показывающей, что винокурение постепенно приобретало самодовлеющий характер в помещичьем хозяйстве. Другое проявление предпринимательства в винокурении выражалось в том, что помещики, обратившиеся к винокурению и обеспечившие сбыт его продукции путём казённого откупа, начинали распространять его в ряде других своих вотчин. Такое положение было характерно для Тульской губ., где, например, С. С. Гагарин имел заводы в вотчинах трёх различных уездов, в общей сложности почти на 30 000 вёдер, А. И. Игнатьев — 5 заводов в четырёх уездах на 34 000 вёдер. В Рязанской губ. мелкий помещик М. В. Мурашев имел 4 винокуренных завода более чем на 20 000 вёдер; заводы были расположены в хлебных уездах губернии и работали на собственном хлебе. Это положение характерно и для Городищенского у. Пензенской губ., где Куракин в конце века имел 3 винокуренных завода производительностью свыше 100 000 вёдер, местные помещики Столыпины — 5 заводов свыше чем на 60 000 вёдер и т. д. [3]

Наиболее крупные землевладельцы распространяли своё винокурение на ряд губерний. Так, С. С. Гагарин кроме заводов в Тульской губ. имел винокуренный завод в Рузском у. Московской губ. на 61 600 вёдер. А. И. Игнатьев также кроме тульских заводов имел завод на 6500 вёдер в Подольском у. Московской губ.; у кн. Ю. В. Долгорукова крупные заводы были в Московской (1), Калужской губ. (2); у А. И. Бахметьева, владельца ряда стекольных заводов, винокуренные заводы были в Калужской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ.; многочисленные винокуренные заводы состояли в вотчинах Воронцовых, Голицыных и др.

А. Межаков, владелец винокуренного завода в Вологодской губ., обеспечив себя казённым подрядом на поставку вина, завёл 2 винокуренных завода в Поволжье, очевидно, с учётом лучшего обеспечения района рыночным хлебом [4].

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59317, 59177.
[2] Там же, д. 59180.
[3] Там же, д. 59176, 59307, 59177.
[4] См. *Л. И. Андреевский*. Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века.

В Малороссийской губ. при значительном распространении мелких винокурен крупное предпринимательство оказалось сосредоточенным в руках небольшого числа представителей знати из украинских помещиков, таких, как Разумовские, Безбородко, Завадовский, Кочубей, к которым присоединялись некоторые представители крупной великорусской знати и прежде всего генерал-губернатор Украины в период 1760—1770 гг. П. А. Румянцев, а также Неплюев, Юсупов и др. В отличие от великорусских вотчин здесь помещичье винокурение не сосредоточивалось на крупных заводах, а велось на большом числе мелких предприятий: так, в одном Глуховском повете за Кочубеем значилось 19 заводов общей производительностью свыше 27 000 вёдер вина в год, за Г. М. Неплюевым — 16 на 22 700 вёдер, за П. А. Румянцевым — 14 на 13 200 вёдер и т. д.[1]

Эти черты помещичьего винокурения определяют его большое значение не только в истории помещичьего сельского хозяйства, но и в истории помещичьей мануфактуры.

Для второй половины XVIII в. в связи с изысканием средств к повышению доходности вотчинного хозяйства характерны и другие виды промышленного предпринимательства и растущая эксплуатация промысловых навыков крестьян. Мы уже видели выше, что целый ряд инструкций (Румянцева, Щербатова, Нарышкина, инструкция управителю дворцовой волости с. Бобрики) специально предусматривали обучение крестьян мастерству. На это указывали и отдельные проекты «наказов управителям», в частности Болотовский.

Наиболее простой формой такой эксплуатации, фактически повсеместно распространённой, было существовавшее во всех вотчинах, как барщинных, так и оброчных, прядение и ткачество — льняное, посконное и суконное, иногда дополнявшееся витьём верёвок и изготовлением неводов. Прядение и ткачество лежали на женской части крестьянского двора. Каждый крестьянский двор должен был поставлять на господский двор в течение года определённое количество пряжи и готовой ткани. Перерастание эксплуатации промысловой деятельности крестьян в промышленное предпринимательство нашло отражение в создании вотчинных парусно-полотняных и суконных промышленных предприятий-мануфактур — от отдельных станов, работающих исключительно «на домашний обиход» помещика до более крупных предприятий, производивших ткани на рынок, на продажу. Подобное постепенное перерастание прядильно-ткацкой домашней работы крестьян в вотчинную полотняную мануфактуру даёт полотняная мануфактура в ярославской вотчине М. М. Щербатова, организо-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, особенно Глуховский, Стародубский, Мглинский поветы.

ванная в 1760-е годы, пользовавшаяся крестьянской оброчной пряжей с постепенным расширением рыночной покупки пряжи и переходом к сбыту готовой продукции купцам-скупщикам[1].

При этом растущий предпринимательский характер помещичьего хозяйства сказывался в усилении самодовлеющего значения его промышленного предпринимательства. Для крупного помещичьего хозяйства было характерно в этой связи сочетание в одном хозяйстве, в одной вотчине различных промышленных предприятий, а также то, что такие промышленные предприятия создавались не только в барщинных, но и в оброчных вотчинах. В звенигородской вотчине Ягужинского кроме 2 мельниц и 1 конского завода были заведены 1 суконная и 1 каразейная «фабрики»; суконная «фабрика», мельницы и конский завод значатся в оброчной вотчине Н. М. Голицына в том же уезде. Суконная, ковровая и кружевная «фабрики» значились в оброчной вотчине с. Никольском с деревнями Клинского у.[2] В саранской вотчине Полянских наряду с 2 конскими заводами, скотным двором, овчарней и 2 винокуренными заводами, заведёнными в 1777 г., состояли полотняная, суконная и ковровая «фабрики» и кирпичный завод[3]. Сочетание различных предприятий характеризует и вотчинное хозяйство А. Межакова в Вологодской губ.: конский завод, 3 винокуренных завода, содержание в одной четверти Сереговского соляного завода (по договору с купцом Митрополовым), не говоря о других коммерческих предприятиях, как откуп содержания почтовой службы по Вологодской губ.[4]

Более детальное рассмотрение этих вопросов относится к истории промышленности XVIII в. К истории торговли относятся такие специальные доходные статьи помещичьего хозяйства, как сельские торги и крестьянское отходничество.

10. Итоги

Итак, развитие собственно помещичьего хозяйства во второй половине XVIII в. характеризовалось двумя основными положениями. С одной стороны, определяющее значение получали общий рост товарно-денежных отношений, развитие и расширение рыночных связей, переход к товарному производству в сельском хозяйстве. С другой — собственно помещичье хозяйство оставалось связанным господством феодально-крепостного строя, крепостными формами труда, опиралось на

[1] ЦГАДА, ф. 1289, д. 358 — 1761 г., 373 — 1762 г., 409 — 1764—1766 гг., 426 — 1766 г., 495 — 1774 г., 550 — 1783/84 г. и др. (указы приказчикам).

[2] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 14, д. 24, дачи 96 и 148; д. 26, дача 807.

[3] См. *И. А. Булыгин*, Указанная диссертация, стр. 138—160.

[4] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, стр. 3—5.

мелкое крестьянское хозяйство, как на свою производственную базу, и оказывалось тем самым в определённой зависимости от его развития. Этим определялись конкретные рамки развития и внутренние противоречия организации помещичьего хозяйства.

Организационная структура помещичьего хозяйства исключала действительную интенсификацию и ограничивала сферу его сельскохозяйственного предпринимательства. Таково распространение системы использования природных ресурсов и разного рода вотчинных предприятий в качестве оброчных статей, сдаваемых в аренду, сопровождающее перевод крестьян на денежный оброк. В состав оброчных статей входили пустоши и сенокосы, сады и рыбные ловли, мельницы и толчеи.

Сюда же примыкала эксплуатация обширных лесных богатств в качестве одной из основных доходных статей вотчинного хозяйства. Значение леса определялось ростом рыночного спроса, связанным с возросшими нуждами городского строительства и судостроения, стремительно возросшими потребностями промышленности в топливе, а также топливными нуждами растущих городов. Монополия феодальной земельной собственности закрепляла за помещиками распоряжение обширными лесными массивами, а реализация леса не требовала особых хозяйственных затрат.

Непосредственно в области сельского хозяйства помещичье предпринимательство сосредоточивалось в основном на хлебопашестве, но и здесь ведущее значение принадлежало менее требовательным, традиционным «чёрным» хлебам — ржи, овсу, ячменю. Наряду с этим во второй половине XVIII в. в более южных районах начинают выдвигаться крупяные культуры — гречиха, затем просо. Лишь в ограниченном размере появляется в помещичьем хозяйстве посев пшеницы. Для помещичьего зернового хозяйства было характерно слабое внедрение более интенсивных и трудоёмких культур. Трудоёмкие технические культуры с их высокой товарностью представляли почти безраздельную принадлежность крестьянского хозяйства. Это относилось к наиболее распространённым товарным техническим культурам русского сельского хозяйства — льну, конопле, табаку. Принадлежностью крестьянского хозяйства по тем же причинам оставались торговое огородничество и садоводство и такие специальные сельскохозяйственные промыслы, как пчеловодство и рыболовство; в садоводстве и рыболовстве самостоятельная роль принадлежала купечеству и частично мещанству. Только к концу XVIII в. относится широкая постановка вопроса о технических культурах со стороны помещичьей агрономии.

Что касается промышленного скотоводства, то оно вступало только в свою начальную стадию, лишь постепенно втягиваясь в сферу помещичьего предпринимательства. Черты

промышленного предпринимательства были свойственны ещё немногим помещичьим хозяйствам, преимущественно в области коннозаводства, частично связанного с государственными нуждами и государственным хозяйством. Оно получило распространение прежде всего в южных районах, лучше обеспеченных сенными покосами (Воронежская, Орловская, Малороссийская губ.); здесь возникли немногие крупные предприятия, среди которых особо выделялся Хреновский завод Орлова — может быть, единственное выдающееся явление русского помещичьего коннозаводства конца XVIII в. В целом преобладали мелкие конские заводы, скотные дворы и овчарни, связанные больше с внутренними нуждами помещичьего хозяйства и лишь спорадически и в незначительных размерах выступавшие на рынке.

Отставание помещичьего предпринимательства сказалось и на основной отрасли помещичьего сельского хозяйства — на хлебопашестве. И здесь многочисленные факты говорят об определённой ограниченной товарности помещичьего зернового хозяйства. Значительная часть продукции шла на удовлетворение внутренних нужд, включая её переработку внутри вотчины.

Материалы XVIII в. показывают, что и в этой области ведущее значение оставалось за крестьянским хозяйством, что на рынке господствовал крестьянский хлеб, обеспечивавший даже потребности помещичьего предпринимательства. Установившееся в литературе в отношении XIX в. утверждение о подавляющем господстве на рынке помещичьего хлеба не может быть распространено на XVIII в. Скорее оно само должно быть взято под сомнение, во всяком случае в такой крайней формулировке, и требует дополнительной проверки в свете новых материалов XVIII в. Вместе с тем эти материалы наносят новый удар разоблачённой Лениным фальсификаторской теории легальных марксистов о передовой роли дворянского крепостного хозяйства в развитии русского сельского хозяйства XVIII и первой половины XIX в.

Отставание в области сельского хозяйства помещик стремился возместить развитием разного рода промышленного и промыслового предпринимательства, опирающегося на феодальную эксплуатацию дарового крестьянского труда. В помещичьем хозяйстве крупную роль приобрели мельницы, толчеи, сукновальни, винокуренные заводы и разного рода мануфактуры и заводы, так или иначе связанные с помещичьим землевладением и хозяйством. Но значительный рост капиталистической мануфактуры к концу XVIII в. подрывал позиции этого помещичьего предпринимательства, а расширение рынка сельскохозяйственных продуктов усиливало стремление помещичьего хозяйства к овладению этим рынком и к оттеснению крестьянства с занятых им позиций. Выражением этой

тенденции явилось резкое расширение господского хозяйства с распространением и усилением барщины, усиленный интерес господского хозяйства к разведению технических культур, обозначившийся в 90-е годы XVIII в. При этом расширение господской запашки и помещичьего скотоводства, особенно характерное для первой четверти XIX в., вылилось в прямое наступление помещичьего хозяйства на крестьянское.

Всё это говорит о том, что помещичий класс, вынужденный решать новые задачи, поставленные перед ним ходом исторического развития — ростом товарного производства и капиталистических отношений, продолжал исходить из феодальных основ своего хозяйства. Опираясь на вытекавшие из феодальной собственности на землю крепостнические права, помещик доводил до предела эксплуатацию крестьянства: он развивал предпринимательство и создавал разного рода вотчинные предприятия на базе принудительного, в большей части дарового труда крестьян или экспроприировал бо̀льшую часть доходов растущего крестьянского хозяйства путём систематического увеличения оброка и разных дополнительных видов обложения крестьян. Используя монопольный характер феодальной собственности на землю, помещик становился на путь хищнического использования материальных ресурсов страны, выражавшегося в эксплуатации лесных богатств, в массовом распространении винокурения, поглощавшего огромные массы хлеба, и т. д.

Всё это сводило на нет отдельные рационализаторские начинания, обозначившиеся в помещичьем хозяйстве, являлось источником его производственной отсталости и застоя, говорило о растущем процессе его внутреннего разложения, означавшем разложение самой феодальной системы.

Противостоявшее указанной судьбе помещичьего хозяйства одновременное развитие крестьянского хозяйства с его внутренней перестройкой представляло другую сторону этого процесса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЙ НАДЕЛ. ЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА

1. Постановка вопроса

В условиях феодализма крестьянское хозяйство являлось основой всего сельского хозяйства. Во второй половине XVIII в. сельское население России, по официальным данным, составляло свыше 96%, и даже при внесении соответствующих поправок, с учётом населения промышленно-промысловых сёл и отхода на городскую мануфактуру, удельный вес собственно сельского населения не спускался ниже 90%, в том числе и для промышленного центра [1]. Крестьянское хозяйство в условиях сохранявшегося господства феодализма являлось определяющей базой и всего помещичьего сельского хозяйства, строившегося не только на крестьянском труде, но и на крестьянском инвентаре и тягловой силе, т. е. на сельскохозяйственной технике крестьянского хозяйства.

Рост товарного производства порождает многообразные формы «соединения промысла с земледелием», начинающегося уже на стадии продуктовой ренты в виде «соединения деревенской домашней промышленности с земледелием» и получающего полное развитие при господстве денежной ренты, которая «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства...» [2], т. е. в период развития капиталистического уклада. Однако земледелие в рассматриваемый период сохранило решающее значение в крестьянском хозяйстве.

В силу господства феодально-крепостнических отношений земледелие оставалось основным источником обеспечения непосредственных потребительских нужд крестьянской семьи, даже в условиях отхода части работников на промыслы.

[1] Ср., например, расчёты Э. Нерсесовой по Костромской провинции на 1760-е годы, «Исторические записки», АН СССР, кн. 40, 1952 г., стр. 160.

[2] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 810; см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 328—331.

крестьянское сельское хозяйство непосредственно обеспечивало сырьём и промысловые занятия крестьянского двора, в силу чего разведение технических культур — льна, конопли и хмеля, на юге табака — оставалось также обязательной принадлежностью крестьянского хозяйства. Сюда же примыкало и крестьянское скотоводство как источник тягловой силы для земледелия, источник продуктов потребления и промыслового сырья (шерсть и пр.), наконец, как источник средств для специальных промысловых занятий (извоз). Именно устойчивое сохранение этих непосредственных функций крестьянского сельского хозяйства требовало регулярного возвращения в село на время сельскохозяйственных работ, особенно в период уборки хлебов и сенокоса, большей части даже тех отходников, которые уже прочно связались с мануфактурой, превратившись уже фактически в мануфактурных рабочих.

С потребительными функциями непосредственно связано распространение крестьянского хлебопашества на все районы России, вплоть до самых северных, несмотря на явно неблагоприятные природные условия — климатические и почвенные, приводящие к систематическим неурожаям. Пашня и посев — обязательная составная часть крестьянского хозяйства даже в Архангельской губ. (кроме одного Кольского у.). Отсюда борьба крестьян Архангельской губ. и северо-восточных уездов Вологодской губ. за землю в Уложенной комиссии 1767 г., о которой речь была выше [1].

Земледелие, и в частности хлебопашество, остаётся обязательным занятием сельского населения и в Центральном промышленном районе, исключая только отдельные торгово-промышленные сёла с их завершившейся промышленно-промысловой специализацией и полным отрывом от сельского хозяйства. Для второй половины XVIII в. число таких сёл ещё ограничено, и, как убедительно показывает пример Ивановской вотчины Шереметевых, процесс отрыва населения от хлебопашества не захватил даже ближайшего приселья, сохранившего земледельческий характер [2]. На принципиальное различие села и приселья, на естественное сочетание отдельных неземледельческих центров и прилегающей земледельческой округи В. И. Ленин указывал, как на основную черту периода складывания капитализма.

Определяющая роль земледелия не снимается, а лишь получает новое содержание и усложняется в условиях роста товарного производства и развития новых экономических отношений. Во-первых, само сельское хозяйство получает товарный характер, т. е. новую производственную направленность, что

[1] См. выше, гл. I.

[2] См. *А. М. Разгон*, Крестьяне Ивановской вотчины Шереметевых во II половине XVIII в. (автореферат диссертации), М. 1951.

ведёт к принципиальным структурным изменениям его организации, к развитию его функций, отражаясь в какой-то мере на самой технике хозяйства. Во-вторых, как уже отмечалось, неизбежно меняется и характер соединения земледелия с промыслом, также принципиально изменившего свою социально-экономическую природу. Экономическая литература XVIII в. уже совершенно конкретно ставила вопрос о практическом соотношении сельского хозяйства и промыслов, об удельном весе промысловых доходов в экономике крестьянского хозяйства [1].

Изучение этих изменений представляет значительные методологические и технические трудности, вызываемые прежде всего сложностью и разнородностью состава крестьянства, распадающегося на многочисленные группы и категории по своему формально-юридическому положению — помещичьих, дворцовых, экономических, черносошных и т. д. Установление общих черт развития всего комплекса крестьянского хозяйства крайне усложняется конкретными различиями и особенностями, обусловленными как различиями правового положения указанных отдельных категорий крестьянства, так и экономическими особенностями районов, получающими всё большее значение именно в связи с новым развитием общественно-экономических отношений и присущим им территориальным разделением труда. Наконец, с новым экономическим развитием связан процесс непосредственного экономического расслоения крестьянства, представляющего основное социальное явление рассматриваемого периода.

Старая, буржуазная историография в изучении крестьянства перенесла центр вопроса в правовую плоскость. Первая попытка систематической характеристики крестьянства второй половины XVIII в. в работе историка — народника В. И. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II» (1881—1901) построена целиком в плане рассмотрения обособленных правовых групп, причём руководящее значение отводится определяющим законодательным положениям и правительственной политике. Отсюда сложившееся в старой историографии и прочно укоренившееся перенесение этих правовых различий на экономические характеристики, прежде всего решительное противопоставление помещичьих крестьян государственным, или, по позднейшей терминологии, казённым, как находящимся в более благоприятном не только правовом, но и экономическом положении.

В том же плане стояло и второе обычное противопоставление уже внутри группы помещичьих крестьян — между барщинными и оброчными, которое в свою очередь исходило из

[1] Например, в топографических и экономических описаниях губерний и наместничеств, как «Генеральные соображения по Тверской губ.», подворное описание Архангельской губ., описание Тульской губ. В. Левшина и др.

сближения последних в отношении их правового положения с государственными. И в том и в другом случае по существу смешивался вопрос собственно экономического состояния крестьянского хозяйства с его правовым положением: возможностью распоряжения наличными экономическими ресурсами и прежде всего собственной рабочей силой. Изучение реальных экономических отношений подменялось формально-юридическими толкованиями. Преувеличивалась при этом степень самих правовых различий, игнорировалась однородность феодальной эксплуатации крестьянства со стороны помещика и крепостнического государства, на которую указывал В. И. Ленин и которая особенно усилилась именно в XVIII и в первой половине XIX в.

В то же время буржуазная историография настойчиво уходила от вопросов социально-экономического расслоения крестьянства и, напротив, прямо отрицала его, развивая антинаучную теорию нивелировки крестьянского хозяйства. Эти положения с особенной настойчивостью проводились в основных работах по истории крестьянства и сельского хозяйства таких авторов народнического направления, как В. И. Семевский, Н. Огановский и др.[1] Сокрушительная критика этих порочных концепций была дана В. И. Лениным, особенно в его исследовании «Развитие капитализма в России», раскрывшем действительный процесс разложения русского крестьянства[2]. Ленинские исследования социально-экономического развития России были положены в основу советской историко-экономической литературы. Экономика крестьянского хозяйства второй половины XVIII и первой половины XIX в. стала предметом монографических исследований, но последние в большей своей части ещё не опубликованы и их выводы не нашли соответствующего обобщения в литературе. При этом самый охват материала, как в количественном, так и в территориальном отношении, остаётся ещё весьма неполным и относится в основном к помещичьим крестьянам[3].

Конкретное изучение показало, что в ходе исторического развития крестьянского хозяйства *уже во второй половине XVIII в. решающее значение получает именно группировка хозяйства по экономическим признакам, тогда как правовые группировки всё более отступают на второй план.* Необходимо при этом отметить, что правовые особенности значительно больше сказываются в сфере торгово-промышленной деятельности, слабее отражаясь на развитии сельского хозяйства. Экономиче-

[1] См. *Н. Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, ч. II — Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов 1911, стр. 314—318, 279—288.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 3—58 (особенно 13—54), 203—206; т. 3, гл. II.

[3] Перечень основных работ см. выше — «Введение».

ская характеристика отдельных групп крестьянских хозяйств определяется прежде всего их группировкой по экономическим районам. Сложившейся в ходе растущего территориального разделения труда экономической характеристике районов соответствует основная экономическая характеристика крестьянских хозяйств каждого такого района. Эти черты распространяются на все категории крестьянства данного района и лишь в рамках этой общей экономической характеристики могут рассматриваться частные особенности последних.

Общий процесс крестьянского расслоения определяет основное деление всего крестьянства в целом на экономические группы, на социальные прослойки, проходящие через все юридические группировки и разлагающие их изнутри. Юридические различия могут сказываться только на степени интенсивности общего процесса, главным образом в связи с крупной активизирующей ролью промышленной деятельности в расслоении крестьянства, учитывая относительно большие возможности государственных крестьян по сравнению с помещичьими, помещичьих оброчных — по сравнению с барщинными.

Тем более характерно, что в пополнении рядов складывающейся буржуазии за счёт крестьянства бывшие помещичьи крестьяне, как показывает история купеческих фамилий, занимают весьма значительное место. В какой-то мере результатом этого общего процесса являлось, видимо, и фактическое стушёвывание многообразных юридических группировок крестьянства (государственные, экономические, однодворцы и др.), растворившихся к концу XVIII в. в общем понятии казённых крестьян.

Эти общие положения находят своё непосредственное раскрытие в применении к конкретному вопросу о крестьянском наделе как основном материальном условии крестьянского сельского хозяйства.

Вопрос о крестьянском наделе был поставлен уже в указанной монографии В. И. Семевского, и он же первый привлёк к его решению такой важнейший источник, как экономические примечания к генеральному межеванию XVIII в., в порядке выборочных расчётов норм надела на душу по губерниям. Однако рассмотрение вопроса Семевским страдает рядом существенных недостатков методологического порядка.

Прежде всего Семевский смешал и механически отождествил две принципиально различные проблемы: размер крестьянского надела и среднюю обеспеченность землёй сельского населения. Обеспеченность землёй в конечном счёте определяет лишь расчёт соотношения для соответствующего территориального деления между наличной удобной землёй, в частности пахотной, и соответствующей массой всего или рабочего мужского населения, не учитывая ни фактического изъятия части земель из крестьянского пользования (пустоши, господская

запашка), ни конкретного распределения земли между крестьянскими дворами. Речь идёт, таким образом, об условной расчётной единице, которая определяет только в какой-то мере экономические возможности района и может служить известной мерой для характеристики практических отклонений в экономике отдельных хозяйств или групп хозяйств. Условность соответствующего расчёта наглядно выступает в связи с вопросом о пустошах, число которых в отдельных уездах достигает значительных размеров; самое обозначение земель пустошами определялось тем, что они не были отмежёваны в общих дачах с населёнными пунктами. В ряде случаев пустоши могли обрабатываться крестьянами смежных селений, но во многих случаях имеются прямые указания на эксплуатацию их владельцами в порядке оброчных статей. Таким образом, эти земли не состояли в пользовании крестьянства и не могут входить в расчёт его общей обеспеченности. Правда, в качестве арендатора мог выступать крестьянский мир, т. е. крестьянство тех же уездов, но значительная часть пустошей сосредоточивалась в порядке аренды в руках небольшой зажиточной верхушки крестьян; в то же время пустоши могли оставаться неиспользованными или использованными не по назначению (например, использование пахотных земель под выгон скота). Последнее, в частности, характерно как раз для южных районов нового освоения, в центральной чернозёмной полосе, где уже отмечалось наличие огромных пустошей в связи с вопросом о захватах обширных земель в период генерального межевания; в данном случае вопрос касался в первую очередь казённых земель или земель, числившихся за государственными крестьянами разных категорий [1].

О резком разрыве между наличием пахотных земель и их фактическим использованием говорит также сопоставление средних погубернских норм обеспеченности пашней на 1 д. м. п. и среднего размера посева хлеба на 1 д. м. п. Размеры последних могут быть исчислены на основе ведомостей посева и урожая хлебов, составлявшихся по губерниям и включавшихся в губернаторские донесения, особенно полно представленные за 80-е и 90-е годы XVIII в. [2] В отдельных ведомостях данные о площади посева специально выделяются; в остальных случаях они могут быть исчислены с относительной точностью на основе показанного размера посева в зерне, исходя из установленной нормы высева основных культур с учётом известных колебаний по районам. Полученные нами показатели сведены в нижеследующую таблицу. Необходимо только учитывать, что площадь посева включает озимое и яровое поля; площадь фактического использования пахотной земли включает ещё

[1] См. выше, гл. 1.

[2] См. ЦГАДА, р. XVI, ф. 1244.

Сравнительная таблица средней обеспеченности пахотной землёй и посевами на 1 д. м. п. по губерниям [1]

Название губернии	Пахотной земли в десятинах		Посев в десятинах	Количество земли с учётом пара	% неиспользования пахотной земли
	по V ревизии	по экономическим примечаниям			
I. Центральный промышленный район					
Московская	2,5	3,1	1,0		
Владимирская	3,6	3,5	1,2		
Ярославская	2,8	3,0	1,3		
Костромская	3,8	4,2	1,25		
Калужская	3,2	3,5	1,0—1,3		
Средние по району	3,2	3,5	1,2	1,8	55
II. Северо-западный торгово-промысловый район					
Тверская	3,2		1,3		
Смоленская	4,0	4,7	1,25		
Псковская	3,8	4,0	0,8		
Новгородская	4,1	4,1	1,6		
Петербургская	2,8		1,3		
Средние по району	3,6		1,28	1,9	52
III. Центральный чернозёмный район товарного земледелия					
Тульская	4,2	5,7	1,3		
Рязанская	3,8	3,5—4,5	2,2		
Орловская	4,4	5,0	2,1		
Курская	4,2	5,4	2,1		
Тамбовская	4,1	5,6	2,0		
Воронежская	4,3	6,7	1,2		
Пензенская	4,2	4,8	2,0		
Средние по району	4,2	5,0—6,0	1,9	до 3,0	67—50
IV. Юго-западный сельскохозяйственный район					
Харьковская	4,5—5				
Малороссийская [a]	5,5				
V. Средневолжский район					
Нижегородская	4,0		1,5		
Казанская	7,2		1,7		
Симбирская	6,0		1,8		

[a] Малороссийская губ. существовала в 1796—1801 гг., включая прежние Черниговскую, Новгород-Северскую и Киевскую губ., в дальнейшем разделилась на Черниговскую и Полтавскую с некоторыми изменениями поуездного состава.

[1] Таблица составлена на основе данных V ревизии населения.

Название губернии	Пахотной земли в десятинах		Посев в десятинах	Количество земли с учётом пара	% неиспользования пахотной земли
	по V ревизии	по экономическим примечаниям			
Саратовская	6,0		1,6		
Средние по району	5,7		1,6	2,4	42
VI. Приуральский район					
Вятская	5,8		2		
Пермская	6(4)		1,5		
Оренбургская (Уфимская)	6		2,3		
Средние по району	6		1,9	3,0	50
VII. Северный промысловый район					
Вологодская	2,5		1		
Архангельская	0,9		0,5		
Олонецкая	3,2		0,6		
Средние по району	2,4		0,8	1,0	40

третье поле, остающееся под паром, так что показания площади посева подлежат увеличению на 40—50%. Мы оставляем в стороне более частные коррективы, связанные, например, с широким использованием росчистей — особенно в северных и северо-западных губерниях, когда площадь посева расширялась прежде всего за счёт леса, а не собственно пахотных земель (фактическое использование пахотных земель оказывалось в этом случае ещё несколько ниже).

Приведённая таблица не только вносит существенные коррективы к общим данным о средней обеспеченности крестьян землёй, но в известной мере подводит к пониманию их экономической обусловленности. Характерно прежде всего резкое увеличение процента использования пахотной земли в районе товарного земледелия. С другой стороны, совершенно ясно, что резкое снижение процента использования пахотных земель в Центральном промышленном и Северо-западном районах, в районе Среднего Поволжья и в губерниях Северного района имеет различные экономические причины и соответственно выявляет различные экономические тенденции: в Центральном и Северо-западном районах оно определялось оттеснением земледелия другими хозяйственными занятиями, в северных губерниях — его экономической нерентабельностью в силу природных условий, а в Среднем Поволжье — поздним освоением района, обеспечивая резервы для дальнейшего распространения хлебопашества. Надо также подчеркнуть, что средний размер посева даже для района наиболее развитого сельского хозяйства почти не выходит за пределы 2 дес. (2,2 в одной Рязанской губ.), т. е. всего около 3 дес. пашни на 1 д. м. п. Такая ограниченность фактической душевой нормы требует специального выяснения.

Ещё отчётливее выступает необоснованность утверждения Семевского относительно отождествления нормы обеспеченности и фактического пользования, т. е. наделения крестьян лесами. Семевский исходил из положения, что в оброчных имениях (т. е. во всех государственных и в помещичьих оброчных) вся земля находилась в крестьянском пользовании [1]. Однако едва ли можно распространить это положение на обширные казённые и так называемые въезжие леса, отмежёванные в особые дачи и отводившиеся в пользование особыми распоряжениями казны. Достаточно напомнить об обширных массивах корабельного леса в Олонецкой, Архангельской и Вологодской губ., отводившихся во владение местным предпринимателям-судостроителям или в эксплуатацию иностранцам вроде пресловутого Гома и др. Сам Семевский в другом месте приводит сведения о специальной регламентации правительством Екатерины II эксплуатации лесных дач государственными крестьянами [2]. Что касается помещичьих владений, то выше приводились уже многочисленные примеры их предпринимательской эксплуатации самими помещиками безразлично в барщинных и оброчных вотчинах, как, например, в ярославской вотчине Щербатова, в костромской и саранской вотчинах Воронцовых, в пензенской вотчине Куракина и др. [3]

Но основной и главный недостаток получаемых на основе указанного источника показателей — условный расчётный характер выведенных средних цифр. Даже сведение поуездных данных в общегубернскую цифру вносит для ряда губерний существенную условность, что наглядно выступает, например, для Рязанской губ., с её резким делением на северные промысловые и юго-восточные чернозёмные уезды, дающим соответствующие поуездные колебания обеспеченности пахотными землями — от 3 дес. до 5 дес. на 1 д. м. п. (см. ниже). Ценность Экономических примечаний как источника заключается именно в том, что они, давая возможность дальнейшей конкретизации и индивидуализации средних величин, позволяют не только перейти от губернских к уездным показателям, но в известной мере раскрыть конкретные различия и амплитуду колебаний внутри уезда путём расчёта обеспеченности по отдельным «дачам», по которым велось межевание земель. Раз-

[1] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, стр. 33—36; т. 2, стр. 257 и др.

[2] См. *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, стр. 142.

[3] См. выше, гл. III.

вёрстка земли по крестьянским дворам не могла выходить за пределы отдельной «дачи», а для более крупных дач обычно ограничивалась рамками отдельной сельской или деревенской округи. Распределение земли по «дачам» обнаруживает значительные колебания самих потенциальных норм надела[1] в пределах отдельного уезда. При этом амплитуда колебаний, а также их нижняя и верхняя границы для разных губерний различны и с этой точки зрения заслуживают специального выяснения и анализа. В отдельных случаях Экономические примечания включают данные о распределении земли в помещичьих дачах на крестьянскую и господскую пашню (например, по Тамбовской губ.).

Надо сказать, что Семевский и следовавшие за ним буржуазные исследователи отнюдь не использовали всех возможностей, которые открывала указанная конкретизация сообщаемых Экономическими примечаниями сведений; они остановились в основном на общегубернских показателях, лучше отвечавших их утверждению о нивелировке крестьянских хозяйств.

Однако определённая ограниченность присуща самому источнику. Генеральное межевание не касалось подворного распределения земель, и поэтому данных конкретного распределения земли по отдельным крестьянским дворам, т. е. действительного размера отдельных крестьянских хозяйств, Экономические примечания не содержат.

В результате выпадает важнейшая социально-экономическая характеристика — реальная земельная обеспеченность крестьянства по отдельным хозяйствам, связанная с наделением землёй отдельного крестьянского двора, а не с общей средней поуездной обеспеченностью. Раскрытие этой проблемы требует привлечения нового источника — вотчинных архивов для помещичьих крестьян и соответствующих ведомственных фондов для различных категорий государственных или казённых крестьян. Последняя группа материалов вообще не стала ещё предметом специального рассмотрения; обширная монография Н. М. Дружинина посвящена XIX в., для XVIII в. можно отметить в самые последние годы только одну специальную работу — кандидатскую диссертацию С. М. Волкова о дворцовых крестьянах Московской губ., но и та относится ко второй четверти XVIII в. Как указывалось выше, некоторая работа проделана, главным образом за последнее время, по вотчинным архивам. Но это лишь начало. Всё же возможность некоторых хотя бы предварительных выводов здесь уже создаётся, в частности благодаря однородности полученных результатов при значительных экономических различиях между районами,

[1] Мы говорим о потенциальных нормах, поскольку не могут быть выделены ни господская пашня, ни оброчные уезды; действительное душевое распределение дают лишь материалы вотчинных архивов.

свидетельствующей об определённом единстве общих экономических тенденций. В число изученных объектов входят: Ивановская вотчина Владимирской губ. Центрального промышленного района, Смоленская губ. Северо-западного торгово-промыслового района, пензенская вотчина Куракина в новом районе центральной земледельческой полосы, к которой примыкает ряд других вотчин Среднего Поволжья, голицынские и шереметевские вотчины Тульской и Калужской губ., представляющих пограничный район между Центральной промышленной и Центральной земледельческой областью, и некоторые другие, изученные менее обстоятельно, особенно в части крестьянского хозяйства, как подмосковная вотчина середины XVIII в. в освещении К. В. Сивкова, вологодская вотчина Межакова, саратовские вотчины в исследованиях Е. Н. Кушевой и Л. Юровского. Ограниченность и разнородность материала не позволяют свести их в единую таблицу. Но ими вполне обосновывается общий вывод — углубляющийся процесс расслоения крестьянства, ведущий к огромным колебаниям в размере индивидуальных наделов, далеко превышающих колебания по юридическим группам и по районам; они показывают определяющее значение распределения крестьянства по основным социально-экономическим группам. Соответствующее подразделение на первостатейных, или «заживных», среднестатейных и скудных, или маломощных, получает общее применение во всей экономической литературе и в отчётно-хозяйственных документах второй половины XVIII в.

В основу анализа средней земельной обеспеченности крестьянства, согласно выдвинутым выше соображениям, должен быть положен принцип порайонного рассмотрения. В пределах каждого района, насколько позволяют наличные материалы, подлежат рассмотрению и учёту частные колебания по дачам, пределы и амплитуда этих колебаний. С другой стороны, необходимо сопоставление общего среднего размера обеспеченности с соответствующими раздельными показателями для помещичьих и казённых крестьян, а в ряде случаев и с более дробными внутренними подразделениями на специальные категории.

Необходимость именно такого порайонного рассмотрения может быть ясно показана на конкретном примере однодворческого землевладения. Установилось представление об исключительно высокой обеспеченности этой группы (и примыкающей к ней группы старых служб служилых людей или пахотных солдат) по сравнению с помещичьими крестьянами. Такое представление связано отчасти с несколько преувеличенными цифрами однодворческих наделов, основанными на законодательном материале, определившем минимальную норму надела в 8 дес. пахотной земли на 1 д. м. п., а с учётом некоторого земельного резерва исчислявшем общий надел в 64 дес. на

1 двор. Между тем реальная норма надела очень скоро резко снизилась, как это показывают Экономические примечания и наказы однодворцев в Уложенную комиссию 1767 г., и редко превышала 5—6 дес. пахотной земли, кроме отдельных единичных уездов. С другой стороны, поскольку однодворческое землевладение приходится целиком на губернии Центрального земледельческого района с преобладанием его в южной части района, средняя норма пашни в помещичьем секторе должна быть взята применительно к этому же району и также определяется в 5—6 дес. и даже выше, так что реальных различий в рамках конкретного района фактически незаметно. Наконец, необходимо от средней расчётной цифры обеспеченности перейти к действительному конкретному землепользованию с учётом сельскохозяйственной экономики района и экономики крестьянского хозяйства [1].

Сопоставление размеров земельной обеспеченности по районам и по группам ограничено в работе, как правило, двумя показателями — общей земельной площади и площади пахотной земли, как имеющей главное значение для сельского хозяйства; лишь в южных районах, с большим удельным весом скотоводства, эти показатели частично дополнялись данными о сенных покосах.

В качестве основного общего источника использованы «Экономические примечания» к Генеральному межеванию. Для обобщающих показателей по ряду губерний использованы сводные табели, приложенные к «Экономическим примечаниям», дающие распределение земель по категориям владельцев [2].

Дифференциация помещичьих крестьян на барщинных и оброчных требовала специальных подсчётов по всем дачам на основе «Экономических примечаний». Такие подсчёты были проведены нами полностью по всем уездам Московской губ., по Пензенской губ. использованы подсчёты Э. С. Коган, а по

[1] Надо дополнительно отметить, что материалы показывают значительную ограниченность хлебопашества как раз в однодворческих хозяйствах южного степного района, с более высокими показателями земельной обеспеченности, и преобладающее значение скотоводства. В результате отдельные преимущества обеспеченности однодворческих хозяйств пахотными землями полностью утрачивают экономическое значение. Об этом см. ниже — гл. V.

[2] К сожалению, такие табели приложены к «Экономическим примечаниям» только по некоторым губерниям (напр. Костромской, Тульской, Тамбовской). В ряде случаев имеются специальные табели без датировки. Возможность их использования решалась путём сопоставления их итогов с итогами полного текста поуездных Экономических примечаний. Обследование последних давало возможность определить конкретные колебания средней обеспеченности по отдельным дачам. Для определения обеспеченности по отдельным группам использовались только те показания табеля, где данная группа была представлена в чистом виде, отдельно от других категорий; в тех случаях, когда основная масса населения уезда состояла в общих «дачах», от таких дифференцированных показателей приходилось отказываться.

Тульской, Тамбовской и Нижегородской губ. мы располагали соответствующими подсчётами, проведёнными несколькими студентами в нашем семинаре в Московском Государственном университете в 1948/49 учебном году. В Экономических примечаниях Тамбовской губ. оказались специальные данные о господской пашне. По другим губерниям ограничиваемся частичными подсчётами либо по отдельным уездам (например, по Орловской губ.), либо выборочно по дачам. При сопоставлении полученных расчётов с общими поуездными показателями необходимо иметь в виду, что они дают несколько уменьшенные цифры, поскольку не учитываются принадлежащие помещикам пустоши, входящие в общие итоговые данные по уезду.

В прилагаемой таблице (см. Приложение I) все эти данные сведены в погубернские показатели, но для сопоставления приведены также поуездные показатели для отдельных губерний разных районов, чтобы дать полное представление о распределении земель. Параллельно с данными Экономических примечаний нами приводятся для сопоставления показатели Топографических описаний, совпадающих по времени с «Экономическими примечаниями» (80-е годы XVIII в.) и позволяющих дополнить таблицу в отношении тех губерний, по которым Генеральное межевание не было проведено в XVIII в. Топографические описания всегда содержат общие данные по губерниям и большей частью также по уездам, но лишь в редких случаях дают раздельные показатели по категориям владельцев с выделением помещичьих земель. В целом отмечается близость тех и других данных обычно при несколько более высоких показателях в Топографических описаниях.

К сводной таблице для помещичьих крестьян примыкает специальная таблица по вотчинам Шереметевых и Воронцовых, расположенным в многочисленных губерниях России с добавлением некоторых вотчинных данных по районам, представляющая своего рода конкретную иллюстрацию к средним погубернским данным Экономических примечаний и Топографических описаний [1].

2. Центральный промышленный и Западный районы

Для Центрального промышленного района характерна прежде всего сравнительная однородность общих показателей по губерниям — результат длительного и в целом единообразного процесса освоения края. Это полностью сказывается

[1] Соответствующая сводная таблица по вотчине Шереметевых приведена К. Н. Щепетовым (см. указан. соч., стр. 21—25); по вотчинам Воронцовых в книге Е. И. Индовой — «Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых», стр. 24—25, 27 (табл. 1 и 2).

в отношении пахотных земель, средняя обеспеченность которыми колеблется в основном от 3 до 3,5 дес. на 1 д. м. п. В отношении общей земельной обеспеченности выделяется только Костромская губ. в результате включения в её состав обширных заволжских земель со значительными лесными массивами (23 дес. на 1 д. м. п., по данным Экономических примечаний, и 18 дес. — по данным Топографических описаний). Соответствующие поуездные данные по Московской губ. дают более заметные отклонения в направлении снижения нормы пахотной земли для Московского и Богородского у. с их резко выраженным промышленно-промысловым характером, что сказалось в известной мере и на Воскресенском и Дмитровском у. Напротив, значительное повышение пашни по Волоколамскому, Коломенскому и Серпуховскому у. должно быть поставлено в прямую связь с преобладающей ролью сельского хозяйства (хлебопашества). Средняя земельная обеспеченность помещичьих крестьян, как правило, совпадает с общей средней по уезду и с соответствующими данными для экономических и дворцовых крестьян [1].

Сопоставление данных, относящихся к барщинным и оброчным помещичьим крестьянам, даёт обычно небольшое превышение количества пахотных земель у первых, большей частью в пределах 0,3—0,4 дес., с тенденцией к увеличению этой разницы для земледельческих уездов. В указанных выше Коломенском и Серпуховском у. среднее количество пахотной земли у барщинных крестьян даже на 50% больше, чем у оброчных. Что касается более высокой обеспеченности пахотной землёй у оброчных Подольского и Воскресенского у., то надо иметь в виду, что общее количество оброчных помещичьих крестьян было незначительным в этих уездах: около 8% общего числа помещичьих крестьян — по Подольскому у., около 9% — по Воскресенскому у., в силу чего эта пропорция непоказательна.

Колебания подушной нормы пахотных земель по отдельным дачам довольно значительны — от 1—1,5 дес. и до 7—8 дес., но последнее относится главным образом к более мелким дачам; снижение размера пахотных земель характерно для уездов с крупным лесным хозяйством [2].

Особенно низкие показатели даёт Московский у. — от 0,5—0,8 дес. до 2,0—2,5 дес. в оброчных и до 4—5 дес. в бар-

[1] Общие показатели для государственных крестьян по отдельным уездам несколько завышены, так как итоги по помещичьим землям подсчитаны без пустошей, а размеры земель, состоящих за государственными крестьянами, получены путём простого вычитания из общих суммарных уездных данных указанных итогов по помещичьим землям, так что в расчёт казённых земель вошли и все пустоши, не учтённые для помещичьих вотчин.

[2] См. выше, гл. III.

щинных вотчинах. В земледельческих уездах колебания менее значительны. Так, в Серпуховском у. для основной массы дач характерна норма в 3—4 дес.; менее 2 дес. имеется лишь в единичных дачах (среди них только одна крупная вотчина княгини Белосельской — с. Малино и др.) [1]. По отдельным, более значительным дачам размер пашни составлял здесь 4—5 дес. и лишь в единичных случаях поднимался до 6 дес. [2]

Во Владимирской губ. отмечается резкое увеличение нормы пахотных земель для уездов со слабым развитием промышленности и промысловых занятий и повышенной ролью сельского хозяйства, как, например, Юрьевский, Ковровский, Судогодский, по которым общее среднее количество пахотных земель на 1 д. м. п. составляло соответственно 6,6, 5,7, 5,3 дес. с распространением указанной нормы и на помещичьих крестьян.

В пределах общих норм остаётся и Ярославская губ. В Костромской губ. необходимо отметить резкое повышение душевого расчёта пахотных земель для уездов, известных в XVIII в. как специальный район товарного земледелия; таковы Варнавинский, Ветлужский, Макарьевский и Кологривский у. К ним примыкают и два других заволжских уезда — Солигаличский и Чухломской, принадлежавшие к районам старого освоения и игравшие известную роль в снабжении русского Севера в XVII в. Соответствующее увеличение пахотных земель наблюдается в этих уездах и у помещичьих крестьян, однако в большинстве названных уездов их обеспеченность землёй оставалась ниже, чем в экономических и особенно в дворцовых землях, издавна составлявших здесь крупные массивы (особенно дворцовые земли в Варнавинском уезде). При этом всё же в большинстве помещичьих вотчин этих уездов размер пахотной земли редко опускается ниже 3,5 дес. на 1 д. м. п., а в отдельных вотчинах достигает 10 и 12 дес.

В остальных уездах помещичьим крестьянам принадлежала явно преобладающая роль. Выделение барщинных и оброчных крестьян не представляет в данной губернии особого интереса в связи с решительным преобладанием оброка и, в частности, его полным господством в упомянутых земледельческих уездах [3].

Что касается государственных крестьян, в частности экономических, преобладавших в большинстве губерний этого района со старым крупным монастырским землевладением, то в отношении обеспеченности землёй они определённо отстают от помещичьих. Любопытно при этом отметить, что ответы воевод на Сенатскую анкету 1766 г., как правило,

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 13, д. № 46, дача 525.

[2] Там же, дачи 375, 500 и др.

[3] Ср. выше, гл. III.

отрицают какое-либо сокращение пахотной площади и вообще сельского хозяйства у экономических крестьян в результате секуляризации монастырских имений. По-видимому, это отставание надо поставить в связь с дальнейшим интенсивным переходом экономических крестьян к торгово-промысловым занятиям, поглощавшим в первую очередь наиболее предприимчивую и зажиточную верхушку крестьянства. В значительном числе экономических селений создаётся положение близкое к тому, которое нам известно по материалам о помещичьих торгово-промышленных сёлах, как Иваново или Васильевское во Владимирской губ., Павлово или Ворсма, Городец или Кадниково в Нижегородской губ., где весь земельный фонд снизился до 1 дес. и менее на 1 д. м. п. Такое положение хорошо известно в отношении группы подмосковных экономических слобод, хозяйственный строй которых непосредственно определился их связью с Москвой.

В отношении экономических крестьян Костромской и Нижегородской губ. мы располагаем интересной ведомостью дворцовых и экономических сёл, расположенных на Оке и Волге, составленной в 1780 г. и приложенной к донесению нижегородского губернатора [1]. По Костромской губ. ведомость включает 69 селений Костромского у., 84 — Юрьевецкого, 56 — Макарьевского, 13 — Кинешемского, 6 селений Кадыевского у., всего 228 селений. В среднем на 1 д. м. п. по всем селениям приходилось около 2 дес., только по Кинешемскому у. — от 3 до 4 дес. на 1 д. м. п. По Макарьевской округе, в основной части земледельческой, средняя обеспеченность пахотной землёй экономических и дворцовых сёл составила 1,2 дес., для Юрьевецкого у. — 1,6 дес. со снижением в отдельных сёлах до 1 дес., 0,5 дес. и менее. В отношении Пучежской слободы, о которой директор экономии Васьков в описании Костромской губ. сообщал, что она и её округа заняты в основном судовым промыслом [2], ведомость указывает: «оного селения жители пашеной земли не имеют, а пропитание себе имеют от разного торгового промысла», подобно аналогичным указаниям для Павлова, Ворсмы и других промышленных сёл. Соответственно и для дворцовой Решемской сл. Кинешемской округи указывается мелочной торговый промысел и выгонная земля, а пашня отсутствует [3].

Таким образом, можно, видимо, сделать вывод, что как для государственных, так и для помещичьих крестьян переход села к торгово-промысловым занятиям сопровождался резким оскудением его земельного фонда, и в первую очередь пашни. С этим, очевидно, надо поставить в связь и общую низкую

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. № 777, ч. I, лл. 176—177.
[2] ЛОИИ, Собрание рукописных книг № 603, особенно стр. 218 и сл.
[3] ЦГАДА, р. XVI, д. 777, ч. I, л. 214 об., № 131 и л. 198 об., № 43.

норму использования наличной пахотной земли, составлявшую с учётом парового поля не более 1,8 дес., или 55% всего фонда пахотной земли по району в целом, понижаясь до 50% для Владимирской губ. (главным образом за счёт его промышленных уездов) и до 45% по Костромской губ., несмотря на довольно крупный земледельческий район на северо-востоке губернии.

Материалы вотчинных архивов Воронцовых и Шереметевых дают показатели, в целом приближающиеся к средним губернским данным, но с определённой тенденцией к понижению, особенно для конца XVIII в. По Московской губ. этому соответствуют и средние данные по земельным владениям ряда крупных землевладельцев, извлечённые из Экономических примечаний: средние данные по вотчинам А. И. Шуваловой — 3,5 дес. пашни, по вотчинам А. И. Лопухина — 3,6 дес. (при 10,0 дес. всей земли), 3,0 — у Мещерского и Головкина, 3,5 — у Загряжской и т. д. При этом отдельные колебания для крупных владельцев составляют от 1,5—2 дес. до 5 дес. с тенденцией к понижению в мелких и в оброчных вотчинах.

К Центральному промышленному району непосредственно примыкает Северо-западный район, губернии которого дают те же средние показатели в отношении обеспеченности крестьян пахотной землёй, лишь с некоторой тенденцией к повышению против Центрального промышленного района — 3,5—4,0 дес. на 1 д. м. п. Средний процент использования пахотных земель, т. е. размера посева, также близок к данным по Центральному району и составляет 52%.

Более высокая доля пахотной земли указывается при этом по Смоленской и Псковской губ. В Петербургской и Новгородской губ. резче сказывались неблагоприятные почвенные условия и меньшее хозяйственное освоение территории. В связи с этим стоит обилие лесных массивов и неудобных земель и соответственно резкое повышение количества всей земли на 1 д. м. п.

Топографическое описание Тверской губ. прямо подчёркивает чисто потребительский характер местного земледелия, отсутствие товарного производства в земледелии, связанное с распространением промысловых занятий, отразившим развитие новых производственных отношений в районе. Средний надел помещичьих крестьян описание определяет в 3 дес. пахотной земли в 3 полях, причём помещичьи крестьяне составляли свыше 60% по губернии и достигали 80% в Кашинском и Ржевском у. В Ржевском у. состояла, в частности, крупная Молодотудская вотчина Шереметевых с большим земельным фондом — свыше 5 дес. пахотной земли на 1 д. м. п. Вся пахотная земля по губернии составляла около 30% общей площади, 3,2 дес. на 1 д. м. п., при небольшом количестве сенных покосов — несколько более 0,5 дес. на

1 д. м. п. Интересно отметить, что, по расчётам В. И. Покровского, издателя «Генерального соображения по Тверской губ.», общая площадь сенных покосов по губернии возросла к 1873 г. за счёт расчистки лесов в 4 раза и составляла уже около 2 дес. на 1 д. м. п. Обеспеченность землёй помещичьих крестьян, составлявших в губернии 60%, приближалась к общей норме с небольшим повышением, в среднем по губернии — до 3,5 дес. пахотной земли. В связи с большой ролью лесных промыслов в уезде лучшее обеспечение лесом наблюдалось в помещичьих имениях. В Осташковском и Весьегонском у. средняя обеспеченность лесом достигала 20 дес. на 1 д. м. п.

«Табели» Смоленской губ. дают несколько более высокую обеспеченность крестьян землёй, чем материал Топографических описаний. Согласно табелям, по 6 уездам количество пахотной земли составляло свыше 5 дес. на 1 д. м. п. (в Рославльском у. — даже 7 дес.) и лишь по 6 уездам — около 4 дес. с более высокими показателями для помещичьих крестьян, преобладавших в губернии. Однако размеры посевных площадей по ведомостям посева и урожая составляли лишь 1,25 дес. или около 1,8 с включением земли, состоявшей под паром. Надо при этом отметить, что высокие показатели пахотной земли отнюдь не говорят о развитии земледельческого хозяйства в уезде. Такие восточные уезды губернии, как Вяземский, Сычевский, Рославльский (в последнем 7 дес. пахотной земли на 1 д. м. п.), отнюдь не принадлежали к районам развитого земледельческого хозяйства и в них не случайно отмечается господство оброка. По-видимому, высокие показатели пахотных земель говорят скорее о давности их освоения (восточные уезды входили в старый русский центр). Впрочем, нельзя всё-таки не отметить, что самые низкие показатели пахотных земель относятся к уездам с ясно выраженным торгово-промысловым характером — Гжатскому (3,3 дес.) и Пореченскому (3,9 дес.).

В Псковской губ. средняя обеспеченность пахотной землёй достигала 4,8 дес. с повышением в Опочском, Торопецком и Холмском у. до 5 дес., в Островском — до 5,3, а в Порховском, славившемся посевами льна, — до 6 дес. Но степень использования пахотной земли по Псковской губ., где размер посевной площади составлял всего 0,8 дес., а с учётом парового поля 1,2 дес. на 1 д. м. п. — менее 30% всего наличия пахотной земли. По-видимому, такое низкое использование пашни обусловлено, помимо других причин, преобладанием трудоёмкой культуры — льна, требующего интенсивной обработки земли.

Несколько более высокое использование земли по Петербургской губ. (около 60%) связано, очевидно, с большим потребительским спросом столицы на хлеб. Что касается Новгородской губ., то она отличалась прежде всего большой неоднородностью: при более низких показателях пашенной земли для северо-восточных уездов — Кирилловского или Череповецкого (2,9 и 3,1 дес. на 1 д. м. п.) — она даёт свыше 6 дес. на 1 д. м. п. по Валдайскому и Устюжскому у. Однако и здесь также высокие показатели не стоят ни в какой связи с фактическим использованием земли (до 50%).

Примыкающие к Северо-западному району прибалтийские губернии — Рижская и Ревельская — дают наиболее низкие показатели обеспеченности пашней — 2,8 дес. на 1 д. м. п., но при большой интенсивности использования всей пахотной земли в связи с полностью определившимся товарным характером сельского хозяйства. В Прибалтийских губерниях господствовало помещичье землевладение.

В целом, для Центрального промышленного и Северо-западного торгово-промыслового районов, с их давним хозяйственным освоением и высоким удельным весом помещичьего землевладения, характерны: а) низкая средняя норма обеспеченности крестьян пахотной землёй при дальнейшем её снижении в районах с резко выраженным промышленным и промысловым характером, б) слабое использование наличных пахотных ресурсов, в) определённая однородность поуездных показателей при довольно значительных колебаниях по отдельным «дачам». Этому соответствует преобладание потребительского характера крестьянского сельского хозяйства. Однако и в этом районе потребительского земледелия рост товарности хозяйства в отдельных уездах оказывал непосредственное влияние на уровень использования земли и размеры земельных наделов.

3. Центральный чернозёмный район

Резко отличную картину представляет в этом отношении Центральный земледельческий район товарного сельского хозяйства. Здесь бросается в глаза прежде всего значительное повышение обеспеченности пашней, составлявшей в среднем от 5 до 6 дес. на 1 д. м. п. В южных губерниях района пашню дополняют значительные сенные покосы, что сказывается на резком увеличении общей земельной обеспеченности в Тамбовской и Воронежской губ. и частично в ряде уездов Орловской и Пензенской, в которых, впрочем, существенную роль сыграли также большие лесные массивы. Надо отметить, что Экономические примечания по этим районам дают, как правило, более высокие показатели, чем Топографические описания. Последние для ряда губерний были составлены рано, возможно до завершения работ по межеванию, с которым связано оформление Экономических примечаний. В таком случае составители Топографических описаний не располагали точными данными земельной обеспеченности, которые входят в Экономи-

ческие примечания. Кроме того, разница показателей может отражать и действительные изменения, совершившиеся за время между составлением одного и другого описания, на исходе XVIII века.

Для данного района характерно сравнительно высокое использование пахотных земель, составившее в основном от 2,0 до 2,2 дес. посева на 1 д. м. п. в среднем, и 3,0—3,3 дес. в трех полях, т. е. свыше 60% всей пахотной земли. Общие показатели несколько снижаются на севере района по Тульской губ., поскольку её северные уезды в отношении их экономической характеристики непосредственно связаны с Центральным промышленным районом, на юге для Воронежской губ., широкое освоение которой, особенно её южных уездов, только начиналось. Более высокие показатели по Рязанской и Орловской губ. ещё возрастают по отдельным уездам.

В Тульской губ. снижение средней обеспеченности помещичьих крестьян пахотной землёй шло в основном за счёт небольшой группы оброчных крестьян (около 10%), сосредоточенных главным образом в северных, более промышленных уездах. Барщинные крестьяне, составлявшие 75% всего сельского населения губернии (242 930 д. м. п.), имели 5,4 дес. на 1 д. м. п. Экономические крестьяне, составлявшие лишь 4,5% населения губернии, резко отставали от помещичьих. Заметно выделялась, по официальным данным, группа «крестьян императрицы», сосредоточенная в основном в Богородицком у. (известная Бобрикская волость, управителем которой был А. Т. Болотов) и частично в Епифанском у., принадлежавшем к наиболее хлебным и обеспеченным землёй уездам губернии. В Богородицком у. за этими крестьянами состояло 45% всех пахотных земель, около 13 дес. на 1 д. м. п. Но императрица фактически являлась лишь привилегированной помещицей; её владения ничем не отличались от других помещичьих вотчин по методам управления и хозяйственной эксплуатации, вплоть до применения барщины.

Однодворцы (5,7% населения губернии) в уездах их сосредоточения, принадлежавших к числу наиболее земледельческих (Ефремовский, Новосильский, Венёвский), мало отрывались от помещичьих крестьян. Более заметно выделялись лишь старых служб служилые люди, примыкавшие к «крестьянам императрицы» по обеспеченности землёй, но они составляли лишь ничтожную группу в 2,5% населения губернии и не могли долго сохранить преимущественное положение.

По некоторым помещичьим вотчинам земельная обеспеченность крестьян выше средних норм. В пределах Венёвского у. Тульской губ. состояла крупная барщинная вотчина Шереметевых, в которой приходилось 9,4 дес. всей земли, в том числе свыше 6 дес. пахотной земли, на 1 д. м. п., что превышало

среднюю обеспеченность по уезду [1]. По материалам тульской вотчины Голицыных, в его новосильской вотчине с. Голунь приходилось 9 дес. пахотной земли на 1 д. м. п., в его крапивенской вотчине — несколько менее 8 дес. [2] Колебания в обеспеченности землёй по отдельным дачам довольно значительны: в северных промышленных губерниях средний размер пахотной земли на 1 д. м. п. в отдельных случаях снижался до 1—2 дес., в прочих — не ниже 3 дес.

Другая северная губерния этого района — Рязанская, согласно описаниям, делилась на резко отличные экономические районы: I группа — степная, в составе уездов Скопинского, Сапожковского, Ряжского, Ранненбургского, Михайловского и Данковского, — относилась к числу хлебородных. II группа была расположена к северу от Оки (неблагоприятна для хлебопашества — заболоченная), здесь преобладали промыслы, отчасти скотоводство; в эту группу входили уезды — Спасский, Егорьевский, Касимовский и часть Рязанского. III группу составляли уезды Михайловский, Зарайский, Пронский и часть Рязанского (по правой стороне Оки — в этой группе уездов земледелие ограничивалось потребительскими нуждами). Уезды II группы отмечены более низкими нормами пахотной земли — от 2,7 до 3,7 дес. на душу (несколько выше, 4,3 дес., по Пронскому у.), тогда как в первой группе размер обеспеченности землёй на 1 д. м. п. повышается до 5—5,5 дес. Помещичье землевладение занимало здесь господствующее место, его показатели в основном совпадали с общими по уездам. Частично к помещичьим примыкали дворцовые крестьяне. В небольшой шереметевской вотчине Ранненбургского у. приходилось 6,5 дес. всей земли, и в том числе около 5 дес. пахотной земли на душу, что в общем соответствовало установленным средним нормам. Наблюдение над отдельными дачами по Экономическим примечаниям не даёт существенных колебаний между барщинными и оброчными вотчинами в пределах тех же уездов. Что касается экономических и дворцовых селений Рязанской губ., то мы располагаем небольшой ведомостью экономических и дворцовых селений, расположенных по р. Оке. В перечисленных в указанной ведомости 34 сёлах средняя обеспеченность пахотной землёй составила 3 дес., причём лишь в 7 сёлах отмечено производство хлеба для продажи. В ряде сёл душевая норма снижается до 2—2,5 дес. В большинстве сёл выделяется занятие судовым промыслом. Высокая обеспеченность пахотной землёй отмечена только

---

[1] См. *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, приложения, стр. 336.

[2] См. *Г. Н. Бибиков*, Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 79; *М. А. Казаринова*, Крепостное хозяйство в Тульской губ. в конце XVIII в. (рукопись диссертации), гл. II, стр. 134—136.

в д. Гаврилове, а в 4 сёлах показаны обширные сенные покосы (от 7 до 15 дес. на 1 д. м. п.), в том числе в богатом торговом и промысловом селе Любучи [1].

Значительные поуездные колебания даёт и Орловская губ. — от 4 до 6 дес. пахотной земли на 1 д. м. п., высокие показатели дали южные и, в частности, юго-восточные уезды — Елецкий, Ливенский, Малоархангельский и Севский. Показатели для помещичьих крестьян в основном совпадают с общими поуездными. В северных уездах (около 4 дес. пашни на 1 д. м. п.) помещичьи крестьяне составляли около 80%. Отмечаются при этом значительные колебания — от 1—2 до 7—10 дес. пахотной земли на 1 д. м. п. (особенно в более крупных вотчинах, с 300—500 д. м. п. и более) по Мценскому у.; по Орловскому колебания менее значительны, и в подавляющей части дач пахотные земли составляли 3—5 дес. на душу. Несколько особое положение сложилось в Брянском у., с его обильными лесами и распространением промышленных и промысловых занятий, где преобладают колебания пахотных земель от 1,5—2 до 5 дес., но при этом у более крупных владельцев отмечаются обширные лесные владения [2]. Во II группе уездов — для примера можно взять Елецкий и Севский у. — характерно резкое общее снижение удельного веса помещичьих владений, на которые приходилось 50% населения этих уездов. Для Севского уезда характерно преобладание крупных вотчин и оброка, для Елецкого — смешанные дачи помещичьих крестьян с однодворцами. В Севском уезде крупное место принадлежало крестьянам дворцовой волости, но средняя обеспеченность отдельных категорий — помещичьих, дворцовых, однодворцев — в общем одинакова.

В Елецком у. бросается в глаза лучшая обеспеченность землёй однодворческих дач, что, однако, ещё не говорит об их лучшем использовании. Ещё ответ на анкету «Вольного экономического общества» 1765 г. сообщал: «чтож касается до однодворцев, оные завсегда работу производят на себя по состоянию, и довольство пажити их против помещичьих крестьян у протчих весма менше...» [3]. Особенность юго-восточных уездов связана с их более поздним экономическим освоением, в частности со стороны помещичьего землевладения, как это было показано в гл. I. В этой связи характерны данные по шереметевским вотчинам, тенденция к известному возрастанию пашни к концу века в отличие от тенденции к её сокращению, отмечавшейся в Центральном промышленном районе и в более северной, Тульской губ. Возрастание пашни отмечается и в более бедных пашней Кромском и Трубчевском у.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18979.
[2] См. выше, гл. III.
[3] ЦГИАЛ, ф. 91 (ВЭО), оп. 1, 1766 г., д. 381, л. 194 об.

Эта сложность состава ещё резче выступает в самых южных и юго-восточных губерниях.

Средние показатели по Курской губ. дают около 9 дес. пахотной земли на 1 д. м. п., с этим примерно совпадают и данные о помещичьих крестьянах. Эта цифра снижается для помещичьих крестьян лишь в двух уездах — Белгородском и Корочанском, где, однако, общее число помещичьих крестьян невелико, и в то же время резко повышается для Щигровского и Тимского у. Некоторое снижение пашни в Оболенском и Новооскольском у. соответствует общему снижению по уезду, но восполняется обширными сенными покосами, составляющими вместе с пашней около 7 дес. на душу в помещичьих владениях. С этим положением связано и развитие скотоводства, особенно в южных уездах губернии.

Шереметевские владения, разбросанные по разным уездам губернии, дают более низкие показатели — до 4 дес. пахотной земли на 1 д. м. п., но в их составе значительное место занимают крупные торговые сёла с особенно низким обеспечением пашней (менее 2 дес. на 1 д. м. п.), как слобода Михайловка Дмитриевского у. или слобода Терновка Белгородского у. Таким образом, степень обеспеченности пашней стоит в тесной связи с экономикой села. Колебания земельной обеспеченности значительны, особенно в южных уездах, где для помещичьих имений они составляли от 2 до 13 дес. пашни; в более прочно заселённых уездах, как Курский, Путивльский, Фатежский, Рыльский, преобладали колебания от 3—4 до 8—10 дес. Колебания в однодворческих дачах также значительны. Размеры однодворческих дач особенно велики в южных степных уездах, где однодворцами были заведены скотоводческие хутора. Но эти тенденции отмечаются и в отношении помещичьих крестьян. Общий удельный вес числа помещичьих крестьян по губернии — около 45% с преобладанием в северных уездах, как Рыльский, Путивльский, Курский, тогда как в южных степных уездах — Белгородском, Обоянском и др. преобладало однодворческое население, в целом по губернии равное помещичьему.

Аналогичное положение характеризует Тамбовскую и Пензенскую губ. По Тамбовской губ. показатели по пахотной земле те же, что и по Курской, с небольшим снижением для помещичьих крестьян, но значительно выше нормы по другим видам угодий, в связи с чем общая обеспеченность землёй достигала соответственно 16 и 13,8 дес. на 1 д. м. п. В общем составе населения губернии помещичьи крестьяне составляли 35—40%. По обеспеченности пашней выделяются только однодворцы, но это их превосходство относится только к 4 уездам, в числе которых 3 степных уезда — Борисоглебский, Кирсановский и Усманский. Из них Усманский, как и некоторые другие уезды губернии, даёт более высокие показатели для помещичьих

крестьян по сравнению с однодворцами. Но при этом в Кирсановском и Елатомском у. численность однодворцев всего около 1000 д. м. п. Наблюдение над размерами отдельных помещичьих дач показывает, что обеспеченность пахотной землёй редко спускалась ниже 4—5 дес. и не ниже 3 дес. на 1 д. м. п. Несколько ниже эта обеспеченность в северных уездах — Спасском, Темниковском, Шацком, с их большими лесными массивами, обеспечивавшими господствующие промысловые занятия для значительного ясашного населения этих уездов (татар, мордвы), менее занятого в земледелии сравнительно с русскими. Экономические примечания по Тамбовскому у. дополняют общие сведения данными о распределении земель в барщинных вотчинах на господскую и крестьянскую запашку; общее количество пашни на 1 д. м. п., по выборочным данным, составляло от 6 до 10 дес., причём до 35% составляла господская пашня.

Более позднее освоение Пензенской губ., особенно её южных и восточных уездов, дало некоторое снижение размера соответствующих показателей. Преобладающие показатели обеспеченности землёй на 1 д. м. п. по большинству уездов составляют от 4 до 6 дес. пахотной земли. В общем составе земель Пензенской губ. по угодьям пахотные земли составляли свыше 40%, из них за помещиками состояло 64% против 58% всей земли; помещичье землевладение сосредоточивалось в более богатых пахотными землями Мокшанском, Инсарском, Саранском, Чембарском у., а также в центральном Пензенском у. Пензенский и Чембарский у. выделяются также высокой обеспеченностью сенными покосами [1]. Барщинные крестьяне составляли по губернии в среднем 40—50% всего числа помещичьих с резким увеличением по Наровчатскому у. (свыше 90%), но при общем удельном весе помещичьего

[1] Приводим таблицу, содержащую колебания душевой нормы земли по уездам Пензенской губ.

	Всего	Пахотной земли (в дес.)		Всего	Пахотной земли (в дес.)
Чембарский у.	14,1	7,6	Мокшанский у.	7,5	4,2
Пензенский у.	13,6	5,8	Саранский у.	7,0	3,7
Н.-Ломовский у.	10,6	5,9	Городищенский у.	22,7	2,4
Наровчатский у.	8,6	5,1	Троицкий у.	7,0	3.2
В.-Ломовский у.	8,8	4,7	Краснослободский у.	9,4	3,1
Инсарский у.	6,7	4,5	Керенский у.	4,6	2,7
Шишкеевский у.	8,1	4,3			

Таким образом, самые низкие показатели падают на наименее обеспеченные пахотной землёй уезды. Мы воспользовались в этой таблице, как и в некоторых других показателях по Пензенской губ., материалами диссертации Э. С. Коган.

землевладения всего в 31,5%, и столь же резким снижением по Мокшанскому (около 35% при значительном удельном весе помещичьего землевладения в уезде).

Мы не располагаем исчерпывающими подсчётами по барщинным и оброчным вотчинам в губернии. Отдельные выборочные данные не дают существенных различий для тех и других, тем более, что значительная доля падает на вотчины со смешанным населением; лишь в отдельных случаях по Инсарскому и Саранскому у. можно отметить некоторое снижение пахотных земель (до 3 дес.) по оброчным вотчинам. В Мокшанском у. Пензенской губ. состояла крупная вотчина Воронцовых, по которой значилось 5,9 дес. пахотной земли на 1 д. м. п., в Чембарской вотчине с. Никольское-Поим пашня составляла около 3 дес. на душу, но при 1,5 дес. сенных покосов, причём необходимо учитывать и специальное торговое значение самого с. Поим. По куракинской Городищенской вотчине — с. Архангельскому, состоявшему до середины 1780-х годов на оброке, пашня составляла 3,5 дес. на 1 д. м. п., соответственно общим средним уездным показателям для помещичьих крестьян уезда; на этой вотчине мы остановимся специально в дальнейшем.

Последняя губерния этого района — Воронежская — позже всех остальных подверглась экономическому освоению, завершающемуся, особенно в её южных частях, лишь на протяжении XIX в. В Воронежской губ. помещичьи крестьяне составляли около 35% (143 тыс. д. м. п.), а однодворцы и близкие к ним по положению войсковые обыватели-черкассы около 50% сельского населения. Для губернии характерны крупные дачи с хорошей земельной обеспеченностью. Средняя обеспеченность пахотной землёй превосходила другие губернии района и дополнялась обширными сенными покосами. Экономические примечания по Воронежскому у. специально указывали на большое число «отхожих сенных покосов», т. е. не состоявших ещё в чьём-либо владении; в отдельных дачах этого уезда сенные покосы в два и более раза превосходили пашню: так в с. Гремячем князя Долгорукова состояло 4 дес. пашни и свыше 8 дес. сенных покосов на 1 д. м. п., в сёлах Большая и Малая Усмань (помещики с однодворцами) — около 8 дес. пашни и около 18 дес. сенных покосов. Общая средняя обеспеченность пашней составляла от 5 до 10 дес. Известное отставание обеспеченности помещичьих крестьян отмечается только в отдельных южных уездах. В Павловском у. при средней общей обеспеченности в 11,2 дес. всей земли на 1 д. м. п., в том числе 4,6 дес. пахотной и 4 дес. сенных покосов; у помещичьих крестьян приходилось соответственно 7,2 дес. всего, 2,5 дес. пахотной и 4 дес. сенных покосов. Этому соответствовали данные по крупным владельческим вотчинам А. П. Щербатова, Н. И. Трубецкого, А. Р. и С. Р. Воронцовых, где обеспеченность пашней составляла 2—3 дес. на 1 д. м. п., но при

3—4 дес. сенных покосов. Причина этого лежит, видимо, в недавнем проникновении сюда помещичьего землевладения. В частности, указанные вотчины возникли лишь во второй половине XVIII в., притом за счёт однодворческих хозяйств, за которыми на первых порах ещё продолжала числиться значительная часть старых земельных дач. Вотчины Трубецкого и Воронцовых представляют те самые слободы — Фасоновку и Воронцовку, поселённые на однодворческой земле в середине XVIII в., о которых речь была в гл. I. Показатели для Шереметевской вотчины Воронежской губ. (сл. Алексеевка и др. с 72 хуторами) соответствуют средним показателям по губернии. Как указано, позднее освоение района отразилось в резком снижении посевной площади на душу, составляя менее 40% к средней обеспеченности пашней по расчёту ко всему населению губернии и всего около 30% по отношению к средней норме в расчёте на сельское население. Более низкие показатели приходятся также на селения юга Харьковской губ., составляя 12 дес. всей земли и 4,5 дес. пахотной на 1 д. м. п. Указанной норме пахотной земли соответствуют данные по Харьковской вотчине Шереметевых. К этим показателям близки и данные Шафонского по Черниговской губ., они должны, по-видимому, снижаться для малоплодородной Новгород-Северской губ., близкой по характеру к смежным северо-западным уездам Орловской губ. и к Смоленской губ. на севере.

Итак, Центральный чернозёмный район товарного сельского хозяйства характеризуется: а) значительным повышением против Центрального промышленного района средней душевой обеспеченности пашней (5—6 дес. на 1 д. м. п.), б) интенсивным её использованием (60% и выше), в) сравнительным обилием сенных покосов, особенно в южной части района, создающим условия для соединения хлебопашества со скотоводством, г) колебаниями основных показателей в зависимости от степени хозяйственного освоения и вовлечения в систему «всероссийского рынка», возрастающими по мере продвижения к южному степному району. Вместе с тем и для этого района не правовые различия, а экономическая характеристика отдельных групп крестьян являлась основой различий их земельной обеспеченности и фактического использования земли.

4. Среднее Поволжье и Север

Высокие показатели обеспечения пашней отмечаются по губерниям Среднего Поволжья (6—7 дес. пашни). От этих показателей резко отставала только Нижегородская губ., в основном за счёт северных (заволжских) промысловых и западных промышленных уездов. В последних количество пашни снижалось до 3,2—3,5 дес. пахотной земли на 1 д. м. п.

(Балахнинский, Семёновский и другие уезды), поднимаясь в среднем до 5 дес. в юго-западных уездах, которые в течение второй половины XVIII в. всё более приобретают земледельческий характер (Княгининский — до 7,4 дес., Перевозский — до 5 дес., Лукояновский — до 5,5 дес. и т. д.). Помещичье продвижение в эти районы заметно усиливается именно во второй половине века и связано с ростом экономической заинтересованности помещика в земледельческом хозяйстве района. С этим связан, в частности, низкий процент барщинных хозяйств в губернии, по данным «Экономических примечаний». При полном отсутствии барщинных хозяйств (а частично и помещичьих хозяйств вообще) в северных заволжских промысловых уездах (как Семёновский), в большинстве других уездов барщинные крестьяне составляли около 20% всех помещичьих крестьян и лишь в чётко определившихся земледельческих уездах, как Лукояновский, достигали 50%. Норма обеспеченности барщинных крестьян была лишь в самой незначительной мере выше, чем оброчных, — в пределах нескольких десятых десятины (0,2—0,4, или 5—10%). Материал отдельных вотчин даёт ещё более низкие показатели: для воронцовских вотчин — 1,5 дес., для шереметевских — 3 дес. с понижением к концу века до 2,7 дес., с ещё большими отклонениями в отношении использования пашни для таких нижегородских шереметевских вотчин, как промышленные сёла Павлово или Ворсма в Горбатовском у.

Показатели для Казанской, Симбирской и Саратовской губ. значительно выше. При этом более высокие показатели для помещичьих вотчин по Казанской губ. связаны с особенным распространением помещичьих вотчин в земледельческих уездах — Чистопольском, Спасском, Свияжском (в последнем обеспеченность помещичьих крестьян, составлявших в уезде 38%, достигала около 11 дес. всей земли и 5,8 дес. пашни). Высокие показатели, особенно по Симбирской и Саратовской губ., связаны ещё и с тем, что их помещичье освоение опережало их заселение, которое само в значительной мере обусловливалось вовлечением этого района в систему товарного сельского хозяйства. Быстрее других совершалось при этом освоение Симбирской губ., что связано, видимо, с более выгодными природными условиями и наличием волжского водного пути для вывоза хлеба. При этом уже к концу века здесь обозначается превосходство помещичьих крестьян над казёнными: численность помещичьих крестьян составляет 53% населения губернии, а душевая норма площади посева определяется для 1794 г. в 1,9 дес. против 1,7 дес. у казённых крестьян [1].

К губерниям Среднего Поволжья непосредственно примыкает Вятская губерния на северо-востоке, выступающая по-

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59927.

ставщиком сельскохозяйственной продукции в отношении северных районов и частично Приуралья. Современные свидетельства показывают также рост сельского хозяйства в ряде районов Пермской губ. — в её западной и восточной части. При этом средние губернские цифры сугубо условны, поскольку они исчислены ко всему населению Пермской губ., тогда как пахотные земли относятся лишь к отдельным уездам, и притом в разных пропорциях. Получение конкретных показателей по всем губерниям этого района, в том числе по Оренбургской (Уфимской) с её быстро растущим сельскохозяйственным значением, оказалось невозможным из-за отсутствия Генерального межевания и Экономических примечаний для этих губерний в XVIII в. Топографические описания позволяют дать лишь общую характеристику. Губернаторские донесения о посевах и урожае позволяют судить о довольно быстром росте сельскохозяйственного освоения района, особенно выделяя в этом отношении Оренбургскую губ., которая по норме посева принадлежала к наиболее развитым сельскохозяйственным губерниям России.

Наиболее слабым и отсталым в отношении сельского хозяйства в силу природных условий является Северный район. Несколько более высокая норма обеспеченности пахотной землёй — свыше 3 дес. на 1 д. м. п., — устанавливаемая для Олонецкой губ., по данным Экономических примечаний, стоит в противоречии с общей характеристикой губернии, даваемой Топографическим описанием, говорящим о преобладании «почти землёю непокрытых каменных гор, на которых небольшой растёт лес», о недостаточности пригодных к земледелию земель, ограниченных одними возвышенными местами. Описание говорит о преобладании промысловых занятий и «рукоделий» — лесных промыслов (в частности, судостроение), рыбных ловель, судового промысла и др. Впрочем, описание добавляет, что удобной земли достаточно, но она остаётся «в пусте». Этому соответствуют данные о посеве, составлявшем всего 0,6 дес., что даёт 0,9 дес. пашни в 3 полях на 1 д. м. п., менее 30% к общей площади пахотной земли. По норме посева Олонецкая и Архангельская губ. стоят на последнем месте. С Олонецкой губ. сходна по своему характеру Выборгская.

В Вологодской губ. наибольшая часть пахотной земли была сосредоточена в группах юго-западных уездов — Грязовецком, Никольском, Вологодском, Тотемском и Кадниковском, по которым средняя обеспеченность землёй достигает от 3 до 4 дес. пашни на 1 д. м. п. Здесь сосредоточена и большая часть помещичьих земель, составляющих около 80% как по земельному фонду, так и по населению. В остальных уездах средняя обеспеченность землями снижается до 2—2,5 дес., а в Яренском и Устьсысольском — даже до 1 дес. на 1 д. м. п., с одновременным увеличением площади сенных покосов по двум последним уездам до 2—2,5 дес. Средний размер посева по Вологодской губ. определяется в 1 дес. на 1 д. м. п., что составляет 1,5 дес. пашни в 3 полях, или около 50% пахотной земли по губернии; с учётом распределения пахотных земель по уездам степень использования пахотных земель по основному земледельческому району губернии была, очевидно, более высокой. Норму надела в 3 дес. пахотной земли на 1 д. м. п. даёт Андреевский по вотчине Можакова в Никольском у. на исходе XVIII в., однако без учёта господской запашки[1]; 3 дес. пашни составляют и обеспеченность на 1 д. м. п. в вологодской вотчине Воронцовых.

В наихудшем положении в смысле почвенных условий, не говоря уже о климатических, находилась Архангельская губ., по которой пашня составляла всего 0,9 дес. на 1 д. м. п. Данные о фактическом посеве почти соответствуют общей площади пахотных земель (0,5 дес. посева, что в условиях трёхполья составляет 0,75 дес. в трёх полях). Однако надо учитывать значительный размер росчистей в посевных площадях Архангельской губ., за счёт которых снижается использование основного фонда пахотных земель. Данные подворной переписи определяют размер посева в 1 дес. на двор для районов наиболее развитого сельского хозяйства — Шенкурского, Холмогорского и Архангельского у., что также составит около 0,5 дес. на 1 д. м. п. при лучшей обеспеченности сенными покосами — от 1,5 до 2,5 дес. на 1 д. м. п. — и соответственном развитии скотоводства.

Недостаточно определившаяся экономическая характеристика губерний Среднего Поволжья, Приуралья и Севера с местными особенностями, обусловленными преобладанием промышленности, промыслов или сельского хозяйства, порождает пестроту соответствующих показателей по губерниям и по отдельным уездам губерний. Тенденция к повышению основных показателей характерна для более чернозёмных районов с растущим значением сельского хозяйства, в частности для юго-востока Нижегородской губ., для южной части Казанской губ., включая и нижнее Прикамье, для Симбирской и западной части Саратовской губ. Существенную роль играла и здесь степень хозяйственного освоения земель и вовлечения крестьянских хозяйств в систему рыночных отношений.

5. Надел и расслоение крестьянства

Приведённые выше наблюдения дают основание для выделения некоторых основных общих вопросов и для некоторых обобщающих выводов.

[1] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, стр. 52—53.

В отношении средней земельной обеспеченности Европейская Россия во второй половине XVIII в. более или менее отчётливо делится на две основные зоны. Для её северной половины — Центрального промышленного и Северо-западного промыслового района с примыкающим Прибалтийским районом на западе, западной частью Нижегородской губ. и частично северных губерний — *обеспеченность пахотной землёй определяется в среднем в 3—4 дес. Для южной части* — старого чернозёмного района, последовательно расширяющегося на юг и на восток, где в него включается Среднее Поволжье, эта *обеспеченность значительно выше — до 5—6 дес.* Менее ясную картину представляет район Приуралья, где к земледельческим губерниям тяготеет Оренбургская. Относительно высокие показатели по Вятской губ. хотя и связаны со старой ролью района в сбыте хлеба (знаменитый Хлыновский район XVI—XVII вв.), однако в значительной мере должны быть объяснены медленным заселением края в XVIII в. Вместе с тем при всей значительности такого различия, составляющего для южного чернозёмного района увеличение на 50—60%, оно не создаёт между районами решительного принципиального различия. *Данные фактического использования пахотных земель* отражают эту разницу между районами, *составляя около 2 дес. для Северного района,* включая в данном случае и Приуралье, и *около 3 дес. в трёх полях для Чернозёмного района;* снижение этого показателя для Среднего Поволжья обусловлено отставанием в его хозяйственном освоении, как это было отмечено выше. Однако амплитуда колебаний между ним и земледельческим районом показывает определённую тенденцию к сокращению, что в известной мере подтверждает выдвинутое нами положение об определившейся тенденции в экономической эволюции района. Последнее даёт основание для двух существенных выводов.

Во-первых, устанавливается далеко *неполное использование наличных пахотных земель в обоих районах,* не говоря уже об обширных резервах в виде лесных угодий, допускающих расчистку под пашню в северных районах, а также в виде обширных степных целинных земель на юге. Эти данные решительно опровергают «теорию» кризиса трёхполья и последовательной передвижки сельскохозяйственного центра к югу, выдвинутую Н. Огановским и другими мелкобуржуазными историками-экономистами. Весь вопрос сводился этими авторами к исчерпанию земельных ресурсов в лучше освоенных и заселённых районах, последовательно вынуждавшему к перемещению населения на новые свободные земельные просторы. Таким образом, создавалась своеобразная колонизационная теория русской истории на экономической основе — вариант старой колонизационной теории русской буржуазной историографии. К росту малоземелья сводился и вопрос кризиса трёхполья: указывалось, что малоземелье усугублялось в результате трёхполья как экстенсивной системы земледелия, оставлявшей одну треть земель без практического использования — под паром. Этими внешними моментами подменялись в обоих положениях истинные внутренние причины, лежавшие в экономическом содержании исторического развития — в росте производительных сил и связанном с ним развитием товарных отношений, возникновением капиталистического уклада.

Мы не имеем при этом в виду отрицать вообще значение природных, т. е. в известной мере внешних, условий, как климатические и прежде всего почвенные условия, усугубляемые ещё значительной выпаханностью земель старого центра Русского государства, на которую систематически указывают ответы на многочисленные экономические анкеты, топографические описания и обширная экономическая сельскохозяйственная литература второй половины XVIII в. Но в то же время вплоть до XVIII в. эти самые природные условия не останавливали последовательного распространения пашни именно в пределах старого центра, в том числе за счёт расчистки обширных лесных массивов. Вплоть до 30-х годов XVIII в., как показывают материалы, старая Московская губ., лишь на юге включавшая небольшие части Тульской и Рязанской губ. в части их северных, относительно малоплодородных уездов, принадлежала к областям, вывозившим хлеб[1]. Но эти *природные условия действуют не сами по себе, а лишь в общей системе экономических отношений,* выступающих в конечном счёте в качестве основного определяющего условия. Сокращение площади посева стоит в прямой связи с переходом крестьян от хлебопашества к промышленно-промысловой деятельности и ростом отходничества, на что систематически указывают материалы, начиная с ответов на Сенатскую анкету 1766 г. и выступлений на страницах «Трудов Вольного экономического общества», издаваемых с 1765 г. То и другое определяется в конечном счёте причинами экономического порядка. Природные условия сказываются на сельском хозяйстве Центрального промышленного района не сами по себе, а в связи с ростом экономического значения промышленно-промысловой и торговой деятельности, её рентабельности для данного района. С другой стороны, именно *перестройка хозяйства данного района в направлении его торгово-промышленного развития,*

---

[1] См. *Е. Заозёрская,* К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России, «Вопросы истории» № 12, 1951 г., стр. 104; *Б. Б. Кафенгауз,* Хлебный рынок в 20—30-х годах XVIII столетия. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР» № 1, М. 1952, стр. 459—510; ср. *Н. Л. Рубинштейн,* Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 76—77 (примечания) и 91—93.

вызвав рост рыночного спроса на хлеб, определила экономическую эволюцию южных губерний и их превращение в товарный земледельческий центр России уже во второй половине XVIII в. Вопрос решался в соответствии с природными условиями районов, *но только в силу общего экономического развития.*

Однако наряду с указанными экономическими причинами стремительного развития сельского хозяйства и торгового земледелия в этом районе приведённые цифры освещают и экономические причины, лимитировавшие это развитие. Данные фактического посева говорят о значительном возрастании в этих районах разрыва между общей обеспеченностью пашней и её использованием, достигающим 3 дес. в среднем на 1 д. м. п. Поскольку основной хозяйственной единицей является двор, где на 1 тяглеца (или, с учётом работоспособной женщины, — на 1 венец) приходится до 2 нетрудоспособных мужчин, мы можем считать среднюю дворовую запашку в 8—9 дес. против соответствующей средней обеспеченности в 15—18 дес. Приведённые данные показывают, что такая средняя норма сохраняется и в отношении барщинных крестьян, вся запашка которых, включая господскую пашню, укладывается в ту же общую норму; барщинный крестьянин не пытается соответственно расширить собственную запашку.

Можно высказать предположение, что, наряду с общими условиями, определёнными всей системой крепостнической эксплуатации, практические границы крестьянского хозяйства были обусловлены в известной мере также экономическими возможностями самого крестьянского двора, его общей экономической мощностью, и прежде всего именно наличием основной мужской рабочей силы, имеющей решающее значение на данной стадии хозяйственного развития, при данном уровне техники. Она дополняется, конечно, наличием тягловой рабочей силы, но соответствующее расширение скотоводческой базы в свою очередь и ещё в большей мере лимитируется экономическими возможностями крестьянского хозяйства.

Надо отметить, что надел в 3 дес. пашни на 1 д. м. п. в экономической литературе того времени рассматривается обычно как нормальный. П. Рычков в статье о земледелии Оренбургского края указывает 5 дес. как норму пашни, которую может обработать 1 взрослый рабочий. В «Наказе для управителя» он считал размер крестьянского надела до 4,5 дес. и господскую запашку в 1,5 дес. на тягло, т. е. менее 3 дес. на 1 д. м. п. Ф. Удолов в «Экономических правилах» и в «Наставлении управителю» считал 4,5 дес. пашни на 1 венец, или около 2 дес. на 1 д. м. п., но дополняет это 4 дес. сенокосу на венец [1].

[1] См. «Труды ВЭО», ч. VII, стр. 22; ч. XVI, § 6; ч. XV, стр. 168, сл.; ч. XI, стр. 54.

В этой связи представляет особый интерес статья С. Струмилина «К истории земледельческого труда в России». Хотя этот вопрос им прямо не поставлен, но его расчёты как будто также позволяют принять 3 дес. за техническую норму крестьянской запашки для дореформенного периода [1].

В этом отношении собранные материалы дополняются данными конкретного изучения отдельных хозяйственных комплексов. Необходимо оговорить, что последние ещё малочисленны и поэтому не позволяют делать окончательные выводы. Тем не менее характерно, что в большинстве изученных вотчин фигурирует та же средняя норма — до 3 дес. пахотной земли, оказывающаяся в то же время близкой к предельной душевой норме. Повышение общей дворовой нормы обычно сопровождается пропорционально более или менее близким увеличением размера рабочей силы на двор. Такое соответствие отсутствует при снижении нормы надела, но в этих случаях уже с полной обнажённостью выступает именно экономическая обусловленность таких изменений.

Как уже указывалось, средний надел в размере 1 дес. пашни в каждом поле или общий средний надел в 3 дес. пахотной земли существовал в вологодской вотчине помещика Межакова [2]. Ту же трёхдесятинную норму устанавливает Кошелев для Малосоятской вотчины Румянцева [3]. Норма примерно в 3 дес. устанавливается, по данным К. Н. Щепетова, и для шереметевских вотчин промышленного района. Приведённая им норма из указа 1796 г. по оброчным вотчинам составила 3,5 дес. на душу для Вязниковской вотчины Владимирской обл. и 3,23 дес. для Юхотской вотчины Ярославской губ.; при этом указ 1796 г. характеризуется тенденцией укрепления среднего крестьянского хозяйства в целях обеспечения господского тягла. Для Ивановской вотчины Владимирской губ. показана средняя обеспеченность по наличному земельному фонду на конец века в 1,8 дес. на душу; с учётом резкого сокращения пашни по с. Иванову и сосредоточения земледелия в приселье можно предположить для последнего примерно ту же среднюю норму в 3 дес. По расчётам А. М. Разгона, по Ивановской вотчине для основной группы средних крестьян в 337 дворов (около 70%) средняя обеспеченность землёй составляла от 2 до 3 дес. на 1 д. м. п., правда, с преобладанием низшей нормы,

[1] См. «Вопросы экономики» № 2, 1949 г., стр. 56.

[2] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века, стр. 52—53. Там же Андреевский указывает средний надел пахотной земли для Ярославской губ. в 2,3 дес., для Олонецкой — в 1,87 дес.

[3] См. *В. И. Кошелев*, Оброчная дворянская вотчина на рубеже XIX в. «Известия Воронежского Государственного педагогического института», т. VI, вып. 3, Воронеж 1940, стр. 55—56.

и лишь для 16% дворов поднималась до 4—5 дес. при фактическом среднем посеве до 3 дес. [1]

В перемышльской оброчной вотчине Голицыных, изученной Е. И. Дракохруст, средние дворы, составлявшие около 60%, имели до 3 дес. пашни на душу, но и у небольшой группы первостатейных наличная пашня составляла лишь немногим больше 3 дес., включая наёмные земли [2].

От 4 до 6,5 дес. пахотной земли на тягло, т. е. около 2—2,5 дес. на 1 д. м. п., составлял крестьянский надел в Смоленской губ. (Северо-западный район) по материалам, изученным Т. Рябковым, что вместе с господской запашкой также составляло в среднем 3—3,5 дес. пахотной земли [3].

Ряд конкретных исследований по вотчинным архивам относится к Тульской губ. Центрального земледельческого района. По Серебрянопрудской вотчине Шереметевых (Венёвского у.) указ 1796 г. определял надел пахотной земли в 5 дес. на 1 тяглового работника, или около 2 дес. на ревизскую душу, и 2 дес. господской пашни на тягло, или около 1 дес. на ревизскую душу в поле, т. е. те же 3 дес. [4]

Более высокие показатели дают материалы новосильской вотчины Голицыных с. Голунь на 1784 г. По расчётам Г. Н. Бибикова, в 76 дворах «посредственных» крестьян приходилось около 3,5 дес. собственной и около 1,5 дес. господской пашни на душу, т. е. до 5 дес. Последняя цифра мало отличается от среднего размера — 5,5 дес. в целом — для 80 дворов первостатейных. Однако характерно, что Г. Н. Бибиков высказывает тут же «предположение об имущественной необеспеченности крепостных данной категории», которое он делает на основе большого числа данных о разных вотчинных правонарушениях с их стороны. Отсюда можно сделать только один вывод, что эти крестьяне практически не обрабатывали отведённой им земли. Между тем в этих хозяйствах отмечается значительная концентрация рабочей силы в крестьянском дворе — в среднем 5 человек мужчин и женщин рабочего возраста и свыше 5 лошадей на двор, что давало менее 5 дес. земли на 1 лошадь. Что касается первостатейных, то их дворы отличаются большой обеспеченностью рабочей силой — в среднем 7—8 д. о. п. рабочего возраста и 8 лошадей (с увеличением в наиболее зажиточных дворах до 19). Кроме того, во дворах первостатейных, помимо концентрации семейной рабочей силы, отмеча-

---

[1] См. *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 64; *А. М. Разгон,* Крестьяне Ивановской вотчины Шереметевых во II половине XVIII в. (автореферат), М. 1951, стр. 7.

[2] См. *Е. И. Дракохруст,* Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в., «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 130—131.

[3] См. *Т. Рябков,* рукопись диссертации, стр. 143 и сл.

[4] См. *К. Н. Щепетов,* Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 57.

ются «покупные люди», а также наёмные крестьяне в порядке скрытого найма беднейших односельчан, передававших одновременно зажиточной верхушке и свои наделы в порядке негласной аренды [1]. М. А. Казаринова сообщает о снижении надела в новосильской вотчине к концу века — до 2,5 дес. на 1 д. м. п., а по другой тульской вотчине Голицыных в Епифанском у. определяет душевой надел до 2 дес. также с последующим уменьшением.

Т. П. Ржаникова обследовала несколько вотчин в губерниях Среднего Поволжья. По Подгорной сл. — Нижегородской вотчине Юсуповых (оброчной) — крестьянский надел составлял от 1 до 4,5 дес. пахотной земли, причём для подавляющей части дворов (65%) надел пахотной земли составлял в среднем около 2,5 дес., для 10% — около 3,5 дес. По саранской вотчине Полянских средний душевой надел составлял 2,7 дес. и около 1 дес. барской пашни в трёх полях, около 3 дес. надела при переводе на оброк. В вотчине Воронцовых в том же Саранском уезде средний надел определён в 0,5 дес. в каждом поле, но при этом фактический надел колебался от 1,4 до 7,5 дес. в зависимости от экономической мощности отдельного двора.

В пензенской вотчине Б. А. Куракина селе Архангельском амплитуда колебания тягла и соответственно земельного надела достигла значительных размеров — от $^1/_4$ до 3 тягл на 1 двор и соответственно от $1^1/_3$ до $9^1/_2$ дес. (за исключением безземельных и бестяглых). Однако в переводе на душевой надел амплитуда колебаний значительно сокращалась, составляя от $^1/_2$ до 1 дес. в поле на 1 д. м. п.: среднестатейные в этом отношении в основной массе не отставали от первостатейных, так что и здесь средний душевой надел составлял примерно 3 десятины в трёх полях. Впрочем, для данной вотчины расчёт затрудняется тем, что надельная земля дополнялась здесь в период 50—80-х годов до запрещения владельца вотчины, приступившего к заведению собственной пашни, вольной распашкой так называемых чищёбных земель, росчистей, составлявших, в зависимости от мощности двора, от 0,5 до 2,9 дес. на двор. Однако в переводе на душу это не могло внести принципиальных изменений, тем более, что запашка чищёбных земель зачастую сопровождалась забрасыванием надельных.

В пензенской вотчине Куракиных, как и в новосильской вотчине Голицыных или в Ивановской вотчине Шереметевых, увеличение тягла, определявшее соответствующее увеличение надела, исходило из общей оценки экономической силы двора, но в последней немалую роль играла, как указано, концентра-

---

[1] См. *Г. Н. Бибиков,* Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 82—83.

ция рабочей силы. Именно отсюда вытекала ограниченность различий в обеспеченности землёй на душевой надел в её верхней норме.

Однако экономические различия при этом отнюдь не снимались, а, наоборот, усиливались и приобретали основное определяющее значение. Их ближайшим отражением было, во-первых, указанное углубление различий в экономической мощности отдельных хозяйств. В данных социально-экономических условиях технические возможности определяли границы душевой нормы и тем самым размера дворовой запашки. Но укрупнение хозяйств и концентрация рабочей силы приносили свои экономические выгоды: обеспечивались организационные условия общего расширения хозяйства, в том числе и лучшие агрономические условия, прежде всего расширение скотоводства и концентрация поголовья скота, отмечаемые во всех указанных вотчинах, но особенно в вотчинах чернозёмного района. Концентрация поголовья скота обеспечивала хозяйство не только тягловой силой, но и необходимым удобрением, повышая тем самым производительность земледелия, и в то же время доставляла дополнительные источники торгового и специально промыслового (извоз) дохода.

Приведём для конкретности примерный расчёт зернового баланса крестьянского двора. Богатый двор, хорошо обеспеченный людской силой и скотом, т. е. тягловой силой, получал, конечно, урожай выше среднего — от сам-4 до сам-5 в Центральном промышленном районе, примерно сам-7 в Чернозёмном. В первой группе губерний это могло составить при душевом наделе в 3 дес. около 10 чтв. ржи (2 чтв. посева на 1 дес. и свыше 15 чтв. овса) (3,5 чтв. посева на 1 дес.), итого около 25 чтв. Считая в среднем 6 чтв. на потребление (1 д. м. п. и 1 д. ж. п.) и содержание скота и 5,5 чтв. на посев, мы получаем излишек около 12 чтв., а при среднем составе такого двора в 3 д. м. п. общий остаток зерна по такому хозяйству должен был составить свыше 30 чтв. В чернозёмной полосе соответствующий валовой урожай составлял 15 чтв. ржи и 25 чтв. овса с душевого надела, а за вычетом расхода, даже с учётом большей обеспеченности скотом в Южном районе, около 25 чтв. товарных остатков на 1 д. м. п. и около 75 чтв. на двор. Этот товарный остаток должен был значительно возрастать в таких мощных дворах, как приведённые выше дворы в тульской вотчине Голицыных с 7—8 д. м. п., где годовой товарный остаток мог достигать соответственно 100—150 чтв. даже без учёта других источников расширения хозяйства.

В то же время бедный двор, имея надел в среднем около 2 дес. на 1 д. м. п. и при значительно худшей обработке, мог получить урожай в среднем до сам-3. Это значит, что он мог собрать урожай около 10 чтв. с душевого надела. На посев на десятину ему требовалось столько же, сколько богатому, но

в его зерновом бюджете это составляло около 35% сбора, тогда как у богатого — от 20 до 12%. Даже при нормальном урожае у бедного крестьянина едва оставалась душевая потребительская норма, а каждый неурожай грозил ему разорением.

Приведённый условный расчёт совпадает с конкретными данными по тульской и калужской вотчинам Голицыных, опубликованными Г. Н. Бибиковым и Е. И. Дракохруст, с анализом материалов пензенской вотчины, данным Э. С. Коган, и др. Правда, приводившийся выше расчёт по Курской губ. даёт более благоприятную характеристику группы бедных крестьян. Это можно объяснить как официальным характером самого документа, так и менее глубоко зашедшим расслоением, а главное меньшим разорением беднейшей группы в этом самом Южном районе с его более поздним заселением. Напомним также, что расслоение помещичьих крестьян в документе вообще не показано.

При этом рост товарности зажиточного двора не ограничивался рамками земледельческого хозяйства, а находил своё выражение в общем расширении промышленной и промысловой деятельности (соединение мелкобуржуазного земледелия с мелкобуржуазными промыслами, по Ленину). Такова роль маслобойного производства и торгового предпринимательства в виде скупки зерна и других сельскохозяйственных продуктов для перепродажи у крестьян голицынских вотчин. Деревообделочные промыслы, торговые операции и ростовщичество дополняли сельскохозяйственные занятия в вотчинах Куракиных, усиливая процесс расслоения крестьянства. Промышленное предпринимательство и мелкое товарное производство, а также торговля — на одном полюсе, работа по найму в промышленном производстве — на другом характерны для Ивановской вотчины Шереметевых.

Если, условно говоря, технические условия феодального хозяйства (с учётом всей системы общественного строя) определяли верхнюю границу душевого надела, то исследования вотчинных хозяйств устанавливают значительные колебания в пределах указанной нормы. Эти колебания естественно обострялись в случаях снижения средней обеспеченности по отдельным дачам и в условиях расширения той части, которая отводилась под барскую запашку. Во всех указанных вотчинах обозначалась уже в этот период определённая и последовательно растущая группа беднейших хозяйств — либо совсем безземельных, либо с наделом в пределах 1—2 дес. в трёх полях на двор, представлявшим голодную норму, при которой становился неизбежным уход на сторонние заработки с последовательным отрывом от земледелия. Такой отрыв полностью оформился уже в XVIII в. в типичных промышленных сёлах, как наглядно показывают материалы Ивановской вотчины и прямые свидетельства ряда источников, в частности Экономических примечаний.

для других аналогичных селений. Исследование тульской вотчины Голицыных показало, что этот процесс происходил и в районе товарного земледелия.

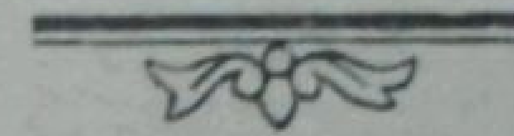
Процесс разорения беднейшей части села лежал в основе последовательного выделения и другой, верхушечной группы — зажиточного крестьянства, расширявшего своё земледельческое хозяйство за пределы указанной душевой нормы. Этот процесс, как очень ярко показали упоминавшиеся исследования Г. Н. Бибикова и Е. И. Дракохруст и многочисленные материалы по с. Иванову и Васильевскому, собранные А. М. Разгоном, остаётся ещё прикрытым условностью надельной системы крепостнической вотчины, но уже оформляется экономически. Основой этого расширения является именно указанный процесс разорения беднейшей части крестьянства, экономического разрушения его хозяйства. Этот процесс создал реальную основу расширения хозяйств зажиточной верхушки за счёт скрытой аренды земли, обработка которой обеспечивалась практически её бывшим владельцем из найма, так же как применение наёмного труда является основой крупного крестьянского предпринимательского хозяйства капиталистической эпохи.

В Ивановском приселье, сохранявшем свой земледельческий характер, 16% тяглецов (80 дворов) имели в среднем уже менее 1,5 дес. на 1 д. м. п., и, с другой стороны, зажиточные дворы, составлявшие 16%, имели свыше 4 дес., из них 6% — свыше 5 дес. на 1 д. м. п.

Если в голицынской вотчине или в пензенской вотчине Куракиных эти процессы ещё прикрыты оболочкой надельной системы, то в своих крайних верхушечных проявлениях они обнаруживаются уже в своеобразной форме капиталистического предпринимательства, утрачивая свой первоначальный мелкобуржуазный характер. Таковы крупные земельные владения ивановских крепостных крестьян — фабрикантов Грачёвых, Дурденевских, Гарелина, Ямановского и др., составлявшие десятки и сотни десятин земли. Впрочем, в условиях сохранившегося господства феодальной системы это предпринимательство своеобразно переплеталось ещё с чисто крепостническими формами эксплуатации: обработка этих хозяйств производилась в значительной части силой покупных крепостных крестьян, посаженных на эти покупные земли. Характерно при этом далеко не полное использование наличных пашенных земель. Средний посев на 1 сеющий двор определяется даже в этой хорошо обеспеченной группе от 8,7 до 10,1 чтв. (только в 4 дворах по 15 чтв.), что в переводе на десятины составляет с паровым полем не более тех же 3 дес. на 1 д. м. п. Очевидно, остальная площадь использовалась под выпас скота, рост поголовья которого отмечается в документах. В этой связи наиболее благоприятные условия представляли южные чернозёмные губернии, изобиловавшие ещё сенными покосами, что нашло своё прямое отображение в структуре крестьянских хозяйств Южного района. К сожалению, вотчинные архивы по наиболее типичным губерниям этого района ещё не подвергались соответствующему изучению.

Таким образом, практически сложившиеся различия обеспеченности землёй отдельных категорий крестьянства, крестьянских наделов, являются системой экономических различий, определяющихся в целом как процесс расслоения крестьянства на основе развития товарного производства в сельском хозяйстве и начала складывания капиталистических отношений. Содержание и природа этого процесса полностью раскрыты в трудах К. Маркса и В. И. Ленина.

Районные экономические особенности представляют проявление конкретных экономических особенностей этого общего, единого процесса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭКОНОМИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Основное значение в экономике крестьянского хозяйства вплоть до самых северных губерний — Архангельской и Олонецкой — принадлежало хлебопашеству. При этом важнейшей чертой в развитии сельского хозяйства и, в частности, крестьянского хозяйства второй половины XVIII в. явился рост товарности крестьянского земледелия. Конечно, товарные функции продолжают совмещаться с основной потребительской функцией крестьянского хозяйства, которое в массе по-прежнему удовлетворяло собственные потребности (включая изделие на помещика) за счёт своих внутренних ресурсов. *Речь идёт о выделении товарного производства как специального производства на рынок и о росте удельного веса последнего в общей массе крестьянского производства.* При этом степень товарности крестьянского хозяйства, конкретное соотношение его потребительской и товарной функций, стоит прежде всего в прямой связи с процессом расслоения крестьянского хозяйства. Непосредственно связанное с развитием товарного производства, оно в свою очередь определяет его дальнейший количественный рост и качественные изменения. Товарное производство достигает наиболее высокого уровня в зажиточных хозяйствах, сохраняет существенное значение у среднестатейного крестьянства и резко сокращается в хозяйствах третьестатейных, которые, однако, нередко реализуют наличный хлеб на рынке «по нужде», сами затем покупая хлеб по исчерпании своих ресурсов. «Скудные» крестьяне оказываются уже вынужденными покрывать часть своих собственных потребностей путём покупки, за счёт промысловых и иных заработков.

Показанный в предшествующей главе процесс расслоения крестьянства получил непосредственное отражение в экономике крестьянских хозяйств и подлежит конкретному изучению со всеми его по-районными особенностями [1].

[1] Процесс расслоения крестьянства в целом определяется всей совокупностью его хозяйственной деятельности, включая промышленные и торговые занятия, так что его рассмотрение представляет особую тему, выходящую за рамки специального исследования по истории сельского хозяйства. Предметом настоящей главы является его отражение в сельском хозяйстве.

Экономико-географические условия отдельных районов (с учётом природных условий) также оказывали известное влияние на экономику крестьянского хозяйства, на конкретное соотношение его потребительской и товарной функции. Так, *в малоблагоприятных условиях Севера*, при большой трудоёмкости земледелия и низкой урожайности, *хлебопашество сохраняло в основном потребительский характер* при несколько более выраженном товарном характере скотоводства и значительном удельном весе разных промысловых занятий. С другой стороны, *в Центральном чернозёмном районе* в силу всей совокупности местных условий *товарная эволюция крестьянского хозяйства была связана прежде всего с хлебопашеством.*

Основными культурами крестьянского зернового хозяйства являлись рожь и овёс, известные и во всей русской экономической литературе XIX в. как «крестьянские хлеба». Вместе с тем в силу природных и агротехнических условий наблюдаются существенные отклонения в составе яровых хлебов: на севере овёс вытесняется ячменём, на юге он сочетается с гречихой и частично с пшеницей, посевы которой расширяются во второй половине XVIII в. в крестьянском хозяйстве. При этом в более южных губерниях появляется и озимая пшеница, распространение которой особенно характерно для восточных губерний, в первую очередь для Оренбургской (Уфимской). Расширение культуры пшеницы в крестьянском хозяйстве непосредственно связано с развитием товарного хлебопашества. Указанная эволюция выступает с полной отчётливостью при порайонном изучении крестьянского хозяйства [1].

1. Хлебопашество в крестьянском хозяйстве промышленного центра и северо-западных районов

Распространение хлебопашества в северных губерниях отчётливо отражается в ведомости посева и урожая за 1795 г. [2]

Общий расчёт губернаторского донесения, исходя из потребительской нормы в 1,5 чтв. на 1 д. м. п. [3], определяет общий

[1] В последующей порайонной характеристике мы не останавливаемся специально на вопросах техники крестьянского хозяйства, считая более целесообразным отнести их рассмотрение к следующей главе, посвящённой общему состоянию сельского хозяйства в рассматриваемый период, поскольку в период феодализма техника крестьянского хозяйства определяет характер всего сельского хозяйства, которое ведётся силами и техническими средствами крестьянского хозяйства.

[2] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59129.

[3] Норма уменьшена вдвое против обычных расчётов по центральным губерниям, очевидно, с учётом специфики местных условий: специально указывается на восполнение потребностей за счёт овощей и ягод, вероятно, учитывается и большая роль продуктов рыболовства и звероловства.

недостаток хлеба по Архангельской губ. в 35 211 чтв., что составило около 13% всего урожая, и по Олонецкой губ. — 44 086, или около 10%. При этом в общем составе Архангельской губ. выделяется Шенкурский у., на который приходилось свыше 35% всего урожая зерна по губернии и в результате свыше 15 000 чтв. товарных излишков. По всем другим уездам показан дефицит. В Олонецкой губ. также резко выделялся только один Каргопольский у., отмеченный и в других описаниях, например, у Челищева, причём вся зерновая продукция уезда, около 140 000 чтв., составляла тоже около 35% общей продукции по губернии и обеспечивала товарный остаток свыше 40 000 чтв. Дефицит хлеба отмечен по 5 уездам из 8.

Таким образом, основной потребительский спрос сельского населения названных губерний покрывался в значительной части за счёт внутренних ресурсов, т. е. внутри крестьянского хозяйства, тем более что исчисленная потребность должна быть снижена с учётом значительного крестьянского отхода.

По материалам подворной переписи 1785 г., обработанным М. Е. Шкляр, посев показан по большинству уездов более чем у 90% крестьянских дворов, лишь местами опускаясь до 80%, а в указанной выше наиболее земледельческой Шенкурской округе беспосевные дворы составляли лишь 3% [1].

При такой всеобщности хлебопашества ведомость посева и урожая говорит, видимо, о высоком уровне крестьянского хозяйства при небольшом размере земельного надела, определяя средний урожай в сам-4 и сам-5, т. е. выше, чем по центральным губерниям, несмотря на неблагоприятные природные условия [2]. В то же время не случайно именно Шенкурский у. с более выраженными тенденциями товарности дал и наиболее значительные колебания размера наделов, т. е. наиболее высокое расслоение крестьянства: по тем же материалам подворной переписи, 27,9% крестьянских дворов имели менее 1,5 дес., 56,6% — от 1,5 до 4 дес., 11,32% — 4—6 дес. и 4,2% — свыше 6 дес.

Приведённые материалы говорят о чисто потребительском в основной массе характере местного земледелия.

Материалы Сенатской анкеты также отмечают полное использование крестьянами этих губерний наличных пашенных земель [3] и в то же время указывают товарные излишки лишь по Каргопольскому у. Характерно, однако, что реализацию этих излишков ответ на анкету связывает со спекуляцией купечества, ссужающего крестьян вперёд деньгами на кабальных

[1] См. *М. Е. Шкляр*, Крестьянское хозяйство Архангельской губ. 60—80-х годов XVIII в. (автореферат), М. 1954, стр. 4 и сл.

[2] В частности, сам-5 составил урожай по Каргопольскому у., а по Шенкурскому у. урожай озимых достиг даже сам-6.

[3] См., например, ответы по Мезеню и Кевролю, ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. V, л. 602—605; т. III, л. 212 и сл.

условиях [1]. Во всяком случае реализация крестьянских излишков хлеба вряд ли выходила за пределы соседних округ. Вывоз хлеба из Архангельска обеспечивался в основном доставкой хлеба по Северной Двине из более отдалённых районов, и это в свою очередь не могло не влиять на ограничение товарного производства хлеба.

Судя по данным тех же анкет, крестьянское хозяйство Вологодской губ. также сохраняло потребительский характер. Академическая анкета лишь в отдельных случаях отмечает небольшие товарные остатки. Что касается указаний по Великому Устюгу о вывозе к Архангельску от 10 000 до 30 000 чтв. хлеба, то источник его получения не показан [2]. Между тем ответ на Сенатскую анкету по Вологодской пров. прямо связывал продажу хлеба в заморский отпуск с его поступлением из Вятской и Казанской губ., а запасы хлеба указывает на купеческих барках [3]. Данные о посеве и урожае по губернии за 1790-е годы показывают, что потребительские запасы по отдельным уездам, не исключая более хлебородной юго-западной группы уездов, не достигали даже 1,5 чтв. на едока [4].

Значительно сложнее представляется положение в Центральном промышленном районе. Рост разделения труда между районами, в частности между промышленным центром и районом товарного земледелия (Центральным земледельческим районом), сказался в известном свёртывании сельского хозяйства, в падении его экономического значения в первой группе губерний. Документы отмечают здесь недостаток хлеба против потребительских нужд населения. Покрытие этого недостатка шло за счёт привоза из южных земледельческих губерний, о чём систематически говорят уже указанные ответы на Сенатскую анкету.

В то же время развитие промыслово-промышленной и торговой деятельности и рост на этой базе промышленных и торговых сёл вели к известному внутрирайонному разделению труда, с одной стороны, между промышленным или торговым селом и его сельскохозяйственным присельем, с другой — между отдельными районами губерний и округ с их соответствующей специализацией. В то же время развитие промышленной и торговой деятельности в районе, усиливая расслоение крестьянства, в свою очередь вело к выделению внутри крестьянства более обеспеченного слоя, выступающего представителем товарного производства и в сельском хозяйстве. Именно на это указывал Маркс, говоря о появлении «уже в эпоху феодализма более состоятельных зависимых крестьян», которые

[1] См., например, ответы по Мезеню и Кевролю, ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, т. III, л. 213.

[2] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. № 23 (Великий Устюг), л. 19 (Сольвычегодск).

[3] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, кн. 1, л. 67—68; т. III, л. 300 и сл.

[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 58964.

сами, «в свою очередь, держали крепостных», а затем «эксплуатировали за свой счёт сельских наёмных рабочих» — возникающий класс «неимущих подёнщиков, нанимающихся за деньги» [1].

Материалы анкет 1760 г. — Академической и Шляхетного корпуса — в характеристике города и его округи в центральных промышленных губерниях говорят большей частью об отсутствии или незначительности товарных остатков, о производстве хлеба «не на продажу». Например, в ответе по Угличу значилось: «торгового хлеба почти нет» [2]. Но в то же время соответствующий ответ по г. Любиму отмечает крестьянский торг хлебом в самом г. Любиме, в с. Даниловском и с. Вяцком, указывая при этом на «изобильных землёю и работными людьми обывателей», т. е. на зажиточную часть крестьянства [3]. Специализация на хлебном торге отмечена по ряду сёл Владимирской губ. и соседних районов Костромской, в частности для с. Писцова Костромской губ. и с. Лежнева Владимирской губ. (последнее отмечено и в Академической анкете и в основанной на её материалах публикации Бакмейстера [4]), но надо оговорить, что в данном случае речь могла идти и о привозе хлеба из более отдалённых районов для продажи в крупном промышленном селе. Крестьянские торги хлебом наряду с разной крестьянской «рухлядью» отмечены и на сельских торжках Муромского у., который вообще довольствовался больше привозным хлебом из Тамбовской губ. [5]

Анкета Вольного экономического общества 1766 г. вносит большую порайонную дифференциацию, отмечая полное отсутствие товарного хлеба во Владимирской или Костромской пров., «хлеба в излишестве мало» — по Калужской, малую продажу в городе — по Переяславль-Залесской пров. и сравнительно значительный отпуск хлеба, даже в Москву, — по Юрьев-Польской пров. (будущей Владимирской губ.) [6].

Материалы Сенатской анкеты также отмечают зависимость всего этого района от привозного хлеба из «низовых мест», особенно в районах, прилегающих к Волге, но в то же время указывают на известные внутренние ресурсы и скупку хлеба в отдельных районах, например, в уже упомянутых Любимском у. и Юрьев-Польской пров., только с той разницей, что по Любимскому у. говорится специально о скупке хлеба у бедных крестьян в порядке кабальных сделок, а не о реализации товарных излишков [1].

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 812.

[2] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10б, д. 101, также д. 8 по г. Романову Ярославской губ., д. 91 и 115 — города Кологрив и Унжа Костромской губ., д. 29 — г. Лихвин Калужской губ.

[3] Там же, д. 114; см. *Э. А. Нерсесова,* Экономическое состояние Костромской провинции, Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760-х годов, «Исторические записки», АН СССР, кн. 40, 1952 г., стр. 164—165, 178—179 и др.

[4] Ср. *А. М. Разгон,* Промышленные и торговые слободы и сёла Владимирской губернии во второй половине XVIII в., «Исторические записки», АН СССР, т. 32, стр. 156.

[5] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10б, д. № 152, п. 8.

[6] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, лл. 268, 350, 312, 227, 295, по анкете п. 31.

Такой же двойственный характер местного хлебного торга отражён в ответах по уездам будущей Московской губ.: крупная скупка хлеба отмечена на недельных сельских торжках Волоколамского у. с особенно крупным привозом крестьянского хлеба в экономическом селе Середе Стратилецкой и в помещичьем селе Ивашкове, спекулятивная скупка купцами в Коломенском у., даже отпуск хлеба в Гжатск из Можайского у. и полная зависимость (на время составления ответа) от привозного хлеба из южных губерний, в частности из Украины, в Верейском или Серпуховском у. [2]

Эти указания подтверждаются для последней четверти XVIII в. материалами Топографических описаний и Экономических примечаний. Хлебопашество в числе крестьянских занятий указывается повсеместно, но в описании Ярославской губ. оно явно отодвигается на второй план промысловыми занятиями и отходничеством, достигающим наивысшей цифры по этой губернии. Ещё ответ на Сенатскую анкету определил отход только из Ярославской пров. свыше 20 000 человек, а местная воеводская канцелярия на то же время указывала 30 000 отходников по паспортам; по сообщению Топографического описания Ярославской губ. 1797 г., «Из жителей здешней губернии летом весьма многие, а в зимнее время почти все генерально отходят по пашпортам для промыслов в Москву, Петербург, Ригу, Ревель, Казань и другие российские города» [3]. В связи с этим отмечается решающая роль привозного хлеба и крупный хлебный торг на волжских пристанях. В Костромской губ. заметно выделялся крупный сельскохозяйственный район на северо-востоке с товарным хлебопашеством и развитым скотоводством. В Макарьевском, Кологривском, Ветлужском и частично Варнавинском у. промысловые занятия явно отходили на второе место, а по Кологривскому у. годовой вывоз хлеба прямо указан в количестве свыше 30 000 чтв., причём весь хлеб для вывоза шёл из крестьянских хозяйств, поскольку, по данным Экономических примечаний, в уезде полностью отсутствовала барщина и значит господская запашка [4].

Во Владимирской губ. выделяются как земледельческие уезды Переяславль-Залесский (отмеченный и в материалах

[1] См. указанное сенатское дело, т. II, л. 134.

[2] Там же, л. 105—118.

[3] Там же, л. 176; Мособлархив, оп. 137 (по материалам кандидатской диссертации П. В. Иванова — «Вопрос о помещичьих крестьянах в наказах дворян Московской губ...», стр. 22—23); «Ярославской губ. топографическое описание, сочиненное в Ярославле в 1797 г.» (рукопись), Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников, № 1035.

[4] Ср. Описание Костромской губ. Васькова, Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, № 603, стр. 30.

Сенатской анкеты), Ковровский, Судогодский, Киржачский, хотя в последнем, видимо, бо́льшую роль играл лён, а не зерно. В этих районах отмечена и более высокая обеспеченность крестьян землёй. По Московской губ. хлебопашество отмечено повсеместно, но его значение выделяется в уездах, где оно сочетается со скотоводством, что связано с лучшей обеспеченностью землёй и в свою очередь обеспечивает получение естественного удобрения, — в Подольском, Воскресенском, Волоколамском и Можайском у.

Кроме внутрирайонного обмена основу местного хлебного торга составляло растущее расслоение крестьян. Это положение достаточно ярко отражено уже в некоторых ответах на анкету Шляхетного кадетского корпуса. Так, ответ по Суздалю, отмечая преобладающее значение земледелия в уезде, указывал значительные различия в положении крестьян: «п. 6. Народ уездной подлой больше упражняется ремесла своего в земледелии и кто в лутшем состоянии находится, больше имеет довольства в хлебе.., которые же недостачество имеют, те довольствуются от своих владетелей, а иные жалованием, протчие же отъезжали в разные города в ходьбе с иконами и для битья шерсти и протчим ремеслам» [1].

Ещё резче формулируют это различие ответы на Сенатскую анкету, фиксируя использование наёмных рабочих в крестьянском сельском хозяйстве. Ответ по Шуйскому у. говорит о зажиточных крестьянах, занятых торгами, «оставляя пашню на своих наемных работников», а ответ по Владимирской пров. говорит о бедных людях, которые «нанимаются пахать землю, косить сено» [2].

Значение расслоения в сельском хозяйстве этого района ярко вскрывается монографическим изучением отдельных вотчин. В Ивановском приселье, несмотря на преобладающее значение сельского хозяйства, сказывалась, конечно, и близость промышленного села, привлекавшего к себе прежде всего беднейшую часть крестьян, находивших себе здесь занятие и заработок. Размер надела колебался от 1—1,5 дес. до 14 дес. на двор, или от 0,5 дес. до 3—3,5 дес. пашни на 1 д. м. п., но в средних и особенно в высших слоях дополнялся покупкой (сравнительно значительной у небольшой богатой верхушки) и арендой земли, создававшей у небольшой части крестьян довольно значительные остатки зерна. Впрочем, в условиях промышленного характера района хлебный торг не приобретал здесь особого значения даже для этой верхушечной группы. Большую роль играло промысловое использование скота [3].

[1] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10б, д. 7.
[2] Указанное сенатское дело, т. II, л. 142 и 149.
[3] Мы пользуемся материалами диссертации А. М. Разгона. К сожалению, в этом плане крестьянское хозяйство ещё мало обследовано; в печатной работе К. Н. Щепетова соответствующие данные полностью отсутствуют.

Яркая картина расслоения показана Е. И. Дракохруст для другой губернии, Калужской, по материалам Голицынской вотчины с. Пятницкого с деревнями. Для выделившейся группы «достаточных» крестьян характерно использование аренды земли, втрое превышавшей основную надельную землю. Но в то же время и здесь основой разделения оказывалось не хлебопашество, а промысел и торговля, в том числе в области сельского хозяйства разведение технических культур для промысловых и торговых целей и торговое скотоводство [1].

Впрочем, крестьянское товарное сельское хозяйство этого района связано в основном со специальными отраслями. Так, для Центрального района значительную роль играла такая отрасль сельского хозяйства, как огородничество.

Промысловые занятия ещё более характерны для Северо-западного района, где они неизменно соединяются с потребительским земледелием и последовательно оттесняют его на второй план. Материалы Академической анкеты (по Кашину) и Сенатской анкеты (по Кашинскому и Бежецкому у.) хотя и говорят систематически о ведении хлебопашества, но отмечают необходимость широкого использования росчистей за выпаханностью старой пашни и малые товарные остатки (Академическая анкета), а также продажу необходимых хлебных запасов с вывозом к Петербургу и за море, «льстясь» на высокие цены [2]. По данным обстоятельного Топографического описания Тверской губ., хлебопашество в крестьянском хозяйстве, как правило, отходило на второе место и давало некоторый доход от реализации лишь в Бежецком, Калязинском и Кашинском у. Только по первому этот доход определён в более значительном размере: у экономических и дворцовых крестьян — до 30 руб. на двор, включая скупку для перепродажи, у помещичьих — до 10 руб. В Калязинском у. продажа излишков хлеба определена в 7—8 руб. на крестьянский двор. Местами товарное сельское хозяйство связано с посевами льна. В основном денежные доходы крестьян связываются с промысловыми занятиями.

Определённой товарностью зернового хозяйства выделялась в этом районе Смоленская губ. Ответ на анкету Шляхетного корпуса 1760 г. по Смоленску указывал: «остающийся хлеб для продажи отвозят водяным путем до Риги», отмечая значение пристани в с. Поречье [3].

Товарность сельского хозяйства губернии определена его связью с экспортом хлеба и вывозом на петербургский рынок; реализация обеспечена выгодным расположением на торговых путях: от Гжатска по Вышневолоцкому каналу к Петербургу и через Бельскую и Порецкую пристани по Двине к Риге.

[1] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 129—131, 136 и др.
[2] См. указанное сенатское дело, т. II, л. 186 и сл.
[3] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10б, д. 3, п. 15 и 21.

Поэтому рядом с крупным местным помещичьим хозяйством, производившим хлеб на вывоз, как хозяйство Барышникова, выделяется зажиточная крестьянская верхушка. Среди крестьян указанного Барышникова при среднем наделе в 6—12 дес. на тягло и запасе хлеба и конопли до 10 чтв. на двор Т. Рябков у наиболее зажиточных крестьян отмечает высокую обеспеченность двора рабочей силой (до 4 д. м. п. рабочего возраста) и тягловой силой (7—10 лошадей), высокий размер надельной земли на двор — до 30 дес. и большие запасы зерна в 30—20 чтв. К сожалению, в работе не указано, на какое время года относятся приведённые данные о запасе хлеба, но значительная товарность этих хозяйств несомненна. С этим связаны, очевидно, и сообщаемые им случаи более значительной покупки и аренды земли на стороне отдельными крестьянами или незначительными группами в несколько дворов. Наконец, об этом же свидетельствуют приводимые данные о распространении найма богатыми крестьянами для сельскохозяйственных работ «скудных» крестьян, малоземельных, в том числе казённых [1].

Новгородская губ. по своей характеристике ближе к Тверской, поскольку к тому же её природные условия большей частью малоблагоприятны. Большое значение земледелия наряду с выделением скотоводства отмечено только по Боровицкому и Череповецкому у. В отношении первого могла сказаться связь с водным путём на Петербург, но для этого района у нас, к сожалению, отсутствуют соответствующие конкретные данные по крестьянским хозяйствам. Описание северо-восточных уездов губернии — Кириловского, Белозерского, Устюжского, Тихвинского — подтверждает преобладание здесь промыслов и недостаточность хлебопашества, в силу чего местное крестьянство за немногими исключениями было вынуждено довольствоваться покупкой привозного хлеба [2].

Близость петербургского рынка определила сравнительно большее значение хлебопашества в уездах Петербургской губ., а также в прилегающих районах Псковской, особенно в Порховском у. В целом Петербургская губ. в 1795 г. дала урожай в количестве 1 112 000 чтв., а за вычетом посевного материала остаток около 760 000 чтв., что на официальный состав населения губернии составляло средний душевой запас около 2,5 чтв., приближаясь к обычной расчётной потребительской норме. При этом, однако, свыше 50% всего урожая приходилось на два южных уезда — Лугский и Гдовский, а с присоединением западного Ямбургского у. — около 70%. С другой стороны, до-

[1] См. *Т. Т. Рябков*, Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой трети XIX в. (рукопись диссертации), стр. 143—193; *Я. Соловьёв*, Сельскохозяйственная статистика Смоленской губ., М. 1855, стр. 221—222 и др.

[2] См. *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., Спб. 1886, стр. 253, 254, 273, 267 и др.

несения петербургского губернатора указывали, что значительный приток в Петербург пришлого населения, не учитываемого ревизиями, ставил снабжение самого Петербурга в зависимость от поступления хлеба из центральных районов по Волжскому водному пути [1].

Товарность крестьянского хозяйства Псковской губ. связана в основном с технической культурой льна, о котором речь будет особо.

Что касается прилегавшего района прибалтийских губерний, то развитие местного крестьянского хозяйства в основном подавлялось господским хозяйством, принявшим здесь резко выраженный товарный характер.

2. Товарное крестьянское хлебопашество в чернозёмных губерниях

Значительно отличную картину представлял в этом отношении Центральный земледельческий район.

Прежде всего решительно все источники говорят для всех губерний этого района о крестьянской продаже хлеба на вывоз из губернии, о закупке его как приезжими людьми из Центрального промышленного и Северо-западного районов, так и местными скупщиками — в значительной части из «заживных» крестьян, вывозивших как собственный, так и скупаемый для перепродажи хлеб. Немного отставали в этом отношении только северные уезды Тульской и Рязанской губ., по своим природным условиям примыкающие к губерниям Центрального промышленного района, а также западные уезды Орловской губ. Ответ на Академическую анкету по Алексинскому у. Тульской губ. говорит о значительной роли промышленной и промысловой деятельности, а о зерновом хозяйстве — «только про свои расходы, а не в продажу» [2]. Посредственное состояние хлебопашества в Каширском у. (будущей Тульской губ.), а также в Рязанской пров. отмечает ответ на Сенатскую анкету [3]. Ответ на анкету Вольного экономического общества также подчёркивает значение разных промыслов в Рязанской пров. [4] В дальнейшем материалы Экономических примечаний и Топографические описания отмечают здесь и худшее состояние хлебопашества и низкую обеспеченность землёй — в среднем менее 3 дес. пахотной земли на 1 д. м. п.

В основном, однако, даже по названным уездам материал анкет систематически подчёркивает продажу крестьянами хлеба

[1] См. указанное сенатское дело, т. II, л. 94 (п. 11).

[2] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 105, д. 94.

[3] См. указанное сенатское дело, т. II, л. 113—115, 118—120.

[4] См. «Труды ВЭО», т. VII, стр. 74 (п. 58).

за счёт товарных излишков и крупную роль «заживных» кре-
за счёт товарных излишков и крупную роль «заживных» кре-
стьян в скупке крестьянского хлеба на перепродажу.
стьян в скупке крестьянского хлеба на перепродажу.

«Хлеб и скот возят в Москву, Тулу и др. города», значится в ответе на анкету Шляхетного корпуса из Епифани. «Излишки отвозятся на продажу в Москву», сообщается из Скопина. О вывозе хлеба пишут из Мценска, о продаже хлеба в Орле и черкасских слободах — из Яблонова. Ответ из Орла говорит о судовом ходе с хлебом из Орла в Москву и другие города, а из города Орлова (Воронежская губ.) о бударах с хлебом, идущих вниз по Дону [1].

Ответы на Сенатскую анкету отмечали даже по Каширскому у. вывоз хлеба «целыми обозами» по закупке из Московской, Тверской и Владимирской пров. Из Ефремовского у. «хлеб возят на продажу в разные города — Москву, Тулу, Серпухов, Калугу, разведывая, где хлебу состоит высокая цена». На скупку хлеба приезжими «из замосковных мест» и на «немалое число» скупщиков крестьян указывали ответы из Рязанской пров., Зарайского, Пронского и Михайловского у. (будущая Рязанская губ.). В южных уездах будущей Курской и Воронежской губ., частично в Орловской, отмечается соответственно продажа в соседние украинские губернии, главным образом на винокурение. Особенно крупная хлебная закупка показана по Воронежской пров., по Тамбовской пров. и прилегающему району с вывозом из Моршанска по р. Цне не менее 100 стругов с 300 000 чтв. хлеба [2].

По будущей Орловской губ. ответы выделяют особо Брянский, Карачевский, Кромский, отчасти Трубчевский у. с их значительными лесными массивами, промышленными и промысловыми занятиями и худшими почвенными условиями, для которых, в частности, основной сельскохозяйственной культурой указана конопля [3].

Ответ по Рязанской пров. на анкету Вольного экономического общества, отводя большое место разным крестьянским промыслам, также говорит о продаже крестьянского хлеба, отвозимого сухим путём самими крестьянами в Москву и другие города или продаваемого в виде муки скупщикам на суда, идущие к Москве по Оке и Москве-реке [4]. Крупная продажа крестьянского хлеба отмечена и в ответах по Воронежской и Елецкой пров., причём из последней хлеб отвозился в Москву, Тулу, Калугу, Серпухов, Орёл, Мценск, Белев, Болхов, Гжатскую пристань, большей частью в зимнее время «на собствен-

[1] См. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 105, д. 112 (п. 6), д. 32 (п. 21), д. 5 (п. 21), д. 46 (п. 21), д. 137 (п. 11), д. 92 (п. 11). Будары — местное название судов.

[2] См. указанное сенатское дело, т. III, л. 115, 261—262, 118—127, 219—229, 249, 256 и др.

[3] См. там же, л. 235—237.

[4] См. «Труды ВЭО», т. VII, стр. 74.

ных подводах, а не наймом»; в составе зерновых культур названы рожь, пшеница, пшено, горох и мак, а также овёс [1].

Этому отвечает отмеченная выше более высокая обеспеченность пашней (в среднем 5 дес.), а в южных районах и сенными покосами, устанавливаемая по материалам «Экономических примечаний».

Топографические описания по губерниям этого района — Тульской, Рязанской, Орловской и Курской, Тамбовской, Пензенской и Воронежской — указывают развитие хлебопашества в качестве основного занятия крестьянства. Соединение хлебопашества со скотоводством укрепляло и расширяло базу зернового хозяйства; такое соединение особенно подчёркнуто для Тамбовской, Воронежской, Пензенской и Курской губ. В Тамбовской губ. в отношении хлебопашества особенно выделены Моршанский, Лебедянский, Тамбовский, Спасский, Козловский и Борисоглебский у. В Рязанской губ. к неземледельческим отнесены уезды к северу от Оки, в Тульской — группа северо-западных уездов и в Орловской — упомянутые западные уезды.

О росте торгового хлебопашества говорят данные о посеве пшеницы в районе. Например, ответ на Сенатскую анкету по Карачевскому у. (будущая Орловская губ.) специально отмечает унавоженные пашни под озимую и яровую пшеницу рядом с заведением конопляников [2].

Рост посева пшеницы, особенно за счёт сокращения посева ржи в крестьянском хозяйстве южных губерний этого района, является непосредственным отражением развития товарности хозяйства. О том же говорит распространение крупяных культур — гречихи и проса и данные о крупорушках. Крупа — важный предмет сбыта [3].

Для развития товарного хозяйства в районе характерно появление найма рабочей силы в крестьянском хозяйстве, расширявшемся, очевидно, за пределы, обеспечиваемые собственными внутренними производственными ресурсами. Этому отвечает и указанная обеспеченность пахотной землёй — до 5 дес. на 1 д. м. п. Об этом говорят уже материалы Сенатской анкеты, главным образом по южным районам, хуже обеспеченным рабочей силой. О найме работников «немалою ценою» говорит ответ

[1] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 2, д. 386, л. 178 и 197 (п. 31).

[2] См. указанное сенатское дело, т. III, л. 236.

[3] Об этом свидетельствует приводимая ниже ведомость по Курской губ. Крупы выделены как крупный объект вывоза из Воронежской губ. в описании Болховитинова, см. *Е. Болховитинов*, Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губ., Воронеж 1801. Крупы являются значительной статьёй в ведомостях поступления товаров в Петербург на речных судах, см. ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59091, л. 152—153 и др. Обстоятельные данные о составе посевных культур по дачам содержит упоминавшееся неоднократно специальное «Топографическое описание Курской губ.» ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800.

по Тамбовской пров.[1] В ответе по Ливенскому у. сообщается, что «хлеба здешние жители по великой пашне собою убрать не могут, а убирают тот хлеб приходящими из других губерний и городов людьми, нанимая их за большую плату,... и такое множество людей для зажину хлеба (т. е. для жатвы. — *Н. Р.*) находят, что ныне по тому уже везде места их братьею заняты, и не найдя себе работы назад и в другие места отсюда возвращаются»[2].

Ответы отмечают уже и другой источник наёмной рабочей силы и расширения хлебопашества «заживными» крестьянами — крестьянское расслоение, ускоряемое обострением экономических противоречий в 60-е годы. «Многие жители пришли в оскудение, — говорится в ответе из Троицкого у., — и оттого земли свои прожиточным мужикам отдают, а сами идут в работы на водяные суда и в другие промыслы, а прочие к тем прожиточным мужикам нанимаются работать.., а иные неимущие за хлеб у тех прожиточных зарабатывают»[3].

Отметим ещё, что та же Сенатская анкета показывает прямое отставание однодворческих хозяйств южных уездов в земледелии. «Однодворческие земли в некоторых местах не все распаханы и лежат в пусте, из которых они вместо пашни сенокосом довольствуются», — говорится в донесении из Коротоякского у. О запущенности земледелия у экономических крестьян и особенно у однодворцев говорят также ответы из Елецкой и Шацкой провинций и из Ряжского у.[4]

Топографические описания наместничеств также отмечают отход из более северных районов на сельскохозяйственные работы, особенно на жатву и сенокос, в южные губернии. Такие указания имеются, например, в отношении Калужской губ. с её неблагоприятными для земледелия условиями, откуда отход должен был направляться в основном в Центральный земледельческий район. Но и из отдельных губерний Южного района, в том числе из Курской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской, отмечается в свою очередь отход на сенокосные работы и жатву в степные казачьи станицы, для торгового извоза на Эльтонские соляные промыслы «для подрядов и свозки соли» и пр.[5]

Главное значение в формировании крестьянского торгового земледелия, его территориального расширения и обеспечения рабочей силой в этот период имел прежде всего процесс крестьянского расслоения, ярко раскрывающийся в процессе монографического изучения отдельных вотчин.

[1] См. указанное сенатское дело, т. III, л. 266.
[2] Там же, л. 263.
[3] Там же, т. III, л. 183 об. (п. 14).
[4] См. там же, л. 251—259, 269, 276.
[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, ч. V, л. 203; д. 18668, ч. 3 «О уездах Воронежской губ.», п. 16, л. 90, 126, 143, 161 и др.

В новосильской вотчине Голицыных с. Голунь, изученной Г. Н. Бибиковым, согласно подворной ведомости 1784 г. 84 двора первостатейных, или 40% общего числа дворов, сосредоточивали в своих руках 83,5% наличной в вотчине крестьянской ржи, 66,6% овса, 69% гречихи и 78,6% гороха. При этом товарные остатки одной ржи составляли 2 789 чтв., а среднее наличие ржи на один двор — около 50 чтв., почти в 3,5 раза превышая внутреннюю потребность хозяйства. По отдельным дворам общая зерновая наличность исчислялась в несколько сот четвертей. Отметим, что такая концентрация зернового хозяйства стояла в прямом соответствии с концентрацией рабочей и тягловой силы (до 23 лошадей на двор помимо молодняка) и сопровождалась товарным развитием других хозяйственных отраслей — скотоводства, пчеловодства, торговых промыслов. По указанной группе дворов приходилось в среднем на двор 27,6 дес. собственной и 10,75 дес. барской запашки, не считая арендной земли, остающейся неучтённой. В то же время на другом полюсе образовалась значительная группа бедняцких хозяйств (около 20%), на которую приходилось менее 2% наличной ржи, а половина дворов этой группы вовсе не имела зерна. Такое положение может быть объяснено лишь ликвидацией самостоятельного хозяйства указанных крестьян, причём их надельная земля, очевидно, попадала в руки этой зажиточной верхушки на основе скрытой аренды, а вместе с землёй в те же хозяйства попадали и сами крестьяне этой группы в качестве наёмной рабочей силы. По указанной голицынской вотчине годовая продажа господского хлеба, большей частью в муке, не превышала 1 200—1 300 чтв., притом нерегулярно. Таким образом, товарный излишек одной зажиточной верхушки и только ржи более чем в два раза превышал максимальную помещичью продажу, а крестьянская продажа не ограничивалась одною рожью[1].

Значительное расслоение крестьян с развитием предпринимательства в хозяйствах зажиточной крестьянской верхушки отмечает В. И. Александрова и в Серебрянопрудской вотчине Шереметевых в той же Тульской губ. (Венёвский у.). С одной стороны, растущая масса «скудных» крестьян вынуждена была покупать хлеб: по данным 1800 г., 190 семей (1 493 души) купили на продовольствие и посев около 1 800 чтв. хлеба. В то же время богатая верхушка обрабатывала сверх надельной большое количество покупных и арендных земель и систематически продавала хлеб, для чего содержала на базарной площади специальные амбары. В 1787 г. отмечена продажа хлеба крестьянином Михаилом Корякиным соседнему помещику

[1] См. *Г. Н. Бибиков,* Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 76—112, особенно стр. 82—90 и 110—111 (таблица).

Игнатьеву, видимо, на винокуренный завод. С этим связана и значительная концентрация скота у зажиточных крестьян (свыше 20 лошадей, около 100 голов всего скота на 1 двор). Но здесь, видимо, главное значение имели многочисленные промысловые предприятия на сельскохозяйственном сырье (маслобойки, салотопки), торг и извоз. Капиталы отдельных крестьян определяются в 40 000—50 000 руб. [1]

Такое же положение сложилось у крестьян Архангельской вотчины Куракиных, в Городищенском у. Пензенской губ. с учётом особенностей, обусловленных недавним хозяйственным освоением этого района. И здесь обозначено резкое расслоение крестьян, но со значительным преобладанием «недостаточных», составлявших около 64%, при 36% обеспеченных дворов, из которых, однако, лишь половина обладала товарными остатками [2]. В расслоении крестьянства, помимо земледелия, существенную роль играли промыслы и торговля. Однако характерно, что зажиточная верхушка обладала в то же время значительным запасом зерна, явно получавшим товарное значение; запасы зерна сочетаются с большим поголовьем скота (до 25 голов на двор), указывающим на большое значение сельского хозяйства и в том числе хлебопашества в экономике этой группы дворов. Покупателями крестьянского хлеба в районе выступали, в частности, сами помещики, имевшие здесь крупные винокуренные заводы [3].

В той же Пензенской губ., в саранской вотчине Полянских в процессе крестьянского расслоения уже к 70-м годам также выделилась группа первостатейных (37 дворов — 15%), имевших в среднем 14 дес. пашни на двор, сосредоточившая в своих руках 40% наличия ржи, 44% лошадей, 37% коров. Расслоение крестьянских хозяйств в вотчине особенно ярко отражено в распределении скота по дворам [4]. Значительные колебания в крестьянских наделах показаны Т. Ржаниковой в воронцовской вотчине того же Саранского у., где душевой надел колеблется от 0,25 до 7,5 дес. пахотной земли при среднем наделе в 3—3,5 дес. [5]

Интересные данные о торговом характере земледелия у капиталистой крестьянской верхушки по саранской вотчине Полянских выявлены А. И. Булыгиным, изучавшим материал за всю вторую половину XVIII в. У отдельных крестьян в конце 70-х годов им устанавливается свыше 100 чтв. наличного хлеба,

---

[1] См. *В. И. Александрова*, Крестьяне крупной помещичьей вотчины центральной России в XVIII—XIX вв. (автореферат), стр. 13; рукопись диссертации, стр. 142 и 159—162.

[2] Товарное наличие показано в подворных описях; общий расчёт обеспеченности двора отличается некоторой условностью.

[3] Нами использована рукопись кандидатской диссертации Э. С. Коган.

[4] ЦГАДА, ф. 1276, д. 194; о скотоводстве см. ниже.

[5] См. *Т. П. Ржаникова*, указанная диссертация, стр. 317—318.

что определённо говорит о товарных излишках; заведены посевы пшеницы на продажу, в частности самому помещику для его крахмальной фабрики, причём в одном случае зарегистрирована продажа последнему 180 пудов, или 20 чтв. [1]

По Рязанской губ. мы имели возможность ознакомиться только с одной подворной описью по голицынской вотчине с. Берёзову с деревнями в Пронском у. Материал описи относительно ограниченный: она отражает только наличие хлеба. Однако основной процесс выделения крестьянских хозяйств с товарным хлебопашеством наблюдается и здесь. По самому с. Берёзову с 76 дворами значится, с одной стороны, группа в 11 дворов, против которых отмечено «хлеба нет», с другой — примерно 10 дворов с более или менее значительными хлебными излишками. В крупном крестьянском дворе Аф. Колибина (по ведомости № 28) с 13 душами обоего пола излишки составляли 43 чтв. и имели, таким образом, ясно выраженный товарный характер; в нескольких дворах излишки составляли 15, 20 и 25 чтв. В прилегающей д. Сергиевской с 16 дворами такой же крупный двор Козьмы Нефедьева имел свыше 30 чтв. излишков, в 2 дворах излишки составляли по 15 чтв., в 3 дворах по 11—12 [2].

К сожалению, монографические изучения по Центральному земледельческому району и специально по крестьянскому сельскому хозяйству ещё только начаты и не коснулись большей части губерний района. Интересным восполнением этого пробела является по Курской губ. Топографическое описание специального типа, представляющее скорее Экономические примечания особой редакции, в частности с учётом посевных площадей по культурам, оказавшееся в фонде Военно-учёного архива [3].

В заключительной части описания его составитель сделал попытку распределить всех «хозяев» по основным имущественным группам в пределах отдельных юридических категорий с обозначением основных показателей их земледельческого хозяйства — поголовья скота, производства хлеба и его товарных

---

[1] См. *И. А. Булыгин*, Крепостное хозяйство Пензенской губ. в последней трети XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 225, 240, 242.

[2] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 14, д. 2458.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. I—V. «Топографическое Курской губ. описание с показанием климата, долголетия стариков, отменного плодородия, людей и числа обитающих в ней жителей, их нравов, домоводства, свойства земли, обрабатывания оной, местоположения, всякого рода произрастающих продуктов, когда и куда земледельцы отвозят оные на продажу, от чего больше приобретают прибытки и в чем недостачествуют, какими орудиями пашут землю, в какое время каким хлебом засевают оную и во сколько мер урожай тому бывает, с какими странами купечество ведет торги и какую жители платят е. и. в. подать и протчая... в конце ж последнего тома означены притчины, от чего мало в той губернии денег. Сочинено тщанием губернии сея правителем г-ном Зубовым в 1784 г.»

излишков, с соответствующим определением общей массы товарной продукции по культурам и по основным категориям владельцев: помещикам, помещичьим крестьянам и государственным крестьянам. Определив общую зерновую продукцию губернии в размере около 9,8 млн. чтв., составитель описания исчислил раздельно потребительский расход, учитывая как потребность населения (по владельцам и хозяйствам), так и расход на содержание скота (из расчёта поголовья скота для каждой группы) и отдельно размеры продажи. Эти данные могут быть сведены в следующую таблицу:

Категория хозяев	Имущественная характеристика	Всего хозяев	Дворовых семей на 1 помещика	Скота на 1 владельца				Потребительский расход зерна (в чтв.)	Расход на продажу (в чтв.)
				лошадей	коров	овец	свиней		
1. Дворяне	«богатые»	100	30	100	50	100	200	150 000	
	«средние»	1 500	15	50	25	50	100	1 080 000	
	«бедные»	1 022	2	10	8	25	50	178 850	
	расход на винокуренные заводы							22 933	
								1 431 783	165 000
2. Помещичьи крестьяне		около 100 000		3	2	15	15	около 1 800 000	около 600 000
3. Государственные крестьяне	«богатые»	25 000	—	10	10	10	50	750 000	500 000
	«средние»	66 040	—	5	5	5	25	1 710 000	600 000
	«бедные»	30 035	—	2	1	5	10	570 000	180 000
	Всего...	121 075						3 030 000	1 280 000
Всего по губернии.....								6 261 783 63%	2 045 000 21%

Помимо общего расхода ведомость указывала остаток хлебных запасов — «затем остается в житницах» — 1 566 579 четвертей — 16% [1].

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. V, л. 201—202. В общих подсчётах ведомости имела место явная ошибка в расчётах расхода у богатых государственных крестьян, против показанной средней дворовой нормы этой группы (15 чтв. на личное потребление и посев, 15 чтв. на содержание скота и 20 чтв. на продажу), что сказалось на общих подсчётах. В нашей таблице внесены поправки на основании соответствующего расчёта, что привело к некоторому расхождению в итогах. В самом тексте имеются

О-3021

Составитель сделал также попытку определить размеры продажи хлеба с распределением по культурам и исчислением её в денежном выражении, разбив данные по двум основным социальным группам — помещикам и крестьянам.

Хлебные культуры	Продано хлеба [1]					
	помещиками			помещичьими и государственными крестьянами		
	количество чтв.	цена за 1 чтв.	всего на сумму руб.	количество чтв.	цена за 1 чтв.	всего на сумму руб.
1	2	3	4	5	6	7
Рожь	20 000	64 к.	12 800	300 000	64 к.	192 000
Овёс	20 000	32 к.	6 400	300 000	32 к.	96 000
Пшеница	5 000	2 р. 80 к.	14 000	100 000	2 р. 80 к.	280 000
Ячмень	5 000	1 р. 20 к.	6 000	100 000	1 р. 20 к.	120 000
Семя конопляное ...	5 000	1 р. 60 к.	8 000	112 854	1 р. 60 к.	180 566
Семя льняное	5 000	2 р.	10 000	100 000	2 р.	200 000
Греча	5 000	40 к.	2 000	150 000	40 к.	60 000
Греча до 30 000 чтв. в переработке на крупу	13 125	1 р. 30 к.	17 062	87 500	1 р. 30 к.	113 750
Просо	720	1 р. 60 к.	1 152	500	1 р. 60 к.	800
Просо до 30 000 чтв. в переработке на крупу	15 000	3 р. 20 к.	48 000	170 000	3 р. 20 к.	544 000
Горох	12 000	2 р.	24 000	150 000	2 р.	300 000
Всего	165 845		149 414	570 844		2 087 116

Критическая проверка означенной ведомости представляет значительные трудности. Большое значение имеет то обстоятельство, что источником этих ведомостей, как и всего описания, является материал губернского и уездных землемеров, которые по характеру своей служебной деятельности должны были располагать конкретными сведениями, собранными на месте. Но в то же время серьёзным камнем преткновения для исследователя с самого начала оказывается приведённая в ведомости итоговая цифра сбора хлеба по губернии в количе-

расхождения между итогами данной ведомости и соответствующими итогами ведомости продажи хлеба по культурам, которую мы воспроизводим ниже.

Сообщаемые здесь же данные о потреблении и продаже льна, пеньки, сена, а также о продаже скота будут приведены ниже, при рассмотрении соответствующих разделов крестьянского сельского хозяйства.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. V, л. 203.

стве около 8,3 млн. чтв., тогда как ведомость посева и урожая за 1783 г. определяет валовой урожай всего в размере около 2,0 млн. чтв.[1] и только для 1790-х годов в 4,5—5,0 млн. чтв. с соответствующим увеличением размеров посева[2]. Цифры губернской ведомости посевов и урожая за 1783 г. явно занижены и не покрыли бы даже внутренней потребности губернии; сами губернаторские донесения систематически отмечают заниженность поступающих данных о посеве и особенно об урожае. Но показания приведённой ведомости из описания, очевидно, в свою очередь завышены.

Тем не менее безусловный интерес представляют сообщаемые составителем ведомости пропорции наличия и реализации хлебных излишков у помещиков и у крестьян и по отдельным группам крестьян, а также экономическая характеристика отдельных групп крестьянства.

По расчётам ведомости, потребление помещичьих хозяйств (с учётом дворовых семей и расхода на содержание конюшен и скотных дворов) исчислялось в 20% всего губернского потребления, а помещичья продажа лишь в 8% губернской продажи хлеба. Продажа хлеба помещичьими крестьянами составила по ведомости около половины продажи государственных крестьян, что связано с удельным весом барщины, поскольку вся продукция господского хозяйства была произведена теми же помещичьими крестьянами. Доля помещичьих крестьян в хлебной продаже определена в 30%, государственных крестьян в 62% к общей расчётной величине продажи хлеба по губернии.

Особый интерес представляет распределение крестьян по группам и их имущественная характеристика, в частности по обеспеченности скотом. В составе государственных крестьян около 55% отнесено к средней группе, 25% составляют «бедные» и около 20% — выделившаяся богатая верхушка. Последняя группа сосредоточивала в своих руках 40% всей товарной продукции государственных крестьян, тогда как бедные крестьяне — едва 14%; при этом в общей продукции богатых крестьян товарные излишки определены в 40%, тогда как для двух других групп — всего в 25%. Таким образом, высшая группа решительно выделяется в смысле товарности своего хозяйства[3]. Это соотношение сходится с приведёнными выше наблюдениями над помещичьими крестьянами. В отношении последних ведомость, к сожалению, не даёт разделения по группам и в то же время в товарные хозяйства зачислила практически всех помещичьих крестьян.

---

[1] ЦГАДА, разр. XVI, д. 826, л. 174.
[2] Там же, д. 755, л. 53; ф. 1244, оп. 390, д. 59189 и 59214.
[3] Мы оставили пока без рассмотрения соответствующие данные ведомости, относящиеся к скотоводству.

Из всего приведённого материала следует, что *в этом Центральном черноземном земледельческом районе с господством помещичьего барщинного хозяйства и с развитием товарного земледелия на рынке господствовал крестьянский хлеб, крестьянскому хозяйству принадлежала решающая роль в процессе товаризации зернового хозяйства.*

Росту товарности крестьянского хозяйства соответствует высокий удельный вес в реализации более ценных товарных культур. Так называемые «крестьянские хлеба» рожь и овёс в расчёте по губернии составили вместе менее 40% общей товарной реализации. На первое место вышла греча, давшая с переводом крупы на расчёт в зерно около 350 тыс. чтв. (23%), столько же составило просо, около 6% дали в отдельности пшеница и ячмень. В ценностном выражении рожь и овёс дали всего около 15% общей продажи хлебных культур.

Мы не располагаем, к сожалению, соответствующими конкретными данными для прилегающего Юго-западного района — Слободско-Украинской или Харьковской губ. и так называемой Малороссийской губ. в составе будущих Новгород-Северской, Черниговской и Полтавской. Более обстоятельные характеристики экономики в Топографических описаниях Харьковской губ. (также в экономическом описании Ларионова) и Черниговской губ. (А. Шафонского) в этом отношении недостаточно конкретны. Общая характеристика этих губерний определяет их в отношении зернового хозяйства как губернии, покупающие хлеб, который ввозился сюда из соседних губерний Центрального земледельческого района, для которых они служили важным рынком сбыта зерна. Правда, описание Новгород-Северского наместничества, составленное Милорадовичем в 1781 г., в ряде случаев отмечало по селениям, особенно в южных поветах (уездах) этой более северной украинской губернии, наличие хлебных излишков и их продажу на ближайших местных рынках, но, видимо, в небольшом количестве; обычная формулировка: «хлеб употребляют и для своего пропитания и продают, прибыль же получают от родящейся здесь пеньки...» или от других источников; «хлеб отвозят... тем, кто имеет винокуренные заводы». Вывоз хлеба на более отдалённые рынки при этом не упоминается[1]. Привозной хлеб расходовался в основном на винокурение, получившее широкое распространение в местном помещичьем хозяйстве (как это было показано в гл. III), но составлявшее также принадлежность значительной части крестьянских хозяйств, являясь здесь особой привилегией бывшего казачества — «государственных подданных черкас» и войсковых обывателей, а также обширного местечкового населения. Очевидно, последнее должно было

---

[1] См. «Опис Новгород-сіверського намісництва (1779—1781)», стр. 210, 214—215, 254—255, 480—481 и др.

поглощать и основную массу внутригубернских товарных излишков зерна самого крестьянского хозяйства, которые, таким образом, должны были реализоваться на рынке уже как результат его промысловой деятельности. Более обстоятельные сведения по вотчине Базилевских — с. Турбаям с деревнями — отмечают и здесь значительное расслоение с высокой земельной обеспеченностью в верхних группах: 32 хозяйства из 66 имели от 10 до 40 дес. земли, а в руках 10 хозяйств, имевших от 80 до 200 дес. и более, сосредоточивалось около 1 500 дес. — половина всей крестьянской земли в вотчине. Но это крупное крестьянское землепользование было связано с бывшим казачеством и использовалось главным образом под скотоводство [1].

Соответственно товарность крестьянского хозяйства, его рыночные отношения по линии сельского хозяйства связываются здесь целиком с развитием специальных технических культур, с разведением конопляников и табаководства. С указанным положением — слабым вовлечением этого района в данный период в систему всероссийского хлебного рынка связано, очевидно, и большое значение ремесленно-промысловых занятий среди сельского мужского населения района, где число ремесленников достигает часто нескольких тысяч на уезд (без уездного города).

Наряду с этим Топографические описания отмечают для Харьковской, южных уездов Черниговской и будущей Полтавской губ. значительный промысловый отход в южные степные области, в частности в донские казачьи станицы, на сельскохозяйственные сезонные работы и для рыбной ловли, а также с торговой целью — для скупки и перепродажи скота.

Эти данные говорят о развивающемся и здесь на указанной сложной хозяйственной основе процессе крестьянского расслоения, определяющем общую экономическую структуру крестьянского хозяйства.

3. Крестьянское хлебопашество в Средневолжском и Восточном районах

Значительно ближе к процессам, развивавшимся в Центральном земледельческом районе, стоит эволюция Средневолжского района. Исключение составляют северо-западные уезды Нижегородской губ., тяготеющие к Центральному промышленному району, и заволжские земли с обширными лесами и преобладанием промышленных и промысловых занятий.

Земледельческий характер Средневолжского района подчёркивается уже в описаниях географических путешествий

[1] См. *І. О. Гуржій*, Повстання селян в Турбаях (1789—1793), Київ 1950, стр. 71.

конца 60-х годов, отмечающих на территории между средним и нижним течением р. Оки и Волгой, от Мурома до Сызрани и Симбирска тучную чернозёмную почву и хорошо распаханные поля. Об этом пишет Лепёхин, неоднократно указывая, что население «питается от хлебопашества», «промышляет хлебом» [1]. С другой стороны, этот район во второй половине XVIII в. выступает с товарными излишками хлеба, поставляет хлеб, в частности, на петербургский рынок по Волге. Специальное сенатское дело 1766 г., выясняющее вопросы заготовки хлеба в связи с затруднениями на хлебном рынке, вызвавшими также анкету о недороде, показывает крупную роль в деле правительственных закупок хлеба Нижегородского края с хлебными пристанями в Нижнем-Новгороде и в с. Лысково и Работках, Казани, в Симбирской губ. с пристанями на реках Волге и Суре. При этом закупка в Н.-Новгороде составила свыше 95 тыс. чтв. В с. Лысково, главной хлебной пристани Нижегородской губ., закупка хлеба в 1766 г. составила около 110 тыс. чтв., из которых около 70 тыс. приходилось на рожь и ржаную муку, 26 тыс. — на пшеницу и пшеничную муку, в с. Промзино Городище Алатырского у. — около 20 тыс. [2] Во время недорода середины 80-х годов казанский губернатор получил прямое распоряжение о закупке большого количества зерна в районе для отгрузки к Петербургу и успешно выполнил это задание [3].

Материалы анкеты Вольного Экономического общества совпадают с этими данными. Ответ по Алатырской пров. говорит об излишках хлеба, которые отвозятся на продажу в Нижний-Новгород и Лысково. Ответ по Арзамасской провинции, отмечая распространение хлебопашества, также подчёркивает процесс расслоения и выделения зажиточной верхушки — «который поселянин зажиточнее, трудолюбивее или еще и работников наемных имеющий», и прямо указывает на участие этих крестьян в хлебном торге: хлеб отвозился в Нижний-Новгород, Муром, Гороховец и отчасти в Ростов «от помещиков и от промышленников из крестьян» [4]. Торг хлебом указывал и ответ по Ставропольской провинции [5].

На распространение хлебопашества указывают и материалы Сенатской анкеты, отмечая по Казанской губ. скупку

[1] «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. 1, Спб. 1771, стр. 63—119, в частности, стр. 70, 92, 94, 104, 115, 118.

[2] ЦГАДА, ф. Генерального прокурора 249, д. 6444, 1766 г., л. 741—816; в частности, по Нижнему-Новгороду — л. 741—742, по с. Лыскову — 749, по с. Промзино Городище — л. 777.

[3] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 412, Комиссия о хлебе 1786 г., л. 109 и сл.

[4] ЦГИАЛ, ф. 91 (ВЭО), оп. 2, д. 381, л. 143 и 150, 157 (п. 6, 28 и 81).

[5] Там же, л. 129.

хлеба, в основном «к заводам» [1]. И здесь находим указания на активное участие в хлебном торге крестьян, реализующих свои товарные излишки хлеба, в частности, по Свияжской пров. [2]

Топографическое описание выделяет в Нижегородской губ. в качестве основного земледельческого района с преобладанием хлебопашества её юго-восточные уезды — Княгининский, Сергачский, Лукояновский и Перевозский, частично Починковский и Арзамасский. Во второй половине XVIII в. идёт процесс их хозяйственного освоения, отмечается довольно высокая обеспеченность крестьянского двора пашней и преобладание оброка в помещичьих вотчинах, так что именно крестьянство выступает здесь главным поставщиком хлеба на рынок.

В Казанской губ. таким же образом выделяются Цивильский, Арский, Чистопольский, Лаишевский, Спасский, Тетюшский и Ядринский у., причём последние 5 уездов характеризуются также распространением скотоводства. Симбирская и Саратовская губ. отстают в отношении заселения и хозяйственного освоения, но и здесь (по Саратовской губ., особенно в западных уездах и в селениях колонистов по Волге) отмечается ведущее значение хлебопашества и скотоводства. По Симбирской губ. ведомость посева 1795 г. показывает значительную роль таких товарных культур, как пшеница и полба (174 тыс. и 153 тыс. чтв., 13% и 12%) [3]. Топографическое описание Симбирской губ. также сообщает о закупках симбирскими, сызранскими и других городов купцами хлеба в Симбирской губ. на ярмарках и базарах и о вывозе его на продажу с волжских пристаней вниз по Волге до Астрахани и вверх к Нижнему-Новгороду и дальше до Петербурга [4].

Соответствующие более конкретные материалы, требующие прежде всего разработки вотчинных архивов, для данного района у нас отсутствуют. Специальная работа Т. Ржаниковой отмечает для данного района лишь факт скупки помещиком хлеба у крестьян для перепродажи по свияжской Тенковской вотчине Нарышкина [5]. Работа И. М. Катаева по Усольской вотчине В. Г. Орлова не содержит на этот счёт конкретных данных.

В восточном Приуральском районе хлебопашество также имело товарный характер, прежде всего по Вятской и Уфим-

[1] Указанное сенатское дело, т. III, л. 326—352, 364—373 и 409—410.
[2] Там же, л. 331 об. и 333.
[3] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59104, л. 48—49.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19025 и 19026; ср. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2, ч. 18, стр. 104; *В. М. Тарасова*, Экономика Симбирской губернии в первой трети XIX в. и хозяйство Тургеневых, Марийский Государственный педагогический институт имени Н. К. Крупской, «Учёные записки», т. IX, Йошкар-Ола 1955, стр. 43—44.
[5] См. *Т. П. Ржаникова*, Указанная кандидатская диссертация, стр. 334—350.

ской губ. Ещё академик Фальк в описании своего путешествия конца 60-х годов отметил широкое развитие земледелия и скотоводства в южных уездах Вятской губ. с вывозом хлеба на Север и в Астрахань [1].

О распространении хлебопашества и его товарном характере говорят и ответы на Сенатскую анкету по Вятской и Слободской пров., специально отмечая «немалые посевы пшеницы», имеющей в этом районе сугубо товарное значение, а также торг хлебом к Соликамску, т. е. к Уральским заводам и соляным промыслам [2]. О посеве пшеницы и о вывозе хлеба на продажу сообщает ответ на анкету Шляхетного корпуса по г. Орлову Вятской губ. [3] При этом надо иметь в виду, что в Вятской губ. фактически отсутствовало помещичье землевладение, так что все указания на товарное хлебопашество непосредственно относятся к крестьянским хозяйствам, если не считать некоторого числа купеческих хозяйств с эксплуатацией черносошных крестьян — половников.

В этом отношении особенно конкретный характер носят некоторые сведения, сообщаемые Ив. Лепёхиным, проезжавшим по Вятской губ. в начале 1770-х годов XVIII в. Особенно обстоятельные сведения о развитии хлебопашества и обилии пашен сообщаются им в связи с посещением г. Слободского и сл. Шестаково (позднее город), причём товарное хлебопашество снова связывается с расслоением крестьянства: речь идёт о «заживных» крестьянах, обеспечивающих себе необходимую рабочую силу путём кабальных ссуд на оплату подушных сборов, «от которых богач его скупает с таким договором, чтобы он зарабатывал оные со своим семейством; и так он орет и боронит на чужом хребте и уродившийся хлеб чужими собирает руками; за сенокос обыкновенно дают проворному мужику 5 копеек на день, а за жнитво 2, а много 3 копейки» [4]. О значительном вывозе хлеба из губернии ещё в 1760-е годы говорят материалы Вятской провинциальной канцелярии [5].

Характер земледельческого района приобретают уже в этот период также Уфимская и Оренбургская пров. (впоследствии Оренбургская губ.).

Ответ на анкету Шляхетного корпуса из Уфы сообщает о хлебопашестве и о продаже хлеба крестьянами в Уфе и на заводы [6]. П. И. Рычков в ответ на анкету Вольного экономического общества отмечал по Оренбургской губ. изобилие

[1] См. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, «Записки путешествия академика Фалька», Спб. 1824, стр. 194.
[2] См. указанное сенатское дело, т. III, л. 353 об. — 358.
[3] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10 б, д. 100, п. 21.
[4] «Продолжение дневных записок Ив. Лепехина в 1771 г.», т. III, Спб. 1814, стр. 222—223 и сл.
[5] См. *С. Токарев*, Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке, стр. 55 и др.
[6] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10 б, д. 110, п. 21.

«самых тучных и к земледелию наиспособнейших» земель в Оренбургской, Исетской и Уфимской пров., также в смежных Бугульминской и Ставропольской, принадлежавших первоначально к Симбирской губ. В Оренбургской пров. выделяется преобладающая роль товарных культур: пшеницы наряду с овсом, а также значительные посевы ячменя, полбы и проса. Говорится о товарных излишках хлеба, продаваемых на месте, в ближайших городах и в Оренбурге [1]. Продажу хлеба из названных провинций к заводам и в Сибирь отмечает и ответ на Сенатскую анкету [2]. О том же сообщает и Фальк в своих записках конца 60-х годов по Уфимской пров.: «Сии страны населены русскими, татарами, черемисами, чувашами, вотяками и тептерями, хорошими земледельцами, также башкирцами и мещеряками, занимающимися скотоводством, а потому сия провинция хорошо возделена и торгует хлебом» [3].

Ведомость посева хлеба по Уфимской губ. за 1795 г. говорит о значительном росте хлебопашества: общая сумма посева достигла свыше 1400 тыс. чтв., что должно было составить около 1 млн. дес. посева (по нормам высева в этом районе). При этом значительное место принадлежало пшенице (270 000 чтв. — около 20%) и полбе (208 000 чтв. — свыше 14%).

К сожалению, выводов о размере товарных излишков на основе данной ведомости нельзя было сделать, поскольку 1795 год оказался годом почти полного неурожая по всем яровым культурам, по которым не были собраны даже семена [4].

Топографические описания обеих редакций — более раннее по Уфимскому наместничеству и позднейшее по Оренбургской губ., — относящиеся ко времени между 1796 и 1801 гг. (т. е. от переименования губернии в Оренбургскую до перенесения губернского центра в Уфу в 1802 г.) подчёркивают всё те же черты крестьянского товарного хлебопашества с выделением зажиточного крестьянства, прибегающего к сезонному найму работных людей. «Русские крестьяне, — пишет составитель Топографического описания Оренбургской губ., — ...хлеб пашут сохами, скот водят в лесной стороне посредственно, а в степной много; первые собирают сено и хлеб свой сами, а последние нанимают для косьбы сена и уборки хлеба работников, приходящих туда в летнее время для работы из низовых губерний, коих в Оренбурге бывает иногда до 2 000 чел.» Крупное хлебопашество и скотоводство отмечаются также у казаков и поселенных солдат с указанием, что «по большей части делают

[1] См. «Труды ВЭО», т. VII, стр. 111—212, особенно, стр. 115—127, 158—159 и др.

[2] См. указанное сенатское дело, т. III, л. 378—382.

[3] «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, «Записки путешествия академика Фалька», стр. 257.

[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59104, л. 46—47.

наймом». О черкасах также говорится, что «хлеба пашут довольно». Продажа хлеба указывается к Уфе, Оренбургу, в уральские города и в «прочие соседственные города» [1].

Значительное хлебопашество отмечено и в некоторых уездах Пермской губ., особенно в её восточных уездах — Шадринском и Камышловском, на западе также в Осинском, Оханском и Красноуфимском, соединяющееся с более значительным скотоводством, как отметил Н. С. Попов в своём описании губернии: «Основная продажа хлеба производилась здесь в пределах губернии в связи с большим спросом на местных заводах...» [2].

Таким образом и в средневолжских и восточных губерниях России обозначались районы с растущим земледельческим хозяйством, связанным и здесь с расслоением крестьянства.

4. Технические культуры, огородничество, садоводство и использование лесов в крестьянском хозяйстве

Ведущая роль крестьянского хозяйства в процессе товарного развития сельского хозяйства ещё полнее и резче определилась в других его отраслях с их более выраженным промысловым характером.

Так, эта роль начинает сказываться в огородничестве. В пределах удовлетворения внутрихозяйственных потребностей оно существует более или менее повсеместно и в помещичьем и в крестьянском хозяйстве. В этом отношении уже ответы на анкету Вольного экономического общества (единственная анкета 60-х годов, специально выделившая вопрос об огородничестве) отмечают огороды в Вологодской губ. на севере, от Петербургской губ. на западе до Среднего Поволжья и заволжских степей на востоке, в центральной полосе и далее на юг, кончая Нижним Поволжьем и южным степным районом. Довольно однороден и перечень огородных культур. Ответ по Владимирской пров. называет капусту, репу, огурцы, редьку, брюкву, морковь, бобы, свёклу, то же по Костромской пров.; по Алатырскому у. добавляются лук, бобы и тыква, по Арзамасскому — бобы и горох. Надо, однако, оговорить, что в ряде сведений бобы и горох указываются вместе с

[1] Цитирую по материалам архива Семевского, пользовавшегося рукописью Чертковой б-ки. См. Архив АН СССР, ф. 291 (В. И. Семевского), л. 127—128 (по Чертковской рукописи, л. 16).

[2] Ср. *Н. С. Попов*, Хозяйственное описание Пермской губ. по гражданскому и естественному её состоянию... сочиненное по начертаниям Имп. Вольн. Эконом. Об-ва, т. I и II, изд. 1, Пермь 1804; изд. 2, Спб. 1811—1818; см. т. II (изд. 2), стр. 65 и сл., 174—175 и др. Об этом же см. *А. Н. Радищев*, Записки путешествия в Сибирь и из Сибири, Соч., т. 3, М. — Л. 1952.

зерновыми, в некоторых случаях отмечаются в центральных чернозёмных губерниях посевы репы в яровом поле. Указанный перечень культур значится и в ответе по Переяславль-Рязанской пров. Обращает на себя внимание, что в промышленном районе отмечается сокращение огородов в тех уездах, где относительно лучше развито хлебопашество, например, в Переяславль-Залесской пров. В более южных районах — в Нижнем Поволжье, частично в Среднем Поволжье и в Юго-западном районе (украинских губерниях) — усиливается роль бахчевых культур, выделяются фруктовые сады и частично виноградники [1].

Распространение огородов и вишнёвых садов во Владимирском районе (с. Киржач на большой Московской дороге — огородная земля), огороды в районе Арзамаса («рыхлая и тучная огородная земля»), яблоневые сады по Волге под Симбирском, огороды и бахчи вниз по Волге специально выделил Ив. Лепёхин в своих «Дневных записках» [2]. При этом разведение вишнёвых садов во Владимирском районе прямо называется промыслом. Богатые вишнёвые сады в районе Владимира, фруктовые сады и огороды вокруг Мурома отмечал и Паллас [3]. В этой специализации решающее значение принадлежало, конечно, близости к московскому рынку.

Возделывание гороха и репы тогда же выделял П. Рычков по Казанской губ., причём посевы репы указывались специально на залежной земле между лесом [4].

Отдельные указания на крестьянское огородничество содержат Экономические примечания. Так, относительно крестьян с. Архангельского Пензенского у., вотчины Салтыкова, значится: «сверх хлебопашества промысел имеют от огородных овощей» [5]. Фальк называет огороды и хмельники в Переяславль-Рязанской пров. [6]

Материалы Топографических описаний выделяют отдельные пункты промыслового и вместе с тем торгового огородничества, рассчитанного на рынок и, видимо, особенно связанного со спросом столичных центров. Так, печатное Топографическое описание Московской губ. специально выделяет распространение огородничества в промысловом Бронницком у., а

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 2, д. 381 — соответствующие ответы на анкету, п. 24.

[2] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. 1, стр. 6, 12 и сл., 61, 118, 147 и др.

[3] См. *П. С. Паллас*, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, стр. 55.

[4] См. «Сто лет назад», «Записки Императорского Казанского общества» № 2, 1859 г., стр. 59.

[5] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 20, д. 49, дача 23.

[6] См. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, «Записки путешествия академика Фалька», гл. V, стр. 20—21.

также в Волоколамском. Топографическое описание Ярославской губ. указывает огородничество в качестве специального промысла ряда сёл Ростовского у. — Поречье, Угодичи, Воржа, называя в посеве лук, чеснок, репу, капусту и пр. Об этом же сообщает А. Титов, отмечая в то же время, что в результате такой специализации товарного огородничества даже основная масса крестьян в уезде овощи покупает [1].

С московским рынком, несомненно, связан и район огородничества и садоводства, сложившийся в Боровском у. Калужской губ. при плохом состоянии здесь хлебопашества. Топографическое описание отмечает здесь специально разведение чеснока и лука — «главный торг большей части жителей чесноком и луком», причём вывоз в Москву и другие города определён в 4000 руб. Указывается также торг яблоками [2]. Распространение яблоневых садов в крестьянских хозяйствах Калужской губ. подтверждается и материалами подворной описи Голицынской вотчины в Оболенском у. Так, в дер. Ивашкино по описи 1770 г. на 29 дворов значилось 984 яблоневых дерева. В большей части дворов состояло от 10 до 30 деревьев, а в 6 дворах до 50—60 деревьев. Село в целом имело при этом явно промысловый характер с небольшим посевом зерна (от 2 до 4 чтв. ржи на двор), небольшим запасом зерна — до 1 чтв. хлеба на 1 душу в марте, но неплохим обеспечением скотом — 2—3 лошади и 1—3 коровы в большинстве дворов [3]

Распространение яблоневых садов отметила В. Александрова у крестьян Серебрянопрудской вотчины Шереметевых в Венёвском у. Тульской губ.

Огородничество отмечено в некоторых уездах Петербургской губ., в частности, в Шлиссельбургском у., уже в Топографическом описании 1780-х годов наряду с репой указана посадка картофеля [4].

В южных губерниях торговое бахчеводство и садоводство, «вишневые и иные сады» устанавливают со всей отчётливостью Топографические описания Харьковской и Киевской губ., также описания южных поветов Малороссийской губ. (главным образом по будущей Полтавской губ.). По Харьковской губ. овощные сады названы главным занятием населения в Краснокутском у. Точно так же в Богодуховском и Недригайловском у. разведение садов показано, наряду со скотоводством, как основное занятие (в частности, у однодворцев и

---

[1] См. *А. А. Титов*, Ростовский уезд Ярославской губернии, стр. 95 и сл.

[2] См. «Топографическое описание Калужского наместничества», Спб. 1785, стр. 57.

[3] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Голицыных, д. 3070.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18999, Топографическое описание Санкт-Петербургской губ., л. 40 и сл., п. 30.

войсковых обывателей), а хлебопашество — как дополнительное[1]. Крупное значение разведения фруктовых садов и бахчеводства в Харьковской губ. отмечал и Зуев[2]. По Малороссийской губ. указывалось на отдачу плодовых садов на откуп приезжим купцам в Лубенском и Роменском поветах; в Хорольском у. названы бахчи[3]. По материалам Турбаевской вотчины Базилевских вишнёвые сады промыслового характера значились у 21 более зажиточного крестьянина с. Турбаев Миргородского повета[4].

Бахчеводство получает широкое распространение в крестьянском хозяйстве Нижнего Поволжья, в частности в создаваемых там колониях, и в казачьих станицах по Нижнему Дону и на Северном Кавказе (здесь же виноградарство). Значительное развитие огородничества, бахчеводства и разведение фруктовых садов П. С. Паллас отмечал ещё в районе Среднего Поволжья, вокруг Самары. При этом резко выраженная специализация — арбузы, стручковый перец, яблоня и вишня — видимо, говорит именно о промысловом, торговом характере разведения этих культур[5]. О том же для районов Саратова и Царицына упоминает в своих записках И. Лепёхин, называя среди овощей у колонистов петрушку, пастернак, разные сорта капусты, горчицу и даже картофель («земляные яблоки»)[6]. Эти свидетельства дополняются статьями в «Трудах вольного экономического общества» о хозяйстве этого района[7].

Торговое или промысловое огородничество и садоводство, видимо, полностью принадлежат крестьянскому хозяйству, за исключением виноградарства, возникающего на юго-востоке как помещичье предпринимательство.

Ещё полнее выступает *исключительная роль крестьянского хозяйства в распространении технических культур,* среди которых первое место принадлежит льну и конопле с производством как волокна на пряжу, так и семени на масло.

Уже в гл. III о господском хозяйстве было показано, что экономическая литература XVIII в. рассматривала разведение льна и конопли как отрасль крестьянского хозяйства.

Повсеместное распространение льна и пеньки в крестьянском хозяйстве ярко отражено уже в ответе на анкету Вольного экономического общества 1765 г., наиболее обстоятельную в отношении сельского хозяйства и посвятившую специально посеву льна и конопли и их промысловой обработке ряд вопросных пунктов[1]. Наряду с отдельными указаниями Сенатской анкеты они дополняются в этой части также материалами географических путешествий конца 60-х годов.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19134, л. 16, 19, 28.

[2] См. «Путешественные записки Василья Зуева от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году», стр. 196—197.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, л. 76, 82, 43 и др.

[4] См. *І. О. Гуржій,* Повстання селян в Турбаях (1789—1793), стр. 71.

[5] См. *П. С. Паллас,* Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, стр. 229—231.

[6] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. 1, стр. 381—382, 433, 489 и др.

[7] См. «Труды ВЭО», т. 40 и сл. Статьи Фика и Лоренца и др.

Ответ на анкету Вольного экономического общества показывает распространение технических культур далеко на север, вплоть до Вологодской пров. и «лежащих на р. Свири и южной части Олонца мест». Позднейшие данные, в частности Топографические описания, ведомости о посевах, дневник путешествия Челищева, подтверждают и дополняют эти сведения. Только для Архангельской и северной части Олонецкой губ. в силу природных условий технические культуры почти полностью отсутствовали в посевах.

Подытоживание материала ответов позволяет сделать некоторые наблюдения общего характера. Первое наблюдение касается территориального распределения посевов льна и конопли. Культура льна господствовала на Севере и Северо-западе — в заволжских губерниях, в промышленных губерниях Окско-Волжского района и в северо-западных губерниях, уступая господство конопле, требующей лучших агротехнических условий, в чернозёмных губерниях Центра и Среднего Поволжья. В связи с агротехническими условиями лён, как правило, указывается прямо в посеве ярового поля, тогда как конопля, особенно в чернозёмном районе, где её разведение получает специально промысловое значение, всё чаще переводится на специальные конопляники или огородные земли со специальной обработкой. Впрочем, особая, более интенсивная обработка земли под лён и особенно под коноплю, как это будет показано ниже, отмечается и при посеве в поле.

Второе наблюдение касается экономического значения этих культур в крестьянском сельском хозяйстве. Посевы льна и конопли неизменно связаны с промысловым занятием крестьянского хозяйства — прядением пряжи и тканьём холстов и посконн, составляющими специально женский промысел, особенно у великорусского крестьянства. «Бабы упражняются в зимнее время в прядении льна на холсты, во ткачестве холстов и в белении оных»; «крестьянские бабы в зимнее время прядут лен, посконь, пеньку и шерсть»; «прядут и делают аленную и посконную холстину, а из шерсти — . . . сукна» — таковы обычные ответы на п. 59 анкеты. Анкеты определяют обычно и нормы производства на одну крестьянскую женщину, хотя и с довольно значительными колебаниями. Так, ответы по Владимирской и Юрьев-Польской пров. определяют недельную выработку 1 женщины при 12-часовой работе в сутки

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 2, д. 381, п. 4 и 10 — о посевах, п. 59, 60, 64 — о промысловом и торговом использовании.

до 3—3½ фунтов пряжи, считая это количество на 4 аршина холста; ответ по Калужской пров. указывает недельную выработку пряжи на 9 аршин холста; возможно, однако, что ответ по Калужской пров. имеет в виду производство целого двора, где в работах участвовали и дети с 11 и даже с 8 лет, тогда как ответ по Владимирской пров. прямо говорит о производстве одной работницы.

Производительность труда при выработке холста колебалась в зависимости от качества ткани: Болотов в ответе по Каширской пров. считает недельную выработку в 5—6 аршин из льняной пряжи и в 8—10 из посконной [1]. Большинство анкет называет годовую продукцию одной женщины в 20—30 аршин полотна. Однако ответ по Елецкой пров. указывает до 50 аршин холста, а по Переяславль-Залесской пров. даже 2—4 куска («новины»), по 30 аршин льняного полотна; по-видимому, объяснение такого расхождения то же, что и в предыдущем случае.

О всеобщем распространении прядения и ткачества в крестьянском хозяйстве как женского промысла, указывающем и на посевы льна и пеньки как обязательную принадлежность крестьянского хозяйства, говорят и «Экономические примечания», почти неизменно воспроизводящие в общей экономической характеристике уезда, сопровождающей итоговые данные, становящуюся стереотипной формулу: «женщины прядут лен и шерсть (или пеньку и шерсть, посконь и шерсть), ткут холсты и сукна для своего употребления и на продажу». Это последнее разделение фигурирует и в ответах на анкету и представляет существенную черту в экономической характеристике распространения посевов льна и конопли. Эти посевы имеют двоякое значение — потребительское, т. е. предполагающее производство холста и поскони для собственных нужд крестьянского двора, и промысловое, торговое, т. е. производство специально на продажу непосредственно пряжи или изготовленного из неё холста. Если, так сказать, потребительский посев и производство тканей «для себя», «для своего обихода» существует повсеместно, то в целом ряде случаев прямо оговаривается отсутствие промыслового производства «на продажу».

В отношении льна значительное производство устанавливается для Вологодской пров. с продажей пряжи и особенно готовых полотен, которые и в дальнейшем сбывались, в частности, к Архангельскому порту. По Костромской пров. сообщается: «лен из лучших продуктов здешней провинции, а для того ево сеетца довольно» (п. 4); «лен сеют обильно» (п. 64); при этом указывается преобладание непосредственной продажи прямо на фабрики — «оных полотен ткут меньше,

[1] «Труды ВЭО», т. IX, стр. 129—219, п. 60.

нежели продадут пряжи на фабрике» (п. 60). О производстве крестьянами Вологодской губ. льняной пряжи на продажу говорят и приводившиеся выше материалы по щербатовским вотчинам Ярославской и Вологодской губ. и переписка Суворова со своим приказчиком. По Владимирской пров. также отмечается: «земледельцы о размножении льну стараются и сеют оного довольно» (п. 4). Сообщается о продаже пряжи и холста разным людям и скупщикам по деревням, а также по ярмаркам и торжкам и в городе. О больших посевах льна в яровом поле сообщает и ответ по Кашинской пров. (п. 64), причём ярко выявляет промысловый и торговый характер льноводства, указывая, что льна прядут много, но полотна сами не делают (п. 60), т. е. производят пряжу на продажу вне Кашинской пров. Из других источников известно также широкое распространение льноводства в Новгородской и Псковской губ. при сравнительно слабом ткачестве, что также говорит о его торговом характере. При этом известно, что псковский лён считали лучшим по качеству и некоторые рачительные помещики, производившие посевы льна, предписывали приказчикам сеять именно псковский лён.

В то же время в ряде провинций — в основном как раз в районе главного сосредоточения полотняной промышленности — посевы и обработка льна оказываются ограниченными почти исключительно собственными нуждами крестьянского двора. Из Шуйского у. сообщают о малых посевах льна и о покупке привозного: «а лен покупают здесь привозной крестьяне большей частью изо Гжацкой пристани и Вязниковской слободы, а здесь лен хотя и сеют жители, только земля желаемого плода не дает, почему они большей частью исправляются покупкою» (п. 60). О малом посеве льна пишут также из Переяславль-Залесской и Юрьев-Польской пров., хотя по последней и отмечают продажу крестьянами пряжи и холста купцам.

Таким образом, для Центрального промышленного района характерна намечающаяся дальнейшая специализация, разделение на районы, производящие льняную пряжу и ткань для рынка, и на потребляющие — районы полотняных мануфактур, покупавших пряжу.

Аналогичное деление отмечается в южном и восточном районах, где были распространены посевы конопли.

На юге преобладание конопли отмечают ответ из Каширского у. (будущая Тульская губ.; составлен А. Т. Болотовым) и из Калужской пров. «Здесь земледельцы весьма стараются о разведении пеньки», — говорится в ответе из Калужской пров. (п. 4) и указывается, что «бабы прядут пряжу на продажу» (п. 59—60). Болотов отмечает хороший урожай конопли, которая сеется на семя и посконь. В частности, маслобойное производство характерно в дальнейшем для Калужской губ. и для северных уездов Тульской, на что указывают, в

частности, материалы голицынских вотчин, изученные Г. Н. Бибиковым и Е. И. Дракохруст. Большое значение получают конопляники в Рязанской пров.: «Некоторые же земледельцы оной провинции, — значится в п. 10, — прибыль получают от одной только пеньки».

Значительное распространение конопляников отмечается далее в Орловской пров. на юго-западе района («размножают пеньку на навозимых огородах»). Аналогичную картину в восточном Приволжском районе даёт ответ по Арзамасской пров., отмечающий старание «о размножении пеньки» (п. 4), заботу о конопляниках (п. 17), прядение льна, пеньки и шерсти и тканьё сукна «для себя и на продажу», производимую «скупщиками из арзамасского купечества и из крестьянства». При этом подчёркивается использование лучших земель, росчистей.

Но в более южных уездах, показанных выше как главные центры товарного хлебопашества, отмечается, напротив, отсутствие торгового разведения конопляников. Малое разведение льна и пеньки, почти только на свои расходы, указывает ответ по Елецкой пров. Пенька хорошо родится, но почти не сеется, сообщают из Воронежской пров. (п. 4); «прядут и ткут главным образом на собственный расход, а граждане здешние довольствуются полотнами покупными в разных местах здешними купцами и привезенными нередко случающимися суздальцами» (п. 60). В Киевской губ. отмечается незначительность посевов льна и пеньки, а в Харьковской — их полное отсутствие. Такое же положение указывается и в заволжском степном районе, хотя с некоторой тенденцией к заведению посевов пеньки в Ставропольской пров.

С этими показаниями полностью согласуются данные других источников 60-х годов. Ответы на Сенатскую анкету подчёркивают распространение конопляников в западных уездах (будущей Орловской губ. — Брянском, Кромском, Карачевском), говоря о сосредоточении земледелия на конопле и расходе на конопляники всего навоза [1]. В. Зуев в своих «Путешественных записках» отмечает крупные посевы конопли в Рязанской, Калужской, Тульской и Орловской губ., указывая пеньку как главный предмет вывоза из Калуги, Орла, Брянска, Трубчевска [2]. С другой стороны, Лепёхин, Паллас, Рычков указывают на посевы конопли и льна в районе Арзамаса с использованием лучших земель — хорошо удобренной новины, «на доброй земле и в огородах», с хорошим унавожением [3].

[1] См. указанное сенатское дело, т. III, л. 235—238.

[2] См. «Путешественные записки Василья Зуева от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году», стр. 36—39, 53, 55, 113—116, 127.

[3] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. 1, стр. 63; «Академические известия», т. V, 1760 г.,

Из приведённого материала складывается, таким образом, отчётливый вывод о создании уже к 60-м годам определённых районов с выраженным крупным товарным производством льна и пеньки в крестьянском хозяйстве. Разведение этой культуры, очевидно, потому не приобрело товарного характера в Центральном промышленном районе, что значительное развитие промышленного производства, создавая большой спрос на рабочую силу и на продукцию мелкого ткацкого производства, не оправдывало затрат на трудоёмкую культуру льна в малоплодородном районе, особенно при резком дефиците в естественных удобрениях, так что выгоднее было покупать привозной лён, предложение которого возрастало в связи с ростом товарного производства в смежных районах. Но в ряде центральных земледельческих губерний, имевших главный доход от сбыта хлеба, посевы которого в этих районах даже не требовали особого удобрения почвы, товарное производство конопли, очевидно, также себя не оправдывало, так как при такой трудоёмкости её разведение неизбежно отразилось бы на производстве товарного хлеба. Этим надо объяснить ограничение производства конопли одними потребительскими нуждами, которые тоже не полностью покрывались, как об этом свидетельствует ответ по Воронежской губ.

Материалы последней трети XVIII в. — данные Топографических описаний и вотчинных архивов — подтверждают и частично расширяют сделанные наблюдения. Особенное значение имеют в этом отношении материалы вотчинных архивов.

Так, в отношении северной — Вологодской губ. материалы ярославской вотчины М. М. Щербатова отмечают поставку льняной пряжи его вологодскими крестьянами для вотчинной мануфактуры [1]. В то же время в господском хозяйстве, даже в вотчине А. Межакова той же губернии с её ярко выраженным предпринимательским характером, конопля роли не играла [2].

Главным центром льноводства в Северо-западном районе оставалась Псковская губ. О значительном производстве льна и его сосредоточении в руках зажиточной верхушки крестьянства говорят материалы порховской вотчины М. Апраксина, который для своих торговых операций в Петербургском порту изъял в начале 1770-х годов в порядке дополнительного обложения у каждого из 22 более зажиточных крестьян своей вотчины по 100—150 пудов льна, а у одного из них —

стр. 57 (видимо, основано на материалах Лепехина); «Сто лет назад», «Записки Императорского Казанского общества» № 2, 1859 г., стр. 59 (воспроизведена статья П. И. Рычкова).

[1] ЦГАДА, ф. Щербатовых, 1289, оп. 2, д. 373, 426, 495 и др.

[2] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века.

до 600 пудов (на 900 руб.) [1]. В этом же районе в самой южной Смоленской губ. место льна занимала конопля, как и в смежных Орловской и Новгород-Северской губ. И здесь, по данным упоминавшегося исследования Т. Рябкова, разведение конопли полностью сосредоточивалось в крестьянском хозяйстве, составляя предмет сбыта губернии, и продукция вывозилась большими партиями к Рижскому порту и с Гжатской пристани к Петербургу.

В Тульской и Калужской губ. материалы голицынского архива, изученные Г. Н. Бибиковым, Е. И. Дракохруст, М. А. Казариновой, показали для конца XVIII в. полное господство крестьянства в разведении и обработке конопли. Продукция всей вотчины исчислялась примерно в 2000 пудов чищеной пеньки; зажиточная верхушка занималась, кроме того, скупкой пеньки в губернии. В малоплодородной Калужской губ. конопля являлась главной доходной статьёй крестьянского хозяйства, и коноплянники тщательно обрабатывались. Роль зажиточной крестьянской верхушки сказывалась также в промышленном предпринимательстве, связанном с разведением этих культур. Е. И. Дракохруст показала крупную роль маслобойных предприятий (маслобойные, или масляные, избы) и торга пенькой в их хозяйствах [2].

Приводившееся выше специальное Топографическое описание Курской губ., указывая на распространение здесь посевов льна и конопли, также относит и эти культуры к крестьянским хозяйствам и отмечает наличие товарных излишков по 50 000 пудов льна и пеньки. Вводная общая характеристика губернии указывала: «Лен родится худо. Коноплянники не в давнем времени зачали жители размножать тщательно, от которых произращения знатную получают прибыль земледельцы» [3].

В руках крестьян были сосредоточены коноплянники в Орловской и смежной Новгород-Северской губ. — одном из главных районов сосредоточения посевов конопли и производства пеньки на рынок. О поставке крестьянами пеньки помещику, притом с доставкой на Гжатскую пристань для отправки в Петербург на продажу, сообщает дело о восстании крестьян в вотчинах княгини Голицыной и графа Апраксина в Севском у. Орловской губ. [4]

Описание Черниговской губ. Аф. Шафонского, Топографическое описание Малороссийской губ. и специальные описания Новгород-Северского наместничества отмечают разведение ко-

---

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 788, ч. 1, л. 181—182 и др. См. нашу статью, — «Исторические записки», АН СССР, кн. 40, 1952 г., стр. 144—145.

[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 127, 135—137 и др.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, ч. 1, л. 4 об.; ч. V, л. 203.

[4] ЦГАДА, р. VII, д. 2918, ч. 1, л. 124—126 и др.

нопли и вывоз пеньки и конопляного масла в качестве главной отрасли хозяйства этого района с преимущественной ролью восточных уездов Новгород-Северского наместничества, смежных с Орловской губ. Главным центром торговли являлся Стародуб. И здесь помещики получали пеньку в порядке оброка или обязательной продажи от своих крестьян, как её основных производителей. О крестьянах с. Радома Кролевецкого у. специальное описание Милорадовича сообщало: «а притом сеют пеньку и отдают владельцу». Крестьяне с. Глазова Глуховского повета (уезда) «прибыль же свою получают из одной родящейся тут пеньки, кою они продают в економию своего монастыря, а масло, из семян ими делаемое, отвозят в Глухов и Ямполь на продажу». Такие же указания содержатся в описании с. Юриновки, дер. Дмитровки и др. Местные монастыри удерживали в своих землях монополию сбыта пеньки, но сами, видимо, конопли не сеяли, а собирали пеньку у своих крестьян в порядке оброка или принудительной сдачи за деньги — «отдают владельцу» или «продают в економию», «отдают за заплату в економию». Такое же положение сложилось и в крупных частновладельческих вотчинах, например у графа Румянцева-Задунайского, Завадовского, Разумовского и др. [1]

Общая продукция льна и конопли (в виде волокна и семени) отражена в ведомостях посева и урожая, хотя трудно сказать, насколько последние охватывают специальные коноплянники, так что показатели ведомостей скорее всего занижены. О размере товарных излишков частичное представление даёт поставка пеньки и льна к портам, и прежде всего к Петербургскому порту. Только поступления на речных судах в Петербург составили в 1765 г. 1,5 млн. пудов пеньки, а в 1793 г. — около 2 млн. пудов, при сравнительно небольшом завозе льна, особенно сократившемся к концу века [2]. При этом вне учёта остаётся всё внутреннее потребление, связанное с мелким крестьянским производством и мануфактурой, большей частью приобретавшей пеньку и лён уже переработанными в пряжу. Последние, по примерным расчётам, исходя из норм, указанных в ответах на анкету «Вольного экономического общества», должны были потреблять 8—9 млн. фунтов, или свыше 200 000 пудов, льна и пеньки на 1765 г. и около 24 млн. фунтов, или 600 000 пудов, льна и пеньки на конец века, помимо канатно-прядильных предприятий [3].

---

[1] См. «Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779—1781)», стр. 6, 7, 11, 13, 14, 173, 174, 214, 226, 229, 255, 361, 482, 484, 486 и др.

[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 280, л. 95—96; ф. 1244, оп. 390, д. 58950, л. 4.

[3] См. *Н. Л. Рубинштейн*, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 84—85.

К числу технических культур крестьянских хозяйств указанные выше источники относят в лесной полосе также хмель. Последний упоминается в Заволжском районе, в Приокском и в Среднем Поволжье. Речь идёт о заведении специальных хмельников; «хмель сеют» — читаем в ответах на анкету Вольного экономического общества. Лепёхин отмечает местами и дикорастущий хмель в Симбирском крае.

В южной полосе — на Украине и в Нижнем Поволжье — главной технической культурой являлся табак. На посевы табака на Украине указывают А. Шафонский в своём Топографическом описании Черниговской губ., Милорадович в описании Новгород-Северского наместничества (1781 г.), а также Топографическое описание Малороссийской губ. Отмечаются посевы табака также в Харьковской губ. и у «малороссиян» Курской и Воронежской губ. Лепёхин и Фальк указывают на разведение табака в черкасских слободках и у колонистов Поволжья. Украинский табак получил распространение на ярмарках и торжках России. В 1760 — 1770 гг. Г. Теплов в специальных записках поднимал вопрос о распространении табачных плантаций, но последние до конца века оставались принадлежностью крестьянского хозяйства.

Значительно труднее выяснить вопрос о месте лесных угодий в крестьянском хозяйстве. Они выступают перед нами в основном в виде разных промысловых занятий крестьянства. Но источники никак не определяют отношения крестьян к самим лесным угодьям, условия их эксплуатации крестьянами. В северных губерниях — Архангельской и Олонецкой, значительной части Вологодской, в Вятской губ., частично и в некоторых других районах Заволжья, как, например, в Семёновском у. Нижегородской губ., куда ещё не проникло помещичье землевладение, при плохо упорядоченном государственном лесном хозяйстве и относительно значительных ресурсах в то время эксплуатация леса крестьянами носила, видимо, сравнительно свободный характер. Она принадлежала в этих районах к основным занятиям крестьянства в виде жжения угля, смолокурения и гонки дёгтя, разных деревообделочных промыслов и судостроения, а в более южных — приволжских районах значительную роль играло изготовление поташа, в частности в связи с промышленным спросом на мыловарение. Однако и сюда вторгались крупные промышленники-арендаторы, вроде иностранца-концессионера Гома, безжалостно уничтожавшего драгоценные леса русского Севера и в первую очередь замечательный мачтовый лес.

Положение решительно менялось в центральной полосе — в Поволжье и далее к югу, где значительная часть лесов уже перешла в собственность помещиков, причём в таких более южных губерниях, как Тамбовская, по данным Экономических примечаний, в руках помещика находился почти весь строевой

лес. Здесь крестьянство неизбежно сталкивалось с помещичьей эксплуатацией лесных богатств как крупной доходной статьи. Так, непосредственная продажа леса на корню или в распиленном виде была крупной доходной статьёй в районе Поволжья, как это показывают материалы щербатовской вотчины, где лес употреблялся и на судостроение с наймом специалистов из крестьян-отходников. Таким же образом в Архангельской вотчине Куракиных в Пензенской губ. санный и другие деревообделочные промыслы играли немалую роль в крестьянском хозяйстве, причём санный промысел принадлежал к занятиям богатой крестьянской верхушки; но в то же время сам Куракин эксплуатировал свои лесные угодья не только для нужд собственного винокурения, но и для продажи леса соседним помещикам, так что эксплуатация приобретала торговый характер. Но известные нам данные, в частности отдельные исследования по вотчинным архивам, ничего не сообщают об условиях, на которых лес предоставлялся помещиками крестьянам. Конечно, самый промысел, доходы от промысловых занятий учитывались помещиком при обложении крестьянского хозяйства денежным оброком, как это имело место, например, в Архангельской вотчине Куракиных, поскольку в основе обложения лежал учёт совокупного дохода крестьянского хозяйства. Возможно, что по характеру промыслов в данном случае ценность расходуемого леса не играла самостоятельной роли. Но в ряде уездов Тверской и Калужской губ., в Ярославской и в некоторых заволжских уездах Костромской губ. в качестве крестьянских промыслов называется сплав леса дровяного и строевого, и вопрос об условиях приобретения сплавляемого леса приобретает особое значение.

То же надо отнести и к использованию леса на судостроение, занимавшее крупное место в промысловых занятиях крестьян Волжского бассейна, по р. Оке и Двине. По Зубцовскому у. «Генеральное соображение» прямо указывало, что помещики «позволяют охочим людям рубить *из платы* избы» и сплавлять к купеческим пристаням [1]. По Тверской губ. Топографическое описание исчисляет годовое производство сотнями барок и относит судостроение к крупной доходной статье крестьянского хозяйства. Но и здесь остаётся неясным, продавал ли крестьянин изготовленную барку (и в таком случае, покупал ли сам он лес для её изготовления) или нанимался для её изготовления к помещику или предпринимателю-купцу, продавая в таком случае только свою рабочую силу. По-видимому, в большинстве случаев имело место последнее, так как строительство судов у крестьян Тверской губ. показано в качестве отхожего промысла и соответственно входило в расчёт промысловых доходов наряду с доходами от судового

[1] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.», стр. 129.

промысла. При значительном судостроении и его промысловом характере в крестьянском хозяйстве Смоленской губ. Т. Рябков прямо указывает на покупку леса в лесных дачах местных помещиков и выделяет рост крестьян-«промышленников» [1]. Надо также указать, что значительное судостроение в Олонецкой губ. в Топографическом описании и в описании путешествия П. И. Челищева выступает как предпринимательство купеческое или богатых крестьян [2].

Указанный вопрос требует ещё дополнительного обследования и изучения.

5. Сенные покосы. Скотоводство

Размеры сенных покосов были крайне незначительны в Центральном промышленном районе и в губерниях Центрального земледельческого района старого освоения, где они редко превышали 0,5 дес. на 1 д. м. п., т. е. составляли не более $^1/_5$ — $^1/_6$ части по отношению к пахотным землям. Неудовлетворительность такого положения неоднократно отмечала экономическая литература, прежде всего статьи в «Трудах Вольного экономического общества».

Относительно значительные поёмные луга отмечаются в северных губерниях — Архангельской, Вологодской, где в условиях особого недостатка пахотных земель скотоводство приобретало самодовлеющее значение и владение лугами вызывало особый интерес. Обильные сенные покосы отмечены Топографическими описаниями и Экономическими примечаниями в южных степных районах, в степном Заволжье и в Приуралье с их малораспаханными землями и значительным скотоводством. Вопросы состояния сенных покосов и скотоводства тесно связаны между собою.

Отметим только, что именно в крестьянском хозяйстве Севера — в Вологодской и частично Архангельской губ. (Шенкурский у.) впервые во второй половине XVIII в. документы отмечают специальное травосеяние, культуру палошника, или тимофеевки, пропаганда которой в агрономической литературе (в частности, у А. Т. Болотова) начинается тогда же — во второй половине XVIII в. Практическое распространение травосеяния, и то лишь в образцовых помещичьих хозяйствах Центральной России, мы находим только в первой половине XIX в. По-видимому, такое распространение травосеяния в крестьянском хозяйстве этого района объясняется незначительностью здесь земледелия и большим промысловым значением скотоводства при ограниченной площади поёмных лугов.

[1] *Т. Т. Рябков*, указанная диссертация, стр. 202—204 и сл.

[2] См. *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 12—13 и др.

«Для корму скота пашут траву палошник», — записывает П. И. Челищев по всему пути от Великого Устюга до Тотьмы, отмечая отсутствие сенокосов по р. Сухоне и указывая, что тимофеевку дают лошадям вместо овса и что местные крестьяне расширяют своё скотоводство [1].

Скотоводство являлось второй крупной отраслью крестьянского хозяйства. Необходимо, однако, в отношении скотоводства ещё с большей определённостью оговорить различия в его хозяйственном значении. Прежде всего, наличие скота определяется внутренними хозяйственными потребностями самого крестьянского двора, обеспечивая необходимую тягловую силу для крестьянского земледелия и потребительские нужды; например, несколько овец дают некоторое количество мяса для потребления двора и небольшое количество шерсти для изготовления пряжи и грубой сермяжной ткани для собственных нужд. С промысловыми потребностями крестьянского хозяйства связано также содержание значительного числа лошадей для специальных нужд извозного промысла. Особенно это имело место там, где извозный промысел оказывался одним из основных занятий крестьянского двора, главным источником его доходов, обеспечивавшим его существование. Промысловое использование лошадей отчётливо сказывается в ряде губерний центрального района; ярким свидетельством этого является обилие лошадей даже у бедных крестьян, о чём не раз упоминалось по новосильской вотчине Голицына, к которой мы ещё обратимся несколько ниже.

Другое дело — скотоводство, превращающееся в специальный промысел, приобретающее самостоятельное экономическое значение с отчётливо выраженным торговым, товарным характером, рассчитанное на продажу и становящееся главной доходной статьёй крестьянского хозяйства. Скотоводство потребительского характера существует повсеместно; но в таком случае, собственно, правильнее говорить об обеспеченности крестьянского двора скотом, поскольку здесь нет скотоводства как самостоятельной отрасли сельского хозяйства.

Первую довольно систематическую картину обеспеченности скотом крестьянского двора по отдельным районам Европейской России дают ответы на анкету Вольного экономического общества 1765 г., содержавшую специальный пункт (43). Эти ответы в большинстве случаев дают конкретные цифровые показатели, сведённые нами в общую таблицу (см. стр. 282—284). Последняя дополнена соответствующими данными по Тверской и Архангельской губ. из Топографических описаний 1780-х годов (данные по Архангельской губ. заимствованы из материалов подворной переписи 1785 г.), а также по

[1] *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 175, 181, 182 и др.

Обеспеченность крестьянских хозяйств скотом

(по ответам на анкету Вольного экономического общества)

Наименование провинций и уездов	У помещичьих крестьян					У государственных крестьян				
	лошадей	коров	волов	овец	свиней	лошадей	коров	волов	овец	свиней
I. Центральный промышленный район:										
Владимирская пров.										
у посредственных [a]	1	1	—	2	—	2	3—5	—	3	—
у богатых	3	3	—	5	—	4	5—10	—	6	—
Шуйская пров.										
у посредственных	1	1—2	—	2—3	—	как у помещичьих				
у богатых	2	3	—	6—8	—					
Юрьев-Польская пров.	2—6	1—4	—	2—10	—	«больше», чем у помещичьих				
Переяславль-Залесская пров.	2—3	2—3	—	число не указано		5 и более	5 и более			
Костромская пров.	указано вообще обилие трав и малое количество скота									
Калужская пров.	2	1—2	—	4	1	как у помещичьих				
II. Северо-западный промысловый район	1	2	—	2	1	как у помещичьих				
III. Центральный земледельческий район:										
Каширский у.	не ук.	1—2	не ук.	5—8	4—5	как у помещичьих				
Рязанская пров.	2	1	то же	5—6		не указано				
Орловская пров.	не указано					не указано			10—30	10
Елецкая пров.	общее указание: у некоторых до 15—20 лошадей, 5—6 коров, 20—30 овец, 15—20 свиней									
Воронежская пров.	общее указание об обилии скота и торге скотом.									
IV. Юго-западный сельскохозяйственный район:										
Слободско-Украинская губ.	не ук.	до 5	—	до 5	до 3	не ук.	до 10	—	15	5
Изюмская пров.										
а) у богатых	5	6	4	30	6	60	16	8	300	30
б) у средних	1	4	2	10	3	6	6	4	40	5
в) у бедных	0	1	1	5	1	0	1	1	5	1
Сумская пров. у богатых						3—5 «у средних—вполы, у бедных одна десятая»		5—10	10—30	5—10
Острогожская пров.	общее указание о торговом скотоводстве									
Киевская губ. у богатых	6—10 волов, 10—20 коров, 20—50 овец, 10—20 свиней, «у посредственных мало, у бедных иногда ничего»									
V. Район Среднего Поволжья:										
Арзамасская пров.	6	6	—	6		как у помещичьих				
Алатырская пров.	общее указание, что скота мало									
Саратовская пров.	2—10	2—10								
VI. Восточно-Степной район:										
Оренбургская и Уфимская пров.										
лучшие						до 1 000	много	—	до 2 000	—
средние						до 50	много	—	до 100	—
бедные						до 15	до 5	—	—	—
VII. Северный промысловый район:										
Вологодская пров.	общее указание на скотоводство									
Дополнительно по данным Топографических описаний										
I. Архангельская губ.						1	3 и 2 телёнка	2 бычка на продажу	5	—

[a] По терминологии источника.

Наименование провинций и уездов	У помещичьих крестьян: лошадей	коров	волов	овец	свиней	У государственных крестьян: лошадей	коров	волов	овец	свиней
Шенкурский у. у посредственных						2	4	2	2	2
Мезенский у.										
у посредственных						2	2		7	20 оленей
у коми						2	4		15	
Онежский у.										
у посредственных						2	3—4		10	
у зажиточных						4	6—8		20	
Холмогорский у.						1	3	2	5	
2. Тверская губ.	2	2	—	2	1	как у помещичьих				
Осташковский у.	1	1	—	1—2	1	» » »				

	лошадей	рогат. скота	овец
3. Воронежская губ.: (без подразделения на государственных и помещичьих крестьян)			
Ливенский у.			
у зажиточных	до 60	до 60	по 300
у недостаточных			
Калитвенский у.			
у зажиточных	—	50, 100, 200	100—1000
Острогожский у.			
у зажиточных		15, 30, 50	200, 500, 1000; у некоторых до 1500
у средних		5, 10, 15	50—100

Воронежской губ. из специального описания 1781 г.[1] Вообще же Топографические описания при общей обстоятельной характеристике состояния сельского хозяйства соответствующих цифровых показателей относительно скотоводства не дают.

Приведённая таблица позволяет сделать некоторые общие первоначальные наблюдения. *В пределах всего старого центра России, с его более густым населением и большой распаханностью земли, скотоводство нигде не получило самостоятельного значения и по своим размерам было ограничено непосредственными нуждами крестьянского двора:* поголовье скота на один крестьянский двор почти нигде не выходило за пределы 2 лошадей, 2 коров и нескольких овец. Даже единичные более крупные колебания — до 5 — 6 лошадей, 3 — 4 коров, 8 — 10 овец, — связанные с выделением зажиточной верхушки и отражающие рост крестьянского расслоения, остаются в основном в пределах внутренних потребностей соответственно возросшего в отношении людского состава и общей запашки зажиточного крестьянского двора.

Центральному району резко противостоят *южный и восточный степные районы.* Данные о значительном росте поголовья скота в Елецкой и Воронежской пров. Центрального земледельческого района, в Слободско-Украинской и Киевской губ., в Оренбургской и Уфимской пров. указывают на *промыслово-торговый характер скотоводства.* Этим обусловлено и значительное расширение амплитуды колебаний поголовья скота, связанное с крестьянским расслоением и непосредственно отражающее предпринимательский характер зажиточного крестьянского хозяйства. В этом отношении необходима только особая оговорка относительно соответствующих показателей по Оренбургской и Уфимской пров. для зажиточных или «лучших» дворов. Относящиеся в основном к местным народностям, эти показатели поголовья у «лучших» явно должны быть отнесены не к крестьянству, а к национальной феодальной верхушке, которую П. И. Рычков, как и другие составители ответов, а позднее топографических описаний, не

[1] «Генеральное соображение по Тверской губ.», — см. уезды Кашинский, Бежецкий, Осташковский; Описания Архангельской губ. см. Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 497. «Историческое, топографическое и камеральное описание городов...» (без даты), л. 62, 79—80, 108 об., 112, 149—150 и др. «Материалы по истории Воронежской и соседних губерний», т. I, изд. Л. Б. Вайнбергом и А. Полторацким, стр. 1640—2016, в частности по Ливенскому, Калитвенскому и Острогожскому у. — п. 27, стр. 1697, 1853, 1963. Ответы на анкету Вольного экономического общества в указанном деле, ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 2, д. 307, п. 43 ответов. Конкретизация по отдельным экономическим группам дана лишь в некоторых случаях; иногда она отражена указанием колебаний поголовья, где, очевидно, высший показатель относится к зажиточной верхушке, низший — к относительно слабым хозяйствам; самые скудные, вероятно, вообще не учитывались в этих данных.

выделяют в социальном отношении из общей массы башкир и других народностей.

Большие трудности вызывают соответствующие показания по Острогожскому и Калитвенскому у. Воронежской губ., описания которых составлялись в местных воеводских канцеляриях. Эти уезды отличаются наличием крупных однодворческих хозяйств, а также представителей бывшего украинского казачества — черкас, войсковых обывателей, которые могли ещё быть близки к казацкой старшине, не получившей дворянства. Всё же наличие 100 — 200 голов крупного рогатого скота или 500, 1000, 1500 голов овец едва ли может быть отнесено даже к зажиточным представителям крестьянства. Здесь, очевидно, имеет место превращение старого старшинского хозяйства в предпринимательское хозяйство капиталистического типа.

В смежных украинских губерниях, если судить по материалам Турбаевской вотчины Базилевских (Миргородской повет), при средней обеспеченности в 6 — 7 голов скота, из них 2 вола и 2 коровы, 23 двора имели свыше 6 волов, а в единичных крупных хозяйствах насчитывалось до 365 голов скота, в том числе до 70 голов крупного рогатого скота, до 30 лошадей, 250 овец [1].

Состояние сенокосов не допускало такого численного роста скота в крестьянском хозяйстве Севера, особенно в Архангельской губ., и для района наиболее характерно разведение племенного рогатого скота: топографические описания неизменно оговаривают заведение молодых бычков или телят (по 2 штуки) «на продажу». Что касается лошадей, то они, видимо, в основном обслуживали извозный промысел.

Для качественной характеристики крестьянского скотоводства показательны цены на крестьянский скот, сообщаемые в тех же ответах. Крестьянская лошадь по всем приведённым районам расценивается в среднем в 4—7 руб., в единичных случаях указывается 2—3 руб. как самая низкая цена и 8—10 руб. — как самая высокая. Низкая цена, в 4 руб., показана и для Слободской Украины. Только для Оренбургской и Уфимской пров. с присущим им промыслово-торговым скотоводством колебания цен на лошадей указаны от 6 до 20 руб. В Олонецкой пров. соответствующие цены определены от 12 до 20 руб. В то же время средняя цена помещичьей лошади в Москве в ответе по Калужской пров. определена в 20—70 руб. Этому соответствуют и сведения Топографических описаний о помещичьих конских заводах, где более высокие цены показаны только на заводах с особыми, породистыми лошадьми, в основном привозных пород.

[1] См. *І. О. Гуржій*, Повстання селян в Турбаях (1789—1793), стр. 72—73.

Дороговизна скота в Олонецкой пров. связана, очевидно, с местными условиями — возможно, с его промысловым использованием, так как и цена коровы определена здесь в 5—10 руб., тогда как средняя цена по всем другим провинциям колеблется в пределах 3—6 руб., а цена быка, отмеченная лишь в единичных провинциях, где волы играли роль тягловой силы, составляла 3—4 руб. В Киевской губ. цена вола колеблется до 10 и даже 15 руб., что должно стоять в связи с отсутствием лошадей и использованием вола в качестве единственной тягловой силы в земледелии и в извозе. При средней цене овцы в 50—70 коп. и барана в 30—50 коп. отмечается её резкое возрастание до 1 руб. в районе специального товарного овцеводства — Оренбургском и Уфимском [1]. Колебания цен на свиней составляли от 60—80 коп. до 1—2 руб., в зависимости от степени откормленности.

Позднее достаточно систематическую картину крестьянского скотоводства, только без соответствующих цифровых показателей, дают Топографические описания 80-х годов, частично дополняемые сведениями Экономических примечаний. Эта картина в основном совпадает с итогами анкеты 60-х годов. Экономические описания по всему Центральному району, включая северные губернии Центрального земледельческого района, показывают очень низкую обеспеченность крестьян сенными покосами — в основном от $1/4$ до $1/2$ дес. на 1 д. м. п., чем прежде всего и лимитируется распространение скотоводства. Топографические описания и экономическая литература связывают с этим обстоятельством недостаточность естественных удобрений в крестьянском хозяйстве. Наряду с этим Топографические описания отмечают в центральных губерниях отдельные более узкие районы — в пределах отдельных уездов — с более самостоятельным значением скотоводства. Таковы прежде всего в пределах Московской губ. уезды Подольский, Воскресенский и Можайский, относительно лучше обеспеченные сенными покосами. Соответственно в Костромской губ. выделяются земледельческие уезды — Кологривский, Ветлужский и Макарьевский, где обеспеченность сенными покосами превышала 1 дес. на 1 д. м. п., а по Ветлужскому составляла свыше 3 дес. С другой стороны, скотоводство как основное занятие указано в Галичском и Солигаличском у., непосредственно прилегающих к сельскохозяйственному району Вологодской губ.

В Северо-западном районе (помимо приведённых в дополнении к таблице сведений по Тверской губ.) выделены Боровицкий и Череповецкий у. Новгородской губ. Возможно, что скотоводство в первом из них связано с занятиями населения по обслуживанию каналов, а также с распространением

[1] См. «Труды ВЭО», ч. VII, стр. 169 и сл.

извозного промысла. Последний должен был играть существенную роль и в Череповецком районе, лежавшем на большой торговой дороге по Шексне и Мологе на север и запад. Значительную роль играл извоз в крестьянских промыслах Смоленской губ., особенно по перевозке грузов к пристаням — в Вяземском, Гжатском, Сычевском, Юхновском, Порецком и Бельском у., и с этим связано сравнительно большое число лошадей у крестьян Смоленщины — 6—7 у первостатейных, 3—4 у среднестатейных.

Материалы Топографических описаний и Экономических примечаний значительно расширяют и углубляют наше представление о скотоводстве в южных губерниях Центрального земледельческого района — Курской, Тамбовской, Воронежской, а также Пензенской.

Скотоводство и торг скотом, а также извозный промысел показаны как основное занятие крестьянства Курской губ., особенно в южных степных районах, в Топографическом описании Курской губ., составленном Башиловым. С развитием скотоводства неразрывно связана характерная для всего района система хуторов, числящихся при крупных сёлах, особенно при однодворческих, к которым крестьянские стада отгонялись весной на подножный корм. Система хуторов отмечена в «Экономических примечаниях» по Путивльскому, Щигровскому, Ново-Оскольскому у. В описании Путивльского у. числится самостоятельных 135 хуторов, из которых только по двум значится незначительный посев (14 и 11 дес.) [1]. Согласно описанию той же Курской губ. по ЦГВИА, общая продажа скота, звериных шкур и некоторых других товаров, в основном продукции скотоводства, составляла по губернии около 600 000 руб. в год или около 20% всей реализации сельскохозяйственной продкуции. Составитель определял при этом и колебания в обеспеченности скотом государственных крестьян по обычным разрядам: у богатых (20%) по 10 лошадей, 10 коров, 10 овец, 50 свиней; у средних (55%) — по 5 лошадей, коров и овец и 25 свиней, у бедных (25%) — 2 лошади, 1 корова, 5 овец, 10 свиней. Для помещичьих крестьян такая дифференциация не проведена и даны общие средние показатели — 3 лошади, 3 коровы, 10 овец, 15 свиней.

Система крупных сёл и слобод, насчитывавшая нередко 1000—2000 д. м. п., в сочетании с хуторами характерна и для Воронежской губ. с её обширными сенокосными землями [2]. В земельных ресурсах губернии сенные покосы составили 55% и почти в два раза превосходили пашню. Скотоводство принадлежало к основным занятиям населения.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. II, ч. IV; т. IV, ч. XII и др.; ЦГАДА, Межевой архив, ф. 12, д. 80, 140 и др.

[2] ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 654, л. 1—39.

В общей таблице были приведены данные об обеспеченности скотом отдельных дворов по материалам описания конца 1770-х годов. В Топографическом описании Воронежской губ. торгу скотом по городам и сельским торжкам губернии, а также торгу овечьей шерстью отводится ведущее место. Продажа скота в одном Воронеже определена в 30 000 голов крупного и 5 000 мелкого скота [1].

Е. Болховитинов в своём описании отводит большое место продуктам скотоводства — мясу, салу, коровьему маслу, кожам и овчинам, но поголовья скота не указывает [2].

В Тамбовской губ. пастбища составляли ²/₃ к размеру пашни, а в южных уездах равнялись последней. В таких южных уездах, как Борисоглебский, Экономические примечания также указывают систему хуторов, связанную с крупным скотоводством. Скот и продукция скотоводства показаны в Топографическом описании в числе главной продукции губернии, торг скотом и продуктами животноводства, в частности овечьей шерстью для местных суконных фабрик, занимал крупное место на торгах и ярмарках губернии. Большой торг скотом, пригоняемым табунами, указан по Тамбову, Лебедяни, Козлову, Борисоглебску и его уезду. Аналогичные данные содержатся и в Экономических примечаниях, в которых по Борисоглебскому у. также специально отмечаются многочисленные хутора «для пригону скота», особенно в однодворческих землях [3].

К этим губерниям непосредственно примыкает на юге Слободско-Украинская (или Харьковская) губ. с распространённым скотоводством местного украинского крестьянства, но и с обширным посредническим торгом скотом, закупаемым в донских казацких станицах.

Особое положение сложилось в так называемой Малороссийской губ., где крестьянское скотоводство, за небольшими исключениями, не получило особого развития при наличии крупного помещичьего скотоводства — конских, овчарных заводов и заводов крупного рогатого скота. Возможно, что объяснение слабого развития крестьянского скотоводства лежит именно в указанном распространении помещичьего скотоводства, захватившего лучшие пастбища и располагавшего дополнительными кормовыми ресурсами в виде отходов от столь же распространённого помещичьего винокурения. Описание Новгород-Северского наместничества редко упоминает

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18668.

[2] См. *Е. Болховитинов*, Историческое, географическое, экономическое описание Воронежской губернии, Воронеж 1800, л. 22—27.

[3] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 538, Топографическое описание Воронежского наместничества, л. 17—18, 50—51, 54 об., 71 и др.; ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, д. 8, 43, 63, 89 и др.

скотоводство в числе крестьянских занятий и обычно с оговоркой «малым количеством», «мало»[1].

В Среднем Поволжье район скотоводства совпадает в основном с районами распространения хлебопашества. Так, «Топографическое описание Казанской губ.» называет те же Лаишевский, Спасский, Тетюшский, Чистопольский, Ядринский у.

Главным скотоводческим районом на востоке, как и на юге, являлись обширные пространства степей за Волгой, а также соединяющее оба степных района Нижнее Поволжье, начиная со степей Саратовской губ.

Топографическое описание Саратовской губ. особо выделяет в отношении скотоводства Сердобский и Балашевский у., непосредственно прилегавшие к Пензенской и Воронежской губ. Центрального земледельческого района, с их развитым скотоводством и указывает Саратов как центр торга скотом, пригоняемым из района[2]. Значительное развитие скотоводства в Поволжье и особенно в Саратовской губ., в частности у мордвы и других местных народов, отметил в своих «Дневных записках» И. Лепёхин. О крупной роли скотоводства в Саратовской губ. говорят и многочисленные материалы, привлечённые Е. Н. Кушевой, по которым на отдельный крестьянский двор приходилось до 10—12 лошадей, до 15—20 коров и по несколько десятков овец[3].

Источники показывают крупное скотоводство в заволжских районах Саратовской и Симбирской губ. (позднее — Самарская губ.), в Уфимско-Оренбургском районе, в Пермской и прилегающей Вятской губернии. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губ.» указывает по губернии в целом около 850 тыс. дес. сенных покосов, особо выделяя Шадринский, Камышловский и Красноуфимский у. по всем видам скота, а также Екатеринбургский по разведению лошадей, Осинский и Оханский по рогатому скоту и овцам, Соликамский и Чердынский по рогатому скоту. Уровень местного скотоводства нашёл отражение в значительно более высоких ценах на скот по сравнению с центром России, хотя необходимо учитывать, что описание Попова составлено почти на 40 лет позже анкеты Вольного экономического общества, и что за это время произошло общее значительное повышение цен на сельскохозяйственные продукты. Попов определяет стоимость рабочей лошади в 10—50 руб. с понижением по Чердынскому у. до 5—35 руб., коровы 7—15 руб., быка 5—15 руб., овцы 1—2 руб., свиньи 2—4 руб. Разведение овец связано, в частности, со

[1] «Опис Новгород-сіверського намістництва (1779—1781)», стр. 214, 215 и др.

[2] См. «Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы», ч. VI, стр. 26—63 (из Месяцеслова на 1785 г.).

[3] См. *Е. Н. Кушева*, Хозяйства саратовских дворян Шахматовых, «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, № 8.

значительным развитием местной салотопенной промышленности, хотя последняя в большой мере обеспечивалась пригоном скота казахами на Оренбургскую и другие ярмарки[1].

Топографическое описание Уфимского наместничества отмечает активную роль в развитии скотоводства наряду с местными народами, особенно башкирами, мордвой, чувашами, также русских казаков и «переведенных из Малороссии» черкас[2]. Новое Топографическое описание, составленное после реорганизации Уфимского наместничества в Оренбургскую губ. также отметило, что черкасы «скота водят довольно» и что казаки и поселённые солдаты хлебопашество и скотоводство «по большей части делают... наймом», «хлеб же свой, скот и другие произведения... продают в Уфу, Оренбург, уральские города и в прочие соседственные города»[3].

Эти характеристики существенно дополняются материалами путешествий Палласа, Фалька и Лепёхина.

Паллас отмечает обилие крупного рогатого скота у крестьян Черкасской слободы — до 20—30 лошадей на двор и стада овец, причём некоторые хозяева содержали у себя до 400 овец. Фальк пишет о большом поголовье лошадей, крупного рогатого скота и овец у крестьян Уфимской провинции[4].

И. Лепёхин дополняет это сведениями о распространении скотоводства в Вятской губ., хуже других освещённой в наших источниках[5].

Лепёхин отмечает там же распространение скотоводства на севере в пределах старой Архангельской губ., специально выделяя Усть-Сысольский и Мезенский у., через которые лежал его путь на Архангельск; он писал, что Мезенский у. славится лошадьми и имеет «великий лошадный торг»[6].

Данные Топографического описания Архангельской губ. приводились выше. Топографическое описание отмечает хорошее качество скота: скот крупный и упитанный. По Холмогорскому у. отмечается вскармливание быков и телят на продажу и отгон скота к Москве и Петербургу. По «изрядному» скотоводству выделены зыряне (коми) Мезенского у.[7] Челищев в конце века также указывал на распространение скотоводства

[1] См. *Н. С. Попов*, Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 2, Пермь 1804, стр. 174 сл.

[2] См. Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, Муз. № 8818, л. 13 сл.

[3] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 445, д. № 14, л. 16 сл.; Архив АН СССР, ф. Семевского, д. 291, л. 127.

[4] См. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, ч. XVII, стр. 257.

[5] См. «Продолжение Дневных записок путешествия Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году», ч. III, стр. 222—226.

[6] Там же, стр. 272, 370 и др.

[7] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 497, л. 34 об., 48 об., 62, 79—80, 109 сл.

в Холмогорском и Шенкурском у., причём в первом отмечал до 5 быков на двор[1]. Материалы подворной переписи 1785 г. сведены в работе М. Е. Шкляр. Они дают яркую картину отражения расслоения крестьянства на их обеспеченности скотом: по 4 округам с лучшим развитием сельского хозяйства (Шенкурский, Холмогорский, Архангельский и Мезенский) 70,6% крестьянских хозяйств были безлошадными и однолошадными, а 5,9% имели 3 и более лошадей; 35% крестьянских хозяйств не имели коров или имели только по 1 корове, а 15% имело 4 и более коров. Около 50% всех хозяйств засевали не более 1 дес. на двор, имели 1 корову и 1 лошадь или 1 быка в среднем, причём лошадь в основном использовалась для извоза, а 24 двора (1,3%) имели по 5 дес. посева, до 3 лошадей на двор, 4 коровы, 4 и более быков[2].

Приводившиеся выше данные также говорят о заметном расслоении крестьянства и разрыве между крайними группами по наличию скота, наиболее значительными в районах товарного скотоводства — на севере, в восточных и южных степных районах. Применение средних цифр в пределах каждой группы несколько смягчает колебания, выступающие ещё резче при более детальном выделении групп по материалам вотчинных архивов. Последнее относится, однако, только к районам товарного сельского хозяйства. В Центральном промышленном районе, например, в сельскохозяйственном приселье Ивановской вотчины, эти колебания незначительны: если у третьестатейных крестьян числится примерно 1 лошадь на 3 двора и 1 корова на каждый второй двор, а у среднестатейных примерно 1 лошадь и 1—2 коровы на двор, то и у первостатейных (29 дворов) приходится примерно 2 лошади и 2—3 коровы на двор. Даже у самых «капита́листых» крестьян с. Иванова число лошадей оставалось в пределах 4—5, и лишь у Е. Грачёва значилось 15 лошадей и 8 коров при относительно большом хлебопашестве с использованием наёмной рабочей силы[3].

Совсем другую картину представляет новосильская вотчина Голицыных. Здесь у первостатейных крестьян поголовье лошадей достигало 25—30 штук при незначительном числе коров, но большом количестве мелкого скота. Такое обилие лошадей и мелкого скота связано, очевидно, не только с более обширным и интенсивным сельским хозяйством, с широким использованием скота для хозяйственных перевозок (в частности, значительные торговые операции), но и с товарностью самого скотоводства. Правда, Г. Н. Бибиков отмечает относительно большое число лошадей — до 5—6 голов — и у некото-

[1] См. *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 125—140.

[2] См. *М. Е. Шкляр*, Крестьянское хозяйство Архангельской губ. 60-х — 80-х годов XVIII в. (автореферат кандидатской диссертации), стр. 7.

[3] См. *А. М. Разгон*, Крестьяне Ивановской вотчины Шереметевых во II половине XVIII в. (рукопись диссертации), стр. 259 и 228—232.

рых третьестатейных и ищет этому объяснение в принудительном наделении скотом со стороны помещичьей администрации, сопровождавшемся тяжёлыми кабальными условиями его использования. Полагаем, что для этого района правильнее связать такое положение с фактическим свёртыванием такими крестьянами сельского хозяйства и поиском выхода в извозном промысле, для которого и нужны были эти лошади. Поэтому противоречие является кажущимся, и указанный факт вполне согласуется с данными о фактически растущем разорении этих хозяйств, попадающих в полную зависимость от денежных промысловых заработков и рынка[1].

В калужской вотчине Голицыных с. Пятницком в 16 зажиточных дворах приходилось в среднем 8 лошадей на двор, при 2 лошадях в среднем на такое же количество бедных дворов, также с характерным для района промысловым извозом[2].

В Серебрянопрудской вотчине Шереметевых в Венёвском у. Тульской губ. наиболее капита́листые крестьяне в самом начале XIX в. имели до 20 лошадей, по нескольку коров с подтёлками, несколько десятков овец и свиней[3].

Близкая к этому картина наблюдается в саранской вотчине Полянских (Пензенская губ.). В 44 дворах с. Богословского (Салтыковка), по ведомости 1775 г., состояло 368 лошадей, 208 коров, 1112 овец. При этом в 3 наиболее зажиточных дворах значилось: у вдовы Михайловой (№1) на 1 венец — 30 лошадей, 40 коров и 150 овец; у Герасимова (№ 42) также на 1 венец — 30 лошадей, 40 коров, 80 овец и у Абросимова (№13) на 2 венца — 20 лошадей, 21 корова и 30 овец; всего на эти 3 двора падало 20% всех лошадей, 22% всех овец и 50% коров. Кроме того, в 9 дворах, имевших по 15 лошадей, числилось 135 лошадей, 83 коровы и 350 овец, что составляет в общей сложности по 12 дворам (27%) 60% всех лошадей, 90% коров и 55% овец[4].

Аналогичную картину даёт Архангельская вотчина Куракиных в Городищенском у. Пензенской губ., причём высокая обеспеченность лошадьми стоит в тесной связи, помимо земледелия, с торговым извозным промыслом. Е. Н. Кушева в упоминавшемся уже исследовании по Саратовским вотчинам Шахматовых указывает, что большинство крестьянских дворов имело 2—3 лошади, 1—2 коровы, 5—10 овец, но в то же время отмечает 16 дворов, имевших свыше 5 лошадей, в четырёх дворах из этих 16 — свыше 10 лошадей, а в одном дворе

[1] См. *Г. Н. Бибиков*, указанная статья, «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 85—88 и др.

[2] См. *Е. И. Дракохруст*, указанная статья, «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 130—131, табл. 3.

[3] См. *В. И. Александрова*, Крестьяне крупной помещичьей вотчины центральной России в XVIII—XIX вв. (автореферат), стр. 13.

[4] ЦГАДА, ф. 1276, д. 194.

22 лошади; в 9 дворах из того же числа состояло свыше 5 коров, из них в четырёх — свыше 10; число овец в ряде дворов достигало 20 — 60 голов. При этом в большинстве случаев концентрация всех видов скота падала на те же самые дворы, отчётливо показывая тем самым непосредственное товарное значение скотоводства в этих зажиточных хозяйствах [1].

Для восточного степного района, как и для Архангельской губ., это положение достаточно хорошо отражено в Экономических и Топографических описаниях, данные из которых были приведены выше. Таким образом, *скотоводство приобретает самостоятельное торгово-промысловое значение, что определяется, с одной стороны, экономическими условиями района* — таковы южный и восточный степные районы, а также район русского Севера. *С другой стороны, отмечавшиеся уже выше условия общего расслоения крестьянства* и соответствующее расширение и усложнение хозяйства зажиточной верхушки с резко выраженным товарным характером.

Все источники отмечают птицеводство в составе крестьянского хозяйства — прежде всего кур, обозначаемых обычно как куры русские, уток и гусей, в более обеспеченных дворах — гусей и кур индейских; обычно, однако, их численность определяется единицами. В уже приводившейся подворной ведомости саранской вотчины Полянских значится на двор от 5 до 10 кур, в нескольких зажиточных дворах — по 15 кур и только в 4 самых богатых дворах указано по 20 кур. В этих же дворах указано по нескольку уток. Гуси имеются лишь в некоторых дворах в количестве одного-двух и лишь в нескольких состоятельных дворах — по 4, только в одном — 6 гусей [2]. Несколько лучше были обеспечены птицей крестьяне голицынской вотчины с. Голунь в Тульской губ. Здесь в начале XIX в., по расчёту Г. Н. Бибикова, у крестьян последней статьи имелось в среднем по 15 кур, но у богатых — по 30 кур и, сверх того, по нескольку гусей, уток и индеек. По данным 80-х годов XVIII в., у бедных крестьян бывало по 5 кур, тогда как у зажиточной верхушки — по полсотни [3]. При этом цена курицы на местных городских рынках в 1780 г. составляла от 5 до 15 коп., индейки — от 20 до 35 — 40 коп.; даже в Москве в зимние месяцы (январь 1795 г.) цена не поднималась выше 50 коп. за пару русских кур [4].

Таким образом, птицеводство не имело серьёзного и тем более самостоятельного значения в бюджете рядового крестьянского хозяйства.

[1] См. «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, № 8, стр. 673—693.

[2] ЦГАДА, ф. 1276, д. 194.

[3] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 85—87, 110—111.

[4] ЦГАДА, р. XVI, д. 828 (по Орловской губ. за 1785 г.), л. 27; ф. 1244, оп. 390, д. 59091, л. 3—4 и др.

6. Пчеловодство. Рыболовство

Дополнительное, вспомогательное значение в ряду крестьянских сельских промыслов принадлежит пчеловодству. Его распространение отмечается на всей центральной территории Европейской России — в Центральном промышленном, Центральном земледельческом районах и в районе Среднего Поволжья, включая прилегающую Вятскую губернию на северо-востоке, т. е. от Верхнего и Среднего Поволжья до степных районов Слободской Украины, Полтавщины и Нижнего Поволжья на юге. Но источники нигде особо не выделяют его в числе основных доходных статей крестьянского хозяйства. Наибольшее развитие крестьянское пчеловодство получило в это время в лесостепных районах, где оно выступало главным образом как дополнение к хлебопашеству. В Костромской губ. Топографическое описание специально отмечает пчеловодство в земледельческих уездах — Кологривском, Ветлужском и Макарьевском на Унже. Указания на пчеловодство отсутствуют в обстоятельном описании Тверской губ. с её распространёнными промыслами и отходом. В Центральном земледельческом районе пчеловодство особо выделено в Рязанской губ., где оно также связано в основном с группой наиболее земледельческих, хлебных уездов [1]. Торг воском отмечен и в дворцовых и экономических сёлах Рязанской губ. по р. Оке [2]. Пчеловодство отмечено в числе основных сельскохозяйственных промыслов в Тамбовской губ., причём на его товарный характер указывает включение мёда в список товаров, отправленных на судах с Моршанской пристани [3]. В описании Воронежской губ. встречаются лишь единичные упоминания о пчеловодстве, например, в одном из её центральных уездов — Бобровском, но Е. Болховитинов в ряду вывозимой из губернии местной продукции называет мёд в количестве около 55 000 пудов [4]. Данные о крестьянском пчеловодстве содержит и вотчинный архив Куракиных по его Городищенской вотчине Пензенской губ.

Несколько по-иному обстоит дело в западной группе чернозёмных губерний. Относительно Тульской губ. В. Левшин в своём описании прямо оговаривает слабое развитие пчеловодства [5].

С этим указанием совпадают наблюдения К. В. Сивкова по вотчинам Юсупова. По описи 1825 г. пчеловодство отмечено

[1] См., в частности, у Щекатова и в Словаре Полунина изд. 1786—1789 гг.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18989.

[3] См. «Топографическое описание Тамбовского наместничества», ЦГВИА, ф. ВУА, 19076, л. 10—13, 19 об. и др.

[4] См. *Е. Болховитинов*, Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губ., стр. 24.

[5] ЦГИАЛ, ф. 91 (ВЭО), оп. 1, д. 285, отд. II, л. 220.

здесь лишь в единичных, главным образом более зажиточных дворах[1]. По Орловской и Курской губ. данных о пчеловодстве не встречалось. В ведомостях отправки продовольственных грузов из Орла, Мценска и Брянска к Москве, Петербургу и южным портам значится свыше 200 000 чтв. хлеба и всего 55 пудов мёду и 50 пудов воску[2].

Впрочем, Словарь Полунина в издании Новикова (1786—1789 гг.) довольно широко отмечает продажу мёда и воска на сельских торжках и ярмарках Каширского у. Тульской губ., как и в смежной Калужской губ., а также в Брянске (лесная часть Орловской губ.), в Курске и в г. Фатеже Курской губ., однако конкретные размеры продажи мёда и воска не указываются. Пчеловодство отмечено в смежных частях Малороссийской губ. Топографическое описание указывает пчеловодство в числе основных занятий населения, ставя его вслед за хлебопашеством и скотоводством, особенно в северных лесостепных районах будущих Новгород-Северской и Черниговской губ.[3] Пчеловодство, а также бортничество в лесных районах показано в упомянутом описании Новгород-Северского наместничества в качестве важного торгово-промыслового занятия крестьянства и одной из важнейших доходных статей крестьянского хозяйства с продажей мёда на рынке[4]. По данным Турбаевской вотчины, зажиточные крестьяне села имели до 40 бортей, или ульев[5]. Отмечено пчеловодство и в некоторых уездах Харьковской губ., например, в Хотмыжском[6].

Пчеловодство распространялось и в восточных лесостепных губерниях Среднего Поволжья. Топографическое описание Нижегородской губ. особо отмечает его в Арзамасском у. Бортные угодья отметила Ржаникова по Безводненской вотчине Юсуповых. Пчеловодство было распространено в Казанской губ., в частности у народов мари и мордвы. И. Лепёхин специально отметил его в записках своего путешествия в Симбирской и Вятской губ.[7]

Расширение пчеловодства и в особенности приобретение им товарного значения также связано с крестьянским расслоением. А. М. Разгон в Ивановской вотчине Шереметевых устанавливает пчеловодство у 23 крестьян в количестве 153 ульев, причём только один крестьянин имел 30 ульев и 4 крестьяни-

[1] См. *К. В. Сивков*, Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., стр. 113, 129—130, 166—167.

[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 829, л. 46—47.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, л. 4, 26 и др.

[4] См. «Опис Новгород-сiверського намiстництва (1779—1781)».

[5] См. *I. О. Гуржiй*, Повстання селян в Турбаях (1789—1793), стр. 73.

[6] См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19134.

[7] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. I, стр. 147; «Продолжение дневных записок... в 1771 году», ч. III, стр. 226.

на — от 10 до 15 ульев. По голицынской вотчине с. Голунь только первостатейные крестьяне имели по 2—3 улья, тогда как даже у «посредственных» приходился в среднем 1 улей на 2 двора[1]. В Серебрянопрудской вотчине Шереметевых в земледельческой Тульской губ. В. Александрова отмечает у наиболее зажиточного крестьянства до 90 колод пчёл[2]. Подворные описи Архангельской вотчины Куракина (Пензенская губ.) также указывают до 100 колод пчёл на двор у зажиточных крестьян.

К числу общераспространённых промыслов, несомненно, принадлежит рыболовство. Рыба занимала значительное место в потреблении населения, и сведения о ценах на продовольственные продукты по местным рынкам, как правило, включают цены на разную рыбу. Однако в экономических описаниях губерний рыболовство выделяется сравнительно редко, видимо, лишь в тех районах, где оно приобретало более самостоятельное промысловое, товарное значение — в северном и северо-западном приморских районах, на крупных реках, как Волга, Ока, Днепр и Дон.

Для районов, где рыболовство указано, возникает специальный вопрос о характере участия крестьян в промысловом рыболовстве — являлось ли оно самостоятельным промысловым занятием товарного типа или работой по найму в крупном промысле предпринимательского типа. По-видимому, и здесь вопрос решается в прямой связи с процессом расслоения крестьянства, не говоря о тех районах, где рыбные ловли превратились в отрасль купеческого предпринимательства.

Действительно, указание на рыболовство в составе основных занятий и промыслов населения полностью отсутствует в губерниях Центрального промышленного района, в том числе по Верхнему Поволжью — в Ярославской и Костромской губ. и прилегающей к ним с запада Тверской, где в то же время систематически указываются судовой промысел и судостроение. Рыбный промысел специально отмечен только в Осташковском у., но в соединении с рыбным торгом, причём указываются работы в рыбачьих артелях в Нарве, Ревеле, Выборге, на Белоозере с заработком в 20—30 руб. в год, так что возникает вопрос, не к этой ли наёмной работе в порядке отходничества относится приведённое указание на рыбный промысел и торг.

В составе западных губерний рыболовство выделено в Новгородской губ., где оно приурочено, однако, главным образом к крупным озёрным водоёмам как в самом Новгородском у. (оз. Ильмень и р. Волхов), так и в Белозёрском, к которому

[1] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 110—111.

[2] См. *В. И. Александрова*, Крестьяне крупной помещичьей вотчины центральной России в XVIII—XIX вв. (автореферат).

примыкает ещё Череповецкий у. П. Челищев в своих записках выделяет среди занятий населения Белозёрского у. вязание сетей, а среди товаров, продаваемых на Солитской пристани, специально называет «белозерскую прочую рыбу». В то же время даже в Тихвинском у. он указывает делание барок и прочих судов и отход «в годовые заработки» в Петербург, Москву и Астрахань, но не упоминает рыболовства [1]. Топографическое описание Петербургской губ. выделяет рыболовство в Шлиссельбурге с уездом и в Нарвском у.

В нашем распоряжении имеются три ведомости по экономическим и дворцовым сёлам по р. Оке — Тульской, Калужской и Рязанской губ. По всем селениям в числе основных занятий, кроме хлебопашества и лесных промыслов, назван извоз, судовой промысел и сплав леса. Рыбная ловля по Тульской губ. указана только в Дворцовой рыбной слободе Алексинского у., по Калужской губ. такие указания совершенно отсутствуют, а по Рязанской губ. рыболовство на Оке и в озёрах отмечено в большом дворцовом селе Любучи, которое по характеристике Топографического описания утратило фактически свой сельский характер и скорее напоминало городское поселение, являясь крупной судовой пристанью и выделяясь своей зажиточной верхушкой [2]. Топографическое описание отмечает рыболовный промысел и в смежных сёлах — Бел-Омут, Ловцах и самом крупном из этой группы с. Деднове, о которых говорится, что «жители кормятся от торгов, подрядов и рыбной ловли, скупая рыбу на всех ватагах до г. Нижнего Новгорода», и добавляется: «жители означенных сел торговлями и промыслами на деревенских жителей совсем непохожи, а более походят на городских торговых людей и приобрели себе торговлею и промыслами довольный капитал, так что у некоторых села Деднова крестьян есть каменные строения» и 28 торговых лавок [3].

По-видимому, выделяемое здесь рыболовство, выступая скорее в качестве торгово-промыслового предприятия с зажиточной предпринимательской верхушкой во главе, с эксплуатацией массы скудного крестьянства, организуемого в ватаги в качестве рабочей силы, отражает общий процесс крестьянского расслоения торгово-промышленного района.

Этому соответствует и описание рыболовства в низовьях р. Оки, вниз от г. Мурома, данное Лепёхиным в его «Дневных записках». Отмечая обычную рыбную ловлю с узами, бреднями и поясцами, Лепёхин особо выделяет «настоящих рыбопро-

[1] См. *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 241, 253, 263 и сл.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19114, поселение № 4, д. 18344 и д. 18979, поселение № 8.

[3] См. Государственная библиотека имени Ленина, Рукописный отдел, Музейное собрание № 4852, Егорьевский у., л. 21 и сл., п. 11.

мышленников», употребляющих самоловы или перемёты, волокуши и заколы, в которые ловится и крупная рыба вплоть до стерляди, но осетры и белуга в Оке появляются редко [1]. Топографическое описание также отмечает рыболовство в Нижегородском у., а также связанное с этим канатно-прядильное производство в Нижнем Новгороде, в Василе и в Горбатове с его округой [2].

Указание на рыболовство полностью отсутствует в экономической характеристике губерний Центрального чернозёмного района, несмотря на наличие сравнительно разветвлённой системы рек бассейнов Дона, Оки и частью Днепра и связанные с этим довольно частые указания на судовой промысел и на судостроение, особенно в Орловской, Тамбовской и Воронежской губ.

Товарное рыболовство не получило, видимо, развития и в районе Приднепровья. Соответствующие указания отсутствуют как в Топографическом описании Смоленской губ., так и в материалах, использованных Т. Рябковым, который в качестве основных крестьянских промыслов выдвигает разные деревообделочные промыслы, сплав леса и специально строительство барок. Топографическое описание Киевской губернии 1786 г. и позднейшее описание Малороссийской губ. говорят о рыбном промысле, но в совершенно особом и неожиданном контексте. Так, в описании Пирятинского у. говорится об отходе в донские станицы для ловли рыбы, по Козелецкому у. — об отходе в донские станицы для работы на рыбных промыслах и в наиболее общей форме по Миргородскому у. — об отходе на заработки в Новороссийскую губ. и донские станицы. Таким же образом Топографическое описание Малороссийской губ. говорит об отходе в донские станицы за рыбой и солью [3]. Во всех указанных случаях речь идёт, очевидно, либо о торговом предпринимательстве — скупке рыбы для перепродажи, либо о работе по найму на промыслах. По-видимому, такого же происхождения указания Топографического описания Харьковской губ. на крупную роль рыбных товаров в Харьковском торге (рыбы и икры на 165 000 руб.), которое должно быть отнесено за счёт посреднического торга с донскими станицами [4].

На востоке большое значение имели рыбные промыслы по Средней и Нижней Волге и в Каспийском море. О средневолжских рыбных промыслах — в Симбирской и Саратовской губ. сообщают в описании своих путешествий Лепёхин и Паллас. Но в районе Среднего Поволжья Лепёхин прямо указывает на

[1] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. 1, стр. 62 и сл.

[2] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 516, л. 5—9, 25, 52 сл.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18768 и 18351.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19134, л. 29 и сл.

монопольную принадлежность рыбных ловель купечеству: «Волжские воды, начиная от урочища, называемого Лаишевский взвоз, даже до Дойнихина истока, принадлежат Симбирскому купечеству, где никому не дозволяется рыбачить без платежа или без подряда». Включение в подряд крупной красной рыбы и указание на ловлю волокушами, самоловами, перемётами и городьбою говорит о том, что и в качестве подрядчиков должны были выступать купцы или капитáлистые крестьяне, собиравшие ватаги по найму [1]. Аналогичное описание организации учугов на Волге даёт и Паллас [2].

Экономические примечания, относящиеся, правда, уже к началу XIX в., показывают, в частности, для обширных вотчин Орлова в Симбирской губ. сдачу крупных рыбных ловель в аренду на общую сумму до 10 000 руб., причём арендная плата за самые мелкие водоёмы составляла 250—300 руб., а за крупные достигала 800, 1600 и даже 3000 руб.; аренду, как правило, держали купцы. За крестьянами оставались лишь самые мелкие водоёмы, в которых значилась больше плотва, пескари и другая мелкая рыба, причём указывалась больше ловля рыбы для господского и крестьянского обихода и лишь в отдельных случаях на продажу на ближайший городской рынок [3].

Такой же характер имело рыболовство в районе Нижнего Поволжья и Каспийского моря с крупной ролью саратовского и астраханского купечества. На Дону эту же роль выполняла зажиточная верхушка казачества, используя, как отмечалось выше, значительный приток наёмной рабочей силы со стороны.

Особое значение принадлежало рыболовству в северных губерниях, в первую очередь в Архангельской и северной части Олонецкой, где рыбная ловля, а также китоловный и тюлений промыслы становились основным занятием значительной части местного населения. Описание Архангельской губ. называет рыбные и звериные промыслы в числе основных занятий населения Архангельского, Мезенского, Кольского и Онежского у. Соответственно все селения размещаются у морских или речных берегов, и лодки или карбасы являются их основной принадлежностью. «Домы здешних крестьян все состоят при берегах на матерых и островных местах, а в отдаленности от рек нет никаковых селений... всякий крестьянин имеет у себя карбас или лодку вместо перевозных лошадей», — значится в описании Архангельского у. В числе занятий называются отъезд на ры-

[1] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», стр. 245—250.

[2] См. *П. С. Паллас*, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, стр. 199—212.

[3] См. ЦГАДА, Межевой архив, ф. 26, д. № 22 по Ставропольскому у., л. 33—34, 42, 46, 48, 51, 315—316, 333—334 и др.; д. № 17 по Сенгилеевскому у., л. 72 и др., д. № 24 по Сызранскому у.

боловство к морским устьям, а также отход зимой на «весновальные сальные и звериные промыслы», а летом к Мурманскому берегу на ловлю трески и палтусины, для чего «строят по зимним берегам в Мудьюжской, Куйской и двух Золотницких волостях для себя морские суда и содержат оные», а в прочих волостях «шьют карабасы» для себя и на продажу. Доход от рыбных и звериных промыслов отмечен и в Мезенской округе: «Мезенских крестьян не малая часть отходит или отъезжает осенью по оброчным рекам или озерам для ловли рыбы и зверей». Морское рыболовство и звероловство на Мурманском берегу, в Кандалакшской губе и на Шпицбергене (Грумант) значится по Онежскому у. Население Кольского у. отправляло этот промысел при Терском и Мурманском берегах, а также отъезжая на Грумант, на Новую Землю и на Шпицберген [1].

При этом, однако, *морские рыболовные и зверобойные промыслы,* требующие вложения значительных денежных средств в оборудование судов и организацию рабочей силы, *приобрели уже определённый предпринимательский характер и находились в руках небольшой, зажиточной верхушки.* Об этом наглядно свидетельствует обстоятельное описание организации этих промыслов, включённое в другое «Топографическое описание Архангельской губ.» [2]

[1] См. Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 497. Описание Архангельской губернии, в частности л. 21, 31, 106 об., 130, 141 и др.

[2] Ввиду его особого интереса приводим более значительную выдержку:

«На все сии промыслы отправляют суда люди зажиточные, нанимая работников по добровольному согласию за заплату от 10 до 15 руб. сверх готовой пищи. Денежная однако же плата в употреблении единственно тогда, когда работники отправляются на ладьях за вешним уловом рыбы на Мурманский берег в становища, но ежели нанимаются на вешний рыбный промысел в Колу, или для звериного на Грумант и на Новую Землю, то назначается им известная часть из получаемой добычи, а именно при вешнем рыбном промысле из всего приобретения хозяин берет 2 части, а работники третью. Исправление же судна и содержание работников пищей всегда остается на щет хозяина, который сверх того обязан довольствовать и ребят, зуйками и наживотчинами именуемых, из коих первые бывают от 7 до 12 лет, а последние от 12 до 15 лет возраста. Промышленники же, отправляющие для звериного промысла на Грумант и на Новую Землю, получаемую добычу делят на многие участки или паи, называемые у них ужины, из которых на содержание судна, снастей и инструментов отлагается от 5 до 7 ужинов, считая по состоянию судна, кормщик берет от $1^1/_2$ до $2^1/_2$ ужинов, подкормщику 1 ужин, а протчие по числу работников назначенные ужины разделяются на 3 части, из них хозяину судна за содержание работников пищею дают 2 части, а третью работникам. Сверх того, при отправлении судна в море обыкновенно каждый работник получает от хозяина по 2, по 5, а привычные и в промысл искусные по 10, кормщик же и 20-ть рублей и более. Деньги сии называются обуточные, т. е. как бы на обувь данные и при разделе добычи в расчет уже не полагаются». ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18361. «Краткие исторические примечания и топографическое о Архангельской губернии описание с присовокуплением к тому же о рыбных и звериных морских промыслах», л. 33—34.

Аналогичное описание морских промыслов дал и Лепёхин в своих «Дневных записках», а также посетивший Архангельск Озерецковский [1]. По подсчётам М. Шкляр по материалам подворной переписи, из 436 дворов Кольской округи только 25 дворов имели собственные суда — ладьи или гукоры, стоимостью в 200—300 руб., остальная масса населения (94,3%) работала у них по найму или промышляла близ морских берегов на своих карбасах стоимостью от 5 до 10 руб. [2]

Звероловный промысел также отмечается в северных заволжских лесных губерниях и частично в лесных районах Среднего Поволжья.

7. Промышленно-промысловое предпринимательство и отход

Промысловые занятия крестьян не исчерпываются, однако, указанными сельскими промыслами. Между тем их учёт необходим для правильного определения удельного веса сельскохозяйственных занятий в крестьянском хозяйстве в целом.

В этой связи необходимо выделить прежде всего промысловые предприятия, непосредственно связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья, — мельницы и винокурни, которые мы рассматривали и в разделе господского хозяйства, а также маслобойни. Прямые указания на крестьянские мельницы имеются по селениям государственных крестьян — экономических, дворцовых, ямщиков, однодворцев; из указанных групп наибольшее число мельниц состояло за однодворцами. В Московской губ., по данным Экономических примечаний, число мельниц в экономических и дворцовых селениях резко отставало от помещичьих: лишь в Клинском у. за ними значилось 17 мельниц, в Дмитровском — 12, в Воскресенском и Серпуховском — по 3 и т. д. По 12 уездам Костромской губ., по тем же Экономическим примечаниям, состояло всего 430 помещичьих мельниц и 182 мельницы (30%) в экономических и дворцовых селениях. При этом лишь в Макарьевском на Унже уезде, где дворцовые и экономические крестьяне составляли подавляющее большинство, а хлебопашество играло крупную роль, за ними состояло, соответственно, 54 и 25 мельниц при 13 помещичьих; в Костромском у. число тех и других было примерно одинаковым — 39 и 38. Во всех остальных уездах мельницы состояли далеко не во всех экономических и дворцовых сёлах и составляли от $^1/_6$ до $^1/_{10}$ к числу помещичьих. Значительно больший удельный вес государственных крестьян в мукомольном деле на Юге, в земледельческих губерниях, особенно среди однодворцев и войсковых обывателей — государственных подданных черкас. Правда, их полное выделение несколько затрудняется обилием смешанных владений, где принадлежность мельниц не всегда расчленена. Но, скажем, по 8 уездам Тамбовской губ. (Борисоглебскому, Елатомскому, Кирсановскому, Козловскому, Лебедянскому, Липецкому, Спасскому и Усманскому) 80 мельниц состояли в помещичьих владениях, 62 — в однодворческих и частично в экономических и дворцовых сёлах и 87 — в смешанных. Аналогичное положение наблюдается в Курской губ., где, например, в Старо-Оскольском у. мельницы регулярно указываются как в однодворческих и других государственных селениях, так и в помещичьих — от 1 до 3, иногда до 5 мельниц в селении [1].

В однодворческих селениях мельницы определённо состояли в частном владении отдельных, очевидно, более зажиточных хозяев. То же надо, видимо, предположить и в отношении экономических и дворцовых селений. В одном случае мы нашли прямое указание на этот счёт — по Корочанскому у. Курской губ. Экономические примечания называют поимённо владельцев мельниц. Так, в слободе Алексеевке числилось 5 мельниц, из которых одна принадлежала Коллегии экономии (верно, сдавалась в аренду как оброчная статья), а по 4 другим названы четыре владельца, из них трое крестьян малороссиян; такое же положение в экономическом селе Заичьем, где 1 мельница принадлежала Коллегии экономии, а 2 другие с просяной ступой и сукновальней — отдельным крестьянам [2].

Этим объясняется, очевидно, указание в ряде случаев на несколько мельниц в более богатых экономических селениях (по 3 мельницы и больше) при полном отсутствии их в других сёлах.

В помещичьих сёлах Экономические примечания обычно не оговаривают принадлежность мельниц крестьянам и, по-видимому, как правило, рассматривают их как помещичьи. Это относится и к тем случаям, когда в отдельных помещичьих дачах значится по нескольку мельниц, к тому же последние расположены в таких случаях в разных селениях большой общей дачи. Специальные указания на мельницы помещичьих крестьян встречались нам только в упоминавшемся описании Старо-Оскольского у., но такое удержание мельниц во владении крестьян может быть объяснено недавним захватом этих земель украинских крестьян (бывшего казачества) помещиками и сохранением в связи с этим старых владельческих прав крестьян на мельницы. При этом прямое указание на принадлежность мельниц именно помещичьим крестьянам имеется лишь в двух

---

[1] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. IV, стр. 8—14, «Архангельские губернские ведомости» № 38, 1841 г.

[2] См. *М. Е. Шкляр*, Крестьянское хозяйство Архангельской губ. 60—80-х годов XVIII в., стр. 9.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. III, ч. IX.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. II, ч. V, дачи 1 и 22.

случаях — в дер. Красная Долина князя Вяземского и в дер. Дмитриевке. Можно предположить наличие крестьянских мельниц и в сл. Орлике «из малороссиян», принадлежавшей князю Трубецкому, где числилось 5 мельниц с сукновальнями, но здесь прямые указания отсутствуют[1].

О наличии крестьянских мельниц в украинских губерниях говорит общее обилие здесь мельниц: по «Топографическому описанию Малороссийской губ.» значится 3362 водяные и 12 732 ветряные мельницы[2].

Вообще в помещичьих сёлах мельницы обычно принадлежали помещикам и эксплуатировались ими частью непосредственно, а больше как оброчные статьи, как это уже было показано в гл. III, попадая в этом случае опять-таки в руки зажиточной крестьянской верхушки в качестве определённого коммерческого предприятия. Так, откупщиками на мельницах ярославской вотчины М. М. Щербатова выступали его крестьяне Дмитрий Куренков и Борис Сафронов; от первого поступило «с мельниц» всего за 1764 г. 100 руб., от второго — 25 руб.; кроме того, «с мельничных откупщиков» без указания фамилий поступило 19 руб. В той же ведомости значится поступление от того же Дмитрия Куренкова 51 руб. за проданный осиновый лес, показывающее, что он занимался, очевидно, операциями по скупке и продаже леса[3].

Во владимирских вотчинах Воронцовых в 1801 г. состояло 17 мельниц о 2 и 3 поставах, которые все сдавались в аренду крестьянам за плату от 30 до 160 руб. в год[4].

Только в одном случае — в Свияжской вотчине Нарышкиных — Т. Ржаникова отметила у зажиточных крестьян собственные мельницы-колотовки, так же как и небольшие собственные поташные заводы[5].

Винокурение в великорусских губерниях было дворянской монополией; привилегии на винокурение сохраняли только украинские крестьяне — войсковые обыватели. В связи с этим крестьянское винокурение зарегистрировано только в южных частях Курской и Воронежской губ., в Харьковской и в собственно украинских — Киевской, Черниговской, Новгород-Северской (в конце века Малороссийской) губ. Топографическое описание Харьковской губ. указывает винокурение в ряду основных занятий крестьянства. Описание Малороссийской губ. вслед за дворянскими помещичьими винокуренными заводами указывает суммарную цифру мелких винокурен с 1—2 котлами в числе 100—200 на повет, всего по губернии 2966 винокурен,

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, т. III, ч. IX, дачи 32, 33, 90.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, д. 2.
[3] ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, д. 409, л. 1—2.
[4] См. *Е. И. Индова*, Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых, стр. 71.
[5] См. *Т. П. Ржаникова*, Указанная диссертация, стр. 349—350.

по Городницкому у. Шафонский в описании Черниговской губ. указывает даже 311 винокурен. При этом Топографическое описание Малороссийской губ. решительно различает помещичьих крестьян и казаков, отмечая винокурение только у последних[1].

Маслобойное производство связано с посевами льна и особенно конопли и существовало в виде мелкого крестьянского производства, вследствие чего, как правило, не попадало в общий учёт промышленных предприятий. Так, в «Землеописании Российской империи» Е. Зябловского указания на «масляные заводы» имеются только по Тульской и Калужской губ. в количестве 31 и 15 предприятий. Данные о крестьянском маслобойном производстве содержит исследование Е. И. Дракохруст по Калужской вотчине Голицыных, причём и здесь маслобойные, или масляные, избы оказываются принадлежностью хозяйства только у первостатейных, зажиточных крестьян, за одним из которых значились даже 2 маслобойные избы[2]. Наряду с этим ответы на анкету Вольного экономического общества отмечают в ряде случаев маслобойное производство в виде мелкого промысла. В ответе по Арзамасской пров. значится: «Масляных мельниц нет, масло конопляное, маковое и ореховое бьют руками». Впрочем, ответы говорят об отсутствии маслобойных мельниц и по другим провинциям, в том числе и по Калужской[3].

Значительно шире распространено было прядение и ткачество льна, пеньки, а также шерсти. Эти занятия в качестве дополнительного женского промысла составляли принадлежность каждого крестьянского двора. Поставка пряжи на мануфактуры предполагала труд не менее 20 000 годовых прядильщиков в 60-е годы и 60 000 в 90-е; фактически, поскольку прядильная работа приходилась главным образом на зимние месяцы, эта цифра должна быть увеличена вдвое и составляла, соответственно, 40 000 и 120 000 работниц[4]. Но помимо этого крестьяне использовали свою пряжу для домашнего ткачества, изготовляя холсты, посконь и сермягу на собственный обиход и на рынок, а также верёвки, сети и разные снасти. Согласно ответам на анкету Вольного экономического общества, недельный заработок одной прядильщицы определялся в 15—30 коп., годовой доход от продажи холста — в 3, 5, 7 руб., считая выработку в 4—5 кусков узкого холста по 20 аршин в куске[5].

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19134, л. 17—23; д. 18351, л. 2, 20, 50, 65 и др.; *А. Шафонский*, Черниговского наместничества топографическое описание.
[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 127.
[3] ЦГИАЛ, ф. 91, д. 381, п. 55.
[4] Ср. *Н. Л. Рубинштейн*, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 81, 84, 95.
[5] См. там же, стр. 59—60.

На Украине ткачество было распространено как особый мужской промысел. Так, по описанию Малороссийской губ. в Гадячском повете значилось 1027 ткачей (из общего числа 2505 ремесленников), в Роменском — 617 из 2058, в Прилукском — 646 из 1576 и т. д.[1] Мы не говорим о промышленных сёлах Центрального промышленного района, как Иваново, Васильевское, Писцово и др., где ткачество и набоечное производство превращалось в самостоятельное промысловое предпринимательство, обособленное от земледелия, отступавшего на второй план, а значительная масса крестьян переходила к работе по найму в текстильных предприятиях. Рассмотрение этих вопросов относится уже целиком к истории промышленности.

Из числа других промыслов наибольшее значение в экономике крестьянского хозяйства приобретали различные лесные, в том числе деревообделочные, промыслы, как по связи с источником сырья, так и в связи со специальным спросом сельского крестьянского рынка на изделия деревообделочных промыслов.

Во всех северных, центральных промышленных и северо-западных губерниях, а также в Среднем Поволжье и северо-восточной части чернозёмного района отмечается лесной торг и лесосплав, а также связанная с этим перевозка леса. В обильных лесами северных, заволжских губерниях и в Среднем Поволжье были широко распространены смолокурение и гонка дёгтя, в северных губерниях, в Приуралье и в Казанской губ. — жжение угля, главным образом в губерниях Среднего Поволжья — производство поташа. Бо̀льшая часть крестьян, занятых в этих промыслах, работала либо на предпринимателя (жжение угля), либо на скупщика (смола, дёготь).

Из деревообделочных производств всеобщее распространение получили судостроение, изготовление различных барок, ладей, карбасов, связанные как с морским рыболовством и зверобойным промыслом, так особенно с потребностями речного судоходства, значительно возрастающего во второй половине XVIII в. вместе с развитием внутреннего и внешнего рынка. В качестве специального промысла судостроение отмечено на Севере — в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ.; в Верхнем Поволжье — в Костромской, Ярославской, Тверской губ., в Смоленской и Новгородской — на Северо-западе; в бассейне Оки и её притоков — в Рязанской, Тамбовской и Пензенской, в губерниях Среднего Поволжья; на Юге — в Воронежской губ., на Юго-западе — в бассейне Днепра (Орловская губ. с её обильными лесами).

К сожалению, по наличным материалам трудно определить выработку и доход крестьянского хозяйства по строительству барок. Наиболее обстоятельное в части исчисления крестьянских промыслов и доходов описание Тверской губ. содержит

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351.

лишь общие указания о выработке барок по целому району и об их общей стоимости. Так, по Осташковскому у. по группе экономических сёл на р. Волге, от с. Хотошино до дер. Вышгород и по р. Селижарове от устья до дер. Лиховца, указывается производство 130 барок и 10 полубарок в год по ценам 60—80 руб. и 15—20 руб., по р. Сойке и Цне — 40 барок по 50—65 руб. и 15 полубарок по 15—20 руб., но количество занятых в производстве крестьян при этом не указано. В Вышневолоцком у. также указывается 9 помещичьих и экономических селений с производством до 60 барок (по 50—55 руб.), 30 полубарок (18—20 руб.) и 200 лодок (по 10—15 руб. и по 3—4 руб.), всего, таким образом, на сумму около 5600 руб., но конкретное число работников также не показано. Судостроение являлось в основном крестьянским отхожим промыслом, где крестьянин продавал свою рабочую силу как квалифицированный ремесленник. Возможно, что к этой работе относится указание на доход крестьянина от плотничных работ в 15—25 руб.[1] Т. Рябков наряду с такими же общими сведениями по Смоленской губ. добавляет и более конкретные. Отмечая по Сычевской пристани годовое производство в 45—46 барок, что составило в 1801 г. общую сумму в 7960 руб. при цене за 1 барку в 80, 100 и 145 руб., он сообщает о 2 крестьянах помещиков Нарышкиных, построивших 4 барки, что должно было составить примерно по 200 руб. на каждого, однако неясно, за чей счёт шёл лес на барку и не пользовались ли они наёмной рабочей силой. 5 других барок построили Семён Карпов «с товарищи» из дер. Зимина князя Щербатова, 9 барок — Филипп Нестеров также «с товарищи» из дер. Макутина. В этих случаях перед нами, очевидно, предприниматель из более зажиточных крестьян, выступающий поставщиком рабочей силы. Общий доход должен был составлять в одном случае 800—700 руб., в другом — около 1000 руб., но численность рабочих и условия расчёта остаются неизвестными. Там же под 1802 г. прямо указывается поставщиком крестьянин Никита Иванов из той же вотчины князя Щербатова, поставивший 5 барок двум тверским купцам по цене 250—275 руб. каждая с покупкой леса в дачах ржевских и сычевских помещиков. Таким образом, и здесь отхожий промысел крестьянской массы сочетался с предпринимательской деятельностью зажиточных, капиталистых крестьян[2].

В наказе рыбинского купечества в Уложенную комиссию 1767 г. есть и прямое указание на размер оплаты наёмных работников на строительстве барок: «Зимним временем плотникам ряд бывает от 7 до 8 руб. и до 9 с барки, а летним временем — от 20 до 24 и по 20 рублев с барки же». Этому противопоставляются операции предпринимателя, строящего

[1] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.», стр. 92 сл., 104 сл. и др.
[2] См. *Т. Т. Рябков*, указанная диссертация, стр. 197—203.

барку по своей цене по 150—180 рублей и продающего ее за 200 руб., а иногда «при нужном времени и по 300 рублев» [1].

Вопрос об общем объёме судостроения, или «барочного строения», в России во второй половине XVIII в. относится уже к другой теме — развития товарооборота и речного транспорта — и должен рассматриваться в неразрывной связи с историей торговли [2].

К «барочному строению» примыкает производство телег и саней, предназначенных для перевозки сухим путём и связанное с широким распространением извозного промысла. Наряду с производством телег и саней сюда входит и производство частей к ним, как-то: колёс, ободьев, полозьев и пр. Эти производства были широко распространены во всех центральных и в северо-западных губерниях, обеспеченных лесом. Распространение этих производств отмечается в Смоленской губ., в меньшем размере в «Генеральном соображении по Тверской губ.»; оно указано частично в Тульской и Рязанской губ., в Среднем Поволжье, в северных частях Тамбовской и в Пензенской губ. Как показало исследование Э. Коган по Куракинской вотчине, санный промысел характерен для капиталистой верхушки — очевидно, в связи с необходимостью больших затрат на материалы и значительных трудовых затрат для получения товарной продукции. С другой стороны, широко распространённый рогожный промысел, обеспечивающий главным образом тару для транспортировки продуктов сельского хозяйства, оказывается принадлежностью более бедных хозяйств и имеет значительно более широкое распространение. Этому соответствует значительная разница в стоимости производимой продукции в указанных двух видах деревообделочных промыслов. Между ними располагаются производства многочисленных видов деревянных изделий — от крупной деревянной тары, как-то кадок и бочек, и кончая всякой деревянной посудой, ложкарным и другими видами производства. Особо стоит собственно плотничный промысел как один из видов крестьянского отхода на заработки.

К разряду основных промысловых занятий непосредственно примыкает судовой промысел с его дифференцированной специализацией — от простого работника до кормщика или лоцмана с соответствующей дифференцированной шкалой оплаты. Одну из разновидностей последней мы видели в описании рыбных и «звериных» промыслов Архангельской губ. По описанию Пермской губ. Н. Попова, от Соликамска до Макарьева лоцманы получали 35—40 руб., водоливы 20—40 руб., «коренные рабочие», т. е. постоянные, подряжавшиеся на судно на всё

[1] Сб. РИО, т. 107, стр. 139; ЦГИАЛ, ф. 91 (ВЭО), оп. 1, д. 543 (1803 г.), л. 19.

[2] См. *Н. Рубинштейн*, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 89—95.

плавание, — 20—25 руб. на собственном провианте, а нанимающиеся на временную работу получали оплату с пуда груза. Судовой промысел охватывал огромную массу людей численностью не менее 200 000 человек на конец XVIII в. по всем большим судоходным рекам Европейской России.

Рядом с судовым промыслом необходимо указать извоз, повсеместно отмечаемый Топографическими описаниями там, где выделяется его промысловое значение. Его основное отличие от судового промысла заключалось в том, что судовый промысел падает на весеннее, летнее и осеннее время и потому связан с отрывом от сельскохозяйственных работ, поглощая прежде всего беднейшее крестьянство. Напротив, извозный промысел приходится главным образом на зимние месяцы, особенно по зимнему санному пути, и потому вполне мог сочетаться с земледельческим хозяйством, допуская таким образом и предпринимательский извоз со стороны зажиточных крестьян, располагавших большим поголовьем тяглого скота.

Наконец, в экономике крестьянского двора и в структуре его бюджета крупное место принадлежало крестьянскому отходу, распадавшемуся на внутригубернский, в губерниях со своей развитой промышленностью (например, Владимирская, отчасти Костромская), и внегубернский, характерный прежде всего для неземледельческих губерний с малым промышленным развитием и широкими экономическими связями (например, Ярославская, Олонецкая), а также для промысловых губерний, как Тверская, и для центрально-земледельческих губерний. По размеру отхода Ярославской губ. принадлежало одно из первых мест. По данным Московской губернской канцелярии, в 1760-е годы годовой отход по Московской губ., согласно данным о выдаче «пашпортов», составлял от 3000 до 6000 по отдельным провинциям, а по данным Ярославской провинциальной канцелярии, достигал 30 000 в связи с массовым уходом на судах к Петербургу, тогда как в других провинциях большое число оброчных крестьян, отрываясь от сельского хозяйства, находило работу на соседних сельских мануфактурах или в заводимых их владельцами специальных ткацких светёлках, что не требовало получения паспортов. Значительное число пришлых работных людей отмечено Топографическим описанием 1787 г. для уездных городов Московской губ., особенно в ведомостях работных людей на предприятиях, по которым число отходников в промышленных городах сплошь и рядом превышало официальные данные о населении этих городов по ревизиям, поскольку последние учитывали крестьян-отходников по их селениям [1].

[1] Ср. *Э. А. Нерсесова*, Экономическое состояние Костромской пров. Московской губ. по хозяйственным анкетам 1760-х годов, «Исторические записки», АН СССР, кн. 40, 1952, стр. 158—159 и др.

Но если отход получает значительное распространение именно в неземледельческих губерниях промышленно-промысловых районов, то надо решительно отбросить довольно широко распространённое представление о его отсутствии в земледельческих губерниях. Такое представление исходит из отмечавшейся нами уже не раз тенденции связывать отход только с географическими природными условиями, игнорируя решающую роль тех экономических и обусловленных ими социальных изменений, которые совершались в России в рассматриваемый период. *Отход становится фактом и для земледельческих губерний, потому что и здесь происходит отрыв части крестьянства от земледелия.* Этот отрыв совершался здесь в результате социально-экономического процесса товаризации крестьянского хозяйства, сопровождавшегося разорением хозяйств беднейших слоёв крестьянства, хотя он и был пока не столь чётким и широким в чернозёмных сельскохозяйственных районах, где, в частности, сам помещик был заинтересован в том, чтобы его максимально затормозить [1].

Выше были приведены материалы Сенатской анкеты 1766 г. об отходе на сельскохозяйственные работы в южные степные районы из Калужской, Тамбовской, частью из Воронежской губ. В Тамбовской губ. имеет место, по данным той же анкеты, большой отход на судовый промысел. На одну Моршанскую пристань, по Экономическим примечаниям Тамбовской губ., собиралось весной до 25 000 человек. Топографическое описание Пензенской губ. отмечает, особенно по юго-восточным уездам, отход на Волгу для судового промысла и на работы по добыче и перевозке эльтонской соли. Мы отмечали выше широкий отход из южных губерний, в том числе и из украинских, в донские казачьи станицы на косовицу, на рыбные промыслы, а также для перегонки скота. Упоминавшееся Топографическое описание Курской губ. из фонда ВУА исчисляет губернский отход в 13 000 человек.

Необходимо также учитывать наличие *двоякого характера отхода:* с одной стороны, — *промыслового отхода на заработки беднейшей разоряющейся части крестьянства* и, с другой стороны, — *торгового отхода предпринимательского типа зажиточной крестьянской верхушки и частично среднестатейной группы.* Отметим, что это различие отнюдь не чуждо и северному промышленному району. Ярославских отходников мы находим не только среди судовых работников, среди «черных работных людей» в Петербурге и других городах, но и среди многочисленных держателей лавок, харчевен и постоялых дворов или среди торговых сидельцев, прежде всего в Петербурге, Москве, а также в других городах. Таким образом, и здесь налицо всё те же более сложные экономические процессы.

[1] См., в частности, не раз упоминавшуюся статью Г. Н. Бибикова в «Исторических записках», АН СССР, кн. 4, 1938 г.

8. Итоги.
Товарность и доходность крестьянского хозяйства

Приведённые материалы подводят нас к сложному вопросу характеристики общего состава и структуры крестьянского хозяйства. Структура крестьянского хозяйства должна была получить отражение в структуре его бюджета, в составе его доходных поступлений. Конечно, полное разрешение этих вопросов требует ещё большого конкретного изучения. Но нам представляется целесообразным привести те отдельные специальные наблюдения в этой области, которые были сделаны ещё некоторыми современниками и нашли отражение, в частности, в наиболее обстоятельных и конкретных в своём экономическом содержании «Топографических описаниях» по Тверской и Архангельской губ.

В Тверской губ. хлебопашество у крестьян показано всюду, но лишь в 2 уездах отмечены денежные доходы от хлебопашества: по Корчевскому у. говорится о продаже излишков по 7—8 руб. на двор, по Вышневолоцкому — о доходах от сельского хозяйства до 10 руб. на двор. По-видимому, к доходам от сельского хозяйства можно отнести и торг мясом в Краснохолмском у. также на сумму до 10 руб. В отношении других уездов, кроме Осташковского, имеется лишь глухое указание на избытки хлеба, продаваемые на рынке.

Поскольку составитель описания всюду принимает денежный доход среднего крестьянского хозяйства в 20—30 руб. при денежных платежах в 15—25 руб., то доход от земледелия составлял здесь, даже в наиболее земледельческих уездах, не более 40% всего денежного дохода, который в основном поступал, таким образом, от промысловых занятий. К общим промысловым доходам относится прежде всего доход от женского ткачества в размере 3—5 руб. в год. Широко отмечается извоз в качестве дополнительного зимнего занятия, соответственно также в небольшой сумме — до 5 руб. Однако извозный промысел в качестве основного занятия давал 25—30 руб. в год, как указывается по Тверскому у. Более крупную роль играет судовый промысел, особенно работа в коноводах, дававшая при 3 оборотах за сезон 9—10 руб. Большое место занимали деревообделочные промыслы, из них наиболее крупные — «барочное строение» и продажа рубленых изб. Однако в отношении того и другого описание указывает лишь стоимость барки или избы, а не размер дохода отдельного работника. Возможно, что сюда относится общее указание на доход плотника, отходящего на плотничную работу, в частности в Петербург и Ригу, т. е. с отрывом от сельского хозяйства, и определяемый в 25 руб. в год. Тот же расчёт на единицу продукции дан для рубки леса и лесосплава. Впрочем, по Осташковскому у. доход от лесного

промысла внутри уезда — очевидно, в качестве дополнения к земледелию — определяется в 6—8 руб.

К доходу плотника близок доход другого квалифицированного ремесленника — кузнеца, определяемый для Тверского у. при производстве от 18 до 25 пудов гвоздей в сумме от 21 до 37 руб. Вообще же доход от промыслового отхода квалифицированного ремесленника или судового работника с купеческим хлебом и солодом — очевидно, также с полным отрывом от сельского хозяйства — по тому же Осташковскому у. определяется в 20—40 руб. за год. При указанном размере денежных расходов, включающих, по-видимому, не только уплату оброка и податей, но частично и покупку предметов потребления, у наиболее квалифицированной части работников создавалась, таким образом, возможность даже известного накопления.

По Архангельской губ., где удельный вес сельскохозяйственных занятий значительно ниже, промысловые доходы играли ещё бóльшую роль. Не говоря о женском прядении и ткачестве, причём выработка крестьянки, как и по другим губерниям, определяется в размере до 100 аршин в год, здесь указываются в качестве основных промыслов — рыболовные и зверобойные, лесные, судостроение, судовой промысел, отход на промысловые занятия в разные города и особенно в Архангельск и в Петербург. При этом, как указывает описание, «многие крестьяне в гор. Архангельске артелями по найму обращаются в работах от купеческих товаров на бирже, смольном берегу и в корабельной гавани». Описание определяет и средний размер доходов: «Крестьянин, не имеющий никакого ремесла и рукоделья, простою работою по найму или промыслам может приобрести в год от 20 до 25 рублей, а рукодельной, как-то плотник, конопатчик, каменщик, кузнец и пр. может выработать от 40 до 50 руб. в год». В описании Пинежского у. составитель дал и более дифференцированную шкалу разного вида доходов:

«от рыбного и звериного промысла	в год 10—20 руб.
плавающие на барках приносят в дом	7—8 руб.
шерстобой лучший за зиму	10—15 руб.
крестьянка при выработке до 60 арш. продает на	3—4 руб.
отходящие в Петербург приносят в дом	30—50 руб.»

Добавим, что определение дохода от плавания на барках относится, очевидно, к рядовым наёмным работникам: мы отмечали выше дифференцированную оплату, выделявшую специалистов-кормщиков и водоливов [1].

В связи с приведёнными материалами нелишне напомнить рассуждения Ф. Удолова в «Трудах Вольного экономического общества», считавшего, что в оброчных вотчинах промышлен-

[1] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 497, л. 31, 33, 106—107 и др.

ных и промысловых уездов уходило на заработки около 60% рабочего мужского населения, причём годовой доход большей частью он определял в 10—15 руб., имея в виду чернорабочих, «не умеющих ремесла», и только одну треть относил к квалифицированным работникам, прежде всего к «коренным работникам» на судах, которые «плату берут немалую», но, по его словам, «слишком лакомо себя содержат» и приносят домой не более 5 руб. [1] Приведённые выше материалы Топографических описаний вносят существенные коррективы в эти рассуждения.

Мы не имеем аналогичных данных по другим губерниям и, в частности, для сельскохозяйственных районов. Можно извлечь лишь некоторые данные из приводившегося описания Курской губ. Описание предусматривает среднюю продажу хлеба крестьянами по трём статьям — в 6, 9 и 20 чтв., что должно было давать денежный доход около 4, 6 и 15 руб. в год. Кроме того, продажа сена определялась от 50 коп. — 1 руб. до 3—5 руб. на двор в зависимости от размеров хозяйства. Реализация льна и пеньки исчислялась в 85 000 руб., которые, очевидно, целиком приходились на богатые, отчасти на среднестатейные дворы. То же относится и к продаже скота и продукции скотоводства, давшим, по подсчётам составителя, около 600 000 руб. К этому району полностью относится и указанный выше средний доход крестьян от прядения и ткачества — 3—5 руб. на 1 крестьянку. Напомню, что в этом районе значительную роль играл извоз, связанный с отмеченными всеми источниками ростом товарного оборота, в частности с вывозом сельскохозяйственных продуктов, с ростом транзита из южных степных районов и обеспеченный наличием конского поголовья, особенно в состоятельных крестьянских хозяйствах. Таким образом, денежный доход состоятельного двора, при полной обеспеченности собственных потребительских нужд внутренними ресурсами, должен был составлять, по самым скромным расчётам, 30—50 руб. в год. Помещичьи крестьяне, обременённые большими барщинными повинностями, должны были в известной мере уступать государственным крестьянам, среди которых большое место занимали лучше обеспеченные землёй однодворцы и войсковые обыватели; но в отношении их описание не учитывало растущего процесса расслоения.

Тем более существенно, что и для этого земледельческого района описание, как мы видели, констатирует довольно значительный отход, главным образом в летнее время, в количестве 13 000 человек. Это составляло примерно 20% всего работоспособного крестьянского мужского населения. Средний денежный доход отходника описание определяло в 15 руб.,

[1] См. *Ф. Удолов*, О сельском домостроительстве, «Труды ВЭО», ч. XXIII, 1773 г., стр. 119—121.

причём, очевидно, и здесь надо иметь в виду определённую дифференциацию в зависимости от квалификации отходника.

Приведённые данные ещё более подтверждают положение о широком вовлечении крестьянского хозяйства в систему растущих товарно-денежных отношений.

Развитие крестьянского хозяйства во второй половине XVIII в., как в отношении его основных сельскохозяйственных занятий, так и во всей его экономической структуре, определялось, таким образом, прежде всего *ростом его рыночных связей, его товарности, последовательным расширением товарного производства в сельском хозяйстве,* обусловленным развитием капиталистических отношений в стране в недрах феодального строя.

Процесс товаризации крестьянского хозяйства означал рост удельного веса его рыночной продукции по отношению к той её массе, которая шла на удовлетворение внутренних потребностей двора. *Указанный процесс товаризации совершался неравномерно в отдельных крестьянских хозяйствах и имел свои особенности.*

Последние определялись, с одной стороны, особенностью местных районных условий. В Центральном чернозёмном районе товаризация крестьянского хозяйства совершалась на основе его сельскохозяйственных занятий и прежде всего земледелия, определяла превращение этого района в район товарного земледелия с его последовательным распространением на восток и на юг. На его степной периферии — на востоке, на юго-востоке, частично на Севере — эту же функцию в известной мере выполняло скотоводство. На Севере и Северо-западе крестьянское сельское хозяйство сохраняло в основе, в массе своей потребительский характер; рост рыночных отношений и процесс товаризации совершались на базе торговой и промысловой деятельности, по линии которой и шло вовлечение крестьянского хозяйства в систему всероссийского рынка. Так в ходе товаризации определялась экономическая специализация районов, лежащая в основе территориального разделения труда — необходимого условия развития капиталистических отношений.

С другой стороны, степень товаризации отдельного крестьянского хозяйства обусловливалась его экономическим состоянием, уровнем его экономического развития. Рыночные связи сказывались сильнее в зажиточном крестьянском хозяйстве, которое могло реализовать на рынке более значительную долю своей продукции и хозяйственная деятельность которого соответственно определялась производством на рынок, становилась собственно товарным производством. Степень товарности производства, особенно поскольку речь идёт о крестьянском сельском хозяйстве, снижалась по мере перехода от первостатейных к среднестатейным хозяйствам и почти полностью утрачи-

вала своё значение для группы скудных хозяйств, которые, однако, уже начинали выступать в той или иной мере в качестве продавцов своей рабочей силы. Впрочем, рост рынка сельскохозяйственных продуктов постепенно втягивал и эту последнюю группу и как продавца необходимой сельскохозяйственной продукции и как покупателя хлеба для собственного потребления. Таким образом, *товаризация крестьянского хозяйства оказывалась тесно связанной с процессом крестьянского расслоения, сама порождая его и в то же время отражая в своём росте уровень его развития.*

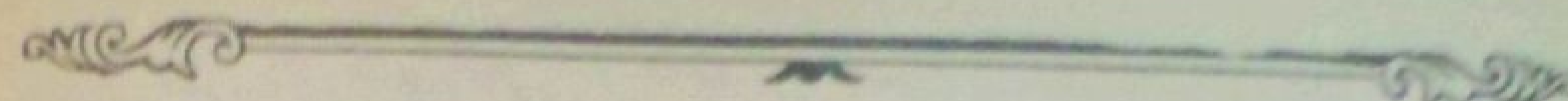
Как показали конкретные материалы, крестьянское хозяйство выступало главным поставщиком хлеба на рынок, давало главную массу товарного хлеба. В крестьянском хозяйстве было почти полностью сосредоточено всё производство технических культур с их особенно высоким товарным значением, связанным с ростом промышленности и мелкотоварного производства. Крестьянские сельскохозяйственные промыслы — начало торгового огородничества, садоводства и бахчеводства, также пчеловодства — определяли первые, правда, ещё не очень значительные зачатки товарного производства в этих специальных отраслях сельского хозяйства.

Крестьянское хозяйство выступало основным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на рынок. В основе развития и структурных изменений рынка сельскохозяйственных продуктов, в основе общего процесса товаризации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. лежало товарное развитие крестьянского сельского хозяйства. Помещичье господское хозяйство не участвовало активно в этом процессе, его производство решительно отставало и само опиралось на развитие крестьянского хозяйства. Конечно, как показано в гл. III, процесс товаризации захватил и помещичьи хозяйства, особенно отразившись на крупных хозяйствах с присущей им для второй половины XVIII в. предпринимательской тенденцией. Но речь идёт о конкретном отношении, об удельном весе крестьянского и помещичьего хозяйства в общем процессе экономического развития. Приведённые данные наглядно показывают полную несостоятельность антинаучной «теории» Струве, выступавшего с апологией помещичьего крепостнического хозяйства и пытавшегося изобразить последнее как капиталистический клин, вбитый в систему натуральной, феодальной экономики крестьянского хозяйства. На деле *носителем новых, передовых отношений выступало именно крестьянское хозяйство.*

Лишь в условиях уже сложившихся новых товарных отношений в сельском хозяйстве и расширения рынка сельскохозяйственных продуктов помещик выступает с программой борьбы за этот рынок. Эта программа нашла своё первое выражение в выступлениях дворянского публициста М. М. Щербатова

с требованием установления соответствующей дворянской монополии. Она отразилась в деятельности Вольного экономического общества, в содержании его «Трудов». Обострение внутренних противоречий, связанное с ростом капиталистического уклада, обусловленный этими противоречиями рост финансовых затруднений дворянско-помещичьего класса явились источником усиливавшегося в конце XVIII в. наступления помещика на крестьянина. Это наступление отразилось, в частности, в указанном резком усилении барщины в соответствии с программой, развивавшейся дворянскими экономистами второй половины XVIII в. Именно здесь надо искать источник роста удельного веса помещичьего хлеба на рынке в первой половине XIX в. с оттеснением крестьянского хлеба, о чём настойчиво твердят уже экономисты середины XIX в., за которыми следует позднейшая историческая литература. Этот рост удельного веса помещичьего хлеба был новым явлением XIX в., порождённым наступлением феодала на развивавшееся крестьянское хозяйство. При этом, однако, самый объём этих изменений и действительное соотношение помещичьего и крестьянского хозяйства на рынке сельскохозяйственных продуктов в свете новых данных XVIII в. требует ещё дополнительной критической проверки и конкретного изучения.

Именно указанный процесс развития товарных отношений, охватывавший не только промышленную, но и сельскохозяйственную деятельность крестьянства и определивший последовательный рост крестьянского расслоения, лежит в основе всего дальнейшего социально-экономического развития. Самый процесс расслоения совершался при этом не только в сфере промышленно-торговой деятельности крестьянства, но и непосредственно в области сельского хозяйства. Дальнейшее конкретное изучение крестьянского хозяйства в земледельческом районе должно расширить и углубить наше понимание совершавшихся здесь процессов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. Постановка вопроса

Исследование отдельных основных вопросов экономики и организации сельского хозяйства во второй половине XVIII в. даёт возможность перейти к выяснению общего развития сельского хозяйства в целом, к подведению важнейших итогов этого развития.

Прослеженное выше формирование новых явлений не согласуется с распространённой у некоторых авторов односторонней, однобокой трактовкой этих процессов просто как «падения», как общего производственного кризиса сельского хозяйства.

Правда, такая оценка идёт ещё от современников — деятелей и публицистов XVIII в., как М. М. Щербатов, И. П. Елагин, некий надворный советник Ал. Сафонов — автор «Примечаний на хозяйственное состояние в России земледелья и скотоводства и на те в них замешательства, которые послужили источником всеобщей дороговизны...» [1] и многие другие. Но именно со стороны дворянских идеологов, защитников старого экономического строя феодального общества, такая трактовка была естественна и понятна. Они по-своему правильно усматривали в совершавшихся изменениях назревавший кризис господствовавших в сельском хозяйстве старых производственных отношений.

Однако это же положение нашло отражение и в литературе конца XIX и начала XX в. Оно получило последовательное утверждение в одной из наиболее значительных буржуазных работ этого времени — в труде экономиста-народника Н. Огановского «Очерки по истории земельных отношений в России». Судьба русского хлебопашества в конце XVIII в. представля-

[1] Рукописный отдел Государственной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

лась ему именно как производственный кризис, определённый им как «кризис трёхполья»[1].

П. И. Лященко в своём раннем труде «Очерки аграрной эволюции России» значительно ближе подошёл к пониманию действительной природы совершавшихся изменений, обратив главное внимание на развитие товарно-денежных, по его терминологии — «товарно-торговых», отношений, как на основную причину происходивших в сельском хозяйстве перемен[2]. Правда, в духе распространённых в конце XIX и начале XX вв. экономических учений, на первый план выдвигались вопросы рыночных отношений, торговли продуктами сельского хозяйства, в результате чего из поля зрения автора выпали в сущности основные процессы сельского хозяйства.

Развитие товарного производства, приводящее «зерновое хозяйство к дифференциации и к классовому расслоению», П. Лященко выдвинул как причину кризиса конца XVIII в. и в своей последней статье по этому вопросу[3]. Однако на этот раз автор уже выражал согласие со взглядами современников о «падении» земледелия к концу XVIII в. и находил в хозяйственных анкетах XVIII в. констатацию общего производственного кризиса сельского хозяйства[4].

Надо сказать, что эти же тенденции — тенденции сведéния вопроса к производственному кризису, к «кризису трёхполья» — сказались в известной мере и в ценной работе В. М. Слободина «История систем земледелия от возникновения его на территории СССР до Октябрьской социалистической революции» — первой работе на эту важную тему, недавно защищённой в качестве докторской диссертации в Институте экономики АН СССР; однако автор в конечном счёте приходит к правильному раскрытию так называемого «кризиса трёхполья» как «кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства»[5].

Речь должна идти *не о кризисе сельского хозяйства, а о кризисе феодального строя сельского хозяйства, вызывавшегося ростом товарного производства и начинавшимся проникновением капиталистических отношений в само сельское хозяйство и прежде всего в его основную отрасль — хлебопашество.*

[1] *Н. Огановский*, Закономерность аграрной эволюции, ч. II — Очерки по истории земельных отношений в России, стр. 244, 258 и др.

[2] См. *П. И. Лященко*, Очерки аграрной эволюции России, т. I, Спб. 1908.

[3] См. *П. И. Лященко*, Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке. «Исторические записки», АН СССР, кн. 15, 1945 г., стр. 121 и др. Эта статья является единственным за последнее время опытом обобщающей характеристики развития сельского хозяйства России в XVIII в., ввиду чего нам придётся в дальнейшем неоднократно к ней обращаться.

[4] См. *П. И. Лященко*, Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке. «Исторические записки», АН СССР, кн. 15, 1945 г., стр. 120—122.

[5] См. *И. В. Слободин*, История систем земледелия... (автореферат), Свердловск 1952, стр. 21—23.

Конечно, назревавший кризис общественно-производственных отношений в сельском хозяйстве не мог не сказаться в известной мере и на самом хозяйстве в целом. Но именно с экономической точки зрения складывание новых производственных отношений и порождаемые этим новые явления имели прогрессивное значение для дальнейшего развития сельского хозяйства и его поступательного движения вперёд.

Основное значение имела внутренняя перестройка сельского хозяйства — развитие товарного производства в крестьянском хозяйстве и распространение товарных отношений на хозяйство помещика. Эти изменения нашли своё выражение и в распространении новых сельскохозяйственных культур, с определённой тенденцией к расширению более ценных товарных культур, и в поисках путей интенсификации сельского хозяйства — как за счёт использования улучшенных сельскохозяйственных орудий, так и путём усовершенствования самой системы земледелия. Именно развитие земледелия «вглубь» лежит в основе и того распространения сельского хозяйства «вширь», о котором только и говорил Огановский, сводя при этом весь вопрос к перемещению на юг хлебопашества, следовавшего за переселением крестьянства. Самое расширение сельского хозяйства имело более сложный и многообразный характер. Уже к середине XVIII в., как мы видели, проходил процесс освоения южных районов — Курской и Воронежской губ., южных частей Орловской и Тамбовской, Пензенской, ещё мало затрагивая более южные области Приднепровья и Степной Украины. Одновременно этот процесс распространялся и на восточную часть чернозёмного района и в область Среднего Поволжья; дальше на юго-восток — в Симбирской, Саратовской, Уфимской (или Оренбургской) губ. — он проходил по сути дела ещё начальный этап. Одновременно с освоением новых районов шло вовлечение в эксплуатацию значительных земельных фондов старых экономических районов, вопреки распространённым утверждениям о полном исчерпании земельных ресурсов в последних.

При этом дело отнюдь не сводилось к чисто экстенсивному территориальному распространению хлебопашества; оно сопровождалось одновременно известной внутренней перестройкой на базе территориального разделения труда. Его непосредственным результатом явился общий рост хлебного рынка. Данные о хлебных перевозках по крупнейшим рекам России[1] говорят о значительных потоках хлеба, устремившихся из основных центров хлебопашества по р. Оке, Мокше и Цне, по Волге и каналам, по Западной и Северной Двине и Дону. Эти потоки хлеба достигали уже в 1770-е годы нескольких миллионов

[1] См. *Н. Л. Рубинштейн*, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века, «Вопросы истории» № 2, 1952 г.

четвертей, не считая движения хлебных грузов в пределах местных, районных и областных, рынков. Наконец, с начала 60-х годов датируется легализация купеческого хлебного экспорта, достигавшего к концу 70-х годов около 370 000 чтв. и превысившего уже к самому началу XIX в. 1 млн. чтв. [1]

Наконец, только в непосредственной связи с указанным общим развитием сельского хозяйства может быть понят быстрый рост в России экономической литературы по сельскому хозяйству и специально русской агрономической науки, оформляющейся во второй половине XVIII в. К первой половине XVIII в. может быть отнесено только одно специальное сочинение в этой области — «Краткие экономические до деревни следующие записки» В. Н. Татищева (1742 г., в то время неопубликованные), проникнутое резко выраженными крепостническими тенденциями, отражающее интересы дворянско-помещичьего хозяйства. Эти дворянско-помещичьи тенденции в сельскохозяйственной литературе свойственны и видному агроному третьей четверти XVIII в. П. И. Рычкову.

Начало новому направлению в этой области, как и в других отраслях науки в России, было положено гениальным русским учёным М. В. Ломоносовым. Его «Мнение о учреждении Государственной коллегии земского (сельского) домоводства» (около 1759 г.), разработанная им анкета 1760 г. для обследования экономики страны по районам, проект «Экономического лексикона российских продуктов и показание внутренних и внешних оных сообщений с принадлежащими к тому ландкартами» (1763 г.), «Реестр российских продуктов натуральных и рукодельных» — непосредственно отвечали новым задачам, выдвинутым экономическим развитием России. Сделанный им перевод «Лифляндской экономии» (около 1747 г.) отразил рост агрономических интересов.

С именем А. Т. Болотова непосредственно связано начало русской агрономической науки, получающей дальнейшее значительное развитие в работах И. М. Комова по земледелию, М. Ливанова по скотоводству, М. И. Афонина в области университетского преподавания, А. А. Самборского в ознакомлении с достижениями агрономической практики на Западе. К указанным представителям русской агрономической науки непосредственно примыкают многочисленные участники географических экспедиций XVIII в., составители экономических описаний России — П. С. Паллас, И. Лепёхин, В. Зуев, Н. Озерецковский и др., а также составители топографических и экономических описаний губерний.

[1] См. *А. Семёнов*, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. III, Спб. 1859. Приложение I, стр. 418. Учитывая размеры речных перевозок хлеба только к Петербургскому, Рижскому и Архангельскому портам, нам эти цифры представляются скорее заниженными.

На этой основе во второй половине XVIII в. возникают и первые научные организации в области сельского хозяйства — «Класс агрикультуры, то-есть земледельства» при Академии наук (1763), Вольное экономическое общество с его обширной практической и издательской деятельностью. Вопросы экономики сельского хозяйства и агрикультуры находят своё отражение в текущей журнальной литературе — «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих», «Известиях Академии наук» и в появлении специальных журналов, как «Труды Вольного экономического общества», журналы Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин», причём в издании последнего активное участие принимал замечательный русский просветитель XVIII в. Н. И. Новиков.

Вся научная деятельность русских агрономов стоит при этом в неразрывной связи с новыми тенденциями в практике сельского хозяйства и исходит из практики. Именно ознакомление с её результатами составляло прямую задачу географических экономических экспедиций, Топографических описаний, «Трудов Вольного экономического общества». Нельзя поэтому согласиться с мнением П. И. Лященко, не только явно недооценившего научное значение деятельности указанных русских учёных XVIII в. в развитии агрономии, но при этом искусственно противопоставившего их всей современной практике сельского хозяйства, сведённой к тому же в основном к помещичьему хозяйству [1].

2. Развитие хлебопашества

Рассмотрение общего развития сельского хозяйства надо начинать с основной и первоначальной его отрасли — с хлебопашества. При этом, как показывает проведённое последовательное изучение отдельных основных вопросов, оно требует обязательного порайонного рассмотрения. В образовании соответствующих районных особенностей решающее значение имели

[1] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 15, 1945 г., стр. 124—125. История русской агрономической науки представляет особую тему, выходящую за рамки настоящей работы. За последнее время этой теме посвящен ряд специальных работ и публикаций, напр., статья И. С. Бака «Возникновение русской сельскохозяйственной экономии» («Социалистическое сельское хозяйство» № 9, 1945 г.). По отдельным представителям русской агрономии XVIII в. имеются новейшие работы: статья Е. М. Полякова и А. П. Бердышева, «А. Т. Болотов и его труды в области сельскохозяйственных биологических наук» (в книге «А. Т. Болотов, Избранные сочинения», М. 1952); монография В. П. Гурьянова, «Иван Михайлович Комов. Его жизнь и деятельность», М. 1953; статья И. И. Назаренко «Профессор Матвей Афонин и его борьба против врагов передовой русской науки в Московском Университете», «Вестник Московского Университета» № 3, 1954 г. В 1955 г. вышел I том «Истории русской экономической мысли», включивший обстоятельный раздел по второй половине XVIII в. (авторы И. С. Бак и Е. В. Приказчикова).

прежде всего экономические и структурные изменения сельского хозяйства. Но наряду с этим сказывалось, конечно, и влияние конкретных физических, географических условий. Действие первых осуществлялось на основе и с учётом последних [1].

Существенное значение для развития хлебопашества имело распределение земли по угодьям. При этом от обеспеченности сенокосными землями (или лугами) зависело прежде всего наличие скота, необходимого для земледелия (тягловая рабочая сила и удобрение), а леса в центральной полосе являлись в какой-то мере резервом расширения пашни за счёт росчистей.

Надо отметить, что правильная оценка наличия пашни и луга требует определения не только общего удельного веса угодий, но и их пропорции на 1 д. м. п. [2]

Согласно приведённым данным, общую характеристику всех промышленно-промысловых районов составляла плохая обеспеченность сенными покосами. По Центральному промышленному району, Северо-западному и Северному, к которым примыкает и Выборгская губ. на северо-западе, сенные покосы составляли до 6% и лишь по Московской губ. поднялись до 8,5% к общей площади. На 1 д. м. п. они составляли, соответственно, 0,5—0,7 дес., в 5—7 раз уступая пашне, и только в Северном районе, в Петербургской и Выборгской губ., достигали 1 дес., поднимаясь до 1,8 дес. в Архангельской губ., где скотоводство получило специальное развитие. В этом отношении к Центральному промышленному району примыкали Нижегородская губ. на востоке и Тульская на юге. Что касается пахотных земель, то их удельный вес составлял от 25 до 40%, резко понижаясь — до 10—11% и даже 1—2% — к северу (за Волгой) и к северо-западу, с их обширными лесными и болотистыми, тундровыми землями. Более равномерна здесь и средняя душевая норма, составлявшая 2,5—3,2 дес. и лишь местами поднимаясь до 3,8—4,0 дес.; в Выборгской и Архангельской губ. душевая обеспеченность падала ниже 1 дес.

Эти нормы резко возрастали в Центрально-чернозёмном районе с прилегающими южными и юго-западными украинскими районами и в восточном чернозёмном районе — в Среднем Поволжье и дальше на восток, в Заволжье и в Приуральском районе. Пахотные земли в этих губерниях достигали

[1] Наиболее полную и систематическую характеристику природных условий районов, притом в тесной связи с их экономикой, дают для XVIII в. Топографические описания наместничеств. Они дают такие характеристики не только по губерниям в целом, но в значительной мере и по уездам, в частности в отношении состава почв и распределения угодий. Эти материалы представляют ценное дополнение к соответствующим данным специальной литературы XIX в.

[2] См. таблицы на стр. 323—324. В основу расчета общего размера и удельного веса угодий положены данные Топографических описаний и материалы из работы К. Арсеньева «Статистические очерки России», Спб. 1848. Расчёт на 1 д. м. п. произведён применительно к материалам V ревизии, исходя из численности сельского населения губернии.

Распределение угодий и средняя душевая обеспеченность

Наименование губерний	Лес		Пашня			Сенные покосы		
	в тыс. дес.	в % к общей площади	в тыс. дес.	в % к общей площади	на 1 д. м. п.	в тыс. дес.	в % к общей площади	на 1 д. м. п.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Северный промысловый район:								
Архангельская	29 533	38	79	0,1	0,9	156	0,2	1,8
Вологодская	32 913	94	739	2,0	2,5	379	1,2	1,3
Олонецкая	9 943	71	331	2,4	3,2	96	0,7	0,9
2. Центральный промышленный район:								
Московская	1 350	45	1 144	38,5	2,5	253	8,5	0,6
Владимирская	2 104	49	1 631	38	3,6	255	6	0,5
Калужская	1 241	42,7	1 227	42,6	3,2	152	5,3	0,4
Костромская	5 326	70	1 513	20	3,8	304	4	0,7
Ярославская	1 648	49	1 048	32,7	2,8	206	6,2	0,5
3. Северо-западный торгово-промысловый район:								
Тверская	3 411	55	1 610	26	3,2	269	4,3	0,5
Смоленская	2 537	50	1 848	36	4,0	220	4,3	0,5
Псковская	2 227	54	1 292	31,7	3,8	195	4,8	0,6
Новгородская	7 425	66,8	1 132	10	4,1	225	2	0,7
Петербургская	2 742	56	543	11	2,8	175	3,6	1,0
4. Прибалтийский район:								
Выборгская			32[а]	0,72	0,4	91	2,5	1,1
Рижская	1 810	43	624	15,0	2,9	1 040	26,5	5,0
Ревельская	Сведений в Топографических описаниях нет							
5. Белорусский район:								
Полоцкая	1 976	30	4 551	61	14,7[б]			
Могилевская	Сведений в Топографических описаниях нет							
6. Центральный район товарного земледелия:								
Тульская	472	6	1 912	68,5	4,2	209	7,5	0,5
Рязанская	1 462	38	1 694	43	3,8	755	18	1,7
Орловская	1 207	26	2 179	50	4,4	658	15	1,3
Курская	529	12,6	2 080	49	4,2	536	12,7	1,1
Пензенская	1 416	42	1 458	42	4,2	422	12	1,2

[а] По Выборгской губ. помимо пашни значится 619 тыс. дес. росчистей без уточнения их характера.

[б] Пашня и сенные покосы показаны общей цифрой.

Наименования губерний	Лес		Пашня			Сенные покосы		
	в тыс. дес.	в % к общей площади	в тыс. дес.	в % к общей площади	на 1 д. м. п.	в тыс. дес.	в % к общей площади	на 1 д. м. п.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Тамбовская	1 773	29	2 103	34,6	4,1	1 604	26,3	3,1
Воронежская	521	8,5	2 106	34,5	4,3	2 319	38	4,7
7. Юго-западный сельскохозяйственный район:								
Харьковская	545	19	1 912	38,5	4,5—5	1 300	26	3,1
Малороссийская (Черниговская, Новгород-Северская, Киевская)	1 553	18	5 190	60	5,5	1 844	21,7	1,6
8. Средне-Волжский район:								
Нижегородская	2 390	54	1 622	37	4,0	246	5,5	0,6
Казанская	1 896	33	2 990	53	7,0	472	8,3	1,1
Симбирская	2 157	32	2 427	36	6,0	1 512	23	3,7
Саратовская			[2 336]	13	[6,0]	[2 313]	13	6,2
9. Приуральский район:								
Вятская	9 491	75	2 317	21	5,8	433	35	0,9
Пермская *	19 927	65	2 850	8,4	4,0	1 863	6,0	4,4
			[1 840]	[6,0]	[4,0]			
Уфимская (Оренбургская)	10 954	39	2 135	7,6	6,0	3 928	14	11,2

* В основном ряду приведены данные о пашне по Топографическому описанию, совпадающие примерно с данными Арсеньева. В прямых скобках — данные из описания Н. Попова.

50—60% общей площади и превышали 4 дес. на 1 д. м. п., возрастая до 5—6 дес. в украинских губерниях и особенно в Среднем Поволжье и на востоке, в Заволжье. Ещё резче выделялся этот район по обилию сенных покосов, которые повсеместно превышают 1 дес. на 1 д. м. п., а в степных районах Юга и Востока достигали 3—4 дес. на 1 д. м. п. (Тамбовская, Воронежская, Харьковская, Симбирская губ.), поднимаясь до 6,2 дес. в Саратовской губ., до 11,2 дес. в Уфимской (Оренбургской). В этом отношении сюда примыкают и такие западные губернии, как Рижская и Полоцкая. Соответствующие данные по Ревельской и Могилёвской губ. у нас отсутствуют, но по ведомости сбора урожая по Могилёвской губ. значится сбор сена, примерно вдвое превышающий сбор его в Полоцкой губ.

Но размеры пашни сами по себе недостаточно показательны в смысле условий развития хлебопашества, так как в ряде случаев более высокие показатели приходятся как раз

на худшие в природном отношении районы, например на Костромскую, Новгородскую, Олонецкую губ.

Развитие сельского хозяйства находит своё непосредственное отражение в росте зернового хозяйства, в значительном увеличении посева хлебов.

Надо оговорить, что для третьей четверти XVIII в. цифровые данные о посевах зерна у нас отсутствуют. К тому же изменение административного деления в конце 70-х годов в связи с новым губернским делением затрудняет сопоставление отдельных показателей, относящихся к разным годам. Но общую характеристику состояния сельского хозяйства России нам дают две специальные анкеты середины 60-х годов — анкета Вольного экономического общества 1765 г. и Сенатская анкета 1767 г. о причинах дороговизны хлеба. Ответы на ту и другую анкету говорят о полной устойчивости и о распространении зернового хозяйства, решительно опровергая предположение о его сокращении и деградации, порождённое в правящих кругах растущей дороговизной хлеба. Устойчивость зернового хозяйства отмечают, как правило, ответы на анкету Вольного экономического общества из Центрального промышленного района. «Земледелие против прежнего в упадок не пришло», — сообщается из Владимирской пров. и даже отмечается его «умножение» от расчистки лесов (п. 28). О приращении земледелия «по причине, что людей размножилось» и о распашке пустых мест говорится в ответе из Калужской пров. О недостатке пашни и растущем спросе на землю сообщают из Юрьев-Польской пров. (будущая Владимирская губ.). По этому району только ответ из Шуйской пров., с её резко выраженным промышленно-промысловым характером, говорит, что «земледелие здесь состоит в посредственности», конкретизируя, однако, это заключение ссылкой на упадок посева гречихи и льняного семени, занимавших количественно небольшое место в общей сумме посева в районе. Особый вопрос вызывает при этом только обычное во всех ответах указание на отсутствие пустых мест, жалоба на недостаток пахотных земель и сведения о расчистке лесов, как будто оправдывающие приведённый тезис об исчерпании земельных ресурсов в старом хозяйственном центре. Это утверждение оказывается в противоречии с приведённой в гл. IV специальной таблицей использования пахотных земель по данным о посевах последней четверти XVIII в., согласно которой норма использования не превышала 50—55%, снижаясь в северном и восточном районах даже до 40%, а в Центральном чернозёмном районе подниманось только до 67% к 90-м годам (V ревизия). К сожалению, у нас отсутствуют прямые данные для разрешения этого противоречия. По-видимому, объяснение его надо искать прежде всего в том, что определение общего размера пахотных угодий, из которых исходят наши вычисления и которые приведены в да-

тературе[1], основано на Экономических примечаниях к Генеральному межеванию, проведённому только в 1780-е и 1790-е годы, т. е. на 25 лет позднее. При этом неизвестны также принципы, по которым землемеры относили землю под пашню или под сенокос, в то время как соответствующий п. 28 анкеты говорил о пашне и лугах вместе. Наконец, не должны ли мы, напротив, поставить в этой связи вопрос о значительном вовлечении в запашку на протяжении указанных 25 лет новых земель, в том числе за счёт упоминаемой в ответах и в других источниках расчистки новых земель из-под леса, как источнике значительного роста зарегистрированных пахотных земель и получившегося в результате разрыва между ними и реальной посевной площадью.

Что касается Центрального земледельческого района и Среднего Поволжья, то ответы из этих районов неизменно подчёркивают распространение и «приращение» земледелия. Об этом говорят ответы из Елецкой, Воронежской, Арзамасской, Уфимской и других провинций[2].

Ответы на анкету Вольного экономического общества полностью подтверждаются материалами Сенатской анкеты, несмотря на подсказанное составителями анкеты предположение об убыли хлебопашества. Правда, московский губернатор, в вèдении которого по административному делению середины века состоял весь Центральный промышленный район, развивая общую дворянско-крепостническую программу, утверждал, что «многие земли помещиковых и ведомства Коллегии Экономии крестьян не запаханы», обвиняя помещиков в переводе крестьян на оброк. Но из воеводских ответов, которые должны были дать непосредственный материал для подобного заключения, только ответ из Дмитрова говорил о забрасывании пашни (т. е. прекращении обработки старых пахотных земель) и переходе крестьян к промысловым занятиям. Можайский воевода связывал убыль хлебопашцев с отходом местных крестьян в украинские губернии для получения от тамошних хлебопашцев хлеба за работу, объясняя это временными условиями — хлебной дороговизной. В Серпуховском у. отмечается забрасывание «худой» пашни экономическими крестьянами. Наконец, ответ из Малого Ярославца относил убыль земледелия на счёт ликвидации барской запашки, а частичное сокращение крестьянской пашни объяснял недостатком семян. Такого же рода указания имеются и в отношении некоторых уездов и провинций будущей Ярославской губ., где также особенно подчёркивалась связь убыли земледелия с ликвидацией помещичьей и бывшей монастырской господской запашки (Ярославская пров., Пошехонский у.).

[1] См. *К. Арсеньев*, Статистические очерки России.

[2] См. ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 381, л. 267, 294, 311, 157, 177, 197 и др. (в 28 ответов на анкету «Вольного экономического общества»).

Но большая часть воевод говорила об удовлетворительном состоянии земледелия, об отсутствии пустующих земель, жаловалась, как и в ответах на анкету Вольного экономического общества, на малоземелье. Таковы ответы из Рузы, Вереи и Коломны; из Владимира, Гороховца, Юрьева-Польского, Суздаля, даже Шуи, из Костромы и Любима, из Кинешмы, из Ростова и Романова на Волге. Из отдельных мест даже сообщают о дальнейшем расширении хлебопашества — например, из Переяславля-Залесского, из городов будущей Калужской губ., отмечая, в частности, расчистку пашни из-под леса. Ответы из Новгородской и Псковской губ. также определяли состояние местного хлебопашества, в рамках общих условий того времени, как удовлетворительное[1].

Что касается ответов из южных провинций Центрального чернозёмного района, особенно по Белгородской и Воронежской губ., то последние, как уже было показано выше, в частности в гл. I, систематически говорят о непрерывном распространении хлебопашества, о борьбе за землю, о возникающей уже в ряде мест земельной тесноте. Последнее особо отмечается в отношении ряда районов будущих Орловской и Тамбовской губ., частично для северных районов Курской[2].

Расчистка лесов и борьба за землю отмечены в Казанской, Нижегородской и Вятской губ. на востоке[3].

С последней четверти XVIII в. наши наблюдения относительно роста зернового хозяйства становятся на более твёрдую почву в связи с наличием в нашем распоряжении губернских ведомостей посева и урожая хлебов. По-видимому, с организацией губернской администрации на местах появился соответствующий аппарат, способный обеспечить представление необходимых сведений. Возможно, что в их составлении принимали участие те же губернские и уездные землемеры, с которыми, как нами было показано в другом месте, было связано составление в эти же годы Топографических описаний наместничеств. В частности, упомянутое Топографическое описание Курской губ., включающее элементы Экономических примечаний, содержит развёрнутые данные по отдельным дачам о распределении пахотных земель по культурам[4]. С другой стороны, нельзя не отметить явно растущий в это время интерес правительства к состоянию внутреннего хлебного рынка: 19 декабря 1780 г. правительство издало специальный указ «о присылке ведомостей в Сенат о хлебных ценах»[5].

О тесной связи между этими двумя заданиями говорит то обстоятельство, что сообщение ведомостей о посеве и урожае

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, 1767, в частности т. II, л. 101—206.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1661, 1767, т. II, л. 219—255.

[3] Там же, л. 326—378.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800; там же имеется аналогичное описание Московской губ.

[5] ПСЗ, т. XX, № 15095.

обязательно включало расчёт обеспеченности губернии хлебом — наличия товарных излишков или недостатка хлеба, а также источников его покрытия, постоянно сопровождающий губернаторские донесения о посеве и урожае. Действительно, первые дошедшие до нас ведомости посева и урожая датируются именно самым началом 1780-х годов [1].

Соответствующие ведомости о посеве и урожае за 80-е и 90-е годы сохранились почти по всем губерниям, но, к сожалению, для большинства губерний далеко не за все годы, а по Вятской и Казанской губ. соответствующие цифровые данные почти полностью отсутствуют [2]. Всё же наличие почти по каждой губернии хотя бы отдельных ведомостей как за 80-е, так и за 90-е годы, позволяет свести данные этих ведомостей в общую таблицу погубернских данных о посевах и урожае, показывающую развитие хлебопашества за эти два десятилетия. Для начала XIX в. эти материалы дополняются систематическими печатными сведениями работы Е. Зябловского «Землеописание Российской империи» (1810 г.) [3].

Конечно, приведённые показатели требуют осторожного, критического подхода. Это относится прежде всего к данным об урожае, учитывая определённую условность применяемых методов их исчисления. Данные о посевах зерна отличаются относительно большей достоверностью, хотя и здесь приходится считаться с условностью тех первичных показаний, на которых основаны ведомости и которые собираются у самого населения. В некоторых случаях данные о посеве зерна дополняются сведениями о посевных площадях, суммарными и по

[1] Отметим в связи с этим и первый опыт систематической сводки таких сведений, хотя весьма неполный, содержащий данные именно за 1781—1783 гг., а по Московской губ. — с 1779 г. ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 383. В одном из позднейших губернаторских донесений, содержащем ведомости по Псковской и Смоленской губ. за 1793 г., имеется ссылка на другое, более позднее правительственное распоряжение «по приказу 1788 г.», см. ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 58964, 1793 г., л. 1; но других указаний на последний нам не попадалось. Возможно, что оно носило более частный характер, а может быть здесь имеет место описка в дате.

[2] Губернаторские донесения с ведомостями посева и урожая сосредоточены в основном в двух фондах: «Внутреннее управление» — ЦГАДА, р. XVI; Дворцовый отдел — там же, ф. 1244, оп. 390. Казанский губернатор в своих донесениях о состоянии хлебов по губернии, относящихся к 1790-м годам, ограничился их общей оценкой по трёхбальной системе — хорошо, посредственно, неудовлетворительно. Материалы по Вятской губ. особенно плохо представлены в центральных архивах.

[3] См. приложение 1. Полагаем, что сообщаемая сводка может быть пополнена путём дальнейшего розыска сведений как в Сенатском архиве ЦГАДА, так и по материалам местных архивов. Когда настоящая работа уже была закончена, вышли из печати «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. II, М. — Л. 1935. В сборнике помещены статьи: М. М. Якубцинера «К истории культуры пшеницы в СССР», Ф. Х. Бахтеева «К истории культуры ячменя в СССР», В. С. Лехновича «К истории культуры картофеля в России» и др., но кроме В. С. Лехновича, авторы совершенно не дают количественных показателей посевов отдельных культур в XVIII в.

культурам [1]; определение последних всего более свободно от всяких субъективных расчётов. Возможен и перерасчёт количества зерна в посеве по нормам высева на десятину, с учётом различия норм высева по отдельным культурам и некоторого колебания этих норм по районам [2].

При сопоставлении данных по отдельным губерниям на протяжении указанных двух десятилетий чрезвычайно показательна относительно небольшая амплитуда колебаний количества зерна в посеве в течение ряда смежных лет при наличии в то же время значительных конечных изменений в итоге сравнительно длительного периода, с последующим закреплением происшедших изменений. Это положение выступает особенно отчётливо при наличии большого числа ведомостей по губернии и их систематической последовательности.

Анализ данных посева показывает их *повсеместную устойчивость и даже тенденцию к значительному возрастанию посевов на протяжении указанных двух десятилетий*. Как правило, мы не встречаем в течение этого периода какого-либо сокращения посевов, если не считать незначительных колебаний частного порядка. Случаи прямого уменьшения носят единичный характер и относятся большей частью к новым районам. Таковы, в частности, резкие колебания годовых показателей по Полоцкой, Новгород-Северской, Тамбовской, Орловской губ.; их объяснение приходится, видимо, искать в некоторых условиях внешнего порядка [3]. Систематическая тенденция к увеличению посевов ярко выступает всюду, где наличие хотя бы единичных

[1] Такие сведения имеются по Московской, Орловской, Симбирской, Уфимской губ.

[2] Данные о нормах высева отдельных культур по губерниям для второй половины XVIII в. содержатся в ответах на анкету Вольного экономического общества 1765 г. и в Топографических описаниях. Для ржи, основной озимой культуры, средняя норма высева на 1 дес. составляла 1,8—2,0 чтв. с понижением в более южных чернозёмных районах до 1,2—1,5 чтв. Сложнее перерасчёт по яровым культурам ввиду значительных колебаний норм высева: по овсу до 3,5 чтв., для пшеницы, как и для ржи, до 2 чтв., по ячменю и гречихе 1,0—1,5 чтв. Важным контрольным показателем является относительное равенство площадей озимого и ярового посева при трёхполье, нарушаемое, однако, распространением новых росчистей с их особым севооборотом.

[3] Резкое колебание посевов по Полоцкой губ. за 1787 и 1788 гг. относится, вероятно, за счёт нечёткого расчленения данных по Полоцкой и Могилёвской губ., по которым до этого давались лишь суммарные общие сведения. Снижение в 1780-е годы по Новгород-Северской и Тамбовской губ. должно быть отнесено за счёт изменения их территориальных границ. Менее ясны колебания по Воронежской и Орловской губ. Орловская губ., может быть, единственная, по которой происходит сильное и устойчивое сокращение посевов, особенно значительное в 1780-е годы, подтверждаемое данными о площадях посева. По-видимому, это сокращение должно быть связано с распространением технических культур и промышленности в западных уездах губернии и скотоводства на её юго-востоке, а также с разорением однодворческих хозяйств, игравших здесь особенно большую роль. При этом сокращение, показанное здесь под 1795 г., предшествует крупному крестьянскому движению в этом районе.

Ведомость увеличения посевов по губерниям
(в % прироста)

Название губерний	90-е годы против 80-х годов	По основным культурам					1800-е годы против 90-х годов XVIII в.
		рожь	овёс	пшеница	ячмень	прочие	
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Центральный промышленный район:							
Московская	ок. 60	60	65				15
Владимирская							5
Калужская	35	23	50		100		5
Костромская	35	30					5
Ярославская							8
2. Северо-западный промышленный район:							
Тверская	Без существенных изменений						10
Смоленская	Без существенных изменений						30—40
Псковская	100	60	95	400	240	270	Без. изм.
Новгородская	Без существенных изменений						25
Петербургская	За 80-е годы сведения отсутствуют						90
3. Белорусский район:							
Полоцкая	Без изменений						
Могилёвская	30	50	св. 40			15	40—50
4. Центральный район товарного земледелия:							
Тульская	40					15	до 20
Рязанская	100	50	60—70			200—300	Снизился
Орловская							5—6
Курская	100	90	30	100—200	100	120	15
Тамбовская	60	50	50	100	—	15	12
Пензенская	Отсутствуют ведомости за 80-е годы						20
Воронежская	60	40	80	700	20	60	Без. изм.
5. Юго-западный сельскохозяйственный район:							
Харьковская	Отсутствуют ведомости за 90-е годы						Свыше 80 против 80-х годов
Новгород-Северская и Черниговская	40	50	20	110	—	25	
Киевская	(1791 г.) ок. 40	45	16	30	—	80	Изменение границ
	(1794) 140	120	200	150	60	190	

Название губерний	90-е годы против 80-х годов	По основным культурам					1800-е годы против 90-х годов XVIII в.
		рожь	овёс	пшеница	ячмень	прочие	
1	2	3	4	5	6	7	8
6. Средневолжский район:							
Нижегородская	Ведомости 80-х годов отсутствуют						35
Казанская	Ведомости 80-х годов отсутствуют						—
Симбирская	44	38	34	70	—	100 Полба-50	Без измен.
Саратовская	Нет изменений						
7. Приуральский район:							
Вятская	Материалы отсутствуют						
Пермская	Ведомости за 80-е годы отсутствуют						Без измен.
Уфимская (Оренбургская)	120	105	180	310	30	Полба-300 Просо-250	Без измен.
8. Северный промысловый район:							
Вологодская	Данные за 80-е годы отсутствуют						ок. 20
Архангельская	Данные за 80-е годы отсутствуют						ок. 20
Олонецкая							
9. Сибирь:							
Тобольская	Данные за 80-е годы отсутствуют						50
Иркутская	Данные за 80-е годы отсутствуют						10

Примечание. В основу сопоставления 90-х и 80-х годов взяты данные ведомостей посева и урожая, приведённые в Приложении I. Для начала 1800-х годов использованы сведения из работы Е. Зябловского «Землеописание Российской империи». Показания не даны там, где либо автор не располагал соответствующими ведомостями, либо изменения границ исключали возможность сопоставления (например, украинские губ.).

показателей за 80-е и 90-е годы позволяет соответствующее сопоставление. Наличие указанных данных о движении посевов позволило свести их в особую ведомость с раздельным исчислением этого увеличения за 1780-е и 1790-е годы. Правда, такое подразделение оказалось всё же возможным не по всем губерниям, так как в отдельных случаях отсутствовали сведения за одно из десятилетий, чаще за 1780-е годы[1].

[1] Особый интерес представляло бы выявление данных за 1780-е годы по Нижегородской губ.; материалы Экономических примечаний и сведе-

Для всего Центрально-промышленного и Северо-западного торгово-промыслового районов с примыкающей к нему Тульской губ., относящейся к старому хозяйственному центру, основной рост посевов приходится на 80-е годы, оставаясь в целом в пределах 30—40%. В то же время по соответствующим губерниям отмечается минимальный рост запашки на протяжении следующего десятилетия, большей частью от 5—10% до 15—20%. За 80-е годы отсутствуют ведомости по Владимирской и Ярославской губ., но имеющиеся в отношении их экономики другие данные допускают только возможность их отставания от общего процесса роста. Из общего уровня выделяются здесь только две губернии — Московская и Псковская. Тесная связь с московским рынком, повышенный товарный спрос на хлеб обусловили более быстрый рост хлебного производства в Московской губ. (на 60%). Близостью к петербургскому рынку объясняется, возможно, ещё больший рост зерновых посевов по Псковской губ., которые фактически удвоились на протяжении одного десятилетия. При этом, однако, необходимо учитывать и то обстоятельство, что Псковская губ. особенно отставала в отношении фактического использования пахотных угодий, составлявшего едва 30% против 50—60% по Московской губ. Не отмечается существенных изменений по губерниям Северо-западного района; правда, посевы Смоленской и Новгородской губ. несколько быстрее растут на протяжении 90-х годов (на 30—40% и на 25%). Что касается Полоцкой губ., то определить увеличение её посевов к началу XIX в. мешает изменение её территориального состава. Систематическое и в целом значительное увеличение — около 100% за два десятилетия — имело место по Могилёвской губ., причём на всём протяжении периода отмечается наличие товарных излишков. Наконец, значительное увеличение — на 90% — происходит на протяжении 90-х годов в Петербургской губ., правда, в условиях значительной ограниченности пахотных угодий, составлявших лишь несколько больше 11% всего земельного фонда губернии (548 000 дес.), более чем в 2 раза уступавшего площади пахотных угодий Московской губ. — 1144 тыс. дес. Здесь ещё ранее отмечалось особенно высокое использование пахотных угодий — около 70%; очевидно, действовала роль петербургского рынка.

В противоположность этому для Центрального земледельческого района рост посевов за те же 80-е годы оказывался в целом значительно более высоким, составляя от 60 до 100%. Дальнейшее увеличение и здесь соответственно оказы-

---

ния о хлебном рынке губернии дают основание предполагать здесь значительный рост посевов именно в этот период. За 1792—1796 гг. рост посевов составил всего около 20%, к началу 1800 г. — около 35%, что заметно отстаёт от среднего роста за два десятилетия по смежным губерниям.

вается незначительным — до 15—20%, а для Рязанской губ. отмечено даже некоторое сокращение к началу 1800-х годов. Примыкающая к этому району Харьковская губ. даёт примерно такое же увеличение за весь указанный период — 80%, но отсутствие ведомостей за 90-е годы не позволяет уточнить датировку этого возрастания. Для украинских губерний Юго-западного района — Новгород-Северской, Черниговской и Киевской — соответствующие расчёты затрудняются систематическими изменениями их границ, а территория Киевской губ. полностью изменяется к концу 90-х годов.

К сожалению, как уже отмечено, состав наших ведомостей исключает возможность соответствующих систематических общих выводов в отношении восточных и северных губерний. Здесь, однако, бросается в глаза особенно резкое возрастание посевов в Уфимской (или Оренбургской) губ. (на 120%) и в Саратовской (примерно на 100%) за оба десятилетия; такой быстрый рост должен быть связан именно с начальным этапом их освоения. Значительно медленнее росло зерновое хозяйство Симбирской губ., что соответствует и другим сведениям о её хозяйственном освоении.

Особое значение в порайонном росте посевов имеет распределение районов по уровню товарности их сельского хозяйства. В этой связи специального внимания заслуживает особенно высокий рост посева товарных культур, резко вырывающийся из рамок общего среднего роста посевов, хотя бы и при ограниченном общем удельном весе этих культур.

В северных губерниях это значение принадлежит ячменю, посевы которого увеличились вдвое, а в отдельные годы даже до 3 раз; товарное значение ячменя определено его переработкой в крупу и в солод. В Псковской губ. его увеличение составило 240%; примерно в тех же размерах увеличилась и другая крупяная культура — гречиха, а посевы пшеницы, несмотря на малоблагоприятные климатические и почвенные условия, увеличились даже в 5 раз, составив для данного района немалое количество — 63 тыс. чтв. — около 5% всего посева против 1—2% в других губерниях этой полосы и 3,5% в смежных Смоленской и Тверской губ., где посев пшеницы составлял менее 50 тыс. чтв.

В Центральном земледельческом районе основной рост по всем губерниям приходился на пшеницу, посевы которой с 80-х до 90-х годов возросли не меньше чем в 2 раза, по Курской губ. — до 3 раз, по Воронежской — даже в 8 раз. Эти наблюдения распространяются и на смежную Черниговскую губ., находившуюся в аналогичном положении. Для Харьковской губ., к сожалению, отсутствуют ведомости за 90-е годы, а данные Е. Зябловского за начало 1800-х годов не расчленены по культурам. Как уже отмечалось, мы не решаемся пользоваться сравнительными данными по Киевской губ. ввиду недостаточ-

ной уточнённости вопроса, к какой именно территории относятся отдельные показатели. Наряду с пшеницей и здесь растут посевы крупяных культур, в основном гречихи, играющие немаловажную роль в товарной реализации. В Курской губ. посев гречихи возрос более чем в 2 раза и составил 40% ярового клина: на вывоз крупы из губернии специально указывала приводившаяся в гл. V ведомость товарных излишков зерновых из специального Топографического описания губернии [1]. В Рязанской губ. посевы гречихи достигли в 1796 г. 700 тыс. чтв. против 205 тыс. чтв. в 1782 г., составляя около 1/3 всего посева — половину ярового клина и играя решающую роль в общем высоком росте посева по губернии. В Черниговской губ. эта же роль принадлежала посевам проса, поступающего на рынок в виде пшена, особенно высоко ценившегося на северных рынках, где пшено, как правило, расценивалось выше гречневой крупы.

Далеко не полные сведения по восточным губерниям дают в основном аналогичные показатели. Наибольший рост по Уфимской губ. даёт пшеница — 310% при среднем росте по всем культурам в 120%, по Симбирской губ. — 70% при среднем росте 44%. В Симбирской губ. к пшенице примыкают гречиха (100%) и полба (50%), в Уфимской — полба (300%) и просо (250%). К указанным культурам в Уфимской губ. примыкает ещё овес (180%) — очевидно, в связи с крупной ролью коневодства в районе. Увеличение по прочим культурам оказывается ниже среднего роста посева по губернии. Отметим также, что по этим губерниям основное увеличение падает, таким образом, на яровые культуры.

Итак, *территориальное распределение посевов и распределение по культурам показывают общий рост и определяющую роль в этом процессе усиления товарности земледелия, расширения хлебного рынка* [2].

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800.

[2] Материалы конца XIX в. (1883—1887 гг.) стоят в тесной связи с приведёнными данными и отражают непосредственное развитие показанного процесса специализации районов. Размер посевов в Центральном промышленном и Северо-западном районах в целом стабилизируется, а местами даже снижается. Только по четырём губерниям отмечается некоторое увеличение посевов за XIX в. — во Владимирской, Костромской, Новгородской и Петербургской. В то же время размеры посевов продолжают быстро возрастать в Центральном чернозёмном районе, в смежных степных южных губерниях и на востоке — в Среднем Поволжье и в Приуралье (Вятская и Уфимская губ.). Только северные губернии Центрального земледельческого района сближаются с промышленным центром и дают известную стабилизацию посевов: таковы Тульская, Рязанская и Пензенская губ., к которым примыкает ещё Орловская, давшая уже в конце XVIII в. определённое снижение посевных площадей. В целом речь идёт о дальнейшем формировании и укреплении Центрального земледельческого района как района товарного земледелия в территориальных гра-

3. Порайонное распределение зерновых культур

Развитие хлебного рынка, территориальное разделение труда в сельском хозяйстве определили специальное районирование сельского хозяйства — районное распределение отдельных культур.

Анкета Топографического описания включала специальный вопрос: «16. Какого рода жита сеются и каков бывает вообще урожай, куда хлеб отвозят на продажу за собственным продовольствием или за недостатком своего из других наместничеств покупают». Этот же вопрос повторяется и в анкете описания уездов: «3. Какой материк вообще и плодородие земли. Какой хлеб по большей части сеют и каков по примеру урожай бывает». Топографические описания дают систематически ответ на эти вопросы в виде перечня хлебов. Однако самый перечень имеет, как правило, сравнительно стереотипный характер довольно полного воспроизведения всего состава высеваемых культур без определения их удельного веса. Попытки выделить культуры по их значению встречаются лишь в единичных случаях. Так, Топографическое описание Петербургской губ. выделило три основные культуры — рожь, овёс и ячмень. По Выборгской губ. к основной группе отнесены рожь, пшеница озимая и яровая, ячмень (с указанием, что сеется после ржи) и овёс чёрный; в качестве незначительных по размеру посевов отмечены греча, а также репа, капуста и хмель. В Рижской губ. хлеба также разбиты на две группы и в качестве основных указаны рожь, ячмень (после ржи) и овёс; вторую группу составляют пшеница, в небольшом размере гречиха, семя конопляное и льняное, бобовые; описание даже специально определяет удельный вес ржи — от 1/3 до 1/2 посева. Попытка точнее определить удельный вес хлебов сделана и в описании Воронежской губ., отводящем первое место ржи и овсу и указывающем удельный вес гречи до 1/5, пшеницы яровой в 1/10, пшеницы озимой в 1/20. Круг исчисляемых культур резко ограничен, очевидно в соответствии с их реальным значением, для северных губерний — Архангельской, с особым значением для неё ячменя, вытесняющего овёс, и Вологодской, описание которой называет лишь 4 культуры — рожь, овёс, ячмень и пшеницу.

Сравнение с данными посевов и урожаев говорит о том, что эта оценка не всегда совпадает с количественными показателями посевов. Конечно, не случайно повсеместно, кроме одной Архангельской губ., на первом месте стоит рожь. Рожь была основной продовольственной хлебной культурой в России и

ницах, указанных Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». Для конца XVIII в. см. Приложение II; для конца XIX в. — «Статистика Российской империи», т. IV. Средний урожай Европейской России за пятилетие 1883—1887, Спб. 1888.

господствовала не только в посеве, но и на внутреннем хлебном рынке. Преобладание ржи определялось и господством трёхпольной системы земледелия, так как в центральных и северных губерниях России для посевов озимой пшеницы не было необходимых условий, и рожь почти безраздельно господствовала в озимом клине.

Менее мотивировано появление на втором месте в большинстве губерний пшеницы. В этом отношении исключение составляют северная группа губерний, прилегающая к ним с юга Костромская, а на северо-западе — Петербургская и прибалтийские губернии, где пшеница либо вовсе не сеялась, либо не превышала 1—2% общего посева. Более характерно в этом отношении отнесение пшеницы на отдалённое место в некоторых южных губерниях — в Воронежской, Харьковской, некоторых уездах Курской (например, в Белгородском). Возможно, что в этом перемещении играло роль растущее значение яровой пшеницы для южных районов с более длительным и жарким летом; в связи с этим отпадала её связь с рожью по озимому клину. Но при этом в Воронежской губ. сохранялся до конца века фактически низкий удельный вес пшеницы в посеве, отмечавшийся выше. Всё же возникает вопрос, не связано ли в какой-то мере такое выделение пшеницы с её растущим товарным значением, в частности в столичном спросе и в экспорте, и возникающим отсюда особым интересом к её распространению [1].

В ряду яровых культур на первом месте стоят повсеместно овёс и ячмень. При этом в большинстве губерний овёс стоит впереди ячменя, но в ряде губерний соотношение меняется. Из числа северных губерний ячмень значится на первом месте после ржи и пшеницы в Архангельской и Олонецкой губ., в Ярославской, Тверской и Псковской, в Рижской и Полоцкой, в Пермской. В Архангельской губ. и в Прибалтике (в Рижской и Ревельской губ.) такой порядок отвечает реальному соотно-

---

[1] М. Якубцинер в упомянутой статье о распространении культуры пшеницы в ряде случаев ссылается на такую очерёдность в перечне культур без учёта количественных показателей. Между тем его указание со ссылкой на Георги, что в Литве пшеница стоит на втором месте после ржи (стр. 159), представляется весьма сомнительным (ср. данные нашей таблицы по белорусским губерниям). Такая очерёдность, очевидно, обусловлена тем, что в источнике перечень зерновых культур даётся сперва по озимым, затем по яровым культурам. Таким же образом по Курской губ. автор руководствуется очерёдностью культур в печатном описании Ларионова (стр. 92). Утверждения М. Якубцинера полностью опровергаются детальными поуездными данными Топографического описания Курского наместничества 1783 г., где всюду на первых местах идут рожь, гречиха и овёс. По губернии в целом пшеница составляла всего 6% (табл. на стр. 338—339). Напротив, по Харьковской губ. (Материалы... стр. 27) ведомость посева 1785 г. (см. ту же таблицу) ставит пшеницу на второе место по губернии в целом (рядом с овсом, 120 тыс. чтв.). Правда, ведомость посевов 1786 г. даёт сокращение посева пшеницы почти вдвое (72 тыс. чтв.), и вопрос требует доследования.

шению культур в посеве. В первой преобладающее значение ячменя определено в основном физическими условиями района; для Рижской и Ревельской губ. это связано, очевидно, с специальным товарным значением ячменя в экспорте и в промышленной переработке (солод и пиво). Менее понятны такие изменения в расстановке отдельных культур в более южных губерниях Центрального района, как, например, в Пензенской, где удельный вес ячменя совершенно незначителен. За овсом и ячменём в южных губерниях Центрального черноземного района обычно следует гречиха, но рост её значения и удельного веса редко отражается в тексте описания.

Наличие ведомостей посевов и урожаев за 1780-е и 1790-е годы позволяет значительно уточнить удельный вес сельскохозяйственных культур, сведя показатели в специальную таблицу [1].

Итак, на первом месте всюду идёт рожь, составляя от 30—35 до 40—42% по отдельным губерниям; значительное превышение этой нормы по Пермской губ. (50%), Иркутской (60%) и частично Тобольской (45%) обусловлено включением в общую сумму яровой ржи, или, по тогдашней терминологии, ярицы (в Пермской губ. — 15%, в Тобольской — 25, в Иркутской — 50%). По остальным губерниям ярица играла ничтожную роль. Только на севере и в новоосвоенной Уфимской губ. на востоке рожь теряла своё решающее значение. Особенно резко это сказалось в Архангельской губ., где рожь составляла менее $^1/_5$ в посеве в результате неблагоприятных климатических и почвенных условий — длительности зимнего периода и глубокого промерзания почвы. Здесь ведущая роль принадлежала яровой культуре — ячменю (65%) благодаря особенно короткому сроку её вызревания. С этим связан и значительный отход от системы трёхполья в связи с особыми сельскохозяйственными условиями в этом районе. Это положение распространялось отчасти на Олонецкую и Новгородскую губ., однако с преобладанием овса, а не ячменя в составе яровых

---

[1] См. таблицу на стр. 338—339. Поскольку площади посева приведены в ведомостях лишь по некоторым губерниям, в основу расчётов положено количество зерна в посеве. Но так как овса, большей частью преобладавшего в яровом севе, высевали на десятину значительно больше, чем ржи (в $1^1/_2$—2 раза), то в переводе на десятины удельный вес ржи должен заметно повыситься: так, показатели по Московской губ. определяют удельный вес ржи в посевном зерне в 42%, а в десятинах посева — в 50%; этому отвечают и данные неоднократно упоминавшегося «Топографического описания Курской губ.» из фонда Военно-учёного архива. Этим объясняется повсеместное снижение доли ржи, составляющей от 34—35% до 40—44% при принятом равенстве площади озимого и ярового клина. Частично оно восполняется также за счёт озимой пшеницы (для южных губерний озимая и яровая пшеница в большинстве случаев не выделены и потому в наших таблицах всюду показаны одной цифрой).

Удельный вес основных культур в посеве по материалам ведомостей посева и урожая

(в % к общему посеву зерна)

Название губерний	Культуры						Соотношение семян[а]	
	рожь	овёс	пшеница	ячмень	греча	просо	конопли	льна
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Центральный промышленный район:								
Московская . . .	42	42	2	9	—	—	45/100	55/100
Владимирская .	40							
Калужская . . .	40	44	2	6	3—4		4/5	1/5
Ярославская . .	40	40	6	14			1/10	9/10
Костромская . .	35	40	2	11			3/100	97/100
2. Северо-западный торгово-промысловый район:								
Тверская	48	37	3,5	8—10	1,5		1/3	2/3
Смоленская . . .	43	38	3,5	7	7		2/3	1/3
Псковская	40	37	5	9	4		1/4	3/4
Новгородская .	30	60	2	5			1/5	4/5
Петербургская .	34	45		17			2/5	3/5
3. Прибалтийский район:								
Рижская	42	27	1	30				
Ревельская . . .	42	15—18	2	35			1/4	3/4
4. Белорусский район:								
Полоцкая	42	33—35	1,5	9—12	5—7	—	3/10	7/10
Могилёвская . .	42	25	4	8	16		2/3	1/3
5. Центральный земледельческий район:								
Тульская	40	35	3	3	15		3/5	2/5
Рязанская	35—40	33—35	3	—	20—30	1	3/4	1/4
Орловская	45	30	5—6	—	16		95/100	5/100
Курская	34	25	6	—	25	1	5/6	1/6
Тамбовская . . .	45	33	4—5	—	14	1,5	3/4	1/4
Пензенская . . .	44	ок. 30	3		10—13	0,9	3/4	1/4
Воронежская . .	44—40	30	12—15	5	10	1,5	3/4	1/4

[а] Соотношение посева конопли и льна вычислено только в пределах посева этих двух культур.

Название губерний	Культуры						Соотношение семян[а]	
	рожь	овёс	пшеница	ячмень	греча	просо	конопли	льна
1	2	3	4	5	6	7	8	9
6. Юго-западный сельскохозяйственный район:								
Харьковская . .	35	20—25	12	10—12	15	3	3/4	1/4
Новгород-Северская	50	10	1	3	25	1,5	9/10	1/10
Черниговская . .	40	16	9	10	15	3—4	4/5	1/5
Киевская	30	25	12	11	17	3,5	3/4	1/4
7. Средневолжский район:								
Нижегородская	40	20	11	7	10	10	1/2	1/2
Казанская	Сведений нет							
Симбирская[б] . .	35	25	14	1,5	5	1	85/100	15/100
Саратовская[б] . .	40	20—25	15—16	1	3	2	100	—
Астраханская . .	Сведений нет							
8. Приуральский район:								
Вятская	Сведений нет							
Пермская	ок. 50[в]	30—35	5	10				
Уфимская[б] . . .	27	27—28	18	до 10			4/5	1,5
9. Сибирь:								
Тобольская . . .	45[в]	30	10—12	8			3/5	2,5
Иркутская	60[в]	30	10	11			100	
10. Северный район:								
Вологодская . .	Ведомости отсутствуют							
Олонецкая	30	50	—	17				
Архангельская .	19	90	—	65				

[б] В Симбирской, Саратовской, Уфимской губерниях — полба (8—10%).

[в] В Пермской губ. — 15% составляла яровая рожь, в Тобольской — 25%, в Иркутской — 50%.

культур[1]. Значительно сокращается удельный вес ржи также в Уфимской губ. (около 1/4), но здесь это связано со значитель- ным возрастанием посевов пшеницы (18%), а также мало обычного для южных районов ячменя (до 10%). Резкое пре- обладание яровых культур в этом районе также связано с бла- гоприятными климатическими условиями — продолжительным и жарким летом. Резко выраженный товарный характер мест- ного хлебопашества сказался в высоком удельном весе посевов ячменя и пшеницы (посевы пшеницы возросли на 300%).

Второе место по количественному значению и территориальному распространению занимал овёс. Он решительно преобладал в ряду других яровых культур на всей территории России и только на крайнем севере, как уже упоминалось, уступал место ячменю, а на крайнем юге — гречихе. Во всём нечернозёмном районе он захватывал почти весь яровой клин, оставляя относительно более значительное место только ячменю, а также техническим культурам. Если рожь была основной продовольственной культурой, то овёс был главной фуражной культурой, частично потреблялся в винокурении, а в ведомостях рыночных цен имеются постоянные указания на овсяную крупу, а также и муку. Необходимо, однако, ещё раз напомнить, что учёт удельного веса овса в зерновых показателях значительно превышает его удельный вес в площади посева, которая даже в районах наибольшего значения овса, за исключением одной Новгородской губ., не превышает 1/4—1/3 посевной площади. Значительно падает удельный вес овса в чернозёмном районе — на юге и на востоке; в первом он составляет даже в зерновом расчёте 25—30%, во втором 20—25%, т. е. менее 1/5 всей посевной площади и не более 1/3 ярового клина. Последнее обусловлено, видимо, с одной стороны, более интенсивным использованием ярового клина под продовольственные культуры (гречиха, пшеница, просо, полба), с другой — лучшей обеспеченностью скота подножным травяным кормом, снижавшей потребность в фуражном зерне именно в этих основных скотоводческих районах.

В более северных губерниях важнейшей яровой культурой наряду с овсом был ячмень. Удельный вес ячменя последовательно убывает с севера на юг. В известной мере границей его широкого распространения на юге является верхняя Волга. К югу от Костромской и Ярославской губ. удельный вес ячменя составлял повсеместно менее 10%. Особенно резкое падение удельного веса ячменя отмечается начиная с Калужской губ. (6%) и характерно для всего Центрального земледельче-

[1] К сожалению, сведения по Вологодской губ. ограниченны и не дают цифрового расчёта состава посева по культурам. Вызывает удивление, что автор специального исследования Ф. Бахтеев в упомянутой статье прошёл мимо широкого распространения культуры ячменя в северных губерниях России и его высокой урожайности в этом районе.

ского района. В Северо-Западном районе резкое снижение отмечается начиная со Смоленской и Полоцкой губ. и несколько неожиданно выступает в Новгородской губ. вместе с исключительным распространением посевов овса в последней. Возможно, что новое увеличение посевов ячменя в украинских губерниях — до 10—12% — связано с широким развитием винокурения и спросом на солод. Не совсем ясны источники аналогичного расширения посевов ячменя в крайних восточных губерниях, в частности в Уфимской, при почти полном его исчезновении в соседней и близкой по почвенно-климатическим условиям Симбирской губ. Помимо других соображений, здесь, как и в Прибалтике, могло сказываться товарное значение ячменя. Характерно, что уже Левшин в своём описании Тульской губ. относил ячмень вместе с пшеницей к «лучшим хлебам»[1].

На Юге овёс в значительной мере вытеснялся гречихой. Её северная граница примерно совпадает с южной границей распространения ячменя: посевы гречихи достигают 16% в Могилёвской губ., 15% в Тульской, 20—30% в Рязанской. В Курской губ. площадь посева гречихи превышала площадь под овсом примерно в 1½—2 раза (при равенстве в зерновых показателях). Гречиха стояла на втором месте после ржи, занимая значительное место в вывозе из района, главным образом в виде крупы. Это соотношение имеет здесь чрезвычайно устойчивый характер, как показывает специальное Топографическое описание Курской губ. из фонда Военно-Учёного архива (ЦГВИА), дающее распределение площади посева по культурам по каждой даче. Это положение сохраняется и в украинских губерниях, где гречиха резко преобладала над овсом в Новгород-Северской губ., а в других делила место с ячменём, вместе с которым составляла 1/4 общего посева и около 1/2 площади ярового клина.

В восточных губерниях гречиха уступала место полбе, составлявшей около 10% посева в Пензенской, Симбирской, Саратовской и Уфимской губ. и используемой, как и гречиха, прежде всего в качестве крупяной культуры. Такое чёткое выделение района посева полбы имеет, видимо, определённые исторические основы[2]; возможна также его связь с национальным составом населения этого района.

Особое значение имеет вопрос о посеве пшеницы. Необходимо отметить, что, за исключением крайнего севера (Архангельская, Олонецкая, Выборгская губ.), посевы пшеницы наблюдаются повсеместно. Мы не имеем распределения ярового клина по культурам для Вологодской губ.; в описании хозяйства Межакова имеется специальное указание урожайности

[1] ЦГИАЛ, ф. 91 (ВЭО), оп. 1, д. 285, л. 187—188.

[2] Ср. исследование П. Г. Любомирова, О культуре полбы в России до середины XVIII в. «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XVIII, вып. 1, Л. 1927—1928, стр. 67—96.

пшеницы (сам-третей), но самый размер посева незначителен [1]. Удельный вес посева пшеницы для всего центрального и западного районов оставался незначительным — от 2 до 5—6%. Это связано, очевидно, как с неблагоприятными почвенно-климатическими условиями, отражающимися, в частности, в низкой урожайности, так и с условиями непосредственного потребительского спроса внутри района. Пшеница занимала непропорционально большое место в хлебном спросе столиц — Москвы и Петербурга и в экспорте [2]; но этот спрос покрывался за счёт привоза из более благоприятных для разведения пшеницы районов. Удельный вес пшеницы резко возрастал к югу и юго-востоку, что связано, несомненно, как с природными условиями, так и с общим ростом товарности хлебопашества. Особенно резко выделялись по удельному весу пшеницы Воронежская и прилегающая к ней Харьковская губ. на границе Центральной чернозёмной полосы (12—15%), южные губернии Левобережной Украины — Черниговская и Киевская (10—12%) и вся восточная часть чернозёмного района, начиная даже с Нижегородской губ. и далее на восток — Симбирская, Саратовская, Уфимская (10—15% до 18%). В отношении Нижегородской губ., учитывая её почвенно-климатические условия, это должно быть полностью поставлено в связь с товарным спросом — вывозом по Волге к Петербургу. Товарное хлебопашество характерно также для Симбирской, Саратовской и особенно для Уфимской губ. с их прочной связью с волжским торговым судоходством. Если учесть сказанное выше о товарном значении ячменя и гречихи в этом районе, то указанные товарные культуры в перечисленных губерниях составят около $^1/_3$ всего посева в зерновом исчислении. Приведённые выше данные о пропорциональном росте хлебных посевов по культурам также показывают особый интерес к их распространению в тех же губерниях [3]. В этой связи существенно резкое возрастание удельного веса яровой пшеницы в тех же названных выше губерниях. Так, если в Орловской губ. яровая пшеница составляла около $^1/_3$ общего посева пшеницы, то в Воронежской губ. в 1787 г. она составляла 108 тыс. чтв. из общего посева в 131 тыс. чтв., в Харьковской губ. в 1785 г. — 57 тыс. чтв. из 70 тыс. чтв. К сожалению, в ряде других случаев такая дифференциация отсутствует.

Из числа других культур следует отметить в этих же районах распространение проса, частично с использованием привозных семян (сорочинское, т. е. сарацинское — арабское

[1] См. *Л. И. Андреевский*, Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере 19-го века.

[2] О хлебном рынке речь будет специально ниже.

[3] Специального внимания и особого изучения заслуживает высокий удельный вес посевов пшеницы в Тобольской и Иркутской губ. (Сибирь); по-видимому, одно из объяснений этого явления лежит в благоприятных условиях резко выраженного континентального климата.

или турецкое просо, что подчёркивает южный ареал этой культуры). Вырабатываемое из проса пшено принадлежало к числу самых дорогих круп на русском рынке XVIII в., ценилось выше гречневой и манной крупы. Его значение также последовательно возрастало, особенно в южных районах, где оно давало очень высокие урожаи (сам-двадцать и более).

Из числа других культур следует отметить распространение бобовых — гороха, бобов, чечевицы (или сочевица — в ведомостях украинских и белорусских губерний), которые обычно включаются в общую ведомость посевов и урожаев. В общей массе зерновых их удельный вес невелик, но довольно устойчив, составляя повсеместно около 3% и падая только в самых северных губерниях [1].

Следует добавить, что *основные зоны распространения тех или иных культур обычно совпадают с зонами их более высокой урожайности*. Последнее стоит, однако, в тесной зависимости ещё от одного существенного фактора — техники сельского хозяйства, требующей специального рассмотрения.

4. Состояние агротехники

В нашей литературе и по этому вопросу существует предвзятая точка зрения относительно полной застойности сельского хозяйства в XVIII в., его технической неподвижности. П. И. Лященко в уже упоминавшейся последней статье приходит к выводу, что «общий технический уровень сельского хозяйства в XVIII в. не обнаруживал почти никакого повышения», а развитие русской агрономической мысли с её выдающимися представителями — А. Болотовым, Ив. Комовым, М. Ливановым и др. — считал явлением незначительным и полностью оторванным от агрономической практики, сведённой к деятельности узкого круга помещиков-крепостников [2].

Такой вывод связан в значительной мере с повторяющимися указаниями на господство трёхполья, представляющего экстенсивную систему земледелия, при которой $^1/_3$ земельного фонда систематически остаётся вне эксплуатации, и свойственного именно феодальному хозяйству. Этому соответствовало и господство сохи, как основного земледельческого орудия с её низкими техническими качествами. То и другое как будто подтверждается документацией второй половины XVIII в. — материалами анкет Вольного Экономического общества для середины 1760-х годов, Топографических описаний наместничеств и губерний для 80-90-х годов XVIII в.

Однако более пристальное изучение источников и прежде всего Топографических описаний наряду с некоторыми дру-

[1] О технических культурах и прежде всего о льне и конопле речь будет особо.

[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 15, 1945 г., стр. 122 и сл.

гими источниками — в первую очередь академическими географическими путешествиями, «Трудами Вольного экономического общества» и другой агрономической литературой — обнаруживает, что и практика трёхполья и господство сохи претерпевают на протяжении второй половины XVIII в. серьёзные изменения, направленные на общую интенсификацию сельского хозяйства.

Сюда относятся прежде всего попытки интенсификации самого трёхполья путём улучшения техники обработки земли. Другой существенный момент — подбор культур, отвечающих условиям района, а также связанное с этим установление нового, более правильного чередования культур в целях лучшего использования почвенных ресурсов. Ставится вопрос об удобрении земли, и в результате узости скотоводческой базы наблюдаются усиленные поиски других средств удобрения земли, исходящие именно от практиков сельского хозяйства, самих крестьян, дающие ряд интересных результатов.

Большую роль играло в этот период освоение новых земель, отразившееся в росте посевных площадей в последней четверти XVIII в., при этом самый процесс их освоения сопровождался применением ряда приёмов по повышению их плодородия, и, в частности, прежде всего на этих землях происходил отход от традиционного трёхполья с его консервативным севооборотом. Топографические описания изобилуют данными, показывающими крайне разнообразные системы, определившиеся в практике отдельных районов в рассматриваемый период.

Наконец, значительного разнообразия достигали и земледельческие орудия; основное состояло в широком внедрении в ряде районов плужной техники обработки, а также в многообразии переходных форм от сохи к плугу, представлявших собою разновидности сохи. В частности, материал Топографических описаний позволяет ещё пополнить и обогатить чрезвычайно интересные наблюдения, сделанные в этой области Дм. Зелениным[1].

К мероприятиям по усовершенствованию старого трёхполья относится прежде всего введение более интенсивной обработки земли путём двоения и троения земли под пашню[2] с последующим боронованием, которое также нередко проводилось повторно. Двоение пашни становится настолько обычным явлением, что Топографическое описание считает нужным специально оговаривать случаи разовой вспашки, и относятся они в основном к самым южным губерниям с плодородной чернозёмной почвой и менее выраженным товарным характером хлебопашества. Общее указание о разовой вспашке мы встретили только по Киевской губ.; Аф. Шафонский в описании Черни-

[1] См. *Д. Зеленин*, Русская соха, Вятка 1908.

[2] Повторение вспашки два или три раза.

говской губ. отметил разовую вспашку под яровой хлеб при троении под рожь. Что касается основного центрального земледельческого района, то там двоение указывается повсеместно, даже в самой южной и плодородной Воронежской губ., а также в прилегающей Харьковской губ., правда, хорошо обеспеченных тягловой силой. Только в Курской губ. двоение ограничено более ценными культурами — пшеницей, просом, маком, коноплёй и льном, но это сочетается с другими мерами — плужной обработкой и более сложным и совершенным севооборотом, о котором речь будет особо[1].

О необходимости и распространении двоения пашни в Центральной неземледельческой полосе у «верховых» крестьян сообщал уже Ив. Лепёхин[2]. В более северных районах с их худшими физико-географическими условиями отмечается даже троение вспашки, особенно под более ценные культуры или на соответствующих почвах. Так, описание Олонецкой губ. указывает троение под рожь и ячмень. Троение предусмотрено в Черниговской губ. под озимую рожь. В Тверской губ. двоят серую почву, но троят иловатую и глинистую; сочетание двоения и троения в зависимости от почвенных условий отмечает и Экономическое описание Васькова по Костромской губ. Двоение и троение имеют при этом характер строго выработанной системы как по срокам вспашки, так и по её техническому проведению: первая или первые две вспашки производятся заблаговременно — для озимого хлеба весной — и большей частью плугом или косулей, где таковые бытуют; последняя вспашка производится перед посевом, например, в Черниговской губ. под озимую рожь в августе, и всегда сохой. Последнее также объясняется не экономией рабочей силы, а определёнными агрономическими соображениями. Посев производится часто под борону, причём в отдельных случаях, главным образом при двоении земли под пашню, боронование также двоилось и в первый раз производилось перед посевом с той же целью предварительного разрыхления верхнего слоя почвы. Таким образом, речь шла не о большей или меньшей тщательности обработки земли, а о выработке определённой агрономической практики.

Другой крупной проблемой была проблема удобрений, которая сводилась в основном к внесению органических удобрений. Последнее упиралось, однако, в низкую обеспеченность скотом, тесно связанную с недостатком сенных покосов и пастбищ. Недостаток навозного удобрения отмечает не только экономическая литература, но о нём говорят и материалы анкет 1760-х годов и Топографические описания. Материалы Сенат-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, ч. 1, л. 12.

[2] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. 1, стр. 61—62.

ской анкеты ссылались на упразднение скотных дворов монастырских вотчин в связи с секуляризацией, как на одну из причин нехватки удобрений. Недостаток в органическом удобрении испытывали не только крестьянские, но и помещичьи хозяйства: некоторые инструкции обязывали крестьян возить навоз от своего скота для удобрения господской пашни. Для всех культур удобрения не хватало, и унавожение применялось лишь под более ценные культуры: на конопляниках и огородах, под лён; из хлебных культур — в первую очередь (и почти исключительно) под рожь и озимую пшеницу, на крайнем севере также под ячмень. В условиях трёхполья это позволяло производить унавожение раз в три года.

Острота вопроса ослабевала на южных землях с тучным, жирным чернозёмом, где унавожение не применялось. Недостаток пастбищ имел другое вредное последствие в средней чернозёмной полосе, например в Тамбовской губ., где при сравнительном достатке скота приходилось использовать под выгон пашню, оставленную «под пар» или «паренину», в связи с чем устанавливалась система «выбивания» сорных трав скотом, значительно снижавшая восстановление плодородия почвы.

Изыскание новых видов природных удобрений ставилось особенно остро в северных районах, а также в Центральном промышленном районе. Наиболее простым и распространённым видом удобрения, практически давно знакомым северному земледельцу, была зола, образующаяся от пережигания деревьев и разных лесных отходов — сучьев, корневищ и т. п. Этот способ удобрения широко применялся на лесных росчистях, которые, однако, нельзя смешивать со старой подсекой, поскольку речь шла о периодическом запускании под лес, сменявшемся длительными периодами эксплуатации под посев с твёрдо установленным порядком чередования культур. Составитель топографического описания Рижской губ. писал при этом о спорах относительно применения «ляд» и со своей стороны выступал в защиту системы сжигания леса на пашне для её удобрения золой. Основные возражения сводились при этом к опасениям разорения лесов и угрозе лесных пожаров. В 1790 г. по этому вопросу развернулась специальная дискуссия: в т. 42 «Трудов Вольного экономического общества» по вопросу «жжения суков и кубышей» сразу появился ряд статей — Палласа, Германа, Ореуса, Розенбуша. Практика Архангельской губ., о которой специально сообщал Александр Фомин[1], указывала на предпочтительность постепенного сгнивания вырубленного леса, как более эффективного способа, определяя срок сгнивания около 7 лет.

Другим видом удобрения являлся перегнивший болотный мох, именуемый «тундры». Об этом способе подробно сообща-

[1] Видный деятель Архангелогородского посада, автор его наказа в Уложенную комиссию 1767 г. и близкий друг В. В. Крестинина.

лось в Топографическом описании Вологодского наместничества 1784 г., охватывавшем Вологодскую, Велико-Устюжскую и Архангельскую области. «Название тундры относительно к местоположениям Мезенским, Пустозерским, которых болотистые места покрыты белым мхом, по беломорски яголою называемым... Около Архангельска, по обе стороны Двины, места наполнены болотами другого рода, то-есть зыбучими и мшистыми. Сей скорорастущий мох, расстилаясь по поверхности вод и морских мест, составляет ежегодно твердую сеть и потопляет таковую же прошлогоднюю под собой, и так время от времени загущает и покрываемую ими воду, превращая ее в болото... Из сего полезного мха, составившегося наслоенною перегнившею землею, унавоживать поля можно, что и делается в Важеской округе. А делают сие следующим образом: вырезав оного мху потребное количество, настилают на дурную землю от 8 до 10 вершков толщиною и потом покрывают навозом». Об этом способе также рассказывал Фомин в упомянутой выше статье[1]. В Выборгской губ. сообщают об использовании прудового ила, а также извести и мергеля[2]. На использование мергеля указывала позднее агрономическая литература, но он в то время ещё не получил распространения.

Существенным средством наряду с унавожением начинают становиться уже в XVIII в. новые формы севооборота как специальное средство повышения урожайности почвы. Так, в Курской губ., правда, на новых, непаханых землях первые 3—4 года «садят арбузы, пшеницу, пшено» (т. е. просо. — *Н. Р.*), а затем уже переходят к основным для данного района зерновым культурам[3]. Значительные изменения в очерёдности хлебов для «новины» указывает Ив. Лепёхин в Арзамасском районе, где первый посев отводился под лён[4]. Несколько более позднее описание Московской губ. (1811 г.) указывает в Дмитровском у. «отменный способ в удобрении земли, а именно: в паровом поле сеют репу, под которую и кладут навозу более, нежели под рожь», а на следующий год яровой хлеб — пшеницу или ячмень[5].

Особенно следует выделить начало посева кормовых трав, причём практика в этом вопросе определила его постановку

[1] Топографическое описание Вологодского наместничества вообще. «Временник Имп. Московского Общества истории и древностей Российских», кн. 25, 1857, стр. 25. Статья А. Фомина «Описание изобретенного поселянами Архангельской губернии унавожения пашен торфом, называемым тундрою», «Труды ВЭО», ч. X (40), 1790, стр. 123—138.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18827, л. 7.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, л. 12.

[4] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. I, стр. 63.

[5] См. *С. Чернов*, Статистическое описание Московской губернии 1811 года, М. 1812, стр. 60—61.

в агрономической литературе. Посевы травы — палошника, более известного в позднейшей литературе под названием тимофеевки, отмечены Топографическими описаниями Вологодского и Архангельского наместничеств. Правда, мы уже высказали выше предположение, что первоначальной побудительной причиной к его разведению явились нужды скотоводства — «для корма скота», — пишет П. Челищев. Однако его агрономические качества, видимо, уже учитывались, так как Челищев специально указывает на посев палошника «на новинах и лядах». Следует также обратить внимание на то, что Челищев систематически повторяет: «пашут траву палошник», что говорит о техническом уровне её разведения и придаваемом ей значении.

Применение специальных чередований культур непосредственно связано с освоением новых земель — лесных росчистей, болотных земель, а на Юге и Юго-востоке — земель залежных. Последнее важно не только в плане общего расширения земельного фонда, но и потому, что именно новые земли оказывались сферой применения новых агрономических приёмов в разведении и чередовании культур. Нельзя согласиться с теми авторами, которые в широкой системе росчистей и поднятия новых земель видят только простое проявление тенденции к экстенсивному расширению хлебопашества. Внимательное наблюдение за порядком эксплуатации росчистей приводит к выводу, что именно здесь развивались наиболее интенсивные для того времени формы хозяйства в хлебопашестве. При этом всюду указывается, что посевы на росчистях производятся по нескольку лет сряду и их бесперебойная эксплуатация продолжается в ряде случаев до 20 лет. Вместе с тем эти наблюдения показывают, что система традиционного трёхполья уже серьёзно нарушена к концу XVIII в., и в самых различных губерниях возникали новые системы севооборота, отражавшие в своих особенностях специфику местных условий.

По Топографическому описанию Архангельской губ. посев на росчистях в Холмогорском у. описывается следующим образом: лес, срубив, оставляют до весны, потом сжигают; перепахав, сеют рожь, потом удобряют навозом и начинают сеять ячмень, урожай которого постепенно возрастает[1]. Отмеченное выше резкое преобладание посевов ячменя над рожью (в 4 раза) говорит о несомненном преобладании этой системы эксплуатации земли.

В Выборгской губ. предпочтительно использовались болотные земли. Болота после осушки вспахивали и зажигали (очевидно, торфяные земли), после сгорания оставляли по 2 дюйма (около 1 вершка или 4 *см*) золы, затем засевали рожью; эта операция повторялась на второй год, также с посевом ржи, и такая эксплуатация продолжалась 20 и даже 30 лет. После этого при глинистой почве засевали 1—2 года овсом и затем оставляли землю под луга, а при песчаной запускали на длительный срок под лес[1]. Широкая распашка лесных участков и болот отмечена также в Рижской и Ревельской губ.

[1] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 497, л. 55

Описание Тверской губ. показывает следующий севооборот на росчистях Корчевского у. с его сравнительно интенсивным хлебопашеством (земля троится): I год — овёс, II год — рожь, III год — ячмень, добавляя, что с участка снимается подряд 4—5 хлебов[2]. Другую очерёдность посева приводит Лепёхин по Нижегородской губ.: в I год производится прорубка леса, во II год его сжигают и, удобрив землю золой, сеют лён, в III год — ячмень или овёс, в IV год — рожь.

Приведённые данные ещё не говорят о наличии сложившейся новой системы земледелия, но дают достаточно оснований заключать о серьёзной ломке старого трёхполья и показывают, что постановка в экономической литературе вопроса о переходе к многополью и плодосмену вырастала непосредственно из практики.

Источники опровергают также представление о безраздельном господстве сохи, показывая значительную пестроту состава земледельческих орудий и, в частности, распространение плужной обработки, особенно в южных и восточных степных районах и специально на распашке новины.

Материалы Топографических описаний, дополняемые сведениями географических путешествий, позволяют дать систематическую порайонную характеристику земледельческих орудий[3].

На севере полное господство сохи показано в Архангельской губ., что объясняется скорее всего крайней распылённостью пашенных земель между лесных участков и болот.

В юго-западных уездах Вологодской губ. с их более развитым хлебопашеством, в частности в Вологодском у., Топографическое описание называет рядом с сохой косулю, как отметил уже Зеленин, ссылаясь на статьи А. Засецкого и Олишева в «Трудах Вольного экономического общества»[4]. Тот же Зеленин, ссылаясь на опубликованный ответ на анкету Вольного экономического общества 1765 г. и на Топографическое описание Владимирской губ. 1784 г., отметил распространение

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18680, л. 81 об.

[2] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.», стр. 54—55.

[3] В дальнейшем изложении мы обращаем основное внимание не на разновидности сохи, уже употреблявшиеся в отдельных районах, о которых писал Д. Зеленин: краткую сводку соответствующих сведений содержит и упоминавшаяся статья П. И. Лященко (см. «Исторические записки», АН СССР, кн. 15, 1945 г., стр. 109 и 111). Нас интересовало прежде всего распространение орудий плужного типа, явно недооценённое для конца XVIII в. П. И. Лященко, как и другими авторами.

[4] См. «Труды ВЭО», ч. 23, 1773 г., и ч. II, 1766 г., стр. 107—108.

Владимирской губ. для первой, а при
косули в большей части Владимирской губ. для первой, а при
троения — для первой и второй вспашки, называя особый тип
«переяславской» косули; в том же Переяславском, во Влади-
мирском и Александровском у. он отмечал, кроме того, поль-
зование плугом. На основе ответа на ту же анкету по Галицкой
пров. (будущей Костромской губ.), прилегающей с юга к Во-
логодской [1], Зеленин называет особую галицкую косулю, отме-
чая её распространение также в Ярославской губ. и, по позд-
нейшим сведениям середины XIX в., — на восток до Вятской и
Казанской губ. Описание Костромской губ. Васькова сообщает
об употреблении косули с 1—2 лошадьми на высоких местах,
в частности по Костромскому у.; здесь же указаны и неболь-
шие плуги с 2 и с 1 лошадью, употребляемые при первой
вспашке [2]. Топографические описания Ярославской губ. также
говорят о соединении в отдельных уездах сохи с косулей или
сохи и плуга с 2 лошадьми [3].

В Центральном промышленном районе применение одной сохи указано источниками по Калужской и Московской губ.

В Северо-западном районе Топографическое описание Тверской губ. в Кашинском и Зубцовском у. с их более развитым хлебопашеством отмечает соху с отрезом, сближающим её с косулей, отмеченную уже у Зеленина. Но, кроме того, в Краснохолмском у. указана пахота плугом с 2 лошадьми для поднятия новины [4], — возможно, что она не ограничивалась одним этим уездом.

Топографическое описание Новгородской губ. отмечает применение косули на лошадях в Белозерском у., в котором особенно развито сельское хозяйство и который на востоке примыкает к юго-западным уездам Вологодской губ. и к Галицкому у. Костромской губ., создавая сравнительно компактный район распространения косули [5].

В Рижской губ. применялась соха с 2 железными сошниками и лишь изредка — однозубая, причём вместо лошади часто применялась запряжка из 2 быков [6]. Лифляндский помещик Вангерсгейм в «Письме о полезном разных сох употреблении», напечатанном в «Трудах Вольного экономического общества», говорит об употреблении «волового плуга», особенно на твёрдых землях, а также об особой «сохе с покрышкой» или «капфлуге», применяемом после нескольких вспашек обыкновенной сохой [7]. По Ревельской губ. в Гапсальском у. употреблялся местами плуг особого типа, называвшийся «свиное

[1] См. «Труды ВЭО», ч. X, 1768, *Д. Зеленин*, Русская соха, стр. 77.
[2] Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 603, л. 80—88.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 19176, без даты (очевидно, 1780-х годов) и позднейшее описание — ГИМ, Отдел письменных источников, д. 1035, 1797 г.
[4] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.», стр. 73—75.
[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18875, л. 67—68, п. 4.
[6] См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18827, л. 7.
[7] См. «Труды ВЭО», ч. XI, стр. 70 и 73.

рыло» и служивший, по данным описания, для более глубокой вспашки при обилии песка и болотистых мест в уезде [1].

В южном черноземном районе по мере продвижения в степную полосу заметно усиливается уже в XVIII в. применение плуга. Топографическое описание Воронежской губ. называет наряду с сохой плуг с 4—6 волами; поуездные описания относят применение плуга главным образом к хозяйствам украинских крестьян (черкас) в южных уездах — Калитвенском, Беловодском, Купянском, Богучарском и др., с упряжкой от 4 до 10 волов в зависимости от характера пашни: максимальное число при поднятии степных залежей. На новых, не паханных землях и залежах в Курской губ. также применялся плуг с 6 и 8 волами, причём, по данным описания, «пашут вдоль и поперёк» и затем боронят [2]. В Пензенской губ. опыты введения плуга отмечены в господском хозяйстве Б. А. Куракина в последней четверти XVIII в.

Плуг с 6 и 8 волами господствует и в хозяйстве украинских крестьян Харьковской губ., причём и здесь на новых землях число волов увеличивалось до 10 [3]. Шафонский указывал для южного степного района плуг с 6 и 8 волами, обслуживаемый 3 работниками и дающий вспашку глубиной в 6—8 вершков; такие плуги показаны, в частности, в Роменском, Лохвицком у. В лесной полосе применялся «лесной плуг» облегчённый или соха, преимущественно на колёсах, с упряжкой из 2, 3 и 4 быков или лошадей, и бесколёсная с 1—2 лошадьми; разница между ними — в размере лемеха и его положении, причём колёсная соха даёт глубину вспашки в 4—5 вершков. Соха на колёсах с 2—4 быками или лошадьми показана в Черниговском у. с применением троения [4].

Зеленин сближает колёсную соху с сабаном и считает её характерной для восточных губерний. Со сведениями Шафонского близко сходятся данные Топографического описания Киевской губ [5].

Надо отметить, что плужная обработка представляла большие трудности для скудных крестьянских дворов, не располагавших соответствующей тягловой и людской рабочей силой, в силу чего им приходилось производить запашку в складчину. Не случайно Шафонский в своём описании выступает сторонником сохи или сильно облегчённого мелкого плуга в

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19195, л. 55 и сл.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, л. 12.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19134, «Топографическое описание Харьковского наместничества» 1785 г., ч. III, О уездах, л. 97 и сл. (п. 4); Топографическое описание Харьковского наместничества, М. 1788, стр. 73—75 (печатное описание, видимо, использовало указанные рукописные описания).
[4] См. *А. Шафонский*, Черниговского наместничества топографическое описание, § 61, стр. 167—168.
[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18768.

упомянутом разделе своего «Топографического описания Черниговского наместничества».

В Среднем Поволжье Нижегородская губ., подобно губерниям Центрального промышленного района, знает кроме сохи косулю [1]. Восточнее, в губерниях с татарским, мордовским, башкирским населением, место южного «малороссийского» плуга заступает сабан, который, по словам Лепёхина, «много имеет сходства с плугом», но меньше размером, с упряжкой в 4 лошади [2]. Топографическое описание указывает употребление сабана в Казанской губ. [3] П. Рычков, И. Лепёхин и П. С. Паллас сообщают о распространении сабана у местных народов Оренбургской или Уфимской губ. [4] Топографическое описание Уфимской губ. называет плуги с запряжкой лошадей для степных залежных земель, например, в Уфимском у. [5] Топографическое описание Оренбургской губ. конца XVIII в. связывает употребление плуга с хозяйством переселившихся сюда украинских крестьян-черкас, которые земли распахивают плугами, «пахотную же землю поднимают сохами» (Бузулукский у.) [6]. Применение сабана, по описанию Лепёхина, требовало «помочи», т. е. своеобразной формы найма работников [7].

Таким образом, и в отношении орудий труда *Россия второй половины XVIII в. далека от единообразного и неограниченного господства первоначальной сохи.* Отмеченное для второй половины XVIII в. растущее распространение орудий более высокого, главным образом плужного, типа стоит в прямой связи с быстрым ростом хлебопашества — с широким подъёмом новых земель и с интенсификацией обработки пашни, находясь в тесной связи с системой двоения и троения пашни.

В этой связи заслуживает быть отмеченным факт значительного завоза в Россию железных кос, притом в количествах, говорящих о стремительном росте спроса. В самой России изготовление кос было распространено в крестьянском мелкотоварном производстве (о закупках кос крестьянского производ-

[1] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. I, стр. 66—67.

[2] См. там же, стр. 126—127.

[3] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 488, л. 232 (Казанский у.).

[4] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. I, стр. 24 и сл.; Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, май 1758 г., стр. 133—135; *П. С. Паллас,* Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. II, кн. 1.

[5] Государственная библиотека имени В. И. Ленина, Рукописный отдел, Муз. № 8818, л. 27.

[6] Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников, ф. 445, д. 14.

[7] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. I, стр. 127.

ства сообщают данные сельских ярмарок). Оно отмечено также по некоторым «заводам», в частности на помещичьих предприятиях. За последнее десятилетие XVIII в. (1790—1799) общий импорт составил 8 391 300 кос, причём среднегодовое количество вдвое превысило ввоз 1769 г. Наша экономическая литература прошла мимо этого факта, хотя приведённые данные значатся в ведомости русского импорта, опубликованной ещё А. Семёновым [1].

5. Урожайность

При определении состояния хлебопашества особое значение имеет вопрос об урожайности.

В нашем распоряжении имеются данные об урожайности по всем губерниям Европейской России, а также по Сибири (Иркутская и Тобольская губ.) [2]. Они делятся прежде всего на 2 основные группы показателей: а) непосредственно данные оценки урожайности в «самах» и б) расчёт урожайности в «самах» по годам, исчисленный на основании ведомостей посевов и урожаев. Систематические показатели урожайности в «самах» имеются по ряду источников, притом относящихся к разным периодам. Первые данные такого рода относятся к 60-м годам и связаны с двумя анкетами — Вольного экономического общества и Сенатской анкетой о причинах дороговизны хлеба. Анкета Вольного экономического общества отличается конкретностью своих показателей, но страдает значительной неполнотой географического охвата и в отношении состава культур, отразив с наибольшей полнотой, кроме общей средней урожайности, урожайность ржи как основной продовольственной культуры. Материалы Сенатской анкеты более полны в смысле охвата всей территории России, но менее конкретны в своих показателях, часто прибегая к общей оценке урожая, как-то: «посредственный», «хороший», «недород». В отношении определения по культурам материалы Сенатской анкеты ещё менее полны, давая больше общую оценку урожайности.

Наибольшей полнотой отличаются данные Топографических описаний, относящиеся в основной массе к 1780-м годам. Они содержат, как правило, средний погубернский показатель урожайности и почти повсеместно полные показатели по отдельным культурам. Кроме общих губернских показателей, они содержат также показатели поуездные, если не по культурам, то по крайней мере средние, что позволяет проверить соответствие среднего губернского показателя поуездным данным, а также

[1] ЦГАДА, р. XIX, д. 260, л. 211 и 138. *А. Семёнов,* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. III, Спб. 1859, Приложение 2.

[2] См. Приложение II. Ведомость урожайности по губерниям по основным культурам. В тексте дана сокращённая ведомость средней валовой урожайности (по всем культурам суммарно).

определить амплитуду колебаний внутри губернии или выделить специальные районы по урожайности [1].

К показателям Топографических описаний в известной мере примыкают определения урожайности в донесениях губернаторов; впрочем, соответствующие определения урожайности скорее связаны с данными о посеве и урожае и в некоторых случаях заменяют последние в губернаторских отчётных данных, например по Вятской и Казанской губ., где самих ведомостей посева и урожая за соответствующие годы не оказалось.

В качестве особой группы надо назвать указание урожайности в записках путешественников или в отдельных статьях с мест, публиковавшихся в «Трудах Вольного экономического общества». Наиболее полный материал этого рода содержат записки путешествия П. И. Челищева по северным губерниям России.

Урожайность, исчисленная по фактическим урожаям, может претендовать на бо́льшую точность, особенно там, где мы располагаем ведомостями за целый ряд лет и получаем целый ряд показателей для сопоставления. Элемент известной условности вносится здесь двумя обстоятельствами. Первое и важнейшее — то, что при большой неполноте дошедших до нас ведомостей мы не гарантированы от получения более или менее случайных данных, в частности за неурожайные годы, что, видимо, имеет место в отношении наших показателей, скажем, по Уфимской губ., по двум ведомостям Симбирской губ. (урожай сам-1,6) и некоторым другим. Второй недостаток относится к губерниям с явно неоднородным составом земель, как, например, Рязанская, где данные по северным неплодородным уездам не могут не сказаться на общегубернских данных. Не случайно более высокие показатели и более близкие к соответствующим показателям Топографических описаний относятся к губерниям со сравнительно однородными условиями хлебопашества, как Рижская и Ревельская, Воронежская, Харьковская.

Для большей обозримости общих данных об урожайности мы попытались составить сводную таблицу урожайности по губерниям на основе суммарных данных урожая по всем культурам. Однако необходимо оговорить, что такой расчёт урожайности страдает особой условностью, стирая значительные колебания по культурам. В этой связи необходимо, в частности, специально отметить, на основании анализа ведомостей

[1] Мы включали в эту рубрику также показания таких описаний, которые не относятся собственно к разряду топографических, как-то: хозяйственное описание Пермской губ. Н. С. Попова, описание Тульской губ. Левшина и некоторые другие. В случаях полного расхождения между ними и «Топографическими описаниями» делались оговорки. Об описаниях см. нашу статью в «Вопросах географии», сб. 31.

Средний урожай по губерниям (в «самах»)

Наименование губерний	По анкете «Вольного экономического общества»	По «Топографическим описаниям»	По ведомостям посева и урожая: 1780 г.	1782—1783 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Центральный промышленный район:									
Московская . . .		3—4		2					2,5
Владимирская .	4—5[а] 2—3	4—5[а] 2—3		2,5					2
Калужская . . .	4—5[а] 2—3	4—5[а] 2—3		4				3	3
Костромская . .	3	3				2,2			2
Ярославская . .		3—4							ок. 2
2. Северо-западный торгово-промысловый район:									
Тверская	2	3—4				2	2,5		
Смоленская . . .						2 (2—3)[б]		2,2	
Псковская		3—4				ок. 3	3	ок. 3	
Новгородская . .		3—4					3		
Петербургская .		3							3
3. Прибалтийский район:									
Рижская	4—6							4,5	
Ревельская . . .	4—5			5—6				5	
Выборгская . . .	3 и 10								
4. Белорусский район (Полоцкая и Могилёвская):	3—4	3	3						
Полоцкая						3	3,5	—	4
Могилёвская . .						3—4	3,5		3,5
5. Центральный район товарного земледелия:									
Тульская	6—8		—	—	5	—	—	—	4—4,5
Рязанская	6—7	3[а] 4—5[а] до 10	—	4,5	—	3,5	—	—	2,5
Орловская	8—9	5—7[а] 3	4			ок. 3		4	3—4
Курская		6—8 до 10	—	3	—	—	4,5	3,5	3,5

[а] Два ряда «самов» относятся соответственно к двум группам уездов губернии.
[б] Губернаторское донесение 29.XI — 1788 г.

(Продолжение примечаний на стр. 356).

Наименование губерний	По анкете «Вольного экономического общества»	По «Топографическим описаниям»	По ведомостям посева и урожая						
			1780 г.	1782—1783 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Тамбовская . . .	—	5	—	3,5	—	3,5	—	—	3
Воронежская . .	—	4—6 до 9—10	—	—	6—3	4—5	5	—	3
Пензенская . . .		6	—	—	—	—	—	3	2,5
6. Юго-западный сельскохозяйственный район:									
Харьковская . .	10	6—7 до 9—10	—	—	6—4				
Киевская		5—8 до 10—15	—	—	3	—	4,5	—	1,5[в]
Новгород-Северская		6—8 до 10			2				3—4
Черниговская . .		6—8 до 10			3	—	3		
7. Приволжский район:									
Нижегородская .	3[г]	2—4[а] 5—6	—	—	—	—	—	2,5	3
Казанская	—	5—7[а] 7—10							
Симбирская . . .	5—6[д]	5	—	—	2,5	1,6	—	2,5	1,5
Саратовская . .	4—6					3,8	4	3,8	3,8
Астраханская . .	—	2	—	—	—	—	—	—	—
8. Приуральский район:									
Вятская	—	—	—	—	—	—	—	3	4—3
Пермская		2—4[е]							2,5
Уфимская		5—6	—	—	2	2			2,2[ж]
9. Тобольская . . .	—	—	—	—	—	—	—	4	4
Иркутская									5
10. Северный район:									
Вологодская . .	3—5	4—6[з]	—	—	—	—			3
Олонецкая	—	3—6	—	—	—	—	—	—	4
Архангельская .	—	4 до 6—7[и]							4,5

[в] Неурожайный год.
[г] Арзамасская провинция.
[д] Бугульминская провинция; на новине до сам-15.
[е] По описанию Попова сам-4—5 и сам-7—10.
[ж] По материалам 1794 г. мы не берём неурожайного 1795 г.
[з] Яренский и Никольский уезды до сам-10—12.
[и] Более высокий урожай по Шенкурскому и Холмогорскому уездам. Наиболее урожайная культура — ячмень.

посевов и урожаев, что *наиболее типичны частичные неурожаи*, причём в силу зависимости урожаев от климатических условий плохой урожай озимого хлеба большей частью частично компенсируется в итоговом показателе за год удовлетворительным урожаем ярового, и наоборот.

Последний вопрос касается сравнительной ценности приведённых показателей урожайности, в первую очередь сравнительной ценности двух основных групп — показателей в «самах» и расчётов урожайности по фактическим урожаям. В литературе установилось определённо скептическое, недоверчивое отношение к показателям урожайности в «самах». Эта недоверчивость как будто подтверждается многочисленными фактами довольно значительного разрыва между данными первой и второй групп показателей в приложенных таблицах, в сторону повышения показателей для первой. Такое положение, однако, на наш взгляд, вполне естественно вытекает из самых условий составления таких показателей, правильный анализ которых позволяет полностью учесть и использовать эти показатели. Показатели в «самах» дают естественные колебания как по отдельным районам губернии, так и по отдельным хозяйствам того же района, и перед составителем ответа на анкету или описания стояла поэтому сложная задача отбора показателей и получения в какой-то мере средневзвешенной величины. Принцип отбора показателей должен учитываться при пользовании источником.

Такие описания, как записки путешествия П. И. Челищева, явно дают высшие показатели урожайности, ориентированные на лучшие, более мощные хозяйства; его сведения по Архангельской и Вологодской губ. по всем культурам, кроме играющей ничтожную роль пшеницы, превосходят самые высокие показатели Топографических описаний. Это положение может быть частично отнесено за счёт самих источников его данных: как видно из записок Челищева, он останавливался по пути в зажиточных домах, гостил у крестьян-предпринимателей и мог поэтому пользоваться сведениями, относящимися именно к лучшим, образцовым хозяйствам. Вместе с тем такой отбор мог диктоваться в известной мере и авторской задачей — показать хозяйственные возможности края. Тенденция обращения к более высоким, так сказать, индивидуальным показателям свойственна и Ив. Лепёхину и таким специальным описаниям губерний, как «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н. С. Попова, в отличие от общего Топографического описания этой губернии.

Данные Топографических описаний отличаются в этом отношении наибольшей умеренностью своих показателей в этой первой группе. Это должно быть отнесено прежде всего за счёт их территориальной дифференцированности, позволяющей объективно отразить территориальные, поуездные особен-

ности в поуездных описаниях. В результате и губернские описания указывали не только среднюю урожайность по губернии, но обычно отмечали и амплитуду колебаний, а наличие у составителя большого исходного материала позволяло, видимо, ближе подойти к действительным средним показателям урожайности, причём общая картина несколько выравнивалась за счёт отбрасывания, вполне законного для такого рода данных, явно неурожайных лет. Показатели Топографических описаний ближе всего стоят к погодным данным урожаев.

Ответы на анкету Вольного экономического общества занимают промежуточное место: вполне укладываясь в рамки тех колебаний урожайности, которые указывают Топографические описания, они, как правило, примыкают к высшим показателям последних, а частично и превосходят эти высшие показатели. Так, если Топографическое описание Харьковской губ. указывает урожайность от сам-6—7 до сам-9—10, то в ответе на анкету значится просто сам-10. В описании Орловской губ. высший показатель урожайности составляет сам-5—7, в ответе на анкету — сам-8—9.

Что касается группы данных, составленных по ведомостям урожаев, то исследователи, видимо, не учитывают, что и в основе последних практически также лежит определение урожайности в «самах». Как свидетельствуют, в частности, отдельные губернаторские донесения, речь шла о предварительных пробных уборках и обмолотах по уездам, на основе которых определялась средняя урожайность, после чего, согласно имеющимся данным о посевных площадях, производилось исчисление общего размера урожая, имевшее первой и основной задачей — выяснение обеспеченности губернии хлебом и наличия товарных излишков хлеба. Надо при этом отметить, что население губернии было заинтересовано в том, чтобы не допустить получения завышенных показателей, которые могли привести и к повышению требований на поставку хлеба и фуража для армии, и поэтому под пробный обмолот могли поступать участки с урожаем ниже среднего. По-видимому, этим можно объяснить довольно частые жалобы губернаторов при сообщении ими ведомостей посева и урожая на преуменьшенность поступающих данных, на утайку населением действительного урожая. В этом отношении действительно бросаются в глаза сравнительно низкие показатели урожайности, исчисленные по ведомостям посевов и урожаев для губерний черноземного земледельческого района, особенно привлекающие внимание при сравнении с относительно высокими показателями по северным губерниям — Архангельской и Вологодской, не говоря уже о прибалтийских губерниях, выделявшихся постановкой сельского хозяйства. Этот момент искусственной заниженности показателей, несомненно, следует

учитывать наряду со значительными колебаниями урожаев по годам.

В целом, как нам представляется, *наиболее объективная картина должна получиться именно в результате правильного сочетания годовых данных урожаев с показателями Топографических описаний, а вся совокупность приведённых показателей в целом довольно полно отражает амплитуду возможных колебаний урожайности по районам и по группам хозяйств*[1].

При порайонных характеристиках необходимо прежде всего остановиться на Северном районе. Мы располагаем здесь, к сожалению, очень ограниченными данными об урожаях — всего по одной ведомости на губернию за 1790-е годы, однако урожайность по этим ведомостям для Олонецкой и Архангельской губ. выше, чем низший показатель Топографических описаний — 4,5 против 4,0 для Архангельской губ., 4,0 против 3,0 для Олонецкой и несколько уступает только по более южной — Вологодской губ. Добавим, что высший показатель Топографического описания относится специально к более земледельческим Шенкурскому и Холмогорскому у. и главным образом к преобладающему здесь ячменю, тогда как данные по урожайности дают среднюю по губернии. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что эти показатели оказываются значительно выше соответствующих показателей по более южным губерниям Центрального промышленного и Северо-западного районов. Думаем, что объяснение этому обстоятельству надо искать, с одной стороны, в более жёстком отборе пригодных для хлебопашества земель, с учётом необходимости больших затрат на их обработку и с желанием обеспечить её лучшую эффективность, а с другой — в обусловленной теми же причинами большей тщательности самой обработки. Последнее облегчалось, в частности, и ограниченностью обрабатываемого земельного участка, что позволяло полнее применять природные удобрения и шире пользоваться новыми росчистями. Из отдельных культур по уровню урожайности на первом месте стояла рожь, на втором — значительно более распространённый в посеве ячмень.

Резкое повышение урожайности наблюдается в прибалтийских губерниях — Рижской и Ревельской, с их более интенсивным ведением сельского хозяйства, что отмечалось всей современной агрономической литературой, определявшимся в значительной мере развитием хлебной торговли. Здесь характерно

---

[1] Только некритическим использованием одного специфического источника — ответов на анкету Вольного экономического общества 1796 г. можно объяснить явно завышенные показатели урожайности пшеницы в украинских губерниях до сам-15 и даже сам-20 в упомянутой статье М. Якубцинера (стр. 28). Более осторожными представляются приводимые тут же данные Георги, но указанная при этом амплитуда колебаний сам-3—10 требует в свою очередь пояснения (ср. ниже стр. 360—362).

соответствие данных ведомостей урожаев и показателей Топографических описаний. Показатели разных источников дают общий урожай сам-5 и даже до сам-6 по Ревельской губ. При этом по Рижской губ. решающая роль принадлежала ржи и пшенице с урожаем сам-5; урожай немного снижался по ячменю — до сам-4 и оказывался наиболее низким по овсу — сам-3,5, причём овёс играл сравнительно небольшую роль в посеве.

Более низкую урожайность — сам-3,5—4,0 — дали показатели, в целом единообразные, по белорусским Полоцкой и Могилёвской губ., несколько более высокие — по последней. При этом особенно высокие показатели по Могилёвской губ.— до сам-5 и даже сам-6 — даны по ячменю, составлявшему около 8% в посеве, гороху и конопляному семени, но значительно ниже среднего уровня даны показатели по урожаю гречихи, посевы которой продвинулись здесь сравнительно далеко на север и составили при этом около 15% всех посевов и около 30% ярового клина. Урожай гречихи снижается сплошь и рядом до сам-2,5, значительно ниже её средней урожайности в районах её основного распространения.

Сопоставление показателей Центрально-промышленного и Северо-западного районов с губерниями Севера и, с другой стороны, с прибалтийскими и белорусскими губерниями говорит о том, что резкое снижение урожайности в этих двух районах должно быть отнесено не столько за счёт местных природных условий, сколько за счёт того значения, которое отводилось сельскому хозяйству в экономике этих районов, в хозяйственной деятельности крестьянства в связи с ростом его промысловых занятий и промышленного отхода.

Если основные показатели для Центрального промышленного и Северо-западного торгово-промыслового районов составляли сам-2 и сам-3, то для Центрального земледельческого района мы имеем в целом общее повышение урожайности, составляющей по ведомостям урожая от сам-3—3,5 до сам-5—сам-6. Почвенные условия определили низкую урожайность в северных уездах Рязанской и Тамбовской губ., северо-западных — Пензенской, западных — Орловской (в пределах сам-3). Это одна из основных причин резкого разрыва между показателями Топографических описаний (относящимися к земледельческим уездам) и данными сводных губернских ведомостей урожаев. Другая существенная причина — резкое колебание урожаев по годам, особенно характерное для южных губерний этого района с их более поздним освоением. Такого рода непрерывные колебания очень ярко выступают по Воронежской губ., для которой имеется сравнительно большое число ведомостей, причём урожайность меняется почти каждый год. По Воронежской губ. общий уровень урожайности определялся в первую очередь главными хлебами — рожью и овсом, к кото-

рым прибавлялась гречиха, получавшая в этом районе большое значение в яровом клине, и особенно дающее обильные урожаи просо. Сравнительно низкие показатели по Курской губ., возможно, относятся за счёт однодворческих хозяйств, которым Топографические описания и губернаторские донесения дают неблагоприятную хозяйственную характеристику. Рожь, гречиха и просо представляются наиболее устойчивыми по урожайности культурами в Тамбовской губ. Резкие колебания особенно сказывались на яровых культурах. Из трёх лет (1787—1789) имел место общий недород в 1787 г., когда по всем культурам было собрано лишь сам-1,5; в 1789 г. такое положение повторилось для основных яровых культур: пшеница дала урожай сам-2, овёс ещё меньше, но этот дефицит в известной степени компенсировали греча и просо.

По Курской губ. урожай ржи оставался в целом устойчивым и только в 1783 г. снизился до сам-2,5, но основная яровая культура — овёс и в 1793 г. и в 1795 г. дал урожай меньше чем вдвое, по пшенице в 1793 г. едва собрали посеянные семена и эта убыль также была покрыта в основном за счёт гречихи и проса. Аналогичное положение в 1787 и 1795 гг. наблюдалось по Орловской губ.

Очевидно, более позднее земледельческое освоение южных районов сказалось, в частности, в более позднем приспособлении к новым климатическим условиям состава культур: рост посевов южных культур — гречихи, проса, полбы — в этом районе, характеризующий именно самый конец 1780-х и 1790-е годы, следует за указанными частичными недородами 1780-х годов. В то же время не исключена возможность наличия известной тенденциозности в показаниях размеров урожая по этим губерниям. В частности, даже повторные дефицитные урожаи не снижают роста посевов в этих губерниях. На эту мысль наталкивают, в частности, более высокие показатели по северным или по сибирским губерниям, где такой заинтересованности в заниженных показателях не было.

Позднее земледельческое освоение сказалось и в украинских губерниях, хотя здесь наши данные значительно более скудны. Наиболее показательны в этом отношении данные Киевской губ. За 1780-е годы мы имеем данные по 1784 (неполные) и 1785 гг. Поскольку размеры посевов едва ли дали существенные изменения между 1784 и 1785 гг., то общую урожайность можно определить в сам-1,7, а для яровых и того менее. Из трёх урожаев 1790-х годов урожай 1794 г. составил всего сам-1,5, по пшенице не были собраны даже семена, а овёс и гречиха дали лишь ничтожный избыток против посева.

Аналогичные резкие колебания урожая и большое число недородных лет показаны и в восточном районе, прежде всего на богатых чёрных землях Симбирской и Уфимской губ. По первой мы имеем со значительным перерывом 2 урожая:

сам-2,5 в 1785 и 1793 гг., в 1786 г. — несколько более сам-2, за 1787, 1789 и 1795 гг. — сам-1,5. По Уфимской губ. за 1785—1787 и 1794 гг. даны урожаи сам-2 или немного больше, а 1789 и 1795 гг. отмечены и здесь резким недородом по яровым культурам при сравнительно устойчивом, но более чем умеренном урожае ржи — около сам-2; особенно резким был недород 1795 г. Относительно большей устойчивостью сравнительно высоких урожаев отличается только Саратовская губ. — в основном на правобережье Волги, — примыкающая к южному чернозёмному району.

В основном, по-видимому, и в восточном районе сказываются те же причины, что и на Юге, даже ещё в более резко выраженной форме, — неприспособленность культур к летним засухам, наносящим тяжёлый ущерб хлебопашеству. Эти колебания оказываются значительно более резкими, чем в старых районах давнего освоения, где земледелец был более приспособлен к природным условиям и хлебопашество в целом, будучи менее рентабельным, оказывалось более стабильным.

Но, отмечая эти специфические моменты, надо сказать, что по стране в целом *районирование урожайности по культурам зависело также от значения той или иной культуры в районе и соответственно от тщательности её возделывания*. Так, в отношении ржи мы имеем сравнительную однородность показателей как для Центрального промышленного и Северо-западного районов, так и для Центрально-чернозёмного земледельческого и для восточного, с более заметным повышением лишь по Воронежской губ., и в то же время довольно значительное и стабильное повышение не только в прибалтийских губерниях (до сам-5—6), но и в крайних северных — Олонецкой и Архангельской (также сам-5—6) и в сибирских — Тобольской и Иркутской губ. (сам-4—5). Другая основная общероссийская культура — овёс — даёт, пожалуй, даже некоторое снижение средней урожайности в чернозёмных районах, уступая ведущее значение другим яровым культурам. Зато заметно повышается его урожайность в районах развитого скотоводства, где он, очевидно, привлекает к себе особое внимание. Таковы Ревельская губ. на западе, Рязанская, Воронежская и Харьковская — на юге, Саратовская — на юго-востоке. Ячмень, теряя своё значение с продвижением к югу, не даёт особых отклонений в урожайности, несколько выделяясь только в Архангельской и в прибалтийских губерниях; единичные более высокие урожаи в губерниях Центральной чернозёмной полосы не дают оснований для каких-либо более общих выводов. Относительное единообразие данных об урожайности пшеницы обусловлено, видимо, более тщательной обработкой небольших посевов пшеницы в более северных районах. Что касается гречихи, то её посевы продвигались на севере в основном не далее Калуж-

ской, Смоленской и белорусских губерний, но давали в основном более высокие урожаи — до сам-4, сам-5 и выше — лишь в южной полосе, главным образом в Курской, Воронежской и Харьковской, Пензенской и Саратовской губ. Исключительно чернозёмной полосе, южным и восточным губерниям принадлежит культура проса, обеспечивавшая, однако, полную норму урожая только по Воронежской губ. (сам-20 — сам-40).

При сопоставлении приведённых материалов с опубликованными данными урожайности за 1883—1887 гг. оказывается близкое совпадение этих последних показателей с данными Топографических описаний XVIII в., с некоторым превышением против расчётных данных ведомостей посевов и урожаев, главным образом по южным чернозёмным губерниям [1].

6. Недороды

С вопросом урожайности непосредственно связан вопрос о недородах. О недороде по отдельным губерниям, особенно в районах нового сельскохозяйственного освоения на юге и на востоке, имеются многочисленные сведения. Но указания литературы на общие повсеместные недороды, охватившие всю страну в 1766—1767 гг. и в 1787 г., с их решающим влиянием на состояние хлебного рынка России вызывают серьёзные сомнения. В известной работе Словцова «Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России» таких общих неурожаев не значится, а неурожай 1765—1767 гг. отнесён только к Смоленской губ., всего же указано менее двадцати частных неурожаев по отдельным губерниям России за полстолетия [2]. Между тем П. И. Лященко в своей работе «История народного хозяйства СССР» (т. I) и в упоминавшейся специальной статье прямо ссылается на эти недороды, связывая с ними своё заключение об общем упадке сельского хозяйства России в XVIII в.

Основным источником для характеристики недорода 1765—1767 гг. явились материалы Сенатской анкеты 1767 г., уже не раз упоминавшиеся [3]. Эти материалы были в своё время тщательно изучены акад. Б. Д. Грековым, который уже показал, что, в частности, на чернозёмную земледельческую Воронежскую губ. (в её старом составе) это утверждение о сильном повсеместном неурожае распространено быть не может [4].

Для правильного понимания того обширного материала, который явился результатом начатого Сенатом обследования,

[1] См. «Статистика Российской империи», т. IV. Средний урожай в Европейской России за пятилетие 1883—1887, стр. 2.

[2] См. сб. статистических сведений о России, кн. III, Спб. 1858, стр. 470.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. I—VI.

[4] См. *Б. Д. Греков*. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—28 гг., вып. 35, Л. 1929, стр. 39—104.

необходимо учитывать причины, вызвавшие анкету, и те задачи, которые ставились анкетой перед местными властями, её специфическую направленность. Анкета была вызвана хлебной дороговизной, значительным ростом хлебных цен на протяжении 60-х годов, когда цены на хлеб в промышленных районах Центра, Северо-запада и Севера возросли за 5 лет в 2,5—3 раза. Она требовала от местных властей выяснения причин растущей дороговизны. При этом сама Сенатская анкета в качестве первой возможной причины указывала недород.

Представляет значительный интерес свести воедино всю сумму указаний ответов на Сенатскую анкету и подвергнуть их рассмотрению в целом. При этом обнаруживается прежде всего определённая последовательность, можно сказать, закономерность в территориальном распределении этих указаний. По признаку «недорода» в анкетных данных отчётливо выявляются три района, по которым распределяются провинции и уезды Европейской России: в I районе решительно преобладают указания на недород, во II районе эти указания носят явно случайный характер, и район представляется безусловно благополучным по обеспеченности хлебом; III район занимает промежуточное положение и лишён такой определённой, законченной характеристики.

К первому району относятся Московская, Новгородская, Смоленская и Архангельская губ. (в старых границах).

Обобщая сведения с мест, московский губернатор Юшков объяснял возвышение цен на хлеб прежде всего «от происшедшего от 1762 года в разных местах немалого неурожая, а особенно в 1765 году, в котором за бывшими великими дозжами оного хлеба земледельцы ис поль собрать не успели...» [1] Всего по Московской губ. (в границах до реформы 1775 г.) поступило 46 ответов, из которых 34 ссылаются на недород. Из остальных 12 уездов половина (6) относится к южным: 3 уезда — Тульский, Венёвский, Каширский — позже входили в Тульскую губ., принадлежавшую к Центральному земледельческому району; Переяславль-Рязанский и Михайловский вошли в Рязанскую губ., причём юг будущего Рязанского у. и Михайловский у. считались хлебородными. Кашинский и Бежецкий у. принадлежали к относительно более плодородному району Тверской губ. Из других губерний по Архангельской выделена Галицкая пров. с Унженским, Чухломским и Парфеньевским у. (бассейн р. Унжи и Ветлуги), которые и в дальнейшем выделялись в качестве сравнительно хлебородных районов в составе Костромской губ. Отсутствие указаний на недород в Архангельской пров. вполне может быть отнесено за счёт того, что последняя, так же как и вся Выборгская губ. и Петербургская губ., считалась вообще неземледельческим районом.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. 6, л. 49.

Ответы на Сенатскую анкету 1767 г. о недороде по провинциям и уездам

Указан недород:	Недорода не отмечено:
I РАЙОН	
Московская губ.	
Московская пров. Дмитровский, Клинский, Рузский, Можайский, Верейский, Серпуховский, Коломенский, Звенигородский, М. Ярославецкий у.	Волоколамский, Каширский у.
Ярославская пров. Пошехонский, Романовский, Кинешемский у.	
Костромская пров. Любимский, Судислав и Буй, Кадыевский у.	Костромской у.
Углицкая пров.	Кашинский, Бежецкий у.
Владимирская пров. Муромский у.	Гороховецкий у.
Переяславль-Залесская пров.	Ростовский у.
Юрьевская пров. Шуйский, Луховской у.	
Суздальская пров. (частичный недород)	
Калужская пров. Серпейский, Перемышльский, Воротынский, Лихвинский, Козельский, Зарайский, Пронский у.	Масальский у.
	Переяславль-Рязанская пров. Михайловский у.
	Тульская пров. Венёвский у.
Новгородская губ.	
Новгородская пров. Порховский, Олонецкий у.	
Псковская пров. Гдовский у.	Островский у.
Опочецкая пров.	Устюжно-Железнопольский, Каргопольский у.
Белозёрская »	
Великолуцкая » Торопецкий у.	
Смоленская губ.	
Смоленская пров.	
Дорогобужская »	
Вяземская »	
Рославльская »	
Бельская »	

Указан недород:	Недорода не отмечено:
Архангельская губ.	
Вологодская пров. Тотемский у. Великоустюжская пров. Яренский у. Кевроль, Мезень	Галицкая пров. Унженский, Чухломский у.
Выборгская губ.	
С.-Петербургская губ.	
II РАЙОН	
Белгородская губ.	
Старооскольский, Брянский, Карачевский, Трубчевский у.	Белгородская пров. Обоянский, Валуйский, Курский у. Севская пров. Рыльский, Кромский у. Орловская пров. Мценский, Ново-Оскольский, Чернский, Белевский у.
Воронежская губ.	
	Воронежская пров. Коротоякский, Белоколоцкий, Романовский у. Елецкая пров. Ефремовский, Ливенский, Данковский, Лебедянский у.
Нижнеломовский, Инсарский у.	Тамбовская пров. Козловский, Верхоломовский, Ряжский у.
Касимовский, Елатемский у.	Шацкая пров. Темниковский, Троицкий у.
Киевская губ.	
Слободско-Украинская губ.	
Ахтырская пров. Сумская пров. (неурожай озимых)	Харьковская пров. Острогожская пров. Изюмская пров.
III РАЙОН	
Нижегородская губ.	
Алатырская пров.	Нижегородская пров. Балахнинский, Юрьевецкий, Курмышский у. Арзамасская пров.

Указан недород:	Недорода не отмечено:
Казанская губ.	
Свияжская пров. Цивильский, Чебоксарский, Козьмодемянский у. Пензенская пров. Симбирская пров.	Казанская пров. Уржумский, Яранский, Царевококшайский у. Сызранский у. Петровский у. Вятская пров. Слободской, Котельнический у. Пермская пров.
Оренбургская губ.	
	Оренбургская пров. Уфимский у. Исетская пров. Туринский у.
Астраханская губ.	
	Саратовский у.

Этот район в целом хорошо определён в ответе ряжского воеводы, видимо не лишённого наблюдательности и достаточно осведомлённого: «от Москвы до приморских городов состоит вся страна нехлебородная» [1]. Перед нами как раз тот район, где сельское хозяйство отходит на задний план в условиях развития промышленных и промысловых занятий.

Рассмотренному району решительно противостоит вторая группа уездов, принадлежавшая, по позднейшему определению, к Центральному земледельческому району. По старому административному делению эти уезды составляли в основном Белгородскую и Воронежскую губ., к которым непосредственно примыкали указанные южные провинции тогдашней Московской губ. Ответы отсюда большей частью прямо отрицают наличие недорода в провинции или уезде, а ссылаются на недород в центральных, северных и западных губерниях и усилившуюся скупку хлеба и спекуляцию им. Об отсутствии недорода прямо заявляют ответы из Белгородской, Севской и Орловской пров., а также из Обоянского, Курского, Мценского, Новосильского, Белёвского у. Ответы из Валуйского и Кромского у. говорят осторожно о посредственном урожае, а из Рыльского —

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. № 1651, т. III, л. 271.

о недостатке хлеба и дороговизне. Только 4 ответа из 16 заявляют о недороде, причём по Карачевскому у. недород ржи непосредственно связывается со специализацией на посевах конопли. Брянский и Трубчевский и позднее, подобно Карачевскому, не относились к числу хлебных районов Орловской губ.

Характеристика восточных губерний — Среднего Поволжья и Приуралья — в какой-то мере неопределённая и даже противоречивая. Подчёркнуто хлебное значение Яранского и Царевококшайского у. Свияжской пров., Вятской пров. Казанской губ., Арзамасской пров. Нижегородской губ. О развитии сельского хозяйства прямо говорится в отношении Оренбургской губ. и, в частности, Уфимского у., а также в отношении Исетской пров. О заведении хлебопашества вновь и распашке целинных степей говорится для Петровского у. Симбирской пров. и для примыкающего с юга Саратовского у. Астраханской губ. В целом здесь нет особой речи о недороде, но не определился ещё и характер хлебного рынка. Сельскохозяйственное значение района — ещё в будущем.

Из этого первичного беглого обзора анкетных данных вытекает прежде всего, что вопрос о недороде как широком стихийном бедствии на основе ответов с мест должен быть во всяком случае ограничен одним первым районом, охватывающим центральные промышленные (по позднейшему определению), северные и северо-западные губернии. Однако и в пределах этого уже существенно ограниченного района заявления о недороде оказываются весьма условными и относительными в свете всей суммы конкретных показаний.

Прежде всего в ряде случаев заявления о недороде или неурожае имеют, очевидно, в виду вообще низкий урожай, его крайнюю недостаточность, а не какое-то исключительное стихийное бедствие. Так, клинский воевода, заявляя о недороде, тут же указывает урожай сам-2 — сам-3 [1], что согласно целому ряду показаний было довольно обычным урожаем для значительной части Центрального промышленного района. Ответ из Порховского у. указывает даже урожай сам-3 — сам-4 [2].

При этом недород сплошь и рядом ограничивается каким-то определённым годом, порой оказывается уже в прошлом. Так, например, по Любимскому у. недород указан в 1764 г. «от дождей» [3], в Волоколамском — только в 1766 г. [4], в Романове на Волге — для 1765 и 1766 гг. [5], по Вяземскому у. — в 1765 г. и особенно в 1766 г., так что в 1767 г., видимо, наступило улучшение, как и по Бельскому у. [6]; о том же говорится по Нижегородской губ. [1]. Напротив, по Шуйскому у. недород связан с особыми условиями 1767 г. [2]

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. II, л. 103.
[2] Там же, л. 184.
[3] Там же, л. 134.
[4] Там же, л. 105.
[5] Там же, л. 181 об.
[6] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. III, л. 200 и 292.

В результате сами местные власти в своих ответах склонны искать других объяснений обозначившегося недостатка в хлебе и связанной с этим дороговизны. Одной из наиболее распространённых является ссылка на плохие почвенные условия, явно относящиеся к общей урожайности района [3]. Не случайно этому сопутствует обычное указание на постоянное пользование привозным хлебом. «Земли сами собою по местным условиям неурожайны, — писал углицкий воевода, — зачем и в прошлых годах без привозного из других мест и городов тамошние обыватели недостаток имели и довольствовались тем привозным» [4]. Наконец, к ссылкам на природные условия прибавлялись указания на причины социально-экономического характера — на растущий по соответствующим районам уход крестьян в промыслы, в торговлю или в чёрные работы [5]. В конечном счёте это положение вынужден был сформулировать в своём ответе и сам московский губернатор Юшков. Признав ограниченность недорода отдельными районами («неурожай не во всех местах был») и в основном только в 1765 г., он в конечном счёте выдвинул на первый план убыль хлебопашцев, связанную с уходом крестьян Московской губ. от земледелия в промыслы: «...действительно работу исправляющих не более половины остается, сколько из того числа взятых к помещикам для услуг в домы, отпущенных для работы по пашпортам... которые крестьяне упражняются не столько земледельством, сколько в своих промыслах». В связи с этим «Москва с ее уездом и Московской губернии большая часть городов более привозным из хлебородных мест нежели своим хлебом довольствуется» [6].

Ещё определённее высказался в этом отношении Сенат в своём заседании 19 октября и особенно в докладе от 4 декабря 1767 г., где указывалось, что особых причин к росту цен в недороде хлеба не видно [7].

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. III, л. 364.
[2] Там же, л. 141.
[3] Там же, т. II, л. 120, 134, 150, 168 и др.
[4] Там же, л. 184, 128 об., 134, 142, 176, 177, 178, 182, 191; т. III, л. 296 и сл.
[5] Что касается ссылки на секуляризацию церковных земель и ликвидацию монастырских хозяйств, как на причину упадка сельского хозяйства, то она прямо противоречит сообщениям того же источника об «умножении пашни» экономических крестьян, об их «укреплении во всякой своей экономике», о пашне «с прибылью». В этих рассуждениях сказались недовольство феодальных кругов этим нарушением основ феодальной собственности и попытка обосновать свои притязания на овладение этими землями. Отражением таких тенденций явились одновременные выступления идеологов дворянства — князя Щербатова, И. Елагина и др.
[6] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. VI, л. 49—50.
[7] ЦГИАЛ, т. I, л. 41—42 и 76—78.

Таким образом, рассуждения о недороде отходят на задний план, и в качестве действительной основы обозначавшейся дороговизны в конкретных ответах с мест последовательно вырисовываются происходившие изменения зернового хозяйства и хлебного рынка — процесс общего экономического развития России с оформлением её территориального экономического районирования, уже отмечавшийся нами на основе других материалов. Ответы показывают, с одной стороны, превращение центрального Московского района со всем «Замосковьем» к северу и к западу в промышленный и торгово-промысловый район, в отношении хлеба не производящий, а потребляющий; с другой стороны, превращение хлебородных южных районов в область товарного земледелия, поставляющую хлеб на рынки промышленного района. Именно этот процесс экономического районирования является вместе с тем непосредственным проявлением и служит важным показателем происходивших в экономике России общих изменений, капиталистических по своему характеру.

Эти свидетельства материалов Сенатской анкеты дополняются аналогичными материалами, собранными генерал-прокурором Вяземским, о закупках и отгрузках хлеба из отдельных районов страны к Петербургу, а также к Москве в 1765 и 1766 гг. [1] В деле содержатся многочисленные данные о крупных партиях хлеба, отправляемого из уже указанных нами хлебных районов по р. Оке, главным образом от пристани в г. Орле (около 100 000 четв.), из Тульской губ., о сосредоточении хлебных грузов на Гжатской пристани, о закупках в Нижегородской губ. с сосредоточением грузов на пристани с. Лыскова (свыше 100 000 четв.), в Казанской и Симбирской губ. с отправкой от волжских пристаней. Таким образом, и этими показателями снимается утверждение о сколько-нибудь значительном и тем более повсеместном недороде 1760-х годов.

Второй сильный неурожай с почти повсеместным голодом П. И. Лященко связывает с 1787 г. [2] На 1786—1788 гг. приходится и деятельность особой Комиссии о хлебе [3]. О голоде 1787 г. сообщал и современник — дворянский публицист М. М. Щербатов [4]. По-видимому, трудности с хлебом в эти годы были более значительными, и это нашло своё отражение в относительно резком росте цен на хлеб. Но и в данном случае материалы Комиссии отмечают главным образом трудности с поступлением хлеба в Петербург и частью в Москву и связывают их с рез-

[1] ЦГАДА, ф. 249 (Канцелярия генерал-прокурора), д. 6444, 1766 г., л. 649—781.

[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 15, 1945 г., стр. 118.

[3] См. Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 411, 412, 413. («Об отвращении недорода в хлебе»).

[4] «Рассуждение о нынешнем в 1787 г. почти повсеместном голоде в России...» см. *М. М. Щербатов*, Соч., т. II.

ким вздорожанием хлеба и некоторыми местными затруднениями. Так, плохие урожаи — сам-1,5 и сам-2 — зарегистрированы в эти годы на юге — в Воронежской и Тамбовской губ., на востоке — в Симбирской и Уфимской. Но в то же время по ряду губерний отмечаются в эти самые годы вполне хорошие урожаи. Таковы сведения по обеим белорусским губерниям — Полоцкой и Могилёвской и по губерниям Орловской и Саратовской. По ряду губерний отсутствуют данные за 1787 г., но сведения за смежные годы благоприятные: так, по Харьковской и Черниговской губ. показаны хорошие урожаи за 1785 и 1786 гг., по Костромской и Владимирской — за 1788 г.; в самой Воронежской губ. 1785, 1786 и 1789 годы были вполне благополучными [1]. Таким образом, недород 1787 г. во всяком случае не был длительным явлением. В то же время в делах Комиссии о коммерции имеются многочисленные данные о больших закупках и отгрузках хлеба в Петербург в эти самые годы из прибалтийских губерний и специально из Казанской и Вятской губ. Нет упоминаний о каком-либо недороде и в «Обозрении Нижегородской губернии», датированном 1787 г. [2] Очевидно, и здесь единственным серьёзным показателем остаётся рост дороговизны хлеба. Как показывает приложенная ведомость движения цен на хлеб с конца 1770-х до 1790-х годов [3], для ряда мест отмечается более резкий скачок между 1785—1787 гг. Но в целом процесс резкого увеличения цен продолжался с отдельными временными колебаниями в течение всего десятилетия, заметно усиливаясь скорее на рубеже 1790-х годов и составляя за всё десятилетие увеличение в 2—2,5 раза. Таким образом, и в этом увеличении цен на хлеб определённую роль играло прежде всего общее развитие хлебного рынка.

Как видно из анализа материалов, общий недород в XVIII в. представляется исключительным явлением. Неурожаи, как правило, имели местный характер и чаще отмечаются в районах нового освоения. Доказательством общего упадка сельского хозяйства эти данные служить не могут.

7. Обеспеченность хлебом по районам

В основе формирования хлебного рынка лежало, как уже отмечалось, прежде всего, *районирование зернового хозяйства*, определённое *территориальным разделением труда и отражавшее развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве*. При этом, если материалы Сенатской анкеты 1767 г. относились к первому этапу оформления этого процесса, причём

[1] См. Приложение II, Ведомость посевов и урожаев по губерниям.

[2] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 487.

[3] См. Приложение IV, табл. II.

характеризовали его как явление недавнего прошлого, не более 20-летней давности, то в последней четверти века это районирование приобретает вполне осязательные формы, отчётливо отразившиеся в ведомостях посева и урожая. Самое поступление этих ведомостей в порядке губернаторских отчётов было непосредственно вызвано необходимостью выяснения состояния хлебного рынка с одновременным установлением состояния хлебных цен на местах.

В этой же связи ведомости урожаев сопровождались обычно определением размеров местной потребности и выведением общего зернового баланса по губернии. При этом исчисление потребности слагалось из двух элементов: а) посевного материала, определявшегося в размере посева предшествующего года, и б) продовольственной потребности, исчислявшейся, как правило, в размере 3 чтв. на едока в течение года с включением расхода на корм скота[1]. Отступление от этого расчёта встречается в северных губерниях, где эта норма снижалась в губернаторских расчётах до 1,5—2 чтв. с ссылкой на дополнительное потребление ягод, грибов и пр.; возможно, учитывалось и потребление рыбы, тогда как в земледельческих районах зерно было основным видом продовольствия. Полагаем, что аналогичное снижение нормы возможно и в восточных скотоводческих районах, где продукты скотоводства играли крупную роль, прежде всего в потреблении кочевых народов. Местами и здесь, в частности в области волжского рыболовства, в Симбирской губ., известное продовольственное значение приобретало и рыболовство. Сведение этих материалов в общей сводной таблице даёт возможность подвести известный итог всему развитию хлебопашества за вторую половину XVIII в., отражённому в состоянии хлебного баланса страны. При этом, учитывая, с одной стороны, указанный выше значительный рост посевных площадей за 80-е и 90-е годы, с другой — рост населения от IV до V ревизии, целесообразно составить раздельно расчёты для 1780-х, 1790-х и 1800-х годов. Для 1800-х годов могли быть использованы данные работы Е. Зябловского «Землеописание Российской империи». Надо только отметить, что сам Зябловский применял без каких-либо оговорок и обоснований совершенно произвольный расчёт потребности, значительно пониженный против принятой в губернаторских донесениях XVIII в. и резко колеблющийся по отдельным губерниям, в силу чего он показывает явно завышенные товарные остатки или скрадывает фактический дефицит. Возникает впечатление, что эти расчёты имеют непосредственной целью создать картину общего благополучия на хлебном рынке. По-видимому, эта тенденция присуща самим

[1] Об этой расчётной норме см. *П. И. Кеппен*, О потреблении хлеба в России, Спб. 1839, стр. 3.

губернаторским донесениям начала XIX в. Соответственно для начала 1800-х годов в основу таблицы положены данные посева и урожая, приведённые Е. Зябловским для 1802—1804 гг., размер же продовольственной потребности исчислен по общей норме в 3 чтв. на душу, сохраняя численность населения по данным V ревизии (1797 г.). На этой основе и составлена таблица «Обеспеченности или недостатка хлеба по губерниям».

По данным таблицы, отчётливо выступают районы с дефицитным хлебным балансом, нуждающиеся в привозном хлебе, и районы с товарными излишками хлеба. К первой группе относится прежде всего Центральный промышленный район, по которому общий недостаток хлеба достигал в 80-е годы 5—6 млн. чтв., а в начале 1800-х годов — 4 млн. чтв. Надо отметить, что фактический недостаток должен быть ещё значительно выше, поскольку в расчёт не принят значительный приток постороннего населения для промысловых и торговых занятий, особенно в Москву, население которой в зимние месяцы возрастало на 150 000—200 000 человек; значительный приток сезонного населения связан был также с извозным промыслом и с работой на судах, следовавших по Оке и Волге.

Аналогичное положение сложилось и в Северо-западном районе, где общий недостаток хлеба несколько снижался к концу века только за счёт Смоленской и Псковской губ. Что касается Петербургской губ., то здесь, как и в отношении Москвы, совершенно не учтён огромный приток пришлого населения — работных людей, ремесленников и торговцев, а также работников на речных и морских судах, значительно увеличивавших потребительский расход зерна, а также фуража для лошадей. В силу этого вывод об излишках хлеба по Петербургской губ. и по району в целом к концу XVIII в. представляется более чем сомнительным.

Определённый недостаток хлеба налицо и в северных губерниях. Мы воздержались, однако, от определения его фактического размера, так как последний в значительной мере зависит от той потребительской нормы, которая будет принята за основу исчисления. Кроме того, в отличие от Центрального промышленного и Северо-западного районов, где местный отход имеет главным образом внутригубернский или внутрирайонный характер (в Москву, на мануфактуры Владимирской губ.), а с внегубернским отходом связан приток нового неучтённого населения в промышленные центры, в северных губерниях большую роль играет внегубернский отход (в частности, к Петербургу), ведший к сокращению внутреннего потребления хлеба.

Другую группу составляют районы с производством товарного хлеба. Сюда относится в первую очередь Центральный

Обеспеченность или недостаток хлеба по губерниям в 1780-е, 1790-е и начале 1800-х годов

(в тыс. чтв.)

Наименование губерний	Население в тыс. душ обоего пола	Потребность: продовольственная	Потребность: на посев	Потребность: всего (в округлённых величинах)	Средний урожай	Товарные излишки	Недостаток (в округлённых величинах)
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Центральный промышленный район:							
Московская:							
а	859	2577	700	3300	1300—1400	—	ок. 2000
б	935	2805	1100	3900	2500		1400
в		2805	1300	4100	3500		500—600
Владимирская:							
а	892	2676	1200	3900	2500—3200		700—1400
б	915	2745	1200	4000	2500—3200		800—1500
в		2745	1300	4000	3200—3800		200—800
Калужская:							
а	793	2379	700	3000	2500—2900		до 500
б	765	2295	900—950	4000	2800—3100		до 100
в		2295	1000	4300	1500—(неур.)		(1500)
Костромская:							
а	839	2517	700	3200	1500		1700
б	810	2430	950	3400	1800		1600
в		2430	1000	3400	3000		400
Ярославская:							
а	767	2301					
б	760	2280	1000	3300	1500		1400
в		2280	1100	3400	2400—2800		600—1000
Итого:							
а	4650	12450	4000	15400	9800—11000		5000—6500
б	4685	12555	5150	17700	11500—12500		5000—4000
в	—	12555	5700	18000	14000	—	3000—4000
2. Северо-западный торгово-промысловый район:							
Тверская:							
а	928	2784	1300	4100	2800—3000	—	1000—1300
б	990	2970	1400—1500	4400—4500	3400—3800	—	600—1000
в		2970	1600	4500	4000	(380) [a]	500
Смоленская:							
а	896	2688	1400	4100			
б	905	2715	1400	4100	3200		900
в		2715	1800—2000	4500—5000	5400—6600	1000—1500	—
Псковская:							
а	588	1764	600	2400	1200		(1200)
б	620	1860	1300	3100	3600	(500)	
в		1860	1300	3100	3500	400 (1000) [a]	
Новгородская:							
а	598	1794	400	2200	900—1200		1000—1300

[a] В скобках приведены показания излишков по работе Е. Зябловского.

Примечание. Для 1780-х (а) и 1790-х (б) годов использованы соответственно данные ведомостей посева и урожая из Приложения II; численность населения для исчисления продовольственной потребности взята соответственно по материалам IV ревизии (Герман), и V ревизии (Ден). Для начала 1800-х годов использованы данные посева и урожая Е. Зябловского; численность населения — по V ревизии. В скобках без сносок даны расчёты, вызывающие некоторые сомнения.

Наименование губерний	Население в тыс. душ обоего пола	Потребность			Средний урожай	Товарные излишки	Недостаток (в округлённых величинах)
		продовольственная	на посев	всего (в округлённых величинах)			
1	2	3	4	5	6	7	8
б	615	1845	до 600	2500	1600—1800		1000
в		1845	700—800	2600	2000	(200—300)[в]	600
Петербургская:							
а	358	1074					300
б	380	1140	350	1500	1100		400
в		1140	780	2000	до 2400	Излишек	
Итого:							
а	3368	10104	(4000)	14100	(9000—9500)		3500
б	3510	10530	5000—5150	16500	(12000)		3500
в		10500	6500	17000	17300—18500	Излишек (500—1500)	
3. Центральный чернозёмный район товарного земледелия:							
Тульская:							
а	896	2688	1000	3700	4800	1100	
б	900	2700	1500	4200	4000—6300	до 2000	
в		2700	1700—1800	4500	4500—7500	до 2000—3000	
Рязанская:							
а	898	2664	1000	3600	3000—4800	до 1000	
б	900	2700	2000	4700	5000—5500	500—800	
в		2700	1200—1300	4000	4500	500	
Орловская:							
а	993	2979	2000—1700[б]	4600	8000—4500	При хор. урож. до 2000—3000	
б	1000	3000	1600—1700	4600	5000—6000	500—1500	
в		3000	1800	4800	6000—8000	1200—3000	
Курская:							
а	970	2910	700—800	3600	2000[в]	1000—1500	
б	990	2970	1300—1400	4300	4000—6000	до 1500—2500	
в		2970	1500—1600	4500	ок. 4000—7000	до 2500	
Тамбовская:							
а	890	2670	1000—1200	3700	3000—4000		
б	1028	3084	1600	3700	4500—5000		
в		3084	1800	4900	10000		5000
Воронежская:							
а	828	2484	700—900	3200	2000—4000		ур. год до 1000
б	975	2925	1100—1200	4000	3000—5000		ур. год до 1000
в		2925	1200	4100	6000—3000		до 2000
Пензенская:							
а	642	1926	(1100)	(3000)	3000—5000		до 2000
б	690	2070	1500	3500	4000—7000		500—3000
в		2070	1800	3900	5700—7000		800—2000
Итого:							
а	6101	18303	(7000)	ок. 25000	30000		
б	6484	19450	10700	29500	29500—39800		до 11000
в		19450	11100—11300	30000	41000—47000		10000—17000

[б] Снижение с 1783 г. размера посева.
[в] Урожай сам-3.

Продолжение

Наименование губерний	Население в тыс. душ обоего пола	Потребность			Средний урожай	Товарные излишки	Недостаток (в округлённых величинах)
		продовольственная	на посев	всего (в округлённых величинах)			
1	2	3	4	5	6	7	8
4. Приволжский район:							
Нижегородская:							
а	831	2493					
б	840	2520	1100—1200	3600	2400—2800	—	800—1200 (500)
в		2520	1500	4000	3500—5000—6000	до 1000—2000	—
Казанская:							
а	782	2346					
б	825	2475					
в		2475	1400—1500	4000	3000—4500	(до 500)	
Симбирская:							
а	757	2271 (1500)[г]	900—1000	3200 (2400)[г]	1600—2200		
б	810	2430 (1620)[г]	1200—1300	3600 (3000)[г]	1600—3100		
в		2430 (1620)[г]	1200—1300	3700 (3000)[г]	2500—3500		500 и более
Саратовская:							
а	(668)	2004					
б	804	2412	900—1000	3300	3300—3400		
в		2412	2200	4600	3500—7700	до 3000	до 1000
5. Приуральский район:							
Вятская:							
а	830	2490 (1660)[г]					
б	920	2760 (1840)[г]					
в		2760 (1840)[г]	1500	4260 (3340)[г]	4000	(до 500—600)[г]	
Пермская:							
а	855	2565 (1710)[г]					
б	890	2670 (1780)[г]	700—800	3500 (2500)[г]	2200—2700	—	—
в		2670 (1780)[г]	800	3500 (2500)[г]	1600—2600		
Уфимская (Оренбургская):							
а	596	1788 (1190)[г]	550—400	2250 (1750)[г]	1100—1200		500—600
б	700	2100 (1500)[г]	1200—1400	3300 (2800)[д]	2000—3000		до 500—700
в		2100 (1500)[г]	1200	3300 (2700)[г]	3300—4000		
Итого:							
а	2281	6843 (4562)[г]					
б	2510	7530 (5120)[г]	(3500)	11000 (8600)[г]			
в		7530 (5120)[г]	3500	11000 (8600)[г]	7600—9700		
6. Северный промысловый район:							
Вологодская:							
а							
б	580	1680	425	2184	1610	—	500
в		1680	500	2200	1650		

[г] В скобках дан расчёт по пониженной потребительской норме в 2 чтв. на душу, исходя из крупной роли скотоводства по району, а также рыболовства.

[д] Пониженный урожай.

Продолжение

Наименование губерний	Население в тыс. душ обоего пола	Потребность			Средний урожай	Товарные излишки	Недостаток (в округлённых величинах)
		продовольственная	на посев	всего (в округлённых величинах)			
1	2	3	4	5	6	7	8
Олонецкая:							
а	213	629 (320) [e]					
б	205	615 (310) [e]	110	725 (420) [e]	400		
в		615 (310) [e]	120—150				
Архангельская:							
а	175	525 (260) [e]					
б	169	507 (255) [e]	60	567 (315) [e]	260		
в		507 (255) [e]	65	570 (320) [e]	288		
Итого:							
а	968	2904 (2260) [e]					
б	954	2862 (2245) [e]	595	3417 (2840) [e]	2270		
в		2800 (2250) [e]	700	3500 (2950) [e]	2300		

[e] В скобках дан расчёт по пониженной норме потребления хлеба 1,5 чтв. на душу согласно расчётам губернаторских донесений по этому району.

земледельческий район, по которому товарные излишки уже в 1780-е годы достигали 4 млн. чтв., в 1790-е годы при хорошем урожае превышали 10 млн. чтв., а к началу XIX в. исчислены даже в 17 млн. чтв. При этом главная роль принадлежала Тульской и Орловской и в особенности Воронежской и Пензенской губ., по которым отмечается усиленный процесс сельскохозяйственного освоения в рассматриваемый период. Заметно отстают, особенно в начальный период, Курская и Тамбовская губ., но при этом необходимо учитывать неполноту данных за эти периоды и потому зависимость конечного расчёта от данных неурожайного года. Вместе с тем, особенно для южных районов, характерна вообще крайняя неустойчивость урожаев, в силу чего урожайный год с товарным излишком в 1 млн. или 2 млн. чтв. хлеба сменяется чуть ли не дефицитным годом в случае неурожая.

Эти черты характерны и для растущего нового сельскохозяйственного района в Среднем Поволжье. По Казанской губ. имеются конкретные показатели лишь для начала XIX в., при этом за три отчётных года колебания составляли от 500 000 чтв. товарного излишка до 1 млн. чтв. дефицита. Ещё резче амплитуда колебаний для Саратовской губ. Мы отмечали уже выше крайнюю неустойчивость урожаев по Симбирской губ.; даже при исчислении потребностей по пониженной норме, что для Симбирской губ. менее обосновано, данные Зябловского показывают колебания от дефицита к небольшому товарному избытку. Такая неустойчивость губернских балансов исключает возможность сводного расчёта по району, хотя периодические довольно крупные товарные излишки, особенно к концу рассматриваемого периода, для данного района несомненны.

Последним является Приуральский район. О Вятской губ. мы располагаем только данными Зябловского о посеве и урожае; при применении пониженной нормы потребления они дают избыток до 500 000—600 000 чтв. Дефицитность Уфимской губ. выравнивается лишь к концу этого периода. Определённый дефицит имеется по Пермской губ., где применение пониженной нормы потребления вызывает определённые сомнения ввиду большого удельного веса заводских работных людей в районе. Однако согласно сведениям источников налицо значительное перераспределение хлебных ресурсов в пределах самой губернии.

Неполнота сведений и неустойчивость границ, затрудняющие расчёты, не позволили нам включить в таблицу прибалтийские и белорусские губернии. Сведения относительно первой группы говорят о хорошем состоянии хлебопашества и о систематическом вывозе хлеба из района, в частности и в Петербург в период затруднений с поступлением хлеба с Волги. Губернаторские донесения определяют товарные из-

лишки хлеба по белорусским губерниям в 500 000—700 000 чтв. для каждой, однако исходят при этом из расчёта потребительской нормы в 2,5 чтв. на душу (менее устойчивые для Полоцкой губ.)[1].

Что касается украинских губерний, то в XVIII в. они ещё не включились органически в систему всероссийского рынка, а местное винокурение даже требовало привозного хлеба из смежных губерний Центрального земледельческого района.

Сравнительные данные по десятилетиям наглядно показывают влияние отмеченного выше расширения хлебопашества и увеличения посевных площадей на общее состояние хлебного баланса. Правда, для центральных и северо-западных нехлебородных губерний первые годы XIX в. относятся как раз к благополучным в отношении урожая хлебов, дав в среднем по этим губерниям урожай сам-3. Особенно выделяются в этом отношении в силу резкого увеличения посевов в первую очередь Московская и Петербургская губ., где посевы возросли вдвое, так что по Петербургской губ. без учёта пришлого населения получается даже определённый расчётный излишек хлеба. В хлебных районах, и прежде всего в Центральном земледельческом районе, налицо стремительный рост товарных излишков хлеба, достигавший уже в 1790-е годы 11 млн. чтв. при хорошем урожае и продолжавшийся в начале XIX в. Та же тенденция отмечается и в Среднем Поволжье, где сохраняются, однако, уже отмеченные резкие колебания урожайности, недороды, постигающие здесь отдельные губернии. Эти моменты характерны и для вступающих в строй к началу века южных степных губерний — Степной Украины и Юго-западного района Правобережной Украины, о чём наглядно свидетельствуют данные уже упоминавшейся работы Словцова.

Эволюция хлебного баланса, рост товарных излишков находит своё отражение в первой половине XIX в. в стремительном росте как хлебного экспорта, так и промышленной переработки зерна в винокурении.

8. Технические культуры

Среди технических культур ведущее место принадлежало *льну и конопле*, обеспечивавшим сырьевую базу как для распространения домашнего прядения и ткачества, так и для быстро растущей текстильной промышленности. В отношении указанных культур экономические описания и ведомости посева и урожая также устанавливают порайонную специализацию, связанную с природными условиями районов. Лён

[1] *ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 766, ч. III, л. 63—66, 155—158, 208—211 и др.*

господствует в северных районах, продвигается далеко на север, широко распространён в Вологодской губ., а также в Олонецкой и даже в южном Шенкурском у. Архангельской губ., где покрывает основную потребность домашнего ткачества местных крестьян, тогда как крайние северные районы довольствуются привозным льном, главным образом из Вологодской губ.[1] Южная граница преобладания льна обозначается достаточно чётко по ведомости посева и урожая: она проходит по южной границе Рижской губ., между Полоцкой и Могилёвской губ. в Белоруссии, севернее Смоленской губ. и южнее Тверской, по северной границе Калужской губ., причём в Московской губ. конопля и лён уже почти уравновешивают друг друга[2]. Такое же положение определилось и дальше на восток, в Нижегородской губ., тогда как в Симбирской губ. уже решительно преобладает конопля. И дальше к востоку граница преобладания льна и конопли проходит по северной границе Уфимской губ. Из южных районов только в Воронежской губ. ведомости начала 1780-х годов дают кратковременное преобладание льна, однако быстро оттеснённого на второй план последовательным распространением конопли, очевидно, в процессе более систематического сельскохозяйственного освоения губернии с более рациональным учётом и использованием местных природных условий.

Ведомости урожая льна учитывают только прибыль льняного семени в урожае, обозначенную для всего района распространения льна умеренной средней цифрой сам-2, редко поднимаясь до сам-2,5 и лишь в белорусских губерниях достигая сам-3. Указания Васькова об урожайности льна в Костромской губ. до сам-4 не соответствуют данным ведомостей посева и урожая. Однако, отмечая такую низкую урожайность льняного семени, надо учитывать, что для льна, как в значительной мере и для конопли, особую ценность представляло волокно и поэтому урожай семени является далеко не полным показателем действительной урожайности, продуктивности этих культур. К сожалению, данные о выходе волокна из льна носят случайный, несистематический характер. По данным Челищева для Шенкурского у. Архангельской губ. и Красноборского у. Вологодской губ., из 1 чтв. льна выходило от 2,5 до 4 пудов волокна, причём на работу одной крестьянки в год издерживалось около 1 пуда[3]. По-видимому, природные условия обеспечивали не только количественно лучшие урожаи льна против конопли, но и получение волокна лучшего каче-

[1] См. *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 139—140, 153 и др.; Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 497, Описание Архангельской губ. и др.

[2] См. табл. удельного веса основных культур по губерниям, стр. 338—339.

[3] См. *П. И. Челищев*, Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 153.

ства. По данным того же Челищева, 1 пуд льняного волокна продавался в 1791 г. в Великом Устюге по 4—6 руб., тогда как пенька — по 2 руб. за пуд.

В качестве центров промышленного льноводства особо выделяются Псковская и Вологодская губ., а также Костромская. По размерам посевов льна Псковская и Костромская губ. стоят на первых местах, причём обращает на себя внимание стремительное расширение посевов льна в Псковской губ. — почти в 2 раза с 1786 по 1793 г. (по Костромской губ. данные за 1790-е годы отсутствуют); в то же время урожайность за 1793 г. составила сам-2,5, что является одним из наиболее высоких показателей для льна [1].

Псковская губ. была одним из главных поставщиков льна для Центрального промышленного района с его развитой полотняной промышленностью. Специализацию сельского хозяйства Псковской губ. на посеве льна за счёт сокращения хлебопашества отметили уже ответы на Сенатскую анкету 1767 г.; так, по Островскому у. сообщалось: «Здешние обыватели земли больше того, что б надлежало под посев ярового оставить, употребляют под посев льна, который тамошнему купечеству к доставлению в Нарву продают и за то получают деньги, которыми подушные и другие казенные платят и себя содержат, а кроме того ничего не продают» [2]. Высокое качество псковского льна и получаемой из него пряжи настолько славилось в XVIII в., что семена псковского льна особенно ценились для посева льна в других губерниях. Впрочем, князь Гагарин в инструкции 1763 г. управителю вотчины Екатерины II с. Бобрики с деревнями в Тульской губ. предписывал покупать самые лучшие семена льна к посеву в Суздальском у. Владимирской губ. [3]

Посевы конопли получили главное распространение в более южных черноземных районах. В качестве центров широкого разведения конопляников выделялась Калужская губ., Могилёвская, Смоленская, Орловская, особенно её западные уезды (Карачевский, Трубчевский, Брянский), и смежные с нею восточные уезды Новгород-Северской губ. Урожай конопли в Калужской, Могилёвской, Орловской губ. достигал сам-4. В 1790-е годы значительно возросли посевы конопли и на востоке — в Симбирской, Саратовской и Уфимской губ. В целом конопля в своём распространении заметно опережала лён: к концу XVIII в. общий посев конопли в Европейской России составил свыше 430 000 чтв., посев льна — менее 250 000 чтв. На первом месте по посеву конопли стояла Орловская губ., высевавшая в среднем 90 000 чтв. (свыше 20% всего посева) и

[1] См. Приложение I, табл. II, также Приложение III.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1767 г., д. 1651, т. II, л. 204.
[3] «Журнал землевладельцев» № 23, 1859 г, стр. 303.

собиравшая 300 000—350 000 чтв. — около 1/3 всего сбора конопляного семени. За нею следуют Курская, Калужская и быстро растущие в своём сельскохозяйственном значении восточные губернии — Симбирская и Уфимская. В распространении посевов конопли большое значение должно быть отведено промышленному спросу, связанному, в частности, с быстрым ростом речного судоходства [1], предъявлявшего повышенный спрос на парусное полотно и на канаты и вызывавшего значительное распространение производства парусины и прядильно-канатного производства, особенно характерного для таких морских и внутренних портовых центров, как Архангельск, Нижний-Новгород, Тверь, Калуга и др. Значительный спрос на пеньку предъявлялся и со стороны внешнего рынка, что нашло своё отражение в значительных отгрузках пеньки к портам и определило её удельный вес в общем составе русского экспорта.

Лён и конопля, особенно последняя, играли немаловажную роль и в качестве основных масличных культур. Маслобойное производство получило широкое распространение в центральном районе, главным образом в качестве крестьянского производства. Маслобойки в качестве предпринимательства зажиточного крестьянства имелись в калужской вотчине Голицыных [2]. Топографическое описание Калужской губ. отмечает в самой Калуге 34 маленьких завода и вывоз конопляного масла из губернии [3]. Топографическое описание Владимирской губ. называет 45 «масляных изб» — очевидно, крестьянских предприятий — в Ковровском у. К сожалению, статистический учёт этой отрасли промышленности очень слаб ввиду преобладания в ней крестьянских сельских предприятий небольших размеров.

Для второй половины XVIII в. характерна забота русских агрономов о внедрении новых технических культур, вызванных ростом рыночного спроса и стремлением освободиться от дорогостоящего импорта. Таким образом, интерес русской агрономии к этим вопросам является вместе с тем ещё одним проявлением роста товарности русского сельского хозяйства.

Для конца века характерно *появление и внедрение новых видов масличных культур*. На производство масла поступает прежде всего горчичное семя. В качестве масличных культур проникает с востока кунжутное семя, первые опыты разведения и переработки которого производятся в Поволжье, прежде всего в сельскохозяйственных колониях Саратовской губ. В 1790-е годы Вольное экономическое общество приступило к специальной пропаганде этих культур на страницах своих

[1] См. «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 89—94.
[2] См. «Исторические записки», АН СССР, кн. 4, 1938 г., стр. 127.
[3] См. «Топографическое описание Калужского наместничества», Спб. 1785, стр. 20.

«Трудов», и опыты по их распространению производились в Крыму, в Степной Украине (Екатеринославщина), а затем и в центральной России, главным образом в помещичьих хозяйствах [1]. К концу XVIII в. относится и первое применение семян подсолнечника для маслобойного производства.

В связи с развитием ситценабивной промышленности и зарождением хлопчатобумажного производства, а может быть, и в связи с поисками новых видов маслобойного сырья в Нижнем Поволжье делались первые опыты разведения *хлопчатника,* о чём сообщали Вольному экономическому обществу Фик, Лоренц и Гассе из Сарепты («Сарептские хозяйственные опыты и примечания»), Энгельгардт, П. Паллас (об опытах грека Агафи) [2]. Эти вопросы приобретали особый интерес именно в связи с ростом товарного спроса на внутреннем рынке и стремлением освободиться от дорогостоящего импорта, на что прямо указывают как отдельные записки, так и само Вольное экономическое общество.

Выраженный товарный характер приобрело разведение *табака* на Украине, перенесённого отсюда в конце века и в более южные губернии Приволжского района — в Симбирскую и Саратовскую. Вопрос о разведении табака также ставился в связи со стремлением заменить импортный табак. На это мы имеем прямое указание как в записке Г. Теплова, так и в законодательстве уже за 1767 г. [3]

То же положение отмечено и в вопросе о красителях. Красители приобретали специальное значение в связи с бурным развитием текстильной промышленности. Первоначально, в середине XVIII в., промышленность широко использовала масляную краску в набойке, полностью вытесненную, однако, в конце XVIII в. органическими красками. Но при этом главное значение на первых порах получили импортные краски. По ведомости русского импорта за 1769 г., было ввезено красителей на 861 700 руб., что составляло более 10% всего русского импорта [4]. В то же время кустарное производство пользовалось главным образом природными растительными красителями. Однако последние изготовлялись из собираемых дикорастущих трав.

---

[1] Об опытах с горчицей и производстве горчичного масла в 1793 г. сообщал И. А. Бекетов из-под Царицына и из Астрахани, Бебер — из Екатеринославской губ., Болотов — из Богородицка. Бекетов продолжал систематически информировать об этих опытах в 1794 г., Цыплетев — из Донской области в 1795 г. Об опытах с кунжутом в том же 1793 г. писали генерал-майор Жигулин из Таврической области, Бунге — из Киева, Паллас — из Сарепты об опытах помещика Агафи, Энгельгардт — из Лифляндии, Радич — из Астрахани и др., «Труды ВЭО», кн. 49, 50, 51, 52.

[2] См. «Труды ВЭО», ч. 41, 42, 47, 51.

[3] ПСЗ, т. XVIII, № 12873 от 28. IV. 1767, с приложением ведомости годового привоза табака.

[4] ЦГАДА, р. XIX, д. 260, л. 123, 140, 157.

Известен один опыт промышленного разведения *красителей* — организация специальной плантации купцом Тавлеевым в Пензенской губ. «Фабрика» новоторжского купца Антона Тавлеева с компаньонами была основана в январе 1748 г. и оформлена указом 2 марта 1748 г.; её привилегия сроком на 30 лет была закреплена правительственным указом от 25 ноября 1751 г. [1] с местонахождением в Новоторжском и Пензенском у. Эта фабрика фигурирует и в ведомостях 1761—1763 гг. [2]

Для изготовления красок Тавлеев высевал в Пензенской пров. (дер. Каршпиль и Старые Мячики) специальные травы. Паллас писал о посевах травы вайды и сообщал, что они занимали 500 дес. лучшей пахотной земли, причём травы не были сняты за остановкой завода, но семена были собраны в запас [3]. Тавлеев ещё в 1767 г. подал прошение в Сенат, в котором жаловался на полное разорение. Специальная комиссия дала удовлетворительную оценку оборудования предприятия, но качество краски признала плохим. Сам Тавлеев умер в 1770 г., и его предприятие прекратило существование. Соответствующий указ, фиксировавший его судьбу, аннулировал выданную ему привилегию на 30 лет и разрешил желающим делать брусковую и кубовую краску (синюю) [4].

Особое внимание выявлению красителей, имевших широкое распространение в народной практике, в целях освобождения от дорогостоящего импорта уделили академические путешествия конца 1760-х годов. Паллас в упомянутом сочинении подчёркивал большой спрос на краски и дал описание способа изготовления краски по типу брусковой. В другом месте он отметил распространение дикой морены в селениях самарских казаков в Заволжье [5]. Ив. Лепёхин в «Дневных записках путешествия» отметил в районе Владимирской губ. употребление для крашения холщёвых и шерстяных тканей разных мхов: баранца, зеленика, болотной мозжухи. В другом месте он говорит об употреблении в Среднем Поволжье ольховой коры для крашения в чёрный и в кирпичный цвет, берёзового листа и травы собачки для жёлтого цвета [6]. Академик Фальк отметил значи-

---

[1] ПСЗ, т. XII, № 9487; т. XIII, № 9895.

[2] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, связка 102. Всего в связках 102 и 103 нами установлено было 7 красочных мануфактур. По данным Вл. Бурнашева, на 1761 г. состояло 10 красочных фабрик, в 1770 г. — 16, в 1795 г. — 25 («Очерк истории мануфактур в России», табл. V). По материалам ведомостей Мануфактур-коллегии 1761—1763 гг. все фабрики — небольшого размера, с общим производством от 200 до 500 руб.

[3] См. *П. С. Паллас,* Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, стр. 118—121.

[4] ПСЗ, т. XIX, № 13969 от 8. IV. 1773.

[5] См. *П. С. Паллас,* Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, стр. 120—121.

[6] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. I, стр. 23, 240.

тельное распространение морены на Северном Кавказе [1]. П. Рычков уже в 1767 г. писал в «Трудах Вольного экономического общества» о замене привозной кошенили русским червецом [2].

В ч. V «Академических известий» за 1780 г. опубликовано «Продолжение речи о произведениях российских, способствовавших содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края российских товаров пред покупкою иностранных, говоренной господином академиком А. И. Гильденштедтом» [3]. В речи общий ввоз красителей в Россию расценивался в сумме свыше 500 000 руб. Автор указывал на возможность заменить сандал мореной и червецом, шафран — душицей, брусковую краску — вайдой и т. д. Авторы дают также описания способов использования этих трав для крашения. Топографические описания уделяют значительно меньше внимания этим вопросам.

К концу XVIII в. относятся и первые опыты по организации собственного производства сахара в России. В конце 1780-х — начале 1790-х годов делались первые попытки разведения сахарного тростника в районе Астрахани Бекетовым и греком Агафи, окончившиеся неудачей. В конце XVIII — начале XIX в. эти поиски получили иное разрешение, завершившееся возникновением в России свеклосахарного производства в начале XIX в.

К сожалению, источники крайне бедны соответствующими конкретными данными относительно состояния огородничества и садоводства. Лишь в двух случаях делается попытка конкретно определить размеры огородничества по губернии в целом: ведомость урожая по Тульской губ. за 1795 г. определила общий урожай овощей в 122 452 чтв. [4], одна из ведомостей по Могилёвской губ. (за 1792 г.) указывает соответственно 184 744 чтв. [5] Оба показателя относятся к губерниям центральной полосы. К сожалению, у нас отсутствуют соответствующие конкретные показатели по упомянутым ранее специальным центрам промыслового огородничества. То же относится к бахчеводству на Юге.

Вопрос о посеве картофеля уже стоял в литературе того времени, но практической реализации не получил. В ведомостях посевов и урожаев картофель либо вовсе отсутствует, либо составляет в урожае несколько десятков четвертей, немного больше в Западном районе (Прибалтика, Белоруссия) [6].

[1] См. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, Спб. 1829, стр. 78.

[2] См. «Труды ВЭО», ч. VI, 1767 г.

[3] См. «Академические известия» за 1780 г., ч. V, стр. 19—52.

[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59132.

[5] ЦГАДА, Госархив, р. XVI, д. 766, ч. III, л. 208—211.

[6] Конкретные данные о посевах картофеля по губерниям, сведённые в специальные таблицы, содержит интересная статья В. Лехновича — «К истории культуры картофеля в России». См. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. II, стр. 304—318 и 319—320.

9. Скотоводство и рынок скота

Важнейшей отраслью сельского хозяйства является скотоводство [1].

К петровскому времени историк русского коннозаводства прошлого века Д. Дубенский относил важнейший поворот в правительственной политике, состоявший в свёртывании государственного, точнее — дворцового, коннозаводства и в поощрении частного. При этом Д. Дубенский назвал имена 9 крупных землевладельцев того времени, принадлежавших к высшей придворной знати, из которых у Б. П. Шереметева указал 2 конских завода в Московской губ. [2] Однако в дальнейшем, до середины XVIII в., он называет на территории России (в границах того времени) ещё лишь 3 новых частных завода.

Действительные сдвиги как в количественном росте, так и в постановке вопросов животноводства приходятся на вторую половину XVIII в. К этому времени относится появление значительной литературы по животноводству: по подсчётам М. Лобашева, 23 отдельных издания и 12 периодических [3]. По вопросам животноводства выступает в это время ряд крупнейших русских учёных-агрономов: А. Т. Болотов, М. И. Афонин, П. И. Рычков, И. Лепехин, И. М. Комов, В. Левшин, М. Ливанов.

М. Е. Лобашев к середине XVIII в. числил всего около 2700 заводских лошадей, включая дворцовые конские заводы. При этом к первой половине XVIII в. он относит возникновение всего 7 частных конских заводов с 488 матками, а ко второй половине века — 43 завода (в том числе 19 заводов за последнее пятилетие) с 4033 матками, что в полтора раза превышало всё предшествующее коннозаводство [4]. К сожалению, Лобашев, так же как и Дубенский, на которого он ссылается, не указал принципа отбора предприятий. Конские дворы были обязатель-

[1] К сожалению, и эта отрасль в общей истории нашего сельского хозяйства остаётся мало изученной. В XIX — начале XX в. появилось несколько монографий, посвящённых истории русского коннозаводства. За последнее время мы имели только две специальные работы. При этом исследование В. О. Витта «Из истории русского коннозаводства» (М. 1952) посвящено интересному, но в конечном счёте частному вопросу даже в специальной истории конского хозяйства России — Хреновскому заводу Орловых. «Очерки по истории русского животноводства» М. Е. Лобашева, изданные в 1954 г., ограничились лишь беглым обзором сведений по XVIII в. и интересуются больше специальными вопросами животноводства, уделяя меньше внимания вопросам общей экономики сельского хозяйства, хотя и приводят некоторые сводные данные.

[2] См. *Д. Дубенский*. Исторический очерк развития русского государственного и частного коннозаводства от Московской Руси и до наших дней, стр. 4—5.

[3] См. *М. Е. Лобашев*, названное сочинение, стр. 77—78.

[4] См. там же, табл. на стр. 32—33.

вой принадлежностью каждого помещичьего хозяйства, и их общее число было значительно бо́льшим, но, конечно, не все они могли быть отнесены к разряду конских заводов.

Специальный исследователь русского коннозаводства В. О. Витт насчитывал около 20 частных конских заводов в середине XVIII в., а в 1814 г. — 1339 заводов с 22 146 жеребцами и 221 581 матками. Таким образом, он также относит основной рост коннозаводства ко второй половине XVIII в. и устанавливает значительный размах этого роста[1].

В то же время и здесь отсутствует дифференциация между собственно коннозаводческими предприятиями специального типа и тем, что было бы вернее назвать конскими дворами, отвечавшими внутренним нуждам вотчины или прихотям её владельца.

Данные Топографических описаний и Экономических примечаний, к которым мы обращались не раз в отношении ряда вопросов организации сельского хозяйства, также мало помогают в этом вопросе. В них явно проведён определённый отбор и обычно указывается ограниченное число частных конских заводов — от нескольких единиц, особенно в неземледельческих районах, до нескольких десятков на уезд, большей частью с оговоркой «мелкие». Но при этом бросаются в глаза резкие расхождения между отдельными источниками и прямые противоречия, говорящие всё о той же неясности принципов отбора. Так, в Топографических описаниях наместничеств Центрального промышленного района только по Московской губ. имеется указание на 10 конских заводов, из них 8 в Звенигородском у. В то же время губернские «табели» Экономических примечаний к Генеральному межеванию указывают 6 заводов в Ярославской губ. и по одному в Калужской и Костромской. Что касается Владимирской губ., то здесь находились 4 государственных завода. В Северо-западном районе конские заводы показаны в Тверской и Смоленской губ., причём, если по Смоленской губ. показания Топографического описания (9 заводов) и губернских табелей (10 заводов) примерно совпадают, то по Тверской губ. снова оказывается значительный разрыв: табели указывают всего 12 заводов, а Топографическое описание — 44, в том числе по Кашинскому у. — 14, по Ржевскому — 13, по Краснохолмскому — 6 и т. д. При этом в большинстве случаев описание добавляет «небольших», в отдельных случаях даёт размер конского поголовья — менее 20 штук на «заводе», только на одном зубцовском и одном старицком заводе указано по 140—150 лошадей.

Значительно возрастает число заводов по мере продвижения в чернозёмный район и особенно к степной окраине. Согласно губернским табелям, в Рязанской губ. указано 12 конских заво-

[1] См. *В. О. Витт*, Из истории русского коннозаводства, стр. 11.

дов, в Тульской 24, в Орловской до 50 (в том числе в Ливенском у. 15, в Болховском 11, в Орловском 9), в Курской 29. Видимо, отсюда заимствовал свою цифру и Ларионов в печатном описании Курской губ.

Особенно большое число заводов падает на самый южный степной район — на украинские губернии Левобережья. По данным Топографического описания Малороссийского наместничества конца XVIII в., здесь числилось 199 конских заводов, 207 заводов рогатого скота и 209 овечьих, содержавшиеся в основном в степных частях района — в будущей Полтавской и частично Черниговской губ.[1] Таким образом, одна эта группа заводов по своей численности значительно превышает число предприятий, приведённое в упомянутой таблице М. Лобашева, причём включает ряд крупных заводов, не упомянутых в списке Д. Дубенского, на котором основаны расчёты Лобашева. Но и состав этих предприятий представляет большие колебания в отношении поголовья. Если по ряду конских заводов здесь числилось от 100 до 250 кобыл, на других 60—80 при 10—20 породистых жеребцах, то наряду с этим имелись заводы, на которых состояло до 20 кобыл.

Среди владельцев крупных предприятий выделяются представители крупной российской и украинской знати — Румянцев Задунайский, Разумовский, Гудович, Безбородко, Завадовский, Потёмкин, Чернышёв и др. Некоторые крупные землевладельцы заводили у себя параллельно все виды «скотских заводов» и создавали однородные предприятия в различных вотчинах района. Иногда у них встречается крупное предпринимательство в этой отрасли и за пределами данного района, как, например, у Румянцева в его нижегородской вотчине с. Чеберчино, где состоял конский завод, «скотские дворы» и 4 овечьих завода, на которых содержалось 2800 овец[2]. На конских заводах указанного района описание подчёркивает разведение породистых лошадей, оцениваемых от 100 до 500 руб. Как указано, в этом районе сосредоточены и крупные заводы рогатого скота и овечьи заводы. Ни те, ни другие почти не упоминаются ни для промышленных и промысловых районов, ни даже для северной части чернозёмного района, для которой характерно господство хлебопашества. Экономические примечания и вотчинная документация предпочитают термин «скотские дворы», отражающий их практический подсобный характер и исключающий момент предпринимательства, товарного назначения. На заводах рогатого скота в степном районе украинского Левобережья числилось по 200—300 голов, а на овечьих — по нескольку тысяч.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18951.

[2] См. его инструкцию, опубликованную М. В. Довнар-Запольским в «Киевских Университетских известиях» № 6, 1904 г. (ч. 7. Инструкция).

Другим районом помещичьего предпринимательского животноводства явилась группа степных южных и юго-восточных губерний Центрального земледельческого района — Воронежская, частично Тамбовская, Пензенская. Здесь во второй половине XVIII в. возникает ряд помещичьих конских заводов, овечьи заводы и «скотские дворы». Среди них на первом месте стоит знаменитый Хреновский завод А. Г. Орлова, основанный, по данным новейшего исследователя В. О. Витта, в 1776—1777 гг. в Бобровском у. Воронежской губ. на специально пожалованной Орлову земле. Под завод было отведено около 30 000 дес. пастбищ, и при нём состояло до 4000 крестьянских дворов, в пользование которых Орловыми было отведено около 20 000 дес. земли. К концу века здесь числилось 500—600 заводских лошадей, а с молодняком — до 3000. Здесь же был создан крупный овечий завод, на котором в начале XIX в. состояло уже до 50 000 овец. Во второй половине XVIII в. Воронежско-Тамбовский район сделался одним из главных центров русской суконной промышленности, предъявлявшей большой спрос на шерсть.

Часть конских заводов возникла в южных уездах Тамбовской и Рязанской губ. Ряд указаний на конские заводы содержат Экономические примечания по Пензенской губ., в частности по Мокшанскому, Инсарскому, Саранскому уездам, главным образом во вновь возникавших крупных вотчинах — у Воронцовых, Долгоруковых, Бахметевых. Пример предпринимательства среднего масштаба в области коннозаводства даёт история вотчин Полянских в Саранском у. Пензенской губ. Развитие их вотчинного хозяйства падает как раз на вторую половину XVIII в. и получает резко выраженный товарный характер. Здесь в 1769 г. по отдельным селениям вотчины было заложено одновременно 5 конских заводов, на которых в конце 1790-х годов числилось уже 446 лошадей, а в 1799—1800 гг. началась их продажа [1].

Менее ясную картину представляет восточный степной район. При наличии здесь широкого местного скотоводства и особенно коневодства мы не имеем данных о помещичьем коннозаводстве в районе. Только Д. Дубенский отмечает здесь 2 конских завода — князя Голицына в Пермском у. и графа Зубова в Екатеринбургском у., но не сообщает о них сколько-нибудь конкретных данных [2].

Работа И. М. Катаева об усольской вотчине В. Г. Орлова ограничивается отдельными указаниями об общем поголовье

---

[1] См. *И. А. Булыгин*, Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 129—131.

[2] См. *Д. Дубенский*, Исторический очерк развития русского государственного и частного коннозаводства от Московской Руси и до наших дней, стр. 20—21.

скота в вотчине. Так, в начале XIX в. здесь числилось от 100 до 229 лошадей; упоминается о покупке 260 быков — очевидно, в связи с введением здесь плужной обработки земли. Но это значит, что быки приобретались в порядке непосредственной хозяйственной эксплуатации, а не для промышленного животноводства.

Большинство помещичьих конских заводов принадлежало к числу мелких и отличалось плохой хозяйственной постановкой. На конском заводе князя М. М. Щербатова в его Ярославской вотчине в с. Михайловском в конце XVIII в. числилось: 21 жеребец, 20 кобыл и 21 молодняка. По ведомости из общего приплода в 19 лошадей 7 были отправлены князю Щербатову в Москву и только одна значилась продажной [1]. В Новосильской вотчине Голицыных с. Голунь в последней четверти XVIII в. были заведены конский, овечий и свиной «заводы», но при этом, по отчётным данным, стоимость содержания одной лошади исчислялась в 30—40 руб., тогда как её продажная цена составляла всего 10—15 руб. [2] Указанная цена говорит о непородистых лошадях обычного крестьянского типа. Из крупных землевладельцев Шереметевы по ведомости 1765 г. имели 4 скотных двора, из которых на одном числилось 12 голов рогатого скота, на другом — 16, по двум другим поголовье не указано, но едва ли оно было большим. Несколько крупнее были конские заводы, причём на конском заводе в с. Вощажникове числилось 110 и в Семьинской вотчине 160 лошадей. В 1796 г. конское хозяйство было сосредоточено в барщинной тульской вотчине Серебряные Пруды, которая служила местом работы для ссыльных крепостных, но доставленные в 1802 г. из вотчины в Москву на продажу 40 лошадей были, по данным вотчинной документации, «в самом черном теле, и шерсть на них как на медведе» [3].

Отметим, что в списки конских заводов, составленные Д. Дубенским, рассмотренные выше «заводы» не вошли. Из списка 22 заводов екатерининского времени (время возникновения Дубенский определял по царствованиям) 7 приходилось на Центральный земледельческий район, в основном на южную степную его часть, 8 — на украинские губернии и 3 — на степной юг — Область Войска Донского и Екатеринославскую губ. (итого 80%). Из 19 заводов, возникших при Павле I, на эти же районы приходится 16 (тоже свыше 80%) [4].

---

[1] ЦГАДА, ф. 1289, д. 674, 1800 г., л. 1—4.

[2] См. *М. А. Казаринова*, Крепостное хозяйство в Тульской губ. в конце XVIII в. (рукопись кандидатской диссертации), стр. 166.

[3] *К. Н. Щепетов*, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 55 и табл. 2 на стр. 289.

[4] Надо отметить, что перечень владельцев конских заводов в книге В. О. Витта не совпадает со списком Д. Дубенского, но он не сопровождается уточнёнными данными суммарного характера.

Прочие отрасли помещичьего скотоводства, кроме отдельных овечьих заводов, почти не получили отражения в источниках и, видимо, не получили настоящей «заводской» организации.

Вынесение основных центров скотоводства в окраинные районы — южный степной, восточный степной и северный вологодско-архангельский — характеризует состояние крестьянского скотоводства. Это районирование, как уже отмечалось, определялось состоянием кормовой базы. В приведённой выше таблице (стр. 323—324) содержатся погубернские душевые нормы обеспеченности сенными покосами, составлявшие для всего старого центра и северо-западного края около 0,5 дес. на 1 д. м. п., или около 1 дес. на крестьянский двор, поднимаясь в окраинных, особенно в степных районах до 3—5 дес. и более на двор. Эти районные различия усугубляются уровнем урожая трав, в свою очередь значительно возраставшим на степном Юге. К сожалению, мы располагаем лишь отдельными данными о сборе сена по отдельным губерниям в ведомостях посевов и урожаев. Тем не менее сопоставление их с общими данными обеспеченности сенными покосами представляет интерес. При сравнении мы исходим из принятых средних показателей сбора сена с 1 дес. — 10 копён, или 100 пудов. Поскольку расчёты сбора даются то в копнах, то в пудах, мы производили перевод из расчёта 1 копна — 10 пудов. Что касается встречающегося иногда расчёта в стогах, то стог приравнивается к 10 возам, или 40 копнам, сена, т. е. к 400 пудам[1]. Приводим сводку этих выборочных данных (стр. 395).

Воздерживаясь от более категорических обобщений, нельзя всё же не обратить внимания на некоторые данные получившейся сводки. Сбор сена по Московской губ. оказался значительно ниже расчётной суммы; то же относится к пограничной Рязанской губ. По Орловской и Тамбовской губ. расчётные и фактические сборы примерно совпадают. Зато в южных степных губерниях Центрального земледельческого района фактический сбор сена временами значительно превосходит среднюю годовую норму. Последнее относится также к Харьковской и Саратовской губ.

Этим определяется и пропорция крестьянского скотоводства по губерниям. К сожалению, и в этом отношении сводные данные чрезвычайно скудны. В большинстве случаев как ответы на анкету Вольного экономического общества, так и Топографические описания ограничиваются определением средней обеспеченности двора, часто без дифференциации по группам и во всяком случае без определения удельного веса отдельных групп, что не даёт основания для определения общей цифры по

[1] См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XXIa, стр. 668—669.

Выборочные данные обеспеченности сеном по губерниям

Название губ.	Обеспеченность сеном		Сбор сена			Источники[а]
	в тыс. дес.	в расчете на тыс. пудов	год	тыс. копён	тыс. пудов	
1	2	3	4	5	6	7
Центральный промышленный район						
Московская	253	25 300	1779— 1781 1782		ок. 5 000— 5 300 6 800	XVI, 383
Северо-западный район:						
Псковская	195	19 500		2 472	24 720	XVI, 952
Центральный земледельческий район						
Тульская	209	20 900		Изобилие		XVI, 910
Рязанская	755	75 500	1788— 1789	3 000— 4 000	30 000— 40 000	XVI, 910
Орловская	658	65 800	1789	6 240	62 400	XVI, 829
Курская	536	53 600	1784	16 000	160 000	ВУА, 18800
Тамбовская	1 604	160 400	1785— 1790	8 000— 14 000[б]	80 000— 140 000	XVI, 910
			1794	18 000— 20 000[б]	180 000— 200 000	59 038
Пензенская	492	49 200	—	—	—	—
Воронежская	2 319	231 900	1780-е	17 000— 25 000	170 000— 200 000	XVI, 656
			1785		409 000	XVI, 1000
Белорусские губ.[в]						
Полоцкая			1780-е		33 000— 38 000	XVI, 383
Могилевская			1790-е		30 000 70 000	XVI, 766 и 59124
Юго-западный район						
Харьковская	399	40 000	1780		46 000— 65 000	XVI, 1100
Малороссийская			1795 1796	1 068 1 264	10 680 12 640	59 351
Приволжский район						
Саратовская	2 313	231 300	1780-е	22 000— 90 000	220 000— 900 000[г]	XVI, 653
			1794— 1795	27 355— 40 000	273 500— 400 000[г]	59 035

[а] В основу ведомости положены данные из донесений губернаторов. ЦГАДА, ф. «Внутреннее управление» и «Дворцовый отдел». Ссылка на первую группу — XVI и номер дела, на «Дворцовый отдел» — пятизначная цифра; ВУА, 18800 — ЦГВИА.

[б] По Тамбовской губ. сбор показан в стогах.

[в] На Могилевскую губ. приходится примерно $^2/_3$ сбора.

[г] Наличный материал не даёт возможности проверить достоверность этой цифры.

губернии[1]. В этом отношении счастливое исключение составляет уже частично использованная итоговая ведомость по степной Курской губ., из особого Топографического описания Курской губ. 1784 г.[2]

Согласно этой ведомости, обеспеченность скотом по губернии представляется в следующем виде:

Категории владельцев	Количество хозяйств	Количество скота (в тыс. голов)			
		лошадей	коров	овец	свиней
У государственных крестьян:					
богатых	25 000	250	250	250	1 250
средних	66 040	330	330	330	1 650
бедных	30 035	60	30	150	300
У помещичьих крестьян	100 000	300	200	1 500	1 500
Итого у крестьян	6. 220 000	940	810	2 230	4 700
У дворян:					
богатых	100	10	5	10	20
средних	1 500	75	35	75	150
бедных	1 022	10	8	25	50
Итого у дворян . .	2 622	95	48	110	220
Всего по губернии		1 035	858	2 340	4 920

Эта таблица показывает распространение скотоводства в Курской губ., причём обеспеченность собранным сеном составляет примерно 40 пудов на одну голову (за исключением свиней). Удельный вес дворянского помещичьего скотоводства ничтожен и составляет около 9% по лошадям и до 5% по другим видам скота. За помещичьими крестьянами показано около $^1/_3$ лошадей и свиней, $^1/_4$ коров и около 70% овец. Обращает на себя внимание высокий удельный вес богатой верхушки государственных крестьян, составлявших свыше 10% всех хозяйств и сосредоточивших в своих руках 25% всего конского поголовья и около 30% поголовья коров. По-видимому, крупную роль в составе этих хозяйств играли однодворцы, сосредоточившие свою хозяйственную деятельность на скотоводстве с заведением специальных хуторов и пастбищ для отгона скота.

[1] Таблица примерной подворной обеспеченности скотом приведена в гл. V.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, ч. V, л. 201.

В одном из губернаторских донесений содержатся сводные данные о поголовье скота с подразделением по уездам по другой южной губернии чернозёмного района — Орловской[1]:

Уезды	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Сено (в копнах)
Орловский	25 280	14 270	25 916	35 457
Севский	23 969	12 545	22 836	293 490
Елецкий	48 685	14 273	114 266	1 816 600
Карачевский	26 668	27 898	29 697	786 900
Брянский	21 325	11 612	19 780	284 645
Трубчевский	26 816	11 875	24 485	302 131
Кромский	20 891	13 441	16 533	626 863
Дмитриевский	17 083	8 703	6 746	239 048
Мценский	28 038	7 485	69 504	528 544
Болховский	864 044	312 262	196 503	996 181
Ливенский	72 757	33 672	169 288	164 902
Дешкинский	30 190	9 126	65 846	94 682
Малоархангельский	53 083	60 470	75 966	90 774
Итого	1 268 829	537 632	837 366	6 240 217

Общий итог этой таблицы в целом довольно близок к итогу по Курской губ., но в ней вызывают недоумение несоразмеримо большие показатели по Болховскому у. Трудно объяснить их простой опиской, поскольку они касаются не одной какой-либо колонки, а всех данных по этому уезду; в то же время общий итог по таблице сходится, за исключением итога по овцам, где в ведомости оказалось на 240 голов больше. Единственное возможное предположение, что по Болховскому у. прошёл общий итог по какому-то разряду крестьян всей губернии (не по однодворцам ли?).

По другим губерниям мы не имеем даже таких, весьма условных показателей. Отметим только, что если, скажем, для Тульской губ. исходить из средней нормы в 2 лошади на каждый крестьянский двор, то получится не более 400 тыс. лошадей по губернии, т. е. в 2,5—3 раза меньше, чем приведённые цифры по Курской и Орловской губ.

Существенным показателем состояния скотоводства, как и всего развития сельского хозяйства, является состояние рынка. Торговля скотом и продуктами скотоводства, а также первая переработка этих продуктов характеризуют всё те же периферийные районы. Топографические описания Воронежской и Тамбовской губ. и Экономические примечания, а по первой

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 829, л. 53.

также описание Болховитинова подчёркивают обширный торг скотом в этих губерниях и специально торг шерстью и овчинами.

Экономические примечания по Воронежской губ., давая описание местных суконных фабрик, указывают, что шерсть для производства закупается внутри губернии [1]. Топографические описания добавляют о закупках шерсти высшего качества в Нежине и в казацких станицах [2]. Крупная роль отводится торгу рогатым скотом и лошадьми. Однако наряду с местным скотом особенно выделяется пригон скота из других районов — «малороссийских» и украинских (степных) губерний и с Дона. О крупном торге пригонным скотом и отгоне его на Север, прежде всего в Москву, сообщает Топографическое описание Воронежской губ. Торг рогатым скотом и лошадьми — закупку и «сгон» в столицу — указывают Экономические примечания по г. Бирючу; в отношении г. Калитвы указываются 4 ярмарки — «пригон табунами калмыцких, казацких и русских лошадей, рогатому и мелкому скоту» [3]. Е. Болховитинов в своём описании Воронежской губ. в составе «произведений» Воронежской губ. за 1797 г. назвал шерсть овечью в количестве 156 561 пуда и 575 127 овчин, а также 232 514 пудов говяжьего мяса, 68 283 пудов говяжьего и свиного сала и 40 953 пуда коровьего масла [4].

Характерно, однако, что как раз торг рогатым скотом и лошадьми носит в значительной мере посреднический характер и даже в этих губерниях с более развитым скотоводством обеспечивается главным образом пригонным скотом, поступавшим в первую очередь из южного степного района, прежде всего из казачьих донских станиц.

Эта характеристика полностью распространяется и на Тамбовскую губ. И здесь в отношении местных суконных «фабрик» говорится о закупке шерсти в губернии, т. е. от местного скотоводства, на торжках и ярмарках, частично в донских станицах [5]. Систематически отмечается и торг лошадьми и рогатым скотом, в самом Тамбове — скотом и шерстью с отвозом в Москву; на крупный торг в с. Рассказово Тамбовского у. пригоняли лошадей, рогатый скот и овец; торг рогатым скотом указан в Борисоглебске, Лебедяни, Моршанске. Впрочем, в Лебедяни снова выделяется посреднический торг: «Главный торг лебедянских купцов и мещан скотом в пригоне рогатого скота, закупают в малороссийских и украинских городах...» [6] Топографическое описание

[1] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 6, д. 50 и др.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18668, л. 15.
[3] ЦГАДА, Межевой архив, ф. 6, д. 9 и 86.
[4] См. *Е. Болховитинов*, Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губ., стр. 23, 26, 27.
[5] Например, заводы Тулинова, Олесова, Горденина в Тамбовском у. ЦГАДА, Межевой архив, ф. 29, д. 84.
[6] Там же, д. 84; д. 62, дачи 8, 43, 62, 63 и др.

также отмечает большой торг в Тамбове «табунами лошадей», в Моршанске — отпуск на судах сала и мяса, в Борисоглебском у. — продажу скота на ярмарках и базарах и прасолам. При этом и здесь подчёркивается большой пригон скота: в Лебедянь на ярмарки «пригоняют в продажу заводских и табунами казачьих лошадей в бесчисленном множестве»; в Козлове — «главный торг рогатым скотом, который закупают в Малороссии и в Донской степи, частью отправляют гуртами в Москву, частью бьют на солонину, сало вытапливают и отправляют в Санкт-Петербург» [1]. О посредническом торге скотом, пригоняемом табунами, сообщают и из Пензенской губ. [2]

Ларионов также называет в торговом отпуске из Курского наместничества продажу лошадей и рогатого скота в Москву. Однако при сравнительно высоких показателях скотоводства в губернии специальное Топографическое описание Курской губ. из фонда ВУА определяет всю реализацию продуктов внутреннего скотоводства и звероловства всего в сумме 600 000 руб. из общей суммы реализации сельскохозяйственных продуктов свыше 3 200 тыс. руб. [3]

Только в украинских губерниях Левобережья, с заметно отстающим хлебопашеством, товарность скотоводства приняла более крупные размеры и отмечается собственная поставка скота на рынок. А. Шафонский в описании Черниговского наместничества указывает на отгон нескольких десятков тысяч голов рогатого скота, а также овец большей частью в Москву, Ригу, Петербург и Белоруссию, частью в Силезию, отмечая тут же, что шерсть больше расходится на месте, а овчины продаются особенно в местечке Решетиловке около Полтавы, откуда также идут в Польшу и Силезию [4]. Отсюда же, как отмечалось выше, скот поступал частично на рынки Воронежской и Тамбовской губ. по закупкам тамошних купцов.

Описание Московской губ. 1781 г. основную закупку скота связывает, с одной стороны, с заволжскими и донскими степями, а с другой — с украинскими губерниями, не упоминая Центрального чернозёмного района. Главное посредничество в первой оно отводит Коломне, во второй — Верее, Серпухову и Можайску [5].

Другим источником снабжения внутреннего рынка скотом, мясом и салом оставалось в течение всего рассматриваемого периода кочевое скотоводство восточного степного района. Крупное товарное скотоводство в заволжских степях отмечают

[1] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 538, л. 18, 45, 50, 55, 72 и др.
[2] Например, из Саранска. ЦГАДА, Межевой архив, ф. 20, д. 34.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, л. 203.
[4] См. *А. Шафонский*, Черниговского наместничества топографическое описание, ч. I, § 8, стр. 20.
[5] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 513; Государственная библиотека имени В. И. Ленина, Отдел рукописей, Муз. № 2928.

и Топографические описания и описания путешествий 1760—1770 гг. — И. Лепёхина, П. Палласа, Фалька. Паллас особо выделяет торг лошадьми, рогатым скотом и овцами у поселенцев — украинцев из Черкасской слободы и обширный торг баранами у киргизов, а также крупный торг скотом в Оренбурге [1]. По исчислению Палласа, в Оренбурге почти ежегодно выменивали от 40 000 до 60 000 баранов и до 10 000 лошадей. Крупный торг лошадьми, рогатым скотом и овцами отмечает Фальк у башкир Уфимской губ. [2] Лепёхин говорит о торге скотом на крупных волжских пристанях и особенно в Дмитровке и в Сызрани; оборот по скоту в Сызрани он определял в несколько сот тысяч рублей [3].

Н. Попов в хозяйственном описании Пермской губ. говорит о крупном торге скотом и отмечает салотопенную промышленность как одну из важных хозяйственных отраслей, в частности по Екатеринбургу, дающую крупный вывоз — до 100 тыс. пудов сала. Но как Попов, так и Топографические описания Уфимской и позднее Оренбургской губ. главную роль в поступлении баранов и бараньего сала на троицкий и оренбургский рынки отводят пригону скота казахами.

Количество скота, поступавшего от казахов через Оренбург и Троицк, непрерывно возрастало на протяжении второй половины XVIII в. Приводим сводную таблицу, составленную по материалам Комиссии о коммерции, извлечённую из дел собрания А. Р. Воронцова [4]:

Количество вымененного скота
(в среднем в год)

Годы	Выменено:	
	лошадей	баранов, ягнят и козлят
1746—1750	856	6 574
1751—1755	4 896	16 809
1756—1760	4 671	15 630
1761—1765	2 722	67 803
1766—1770	1 887	123 405
1771—1775	784	146 263
1776—1780	4 161	155 960
1781—1785	3 962	194 336
1786	3 505	355 587

[1] См. *П. С. Паллас*, Путешествие по разным провинциям Российской империи, стр. 305—307.

[2] См. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, стр. 257.

[3] См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства», ч. I, стр. 397, 488 и др.

[4] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 554, л. 557—558.

Из всего изложенного отчётливо выступает один основной вывод. *Развитие скотоводства на основной территории Европейской России во второй половине XVIII в. продолжало резко отставать от непосредственного спроса, потребительских и промышленных потребностей.* Наличные скотоводческие ресурсы с трудом покрывали минимальные производственные, промысловые потребности самого крестьянства и лишь в периферийных, главным образом степных губерниях Центрального чернозёмного района, подвергшихся к этому времени усиленному сельскохозяйственному освоению, стали приобретать товарный характер, однако всё ещё обеспечивали главным образом промышленный спрос внутри губернии. *Товарный спрос центральных губерний и Северо-западного района продолжал удовлетворяться в основном за счёт пригона скота и перевозок животноводческого сырья и продуктов из южных и восточных степей,* частично из степных украинских губерний Приднепровья и главным образом за счёт скотоводства казачьих станиц и кочевого населения Заволжья, Приуральского района и Казахской степи, позднее также за счёт Причерноморского степного района. По основным путям пригона скота на Москву и Петербург: в Смоленской, Тверской, Калужской губ. — на южном пути, по линии Сызрань, Курмыш, Ардатов, Арзамас, Муром — на восточном пути шло частичное оседание этих продуктов, обеспечивавших потребительские нужды и особенно промышленный спрос на сырьё в этих районах.

10. Рынок хлеба и других сельскохозяйственных продуктов

Хлебный рынок целиком определялся производственной структурой сельского хозяйства, территориальным размещением производства зерновых культур. Как показало рассмотрение обеспеченности хлебом по губерниям [1], налицо чётко определившиеся *дефицитные, т.-е. покупавшие хлеб, районы и районы с избыточным балансом, поставлявшие хлеб на рынок,* на которых лежит снабжение промышленных и промысловых районов и обеспечение хлебного экспорта. К числу поставлявших хлеб относился прежде всего Центральный чернозёмный район, по которому свободные товарные излишки к концу века превышали уже в годы среднего урожая 10 млн. чтв. (около 90 млн. пудов) хлеба. В конце века к нему начинают присоединяться средневолжские губернии, позднее включающиеся в Центральный земледельческий район, и далее на восток — главным образом по поставке пшеницы — Оренбургская губ. На северо-западе в реализации хлеба начинают при-

[1] См. табл. на стр. 374—380.

нимать участие Смоленская, Могилёвская, прибалтийские губернии.

Яркую характеристику складывания хлебного рынка дают уже материалы ответов на Сенатскую анкету 1766 г. Здесь примерно определяются границы хлеботоргующих районов. Для южного земледельческого района северная граница проходит примерно по линии Тульской и Рязанской губ. По Белгородской губ. указывается массовая закупка хлеба из Московской и Смоленской губ., а также из Киевской, или, по тогдашней терминологии из Малороссии. В Тамбовской пров. уже определилась роль Моршанской пристани; важным посредником в этой торговле наряду с Моршанском становится в северной части губернии Шацкий район (будущая Пензенская губ.) [1].

В восточном районе в этот хлебный торг уже включается Арзамасская и Алатырская провинции, откуда хлеб идёт в центральный район через Муром [2].

Обозначаются и важнейшие центры поступления хлеба и посреднического торга в неземледельческом районе. Таковы прежде всего крупные торговые города на большой волжской магистрали, отмеченные как центры хлебной торговли, — Ярославль, Кострома, Углич. На Оке Муром связывал центр с ближайшим юго-восточным хлебным районом. Волоколамск и Гжатск стояли у начала торгового пути через Тверь и Торжок к Петербургскому порту. Вологда являлась главнейшим торговым центром на пути к Архангельскому порту.

Наконец, отмечается возникновение местных сельских хлебных рынков, порождаемых растущим местным спросом, и в более благополучных хлебных уездах центральных губерний, и в центре формирующихся специальных промышленных районов с их повышенным спросом. В ответе из Шуи говорится, что «хозяева», т. е. зажиточные крестьяне, «чувствуя свою от того прибыль», «хлеб с торгу не только на свое содержание, но и для продажи оного другим покупают» [3]. Ответ из Кашина отмечает, что местные крестьяне, несмотря на недостаток хлеба, продают его в города и в заморский отпуск, «льстясь» на высокие цены, а потом сами оказываются вынужденными покупать хлеб для своего продовольствия [4]. Таким образом, налицо распространяющаяся практика хлебного торга.

Пути следования хлебных грузов отчётливо отражены ответами на запрос генерал-прокурора от того же 1766 г. Ответы охватывают прежде всего Вышний Волочок, Торжок, Тверь,

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 1651, ч. III, л. 231, 266, 271, 276.

[2] См. указанное сенатское дело, т. II, л. 152; ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 381, л. 157 (ответ из Арзамасской пров. на анкету Вольного экономического общества, п. 31).

[3] Там же, л. 142.

[4] См. там же, л. 186.

Гжатск на пути от Волги до Петербурга. Дальше идут Ярославль, Кострома, Балахна, Нижний-Новгород. В районе Нижнего-Новгорода выделяется известное и позднее как крупная хлебная пристань с. Лысково, а также с. Работки и Городец. Дальше в Среднем Поволжье значатся Казань, Рыбная слобода, Симбирск с 12 мелкими пристанями в уезде (на Волге и Суре), а также г. Алатырь и с. Промзино Городище в Алатырском. На юге в качестве наиболее крупной хлебной пристани указан Орёл [1].

Наиболее отчётливо организация хлебной торговли и продвижение хлебных грузов проявляются в последней трети XVIII в. Не случайно к этому времени относятся и опыты организации первых акционерных компаний внутреннего торга, главным предметом которых являлась торговля хлебом. Первой из этих компаний была учреждена Нижегородская в 1767 г. [2], несколько позднее, в 1772 г., Воронежская [3], а в 1778 г. возник проект аналогичной компании в Смоленске [4].

Основное движение хлебных грузов шло по Волжской водной системе — по Волге и её более крупным притокам: р. Оке с Цной и Мокшей, с Москвой-рекой, по р. Суре, по р. Каме; с Волги груз двигался на запад к Петербургу по Вышневолоцкой системе. На западе сюда примыкала вторая магистраль — по р. Западной Двине с пристанями в Смоленской губ. по отгрузке хлеба и других земледельческих продуктов — Бельской, Порецкой и другими, более мелкими. На севере Волжскую систему соединяла с Архангельском и Белым морем Северная Двина с притоками. Наконец, в южном направлении выступала роль Дона, и в конце века начало определяться значение пути по Днепру к черноморским портам.

Для южного района товарного земледелия главную роль играла в восточной его части р. Цна с главной хлебной пристанью в Моршанске, для западной группы хлебородных губерний — Орёл и Мценск на р. Оке. Донесение орловского губернатора 1779 г. сообщало, что из Орла в Москву только в весенний период было отправлено 73 судна и 22 барки со 130 тыс. чтв. хлеба [5]. В 1787 г. «в полую воду» из Орла было отпущено, по донесению губернатора Неплюева, свыше 200 тыс. чтв. [6] «Ведомость об отправке из г. Орла в разные места хлеба и других припасов полою водою 1796 г.», т. е. снова только за весенний период, указывала 66 стругов и 25 барок «партикулярных» и 39 стругов и 4 барки «казённые», всего 134 судна, около

---

[1] ЦГАДА, ф. 249 (Канцелярия генерал-прокурора), оп. 2, д. 6444, л. 708—800.

[2] ПСЗ, т. XVII, № 12904; ЦГАДА, р. XVI, д. 774 и 777.

[3] ПСЗ, т. XIX, № 13886; ЦГАДА, р. X, д. 282.

[4] ЦГАДА, р. XVI, д. 932, ч. I.

[5] ЦГАДА, р. XVI, д. 952, ч. I, л. 39 об.

[6] ЦГАДА, р. XVI, д. 827, л. 46—47.

150 тыс. чтв. хлеба[1]. При этом оба расчёта не включали Мценска, Болхова и пристаней Калужской и Рязанской губ. «Топографическое описание Калужской губ.» 1785 г. определяло общее число судов от Орла и Мценска до 200, а с судовой отгрузкой всей Калужской губ. считало до 350 судов, что должно было составить до 300 000—400 000 чтв. хлеба[2]. При этом наиболее обстоятельная ведомость 1796 г. на первом месте в отгрузке указывало пшеницу в количестве 84 тыс. чтв. (около 60%). По данным «Комиссии о хлебе», вывоз хлеба только из Орла составил в 1784 г. 266 000 чтв. и в 1786 г. — 428 000 чтв., в том числе 147 000 чтв. пшеницы; половина груза пошла в Москву[3]... Топографическое описание Орловской губ. 1785 г. определяло товарную реализацию одной ржи по губернии в 500 000 чтв.[4], что даёт общую реализацию всего зерна не менее 1 млн. чтв. — около 25% всего урожая хлеба по губернии. «Топографическое описание Калужского наместничества» считало около 200 000 чтв. в торговом обороте калужского купечества, указывая отправки по Оке и сухим путём в Москву, а также на Гжатскую, Зубцевскую и другие пристани[5].

По-прежнему крупную роль по вывозу хлеба из Тамбовско-Воронежского района играл Моршанск и другие, более мелкие пристани по р. Цне. Губернаторские донесения начала 1780-х годов указывают, что судостроительство только в районе Моршанска давало до 85 судов под погрузку примерно 200 000 кулей хлеба (около 200 000 чтв.)[6]. По ведомости 1786 г. общее строительство судов исчислялось в 142 судна и 426 лодок, а отгрузка хлебов за год — в 431 000 чтв.[7]

Наряду с отгрузкой по Оке и Волге оба района производили отпуск хлеба в южные районы, где хлебопашество не получило ещё товарного характера. То же губернаторское донесение, а также Топографические описания Воронежской и Тамбовской губ. сообщают об отгрузке хлеба на бударах вниз по Дону в донские казачьи станицы, где основными занятиями населения являлись скотоводство и рыболовство, и в районы Харьковской губ., частично в южные уезды Воронежской губ. (Острогожский у.) для нужд местного винокурения. Об этом же сообщало и Топографическое описание Харьковской губ. Из Курской и Орловской губ. хлеб шёл частично по Десне и Днепру в южные степные губернии Украины и в так называемую

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59249.
[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 952, ч. 1, л. 39 об., ф. 1244, оп. 330, д. 59249; «Топографическое описание Калужского наместничества».
[3] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 412, л. 324.
[4] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 396, д. 127. Общее описание наместничества, п. 16.
[5] См. «Топографическое описание Калужского наместничества», Описание г. Калуги, п. 7, стр. 8—9.
[6] ЦГАДА, р. XVI, д. 968.
[7] ЦГАДА, р. XVI, д. 910, л. 68.

Малороссийскую губ., также не обеспеченную своим хлебом, особенно в связи с крупными размерами винокурения. Наконец, значительные партии хлеба шли непосредственно гужом, преимущественно в зимнее время, по установившемуся санному пути. Большая роль в хлебном торге принадлежала более крупным торжкам и ярмаркам района; так, по Тамбовской губ. особо выделялись сам Тамбов, Лебедянь, Козлов, Кирсанов, Новохопёрск, куда хлеб шёл даже из южных уездов Рязанской губ.[1]

Общую зерновую продукцию Воронежской губ. за 1797 г. Болховитинов определил в количестве около 3 млн. чтв. (по ведомости посевов и урожаев она колебалась от 3 млн. до 5 млн. чтв.), из которых около 1 млн. чтв. считает на реализацию за пределом губернии (из них половина приходилась на овёс); кроме того, на внегубернскую реализацию приходилось около 200 000 вёдер хлебного вина (2/3 продукции), представлявших также своеобразную реализацию товарных излишков хлеба[2]. Рыночная реализация хлеба составляла, таким образом, примерно 25% продукции — 1736,5 тыс. чтв. товарных излишков зерна, также 20—25% считал губернатор Зубов по Курской губ. в 1784 г.[3]

Большая часть вывоза хлеба продолжала идти гужом, особенно из более северных губерний Центрального чернозёмного района, как Тульская или Рязанская, а также из восточных заокских районов в Москву. Эти перевозки шли не только на содержание помещичьего двора из вотчинных запасов, но и непосредственно на московский рынок. К сожалению, соответствующие губернаторские донесения из Москвы не определяют размеров этих поступлений, но они систематически регистрируют цены на хлеб «на возах»[4]. В значительной мере гужевым транспортом поступал хлеб на Гжатскую пристань и на другие пристани Смоленской губ. для непосредственной отгрузки в Петербург и к Рижскому порту.

Источники сообщают отдельные данные об отгрузке хлеба с волжских пристаней. Так, по донесению нижегородского генерал-губернатора от 15 мая 1785 г., отгрузка хлеба из Лыскова только за время весеннего судоходства составила свыше 100 000 чтв., в основном за счёт закупок и подвоза хлеба зимой по санному пути[5], причём здесь главное место занимала ржаная мука (около 60 000 чтв.). Примерно такую же зимнюю заготовку — 110 000 чтв., — отмечает ответ по Лыскову на запрос генерал-губернатора в 1787 г., причём и на этот раз преобла-

[1] ЦГАДА, р. XVI, д. 910, л. 187.
[2] *Е. Болховитинов*, Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губ., стр. 22.
[3] ЦГВИА, ВУА, д. 18800.
[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 399, д. 59066 (1794 г.), 59326 (1797 г.).
[5] ЦГАДА, р. XVI, д. 778, л. 15.

дала рожь (около 80 000 чтв.)[1]. За то же время заготовки Нижнего-Новгорода к открытию судоходства составили около 50 000 чтв., но при этом здесь преобладала пшеничная мука[2]. Интересные данные о транзитном движении хлеба через Нижний-Новгород на Петербург за 1786 г. содержит дело «Комиссия о хлебе»: всего прошло 387 судов с 500 000 чтв. хлеба. Из них с пристани с. Лыскова и в этот год было отгружено свыше 150 000 чтв., из Чебоксар — 29 000, из Моршанска — 52 000, из Казани — около 40 000 чтв., примерно столько же из Промзина городища и т. д. Большое количество пшеницы — около 110 000 чтв. — должно было идти в основном из восточного района: крупным производителем и, следовательно, поставщиком пшеницы в этот период становилась Уфимская губ. В Среднем Поволжье условия для посева пшеницы были неблагоприятны, и самая крупная пристань по сбыту хлеба из района — с. Лысково — давала очень мало пшеницы[3]. Приведённые выше указания Комиссии исключают из этого подсчёта хлебные грузы, шедшие на Москву, на другие волжские пристани, в том числе в Ярославль, Кострому и на другие пристани Верхнего Поволжья, снабжавшиеся хлебом главным образом по Волге, а также хлеб, шедший на Архангельск.

Таблица поступления хлеба в Петербург на судах

Годы	Количество хлеба в тыс. чтв.[а]			Источник
	всего	партикулярного	казённого	
1775	1159,5			XVI, 280, л. 40—41
1783		св. 900		Вор. 410, л. 66
1784		1090		» » »
1785		905		» » л. 400
1786		840		» » »
1787		915		» » л. 29
1788	1268,5	855	413,5	» »
1788[б]	1631			XVI, 975, ч. II, л. 100—101
1793[в]		1141,5		ф. 1244, д. 58950
1796	1641	928	713	» » » 59276

[а] Ведомости «Комиссии о хлебе» выделяют в поступлении хлеб партикулярный и казённый, позднейшие губернаторские донесения чаще заменяют первое обозначение другой формулировкой — «на вольную продажу».
[б] Для 1788 г. оказались две расходящиеся цифры: первая из материалов «Дело Комиссии о хлебе», вторая — из донесений губернатора Архарова о губерниях Новгородской и Тверской о стругах и грузах, пропущенных через Вышневолоцкий канал.
[в] Ведомость 1793 г. не определяет принадлежность хлеба, но, учитывая указанные количества, мы условно отнесли его в колонку «партикулярного».

[1] ЦГАДА, ф. 249, Канцелярия генерал-прокурора, оп. 2, д. 6444, л. 749.
[2] Там же, л. 741—742.
[3] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 412, л. 347—350.

В нашем распоряжении имеются достаточно систематические данные о годовом поступлении судов и на них грузов в Петербург, а также об их прохождении через Тверь, Вышневолоцкий канал, Шлиссельбургские шлюзы; в этих материалах выделены данные о хлебных грузах.

В целом получаются довольно устойчивые размеры поступления хлеба в Петербург с некоторой тенденцией к возрастанию к концу XVIII в.

Наряду с водным шло также поступление хлеба гужевым путём, главным образом из соседних районов — Петербургской, Псковской губ. В гужевом привозе из хлебных товаров преобладали овёс и крупа. Поступления первого достигали 1000—1500 возов в неделю, второго — до 500 возов, считая около 3 чтв. на воз[1].

Отсутствуют точные данные о движении судов и грузов по Западной Двине. Согласно сведениям Словаря Щекатова, только за первые месяцы навигации 1804 г. (до 1 июня) в Ригу прибыло 493 струга, не считая других, более мелких судов[2]. При средней вместимости струга в 600—1500 чтв. хлеба и преобладающей роли хлеба и пеньки в перевозках к Рижскому порту годовое движение хлебных грузов в Ригу должно было составить несколько сот тысяч четвертей.

В отношении перевозок по Северной Двине к Архангельскому порту, по расчётам С. Ф. Огородникова, годовые контракты крупных купцов по доставкам хлеба к Архангельску достигали 500 000 чтв., а годовой экспорт хлеба из Архангельского порта доходил в 70-е годы до 250 000 чтв.[3]

Отметим, что ещё в 1720-е годы по таблице, составленной в 1727 г. на основании данных таможен за 1724—1727 гг., общая реализация хлеба по губерниям (без учёта гужевых перевозок) составляла всего 334 000 чтв., из которых около 100 000 чтв. (30%) приходилось на старую Московскую губ.[4] Более значительные показатели для 1737 г. получил Б. Кафенгауз специально для поступления хлеба в Москву по данным таможенных книг за 1737 г. — всего 147 000 чтв., почти полностью из г. Орла (134 000 чтв.)[5]. Но те и другие данные говорят о резком сдвиге в развитии внутреннего хлебного рынка во второй половине XVIII в.

Трудно говорить об удельном весе хлебного экспорта в общем рыночном обороте хлеба за вторую половину XVIII в.,

[1] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59094, л. 3—51.
[2] *А. Щекатов*, Словарь географический Российского государства, ч. V, стб. 44, М. 1807—1809.
[3] *А. Ф. Огородников*, Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении, Спб. 1890.
[4] *Е. Заозерская*, К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России, «Вопросы истории» № 12, 1951 г., стр. 104.
[5] *Б. Б. Кафенгауз*, Хлебный рынок в 20—30-х годах XVIII столетия, «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, стр. 502—503.

поскольку имеющиеся данные для начала 1790-х годов вызывают известные сомнения, хотя и надо учитывать, что они совпадают с периодом второй русско-турецкой войны и с русско-шведской войной.

Годы	Вывоз хлеба в тыс. чтв.
1758—1760	70,5
1778—1780	ок. 400
1790—1792	233
1802—1804	(ок. 1700) [1]

В целом экспорт не занимал сколько-нибудь значительного места в общем обороте хлебного рынка России и даёт более заметное увеличение лишь в начале XIX в. с включением вывоза хлеба из черноморских портов. И в общей сумме экспорта хлеб играл ещё незначительную роль: несколько более 7% в 1778—1780 гг., менее 3% в 1790—1792 гг. и лишь в 1802—1804 гг. — около 10% [2].

Из технических культур крупное место в перевозках принадлежало пеньке, что обусловлено, в частности, размещением её производства преимущественно в более южных губерниях. Местные перевозки производились главным образом гужом. Гужевым транспортом шла значительная часть перевозок льна, производившегося в районах, соседствующих с центрами полотняной промышленности и с основными портами.

Топографическое описание Калужской губ. называет пеньку и конопляное масло в числе главных после хлеба предметов торга калужского купечества. Топографическое описание Орловской губ. также называет «основной» торговлю хлебом и пенькой, указывая отпуск: а) Окой на Москву, б) через Калугу на Гжатск, в) через Москву на Тверь. Губернаторское донесение за 1779 г. определяло заготовку пеньки в Орле для отгрузки судами «с полой водой» в 22 500 пудов [3]. По Курской губ. уже неоднократно использованное описание губернатора Зубова считало общую реализацию пеньки в 50 000 пудов и такое же количество льна в продаже [4]. Пенька и реже изделия её переработки, также конопляное семя и масло играли крупную роль в торговле украинских губерний. Топографическое описание Малороссийской губ. называет на первом месте пеньку, бечёвку, канаты, конопляное масло, затем лён, холст, парусину [5]. А. Шафонский говорит о «немалом торге» пенькой:

---

[1] *А. Семёнов*, Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности, ч. III, Приложение I, стр. 418—419.

[2] Там же, подсчёт по таблице. Приложение I.

[3] ЦГАДА, р. XVI, д. 952, ч. I, л. 39 об.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18800, л. 203.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18351, л. 4.

её продают стародубским промышленникам, которые, вытрепавши, отпускают через пристань Порецкую в Ригу, а через Гжатскую в Петербург [1]. Цифровые сведения о Смоленской губ., сообщаемые в упоминавшейся диссертации Рябкова, относятся также к 1820-м годам, когда на Смоленскую губ., по данным Рябкова, падало 20% всей реализации пеньки по России, но, по-видимому, в расчёт входила и реализация значительных транзитных грузов.

И в отношении пеньки мы располагаем конкретными сведениями о её поступлении речным транспортом в Петербургский порт (без учёта гужевого привоза). Так, в 1785 г. общий привоз пеньки на судах составил около 1,5 млн. пудов, льна — около 218 000 пудов, пакли — 48 млн. пудов, семени льняного и конопляного — 25 500 чтв. [2] В 1788 г. одной пеньки поступило свыше 2,5 млн. пудов, в 1793 и 1796 гг. — около 2 млн. пудов [3]. Крупный спрос на пеньку и на лён предъявляло внутреннее производство. Экспорт пеньки и льна, по данным того же Семёнова, составлял в XVIII в. [4]:

Годы	Вывоз (в тыс. пудов)			
	пеньки	пеньки-пакли	льна	льна-пакли
1749	1319	—	501,6	62
1758—1760	1936	145	548	18
1778—1780	2711,6	292	899	24
1790—1792	3102	201,4	1115,7	30,7
1802—1804	3334	300	1289,6	63

Вывоз пеньки в дальнейшем стабилизировался и даже несколько снизился, в то время как вывоз льна систематически возрастает на протяжении первой половины XIX в.

Мы не имеем возможности привести аналогичные конкретные данные по другим техническим культурам и по овощам.

Яркую характеристику развития всероссийского рынка сельскохозяйственных продуктов содержит рукописное описание Московской губ. 1781 г. [5] Описание сообщает сведения о поступлении в Москву разной сельскохозяйственной продукции, а также о её переработке и дальнейшей реализации.

---

[1] *А. Шафонский*, Черниговского наместничества топографическое описание.., К 1851, ч. I, стр. 17.

[2] ЦГАДА, р. XVI, д. 280, л. 96; значительная часть льна поступала из Псковской губ.

[3] ЦГАДА, р. XVI, д. 975, ч. II, л. 102; ф. 1244, оп. 390, д. 58950 и 59206.

[4] *А. Семёнов*, указанное сочинение, стр. 422—423.

[5] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 531. Аналогичное описание находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, Муз. 2928.

«Оный [«внутренний российский торг»] заключает в себе все те сырые и выработанные товары, которые в оную или для расхода в самой Москве или для переделки и отвозу в другие города и за границу привозятся. Сие количество очень знатно и соразмерно великому на них расходу, который проистекает: первое от множества жителей и провождаемого в больших городах рода жизни; второе от множественной в комиссариате поставки народных припасов для обуви и снаряду целой Российской Армии...». Крупнейшее место при этом отводится «хлебу всякого роду, которого привозится из украинских и других хлебородных городов столь великое количество, что оного не только для продовольствия города достаточно, но чрез Шошу воденым путем часть оного и в Петербург отправляется. Привозимые пшеницы переделываются на московских уездных ближних мельницах в крупичатую муку, которою почти Государство снабдевается. Сия переделка здесь составляет знатной собственно почти одной Москве принадлежащий торг, потому что пшеницы редко кто малым количеством в других городах в крупичатую муку переделывают». Выделяется далее поставка скота из южного степного района. «Скота из Дону из украинских городов всякий год пригоняется до 28-ми тысяч скотин, из которых мяса большая часть расходится в Москве, а некоторая соленого отвозится в Петербург; равным образом вытапливаемые сала сверьх сдешнего на мыло, свечи и другие вещи множественного расхода, отпускается чрез Петербург за море». Особо отмечается поступление леса из уездов Московской губ. [1]

Эта общая характеристика торговли Москвы, как центра всероссийского рынка, дополняется описанием торговли г. Коломны, игравшей крупную посредническую роль именно в московской торговле сельскохозяйственными продуктами как важный перевалочный пункт. Коломна торгует «1. Скотом, который, будучи закупаем в украинских городах и на Дону, пригоняется большею Астраханскою дорогою гуртами до 25 000 скотин, из коей до 5000 отгоняется в Москву и Петербург, а 20 000 употребляется в соление, из которого числа, за употреблением в городе, до 150 000 пудов отвозится в Петербург, а до 50 000 в Москву и в окрестные города, оной отпуск происходит зимним путем; сверьх оного закупается малая часть скота в том уезде и употребляется в продажу свежим и соленым мясом в сем городе и уезде.

2. Рыбой, которая покупается в Астрахани и Саратове до 70 000 пудов на самых рыбных ловлях...

3. Закупают разных родов хлеб в украинских городах и доставляют водяным путем по Оке реке до Коломны...

[1] Указанная рукопись, л. 22—23.

4. Сальной торг происходит как из упомянутого количества покупаемой скотины, так и сверьх того закупается сало в разных городах до 60 000 пудов, которое отпускается к Санкт Петербургскому порту для отпуску за море, а часть оного отпускается в Москву и другие окрестные города...

6. Масленной для употребления в оном городе масло конопляное и коровье доставляется из разных городов...» [1].

Таким образом, рынок сельскохозяйственных продуктов выступает в полном смысле как всероссийский рынок.

11. Движение хлебных цен

Развитие рынка, рост товарного обращения нашли своё яркое отражение в движении рыночных цен. Особый интерес представляют в этом отношении цены на хлеб, претерпевшие особенно значительные изменения на протяжении второй половины XVIII в. Не случайно как раз с середины 60-х годов XVIII в. движение хлебных цен начинает привлекать пристальное внимание правительства, вызывает, как уже было отмечено, специальные анкеты в 1766 г. (сенатская и генерал-прокурора), получает широкое отражение в материалах «Комиссии о хлебе» 1780-х годов, но главное — движение хлебных цен становится предметом постоянного и систематического наблюдения, учёта и регистрации. По донесениям петербургских и московских обер-полицмейстеров на имя Екатерины II, такая регистрация производилась еженедельно [2].

Как свидетельствуют выписки В. И. Семевского из ряда рукописных описаний губерний начала XIX в., составленных по анкете Вольного экономического общества (по Костромской, Ярославской губ.), а также таблица цен на хлеб, приложенная Н. Поповым к описанию Пермской губ., такая регистрация велась в губерниях с начала 1760-х годов. Эта систематическая регистрация явилась, очевидно, источником и тех отдельных сведений, которые сплошь и рядом появляются попутно в различных губернаторских донесениях. Вслед за правительством общественные круги оказываются серьёзно обеспокоенными ростом хлебной дороговизны и начинают оживлённо обсуждать этот вопрос, ставший в начале XIX в. предметом специальной «задачи», вызвавшей соответствующую экономическую литературу.

Источники позволяют дать некоторую систематизацию основных данных о хлебных ценах за вторую половину XVIII в. по губерниям и по основным культурам [3].

[1] Указанная рукопись, л. 33—34.

[2] См. ЦГАДА, р. XVI, д. 280, 489, 504; ф. 1244, оп. 390, д. 59330, 59066 и др.

[3] См. Приложение IV

Анализ этих сведений и их систематическое рассмотрение заставляют решительно отвергнуть возникшую ещё в то время, но получившую распространение и в последующей литературе версию о связи роста хлебных цен с крупными неурожаями середины 1760-х и середины 1780-х годов.

В связи с этим надо прежде всего напомнить приведённые выше данные о состоянии урожайности в середине 1760-х годов. Анализ материалов Сенатской анкеты показал, что для середины 1760-х годов нельзя говорить не только о всеобщем недороде, но и сколько-нибудь существенных местных неурожаях. Данные об урожайности за эти годы можно считать в целом близкими к обычным средним урожаям. При этом большинство нехлебородных районов отмечало покупку привозного хлеба как обычное явление, только усилившееся в результате значительно возросшего перехода населения к неземледельческим занятиям. Сообщения из хлебородных районов прямо ссылались на хорошие урожаи и указывали на усиливающуюся закупку хлеба, можно сказать, даже на своего рода спекуляцию на хлебном рынке и именно этим объясняли повышение цен. Наблюдение за общим движением цен на хлеб хотя отмечает в ряде случаев некоторый скачок в хлебных ценах 1766—1767 гг., но в то же время последний как бы органически включается в общее движение роста цен на протяжении всего периода 1760-х годов.

Для лучшей обозримости представляется целесообразным свести данные о движении хлебных цен по 4 основным культурам с 1760-х годов, когда начинается более или менее систематическая регистрация цен, к несколько более обобщённым порайонным таблицам[1]: (см. табл. на стр. 413—414).

Прежде всего рассмотрение данной таблицы показывает, что *рост хлебных цен не выступает в качестве какого-то случайного единовременного явления,* вызванного какой-либо внезапной катастрофой, *а происходит постепенно и систематически на протяжении всего рассматриваемого периода.* Местами вторая половина 1760-х годов, как и вторая половина 1780-х годов, даёт временные более резкие колебания, но вслед за этим цены снова устанавливаются на каком-то среднем уровне, после чего начинается их дальнейший рост.

Самый рост хлебных цен в 1760-е годы начался ещё на рубеже 1750-х и 1760-х годов, и их нарастание шло последовательно с самого начала 1760-х годов, причём высшие цены далеко не всегда приходятся именно на 1766—1767 гг., а оказываются то в 1764—1765 гг., то в самом конце 1760-х годов. Повышение хлебных цен отчётливо обозначилось уже в начале 1780-х годов и продолжалось в 1790-е годы в условиях ряда урожайных лет и значительного роста посевов хлеба. Харак-

[1] В основу положены более детальные сведения, собранные в развёрнутой таблице,— Приложение III.

Движение цен на хлеб за 1760-е — 1790-е годы
(в руб. за 1 чтв.)

Район	Начало 60-х годов	Конец 60-х годов	Конец 70-х годов	Середина 80-х годов	90-е годы
1	2	3	4	5	6
Рожь					
Центральный промышленный	0,6—1,0	1,2—2,0	1,3—2,5	2,6—5,0	4,0—5,5
в том числе					
Московская и Владимирская губ.	1,2—1,3	3,0—4,0	до 3,5		
Северо-западный торгово-промышленный	—	3,0—4,0	2,5—3,0	3,0—5,0	4,0—5,0
в том числе					
Петербургская губ.	2,8—3,0	2,8—3,3	3,0	5,0—6,0	7,0
Прибалтийский				4,0—5,0	
Белорусский (Полоцкая губ.)			2,0	4,0—5,0	5,0
Центральный район товарного земледелия	0,6	1,0—2,0	1,0—1,3	1,0—2,0	2,0—3,0 до 3,5
Среднее Поволжье	0,4	1,0—2,0	1,3	3,0—4,0	3,5
Приуральский	0,3—0,6 0,8—1,0	1,0—2,0	1,25—1,6	3,0—5,0	2,0—3,0
Северный промысловый (Архангельская губ.)	0,6—1,0	2,0—3,0	1,5—2,5	3,0—4,0	4,0—5,0
Овёс					
Центральный промышленный	0,5—0,6	0,6—0,8 до 1,0	1,0—1,5	1,7—2,5	2,5—3,5
Северо-западный торгово-промысловый	—	1,0—1,2	1,5—2,0	1,5—2,0	2,5—3,5
Прибалтийский				1,0—1,2	
Белорусский (Полоцкая губ.)			1,5—2,8	1,7—3,0	2,7
Центральный район товарного земледелия	0,5	0,7	0,5—1,0	1,0—2,0	1,5—2,0
Средневолжский	0,2—0,3	0,4—0,7	1,0	1,2—1,8	—
Приуральский	0,3—0,6	0,5—0,6	0,6—1,0	1,2—1,5 до 4,0	1,8—2,5
Северный промысловый		0,6—1,0	—	1,3—2,0	
Пшеница					
Центральный промышленный	1,5—2,0	3,0—4,0	3,5—4,0	5,0—7,0	7,0—10,0
Северо-западный торгово-промысловый		2,5—4,0	4,0—4,5	5,0—7,0	6,0—10,0
Прибалтийский				3,0	
Белорусский (Полоцкая губ.)			4,0—5,0	5,0—6,0	8,0—9,0

Район	Начало 60-х годов	Конец 60-х годов	Конец 70-х годов	Середина 80-х годов	90-е годы
1	2	3	4	5	6
Центральный район товарного земледелия . .		1,5—2,5	2,5—4,0	2,5—5,0	3,0—7,0
Приуральский	1,8—2,0	2,2	2,3—3,0	3,5—6,0	6,0—8,0 до 11,0
Северный промысловый (Вологодская губ.) . . .				3,0—6,5	
Ячмень					
Центральный промышленный	0,5—1,0	0,8—1,8	1,0—2,0	2,0—3,5	2,5—3,5
Северо-западный торгово-промысловый		1,0—1,5	2,0	2,0—3,5	4,5—5,5
Прибалтийский			1,8—2,0		
Белорусский (Полоцкая губ.)			2,0—2,5	3,0—4,0	5,0—4,0
Центральный район товарного земледелия . .		0,5—1,0	0,6—1,0	1,0	
Средневолжский		0,3—0,8			
Приуральский	0,3—0,7 и 0,8—1,0	0,8—1,2	1,0—1,5	1,5—3,0 и 4,0—5,0	2,5—3,5 и до 5,0—6,0
Северный промысловый (Вологодская губ.) . . .	0,7—1,0			1,5—3,0	

терна при этом амплитуда колебания хлебных цен, общий размер их роста за полстолетие. В среднем цены по всем районам возросли примерно в 5 раз. Такое изменение нельзя, конечно, объяснить отдельными недородами. При наличии такого значительного изменения мы не стали учитывать некоторого падения ценности денег в последней четверти XVIII в.

В этой связи обращает на себя внимание ещё одно существенное обстоятельство. В общем движении хлебных цен обозначаются совершенно определённые территориальные различия. Наиболее резкие колебания и наиболее значительный рост цен на хлеб приходились прежде всего на нехлебородные губернии, питавшиеся привозным хлебом. Не только цены на хлеб там выше — это могло бы вполне объясняться значительной стоимостью перевозки хлеба из производящих районов [1], — но и самое возрастание цен происходило здесь раньше и колебания были резче. В хлебородных земледельческих районах цены на хлеб не только были ниже, но и возрастание их несколько запаздывало.

Наконец, характерно и то, что более отдалённые районы, менее всего втянутые в рыночный оборот наиболее слабо и с особенным запозданием отражают эти изменения хлебного рынка. Изменения хлебных цен сказываются здесь, очевидно, отражённым путём. Таково положение в южных Воронежской, Харьковской, Саратовской губерниях. Этой же оторванностью от общерусского рынка объясняется и то, что для такой основной потребительской культуры, как рожь, наиболее низкие цены дал к концу века Приуральский район.

В целом же соотношение районных цен говорит о том, что решающее значение в росте хлебных цен играл в конечном счёте рыночный спрос, а не система сельскохозяйственного производства. Собственно говоря, к этому объяснению роста хлебных цен пришли ещё составители ответов на Сенатскую анкету 1766 г., которые конечную причину роста хлебных цен увидели в росте хлебных закупок из промышленных и торгово-промысловых губерний Центрального и Северо-западного районов, а последние объясняли общими экономическими сдвигами середины века (определившимися лет за 20 перед этим — усиливающимся переходом местного населения — крестьянства от земледелия к промышленным и промысловым занятиям).

В этой связи заслуживает внимания и другое характерное явление. Мы не имеем данных о движении посевов хлеба за 1760-е — 1770-е годы. Но мы видели, что именно конец 1780-х годов явился периодом значительного и повсеместного расширения запашки и хлебных посевов, в том числе и в губерниях промышленного центра. Таким образом, не только нельзя связывать рост хлебных цен с каким-то общим упадком сельского хозяйства в XVIII в., а, напротив, самый *рост хлебных цен оказывается, видимо, своего рода стимулом к его дальнейшему расширению*. Это стоит в прямом противоречии с представлением о кризисе сельского хозяйства, коренившемся якобы в исчерпании его естественных ресурсов и возможностей, в выпаханности почвы, в естественном упадке урожайности, с которым непосредственно связана теория «кризиса трёхполья». *Рост хлебных цен на протяжении второй половины XVIII в. коренился в общем изменении экономического строя*, выражавшемся в растущем разделении труда, в быстром росте промышленного производства, стремительно расширявшем рыночный спрос на сельскохозяйственное сырьё, и в соответствующем росте промышленного населения, предъявлявшего спрос на рыночный хлеб. Этим изменениям отвечали рост товарности сельского хозяйства и выделение специальных районов товарного сельского хозяйства. С ростом рыночных отношений в сельском хозяйстве стоял в непосредственной связи

---

[1] По данным «Комиссии о хлебе» от мая 1788 г. доставка 1 куля ржаной муки из Казанской губ. в Петербург должна была стоить 1 р. 95 к., а провоз из Вятской губ. — 2 руб. 37 к., Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 412, л. 109.

процесс расслоения крестьянства. В ходе этого расслоения выделялись, с одной стороны, низшие слои крестьянства, постепенно терявшие связь с сельским хозяйством, переходя к промышленным занятиям и на работу по найму. С другой стороны, более обеспеченная его часть составляла основную базу товаризации сельского хозяйства, а в своей верхушечной части уже осуществляла переход к сельскохозяйственному предпринимательству.

Анализ хлебных цен выдвигает ещё два специальных вопроса частного порядка, но также отражающих растущее значение внутреннего хлебного рынка.

Прежде всего отмечаются сезонные колебания хлебных цен в пределах года. Сезонные колебания отражены в поуездных показателях цен на хлеб по Рязанской губ. (Приложение IV, табл. 4/1), также в таблице по Петербургу, по Ярославской губ., по г. Кунгуру Пермской губ. (Приложение IV, табл. 3/1, 3/4, 3/6б). Колебания цен на хлеб по Рязанской губ., обеспеченной в основном хлебом местного урожая, составляли в среднем на протяжении года до 50%. Они оказываются значительно бо̀льшими по Ярославской губ. или по Кунгуру, где разница в ценах на хлеб местного урожая и на привозный хлеб, необходимый для покрытия местной потребности, должна была увеличивать амплитуду колебаний, достигавших в отдельные годы 100%; при этом сроки поступления привозного хлеба должны были сильно влиять на движение хлебных цен. В то же время характерны сравнительно небольшие сезонные колебания по Петербургу при довольно значительных скачках между годами. Это находит, видимо, своё объяснение в условиях снабжения Петербурга хлебом путём завоза его крупными партиями на весь год в период речного судоходства.

Мы располагаем только одной полной таблицей месячного движения хлебных цен — по Владимирской губ. за 1782 г. Для этого района, снабжение которого шло целиком средствами гужевого транспорта, низшие цены на рожь и пшеницу приходятся на зимние месяцы, с декабря по февраль, т. е. на время санного пути для перевозки хлеба, а высшие цены — на месяцы сельскохозяйственных работ по уборке хлеба — с августа по октябрь и на время весенней распутицы в апреле. Для яровых культур — овса и ячменя — вздорожание начинается уже в апреле, перед началом сева яровых, и охватывает период с апреля по июль. Характерно при этом, что наиболее значительные колебания цен дают местные продовольственные культуры — рожь и горох. Меньшие колебания цен на пшеницу и овёс, возможно, связаны с меньшим рыночным спросом. В южной Рязанской губ. сезонные колебания цен на пшеницу более значительные.

Во-вторых, обращают на себя внимание значительные колебания цен внутри губернии по отдельным уездам. В южной, Орловской губ. на поуездных колебаниях цен резко сказывается и поуездное состояние хлебопашества, но последнее в конечном счёте определяет именно степень зависимости района от хлебного рынка. Так, самые высокие цены на хлеб относятся к Карачевскому, Трубчевскому и Брянскому у., относительно которых было отмечено резкое отставание хлебопашества и сосредоточение сельскохозяйственных занятий на разведении конопляников. К этим уездам примыкают Орёл и Мценск — главные центры хлебной торговли в районе, пристани по отгрузке хлеба. Низшие цены приходятся на наиболее земледельческие уезды — Малоархангельский и Ливенский. *

Резкие колебания хлебных цен характерны для Псковской губ. (табл. IV 4/3), зависевшей в значительной мере от привозного хлеба. В этой связи особенно характерны более высокие цены на хлеб в уездах по сравнению с уездными городами, откуда, очевидно, привозной хлеб поступал на сельские рынки при посредстве городских торговцев. Это положение не распространяется на пшеницу, что объясняется, по-видимому, только слабостью общего рыночного спроса на дорогую пшеницу, тем более со стороны уездного населения.

Значительный разрыв порайонных цен отражается и таблицами цен по Пермской губ. в работе Н. Попова: крупные промышленно-торговые и административные центры — Пермь, Екатеринбург — противостоят небольшим уездным городам Кунгуру и Красноуфимску, из которых последний к тому же сам стоит в центре сравнительно развитого сельскохозяйственного района.

Сведённый в таблицах материал в целом ещё крайне невелик и позволяет скорее поставить определённые вопросы, в лучшем случае наметить пути их разрешения. Но для действительного их решения необходимо накопление ещё значительных конкретных данных и их последовательная систематизация. К тому же приведённые данные относительно поуездных и помесячных колебаний хлебных цен обязывают к сугубо осторожному подходу и к тем погубернским ценам, которые приведены в двух основных таблицах движения хлебных цен, так как нельзя учесть действительное значение хлебных цен, приведённых в том или ином губернаторском донесении или таблице: воспроизводит ли она конкретную цену за какой-то определённый месяц или среднюю годовую; к какому месяцу она относится в первом случае, как сделан расчёт средней — во втором. Нельзя сказать также, учтены ли поуездные колебания или взяты показатели по губернскому центру, причём скорее следует предположить последнее.

Говоря о решающем влиянии внутреннего рынка на строение и движение хлебных цен во второй половине XVIII в., мы не думаем при этом отрицать известное влияние хлебного экспорта. В частности, с хлебным экспортом, естественно, связывается движение хлебных грузов и других сельскохозяйствен-

ных продуктов (пеньки, льна, сала и пр.) к портам — Петербургу, Риге, Архангельску. Однако характерно, что при общем поступлении хлеба в Петербург в 1770—1790-е годы в объёме 1200—1500 тыс. чтв. — поступлении довольно устойчивом — общий вывоз хлеба из России определялся Семёновым в объёме около 400 000 чтв. Таким образом, удельный вес экспорта в общем поступлении хлеба в Петербург оказывается сравнительно невысоким и не мог оказывать серьёзного влияния на общее состояние внутреннего хлебного рынка.

Другой характер в этом отношении имела реализация технических культур. Крупное движение пеньки к Петербургскому порту стояло в непосредственной связи с её экспортом, который покрывался в значительной мере ещё за счёт вывоза по Западной Двине к Рижскому порту и частично к другим портам. Труднее учесть связь внутренних перевозок льна с его экспортом. Поступление льна в Петербург по волжскому пути и каналам резко отставало от объёма вывоза. Но последний покрывался, видимо, в значительной мере за счёт производства псковско-новгородского района, откуда он мог поступать к портам местными мелкими речками и в большом размере гужевым транспортом. По Архангельскому порту именно в этот период экспорт льна заметно сократился, и поступавший сюда из внутренних губерний лён шёл главным образом на обеспечение местного мелкого производства, в том числе крестьянского.

При сравнительно большем значении экспорта технических культур их реализация на внутреннем рынке, определявшаяся размерами промышленного производства, должна была расти быстрее. При этом промышленное и промысловое потребление сельскохозяйственного сырья по этой группе культур было шире его рыночного оборота, так как значительная часть его перерабатывалась на месте, внутри самого крестьянского хозяйства, и поступала на рынок уже после первичной переработки — как пряжа, поставляемая мелкими производителями-крестьянами на текстильные и прядильно-канатные мануфактуры, или в качестве готового фабриката — в виде крестьянского холста, парусины, рыболовных снастей и пр.

Прядильно-ткацким промыслам и текстильной промышленности принадлежала ведущая роль в капиталистическом развитии русской промышленности второй половины XVIII в. Рост промышленного спроса на сырьё по одной полотняной промышленности наглядно отражён в росте производства полотняных мануфактур, поднявшегося по официальным данным примерно с 7 млн. аршин в 1760-е годы [1] более чем до 19 млн. в конце 1790-х годов [2].

[1] ЦГИАЛ, ф. IV, Комиссии о коммерции, оп. 1, д. 237, л. 26—36.

[2] По примерному подсчёту данных ведомостей Мануфактур-коллегии. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, ведомости за 1762—1764 и 1793—1803 гг.

Обширная сеть предприятий возникла по переработке животного сырья — кожевенные, мыловаренные, салотопенные, овчинные и крупные суконные мануфактуры с переработкой овечьей шерсти, не говоря об использовании последней в значительно возросшем крестьянском мелкотоварном производстве.

Нельзя не отметить в этой связи и значения роста хлебопашества в распространении специальных промышленных отраслей — мукомольного и винокуренного производств. При этом по развитию мукомольного производства от основных земледельческих районов крупного хлебопашества не отставали потребляющие промышленные районы в связи с преобладанием дальних перевозок хлеба в зерне. При отдельных колебаниях по губерниям средняя насыщенность водяными мельницами составляла в основном от 3500 до 4500 мельниц на район; на юге их дополняло значительное число ветряных мельниц.

Что касается винокурения, то оно должно быть указано в качестве крупного потребителя товарного хлеба. Литература того времени отмечала предпочтительные условия реализации хлеба, переработанного в вино, в связи с меньшими транспортными расходами, на что указывал уже лифляндский помещик барон Вольф в своём проекте «наказа управителям». Другим преимуществом была обеспеченность сбыта при посредстве договоров на казённую поставку вина или контрактов с откупщиками. В районах со слабым вывозом хлеба, как Черниговская или Новгород-Северская губ., винокурение потребляло в конце XVIII в. 200 000 — 300 000 чтв. хлеба в год; в чернозёмной Рязанской губ., реализовавшей значительные партии хлеба на внутреннем рынке, на винокурение шло около 100 000 чтв., тогда как в потребляющей Московской губ. годовой расход хлеба на винокурение составлял около 50 000 чтв., главным образом за счёт крупных дворянских винокуренных заводов.

Специальное рассмотрение всей соответствующей группы вопросов относится, однако, к истории промышленности, а не сельского хозяйства.

12. Итоги

Общие итоги сельскохозяйственного производства второй половины XVIII в. характеризуются, таким образом, его *количественным ростом*, связанным с *серьёзными качественными изменениями*. Эти изменения определялись органическим *включением сельского хозяйства в общую систему всероссийского рынка и тесным взаимодействием с развитием промышленности*, для которой оно создаёт необходимую сырьевую и продовольственную базу. Этому отвечают *многообразные структурные изменения* — изменения удельного значения отдельных отраслей сельского хозяйства и отдельных сельскохо-

зяйственных культур, изменения их территориального размещения и отраслевой специализации районов в области сельского хозяйства, изменения, обозначающиеся в технике сельского хозяйства. И, наконец, все эти изменения получают своё отражение в социально-экономическом строе общества, в постепенно обозначившихся здесь социальных сдвигах.

Значительное расширение зернового хозяйства характеризуется его территориальным распространением, усилением сельскохозяйственного освоения новых районов и в то же время ростом размера посевов зерновых культур примерно в 2 раза только за последние два десятилетия XVIII в. Этот рост посевов отражал рост хлебного рынка и сопровождался выделением специальных районов товарного земледелия, развитием географического разделения труда. Выражением товаризации сельского хозяйства было специальное расширение посевов товарных хлебных культур (пшеницы, крупяных культур), особо характеризующее районы товарного земледелия, отмеченные высоким удельным весом и быстрыми темпами распространения этих культур.

В связи с ростом товарности сельского хозяйства стояло и распространение технических культур, определённое ростом русской промышленности в условиях развития капиталистического уклада. Посевы льна и конопли должны были обеспечить сырьём растущее полотняное производство, которое только в части мануфактурной промышленности возросло примерно в 3 раза, или канатно-прядильное производство, связанное с потребностями столь же быстро растущего судоходства. То же расширение внутреннего рынка выдвинуло задачу вытеснения импортного сырья продукцией собственного сельского хозяйства и сказалось в распространении табаководства, во внедрении новых масличных культур, в поисках красителей.

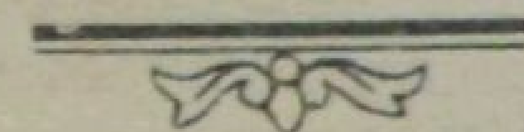
В общем развитии сельского хозяйства некоторое отставание отмечается в отношении скотоводства, получающего товарный характер лишь в периферийных районах. Первые заметные сдвиги всё же сказываются в развитии коннозаводства и в расширении овцеводства для снабжения шерстью суконной промышленности.

Изменения в экономике сельского хозяйства нашли отражение в его организации и технике: использование более совершенных специализированных орудий и совершенствование агротехники с переходом к улучшенным системам трёхполья и частичным применением новых форм севооборота. С этими вопросами непосредственно были связаны создание русской агрономической школы и развитие русской сельскохозяйственной экономики.

Другой стороной указанных изменений явилось развитие рынка сельскохозяйственных продуктов. Народнохозяйственная природа этого оформляющегося рынка определялась территориальным разделением труда, органической связью между образованием, с одной стороны, промышленных и торгово-промысловых районов с растущим отрывом сельского населения от сельского хозяйства и недостатком хлеба и, с другой стороны, районов товарного земледелия с производством хлеба на рынок и значительными товарными излишками хлеба; последнее относится и к другим продуктам земледелия и сельского хозяйства в целом. *Одним из проявлений развития и структурных изменений внутреннего рынка явилось состояние хлебных цен в стране и их значительный рост на протяжении второй половины XVIII в.*

Указанные изменения сельскохозяйственного производства и структуры рынка сельскохозяйственных продуктов были по своему содержанию не только технико-экономическими, но и социально-экономическими изменениями, неразрывно связанными с совершавшимися в стране социальными сдвигами. В основе этих сдвигов лежал процесс расслоения крестьянства, получающий решающее значение для всего дальнейшего социально-экономического развития страны.

Все указанные изменения, которые были последовательно прослежены на протяжении второй половины XVIII в., получили дальнейшее развитие в первой половине XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие сельского хозяйства России на протяжении XVIII в. сопровождалось определёнными изменениями его внутренней организации и структуры, затрагивавшими социально-экономические отношения в самом сельском хозяйстве и обусловившими известные социальные сдвиги.

В основе этого процесса лежал общий рост производительных сил страны. Значительное промышленное развитие, характеризующее вторую половину XVIII в., дальнейшее формирование и развитие всероссийского рынка, расширение ёмкости рынка сельскохозяйственных продуктов — создавали повышенный спрос на продукты сельского хозяйства. Опирающееся на развитие производительных сил расширение самого сельскохозяйственного производства шло навстречу этому спросу.

Экономическая литература часто отрицает этот рост производительных сил в сельском хозяйстве, указывая на продолжающееся господство в сельском хозяйстве старых орудий труда. Но при этом забывалось, что и мануфактура как капиталистическая форма промышленности, отвечавшая данному этапу, также строилась в основном на базе старой техники, однако подчиняя её новым формам организации и эксплуатации. Только промышленный переворот приводит к торжеству новой машинной техники, но уже в рамках фабрики как высшей формы капитализма в промышленности. И в области сельского хозяйства утверждаются новые, более совершенные формы использования старой техники в соединении с новыми тенденциями и формами хозяйственной организации.

Именно этот рост производительных сил создал ту *остроту противоречий между новыми производительными силами и*

старыми производственными отношениями, которая привела к конечному кризису и краху феодального строя в середине XIX в.

На основе роста производительных сил осуществлялось прежде всего последовательное вовлечение новых районов в систему развитого сельского хозяйства. Вторая половина XVIII в. характеризуется значительным ростом сельскохозяйственного освоения Центрального земледельческого района с последовательным распространением на юг — в степной район, на восток — в районы средневолжских губерний, с началом освоения восточного чернозёмного района Заволжья. В конце века происходит включение в состав сельского хозяйства России западных, заднепровских губерний Украины и Белоруссии. Однако *речь идёт* при этом *не о простом перемещении, колонизационной передвижке крестьянства в новые районы под влиянием исчерпания ресурсов в старых районах,* как это трактовали буржуазные и мелкобуржуазные историки сельского хозяйства, *а об органическом включении указанных новых районов в общую систему всероссийского рынка,* т. е. в органическую систему территориального разделения труда в рамках единого хозяйственного целого.

С этим связано оформление территориального разделения труда, как выражение капиталистической эволюции хозяйства. В основе хозяйства второй половины XVIII в. лежит прежде всего разделение на районы с преобладанием промышленного производства, мануфактурного или промыслового типа, и на районы с преобладающим значением сельского хозяйства, при обязательном тесном взаимодействии, органической экономической связи между теми и другими районами. Районы с преобладанием сельского хозяйства в этих новых условиях становились необходимой продовольственной и сырьевой базой промышленного развития первой группы районов, поставщиками сельскохозяйственной продукции для них. Так создавалась основа реализации растущего производства сельского хозяйства, его превращения в товарное производство. При этом принцип территориального разделения труда осуществлялся не только между промышленными и сельскохозяйственными районами, но вёл неизбежно и к выделению отдельных сельскохозяйственных районов, специализированных по отраслям и по культурам. Так обозначилось выделение специальных районов технических культур, в первую очередь льна и конопли, особое значение которых определилось прежде всего ростом текстильной промышленности и прядильно-ткацких промыслов. Таковы льноводческие районы Псковской и Вологодско-Костромской губ., районы конопли в Смоленской и Калужской губ., в западных уездах Орловской и на Стародубщине в Новгород-Северской губ., район табака на Украине, виноградарства на Нижнем Дону или район разведения спе-

циальных масличных культур в Поволжье. В рамках самого хлебопашества начиналось складывание специальных районов посева пшеницы, как наиболее ценной товарной культуры, в степных районах Юга и восточном чернозёмном районе Заволжья.

Специализация этих сельскохозяйственных районов закреплялась на протяжении XIX в., как показывают исследования сельского хозяйства России 70—80-х годов XIX в.[1] Обозначились и важнейшие районы товарного скотоводства: украинские губернии — на Юго-западе, Причерноморье, прежде всего донские степи — на Юге, заволжские степи — на Востоке, Холмогорско-Вологодский район — на Севере.

Всё это вело к разрушению натурального хозяйства, одного из необходимых условий феодальной системы.

Производство на рынок, переход к системе товарного производства, составляет основное направление начавшейся во второй половине XVIII в. перестройки экономики сельского хозяйства. Определяя изменения, происходящие в сельском хозяйстве на последнем этапе феодализма, в период его разложения, в связи с переходом к денежной форме ренты, Маркс указывал на «более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения». Непосредственный производитель, писал Маркс, «утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом», «...приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования»; «...часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар»[2].

Последнее должно было вести к изменению общественной организации труда в сельском хозяйстве.

В XVI—XVII вв. основным источником крупного купеческого торга и экспорта являлись излишки сельскохозяйственных продуктов в крупном феодальном хозяйстве, образовавшиеся в результате общего роста производительных сил. Продажа сельскохозяйственной продукции крестьянами ограничивалась рамками отдельных местных замкнутых рынков. Для первой половины XVIII в. характерна определённая узость рынка сельскохозяйственных продуктов, ограниченность внутреннего товарного оборота хлеба. Последний всё ещё ограничивался в основном старым русским центром, в значительной мере будущим Центральным промышленным районом и непо-

[1] Ср. *А. С. Ермолов*, Организация сельского хозяйства, Спб. 1894, в частности ч. II, гл. V—VII.

[2] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 810.

средственно прилегавшими к нему с юга губерниями. Новые земледельческие районы оставались слабо втянутыми в общую систему всероссийского рынка. В отношении левобережных украинских губерний и Слободской Украины это сказывалось ещё и во второй половине XVIII в.

Решающее значение в развитии товарного производства и рынка сельскохозяйственных продуктов, как показал весь приведённый выше материал, имела вторая половина XVIII в., причём главную роль в этом процессе играло именно крестьянское хозяйство. *Крестьянство являлось основным поставщиком хлеба на рынок,* прочно включившись в систему постоянных рыночных связей. По одному подсчёту, сделанному в то время для одной из наиболее крупных хлебопроизводящих губерний — Курской (возможно, несколько преувеличенному), удельный вес крестьянства в губернской реализации товарного хлеба составлял в последней четверти XVIII в. свыше 90%. Крестьянство являлось *почти монопольным поставщиком сельскохозяйственных технических продуктов,* как лён, пенька, льняное и конопляное семя, табак на Украине, будь то в виде сырья или в виде полуфабриката (пряжа) и готовой товарной продукции (холст, масло), полученной от переработки внутри того же крестьянского хозяйства. Одним из показателей роста хлебного рынка во второй половине XVIII в. явился стремительный рост хлебных цен — в 4—5 раз — для основной потребительской культуры — ржи.

В результате обозначаются изменения в самом экономическом строе общества, изменения социальные. *Непосредственное вовлечение широких масс крестьянства в систему рыночных отношений, развитие товарного производства имело своим необходимым следствием углубляющийся процесс крестьянского расслоения,* который в свою очередь становился основой дальнейших изменений хозяйственного строя в направлении его капиталистического развития. С одной стороны, уже определяется процесс выделения зажиточной крестьянской верхушки, хозяйство которой постепенно становится главной базой товарного производства и многообразного сельскохозяйственного предпринимательства с эксплуатацией наёмных рабочих в своём хозяйстве, в прямой или скрытой форме. С другой стороны, всё шире развивается процесс разорения средних и малоимущих слоёв крестьянства, их отрыв от средств производства, «образование класса неимущих подёнщиков, нанимающихся за деньги»[1]. Наиболее осязательной и учтённой формой этого процесса является отходничество, охватившее в промышленных губерниях до 40% дворохозяев (Ярославская губ.), но и в южных земледельческих губерниях достигавшее 10% (Курская губ.). При этом остаются ещё неучтенными внутригубернский

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 812.

отход и разные скрытые кабальные формы работы по найму, как кабальная аренда надельной крестьянской земли с работой официального держателя надела на зажиточного односельчанина-арендатора в его хозяйстве. Но господство феодального строя тормозило распространение этого процесса, особенно внутри самого сельского хозяйства, где непосредственные формы наёмного труда носили ещё спорадический, временный характер, выступали в большей мере как временный сезонный наём на период сельскохозяйственных работ, как отход в сельскохозяйственные районы «на жнитво», «на косовицу» и т. д.

Замедленность, определённая заторможённость этого процесса связана с особенностями отражения изменений экономического строя в помещичьем хозяйстве. С одной стороны, помещичье хозяйство также включается в систему растущих рыночных отношений, и хозяйственная мысль помещика второй половины XVIII в. обращена прежде всего на увеличение денежных доходов своего хозяйства либо за счёт фактической экспроприации денежных поступлений крестьянского товарного хозяйства в форме денежной ренты, либо путём увеличения товарной продукции своего собственного господского хозяйства на основе барщины. В этом его коренное отличие от помещичьего хозяйства XVII в., сохранявшего в значительной мере натурально-замкнутую основу организации с ведущей ролью потребительских задач [1]. При этом к концу XVIII в. уже отчётливо выдвигаются задачи экономической организации и агрономического усовершенствования сельского хозяйства, отразившиеся в быстром подъёме русской агрономической науки и возникновении русской сельскохозяйственной экономии.

Но, с другой стороны, в условиях указанного господства феодально-крепостного строя *помещики* в конечном счёте *пытались решать эти задачи феодальными методами, на базе феодальной ренты.* Первым проявлением новой тенденции явился переход к денежной ренте в «национальном масштабе» как прямое отражение роста крестьянского товарного хозяйства. В условиях последовательного роста капиталистического уклада и связанных с этим противоречий феодальной системы денежная рента обнаруживает тенденцию стремительного роста и к концу XVIII в. достигает, согласно приведённым данным, 30—50 руб. на тягло, становясь непосильной для массы крестьянства. С последней четверти века и особенно в 90-е годы отмечается значительное усиление барщины, однако на новой экономической основе и с новой функцией.

Барщина становится прежде всего средством к увеличению товарной продукции вотчинного хозяйства и к укреплению по-

[1] Ср. материалы хозяйства Безобразова (*А. А. Новосельский*, Вотчинник и его хозяйство в XVII в.) или хозяйства боярина Морозова.

зиции помещичьего хозяйства на рынке сельскохозяйственных продуктов. Если во второй половине XVIII в. крестьянское хозяйство решительно преобладало на рынке сельскохозяйственных продуктов, то *систематическое расширение господского хозяйства к концу века, на базе барщинного труда крестьян, имело своей основной целью увеличение товарной продукции вотчинного хозяйства,* как условие активного выхода на рынок и увеличения своих денежных доходов. Именно здесь надо искать причину резкого увеличения в первой половине XIX в. удельного веса продукции помещичьего хозяйства, главным образом помещичьего хлеба, на внутреннем рынке (особенно в 20-е и 30-е годы), на что настойчиво указывает экономическая литература. Эта барщинная система хозяйства по-прежнему распространялась и на промышленное предпринимательство дворянства, развивавшееся на базе эксплуатации крепостного труда («заводская» и «фабричная» барщина).

Если быстрый рост товарного производства в сельском хозяйстве во второй половине XVIII в. и прежде всего крестьянского мелкотоварного производства обусловил рост крестьянского расслоения как основы «так называемого первоначального накопления», то консервация феодального строя и связанная с этим узость рынка рабочей силы, сохранение барщинной системы хозяйства тормозили дальнейшую перестройку сельского хозяйства.

Глубокие противоречия пронизывают все стороны развития сельского хозяйства на этой стадии распространения капиталистического уклада: начавшееся разложение феодальной собственности на землю, эволюцию феодальной ренты, борьбу крестьянского и помещичьего хозяйства. Эти противоречия и обострявшаяся на их базе социальная и экономическая борьба резко усилились на рубеже XVIII и XIX вв., охватив всю систему сельского хозяйства. Расширение барщины и наступление феодала на крестьянское хозяйство было ещё одной попыткой дворянско-помещичьего класса удержать старую систему производственных отношений в сельском хозяйстве в борьбе с развитием капиталистических отношений в стране. Эта политика помещичьего класса становилась решительным тормозом в развитии производительных сил. В общей системе экономического развития она закрывала путь формированию рынка рабочей силы. В развитии сельского хозяйства она подрывала его основную базу — крестьянское хозяйство, на котором в конечном счёте покоилось и само помещичье хозяйство феодальной эпохи.

Глубокие социальные противоречия определили остроту классовой борьбы крестьянства, фактически не прекращавшейся на протяжении всей второй половины XVIII в. Она достигла исключительного размаха в количественном и территориальном отношении уже в конце 1750-х и в 1760-е годы, охва-

тив, по данным Екатерины II, до 200 тыс. крестьян [1]. Кульминационным моментом этого подъёма классовой борьбы явилась крестьянская война 1773—1774 гг. Но поражение крестьянской войны и её жестокое подавление помещичье-дворянским правительством Екатерины II не могло остановить развитие крестьянской борьбы, обусловленной всем ходом социально-экономического развития. Она продолжается с большим упорством во второй половине 70-х годов и получает новое массовое распространение в 1796—1798 гг., охватив 34 губернии Европейской России. Важно отметить, что всё это лишь отдельные звенья единого процесса роста крестьянской борьбы во второй половине XVIII в., определяющие общее направление её развития, включающего крестьянскую войну под предводительством Пугачёва как органическую составную часть. Обычное для нашей литературы рассмотрение крестьянской войны вне этого исторического контекста в известной мере мешало раскрытию общих закономерностей крестьянской борьбы этого периода в её конкретной социально-экономической обусловленности.

Новые исторические условия определили и основные характерные черты крестьянского движения на этом этапе. Из выступлений против отдельных помещиков, против отдельных крайностей крепостнической эксплуатации оно перерастает в борьбу против самих основ крепостного права. В непосредственное содержание обострившейся крестьянской борьбы включается в этой связи прежде всего борьба за землю, в частности против усиливающегося в конце века изъятия крестьянской надельной земли под господское хозяйство; другим её специальным проявлением явилась борьба вокруг форм феодальной ренты.

Крестьянское движение представлено не выступлением отдельных крестьянских коллективов против отдельных помещиков, а приобретает массовый характер, охватывая целые районы, объединяя крестьян разных помещиков, а зачастую помещичьих крестьян с государственными. Так, в 1756 г. крестьянское движение охватило многочисленные сёла Пензенской губ., состоявшие за разными владельцами [2], в 1758 г. в Вятской губ. «отперлись» от владельца — Трифонова монастыря — 11 582 д. м. п. [3] Объединённое и часто вооружённое выступление нескольких тысяч крестьян — обычное явление для 1760-х годов. В 1796—1798 гг. в трёх смежных уездах Владимирской губ. (Юрьев-Польском, Покровском и Переяславль-Залесском) восстанием было охвачено 38 вотчин и в нём участвовали 9773 д. м. п., или 80% общего числа [4]. Тогда же восста-

[1] См. *С. Соловьев*, История России с древнейших времен. Издание «Общественная Польза», Спб, б. г., книга 5, стб. 1384.

[2] *С. Петров*, Пугачёв в Пензенском крае, Пенза 1950, с. 36.

[3] *С. Токарев*, Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке, стр. 40—41.

[4] ЦГАДА, ф. 1244, оп. 390, д. 59366.

ние в двух крупнейших вотчинах Орловской губ. (Апраксина и Голицыной) охватило около 13 000 крестьян [1].

Крестьянство в своей борьбе, отвергая законность помещичьего права, пыталось опереться на царские указы и манифесты, нередко вымышленные, создававшиеся в их собственной среде, и в этом сказывалась не только идейная ограниченность движения, но вместе с тем и его принципиально новое содержание, своеобразная форма сознания его антифеодальной сущности. С этим связан и исключительно упорный характер движения, выливавшегося, как правило, в вооружённые выступления крестьянства, в военную борьбу, характеризующую не только крестьянскую войну 1773—1774 гг., но и отдельные местные выступления крестьян как в период, предшествующий крестьянской войне, так особенно в период, следующий за ней. Обстоятельные описания такой упорной и в какой-то мере организованной борьбы мы имеем для восстания 1765 г. в с. Ивановском Пензенского у. с его округой [2], а в 1797 г. — для упомянутого объединённого выступления крестьян Апраксина и Голицыной в Орловской губ. Так, известные элементы организованности, пусть ещё ограниченные и весьма условные при неразвитости рабочего класса, всё же проникают в какой-то мере в крестьянские выступления.

Указанные черты, непрерывно нарастающие на протяжении рассматриваемого периода, получили особенно яркое выражение на рубеже XVIII в., в движении 1796—1798 гг., непосредственно подводящем к борьбе первой половины XIX в. Во многих случаях крестьяне начинали с составления челобитных и избирали своих ходоков к царю, проводя раскладку и сбор денег на связанные с этим расходы. Крестьяне обычно отказывались от всяких переговоров с помещиками и местными властями до возвращения своих выборных с официальным указом по их прошению. В ряде случаев крестьяне готовились к вооружённому отпору царским войскам: шла заготовка оружия и укрепление села, организация военных отрядов и т. п. [3]

Обострение крестьянской борьбы, вместе с общим развитием буржуазных отношений и ростом буржуазной идеологии, привело к широкой постановке именно в этот период крестьянского вопроса, впервые отчётливо прозвучавшего в 1760-е годы.

Под непосредственным давлением развернувшегося крестьянского движения Екатерина II оказалась вынужденной по-

[1] ЦГАДА, разряд VII, д. 2918, ч. I.

[2] См. *Т. П. Ржаникова*, Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (рукопись диссертации), гл. III, сс. 451—482.

[3] Краткая характеристика крестьянского движения второй половины XVIII в. на конкретном и, в частности, архивном материале содержится в статье, опубликованной автором в журнале «Вопросы истории» № 11, 1956 г.

ставить известную «задачу» о крестьянской собственности перед организованным в 1765 г. Вольным экономическим обществом. Острая идейная борьба развернулась по этому вопросу в Уложенной комиссии 1767 г. вокруг выступлений Г. Коробьина, Я. Козельского, П. Самарского и депутатов от государственных крестьян А. Маслова, И. Чупрова [1].

Этот вопрос получил открытую постановку в литературе на страницах сатирических журналов Н. И. Новикова 1769—1774 гг., объединившего в своей журнальной деятельности передовые силы русского общества того времени в лице А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина и др. [2] Борьбу Новикова против крепостного права не могла остановить и жестокая реакция, наступившая вслед за подавлением крестьянской войны; в 1775 г. он выпустил сборник избранных статей из своих «журналов» в виде третьего издания «Живописца», предельно заострив антикрепостническую направленность издания.

Тогда же, в 1760-е годы, выступил с критикой крепостного права философ-просветитель Я. Козельский в своих «Философических предложениях» (1768 г.). В этом же 1768 г. представитель передовой экономической науки в России И. Третьяков предложил для публичного выступления в Московском университете тему, открыто направленную против крепостного строя: «Происходит ли наибольшая польза в государстве от рабов или от людей свободного состояния и от уничтожения рабства». Эта тема не случайно не была принята, но идеи автора нашли своё отражение в его двух «Рассуждениях», произнесённых в 1769 и 1772 гг.

Ещё последовательнее эта критика феодализма прозвучала у выдающегося русского юриста и социолога С. Десницкого, выступившего в 1781 г. с глубокой критикой самих основ феодального строя и с теоретическим обоснованием идущего ему на смену буржуазного, по его терминологии — «коммерческого состояния, опирающегося на несравненно совершеннейшее... понятие о праве собственности» [3].

Из опыта крестьянской войны выросла революционная постановка крестьянского вопроса А. Н. Радищевым, получившая последовательное отражение в его замечательном «Путешествии из Петербурга в Москву». Радищев решительно осудил крепостной строй и выступил убеждённым защитником крестьянских прав. «Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее?» [1] — заявлял он. Он показал общественный вред крепостного права и настоятельную необходимость его уничтожения: «И так нива его (крестьянина. — *Н. Р.*) дает ему плод сугубый, и так все плоды трудов земледелателей мертвеют или паче не возрождаются, они же возродились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно» [2]. Он дал яркую картину тяжести крепостнической эксплуатации [3] и, оправдывая крестьянскую борьбу и расправу над помещиками [4], с твёрдой уверенностью смотрел в будущее, когда крестьянин сбросит с себя узы крепостного права: «он жив, он жив будет, если того восхочет» [5].

Эта радищевская линия получает своё дальнейшее развитие и утверждение в кругу последователей его идей, в произведениях поэтов-радищевцев — в сочинениях И. П. Пнина, И. М. Борна, В. В. Попугаева и др. К этому же радищевскому кругу примыкает сатирическая журнальная деятельность И. А. Крылова, общественная деятельность И. Г. Рахманинова. Отсюда протягиваются связующие нити к общественному движению первой четверти XIX в., к революционному выступлению декабристов, определившему первый этап революционного движения в России [6].

Так в классовой борьбе и в общественной мысли второй половины XVIII в., определённых развитием новых, капиталистических отношений и начавшимся разложением феодального строя, формировались пути дальнейшего исторического развития России.

Указанные противоречия развития капиталистического уклада нашли своё непосредственное выражение в особенностях процесса так называемого «первоначального накопления» в России. Дореформенная крепостническая *Россия не знала* того *массового сгона крестьян с земли,* который характеризовал, как показал Маркс, страну классического развития капитализма — Англию XVI в. В России *этот процесс осуществлялся в форме замедленного процесса расслоения крестьянства,*

---

[1] См. сб. РИО, т. 22.

[2] Мы не можем согласиться с мнением Г. Макогоненко, пытающегося в своих последних работах приписать соответствующие статьи в журналах Новикова его авторству. См. *Г. Макогоненко,* Николай Новиков и русское просвещение XVIII в., М. — Л. 1951, в частности стр. 236—259.

[3] *С. Е. Десницкий,* Юридические рассуждения о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства... «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, 1952, стр. 268—286; см. *И. С. Бак,* С. Е. Десницкий — выдающийся русский социолог, «Вопросы философии» № 1, 1955 г., стр. 58—67.

[1] *А. Н. Радищев,* Соч., т. 1, М.— Л. 1938, стр. 314.

[2] См. там же, стр. 319.

[3] См. там же, стр. 325.

[4] См. там же, стр. 305, 326.

[5] См. там же, стр. 369.

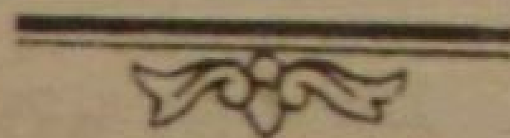
[6] Мы ограничились этими краткими указаниями на развитие передовой общественной мысли, поскольку этот вопрос представляет специальную тему, требующую самостоятельного детального освещения и имеет уже свою обширную литературу, прежде всего советскую. В качестве одного из последних обзоров, стоящего при этом в непосредственной связи с темой настоящего исследования, можно указать на «Историю русской экономической мысли», т. I, ч. 1, М. 1955, р. V.

постепенно ускорявшегося по мере углубления противоречий феодальной системы и развития капиталистического уклада и сопровождавшегося фактическим отрывом разорявшейся массы скудного крестьянства от средств производства, от земли. *Этот процесс смог завершиться массовой «чисткой земель» лишь с отменой крепостного права в 1861 г.*

В первой половине XIX в. противоречия сельскохозяйственного развития перерастают в острый социальный конфликт и имеют следствием общий кризис феодального строя сельского хозяйства (но не сельского хозяйства вообще, как полагали мелкобуржуазные экономисты народнического толка). Прямым выражением этого конфликта явился кризис дворянско-помещичьего хозяйства, сказавшийся в ломке дворянского землевладения (к середине XIX в. около 50% всех дворян оказались безземельными или владели менее чем 20 душами крестьян). В то же время ускорение и углубление процесса крестьянского расслоения вело к его превращению в капиталистическое разложение крестьянства.

В промышленности такой кризис старой феодальной системы обозначился уже на предыдущем этапе — с переходом ведущего значения к капиталистической форме производства — мануфактуре. В системе рыночных отношений, получив своё начало в XVII в. на базе товарного производства, кризис нашёл своё выражение в быстром росте внутреннего (т. е. капиталистического) рынка на основе территориального разделения труда. *Распространение этого процесса в первой половине XIX в. на область сельского хозяйства означало превращение начавшегося кризиса в общий кризис феодализма и составило содержание второго этапа развития капиталистического уклада.*

Он завершается революционной ситуацией 50—60-х годов XIX в. и приводит к отмене крепостного права.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Обеспеченность землёй на 1 д. м. п. (в дес.)[а]

По губерниям

Название губерний	Средняя по губернии		Государственные крестьяне								Помещичьи крестьяне					
			средняя		экономич.		дворцовые		однодворцы		средняя		барщинные		оброчные	
	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I. Центральный промышленный район																
1. Московская:																
А	8,0	3,1	9,4	2,7							7,4	3,1	7,7	3,2	6,7	2,7
Б	7,9	2,8														
2. Владимирская:																
А																
Б	8,0	3,5														
3. Калужская:																
А	6,0	3,5									6,0	3,7				
Б	8,4	3,3														
4. Ярославская:																
А	8,6	2,9	(7,0)	(2,6—2,7)							(8,6—9,0)	(1,1)				
Б	8,0	2,8														
5. Костромская:																
А	22,8	4,2			20,6	3,8	21,7	4,5			19,5	4,6				
Б	18,0	3,8			16,0	3,3					18,5	4,1				
Средние данные по району:																
А	8,0	3,5														
Б	8,0—9,0	3,0—4,0														
II. Северо-западный торгово-промысловый район																
1. Тверская:																
А	12,6	3,2									14,2	3,5 (3,0)				
Б	12,0	3,6														
2. Смоленская:																
А	11,5	4,7									10,0	4,5 (от 4,0 до 5,5)				
А$_1$[б]	10,0	3,2														
Б	11,3	4,2														
3. Псковская:																
А	15,0	4,8														
Б	13,2	4,0														
4. Новгородская:																
А	30—70	3,0—5,0									30—40	3,0—5,0				
Б	40,0	3,8														
5. Петербургская:																
А																
Б	28,0	3,2														
III. Центральный земледельческий район																
1. Тульская:																
А	8,2	5,7								8,6	6,0	5,2				
Б	6,5	4,5	10,1	7,4	5,3	3,5	15,0	11,8[в]	17,0	12,7	5,5	4,0		5,4	3	3
2. Рязанская:																
А	7—12	4,5—5					3				7—10	5 и 3				
Б	9,0	св. 5,0														
3. Орловская:																
А	13,0	5,0[г]									9,7	4,6	9,0	4,5	11,2	4,6[д]
Б	8,6	4,0														
4. Курская:																
А	8,9	5,4														
Б	8,4	4,2									9—10	5				

[а] Строка «А» основана на материалах экономических примечаний; в строке «Б» содержатся данные топографических описаний.

[б] По материалам диссертации т. Рябкова.

[в] Личные императрицы.

[г] Выборочно по 5 уездам: по табелям общее по губернии 7—10 всего земли, 4—6 — пахотной и для помещичьих 5—10 всего земли, 3,5—6,0 — пахотной.

[д] Выборочно по 4 уездам.

Продолжение

Название губерний	Средняя по губернии		Государственные крестьяне								Помещичьи крестьяне					
			средняя		экономич.		дворцовые		однодворцы		средняя		барщинные		оброчные	
	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
5. Тамбовская:																
А	16,0	5,6	10,7	5,6	9,0	4,8	9,1	5,0	16,0	6,5	13,8	4,8				
Б	12,5	5,0														
6. Пензенская:																
А	11,5	4,8	14,0	4,7							9,6	4,6				
Б	10,0	6,0														
7. Воронежская:																
А	17,0	6,7[е]										6,0—7,0[ж] и выше				
Б	11,5	5,0														
IV. Юго-западный район																
1. Харьковская:																
Б	9,4	5,6									9,5	5,0				
2. Новгород-Северская:																
Б	7,6 (Новгород-Северская, Черниговская, Киевская)															
Черниговская:																
Б																
Киевская:																
Б																
Из них:																
Черниговская:																
Б	10,0	4,6														
V. Средне-Волжский район																
1. Нижегородская:																
А	15 и 7—8										6,5—8,5	3,4—4,5				
Б	12,8	5,0														
2. Казанская:																
А	св. 10	4,0—6,0									10	4—7[з]				
Б	ок. 15,0	7,0														
3. Симбирская:																
А																
Б	22,7	8,3														
4. Саратовская:																
А																
Б	53	12,0														
VI. Приуральский район																
1. Вятская:																
А																
Б	40,0	8,0														
2. Пермская:																
А		4,7														
Б																
3. Уфимская (Оренбургская):																
А		6														
Б		6														
VII. Северный район																
1. Архангельская:																
А																
Б																
2. Вологодская:																
А	25—100	2,5—3,5									11—35	2,5—2,5				
Б																
3. Олонецкая:																
А	160	3,4														
Б	14,4	св. 4,0														
4. Выборгская																
VIII. Прибалтийский район																
1. Рижская:																
А	16,0	2,8														
Б																
2. Ревельская:																
А	22,0															
Б																

[е] Выборочно по 8 уездам, аналогичные данные по табелям.

[ж] В Павловском и Калитвенском у. — 2,0 — 3,0.

[з] Помещичьи в основном в земледельческих уездах.

Обеспеченность землёй на 1 д. м. п. (в дес.)

По уездам

Название губерний и уездов	Средняя по губернии. По данным топографических описаний		По данным экономических примечаний																	
			Средняя по губернии		Государственные крестьяне										Помещичьи крестьяне					
					Средняя		Экономич.		Дворц.		Однодв.		Стар. служб.		Средняя		Барщинные		Оброчные	
	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
А. Центральный промышленный район:																				
I. Московская:	7,9	2,8	8,0	3,1	9,4	2,7									7,4	3,1	7,7	3,2	6,7	2,7
1. Богородский	12,6	2,7	10,7	2,3	10,0	2,6	13,3	2,6	12,5	3,0					11,3	2,0	9,9	2,2	13,0	2,1
2. Бронницкий			8,0	3,0	8,7	2,5	7,3	3,0	7,7	1,7					8,0	3,2	9,5	3,4	7,0	3,0
3. Верейский			8,3	3,3	11,2	3,7	6,0	2,7							7,3	3,2	10,0	3,3	4,2	3,0
4. Волоколамский			9,5	4,2	14,9	5,4	8,0	4,0							7,3	4,2	7,1	4,3	8,2	4,0
5. Воскресенский	7,6	2,7	8,5	2,7	11,4	2,1	6,3	2,9	5,7	2,7					8,3	2,6	8,0	2,5	15,5	3,7
6. Дмитровский			7,5	2,8	7,8	2,4	7,5	2,9							7,2	2,9	7,4	2,9	7,0	2,8
7. Звенигородский	6,3	2,7	6,6	2,9	7,1	2,3	5,5	2,7	5,0	3,2					6,5	2,9	6,3	3,0	7,3	2,6
8. Клинский			11,5	2,8	5,9	3,3	7,7	2,7							10,0	2,5	8,5	2,8	13,2	2,3
9. Коломенский			6,2	4,4	12,7	15,2	3,2	2,5							5,0	3,3	5,5	3,9	4,0	2,5
10. Можайский	7,0	2,3	8,0	2,6	14,0	3,1	6,0	2,6							7,4	2,7	7,7	2,9	7,0	2,5
11. Московский			6,8	2,2	7,0	2,5	4,9	2,2	7,4	2,4					6,0	1,8	6,3	1,8	5,0	1,7
12. Никитинский			5,1	3,3	4,9	3,6	4,4	2,8	4,3	2,8					5,3	3,3	5,2	3,3	5,7	3,3
13. Подольский	5,9	3,4	6,5	3,3	11,1	5,0	3,9	2,7							5,1	3,0	5,6	2,9	4,7	3,2
14. Рузский			8,2	3,5	12,5	4,0									6,7	2,8	7,2	2,9	6,5	2,8
15. Серпуховский			8,7	3,9	17,7	6,8	6,0	3,0	8,0	4,2					6,2	3,2	8,0	3,6	5,2	2,4
II. Ярославская:	9,0	2,8																		
1. Угличский	9,0	3,0			7,2	2,6									9,0	св. 3,1				
2. Романовский	7,0	3,4			ок. 4,0	3,0									7,0	3,4				
3. Рыбинский	9,0	2,9			6,0	2,7									9,0	3,0				
4. Мологский	17,2	3,5			14,3	2,3											14,0	3,1	15,0	3,0
5. Ярославский	6,5	2,7														2,0—5,0				
III. Костромская:	18,0	3,8					20,6	3,8	21,7	4,5					8,0—9,0	3,1				
1. Буйский	11,6	3,9					9,0	3,0							12,0	4,2				
2. Варнавинский	5,4	4,9							140,0	7,3					42,0	4,4				
3. Ветлужский	83,0	6,0					80,0	5,8							50,0	6,0				
4. Галичский	13,0	4,5					10,0	3,5							13,0	4,6				
5. Кадыевский	25,0	4,1					12,0	2,6							31,0	5,0				
6. Кинешемский	10,0	4,0			16,0	2,2	5,3	3,5	6,6	3,3					9,9	4,0				
7. Кологривский	56,0	5,9					47,5	9,0							38,0	5,3				
8. Луховский	8,7	4,1					7,3	2,2	6,9	3,8					9,0	4,2				
9. Макарьевский на Унже	36,0	5,5					89,0	5,4	17,3	5,7					28,5	4,8				
10. Нерехотский	7,3	3,8					6,5	3,3							7,3	3,9				
11. Плесский	7,4	3,8					5,8	13,5							7,3	3,8				
12. Солигаличский	26,7	5,6					33,0	17,0							25,9	5,4				
13. Чухломский	17,0	5,6					10,0	5,2							16,0	5,5—5,8				
14. Костромской	11,5	3,8							9,0	2,9					12,0	4,2				
Б. Центральный земледельческий район [a]																				
I. Тульская:																				
А			8,2	5,7			5,3	3,5	15,0	11,8		8,6	26,0	10,2	6,0	3,8		5,4		3,3—10,2
Б			6,5	4,5	10,1	7,4					17,0	12,7			5,5	4,0				

[a] Строка «А» основана на материалах экономических примечаний; в строке «Б» содержатся данные топографических описаний.

Название губерний и уездов	Средняя по губернии. По данным топографических описаний: всего земли	Средняя по губернии. По данным топографических описаний: пахотной	По данным экономических примечаний. Средняя по губернии: всего земли	Средняя по губернии: пахотной	Государственные крестьяне. Средняя: всего земли	Средняя: пахотной	Экономич.: всего земли	Экономич.: пахотной	Дворц.: всего земли	Дворц.: пахотной	Однодв.: всего земли	Однодв.: пахотной	Стар. служб.: всего земли	Стар. служб.: пахотной	Помещичьи крестьяне. Средняя: всего земли	Средняя: пахотной	Барщинные: всего земли	Барщинные: пахотной	Оброчные: всего земли	Оброчные: пахотной
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1. Алексинский:																				
А			5,9	3,8			5,5	2,4				3,2			6,0	3,8		4,4		3,1
Б					5,1	1,9									6,0	3,8				
2. Белёвский:																				
А			7,6	4,3			6,5	3,2				5,3			7,5	4,3		4,9		2,8
Б					6,0	3,9									6,6	3,8				
3. Венёвский:																				
А			7,8	5,1				3,2				5,0		7,5	7,4	5,6		5,0		
Б					5,5	3,7									5,2	3,4				
4. Епифанский:																				
А			6,6	5,0					11,0	8,0		12,4		6,9	6,2	4,5		4,5		
Б					17,0	9,0		4,3							4,8	3,5				
5. Крапивенский:																				
А			6,5	5,0				1,9				6,7			6,5	4,9		4,9		4,6
Б					7,0	4,6					19,0	15,0			5,0	3,8				
6. Каширский:																				
А			6,8	4,6				3,2							6,2	4,6		4,5		3,2
Б					4,0	2,8									5,7	4,1				
7. Одоевский:																				
А			8,1	4,4				2,8		4,1		4,2		2,0	8,0	4,4		4,6		3,0
Б					8,4	4,6									6,2	3,9				
8. Тульский:																				
А			8,3	3,7			4,5	3,2							7,2	3,6		3,8		2,0
Б					5,2	3,6					12,0	7,0			5,6	2,8				
9. Черский:																				
А			8,5	6,5				3,8							8,1	6,3		6,3		
Б					15,7	10,4					29,0	20,0			6,2	4,6				
10. Богородицкий:																				
А			10,0	8,0			10,0	3,7	16,5	13,0		5,5		7,3	7,4	5,6		6,3		4,3
Б					6,2	5,3									6,5	5,1				
11. Ефремовский:																				
А			11,5	8,9						9,4		9,3			11,4	8,7		8,7		
Б					15,0	12,0					15,0	12,0			4,6	3,5				
12. Новосильский:																				
А			10,8	8,2			6,0	4,5				7,8		13,0	10,7	8,0		7,8		
Б					8,4	7,8									6,6	5,0				
II. Тамбовская			16,0	5,6	10,7	5,6	9,0	4,8	9,1	5,0	16,0	6,5			13,8	4,8		5,4		3,3
1. Тамбовский			20,0	5,2			14,0	5,6	15,0	7,6	13,5	5,2			21,0	4,7				
2. Моршанский			9,0	5,2			5,6	4,3	7,0	4,2					12,8	7,0				
3. Лебедянский			10,3	6,0			7,0	5,0			9,0	5,0			10,0	6,0				
4. Козловский			19,6	6,3							13,5	5,0			20,0	8,0				
5. Липецкий			15,5	6,9											18,0	7,0				
6. Кирсановский			12,0	7,0			8,0	6,0	13,0	8,0	21,0	9,0			13,8	6,5				
7. Борисоглебский			27,0 (18,0)	7,7 (7,0)			15,0	1,0	50,0	3,0	41,4	15,0			8,4	3,0				
8. Усманский			23,0	7,7							15,0	6,0			35,8	10,0				
9. Елатемский			12,0	3,6			15,0	1,0	50,0	3,0	41,4	15,0			8,4	3,0				
10. Шацкий				3,3												3,1				
11. Спасский			12,8	3,6			13,0	3,8	5,3	4,0	15,7	3,4			8,0	3,5				
12. Темниковский			21,2	3,2							14,5	3,8			40,0	3,5				

Обеспеченность землёй на 1 д. м. п. (в дес.) по отдельным вотчинам крупных владельцев

Название губерний	Воронцовых 1790-е годы		Шереметевых				Разных владельцев	Всего земли	Пахотной
			1760 е годы		1790-е годы				
	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной	всего земли	пахотной			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Центральный промышленный район:									
Московская		1,1	6,2	2,4	5,0	2,0	Лопухина А. М. Шувалова А. И.	10,0 3,5	3,6 3,0
Владимирская		3,6	8,7	2,4	5,7	2,5			
Ярославская		3,5	7,0	2,9	7,8	2,8			
Костромская			7,0		50,0	6,5			
Северо-западный район:									
Тверская		2,9	14,8	6,0	8,4	5,7			
Смоленская							Барышникова	7,1	4,0
Петербургская		0,9			9,0	1,4			
Центральный земледельческий район:									
Тульская			9,4	6,0	6,5	4,6			
Рязанская			9,0	3,9 8,0	7,4	3,7			
Орловская			9,0	3,5	5,7	4,3			
Курская			4,2	3,9	7,4	3,7			
Тамбовская	2,7						Голицына Чембарский у.	9,0	4,6
Пензенская	15,9		6,1	3,3			Полянских Саранский у.	8,5	
Воронежская		1,6	12,0	6,0	3,7	0,4			
Юго-западный район:									
Харьковская			7,0	4,8	2,9	2,0			
Средневолжский район:									
Нижегородская		1,5	13,1	3,0	9,5	2,7			
Симбирская			4,1						
Саратовская		5,4							
Северный район:									
Вологодская		3,0							

II. Данные о посеве и урожае за 1770-е—1790-е годы по ведомостям губернаторов [а]

(в тыс. четв.)

Наименование губерний	Год	Всего: посев	Всего: урожай	Рожь: посев	Рожь: урожай	Пшеница: посев	Пшеница: урожай	Овёс: посев	Овёс: урожай	Ячмень: посев	Ячмень: урожай	Гречиха: посев	Гречиха: урожай	Семя льняное: посев	Семя льняное: урожай	Семя конопляное: посев	Семя конопляное: урожай	Горох и бобовые: посев	Горох и бобовые: урожай	Просо: посев	Просо: урожай	Полба: посев	Полба: урожай	Источник сведений
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
I. Центральный промышленный район:																								
Московская	1779	—	1291	—	523	—	19	—	503	—	137	—	41	—	21	—	23	—	13	—	—	—	—	XVI, 383
	1780	—	1311	—	547	—	24	—	495	—	132	—	58	—	25	—	20	—	13	—	—	—	—	XVI, 383
	1781	—	1298	—	530	—	15	—	510	—	149	—	43	—	18	—	15	—	13	—	—	—	—	XVI, 383
	1782	707	1465	286	604	9	17	279	576	81	177	27	47	10	17,5	8	15	6,5	11,6	—	—	—	—	XVI, 383
	1795	1119	2820	455	1165	21	54	467	125	102	238	15	30	11	19	9	15,4	4	5,6	—	—	—	—	51 134
Владимирская	1788	1206	3253	464	1438	742[б]	181[б]	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	XVI, 640
	1789	—	—	463	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	XVI, 640
	1795	1243	2742	492	826	751[б]	1716[б]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59 209
Ярославская	1796	1093	1904,6	396	542	61,4	130,7	398	872	141	294	—	—	17,5	37	1,8	3,6	7,5	19	—	—	—	—	59 239
Калужская	1782	696	2929	293	1245	20	61	271	1263	27	113	40,5	126,5	10,8	22	22,5	65	11	34	—	—	—	—	XVI, 383
	1783	828	2332	357	1053	23,6	63	311	834	66	169	24	72	6,5	13	24	85,5	12	32	—	—	—	—	XVI, 737
	1793	874,4	2616,4	321,8	1076,8	23,1	64,8	370,1	999,5	85	253,6	32,1	76,3	6,8	19,2	31,5	84,5	—	—	—	—	—	—	58 915
	1794	905	2875	360	1199	23,3	72,6	392,5	1184	53	174,5	24	187	8	17	30	97	11	27	—	—	—	—	59 045
	1795	951	3086	364	1223	26,7	69	415	1349	54	188	33	89	8	18	33,4	101	11	35	—	—	—	—	59 132
	1796	942	2782	365	1082	26,4	65,3	414,4	1179	53,5	188,1	28,8	108	7,4	18,8	31,2	103,4	10	25,6	—	—	—	—	59 210
Костромская	1788	685	1499	256	581	35	72	289	622	76	162	—	—	25	52	1	2,3	2	3	—	—	—	—	XVI, 640
	1795	932	1835	333	600	596	1290	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59 209
Северо-западный торгово-промысловый район:																								
Тверская	1781	—	1096	—	324	—	50	—	580	—	64,5	—	17,7	—	28	—	24,4	—	7,7	—	—	—	—	XVI, 383
	1782	—	1328	—	423	—	34	—	743	—	70	—	12	—	25	—	15	—	6	—	—	—	—	XVI, 383
	1788	1423	2806	684	1293	51	99	510	1037	12,1	231	25	64	23	55	9	19	9	19	—	—	—	—	58 964
	1789	1324	2966	635	1250	43	84	491	1216	101,5	273,5	23	76	15	35	7	18	5	35	—	—	—	—	XVI, 935 II
	1790	1446	3382	671	1310	47	92	556	1563	117	303	20	38	19	41	20	22	6	18	—	—	—	—	XVI, 935 II
	1791	1486	3844	518	1370	46,5	125	703	1696	158	505	—	—	19	49	10	25	6	18	—	—	—	—	XVI, 952 III
Смоленская	1786	—	3223	607	849	—	134	—	1412	—	398	—	319	—	—	—	96	—	14	—	—	—	—	58 964
	1793	1430,5	3182,4	623,8	1335,6	49,1	159,8	530,6	1104,2	97,6	257,8	93	209	14,3	36,5	23	52	9,5	23,4	—	—	—	—	58 964
Псковская	1786	655	1154	311	360	12	21	244	592	33	84	13,5	32	21	28	5	6	11,4	29,6	—	—	—	—	XVI, 952 II
	1793	1288	3600,5	498,1	1484,5	62,9	137,5	474,4	1378	111	285	50,5	28,4	38,6	92,6	12,4	19	39,7	104,5	—	—	—	—	XVI, 383
Новгородская	1781	—	408,6	—	138,6	—	9	—	224	—	19	—	4,6	—	4,6	—	1,6	—	5,2	—	—	—	—	XVI, 383
	1782	—	424	—	128	—	7,5	—	252	—	24	—	3,4	—	4,5	—	1,6	—	3,3	—	—	—	—	XVI, 915 II
	1788	568	1635	145	447	14	35	345	960	48	140	4	13	7	14	1,5	3,5	4	13	—	—	—	—	XVI, 915 II
	1789	586	1600	151	454	12	32	365	954	37	115	3,5	11	10	17,5	2	4	5	13	—	—	—	—	XVI, 915 II
	1790	521	1632	153	484	11	26	315	1021	23	64	5	9	7	17	2	5	5	9	—	—	—	—	XVI, 915 II
	1791	578	1755	170	366	12	30	348	1036	30	87	4	6	7	13	2	5	5	11	—	—	—	—	
Петербургская	1795	353,5	1112,7	121	390	2,8	8,5	147,9	446,5	58,2	207,5	5,5	16	4,4	9,7	2,8	5,9	—	—	—	—	—	—	

[а] Таблица составлена по фондам:
[1] Госархива, р. XVI;
[2] Дворцового отдела, ф. 1244, оп. 390 (ЦГАДА). При указании источников ссылки на фонд Госархива даются: XVI, номер дела; при ссылке на фонд Дворцового отдела — номер дела (число пятизначное).
[б] Всего яровых.

Наименование губерний	Год	Всего		Рожь		Пшеница		Овёс		Ячмень		Гречиха		Семя				Горох и бобовые		Просо		Полба		Источник сведений
														льняное		конопляное								
		посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Прибалтийские губернии:																								
Рижская	1793 [б]	851,7	3873	358,4	1935,5	9,2	45,7	229,6	801,8	254,6	1080	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	58962
Ревельская	1781	206,7	1067,3	91,1	409,8	4,3	23,4	31,8	192,3	72,7	413,2	3,4	19,2	1,9	3,7	0,6	1,0	0,7	4,0	—	—	—	—	XVI, 383
	1782	216,2	1317,6	88,6	521,6	4,4	25,4	39,4	194,8	75	542,9	2,8	14	2,1	4,0	0,7	2,0	3,0	12,1	—	—	—	—	XVI, 383
	1793 [б]	259,5	1366,9	114,2	615,5	5,8	41,9	48,8	219,8	90,7	489,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	58962
Белорусские губернии:																								
Полоцкая	1780	1501	4535,5	572	2120	44,6	104,4	487	1401	121	338	151,4	399	28	58	35,4	86	61	139	—	—	—	—	XVI, 383
Могилёвская	1781	1634	4673	620	2157,5	61	130	510	1350	128	320	174	437,5	28	56	38	84	75	118	—	—	—	—	XVI, 383
	1782	1633	5713	629,5	2232	62	173	500	2053	145	421	170	435	29,5	68,5	39	96	61	204	—	—	—	—	XVI, 383
Полоцкая [в]	1787	1055,3	3182,7	352	850,7	35	125	464,4	1727	75	240,4	71	94	11,2	27,3	4,6	9,9	31	103,5	—	—	—	—	XVI, 766
	1788	656	2067	287,3	864	10	26,7	215,8	708	63,8	207,6	45	124,4	9	24,4	4	9,7	21	52,5	—	—	—	—	XVI, 766
	1789	675	2256,5	295	1021,4	2,6	11,6	224,4	724,2	70	240,2	52,3	156,4	19	27,4	4,2	13	23,3	68	—	—	—	—	XVI, 766
	1790	741,4	2754,5	311,5	1155,6	10,4	34,3	254,7	1054,5	71,8	279	50,3	107,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	XVI, 766
	1791	740	2931	306,9	1190	10,3	35,7	257,5	1114,5	72	130,5	54	141,3	12	35,7	4,3	12	24,7	80,5	—	—	—	—	XVI, 766
	1792	753	2006	307,5	918	10,6	27	256,5	671,4	72	187	52,3	54	11	51,4	4	14	21,5	75	—	—	—	—	XVI, 766
	1794	581,6	2460	245,5	1089,3	9,4	36	184	729	69	318,6	32,4	127,8	14,2	40,3	4,5	11,5	21,5	90	—	—	—	—	58982
	1795	633,2	2697	261,8	1173,3	10,5	41	212	881	71,7	327,5	33,3	90,7	13	35	5,6	20,2	22,8	111	—	—	—	—	59124
Могилёвская	1787	785	2936,4	311	1077,5	36	163,3	189	749,4	76,5	347,8	11	35,4	9,5	30	30	134	11	35,4	0,3	1,7	—	—	XVI, 766
	1788	913	2644	416,8	980	34	140	197,3	546,7	81,3	291	8	25	7,8	27,2	24	100,6	8	25	0,3	2	—	—	XVI, 766
	1789	825	2773,3	316	848	35,2	147	207	771,3	82,7	355,4	8	27,7	8	30	25,4	115	8	27,7	0,3	2,8	—	—	XVI, 766
	1790	895	3232,3	354,5	1341,2	37,6	134	229	862,4	84,2	356	8,4	33,5	8,5	30	28,5	123,4	8,4	33,5	0,3	3	—	—	XVI, 766
	1791	932	3221,4	392,2	1417	36	128,4	248,8	849	69,4	395,8	8,6	36,5	12	40	23	107,6	8,6	36,5	0,3	3	—	—	XVI, 766
	1792	976,8	3295	400	1338	35,6	120,7	259,3	835,5	72	431,7	8,5	[illegible]	12	43	23	91	8,5	35	0,3	3	—	—	XVI, 766
	1794	1054,8	3486,2	450,2	1342	37,8	154,8	276	795	85,2	363,3	8,8	34	11	27,7	19,3	79	8,8	34	0,3	3	—	—	58982
	1795	1108,6	4013,5	455,6	1563,5	37,3	150,4	296	1133,8	93,8	333,6	10	39,5	12,6	35,3	22	101	10	39,5	0,3	3	—	—	59124
Центральный земледельческий район:																								
Тульская	1782	998	4886	406	2179	28	105	343,5	1803,5	28	153	142	521,5	13	28	23	55	14	35,5	—	—	—	—	XVI, 383
	1790	—	4060	—	1935	—	2124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59045
	1791	—	4199	—	2033	—	2166	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59045
	1792	—	3296	—	1525	—	1701,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59045
	1794	1430	5603	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59132
	1795	1476	6299	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59132
Рязанская	1781	1173	4321	—	2135	—	19	—	1858,5	—	9,6	—	223	—	5	—	44	—	20	—	—	—	—	XVI, 383
	1782	1115,5	4819	467	1875	10	20	407	2213	3	8	205	641	1,2	2,5	12,5	42	8	12	1,4	5,3	—	—	XVI, 383
	1789	1195	3996	[illegible]	2037	66	148	386	957	9	43	163	572	2	5	9	28	18	52	16	89	—	—	XVI, 910
	1794	1903	5278	755	1445	54	106	661	2308	24,5	131	355,5	1066	4	11	12	75	22	60	15,4	76	—	—	59045
	1795	2103,8	5611,3	744,3	2642,5	5,7	94,7	586,5	1460	18,9	39,8	644,9	1560,3	13,2	8,2	12	35	20,3	56,5	13,2	24,4	—	—	59213

[б] Ведомость 1793 г., приведённая в д. № 58962, ограничена только четырьмя основными культурами. Отсюда не следует, что посевы остальных культур полностью исчезли, но они и в 1781—82 гг. играли незначительную роль и возможно поэтому опущены.

[в] Данные 1787 г. по Полоцкой губ. резко выделяются из всего ряда показаний для 1780-х и 1790-х годов. Нам не удалось обнаружить причину этих изменений, которые надо, по-видимому, искать в каких-то временных изменениях территориальных границ губернии.

Наименование губерний	Год	Всего		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень		Гречиха		Семя льняное		Семя конопляное		Горох и бобовые		Просо		Полба		Источник сведений
		посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Орловская	1780	2152	8 32	790	3454	116	379,5	635	2041,5	27,5	74	459	1612	2,4	7	94	321	27	107	4	35	—	—	XVI, 826
	1781	—	7495	790	3138	—	343	—	2000	—	82	—	1444	—	8	—	358	—	100	—	20	—	—	» »
	1782	—	7366	—	2096	—	256	—	2765	—	75	—	1683	—	5,5	—	349	—	112	—	24	—	—	» »
	1787[г]	1684	4311	716	1730	87	242	532	1065	17	27	271,5	1066	1	2,5	44	155	13	29	3	11	—	—	XVI, 827
	1788	1791	4682	732	2612	47	78	588	520	31	55	273	957	7,3	18,5	91,5	340	16	84	2	43	—	—	XVI, 830
	1793	1678	6502	758	2666	66	237	458	2015,5	2,1	30,6	260	1088	4,1	7	90	360,4	27,4	79,4	—	—	—	—	58 967
	1795	1576	4958	707,6	2978,4	59	109	420	536	6,5	9,6	244	930	4,4	7,7	90	297	16	62,3	—	—	—	—	59 185
	1796	1573	6009	638	2752	78	248,5	481	1359	10	28	255	1151	4,3	9,8	87	380	16,6	47	1,7	29,7	—	—	59 214
Курская	1783	691	1987	253	670	34	69	200	6 1	8	25	156	335	3	2	21,5	36	9	17	6	16	—	—	XVI, 826
	1790	994	4429	420	2198	47	182	252	1143	12	42	212	744	—	—	—	—	9	32	12	88	—	—	XVI, 755
	1793	1410	3633	476,6	1473,6	65	68	385	745	—	—	394	1004	7,4	11,6	38,4	72,6	14,6	10,3	—	—	—	—	58 967
	1795	1350	4303,5	479	1917	103	217	184	335	25	55,5	340	1186	6,2	11,2	38,7	90	8,6	28,4	14,7	133	—	—	59 189
	1796	1321	5071	485	1988	72	188	346	1178	11	28	345	1365	7,4	14,6	36	122	8,5	30,4	10,6	155,7	—	—	59 214
Тамбовская	1781	972	2964	—	1493	—	67	—	947	—	5,5	—	343	—	—	—	16	—	33	—	58	—	—	XVI, 383
	1782	962	3001,5	446	1516	33	89	303	838	5	11,6	136	415	3	5,5	10,5	31	16	49	9	47	—	—	XVI, 383
	1789	1195	3936	525	2037	66	148	336	957	9	43	163	572	2	5	9	28	18	52	16	89	—	—	XVI, 910
	1793	—	4725,6	—	2414	—	188,8	—	1478,8	—	45	—	370	—	6,7	—	42,6	—	43,2	—	58	—	—	59 038
	1794	1701,4	4235,2	807,5	1864,7	89	192	522,6	1560,2	26,6	38,2	163,6	363,3	3	5,4	18	24,5	16,2	30,6	27	105,6	27,6	50,5	»
	1795	1595	4765	664	2150	64	117	508	1732	32	80	155	634	3	5	9	19	20	39	26	58	—	—	59 245
Пензенская	1793	1554	4420	697	2014	51	101	460	1200	12	29	156	583	1	2	14	34	33	102	8	50	129	—	XVI, 889
	1795	1486,3	3714,3	613,4	1916,4	45,4	70,6	418,7	938,8	10,3	12,7	191,2	394,2	1,1	2,1	11,8	31	27,3	175,4	10,4	31	156,6	242	59 187
	1796	1485	6889	613	3056	45,4	91,3	419	1846	10	16	191	1193	1,2	3	12	38	27	198	10,4	126	157	321	59 215
	1797	1569	—	700	—	45,7	—	435	—	10	—	201,5	—	1,2	—	13,8	—	31	—	11,4	—	122,7	—	59 215
Воронежская	1785	763	5776	351	2493	113,5	785	665	1126	51	456	45	408	3	7,4	9,6	29,7	7,7	23	11,2	442	—	—	XVI, 1000, ч. III
	1786	730	2258	324	948	102	206	168	462	54	182	72	235	2,5	4	10,3	19	4,2	9	8,8	194	—	—	
	1787	1207	1813	410	611	131	175	406	621	80	112	94	176	3	5	12	18	5	7	9,4	176	—	—	XVI, 656
	1788	905	3652	439	1658	108	341	220	815	58	213	64	277	—	—	—	—	4	12	11	337	—	—	XVI, 656
	1789	956,6	2938,4	421	1316	111	238	299	517	53	98	89	536	7	9	18,5	21	8	13	20	189	—	—	XVI, 656
	1790	1010	5107,6	415	2492	153,5	394,6	230	1479	62	210	110	355	4,6	13	12,6	17,5	5,5	14	16	132	—	—	XVI, 656
	1791	1039	5413	462	2531,6	154	411	244,5	1476,5	65,5	222	122	403	5	19,4	13	32,5	6	19	16,5	297	—	—	XVI, 656
	1792	1228	2427,5	460	1891	152	548	330	1767	69	236	151,5	652,6	5	13,5	12	26	7	25	16	238	—	—	XVI, 656
	1796	1121	3235	434	1078	165	288	293	795	64	114	114	737	6,6	12	13,5	28	6	22	13,5	159,5	—	—	59 131

[г] Те же ведомости дают сокращение площади посева по Орловской губ. с 1327 дес. в 1787 г. до 1064 дес. в 1788 г.; эта же площадь посева сохраняется в ведом. 1790-х годов. Территориальных изменений губернии за эти годы не отмечено.

Наименование губерний	Год	Всего		Рожь		Пшеница		Овёс		Ячмень		Гречиха		Семя льняное		Семя конопляное		Горох и бобовые		Просо		Полба		Источник сведений
		посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Юго-западный район:																								
Харьковская	1785	586	3568	197	1219	120	262	126	506	77	478	71,5	523	6	10	16	27	4	16	18	325	—	—	XVI, 1000
	1786	640	2335	224	808	72	145	133	470	87,4	260	86	324,4	7	9	18	27	6	11,5	22	280	—	—	XVI, 1000
Черниговская	1785	481	1535,3	196,5	647,7	33,6	81,7	92	333,3	55,7	167,7	82,5	258	3	6	6	11,6	1,7	4,3	9,5	24	—	—	XVI, 742
	1786	510,5	1407,7	203,2	576,7	40	77,6	99,7	313,6	54,4	153,2	84	203,8	2,5	5,5	6	12	1,7	3,7	18,4	62,3	—	—	XVI, 742
	1791	667,5	2037,6	291,5	1013	75	158,4	110,3	351,5	53,8	133,6	103	285	2,5	5	12	17	8,8	17,2	25	76	—	—	XVI, 748
Новгород-Северская	1784	—	1532	—	1072,8	—	10	—	220	—	13,4	—	137,7	—	3,6	—	4,6	—	18	—	10	—	—	XVI, 742
	1785	711,9	1553,5	266,2	732,7	8	20	93,8	323,8	10,5	110,2	294,3	285	1,5	3,6	20,3	55,2	10,4	12,8	2	10,3	—	—	XVI, 742
	1793	—	454	—	238	—	5,8	—	42,7	—	11	—	119	—	2,5	—	28,5	—	6,5	—	4	—	—	59 088
	1794	156,5	442,2	81	259,7	1,5	3,5	16	23,3	4,3	7,3	38,2	110	1	2	11	26,6	2,4	4,2	0,5	2,7	—	—	59 088
	1795	147,3	610	82	399	1,5	3,3	15,7	22,6	4,5	7,6	38,4	118	1	3,3	11,3	43,7	2,5	8,3	0,5	3,8	—	—	59 193
	1796	163,3	529,7	84,8	289,6	1,4	5	14	34,3	4,3	8,3	41	117	1,2	16,8	12,3	46,6	3	7,3	1,3	3,8	—	—	59 351
Киевская	1784	—	480	—	177,3	—	41,8	—	102	—	57	—	65,3	—	4,2	—	9	—	6	—	20,5	—	—	XVI, 742
	1785	276	843,4	87,8	257,5	31,8	93,2	51	187,7	42,8	118,2	38	123,4	2,8	8,2	6,3	11,3	3	10	12,8	34	—	—	XVI, 742
	1791	373,2	1661,2	127,7	638,3	40,3	156,6	59,2	301,2	40,2	182,8	79,8	246,8	3	5	8,5	21,6	3,2	11,8	11	97	—	—	XVI, 748
	1793	—	1842	—	702,6	—	209	—	278	—	213	—	262,8	—	7,7	—	25,3	—	17	—	126,6	—	—	59 085
	1799	641,6	997,5	191,5	454,7	77,7	61,5	153,1	194,6	70,6	87,8	109,7	139,2	3	7,3	9	9	4,3	5,5	22,8	37,8	—	—	59 096
Средне-Волжский район:																								
Нижегородская	1792	976	2400	414	1271	86	70	240	547	40	76	85	152	23	37	20	37	28	89	1	2	37	102	XVI, 780
	1795	1143,8	2808,2	469	983	126,4	329,2	209,3	678,2	70,7	223	99,7	289,6	40,6	52	26	69	44,5	95,6	1,1	2,4	55	85,6	59 185
	1796	1139	3762	470	1453	129,5	302	230	1049	71	191	110	390	17,4	41,4	21,3	73	57	129	1,5	9,9	26,5	116,4	59 265
	1797	1183	—	462	—	137	—	278	—	71	—	125	—	16,7	—	19,4	—	47	—	0,5	—	26,5	—	59 265
Казанская[2]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Симбирская	1785	892,2	2290,3	332,5	974,2	104,5	274,4	262,7	506,5	14	43,4	32	63	0,8	2	12	36	20,7	50,7	4,4	27,7	106	312	XVI, 934
	1786	967	2194	357,7	1060	125	279,5	266	448,5	25,2	41,2	32,2	60	2,7	3,6	17,6	31,5	27,7	38	8	21,8	105	210	XVI, 934
	1787	902,7	1506,7[4]	354	520,8	112,6	230,5	225	377	15	36	33	79	—	—	—	—	31,7	53,2	13,7	39,2	98,3	225	XVI, 934
	1789	1023,8	1606,8	379,4	1006,6	135,4	139,4	276,3	111	27,3	25,2	27,4	27,8	1,8	3	17,3	42,7	15	22,8	22,5	102,7	121,3	119,7	XVI, 934
	1793	1205,1	3113,9	467,7	1248,4	172,2	397,2	278,3	702,5	24,8	112,5	59,4	150,9	4	6,5	23	37	24,7	49,5	13,5	58,8	138	350,7	58 973
	1794	1209	2562	440,8	847,8	172	383	303	683,4	24	41	58,3	146,6	5,6	9,6	22,4	46	27	48,3	15,5	51	140,4	205,4	59 027
	1795	1300	1663	454	678	174	237	350	342	21	18	66	88	7	3,5	40	79	31	55	5	14,5	153	147	59 104

[2] Соответствующие ведомости отсутствуют.

[4] В ведомости 1787 г. отсутствуют данные по конопляному и льняному семени, поэтому в общую итоговую сумму они включены условно в объёме предшествовавшего года, тем более что соответствующие показатели тождественны и для последнего года.

Наименование губерний	Год	Всего		Рожь		Пшеница		Овёс		Ячмень		Гречиха		Семя				Горох и бобовые		Просо		Полба		Источник сведений
														льняное		конопляное								
		посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	посев	урожай	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Саратовская	1787	823	3985	353	1765	159	794	295	589	9	62	33	293	—	—	—	—	—	—	9	73	37	258	XVI, 656
	1790	993	3556	426	1781	177	253	206	1191	11	18	26	65	1	2	16	29	8	24,6	21	46	100	145	XVI, 656
	1791	963	3478	439,4	1804,5	157	240	191	985,5	10	48	25	66,5	2	5	26	58	24	52,5	24	101	92	180	XVI, 656
	1792	888	3174	338	744	116	370,6	226	1237	8	28	25	121,5	1	5	19	59	23	202	18	221	63	196	XVI, 656
	1794	892	3142	426	697	117	490	196	1228	7,5	27	23	93	3	4	18,6	50	23	204	18	185	49	163,4	59 035
Приуральский район:																								
Вятская[ж]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пермская	1793	791	2154	362,7	1046,8	44	75	298	793	82,5	228,5	—	—	—	—	—	—	3,8	8,3	—	—	—	—	58 969
	1794	679	2716	352	1351	42	120	206	930	75	304	—	—	—	—	—	—	4	11,5	—	—	—	—	59 053
	1796	705	2264	346,6	1232	34	93	245	710	74	217	—	—	—	—	—	—	4,8	12,4	—	—	—	—	59 219
Уфимская (Оренбургская)	1785	545,5	1119,8	193	383,4	64	140,2	141,7	285,8	47	104,3	—	—	6,7	13,6	11	22,5	18,2	37	13,4	37	49,5	94,4	XVI, 934
	1786	546,8	1168,8	190	433,5	64,7	132,3	141,5	306	47,4	87	—	—	7	14	11	23	18	37	14,2	37,7	49,7	96,5	XVI, 934
	1787	423	829,8	153,2	279,8	57,8	142,6	132,5	300	32,8	67	—	—	2,5	4,4	4,8	9,4	2,4	5,6	3	18	34,6	72	XVI, 934
	1789	367,4	775	144,8	350	60,3	83,5	95	140	26	36	—	—	1,2	1,3	4	6,8	1,3	2,3	3,3	14	31,3	40,3	XVI, 934
	1794	1232	2902	344	693	206	456	337	1217	163	182	—	—	11,2	19,5	39,3	46,7	10,5	25	11	29	97	193	59 029
	1795	1419	1164	394	717	270	103	398	206	63	38	—	—	10	6	24	15	33	6	7	7	208	59	59 104
Сибирь:																								
Иркутская	1796	153	730	54,9	472	—	—	16,9	81,5	17,5	64,1	1,7	5,3	—	—	3,5	15,3	0,9	2,8	—	—	—	—	59 316
Тобольская	1793	477	1705	214	847	55,5	172	132	504	45	151	2,5	9,5	2,9	5,4	3,3	7	2,6	7,7	—	—	—	—	58 969
	1794	422	1549	—	834,5	45	149	134	444,5	32	89	3	11	2	5	3	8	3	6	—	—	—	—	58 969
Северный район:																								
Вологодская	1798	424	1184,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9,7	23,6	6	17,5	-	—	—	—	—	—	59 579
Архангельская	1795	59	268	11,5	66,5	—	—	5	19	38	182	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59 129
Олонецкая	1795	110	417	35	154,5	—	—	53,5	188	19	63	1	3	1	2	1	2	1	4	—	—	—	—	59 129

[ж] Соответствующие ведомости отсутствуют.

III. Урожайность по культурам

(в «самах») [а]

Наименование губерний \ Источники	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
			Рожь							
Центральный промышленный район:										
Московская		2—3	3—5 до 6—7		2					2,5
Владимирская	4—5^{б} и 2—3	посредственно частично недород^{б}	4—5^{б} и 2—3				3			2
Калужская	4—5^{б} и 2—3	посредственно частично недород^{б}	2—3^{б} и 4—5		4				3	3
Костромская	3 до 5	недород Галичский, Чухломский у. посредственно	3 до 6				2			2
Ярославская		посредственно^{б} недород	3—4							1,5
Северо-западный промысловый район:										
Тверская	Кашинский у. 2	посредственно	3—4 и 5—6				2—2,5	3		
Смоленская		недород				3	2—3		2	
Псковская		посредственно	3—4 до 5			1,2			3	
Новгородская		недород	3—4 до 6^{в}				3—2			
Петербургская		Гдовский у. недород	3							3
Прибалтийские губ.:										
Рижская	хор.		4—6 до 10							5
Ревельская	хор.		4—5		5—6					5
Выборгская			6 до 3 и до 10							
Белорусские губ.:										
Полоцкая			3—4 до 5—6	4	3,5		3	3,5		4
Могилёвская				4	3,5		3,5—2,5	4—3	3,5	4
Центральный земледельческий район:										
Тульская	Каширский у. 6—8	2^{б} и 5			5					4
Рязанская	6—7	посредственно	3^{б} и 4—5; 10		4		4			2 и 3,5
Орловская	8—9 / 12	5—8 / недород	5—7 / 3^{г}		4					4
Курская		посредственно	6—8 до 10		2,5				3	4
Тамбовская		недород^{д} и посредственно	5		3,5		4			3 и 2
Пензенская			6		3—4					3 и 5
Воронежская	до 6—7	хор.	4—6 до 9—10		7 и 3	3—4	5			2,5
Юго-западный район:										
Харьковская	10	удовлетворительно	6—7 до 9—10			3				
Черниговская	5—8 до 10					3,5—2,5		3,5		3,5
Новгород-Северская					3					3 и 4
Киевская	2—5		5—8		3			5		2,5
Средневолжский район:										
Нижегородская	Арзамасский у. 3	удовл.	2—4^{б} / 5—6						3	2—3
Казанская		хор. и удовл.	5—7, до 7—10	2—4^{б} / 4—5	2—4^{б} / 4—5					
Симбирская	Бугульминский у. 5—6	посредственно	5			3	1,5—2,5		3	1,5
Саратовская	4—6						5	4	2	1,5
Астраханская			2							
Приуральский район:										
Вятская		удовл.^{е}								

[а] В «самы» переведены также данные ведомостей посева и урожая (ср. таблицу II).

[б] Два ряда «самов» относятся к двум группам уездов в губернии.

[в] По Новгородской губ. для конца века данные об урожайности приведены в «Путешествии» П. Челищева: а) по Белозерскому у. 4—5, по Устюжно-Железнопольскому 7—8, по Тихвинскому 4—6.

[г] «Недород» и «3» относятся к Брянскому, Карачевскому и Трубчевскому у.

[д] Сенатская анкета коснулась, в основном, северных уездов губернии.

[е] По Слободскому у. значится недород.

Продолжение

Наименование губерний \ Источники	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Пермская		недород Туринск. хор.	4—5[ж] / 7—10						3	4
Уфимская (Оренбургская)	5—6	посредственно и хорошо	5—6			2,2	5 и 2,5			2
Сибирь:										
Тобольская									4	5
Иркутская										5
Северный район:										
Вологодская	3—5	2 и недород	4 и до 10—12[з]							3
Олонецкая			3—6							3
Архангельская			4 до 6—7[и]							6
Пшеница										
Центральный промышленный район:										
Московская			4—5	2	2					2,5
Владимирская	2—3 и 4—5		2—3, до 4—5		2,5					2,5
Калужская					3				3	2,5
Костромская			4—6			2				2
Ярославская			3—4							2
Северо-западный промысловый район:										
Тверская			2—4							
Смоленская							2		3	
Псковская			до 4			2			3	
Новгородская			4—5[к]			2,5			2	
Петербургская									2,5	3
Прибалтийские губ.:										
Рижская			5						5	
Ревельская			4,5		5				6	
Выборгская			6 (малое количество)							
Белорусские губ.:										
Полоцкая			3—4 до 6		5		2,5—4	3,5	3,5	4
Могилёвская					5		4	3,5—4	3,5	4
Центральный земледельческий район:										
Тульская	Каширский у. 2—4				4					
Рязанская	6—7				2					2
Орловская	Елецкая пров. 6—8		3—6		3		2		3	3
Курская			5—6		2			3	1	2—2,5
Тамбовская					2,5		2,5			2
Пензенская			озим. 5—10 яр. 4		2—3 до 4				2	2
Воронежская	до 6—7		оз. 4—6 яр. до 10			7 и 2	3—2	2	3,5	2
Юго-западный район:										
Харьковская			[оз. 5—10 яр. 4			4—2				
Черниговская			3—4			2—3				
Новгород-Северская						2,5			2,5	2,5—3
Киевская			5—8			3			4	3
Средне-Волжский район:										
Нижегородская									неур.	2,5
Казанская			4—5	2—3	2—3					
Симбирская	Бугульминский у. 3—4		6—7			2,5	2 и 1		2	1,5
Саратовская							5	1,5	3	4
Астраханская			1,5							

ж Лепехин в «Дневных записках путешествия» указывает для Туринской пров. 8—10.

з По Олишеву («Труды ВЭО», т. II, стр. 105—128) от 5—6 до 8—10; у П. Челищева: Велико-Устюгский у. 8—10, Красноборский 10—12, Вологодский 10—16, Тотемский 13—16; по вотчине Межакова (Л. И. Андреевский, назв. соч.) указан урожай 5—6.

и Архангельский у. 3—4, Онежский 4—6, Холмогорский 5—6, Шенкурский 7.

к У Челищева по Устюжно-Железнопольскому у. 5—6.

Продолжение

Наименование губерний \ Источники	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1795 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Приуральский район:										
Вятская										
Пермская			Туринский у. 8—10						2	3
Уфимская (Оренбургская)		6—7 до 10				2	2,5—1			2,5
Сибирь:										
Тобольская									3	3
Иркутская										1,5
Северный район:										
Вологодская			4[а]							
Олонецкая			2—4							
Архангельская			местами до 3[м]							
Овёс										
Центральный промышленный район:										
Московская			3—4		2					2,5
Владимирская	4—5[б] и 2—3		2—3[б] и 4—5				2,3			2,5
Калужская	4—5 и 2—3				4,5				2,7	3
Костромская			2—3		2					2
Ярославская			3—4							2,2
Северо-западный промысловый район:										
Тверская	Кашинский у. 2		2—4				2,5	3		
Смоленская									2	
Псковская			4—6			2,5			3	
Новгородская			3—4[о]				2,8			
Петербургская			3					3		
Прибалтийские губ.:										
Рижская			4—6 до 8						3,5	
Ревельская			4—5		6,5				5	
Выборгская			6							
Белорусские губ.:										
Полоцкая			3—4, до 6		2,5—4		3,5	4	2,5	4
Могилёвская					2,5—4		3,5—4	3,5	3,5	3,5—4
Центральный земледельческий район:										
Тульская	Каширский у. 2—3, до 4—6				5					
Рязанская	6—7				5		3			3,5 и 2,5
Орловская	8—9		$\frac{6^{б}}{3}$				2—3		4	3
Курская			6—9		3			4	2	2—3
Тамбовская					2,7		2,5			3
Пензенская	6, до 10								2,8	2 и 4
Воронежская			4—5 до 9—10		3 и 5	7 и 3	2—4—2	6 и 6	5	3
Юго-западный район:										
Харьковская	10		9—10			5 и 3,5				
Черниговская			5—6			3		3		
Новгород-Северская						3				2,5
Киевская	2—5		5—8			3,5		5		1,3
Средне-Волжский район:										
Нижегородская	Арзамасский у. 3								2,3	3,5 и 4,5
Казанская			4—5 до 7—10	3—5	3—5[п]					
Симбирская			5			2 и 1,5	1,5 и неурож.		2,5	1

[а] У Олишева («Труды ВЭО», ч. II): пшеница яровая 7; у Челищева: Красноборский и Вологодский у. 2—3, Велико-Устюгский у. 3—4. По вотчине Межакова указан урожай 3.
[м] У Челищева: по Шенкурскому у. 3.
[о] У Челищева: Тихвинский у. 5, Белозёрский 7—10. Устюжно-Железнопольский до 10.
[п] По Спасскому у. 6—7 (XVI, 383).

Продолжение

Источники / Наименование губерний	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Саратовская							2	5	5	6
Астраханская			3							
Приуральский район:										
Вятская										
Пермская			Туринской у. 8—10						2,5	2—3
Уфимская (Оренбургская)	6—7 до 10					2	2,5 и 1,5			3,5
Сибирь:										
Тобольская									3,3	3,3
Иркутская										5
Северный район:										
Вологодская			3—6[р]							
Олонецкая			4—7							3,5
Архангельская			3[с]							4
Ячмень										
Центральный промышленный район:										
Московская	4—5[б] / 2—3		3—4		2					2,3
Владимирская			2—3[б] / 4—5							
Калужская					4				2,5	3,5
Костромская			3—6							2
Ярославская			3—4				2			2
Северо-западный пром. район:										
Тверская			2—4					2,3		
Смоленская									2,8	
Псковская						2,8			2,8	

Источники / Наименование губерний	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
Новгородская			4[у]				3	3		
Петербургская			3							
Прибалтийские губ.:										
Рижская			4—6 до 8						4	
Ревельская			4—5		6				5,5	
Выборгская			6							
Белорусские губ.:										
Полоцкая			3—4 до 6	}			3	4	2,5	4,5
Могилёвская					3		3—4	4—5	6	4
Центральный земледельческий район[ф]:										
Тульская	Каширский у. 5—7				5					
Рязанская					3			5		5—2
Орловская				3			2		5	2
Курская			6		2			3,5		2
Тамбовская					2		5			2,5
Пензенская					2—4	3	4—2	3	4	
Воронежская						9 и 2	2 и 3	3	2	
Юго-западный район:										
Харьковская	10		7				6—3			
Черниговская			8—9				2,5—3		2,5	
Новгород-Северская							10			2
Киевская			5—8				2,5		4,5	1,2
Средне-Волжский район:										
Нижегородская			8						2	3
Казанская			4—5	2—4	2—4					
Симбирская	6—7					2,5 и 1,5	2 и неурожай		4,5	неурожай

[р] У Олишева («Труды ВЭО») 4—5; У Челищева: Красноборский у. 3—4, Велико-Устюгский 3—5, Вологодский 8—13, Тотемский 13—16. По вотчине Межакова указан урожай 2,5.

[с] У Челищева по Шенкурскому у. 4.

[у] У Челищева: по Тихвинскому у. до 7, по Белозёрскому до 7—10.

[ф] В Центральном земледельческом районе размеры посева ячменя крайне незначительны.

Наименование губерний \ Источники	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Саратовская			3				7	2 и 5	3,5	3,5
Астраханская										
Приуральский район:										
Вятская										
Пермская			Туринский у. 8—10						3	4—3
Уфимская (Оренбургская)						2	2 и 1,5		3	неурожай, 3
Сибирь:										
Тобольская										
Иркутская										4
Северный район:										
Вологодская			5—8[х]							
Олонецкая										3
Архангельская			4—5, до 6—7[ц]							5
Гречиха										
Центральный промышленный район:										
Московская					2					2
Владимирская										
Калужская					3				3	3
Костромская										
Ярославская										
Северо-западный промысловый район:										
Тверская							3	2		
Смоленская									2	
Псковская			4			2			2	
Новгородская			местами 3							
Петербургская			3				3	1,5		
Прибалтийский район:										
Рижская			4—6							
Ревельская					2					
Выборгская			6, редко							
Белорусский район:										
Полоцкая				} 2—2,5	3	2—3				4—3
Могилёвская							3—4	2,5	2,5	4—3
Центральный земледельческий район:										
Тульская	Каширский у. 3—4 до 5—6			4						
Рязанская				3,5		2,5				3—2,5
Орловская	8—9		7 и 9	3,5		4				4
Курская			5—6 до 8		2,2			3,5	2,5	3,5—4
Тамбовская					3		3,5			4
Пензенская			6 до 10		4—5 до 8				3,8	5
Воронежская			5—6 до 10—15			3	2 и 4—6	3		6,4
Юго-западный район:										
Харьковская			7 до 15			7 и 4				
Черниговская			3—4			2,5—3			2,8	
Новгород-Северская										2,5—3
Киевская			5—8			3			3	1,2
Средне-Волжский район:										
Нижегородская									2	3
Казанская			4—5	2—3	2—3[ч]					
Симбирская			8			2	2,5		3	1 и 3
Саратовская			4				8	2,5	5	4
Астраханская										
Приуральский район:										
Вятская			} посевов гречи нет							
Пермская										
Уфимская (Оренбургская)										

[х] В Яренском у. указан урожай до 20; у Челищева: по Тотемскому у. 3—5, по Красноборскому 6—8. По вотчине Межакова указан урожай 4—5.

[ц] У Челищева: по Холмогорскому у. 3—4, по Шенкурскому 5—6, по Онежскому 6, по Архангельскому 6—7.

[ч] В Казанском у. до 5, в Царёвококшайском до 8.

Источники / Наименование губерний	Анкеты		Топографические описания	Ведомости посева и урожая						
	ВЭО	Сенатская 1767 г.		1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Сибирь:										
Тобольская (мало)									4	4
Иркутская »										4
Северный район:										
Вологодская			нет							
Олонецкая (почти нет)			3							
Архангельская			Шенкурский у. 4							
Горох										
Центральный промышленный район:										
Московская			4		1,8					1,5
Владимирская										
Калужская					3				3	3
Костромская			3—5				1,5			2
Ярославская										2,5
Северо-западный промысловый район:										
Тверская							3	2		
Смоленская									2	
Псковская						2,5			2,5	
Новгородская			4				3	2		
Петербургская			3							2,2
Прибалтийский район:										
Рижская										
Ревельская					5—4					
Выборгская										
Белорусский район:										
Полоцкая					} 2—3		2,5—3	3	3,5	4—5
Могилёвская							4—5	4	4	4
Центральный земледельческий район:										
Тульская	Каширский у. 4—6				2,5					
Рязанская					3		5			5 и 2
Орловская			до 6	4			2—3			3 и 2,5
Курская					2,5			3,5	неур.	3 и 3,5
Тамбовская			7		3		3			2
Пензенская					2—4					
Воронежская						2—3	2—3	3	3,5	3,5
Юго-западный район:										
Харьковская	20		4			4 и 2				
Черниговская						3			3	2—3
Новгород-Северская						3			3,5	1,5
Киевская										
Средне-Волжский район:										
Нижегородская									3	2
Казанская			4—5	2—3 до 4	2—3 до 4					
Симбирская			6			2,5 и 1,5	1,8		2	2
Саратовская	2							3	8	8
Астраханская			4							
Приуральский район:										
Вятская									2	3
Пермская			Туринский у. 4—5							
Уфимская (Оренбургская)						2	2			2—2,5
Сибирь:										
Тобольская									3	2
Иркутская										3
Северный район:										
Вологодская										
Олонецкая			2—4							
Архангельская			4							

Источники / Наименование губерний	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Семя конопляное										
Центральный промышленный район:										
Московская					2					1,8
Владимирская										
Калужская					3				3,5	3,5
Костромская[ш]							2,3			2
Ярославская										
Северо-западный промысловый район:										
Тверская							2	2,5		
Смоленская									2	
Псковская					1				1,5	
Новгородская[ш]							2	2,5		
Петербургская[ш]										3
Прибалтийский район:										
Рижская										
Ревельская					1,5					
Выборгская										
Белорусский район:										
Полоцкая					} 2,5		2—2,5	3	3	3
Могилёвская							4—5	5	4	4—5
Центральный земледельческий район:										
Тульская					2,5					
Рязанская					3		3			6—3
Орловская			3—5	3,5			3,5		4	3—4
Курская			6		1,5				2	3
Тамбовская					3		3			2
Пензенская			6		3—4				2,5	4
Воронежская			3			2	1,5	1,5 и 3	2,5	2
Юго-западный район:										
Харьковская			5 до 12			1,5				
Черниговская						2		1,5		
Новгород-Северская						2,5				2,5—3,0
Киевская						2		2,5		1,5
Средне-Волжский район:										
Нижегородская									2	3
Казанская				2 до 4	2 до 4					
Симбирская			3			3—2	2		1,5	2
Саратовская								2	3	3
Астраханская			2							
Приуральский район:										
Вятская										
Пермская										2,5
Уфимская (Оренбургская)					2		2—1,5			
Сибирь:										
Тобольская									2	2,5
Иркутская										
Северный район:										
Вологодская			3							2,5
Олонецкая										
Архангельская										
Семя льняное										
Центральный промышленный район:										
Московская			4		1,8					1,7
Владимирская										
Калужская			2						2	2
Костромская			4					2		2
Ярославская										2
Северо-западный промысловый район:										
Тверская						2	2			
Смоленская								2,5		
Псковская			2		1,3			2,5		
Новгородская						2	2			
Петербургская			3							2,2
Прибалтийский район:										
Рижская			4							
Ревельская					2					
Выборгская										

[ш] Размеры посева конопляного семени крайне незначительны.

Продолжение

Источники / Наименование губерний	Анкеты: ВЭО	Анкеты: Сенатская 1767 г.	Топографические описания	Ведомости посева и урожая: 1780 г.	1781—1782 гг.	1785—1786 гг.	1787—1789 гг.	1790—1791 гг.	1792—1793 гг.	1794—1796 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Белорусский район:										
Полоцкая				} 2—			2,5—3	2,5	3	3
Могилёвская				} 2,3			3,5	3,5	3,5	2,5—3
Центральный земледельческий район:										
Тульская					2					
Рязанская					2		2			2,5
Орловская			3	3			2,5		2	2
Курская			2						1,5	2
Тамбовская					2		2			2
Пензенская			6		2—3				2	2
Воронежская						1—1,5	1,5	3—4	2,5	2
Юго-западный район:										
Харьковская			3			1,5				
Черниговская						2		2		
Новгород-Северская						2,5				2—3
Киевская						3		2		1,5
Средне-Волжский район:										
Нижегородская									1,5	1,5—2
Казанская				2—3	2—3					
Симбирская			2			2,5 и 1,5	2		1,5	
Саратовская								2	5	1,2
Астраханская			2							
Приуральский район:										
Вятская										
Пермская										
Уфимская (Оренбургская)						2	2—1,2			
Сибирь:										
Тобольская									2	2
Иркутская										
Северный район:										
Вологодская	Свед. нет									
Олонецкая	Свед. нет									2,5
Архангельская	Свед. нет									

Просо

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Центральный земледельческий район:										
Тульская										
Рязанская					3		5			5 и 2
Орловская			7	9			4	20		20
Курская					3			7		9 и 15
Тамбовская					5		5			2
Пензенская			до 20		3—5				6	12
Воронежская			10 до 40			25—40	20—30	20		12
Юго-западный район:										
Харьковская	20—50		10 до 20			13				
Черниговская			4—6		2,5—3,5			3		
Новгород-Северская					5					3—7
Киевская			5—10		3			9		1,5
Белорусский район:										
Могилёвская[ш]							6—9	10	10	10
Средневолжский район:										
Нижегородская									2	2—6
Казанская				2 и 8[9]		2 и 8[9]				
Симбирская			30			6 и 3	3 и 4,5		4	3
Саратовская	20						8	4	12	10
Астраханская			17							
Приуральский район:										
Уфимская (Оренбургская)	60—70					2—5	6—4		3	1

В остальных губерниях посевы проса не показаны.

Полба

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Центральный земледельческий район:										
Пензенская			до 7		2—4			2,5		2
Средне-Волжский район:										
Нижегородская									3	1,5 и 4,5
Казанская				1,5—2 и до 4[10]	1,5—2 и до 4[10]					
Симбирская	6		30			3—2	2 и 1		3	неур.
Саратовская							7	1,5—2	3	3,5
Приуральский район:										
Уфимская (Оренбургская)						2	2 и 1,3			

В остальных губерниях посевы полбы не показаны.

[ш] Размеры посева крайне незначительны.

[9] В Свияжск. у. 2, в Спасском у. 8.

[10] Урожай до сам-4 указан для Казанского, Спасского и Тетюшского у.

IV. Хлебные цены[1]

1. Движение цен в 1760-е годы

Таблица 1

(в руб. за 1 чтв.)

Наименование губерний	Источник	Годы 1760—1761	1762	1763—1764	1765	1766	1767	1768	1769	1770
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
		Рожь								
Центральный промышленный район:										
Москва	Сен. анк				3	4				
Московская	»		1,3	1,3			2,8			
Владимирская	Разг.	1,0—1,2			1,0—1,8	1,7—2,5	2,5—3,2			
Калужская	ВЭО				0,6—1		2,3—2,4			
Костромская	Сем.	0,9		0,75	0,75		0,76	1	1	1,2
	ВЭО				0,7					
	Сен. анк. (Галицкая пров.)				1,52—1,68		2,1—2,4			
Ярославская	Сен. 6444 (Рыбинск)					1,3—1,4	1,7—1,8			
	Сем.	0,62—1,12		0,9—1,5	1,0—1,9	1,44—3,12	2,2—3,4	1,6—3,3	1,6—2,4	1,84—2,5
	Сен. анк.					1,3—1,8				
	XVI, 1066						2,5—2,7	1,6—1,8		
Северо-западный район:										
Тверская	ВЭО (Кашинский у.)				1,6					
	Сен. 6444				1,84—2,08	2,11—2,4				
Смоленская	Топ. оп.				1,4—1,8	3				
	Сен. анк.							3,75—4,6		
Петербургская	XVI, 189					2,8—2,97		2,8	2,8	
Центральный земледельческий район:										
Тульская	ВЭО					0,8—0,9				
	Сен. 6444 (Белёв)					1,4—1,8	2,35	—		
	Казар.		0,64				1,9			
Рязанская	ВЭО					0,63—0,72				
Орловская	Сен. анк.					0,75—0,5	1,1—1,15	—		
	ВЭО					0,5—0,7		1,4—1,7		
	Сен. 6444					0,45—0,5	—	1,1—1,15		
Тамбовская	Сен. анк.							1,06—1,8		
Воронежская						0,4—0,5				
Харьковская	ВЭО					0,5		1,1—1,3		
	Сен. анк. (Валуйки)							1—1,3		
Средне-Волжский район:										
Нижегородская	ВЭО (Арзамас)				0,6—0,8					
	Сен. 6444					1,5				
Казанская	XVI, 720	0,36—0,38	0,38—0,46	0,4—0,65	0,9—1,2	1,0—1,2	1,4—2,0			
	Сен. 6444				1,1—1,2	1,1—1,2				
	Сен. анк.			0,7	1,15	1,95				
	Фальк							1,17	1,08	
Симбирская	ВЭО				0,36—0,4					
	Сен. 6444					0,8—1,0 до 1,25				
Саратовская	Юров.	0,4								
Приуральский район:										
Пермская	Попов — Екатеринбург (мука рж.)	1,08—1,25	1,25	1,35	1,4	1,5	1,17	0,72	0,9	1,35
	Кунгур (рожь)	0,3—0,6 0,65—0,8	0,8—0,9	0,8—1,1	0,8—0,9	0,78—1,0	1,0—1,1	0,8—1,4	0,8—1,4	1,1—2,0
Пермская	Сен. анк.	—	0,78—0,8				1,0—1,3			
Уфимская (Оренбургская)	ВЭО				0,5—0,6					
Северный район:										
Вологодская	ВЭО					1				
	Сен. анк.			0,7—1	0,88—1,69	1,4—2,65	2—3,3	до 3,3		
Архангельская	ЦГИАЛ, IV 360	0,54—0,6	1,2; 1,8	1,2—1,7	1,5—1,74					
		0,8—1,09								
	Сен. анк. (Мезень)		1,2—1,6				1,8—2,4			
	Лепёхин									1,5

[1] См. примечание на стр. 484.

Продолжение

Наименование губерний	Источник	Годы: 1760–1761	1762	1763–1764	1765	1766	1767	1768	1769	1770
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Пшеница и пшеничная мука										
Центральный промышленный район:										
Москва и Московская губ.	Сен. анк.						3,2			
Владимирская	Разг.	2,1								
	Сен. анк.				1,6–2,5	2,5–2,8	2,8–3,9			
Калужская	ВЭО				1,8–2					
Костромская	Сем.	1,6		2,0			3,0		3,0	3,5
	ВЭО				1,5					
Ярославская	Сем.	1,3–1,42		1,6–2,9	1,8–2,4	2,2–3,6	3,0–4,25	2,56–4,0	2,8–3,5	2,8–4,0
	Сен. 6444				2,2–2,6	2,3–2,7				
	XVI, 1011						3,5–3,0	2,6–2,4		
Северо-западный промысловый район:										
Тверская	ВЭО — Кашинский у.				2,4					
	Сен. 6444					2,5–3,25				
Петербургская	XVI, 189					3,6–4,18 до 6,3		3,7–4,0 до 4,4	3,7–4,4	—
Центральный земледельческий район:										
Тульская	ВЭО — Каширский у.				1,5–1,6					
Тульская	Сен. 6444, Белёвский у.				2–2,25	3,25				
	Казар.		1,8				3,0			
Рязанская	ВЭО				1,2–1,6					
Орловская	ВЭО				1,3–1,5					
	Сен. 6444					1,6–2,2				
Тамбовская	Сен. анк.						2,4			

Воронежская	ВЭО				0,7					
Харьковская	ВЭО				0,6					
	Изюмская пров.				1,3					
	Сен. анк. Валуйская провин.						1,25–2,0			
Средне-Волжский район:										
Нижегородская	ВЭО — Арзамасский у.				1,0–1,5					
	Сен. 6444					1,6–2,25				
Казанская	XVI — 720	0,8–0,9	1,0–1,1	1,3; 1,7	1,5–1,7	1,6–2,2	1,4–2,6			
	Сен. 6444				1,5–1,7	2,4–2,7				
	Сен. анк. Цивильский у.			0,7	0,8					
	Фальк							2,58–2,7	2,58–2,7	—
Симбирская	ВЭО				0,8–1,0					
	Сен. 6444					1,3–1,6				
Саратовская	Юровский		0,6							
Приуральский район:										
Пермская	Попов — Екатеринбург	1,8–2,16	2,24	2,35–2,16	2,4	2,7	2,0	1,7	1,6	2,25
	Сен. анк.				1,44–1,6	2,0				
Уфимская (Оренбургская)	ВЭО				0,7–0,8					
Овёс										
Центральный промышленный район:										
Москва и Московская губ.	Сен. анк.						1,5			
Владимирская	Разг.	0,5–0,6								
	Сен. анк.				0,6–0,9	0,85–1	0,8–1,32			
	ВЭО				0,45–1					
Калужская	ВЭО				0,5–0,6					
Костромская	Сем.	0,5		0,55			0,6		0,7	0,8
	ВЭО				0,45					
	Сен. 6444				0,65	0,98				
Ярославская	Сем.	0,48–0,65	—	0,6–1,0	0,7–1,1	0,86–1,4	0,8–1,44	0,7–1,35	0,65–1,4	0,64–1,4
	Сен. анк. (Углицкий, Романовский, Ростовский у.)					0,95–1,05	0,4–0,65			
	Сен. 6444				0,85–1,0	0,95–1,3				
	XVI, 1011						1,2–1,1	1,1–0,9		
Северо-западный пром. район:										
Тверская	ВЭО — Кашинский у.				0,6–0,7					
	Сен. 6444				0,88–0,96	0,95–1,12				

Наименование губерний	Источник	Годы 1760–1761	1762	1763–1764	1765	1766	1767	1768	1769	1770
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Смоленская	Сен. анк. Бельский у.						1,0–1,3			
Петербургская	XVI, 189					1,3–1,4		1,2–1,0	1,2–1,0	
Центральный земледельческий район:										
Тульская	ВЭО — Каширский у. Сен. 6444 Белевский у. Казар.		0,45		0,5–0,6 0,7–0,8	1,05	0,7			
Рязанская	ВЭО				0,48–0,56					
Орловская	ВЭО Сен. 6444				0,35	0,58–0,54				
Тамбовская	Сен. анк.						0,6–0,8			
Харьковская	ВЭО Сен. анк.				0,25		0,45–0,7			
Средне-Волжский район:										
Нижегородская	ВЭО — Арзамасский у.				0,4–0,5					
Казанская	Сен. 6444 XVI, 320 Сен. анк.	0,24–0,3	0,26–0,5	0,32–0,6 0,3	0,5–0,72 0,4–0,5	0,75–1,0 0,6–0,84 0,6–0,8	0,4–0,7			
Симбирская	Сен. 6444 ВЭО Сен. 6444				0,6–0,65 0,2–0,3 0,56–0,7	0,6–0,65 0,5 и 0,6–0,8				
Саратовская	Юров.		0,26							
Приуральский район:										
Пермская	Сен. анк. Попов — Екатеринбург Кунгур	0,72–0,63 0,24–0,27 и 0,36–0,6	0,32–0,65 0,8 0,44–0,65	0,8–0,9 0,4–0,5	0,45–0,58	1,5 0,28–0,72	0,4–0,48 0,9 0,4–0,48	0,72 0,36–0,5	1,01 0,4–0,6	0,8 0,48–0,6
Уфимская (Оренбургская)	ВЭО				0,35					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Северный район:										
Вологодская	ВЭО Сен. анк.		0,43–0,73	0,6–0,97	0,5 0,57–0,64		0,6–1,0			
Ячмень										
Центральный промышленный район:										
Москва и Московская губ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Владимирская	Разг. ВЭО Сен. анк.	0,7–1,0 —			до 1,0 0,7–1,0 0,5–0,8	0,9–1,6	2,4			
Калужская	ВЭО									
Костромская	Сен. ВЭО	0,5		0,55			0,56		0,8	0,8
Ярославская	Сен. 6444 Сен. анк. Галицкая пров. Сем. Сен. 6444 XVI, 1011 Сен. анк. Углицкий у.	0,6–0,96		0,75–1,2	0,5–0,8 1,1 0,96–1,2 0,9–1,3 1,0	1,1 1,68–1,52 1,1–2,0 1,8	1,18–2,6 2,0–1,8 0,7–0,8	1,2–2,0 1,8–1,6	1,0–1,9	1,4–2,0
Северо-западный район:										
Тверская	ВЭО — Кашинский у. Сен. 6444					1,1 1,2–1,3	1,28–1,7			
Центральный земледельческий район:										
Тульская	ВЭО — Каширский у.				0,5–0,6					
Харьковская	Сен. 6444 Белевский у. ВЭО				0,9–1,2 0,3–0,5	1,4				
Средне-Волжский район:										
Нижегородская	ВЭО — Арзамасский у.				0,4–0,5					
Казанская	Сен. 6444 Сен. анк.			0,4–0,55	0,6–0,8	0,9–1,05 0,9				
Симбирская	Сен. 6444 ВЭО Сен. 6444				0,7–0,8 0,2–0,3 и 0,4	0,7–0,8 0,7–0,74				
Приуральский район:										
Пермская	Сен. анк. Попов — Екатеринбург Кунгур	0,9–1,08 0,36–0,5 0,65–0,85	0,8–0,9 1,17 0,8–0,9	0,99–0,9 0,8–1,1	1,25 0,8–1,0	1,3 0,4–1,0	1,0 0,8–1,0	0,8–1,0 1,72 0,7–1,0	1,08 0,32–1,2	0,[illegible] 0,6–1,[illegible]
Северный район:										
Вологодская	ВЭО Сен. анк. Яранский у.		0,72–0,97	0,72–1,6	0,9–1,0 0,96–2,16					

Таблица 2

2. Движение цен с конца 1770-х до 1790-х годов

(в руб. за 1 чтв.)

Наименование губерний	Источник	Годы								
		1778—1780	1781—1782	1783—1784	1785	1786	1787	1788	1789—1790	1792—1796
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
		Рожь								
Центральный промышленный район:										
Москва	59063 и 59330									
Московская	Вор. 413									5,7—4,1
	59478						3			
	59047									4—5
Владимирская	Разг.									3,2—4,25
	XVI, 636		1,6—2,2			4—5			4,5	4—5,5
	Муромский у. XVI, 638								1,8	
	59991			2,1—2,5						
Калужская	XVI, 383	1,28	1,2							4—5,5
	Драк.				1,6		8		2,8	
Костромская	Сем.	3,6		4,2			4,2	3,5	4	
	59291									4—5,25 4,5—3,6
Ярославская	Сем.	1,35—2,5	1,4—2,4	1,4—2,65	2,2—4,2	2,6—4,8	3,8—7	4,0—7,0	3,5—6	3,3—6,0
	59175									4,5—5,0
	Карн.	11—5,0								5,0
	XVI, 1012	1,4—1,6 до 3—3,5								
Северо-западный торгово-промысловый район:										
Тверская	Топ. оп.			1,75						
Смоленская	XVI, 352					3,2—4,5				4,3—5,0
	59174									3—4,2
	Вор. 410									2—2,75
Псковская	XVI, 783	2,5								
	XVI, 952						5—7			
	Вор. 411									
	Вор. 410									4—5,6
Петербургская	XVI, 504	2,7—2,2 и 3,4—3								4,5—4,8
	Вор. 412				3,65—4	5—6,4				
	Вор. 413						4,5—4,7			
	Вор. 410				3,6	5				
	59091									6,8—7
Прибалтийские губ.:										
Рижская	Вор. 412				3,9—4,5	5,4				
	Топ. оп.			2						
Ревельская	Топ. оп.			1,8—2,25						
Белорусские губ.:										
Полоцкая	Топ. оп.	2—1,8	2,4—2,5	2,4—2,7	3	3,8	5,5	7	7	5
Центральный земледельческий район:										
Тульская	XVI, 383	1,03	0,85							
	59176									3,5—4
	Казар.									3,5
	Щекатов.	0,8—1,3								
Орловская	XVI, 828				1,5—2,4					
	Биб. (Мценск)			0,9—0,93	1,6	2,5—2,6				2,0—3,0
Рязанская	59367				1—1,7	1,5—2,2				
	Вор. 411								4—4,5 и 2,5—3,5	
	Вор. 410				0,9—1,9	0,9—1,9				
Курская	Вор. 410							1,7—2,5		
	18800			0,64						
Тамбовская	XVI, 636							1,5		
	Вор. 410				0,9—1,9	0,9—1,9				
Пензенская	Булыг.	1—1,2					3—6,5			

Наименование губерний	Источник	Годы: 1778—1780	1781—1782	1783—1784	1785	1786	1787	1788	1789—1790	1792—1796
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Воронежская	XVI, 656					дек. 5,5		1,9—6,25		
	59290									2,4—3
	59795									1,5—2
	XVI, 1000 (мука)						1—3,1			
	Топ. оп.		0,65—1,1							
	Болх.		1,1—2							1,6—2
Средне-Волжский район:										
Нижегородская	Вор. 487									
	Н. Новгород и уезды						4—4,5 3—4,0			
	Снежн.							2,88		3,5
	XVI, 774 и 778				2,3—2,6					
Казанская	XVI, 725	1,3—1,2								
	Вор. 412					3		3,88—3		
	Вор. 410							3,35—3,9		
Симбирская	Вор. 410					2,6—3				
Саратовская	XVI, 656						3,5—4 3	2,7—2,8 —4,1		
Приуральский район:										
Вятская	59508									3,4—3,5
	Вор. 412							3,55		
Пермская	Попов — Пермь			1,52—2,08		3,2	3	2,64		1799 г. 4,8—2
	Екатеринбург	1,25	1,26	1,35—2,8	5,2—3	2,08—3,4	2—1,6	5,2—3	3—1,5— 1, 0,8	2—1,7
	Кунгур	1—1,6	1—1,44	1,3—2,6	1,25—2,3	2,4—3,06	2,5—3,78			2,7—3 6
	Красноуфимск				3,6	3,25	3,25	3,25	2,7—1,6	1,2-7,4-2
Северный район:										
Вологодская	XVI, 1012	до 2,5	до 1,5		2,6—3,8					
	XVI, 393 В. Уст.		1,2—2,2							
	59505									4—5
Архангельская	Топ. оп.		1,5—2,5							
Пшеница										
Центральный промышленный район:										
Москва	59066 и 59330									7—9,65
Московская	59043									6—6,8
Владимирская	Разг.	3,5—4				5			7	7
	XVI, 636									
	Муромский у.								3,5	
Калужская	XVI, 383	3,7	3,78							
Костромская	Сем.	4,2—4,5		4,6			4,8	5,2	7—6	7,5—8
Ярославская	Сем.	2—5,1	3,5	3,2—4,8	4—6,1	4—6	4,75—9	5,5—7,5	5,2—8	5—7—10
	XVI, 1012	2,5—3								
Северо-западный торгово-промысловый район:										
Смоленская	XVI, 952						4,4—5,0			
	Вор. 410					4—5				6—6,75
Псковская	XVI, 788	4								
	XVI, 952						5,2—8			
	Вор. 411									6,4—10
	Вор. 410									8—10
Петербургская	XVI, 504	4,5			5,7	6,3				
	59091				6,9	7,5				
	Вор. 410				5,7	6,38				7 [illegible]
Прибалтийский район:										
Ревельская	Топ. оп.			3						
Белоруссия:										
Полоцкая	Топ. оп.	4	4—5	4,5—4	4	5	6	8	9—8	[illegible]

Наименование губерний	Источник	Годы 1778—1780	1781—1782	1783—1784	1785	1786	1787	1788	1789—1790	1792—1796
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Центральный земледельческий район:										
Тульская	XVI, 383 Щек. Казар.	3,73 3,5—4,5	3,13							8
Рязанская	Вор. 411				3—4 4,5—5	3—3,6 4—5				
Орловская	XVI, 828 Биб.			3	3—4,9 4,5					
Курская	Вор. 410 18800			2,5			3—4,5			3,5—7
Тамбовская	XVI, 636								3	
Воронежская	XVI, 656 XVI, 1000 Топ. оп. Болх.	2,5—4					2,5—4,8		2,7	5—7
Средне-Волжский район:										
Нижегородская Н. Новгород	Вор. 487						5,17			
Нижегородский у.	» »						4—5			
Казанская	XVI, 725 Вор. 412 Вор. 410	3,7—3,3					3,4—4	3,4—4		
Симбирская	Вор. 410						3,5—4,5			
Саратовская	XVI, 656							3,8		
Приуральский район:										
Пермская	Попов — Пермь Екатеринбур. Кунгур	2,3—2,7	2,7—3	3—5,4	5,85—4	8,4 4,3—3,6	8 6,75—4,15	8 4,3—3,6	4,4 6,25—6,3 3,6	8—11
Северный район:										
Вологодская	XVI, 1012				3,1—6,56					
Овёс										
Центральный промышленный район:										
Москва	59066—59360									4—2,2
Московская	59043									3,2—3,8
Владимирская	Разг. XVI, 636 Муромский у.		0,8	1,3—1,5		1,1—2,25			2,5 1,3	3,25—3,5
Калужская	XVI, 383 Драк.	1	0,92							
Костромская	Сем.	1,7		2			2,3	1,4	2 1,9—1,8 1,8	2,9—2,3
Ярославская	Сем. Карн. XVI, 1012	0,8—1,5 1—1,5	0,8—1,35	0,7—1,8	1,1—2,25	1,1—2,4	1,7—2,8	1,5—2,8	1,8—3	2—3,6 2,5
Северо-западный торгово-промысловый район:										
Смоленская	XVI, 952					1,2—1,45 до 2				
Псковская	Вор. 410 XVI, 788 XVI, 952	1,5						2—2,8 1,5—1,6		1,6—2
Петербургск.	Вор. 411 Вор. 410 59091 XVI, 504 Вор. 412 59091	1,5—2			2,3	2,68				2,4—4 2,5—4 2,9—3,2 2,9—3,7
Прибалтийские губ.										
Рижская	Топ. оп.			1,1						
Ревельская	Топ. оп.			0,8—1,25						
Белорусские губ.										
Полоцкая	Топ. оп.	1,8—1,5	2,2—2	1,6—1,3	1,5	1,7	2,5	3	3,25—3	2,7
Центральный земледельческий район:										
Тульская	XVI, 383 Казар.	1,03	0,64							2
Рязанская	Вор. 411				1,2—1,7 до 2 до 1,9 1—1,6 0,8	1,25—2 0,68—1,1 до 1				
Орловская	Вор. 410 XVI, 828 Биб. (Мценск)			0,4						
Курская	Вор. 410 18800			0,32				0,6—1,2		1,6—4,5

Наименование губернии	Источник	Годы 1774—1780	1781—1782	1783—1784	1785	1786	1787	1788	1789—1790	1792—1796
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тамбовская	XVI, 636									
	Вор. 410								1	
Пензенская	Булыг.				до 1,9	до 1				
Воронежская	XVI, 656	1	1	1	2	2	2	2	2	2
	XVI, 1000						1,7	0,85		
	Топ. оп.						0,9—1,8			
	Болх.	0,6—1								
Средне-Волжский район:										0,7—1,9
Нижегородская	Вор. 487 — с Н.-Новгород									
	Вор. 487 — уезды Нижегор. губ.						2,2			
Казанская	XVI, 325	0,9					1,6—2,0			
	Вор. 412									
Казанская	Вор. 410						1,2—1,8			
Симбирская	Вор. 410					1,2—1,8				
Саратовская	XVI, 656						1,2—1,8			
Приуральский район:							1,4	2—2,2		
Пермская	Попов, Пермь			0,9—1,2		2	1,2	1,5	1,3	
	Екатеринбург.	1,03—1	1,08—1,5	1,65—3,3	4,5—2,4	3—2	4,05—1,6	4,5—2,4	3,7—2 1,15	1,8—2,6 2
	Кунгур	0,55—0,96	0,36—0,60	0,4—0,7 1,4	0,8—1,78	1,2—2	1,37—1,65	1—1,65	—	2,7—2,25
Северный район:										
Вологодская	XVI, 1012				1,35—2					
Ячмень										
Центральный промышленный район:										
Москва	59066 и 59330									4,05—3
Московская	59047									3,5—3,8

Наименование губернии	Источник	1774—1780	1781—1782	1783—1784	1785	1786	1787	1788	1789—1790	1792—1796
Владимирская	Разг.		1,2—1,1			2—2,5			1,5	1,75
	XVI, 636 Мур. у.									
Калужская	XVI, 383	1,07	1,03							
Костромская	Сем.	2,2		2,7			3,5	2,5	3,8—2,75	3—3,75
Ярославская	Сем.	1—2	1—2	1—1,8 3,6	1,6—2,7	1,8—3	2,2—4,5	2,1—4,5	2,5—4,2	2,6—5 3
	Корн.									
	XVI, 1012	1,2—1,8								
Северо-западный район:										
Смоленская	XVI, 952					1,8—3				
Псковская	XVI, 788	2					3,2—3,9			
	XVI, 952									4,5—5,4
	Вор. 411									
Петербургская	XVI, 504	2								4,5—5
	59091									4,5—6,5
	Вор. 410									
Прибалтийский район:										
Рижская	Топ. оп.			1,85						
Ревельская	Топ. оп.			1,8—2						
Белорусский район:										
Полоцкая	Топ. оп.	2,4—1,6	3—2,5	2,2—1,8	2,3	2,6	3	4	4,5—5	4
Центрально-земледельческий район:										
Тульская	XVI, 383	1,49	1,02							
	Щекат.	1,4—1,6								
Орловская	XVI, 828				2,2					
Курская	18800			1,2						1
Тамбовская	XVI, 636									
Воронежская	Топ. оп.	0,6—1								
Приуральский район:										
Пермская	Попов, Пермь			1,82		3,04				4,8—5—2,4
	Екатеринбург	1,67	1,08—1,6	3,65—2,5	5,1—2,5	3,65—2	4—2	5,1—2,5	7,2—2,7 1,6	3,6—6,3—3,4
Пермская	Кунгур	1,1—1,2	1,2—1,4	1,9—2,5	2,17—3,04 3,25	2,13—3,15 2,7	1,5—3,78 3,15	3	2,7	3,6—2,4 3,6—2,4
	Красноуфимск									2,7—5,4—3,6
	Чердынь									
Северный район:										
Вологодская	XVI, 1012				1,5—2,8					

Примечание. В Таблицы 1 и 2 включены лишь те губернии, по которым имелись конкретные показатели.

Для использованных источников приняты следующие обозначения: I. Для архивных источников: 1. Ответы на Сенатскую анкету 1767 г. — Сен. анк. 2. Ответы на анкету Вольного Экономического Общества — ВЭО. 3. Дело по запросу генерального прокурора Вяземского — Сен. 6444. 4. Губернаторские донесения из Разряда XVI в ЦГАДА — XVI и № дела. 5. Губернаторские донесения из фонда Дворцового отдела ЦГАДА — пятизначные цифры 58000 — 59500. 6. Материалы Центрального Государственного Исторического архива в Ленинграде — ЦГИАЛ, фонд, номер дела. 7. Дела «Комиссии о хлебе» из фонда Воронцовых в ЛОИИ — Вор. 410, 411, 412. 8. Материалы по Курской губ. из ЦГВИА, ВУА, д. 18800 — 18800. 9. Ведомости цен по Ярославской и Костромской губ. из фонда Семевского в архиве АН СССР — *Сем.* 10. Цены по Каширскому у., Тульской губ. из ответа на анкету из фонда Щекатова в архиве МОИДР (рукописный отдел библиотеки имени Ленина) — Щек. 11. Топографические описания — Топ. оп.

II. Материалы из печатных и рукописных монографических работ обозначаются именем автора: 1. По Ярославской губ. описание Е. П. Карновича — Карн. 2. По Воронежской губ. описание Е. Болховитинова — Болх. 3. По Пермской губ. описание Н. Попова — Попов. 4. По Казанской губ. описание путешествия Фалька — Фальк. 5. По Архангельской губ. «Дневные записки Ив. Лепехина» — «Лепехин». 6. По Нижегородской губ. публикация Снежневского в «Действиях Нижегородской ученой архивной комиссии — Снежн. 7. По Орловской губ. (Мценская пристань) статья Г. Н. Бибикова в «Исторических записках», кн. 4. — Биб., 8. По Калужской губ. статья Е. И. Дракохруст в «Исторических записках», кн. 5, — Драк. 9. По Владимирской губ. рукописная диссертация А. М. Разгона — Разг. 10. По Тульской губ. рукописная диссертация Е. А. Казариновой — Казар. 11. По Саратовской губ. монография А. И. Юровского. Саратовские вотчины. Сар. 1903. — Юров. 12. По Пензенской губ. диссертация (рукопись) И. А. Булыгина, Крепостное хозяйство Пензенской губ. в последней трети XVIII в., М. 1954, — Булыг.

Погодные показатели по возможности отражают амплитуду колебаний. В отдельных случаях, в частности для 1790-х годов, при наличии данных о значительном колебании цен мы отражали последовательность колебаний несколькими цифрами в одной графе, чтобы не расширять таблицы (см. Пермскую губ.).

3. Цены на хлеб за вторую половину XVIII в. по отдельным губерниям

(в руб. за 1 чтв.)

1. Петербург

Годы	Культуры								Источн.
	рожь	мука ржаная	овёс	ячмень	пшеница	мука пшеничная	гречиха	крупа разная	
1763		2,8 2,97	1,3—1,4			3,6—4,18 (до 6,3)		3,2—3,6 (пшено 5)	XVI, 489
1768 август . .	2,8	3—3,3 3,3—3,63	1,2—1		4	3,7—4 4—4,4		3—3,5	» »
1769 декабрь .	2,8	2,8—3,28	1,2—1		4	3,7—4,4		2,9—3,3	» »
1774 ноябрь . .		3,4—3,3			5,6				» »
1775		3—3,1	1,7—1,5	2,6	4,8	4,4—4,6		3,5—4,4 (пшено 6—7)	» »
1777 сентябрь .		2,6—2,97	1,7—1,4	—		4—3,8			XVI, 504
1778 март . . .		2,7—2,6	1,7—1,5			4—3,8		3,4—3,1	» »
1778 июнь . . .		2,5—2,3	1,5—1,15			3,8—3,6		2,7—3	» »
1778 август . .		2,3—2,2	1,5—1,15			3,6—3,4		2,6—3	» »
1779 январь . .		2,3—2,2	1,5—1,15	2	4,5	3,6—3,4		4,5—3	» »
1779 декабрь .		3,4—3,3	1,8—1,7	2	4,5	5,3—4,7		4,5—3,0 (пшено 7,2—5,8)	» »
1780 июнь . . .		3,0—2,9	2—1,8			5,3—4,7		5,2—4,8	» »
1785	3,63	4	2,3		5,7	6,9		7,48—5,5	Вор. 412
1786	5	6,4	2,64		6,38	7,5		5,72 (пшено и гречиха 9,9)	» »
1795 январь . .		6,6—6,8	3,7	6,5		8,5—10		12—13	59031
1795 март . . .		6,5—7	3,7	6,5		8,5—10		11,5	»
1795 сентябрь .		6,8	2,9—3	5,25		6,9		8,5—9,5	»
1795 ноябрь . .		6,8—7,3	2,9	4,5		8,5—10,5		8,5—10,0	»

2. Владимирская губ.[1]

Годы	Культуры							Источник
	рожь	овёс	ячмень	пшеница	гречиха	горох	семя конопляное	
1744		0,55	0,6					
1760	1	0,5—0,6	1	2,1	1,1	1,1	2,5	
1765	1—1,8	0,5—0,9	0,7—1	1,6—2,5				Сен. анк. ЦГИАЛ
1766	1,7—2,5	0,85—1	0,9—1,6	2,5—2,8				»
1767	2,5—3,2	0,8—1,32	2,4	2,8—3,9		2,4—2,8 до 3,6	2,64	»
1782 январь . .	1,6	0,8	1,2	3,5	2,4	2,5	2,8	
1782 сентябрь .	2,2	0,8	1,1	4	2,8	3	3	
1786 январь . .	4	1,1	2	5	2,8	4	4	
1786 сентябрь .	5	2,25	2,5	5	(3,45)	(5)	4	
1789	4,5	2,5	—	7	5	6	4,6	
1796	4—5,5		—	—				
1799 январь . .	3,75	2,25	6,75	7		7	4,75	
1799 сентябрь .	4	3,5		7		8	7	

[1] Таблица заимствована из диссертации А. М. Разгона, дополнена за 1765—1767 гг. данными из ответа на Сенатскую анкету 1767 г.

3. Полоцкая губ.[1]

Годы	Культуры							Источник
	рожь	овёс	ячмень	пшеница	греча	крупа		
						ячневая	гречневая	
1779	2	1,8	2,4	4,5	2			ЦГВИА, ВУА, д. 18354
1780	1,8	1,5	1,6	4	1,5			»
1781	2,4	2,2	3	4	2			»
1782	2,5	2	2,5	5	1,8			»
1783	2,4	1,6	2,2	4,5	1,6			»
1784	2,7	1,3	1,8	4	1,4			»
1785	3	1,5	2,3	4	—			»
1786	3,8	1,7	2,6	5	1,8	5,5	5,4	»
1787	5,5	2,5	3	6	3	6	6	»
1788	7	3	4	8	5	8	10	»
1789	7	3,25	4,5	9	5	9	10	»
1790	7	3	5	8	4	8	8	»
1791	6	3	5	10	5	10	—	»
1792	5	2,7	4	8,1	3,5	7	7	»

[1] Топографическое описание Полоцкого наместничества, ЦГВИА,ВУА, д. 18354, л. 14.

4. Ярославская губ.

Годы	Культуры					
	рожь	овёс	ячмень	пшеница	просо	гречиха
1760	0,62—1,12	0,48—0,65	0,6 —0,96	1,3 —1,92	1,6 —2,61	1,5 —2,6
1764	0,9 —1,5	0,6 —1,0	0,75—1,2	1,6 —2,9	2,5 —4,0	1,6 —2,0
1765	1,0 —1,9	0,72—1,1	0,9 —1,3	1,8 —2,4	2,5 —4,4	1,8 —2,3
1766	1,44—3,12	0,86—1,4	1,1 —2,0	2,2 —3,6	2,8 —4,6	1,6 —3,3
1767	2,2 —3,4	0,8 —1,44	1,18—2,6	3,0 —4,25	3,76—5,6	2,8 —3,6
1768	1,6 —3,3	0,7 —1,35	1,2 —2	2,56—4	3,2 —5,6	2 —3,36
1769	1,6 —2,4	0,65—1,4	1,0 —1,9	2,8 —3,5	3,5 —5,4	2,3 —3,2
1770	1,84—2,5	0,64—1,4	1,4 —2	2,8 —4	4,2 —5	2,4 —3,6
1773	1,7 —3,35	0,9 —1,7	1,4 —2,4	3,2 —5,95	4,8 —6	2,88—3,5
1774	1,7 —3,4	0,9 —2,3	1,4 —2,2	2,7 —4,55	4,0 —7,2	2,0 —5,0
1775	2,3 —4,16	1,2 —2,3	1,68—2,6	3,34—5,75	5,4 —9	4,4 —6,5
1776	1,55—3,2	1,15—2,2	1,5 —2,3	3,2 —6,8	5,0 —7,9	2,5 —5,2
1777	1,5 —2,7	0,85—1,5	1,2 —2	2,8 —4,1	4,5 —7,2	1,8 —4,5
1778	1,25—1,8	0,8 —1,2	1,04—1,7	2,2 —5,5	3,6 —6,5	2,0 —3,2
1779	1,35—2,5	0,8 —1,5	1,0 —1,8	2,0 —5,5	3,25—6,5	2,0 —4,2
1780	1,55—2,5	0,9 —1,5	1,3 —2	1,6 —5,5	4,0 —7,5	3,0 —4,8
1781	1,5 —2,7	0,8 —1,8	1,0 —1,8	3,5 —5,6	5,0 —8,2	2,5 —4,3
1782	1,4 —2,35	0,7 —1,35	1,3 —2,0	3,0 —4,5	5,6 —8,3	2,0 —3,5
1783	1,4 —2,4	0,7 —1,4	1,0 —1,8	3,2 —4,4	4,3 —6,2	2,0 —3,0
1784	1,8 —2,65	0,88—1,8	1,2 —3,6	3,5 —4,8	4,5 —8,9	2,6 —4,6
1785	2,2 —4,2	1,1 —2,25	1,6 —2,7	4,0 —6,1	5,4 —10,5	3,5 —6,0
1786	2,6 —4,8	1,1 —2,4	1,8 —3,0	4,0 —6,0	6,0 —9,0	3,0 —5,5
1787	3,8 —7,0	1,7 —2,8	2,2 —4,5	4,75—9,0	5,0 —11,0	4,0 —7,3
1788	4,0 —7,0	1,5 —2,8	2,1 —4,5	5,5 —7,5	7,0 —11,0	4,0 —7,5
1789	3,5 —6,5	2,0 —3,0	2,5 —4,1	5,5 —8,5	4,7 —11,0	4,2 —7,0

Годы	Культуры[1]					
	рожь	овёс	ячмень	пшеница	просо	гречиха
1790	3,3 —6,0	1,8 —2,9	2,6 —4,2	5,2 —8,0	5,3 — 9,0	2,7—6,5
1791	2,6 —4,8	1,6 —2,25	2,5 —3,6	4,0 —7,95	5,5 — 9,0	3,6—5,8
1792	3,3 —5,4	1,6 —3,8	2,35—4,8	4,8 —7,6	5,9 —11,0	7,0—7,0
1793	3,6 —9,0	2,0 —3,6	2,6 —6,2	5,0 —7,76	7,0 —12,0	4,6—7,0
1794	3,75—5,5	2,0 —3,8	3,0 —6,2	6,0 —8,6	10,0 —13,5	4,4—8,8
1795	4,0 —5,5	1,9 —3,6	2,8 —4,7	5,3 —9,75	9,0 —13,6	5,6—8,8
1796	4,0 —7,5	2,0 —3,4	2,8 —4,95	7,0 —10,5	9,0 —13,5	5,0—8,4
1797	3,0 —6,4	2,0 —3,6	2,0 —4,9	8,0 —9,5	7,5 —13,0	4,5—6,4
1798	3,8 —5,75	2,0 —3,2	3,0 —4,5	7,0 —10,4	7,0 —12,0	5,0—8,0
1799	3,6 —5,3	2,3 —3,55	3,0 —4,2	4,0 —10,4	7,0 —12,0	5,5—8,0
1800	3,4 —5,0	2 —3,6	3,5 —5,0	6,0 —10,0	8,5 —12,8	4,5—8,8
1801	3,5 —5,6	1,8 —3,0	3,0 —4,7	7,0 —11,0	7,0 —13,15	4,6—7,2
1802	4,4 —5,35	2,25—2,35	3,95	8,2 —8,75	8,5 — 9,5	6,2—6,95

[1] Таблица заимствована из работы Андреева «Статистическое описание Ярославской губ., 1817 г.» (видимо, рукописное, по «Вольному экономическому обществу»). Воспроизводится по материалам фонда В. И. Семевского в Архиве АН СССР, ф. 489, д. 290.

5. Костромская губ.[1]

Годы	Культуры						Источник
	рожь	овёс	ячмень	пшеница	просо	гречиха	
1760	0,7	0,5	0,5	1,6	2	0,6	
1764	0,75	0,55	0,55	2	2,1	0,9	
1767	0,76	0,6	0,56	3	2,14	1,2	
1769	1	0,7	0,8	3	2,4	1,25	
1770	1,2	0,8	0,8	3,5	2,4	1,4	
1771	2	1	0,8	3,5	2,6	1,5	
1772	2,56	1	0,9	4	2,6	1,5	
1773	3	1,2	1	4	3	1,6	
1774	3	1,8	2,2	5	3,5	2,50	
1775	3,5	1,2	1,5	4	3,5	1,8	
1776	3,5	1,5	1,8	4,2	4	2	
1777	3	1,4	2	4,2	4,5	2,3	
1780	3,6	1,7	2,2	4,5	4,2	2,8	
1784	4,2	2	2,7	4,6	4,8	4	
1787	4,2	2,3	3,5	4,8	6	4,3	
1788	3,5	1,4	2,5	5,2	7	5,1	
1789	4	1,9	3,8	7	8	5,1	
1790	4	1,8	2,75	6,2	7	4	
1795	4	2,92	3	7,5	8,06	6,47	
1797	5,25	2,32	3,25	8	8	5,75	
1800	3,6	2,3	3,1	7,2	9	5,5	
1802	5,1	2,47	3,7	8,5	9,5	5,81	
1805	5,4	3,2	4	7,8	9,6	5,9	

[1] Таблица заимствована с некоторыми сокращениями из бумаг В. И. Семевского в архиве АН СССР (ф. 489, д. 290). Извлечена В. И. Семевским из работы А. И. Нечаева и П. М. Кобылина «Описание Костромской губ., Нерехтского у., 1805 г.» (видимо, рукописное).

6. Пермская губ.[1]

а) Пермь

Годы	Культуры					
	рожь	мука ржаная	овёс	ячмень	мука пшеничная	крупа разная
1783	1,52		0,9	1,52		
1784	2,08		1,2	—		
1786	3,2		2	3,01		4,5—5,4
1787	3,04		1,2			
1788	2,64		1,5			6,3
1790			1,3			7,2
1791			0,8			7,2
1792			1,8			9
1793			2,2			9
1794			2,2			11,7
1795	4,8		2,4	4,8		12,6
1796	4,48		2,6	4,96	8,4	11
1797	5,2		3	5,5	8,0	12,6
1798	4,8		2,6	5	8,0	11,7
1799	2		1,6	2,4	4,4	7,2
1800	0,9		1,95	1,15		10,8
1801			1,6			9
1802			4			1[illegible],6

6. Пермская губ.

б) Кунгур

Годы	Культуры			
	рожь	овёс	ячмень	пшеница
1760	0,3 —0,6	0,24—0,76	0,36—0,5	
1761	0,65—0,8	0,36—0,6	0,65—0,85	
1762	0,76—0,8	0,44—0,66	0,8 —0,9	
1763	0,7 —0,96	0,1 —0,15	0,8 —1	
1764	0,9 —1,1	0,4 —0,5	0,9 —1,1	
1765	0,8 —0,9	0,45—0,58	0,8 —1	
1766	0,78—1	0,28—0,72	0,4 —1	1,44—1,6
1767	1 —1,1	0,4 —0,48	0,8 —1,9	2
1768	0,8 —1,4	0,36—0,5	0,7 —1	
1769	0,8 —1,4	0,4 —0,6	0,32—1,2	
1770	1,1 —2	0,48—0,6	0,6 —1,9	
1771	1 —1,4	0,4 —0,66	1,05—1,3	
1772	0,8 —1,3	0,2 —0,73	0,6 —1,2	
1773	0,66	0,4 —0,48	0,72	
1774	0,7 —1,4	0,58—0,88	0,8 —1,2	
1775	1,3 —1,55	0,65—1,1	1,2 —1,25	

[1] Ведомости цен по Пермской губ. заимствованы из работы Н. С. Попова «Хозяйственное описание Пермской губ.», т. II, Пермь 1804, изд. 2, Спб. 1813. Приложения.

Годы	Культуры			
	рожь	овёс	ячмень	пшеница
1776	1,35—1,5	0,48—0,86	1,16—1,4	
1777	1,1 —1,6	0,5 —0,64	1,15—1,3	
1778	1—1,4	0,55—0,96	1,15—1,55	
1779	1—1,6	0,45—0,8	1,1 —1,2	
1780	1,05—1,1	0,36—0,6	1,1 —1,2	
1781	1,2 —1,44	0,36—0,5	1,2 —1,32	
1782	1,3 —1,4	0,4 —0,76	1,3 —1,4	
1783	1,3 —1,8	0,7 —1,4	1,3 —1,8	
1784	1,81—2,62	0,8 —1,78	1,85—2,5	
1785	1,85—2,9	1,2 —2	2,17—3,04	
1786	2,43—3,06	1,37—1,65	2,53—3,15	
1787	2,5 —[illegible],78	1—1,65	1,5 —3,78	

6. Пермская губ.

в) Красноуфимск[1]

Годы	Культуры				
	рожь	овёс	ячмень	пшеница	крупа разная
1785	3,6	0,31	0,36		6
1786	3,25	0,30	0,30		7
1787	3,25	0,22	0,35		6,75—7
1788	3,25	0,21	0,34		6,75—7
1789	2,7	0,20	0,30		6,75—7
1790	1,6	0,25	—		9—7,2
1791	1,2	0,27	—		7
1792	1,2	0,17	—		6,5
1793	2,4	0,27	—		8,1
1794	2,5	0,26	0,40		9
1795	2,4	0,38	—		9
1796	6,1	0,80	—		11,25
1797	7,4	0,90	—		13,5
1798	—	0,35	—		9,8
1799	—	0,23	—		9,8
1800	—	0,28	—		8,1
1801	1,9	—	0,28		6,6
1802	2,25	0,[illegible]8	0,30		7,2
1803	3,7	0,70	0,55	9	11

[1] Цена ржи и крупы в таблице Н. С. Попова исчислена в пудах и нами переведена на четверти в соответствии с остальными показателями.

6. Пермская губ.

а) Екатеринбург

Годы	рожь	мука ржан.	овёс	ячмень	пшеница	мука пшеничная	крупа разная
1760		1,08	0,72	0,9		1,8	
1761		1,25	0,63	1,08		2,16	
1762		1,25	0,8	1,17		2,34	
1763		1,35	0,8	0,99		2,25	
1764		1,35	0,9	0,9		2,16	
1765		1,4	1,25	1,25		2,4	
1766		1,5	1,5	1,3		2,7	
1767		1,17	0,9	1		2	
1768		0,72	0,72	0,72		1,7	
1769		0,9	1,01	1,08		1,6	
1770		1,35	0,8	0,9		2,25	
1771		1,08	0,9	1		2,07	
1772		1,08	1	0,9		2	
1773		1,08	0,9	1		2,07	
1774		1,17	0,9	1		2	
1775		1,35	0,8	0,9		2,16	
1776		2,05	1,35	1,35		2,9	
1777		2,07	1,35	1,35		3,15	
1778		1,25	1,08	1,17		2,7	
1779		1,25	1,08	1,17		2,7	
1780		1,25	1	1,17		2,34	
1781	1,35	1,35	1,08	1,08		2,7	3,5 —4,5
1782	1,53—1,26	1,7 —1,35	1,5 —1,08	1,6 —1,08		3—2,25	4,5 —5
1783	2,7 —1,35	2,8 —1,75	3,15—1,35	3,15—1,44		4—3	4,5 —5,4
1784	2,9 —2,8	4 —2,7	3,3 —2,3	2,8 —2,5		5,4 —4,15	10,8
1785	5,2 —3	5,6 —2,7	4,5 —2,4	5,1 —2,5		5,95—4	6,3 —9
1786	2,08—3,4	3,5 —2,07	3,06—2	3,15—2		4,3 —3,6	9—7,2
1787	2 —1,5	5,95—2,25	4,05—1,6	4—2		6,75—4,15	9—5,4
1788	5,2 —3	5,6 —2,2	4,5 —2,4	5,1 —2,5		4,3 —3,6	9—15
1789	2,8 —1,8	4—2	3,7 —1,9	7,2 —3		6,75—6,3	11—8
1790	1,8 —1,08	2,16—1,17	2,07—1,17	2,7 —1,6		5,95—3,6	7—6
1791	1	1,17—0,72	1,7 —1,08	1,6 —0,9		3,6 —2,7	7—4
1792	2,07—0,9	2,25—1,08	3,15—1,7	2,25—0,8		8,1 —5,4	11—5
1793	3,4 —1,7	5,4 —2	—	3,6 —1,8		6,3	10—7
1794		3,8	—	3,6		10,8	14—8
1795		8,8	—	6,3 —3,4		10,8	14—9
1796		8,7	—			11,25	14
1797		8,56	—			9,9 —9	14—12
1798		4,7 —3,4	—				14— 6
1799	2,07—1,9	2,5 —2,3	3,6 —2,25				11—5,4
1800		2,4					
1801		2,4 —2,3				4,95	11—9
1802		2,4 —2,3				4	11—9

Таблица 4.

Колебания хлебных цен внутри губерний

(поуездно)

(в руб. за 1 чтв.)

1. Рязанская губ., 1785 и 1786 гг.[1]

	1785 г.				1786 г.			
	Рожь	Пшеница	Овёс	Греча	Рожь	Пшеница	Овёс	Греча
г. Рязань	1,40—1,60	4	1,30—1,70	2,50—1,50	2 —2,50	4	1 —1,60	1,50—1,70
Ряжский у.	1 —1,30	3—4	1,20—1,60	2	1,50—2,20	3,80—4	0,90	0,90—1,40
Сапожковский	2,20—1,85	3—3,30	1—2	3—2,50	1,10—1,20	2,80—3,20	0,70—0,90	0,80—1,25
Данковский	1,40—1,70	2,60—3,20	1,20—1,40	2—4	1,60—1,80	3,10—3,60	0,65—1,10	1 —1,25
Касимовский и Михайловский	1,60—3	3,20—4,50	1,30—1,70		3—2	3,25—3,60	0,90—2	—
Егорьевский	2,50—3,50	5 —4,50	2 —1,80	2,50—3,20	2,80—3,60	5 —4,50	1,35—1,25	1,70—2,50
Зарайский	2,50	4,10—4,30	2 —1,25	4 —2,30	2,50—3,80	4,05—4,30	1,30—1,90	2,35—2,10

[1] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 411, л. 281.

2. Орловская губ., 1785 г.[1]

	Рожь	Мука ржаная	Пшеница	Греча	Овёс	Крупа гречневая	Пшено
Орёл	2	2	4	2	1,50	4	5,50
Севск	1,68	2,04	4	—	1,20	3,74	—
Елец	1,50	1,60	3,25	1,80	1,35	3,75	4,25
Карачев	2,10	2,50	4,40	1,80	2,40	3,80	5,50
Брянск	—	2,25	4	—	1,65	4,40	5,60
Мценск	2	2,15	4,50	1,60	1,30	3,60	5,50
Трубчевск	2,40	2,80	4,90	2,10	1,50	4,20	—
Ливны	1,40	1,60	3	1,30	1	3,50	4,50
Дмитриев	1,80	2	3,80	—	1,40	2,80	—
Малоархангельск	1,28	1,35	3	1,40	1	4	—

[1] ЦГАДА, XVI, 828, л. 24—27.

3. Псковская губ., 1792 г.[1]

	Рожь	Пшеница	Ячмень	Греча	Овёс	Сено за 1 пуд
	за 1 чтв.					
г. Псков	4,80	9,60	3,60	3,60	2,96	0,25
Псковский у.	4,84	—	4,16	—	2,88	0,25
г. Остров	5,20	8	4,40	4	3,60	0,25
Островский у.	6	8	5	5	3	0,30
г. Опочка	5	—	—	5,20	3,80	0,15
Опочский у.	6,50	11	6	6,50	4	0,30
г. Новоржев	4,80	5,60	4	—	2,40	0,20
Новоржевский у.	5,50	6	6	10	3,50	0,25

[1] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 411, л. 256.

	Рожь	Пшеница	Ячмень	Греча	Овёс	Сено за 1 пуд
	за 1 чтв.					
г. Великие Луки	4,80	10	3,76	3,60	2	0,15
Великолукский у.	5,30	10,20	3,40	3,65	3,35	0,20
г. Торжок	6,40	8,80	—	—	2,80	0,18
Новоторжский у.	6,40	8	3,20	3,20	2,95	0,20
г. Холм	5,60	6,80	4	2,70	2,80	0,20
Холмский у.	6	6,80	5,20	4,80	3,20	0,20
г. Порхов	4,50	8	3,50	3,50	3	0,25
Порховский у.	6	8	5,40	4,45	4	0,30
г. Печорск	4	10	3,60	3,20	3,76	0,20
Печорский у.	4,80	4,80	4,40	4,40	4	,22

4. Смоленская губ., 1787 г.[1]

	Рожь	Овёс	Ячмень	Крупа гречн.
Смоленская	3,90	1,80—2	2,40	5,20
Белая	4,50	1,80—2	2,80	5
Дорогобуж	5	1,80—2	1,80	5,50
Вязьма	4,80	1,80—2	3	4,80
Поречье	3,80	1,20—1,45	2,40—2,80	4,80
Гжатск	4	1,75	2,40—2,80	4,50

[1] Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 411, л. 79 об. — 80.

Таблица 5

Колебания хлебных цен по месяцам

Владимирская губ., 1782 г.

	Рожь	Пшеница	Овёс	Ячмень	Крупа гречневая	Горох
Январь	1,60	3,50	0,80	1,20	2,40	2,50
Февраль	1,60	3,80	0,80	1,20	2,40	2,40
Март	2	4	0,90	1,30	2,80	2,80—2,70
Апрель	2,20	4,20	1	1,40	2,80	2,80
Май	2	4	—	1,50	—	2,80
Июнь	2	4	1	1,45—1,40	2,80	3
Июль	2	4	1,0 —0,95	1,45—1,40	2,75	3
Август	2,20	4	0,90—0,95	1,40	2,30—3	3
Сентябрь	2,20—2,10	4 —3,90	0,80—0,75	1,10—1	2,80	3
Октябрь	2,20—2,10	4,20—4,10	0,80—0,75	1,10—1	2,80	3,50
Ноябрь	2	4	0,80	1,10	2,80	3,50
Декабрь	1,80	4	0,80	1,20	2,40	2,80

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЦГАДА — *Центральный Государственный Архив Древних Актов*
ЦГИАЛ — *Центральный Государственный Исторический Архив Ленинграда*
ЛОИИ — *Ленинградское Отделение Института Истории*
ЦГВИА — *Центральный Государственный Военно-исторический Архив*
ВУА — *Военно-ученый архив (в составе ЦГВИА)*
ГИМ — *Государственный Исторический Музей*
ОПИ — *Отдел письменных источников (архивное собрание ГИМ)*
ф. — *фонд*
оп. — *опись*
р. — *разряд*
д. — *дело*
ч. — *часть*
л. — *лист*
об. — *оборот листа*
п. — *пункт (параграф)*
ВЭО — *Вольное экономическое общество*
Труды ВЭО — *Труды Вольного экономического общества*
Сб. РИО — *Сборники Русского Исторического общества*
ПСЗ — *Полное Собрание Законов*
губ. — *губерния*
у. — *уезд*
пров. — *провинция*
г. — *город*
с. — *село*
с-цо — *сельцо*
сл. — *слобода*
д. — *деревня*
д. м. п. — *душ мужского пола*
д. ж. п. — *душ женского пола*
д. о. п. — *душ обоего пола*
дес. — *десятин*
чтв. — *четвертей*
чтк. — *четверик*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Введение 5

Глава первая. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ . . . 24

1. Постановка вопроса . . . . —
2. Развитие купеческого землевладения 28
3. Покупка и аренда земли крестьянами 38
4. Наступление феодалов на крестьянскую собственность . . . 49
5. Генеральное межевание 62
6. Итоги 72

Глава вторая. ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ОБРОК И БАРЩИНА 73

1. Маркс об исторической эволюции феодальной ренты . . . . —
2. Распространение денежного оброка 79
3. Соотношение отдельных форм феодальной ренты 92
4. Барщина и оброк в Московской губернии 102
5. Центральный промышленный и Западный районы 112
6. Центральный чернозёмный район и Среднее Поволжье . . . 118
7. Итоги 127

Глава третья. ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО 131

1. Помещичьи инструкции 132
2. Экономическая литература об организации господского хозяйства 144
3. Организация обложения крестьян 149
4. Размеры оброка и барщины 156
5. Значение хлебопашества в господском хозяйстве 167
6. Значение технических культур, садоводства и огородничества 174
7. Луга и пастбища. Скотоводство 179
8. Лесное хозяйство 187
9. Промышленное предпринимательство 193
10. Итоги 199

Глава четвёртая. КРЕСТЬЯНСКИЙ НАДЕЛ. ЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА 203

1. Постановка вопроса . . . . —

2. Центральный промышленный и Западный районы 215
3. Центральный чернозёмный район 221
4. Среднее Поволжье и Север 228
5. Надел и расслоение крестьянства 231

Глава пятая. ЭКОНОМИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА 242

1. Хлебопашество в крестьянском хозяйстве промышленного центра и северо-западных районов 243
2. Товарное крестьянское хлебопашество в чернозёмных губерниях 251
3. Крестьянское хлебопашество в средневолжском и восточном районах 262
4. Технические культуры, огородничество, садоводство и использование лесов в крестьянском хозяйстве 267
5. Сенные покосы. Скотоводство 280
6. Пчеловодство. Рыболовство 295
7. Промышленно-промысловое предпринимательство и отход . . 302
8. Итоги. Товарность и доходность крестьянского хозяйства . . 311

Глава шестая. ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. 317

1. Постановка вопроса . . . . —
2. Развитие хлебопашества 321
3. Порайонное распределение зерновых культур 335
4. Состояние агротехники 343
5. Урожайность 353
6. Недороды 363
7. Обеспеченность хлебом по районам 371
8. Технические культуры 382
9. Скотоводство и рынок скота 389
10. Рынок хлеба и других сельскохозяйственных продуктов . . . 401
11. Движение хлебных цен 411
12. Итоги 419

Заключение 422

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Обеспеченность землёй на 1 д. м. п. (в дес.) 434
II. Данные о посеве и урожае за 1770-е — 1790-е годы по ведомостям губернаторов 444
III. Урожайность по культурам 454
IV. Хлебные цены 470
1. Движение цен в 1760-е годы . . . . —
2. Движение цен с конца 1770-х до 1790-х годов 476
3. Цены на хлеб за вторую половину XVIII в. по отдельным губерниям 485

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 493

174

Рубинштейн Николай Леонидович

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Редакторы *П. Эхин* и *Л. Фридберг*

Оформление художника *Н. Седельникова*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственный корректор *Л. Ван-Заам*

Сдано в набор 24 декабря 1956 г. Подписано в печать 25 мая 1957 г. Формат $60 \times 92^{1}/_{16}$. Физ. печ. л. 31. Условн. печ. л. 31. Учётно-изд. л. 31,77. Тираж 4 тыс. экз. А-05124. Заказ № 1901. Цена 13 руб.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
27	6 снизу в таблице	110	10
59	6 снизу	Чернавского	Чернского
93	23 сверху	Симбирской	Нижегородской
188	19—20 сверху	новых судостроительных заводов	новых заводов
211	11—10 снизу	концентрация	конкретизация
337	18 сверху	(90%)	(50%)
366	18 снизу	Дивенский	Ливенский
377	Все напечатанное в колонке 8 читать в колонке 7 (товарные излишки)		
397	3 снизу в таблице	Дешианский	Дешкинский
446	6—7 сверху в таблице	Полоцкая... Могилёвская...	Полоцкая и Могилёвская

Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в.